4П кн. 5. ч. 1
30
0-28

Б Ф
I

DT
30
.028

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

1389/7

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей Н. А. Попова.

Предсѣдателя Отдѣла.

ЦѢНА 2 РУБ. 50 КОП.

МОСКВА.
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.
1877.

DT
30
O28
Ефименко, П.С.
Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии... Ч.1.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX.

DT
30
O28

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

1389/7

Подъ редакціей Н. А. Попова.

Предсѣдателя Отдѣла.

МОСКВА.
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.
1877.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
531633

Печатается по опредѣленію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

Президентъ *Г. Е. Щуровскій.*

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

Д. ЧЛ. ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ, СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ЧАСТЬ I.

ОПИСАНІЕ ВНѢШНЯГО И ВНУТРЕННЯГО БЫТА.

МОСКВА.
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.
1877.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ.

И. Имп. Русскаго Географическаго Общества. Члена-Корреспондента Этнографическаго отдѣленія Московскаго Университета.

ЧАСТЬ I.

ОПИСАНІЕ ЖИЛИЩА И ВНУТРЕННЯГО БЫТА.

МОСКВА.
Въ типографіи Э. Е. Лисснеръ. Цвѣтной, Каменной домъ № 44.
1877.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 1874 года П. С. Ефименко, нынѣ д. чл. Общества Любителей Естествознанія, проживавшій тогда въ Воронежѣ и уже извѣстный своимъ сочиненіемъ „О народныхъ юридическихъ обычаяхъ Архангельской губерніи," а равно и другими изслѣдованіями по Этнографіи того же края, прислалъ въ нашъ Отдѣлъ Сборникъ произведеній народнаго слова, записанныхъ на крайнемъ Сѣверѣ Европейской Россіи. Этотъ сборникъ составленъ былъ отчасти самимъ П. С. Ефименкомъ, отчасти мѣстными жителями, приступившими къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ по программамъ, разосланнымъ отъ Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Онъ заключалъ въ себѣ: нѣсколько старинъ, или былинъ, стихи нищей братіи, значительное число пѣсенъ,—вечериночныхъ, наулочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, обрядовыхъ, игорныхъ, шуточныхъ и дѣтскихъ; около 600 заклинаній, наговоровъ и оберегов, нѣсколько сказокъ, загадокъ и небольшіе сборники пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, шутокъ и народныхъ изреченій. Тогда-же, по докладѣ Предсѣдателя о содержаніи означеннаго Сборника, рѣшено было благодарить П. С. Ефименка за присланные имъ матеріалы, просить о дальнѣйшемъ сообщеніи таковыхъ и пригласить членовъ Отдѣла, спеціально занимающихся изученіемъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, заговоровъ и т. д., къ систематической обработкѣ вышеисчисленныхъ матеріаловъ *). Оцѣнку ихъ принялъ на себя д. чл. Общества Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ **).

Между тѣмъ П. С. Ефименко успѣлъ выслать новые матеріалы для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, могущіе служить пособіемъ преимущественно при описаніи внѣшняго и внутренняго быта означеннаго населенія. Матеріалы эти были слѣдующіе:

1. Планы крестьянскихъ жилищъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, съ краткимъ описаніемъ ихъ (составилъ становой приставъ *Шафринъ*).
2. Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда (волостнаго писаря П. А. Иванова).
3. Одежда Пинежскихъ крестьянъ (его же).
4. Пища Пинежскихъ крестьянъ (его же).
5. О религіозномъ состояніи Пинежскихъ крестьянъ (его же).
6. Расколъ въ Пинежскомъ уѣздѣ (его же).
7. Вѣрованіе Пинежскихъ крестьянъ (его же).

---

*) См Труды Этногр. Отд. кн. III. Вып. 1, стр. 98—100.

**) Тамъ-же; кн. IV, стр. 1, 6. Срв. 2 выпускъ сего изданія, гдѣ помѣщена статья г. Квашнина-Самарина о значеніи былинъ, вошедшихъ въ составъ сборника.

8. Вѣрованія крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (миссіонера—священника *І. Павловскаго*).

9. Примѣты Холмогорскихъ крестьянъ (смотрителя Холмогорскаго Уѣзднаго Училища *Базилевскаго*.

10. Примѣты, гаданія и суевѣрія жителей Архангельской губерніи (учителя Холмогорскаго приходскаго училища *Елизарова*).

11. Обряды, обычаи и игры Пинежскихъ крестьянъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).

12. Хороводныя пѣсни мѣщанъ г. Онеги (бывшаго студента *Фризе*).

13. О народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи (врача *Липницкаго*).

14. Простонародная медицина Шенкурскаго уѣзда (фельдшера *Костылева*).

15. Крестьянскій цвѣтникъ или травникъ (составилъ бывшій студентъ *Тычинскій*).

16. Нарѣчіе Пинежанъ (волостнаго писаря *Иванова*).

17. Нарѣчіе крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (чиновника удѣльнаго вѣдомства *Густановскаго*).

18. Словарь Шенкурскихъ провинціализмовъ (фельдшера *Костылева*).

19. Дополнительныя замѣтки къ этнографическимъ свѣдѣніямъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).

20. Этнографическія свѣдѣнія о населеніи Зимняго Берега Архангельскаго уѣзда (священ. *Розанова*).

21. Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда чрезъ удѣльные приказы.

22. Этнографическія свѣдѣнія о Тулгасскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Макарова*).

23. Этнографическія свѣдѣнія изъ села Усть-Пуй Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Меводіева*).

24. Этнографическое описаніе Сумскаго посада Кемскаго уѣзда (чиновника *Шешенина*).

25. Курейско-Сергіевскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (священника *Тарапина*),

26. Пингишенскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (свящ. *Колчина*).

27. Описаніе Куростровскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Васильева*).

28. Описаніе Хаврогорскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *И. Павловскаго*).

29. Описаніе Челмохотскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Гильбовскаго*).

30. Описаніе Лисестровскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Ѳедорова*).

31. Описаніе Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Вахрамѣеву*).

32. Описаніе Нижмозерскаго прихода Онежскаго уѣзда (свящ. *Дьячкова*).

33. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).

34. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (на карточкахъ, Александры *Ефименко*).

35. Программа для этнографическаго описанія Русскаго населенія Архангельской губерніи и другіе матеріалы (*П. Ефименка*).

Всѣ эти матеріалы въ обработанномъ видѣ должны были войдти въ предполагавшееся „описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“; но оно не состоялось, частію по недостатку средствъ, частію по другимъ причинамъ, и этнографическіе матеріалы, для него предназначавшіеся, остались необработанными и неизданными *). Такъ какъ г. Ефименко желалъ видѣть *всѣ* матеріалы, присланные имъ въ Отдѣлъ, изданными въ цѣлой ихъ совокупности, то и рѣшено было напечатать сводъ свѣдѣній, какія можно было извлечь изъ этихъ матеріаловъ, по слѣдующимъ отдѣльнымъ статьямъ: а) общія

*) Тамъ же; кн. IV стр. 4—6.

свѣдѣнія о населеніи; б) внѣшняя обстановка, т. е. поселенія, жилища, хозяйственныя постройки, утварь и посуда; в) одежда и обувь; г) пища и питье; д) свадебные обряды; е) обряды и игры въ теченіе года; ж) нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; з) народное лѣченіе; и) свѣдѣнія о расколѣ, и всѣ эти статьи помѣстить въ первомъ выпускѣ Сборника; ко второму же выпуску отнести прежде полученные матеріалы, т. е. произведенія народной словесности и замѣтки о мѣстномъ нарѣчіи.

Впослѣдствіи г. Ефименко доставилъ еще 12 описаній свадебныхъ обрядовъ, которые и размѣщены были по соотвѣтственнымъ Отдѣламъ (см. главу 5).

Составить общее этнографическое описаніе русскаго населенія Архангельской губерніи по вышепомянутымъ матеріаламъ, собираніе которыхъ относилось къ 1864—1869 годамъ, не представлялось возможнымъ: ибо эти матеріалы касались не всей губерніи, а лишь нѣкоторыхъ уѣздовъ ея, иные же только нѣкоторыхъ селеній; не малая часть ихъ представляла свѣдѣнія отрывочныя и неполныя, а нѣкоторыми уже воспользовался П. С. Ефименко для своего изслѣдованія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Нельзя однакожъ не замѣтить здѣсь, что всѣ свѣдѣнія, какія собраны были бывшимъ тогда волостнымъ писаремъ Пинежскаго уѣзда Прокофіемъ А. Ивановымъ, нынѣ библіотекаремъ городской библіотеки въ Архангельскѣ, отличались и замѣчательною въ сравненіи съ другими полнотою содержанія и яснымъ изложеніемъ. Другая система изданія печатаемыхъ здѣсь свѣдѣній не могла быть принята еще и потому, что весь редакціонный трудъ палъ на Предсѣдателя Отдѣла, и безъ того уже обремененнаго другими занятіями. Главная задача редакціи состояла въ томъ, чтобы не опустить ни единаго, сколько нибудь важнаго въ этнографическомъ отношеніи свѣдѣнія, какое только можно было отыскать въ матеріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ. Вслѣдствіе этого въ каждой главѣ, описывающей какой либо отдѣльный предметъ, легко можно встрѣтить неизбѣжныя повторенія; ибо въ ней свѣдѣнія по одному и тому же вопросу напечатаны не въ общемъ изложеніи, а по порядку мѣстностей, изъ коихъ они доставлены. Такимъ образомъ настоящій выпускъ не представляетъ собою какого либо изслѣдованія по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, но только матеріалъ для онаго.

ГЛАВА I.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О НАСЕЛЕНІИ.

Изъ какихъ мѣстъ получены свѣдѣнія? — Тулгасскій приходъ. — Село Усть-Пуй. — Курейско-Сергіевскій приходъ. — Хаврогорскій приходъ. — Челмохотскій приходъ. — Кѣхотскій приходъ. — Лисестровскія селенія. — Поселки на Зимнемъ Берегу. — Сумскій посадъ. — Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ. — Пинежскій уѣздъ. — Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи.

Почти каждое описаніе какого либо села и приписанныхъ къ нему деревень, составленное мѣстнымъ священникомъ и вошедшее въ сборникъ свѣдѣній, доставленныхъ въ Общество Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ, имѣетъ видъ исторической записки о приходѣ того или другаго села. Немногія однако-жъ изъ этихъ описаній излагаютъ подробно свѣдѣнія, какихъ обыкновенно требуетъ программа такихъ записокъ. Особенно подробно описаны топографія и постепенное заселеніе Хаврогорскаго и Лисестровскаго приходовъ. Другія описанія короче, и нѣкоторыя ограничиваются самыми краткими свѣдѣніями о количествѣ поселковъ въ приходѣ и о числѣ жителей въ нихъ. Подробнѣе всего обыкновенно говорится о приходскихъ церквахъ и ихъ исторіи, причемъ нерѣдко приводятся въ копіи жалованныя грамоты, сохранившіяся въ этихъ церквахъ. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній мы выбираемъ здѣсь лишь тѣ, которыя прямо касаются какой-либо мѣстности и ея населенія, ограничиваясь въ историческомъ отношеніи наиболѣе важными извѣстіями *).

Эти топографическія свѣдѣнія касаются лишь тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ имѣется и самый этнографическій матеріалъ, сообщаемый въ слѣдующихъ главахъ.

Тулгасскій приходъ составляетъ частичку Архангельской губерніи, частицу Шенкурскаго уѣзда и часть Кургоминской волости. Онъ лежитъ по лѣвому берегу рѣки С. Двины и получилъ свое названіе отъ рѣчки, среди его протекающей, берущей начало изъ болотъ и озеръ Тулгаса, прежде Тунгала. О началѣ и населеніи этого прихода письменныхъ документовъ не имѣется, что видно изъ памятной книги, находящейся въ Тулгасской церкви, а нѣкоторые изъ старожиловъ повѣствуютъ: «яко бы они слышали отъ своихъ предковъ, что прежде сего въ семъ приходѣ на горѣ, отъ нынѣ построенныхъ церквей въ полуверстѣ, былъ монастырь, жили въ немъ старцы и была церковь во имя Св. Живоначальной Троицы». Но почему и какъ монастырь тотъ рушился, также и церковь Троицкая, о томъ ничего неизвѣстно. Надобно думать, что сей приходъ начатъ не такъ давно и населенъ жителями, которые пришли сюда изъ разныхъ мѣстъ. По господствующимъ фамиліямъ Тулгасскихъ жителей надобно предполагать, что они произошли не отъ Чуди, а отъ Новгородцевъ. Господствующія фамиліи слѣдующія: Гагарины, Кутейниковы, Степановскіе, Киткины, Ракитины, Скорняковы и Востряковы.

Весь Тулгасскій приходъ раздѣляется на двѣ части: верхній и нижній концы, отдѣленные одинъ отъ другаго рѣчкою Тулгасомъ. Верхнимъ концемъ называются у жителей два села: Большое Копеваловское (по уличному Гагаршина) и Малое Копеваловское или Козминское (Боръ), и деревня Дмитріевская (Глѣденово); нижнимъ же остальныя четыре села: Степановское (городъ Ланско), Карповское (Транчиха), Нероновское и Булановское, и три деревни: Масловская, Труфановская и Сысоевская (Степаниха). Первое село и послѣдняя деревня получили свои уличныя названія отъ фамиліи ихъ жителей — въ первомъ живутъ исключительно Гагарины, а въ послѣдней Степановскіе. О причинахъ уличныхъ названій остальной

*) Копіи съ жалованныхъ грамотъ, имѣетъ съ другими историческими матеріалами, касающимися Архангельской епархіи и присланными П. С. Ефименкомъ въ Общество Любителей Естествознанія, переданы, согласно его желанію, въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ

ныхъ селъ и деревень преданіе ничего не говоритъ. Отчего протекающая чрезъ Тулгасскій приходъ рѣчка Тулгасъ, прежде Тунгалъ, имѣла и получила свое названіе, также неизвѣстно. Въ окрестностяхъ этого прихода кургановъ, городищъ и другихъ урочищъ нѣтъ и вѣроятно не было потому, что народъ не имѣетъ никакого преданія о нихъ.

Церковей въ Тулгасскомъ приходѣ двѣ одноэтажныхъ: теплая во имя Св. Священномученика Климента папы Римскаго (25 Ноября), а холодная во имя священномученика Власія епископа Севастійскаго (11 Февраля); одна колокольня и двѣ часовни. Всѣ означенныя зданія деревянныя. Церковь во имя Священномученика Климента, какъ записано въ памятной книгѣ: «построена въ 1780 году иждивеніемъ и радѣніемъ мѣстныхъ крестьянъ, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, и освящена, по благословенію Преосвященнаго Веніамина епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, благочиннымъ Кургоминскаго прихода священникомъ Ѳеодоромъ Кутейниковымъ 1780 года Ноября въ 26 день».

Церковь во имя Свящ. Власія, какъ написано въ той же памятной книгѣ: «построена въ 1795 году, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, по указу и благословенію преосвященнаго Веніамина, и освящена того же 1795 года Іюля 6 дня. Антиминсъ на полотнѣ подписанъ преосвященнымъ Іоасафомъ 1762 года Индикта 1-го, мѣсяца Декабря въ 18 день».

Часовни отстоятъ отъ церквей: одна въ 4 верстахъ, другая въ 2-хъ. Первая—Происхожденіе честныхъ древъ «построена въ 1702 г., во время путешествія блаженныя памяти Государя Императора Петра 1-го по Двинѣ рѣкѣ и въ Архангельскъ, за несносною погодою остановившагося подъ тою горою съ своими судами, гдѣ стоитъ часовня. Самимъ Императоромъ сдѣланъ крестъ и срублена вмѣстѣ съ боярами, при немъ бывшими, сія часовня, почему и теперь называется она царевою». Вторая, отстоящая въ 2-хъ верстахъ, во имя Фрола и Лавра, построена недавно иждивеніемъ прихожанъ.

Село Усть-Пуя находится въ Шенкурскомъ уѣздѣ и отстоитъ на юго-западъ въ 50 верстахъ, отъ уѣзднаго города Шенкурска. Названіе свое оно получило отъ того, что большинство деревень этого населенія сосредоточено болѣе или менѣе около устья такъ называемой рѣчки Пуй, составляющей притокъ рѣки Ваги.

Когда и кѣмъ основана Усть-Пуя, положительно неизвѣстно. По письменнымъ документамъ, хранящимся въ церковной библіотекѣ упоминаемаго селенья, можно полагать однако-жь, что существованіе его очень давнее. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Варлаама Важескаго, жившаго въ срединѣ XV столѣтія, сему преподобному приписывается построеніе, по народному преданію, первой церкви сего селенія во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Принимая при этомъ во вниманіе, что означенный храмъ не могъ быть построенъ, если бы въ то время не было здѣсь жителей и притомъ христіанъ; за очень вѣроятное можно полагать, что начало существованія Усть-пуйскаго селенія восходитъ къ концу XIV или началу XV столѣтій. Нерусскія названія рѣкъ и деревень и темное народное преданіе свидѣтельствуютъ, что около здѣшней мѣстности первоначально обиталъ народъ не русскаго происхожденія. Вѣроятно это былъ какой-либо народъ Финскаго племени, которое мало по малу оттѣснено было Славянами за Волгу, Онежское озеро и другія мѣста нынѣшней Европейской Сѣверо-восточной Россіи. А какъ Заволочье, въ составъ котораго входила значительная часть Архангельской губерніи, въ томъ числѣ и пространство Шенкурскаго уѣзда, въ XV вѣкѣ принадлежало Новгородскимъ посадникамъ, то очень могло быть, что Новгородскіе выходцы, переселялись сюда для промысловъ, смѣшались съ коренными здѣшними жителями, при чемъ преобладающее вліяніе Новгородцевъ, и особенно христіанства, много послужило къ сближенію двухъ разноплеменныхъ народовъ.

Село Усть-Пуя раздѣляется на 11 деревень, названія коихъ слѣдующія: Болкачевская, Палычинская, Рудинская, Пушевская, Митинская, Власовская, Садиловская-Порожская, Перегородская, Бѣлавинская, Аксеновская и Барановская. Почему онѣ такъ называются—совершенно неизвѣстно. Только о Садиловской деревнѣ достовѣрно извѣстно, что прибавочное названіе Порожская произошло отъ того, что протекающая близъ той деревни рѣка Вага у одного берега течетъ порогомъ. Нѣкоторыя изъ показанныхъ деревень, кромѣ помянутыхъ названій, на языкѣ здѣшняго народа имѣютъ еще свои особенныя названія: напримѣръ, деревня Митинская, неизвѣстно почему, почти всегда называется Дубининой, Перегородская—Пустою, вѣроятно по малочисленности дворовъ и жителей, Бѣлавинская—Мухиной, Аксеновская—Бокинской и Барановская—Сѣдухиной.

Въ Усть-Пуѣ находятся двѣ приходскихъ церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, другая Рождества Христова, съ придѣлами во имя святыхъ: Священномученика Власія и Преподобнаго Варлаама Важескаго. Въ рукописномъ житіи послѣдняго говорится, что онъ въ числѣ прочихъ храмовъ, «созда храмъ во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго ея Рождества, яже есть Усть-Пуй рѣки именуемой». Немного далѣе этого говорится, что Преподобный всѣ построенные его иждивеніемъ храмы, слѣдовательно и храмъ Пресвятыя Богородицы, «святыми иконами и книгами и свѣщами и жандилы устрои и украси».

Долго ли существовалъ созданный Преподобнымъ Варлаамомъ храмъ, достовѣрно неизвѣстно. На деревянномъ крестѣ, хранящемся въ церкви и по настоящее время,

есть надпись, въ которой говорится уже о вновь построенномъ храмѣ Рождества Богородицы, что онъ освященъ въ лѣто 7112 (1604) по благословенію святѣйшаго патріарха Іова Московскаго и всея Руси, при преосвященномъ митрополитѣ Исидорѣ великаго Нова-града и Великихъ Лукъ. Хотя достовѣрно ни откуда неизвѣстно, который былъ по числу вновь освященный храмъ, однако-жъ съ довольною вѣроятностію можно утверждать, что онъ явился на мѣсто построеннаго Преподобнымъ Варлаамомъ. По свидѣтельству неизвѣстнаго писателя житія преподобнаго Варлаама, этотъ преподобный построилъ означенный храмъ еще до поступленія своего въ монашество, въ которомъ подвизался шесть лѣтъ, и скончался въ лѣто 6977 (1469). Слѣдовательно со времени кончины преподобнаго отца и до 1604 года, въ которомъ освященъ новопостроенный храмъ, протекло времени 135 лѣтъ. Тотъ же писатель въ предисловіи къ упомянутому житію говоритъ о себѣ, что онъ не самовидецъ, но пишетъ лишь то, что слышалъ отъ иноковъ обители преподобнаго, которые также не самовидцы, но сказали ему только слышанное отъ предшественниковъ *). Изъ этого можно видѣть, что писатель житія преподобнаго Варлаама жилъ много спустя послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ если не болѣе, то никакъ не менѣе полустолѣтія. А этотъ же писатель въ своемъ житіи опять свидѣтельствуетъ, что построенные Варлаамомъ храмы «стоятъ и донынѣ утверженны», то-есть находятся въ хорошемъ состояніи.

Теперь, если и построенный Варлаамомъ первый храмъ Рождества Богородицы, просуществовавъ слишкомъ 50 лѣтъ, находился еще въ хорошемъ состояніи,—очень естественно, что въ подобномъ же положеніи онъ могъ просуществовать такое же количество лѣтъ, если даже не болѣе, слѣдовательно могъ достоять до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

Въ 1719 году церковь Рождества Богородицы, по ветхости и потому, что до того времени стояла на осыпистомъ берегу рѣки Ваги, перенесена была нѣсколько далѣе отъ той рѣки на болѣе возвышенное и твердое мѣсто, и вновь построена, и въ слѣдующемъ году, по благословенію архіепископа Холмогорскаго и Важескаго Варнавы, освящена.

Въ 1794 и 1795 годахъ, съ разрѣшенія преосвященнаго Веніамина, епископа Архангельскаго и Олонецкаго, вмѣсто освященной въ 1720 году, но пришедшей въ ветхость Рождественско-Богородицкой церкви, иждивеніемъ мірскаго общества, съ помощію доброхотныхъ подаяній и части церковной суммы, построена новая церковь во имя того же праздника. Въ разные годы послѣ этого до 1856 года церковь подвергаема была различнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ перемѣнамъ.

Когда и кѣмъ первоначально построена въ Усть-Пуѣ другая церковь Рождества Христова, о томъ ничего неизвѣстно ни изъ устныхъ народныхъ преданій, ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ. Въ первый разъ объ ней упоминается въ такъ называемыхъ выпискахъ изъ дозорныхъ книгъ и изъ сотныхъ грамотъ древнихъ вѣковъ. Особенно же изъ одной выписки *) изъ таковыхъ грамотъ видно, что храмъ Рождества Христова существовалъ еще до 1619 года. Основываясь на томъ, что въ предыдущей выпискѣ, раньше того времени писанной, такого же почти содержанія, кромѣ того, что въ ней не упоминается о бобыляхъ и попѣ и дьячкѣ наименованы иначе; основываясь на томъ, что въ этой же выпискѣ говорится только о храмѣ Рождества Богородицы, а о храмѣ Рождества Христова не упоминается, можно предполагать, что послѣдній началъ существовать или съ послѣднихъ годовъ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. По словамъ одной изъ послѣдующихъ сотныхъ грамотъ **) можно также предполагать, что церковь Рождества Христова первоначально построена была преимущественно иждивеніемъ мѣстныхъ жителей тогдашняго времени. Долго ли стояла эта первоначально построенная церковь, по неимѣнію никакихъ на то историческихъ данныхъ, опредѣлить трудно. Но крайней мѣрѣ, судя по прочности лѣсовъ тогдашняго времени, можно думать, что она была въ состояніи просуществовать около столѣтія.

Въ 1712 году теплая Христорождественская церковь отъ зарону сгорѣла со всѣми своими принадлежностями. Въ 1731 году, по грамотѣ преосвященнаго Варнавы, вмѣсто сгорѣвшей, выстроена новая церковь и освящена съ разрѣшенія архіепископа Германа. 1769 года, съ разрѣшенія преосвященнаго Іоасафа, вмѣсто ветхой церкви, построенной въ 1731 году, по словамъ памятной церковной книги на мірское иждивеніе и сборъ христолюбческаго подаянія, построена новая церковь Рождества Христова, въ коей въ рядъ съ престоломъ храмоваго

*) Въ подлинникѣ это же самое передается такъ: „пишу же не самовидецъ бывъ азъ таковымъ (житія и подвиговъ Варлаама), но еже слышахъ отъ инокъ святаго обители отъ оставшихъ достовѣрныхъ свидѣтелей блаженнаго кои, они не самовидцы же, но отъ прежнихъ отецъ слышаше мнѣ повѣдаше. (Въ концѣ 1 гл. Жит.).

*) Вотъ что говорится въ этой выпискѣ изъ сотной древнихъ вѣковъ: „На усть рѣки Пуй погостъ, а на погостѣ два храма: храмъ Рождества Христова, другой храмъ Рождества Богородицы древянные (в) попъ Іванъ Ильинъ (в) церковный дьячекъ Іванъ Михайловъ (в) просвирница... на погостѣ же безпаметные бобыли. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе бобылей и пустыхъ дворовъ, а затѣмъ говорится: и тѣ дворы пожгли и людей побили литовскіе люди во 7127, по Р. Хр. 1619 году“.

**) Тамъ говорится: „на усть рѣки Пуй погостъ, и на погостѣ храмъ древянъ вверхъ Рождество Христово, да другой храмъ древянъ же клѣтцки Рождество Пресвятыя Богородицы, а вцерквахъ образа и книги и сосуды церковные и колокола мирское строеніе“.

праздника по лѣвую сторону того устроенъ былъ придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама Важескаго.

Въ 1767 году вмѣсто ветхой часовни во имя священномученика Власія, неизвѣстно гдѣ стоявшей, согласно прошенію крестьянъ, первосвященнымъ Веніаминомъ дозволено было въ верху церкви Рождества Христова устроить предѣльный Храмъ священномученика Власія. А въ 1841 году, съ дозволенія епископа Георгія туда же перенесенъ былъ и придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама и поставленъ въ рядъ съ придѣломъ священномученика Власія, что производилось опять на счетъ мірскаго общества съ пособіемъ изъ церковной суммы.

Древнихъ рукописей и документовъ, изъ коихъ бы можно было съ достовѣрностію узнать о началѣ Курейско-Сергіевскаго прихода, Холмогорскаго уѣзда въ архивѣ церковномъ нѣтъ.—Изъ устныхъ преданій извѣстно, что мѣсто сіе издревле принадлежало Московской Сергіевской Лаврѣ, съ находящеюся на немъ деревянною во имя Преподобнаго Сергія церковію. Здѣсь жили иноки Лавры и собирали доходы отъ мірскихъ вотчинъ въ пользу ея. По отъѣздѣ же иноковъ въ Лавру (что послѣдовало надо полагать, въ 1765 году, по уничтоженіи монастырскихъ вотчинъ), подворье сіе обращено въ приходскую церковь, съ причисленіемъ отъ сосѣдняго Срѣтенскаго прихода ближайшихъ къ церкви 4-хъ деревень съ 40 дворами, въ коихъ жильцовъ было; крестьянъ 142 муж. 149 женскаго пола и посадскихъ 4 муж. 3 женскихъ души. Но какъ церковь сія приходила въ ветхость и назначалась къ упраздненію (разобрана въ 1818 году), то въ 1802 году указомъ консисторіи повелѣно соорудить новую церковь-каменную, и чтобы дать болѣе при сооруженіи сей церкви, отъ Курейско-Срѣтенскаго къ сему Сергіевскому приходу половинное число прихожанъ, такъ, чтобы при обѣихъ сихъ церквахъ было прихожанъ по равному числу».

Вслѣдствіе сего указа приписано еще семь деревень съ 85 дворами, въ коихъ было жителей 233 мужскаго 252 женскаго пола, и тогда всѣхъ прихожанъ при сей Сергіевской церкви стало числиться 379 мужскаго, 404 женскаго пола. Усердіемъ этихъ новыхъ прихожанъ, въ 1804 году, по благословенію Преосвященнаго Евлампій, начата строеніемъ настоящая каменная церковь съ деревянною надъ папертью колокольнею. И пожертвованіемъ 2,000 рублей ассигнаціями Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, на личную просьбу прихожанъ во время шествія Его изъ Холмогоръ въ Архангельскъ чрезъ село Курью въ 1819 году, она совсѣмъ достроена, украшена и освящена въ въ 1820 году. Въ память Царскихъ щедротъ сооружена прихожанами икона Божіей Матери съ Св. Вел. княземъ Александромъ Невскимъ, въ кіотѣ и съ подписью (на иконѣ): «Псложена сія икона въ церковь Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца въ блаженную память Государя Императора Александра А за пожертвованіе Имъ въ сію церковь на достройку и украшеніе... рубл.» Престоловъ въ церкви два въ холодной во имя Сергія Радонежскаго Чудотворца и въ придѣлѣ тепломъ — во имя Святаго Пророка Божія Иліи. Церковь угодій никакихъ не имѣетъ и содержится доброхотнымъ подаяніемъ своихъ прихожанъ. Коренные жители волости—Финны и есть семейства, которыя считаютъ себя выходцами Новгорода и Москвы около 1658 года во время чумы, Жарановы, Томаковы, Корельскіе, Пономаревы и многія другія. Въ настоящее время въ приходѣ числится домовъ 125, жителей мужскаго пола 320, женскаго 382 души. Они живутъ въ 11-ти деревняхъ. Смольниковской, Шапинской, Побойской *), Рогозинской, Подгрійской, Подлесской, Погрійской, Аѳанасьевской, Ботовской, Подкрестной, Бобровой горѣ. Всѣ эти деревни находятся въ разсѣянности—въ разстояніи одна отъ другой не далѣе $^1/_4$ версты и, начинаясь отъ прежней трактовой дороги внизъ по теченію рѣкъ Курьи и Курополки — по горамъ, простираются до границы Архангельскаго уѣзда на протяженіи 6-ти верстъ.

Хаврогорскій приходъ Холмогорскаго уѣзда расположенъ на протяженіи 12 верстъ, при рѣкѣ Двинѣ, на правомъ берегу по ея теченію, отъ города Архангельска въ 170 верстахъ.

Мѣсто положеніе прихода по своей красотѣ, можно сказать, почти единственное въ Елицкой окрестности. Приходская церковь съ колокольнею деревянная древней архитектуры, построенная въ 1614 году, стоитъ по срединѣ всего прихода въ деревнѣ Пескагорской, почему населеніе прихода и получило раздѣленіе на два конца верхній и нижній, имѣющіе равное разстояніе отъ церкви т. е. въ 6-ть верстъ. Всѣ почти деревни, которыхъ въ приходѣ 32, расположены *подъ гору* при рѣкѣ Двинѣ, кромѣ не многихъ отдѣлившихся не далѣе какъ на полуверстное разстояніе отъ рѣки.

Деревень въ приходѣ 32 и жителей въ нихъ мужскаго пола 770 женскаго 884, всѣ они вѣроисповѣданія православнаго.

Хаврогорскій приходъ хотя стоитъ и на высокомъ берегу, но мѣстоположеніе его болотистое, пресѣченъ частыми ручьями и высокими горами, почему и служитъ предметомъ удивленія для проплывающихъ по Двинѣ, и высотою и крутизною горъ съ раскинутыми полями и

*) Есть преданіе: будто бы на мѣстѣ, гдѣ стоитъ дер. Побойская, была битва у Новгородцевъ съ Чудью, отъ чего и деревня эта удержала названіе Побоища. Мѣстность благопріятствуетъ битвѣ.

деревнями на нихъ, доставляетъ взору пріятный видъ, особенно для путника, слѣдующаго по Московской дорогѣ, по противоположной сторонѣ рѣки Двины.

Первоначально Хаврогорскій приходъ по мірскому управленію принадлежалъ Кеврольской десятинѣ, куда всякія мирскія подати, а равно и церковные сборы были относимы, и оттуда получались всякаго рода предписанія; начало свое приходъ получилъ 1492-го года, что видно изъ древнихъ церковныхъ описей, и болѣе всего ясно и утвердительно доказывается сіе благословенною грамотою Преосвященнаго Варлаама митрополита Московскаго и всея Россіи (1512-й) годъ 7020, 30 Марта, даннаго на Москвѣ, въ сходственность таковаго же соизволенія на построеніе церкви въ Хаврогорахъ, даннаго предмѣстникомъ его Симономъ митрополитомъ; и за симъ тоже самое доказываютъ подтвердительныя грамоты 1-я Даніила митрополита всея Россіи 7038 [1530] года 27 Марта и 2-я Макарія митрополита всея Россіи 7050 (1542) года 24-го Марта, данная на Москвѣ. Всѣ эти грамоты сохранились донынѣ.

Такимъ образомъ въ концѣ XV-го вѣка построена прилежаніемъ первая церковь во имя Святаго Іоанна Предтечи въ честь и память Его Рождества, на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ стоитъ нынѣ существующая во имя того же святаго *).

Названіе Хаврогоръ надобно полагать произошло отъ высокихъ горъ, но первоначальные слоги *Хаврo* не сохранили о себѣ никакого преданія. Первые обитатели Хаврогоръ были бѣглые и бродяги Новгородскіе; они населились въ XIV и въ XV вѣкахъ, и избрали себѣ мѣстомъ жительства Хаврогоры, какъ мѣсто зарѣчное, гористое, лѣсное и прилежащее къ большимъ ручьямъ и дремучимъ лѣсамъ и потому къ укрывательству бѣглыхъ и бродягъ удобное и надежное. Первое занятіе ихъ было звѣриная и рыбная ловля, они какъ бродяги разныхъ мѣстъ, будучи безъ надзора и безъ всякихъ правилъ общежительства, чинили разбои въ двухъ лѣсистыхъ урочищахъ Тордовѣ и Немчиновѣ. Они грабили проплывающія по Двинѣ суда къ Холмогорамъ, убивали и не боялись никакого преслѣдованія отъ начальства. Кромѣ бѣглыхъ Новгородцевъ были еще и собственно такъ называемые Двинскіе жители «Чудь»; они были идолопоклонники, жили особо отъ Новгородцевъ, удаляясь всегда отъ нихъ. Преданіе указываетъ и самое мѣсто жительства чудскаго племени: они жили близъ святаго колодца, находящагося въ полуверстѣ отъ церкви, на долинѣ ровной; у нихъ не было пеклыхъ печей глиняныхъ, а простыя каменныя, каковыя нынѣ находятся въ черныхъ баняхъ у крестьянъ; кромѣ сего указывается и на кладбищѣ дикого народа, жившаго въ древности на Двинѣ въ Хаврогорскомъ приходѣ ниже церкви въ 3-хъ верстахъ близъ деревни, называемой нынѣ Карзовыхъ (не русское), находящейся близъ Двины за ручьемъ, гдѣ высыпаются изъ горы человѣческія кости необыкновенной противъ нынѣшняго народа величины. Но кто изъ жителей Хаврогоръ въ настоящее время принадлежитъ къ Чудскому племени или Новгородскому, сего по причинѣ смѣшенія сихъ племенъ между собою отличить нельзя, а можно только предполагать на томъ основаніи, что Новгородское племя, какъ коренные Славяне, въ разговорномъ языкѣ удерживаютъ славянское окончаніе словъ, что особенно замѣтно въ употребленіи двойственнаго числа, напримѣръ работали двоима, троима и под. Они же въ отличіе отъ Чудскаго племени предпріимчивы, ремесленны и рѣшительны на все полезное, а послѣдніе напротивъ и съ нѣкоторою причудливостію, почему ихъ и называютъ иногда по выведенной пословицѣ «Чудими».

Жителей Хаврогоръ вообще всѣхъ именуютъ *«безсчетными»*, каковое наименованіе получено ими издавна по слѣдующему случаю. Въ торговый день четвертокъ переправляясь предки нынѣшнихъ Хаврогорцевъ чрезъ рѣку Двину на карбасѣ въ село Елицкое, были застигнуты на рѣкѣ бурею, волнами карбасъ былъ опрокинутъ и находившіеся въ оном потонули, кромѣ немногихъ спасшихся, которые съ помощію другихъ, отыскавъ погибшихъ, не могли досчитаться до того числа людей, которые находились въ карбасѣ. Всѣхъ ихъ было 40 человѣкъ, а изъ погибшихъ отыскали 50. Хаврогорцы не довольствуясь тѣмъ, что 40 было, а 50 нашли, говоритъ: «еще всѣ не всѣ»; почему за незнаніе ими счета и дано имъ наименованіе *безсчетныхъ*, каковое слово для Хаврогорцевъ и служитъ упрекомъ и порицаніемъ отъ сосѣднихъ окрестныхъ жителей и извѣстно населенію большей части Холмогорскаго уѣзда.

Въ началѣ XVI вѣка населеніе Хаврогоръ значительно размножилось, что доказывается собственно христіанскою дѣятельностію: въ 1597 году была прихожанами построена другая деревянная церковь во имя Архистратига Михаила, теплая, на угорѣ близъ рѣки Двины у большаго ручья пониже Предтеченской. На имя сихъ обѣихъ церквей въ половинѣ XVI вѣка (не далѣе 1570 года) отказаны крестьянами значительныя въ разныхъ мѣстахъ пахотныя и сѣнокосныя земли въ вѣчное владѣніе, коими Хаврогорская церковь и понынѣ пользуется безпрекословно по имѣющимся на сіе право неоспоримымъ документамъ. Всей сей земли пахатной и сѣнокосной 40 десятинъ 1842 сажени. Земля сія находится въ разныхъ участкахъ; всѣхъ ихъ пять и отъ церкви отстоятъ самые дальные въ 5 верстахъ а прочіе при-

*) Окрестные жители лѣваго берега рѣки Двины называли сію первую церковь Ивана Предтечи Задвинскаго; такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ писали.

лежатъ ближе. Аренды за земли получается церковію 315 рублей, а въ прежніе годы до сего 1866 года, аренды вносимы были зерновымъ хлѣбомъ неравномѣрно и по условіямъ заключаемымъ при торгахъ.

Первопостроенная Хаврогорская Предтеченская церковь стояла до 1614 года всего 122 года и за ветхостію была разобрана, и на томъ мѣстѣ построена новая, нынѣ существующая, еще довольно прочная, снаружи и внутри обшитая половымъ тесомъ, на каменномъ фундаментѣ, который подведенъ въ 1840 году; церковь сія одноглавая, высокая, корпусомъ круглая, первоначально была шатровая, но въ 1849 году 23 Іюня бывшею въ Хаврогорахъ бурею съ сильнымъ вѣтромъ церковь сію значительно повредило, куполъ снесло и нетолько крышу сорвало, но и самыя бревна, къ которымъ оная была прикрѣплена, по направленію вѣтра унесло на четверть версты. Иконы въ сей церкви по своей древности и самый иконостасъ достойны вниманія; онѣ писаны въ 1650 году, и хотя въ 1861 году и были поновляемы по очернѣлости ихъ, но древній типъ вполнѣ сохраненъ.

Челмохотскій сельскій приходъ Холмогорскаго уѣзда находится на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, 170 верстъ выше гор. Архангельска, и 85 отъ уѣзднаго города Холмогоръ.

Онъ раздѣляется на двѣ половины, лѣсными рѣчками: сверху Пукшеньгою, берущею начало изъ болотъ Кеврольской дачи, со многими побочными рѣчками, а снизу Челмохтою, отъ которой и называется. Приходскія церкви стоятъ почти на серединѣ прихода на равномъ мѣстѣ, имѣющемъ песчаный грунтъ.

Приходъ весь занимаетъ пространство въ длину 10 верстъ, 6 вверхъ и 4 внизъ, въ ширину оно незначительно. Съ южной и юго-западной его стороны до рѣки Двины находится около полуверсты сѣнокосный лугъ, тянущійся подлѣ Двины 6 верстъ и поросшій кустарникомъ ивы. Съ юго-восточной и сѣверо-восточной хвойный лѣсъ и рѣчка Челмохта, почему церкви со стороны кажутся зрителю окаймленными лѣсомъ, или же въ лѣсу, особенно съ рѣки Двины.

Рѣчка Челмохта, отъ церквей пересѣкая нижнюю часть деревень прихода, тянется между ими и лугомъ, вдоль на 3 версты къ сѣверо-западу до предпослѣдней деревни, гдѣ впадаетъ въ рѣку Двину. Деревни стоятъ къ сѣверо-западу по теченію рѣчки на правой сторонѣ на возвышенномъ мѣстѣ. На лѣвой, за рѣчкой сѣнокосный лугъ, подлѣ него течетъ Сѣверная Двина. Сзади прихода и деревень, въ близкомъ разстояніи находится лѣсъ и сырыя торфяныя болота. Верхняя часть прихода, находящаяся къ юго-востоку отъ церквей, чрезъ три версты лѣса, на возвышенномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, раздѣляется лѣсною рѣчкою Пукшеньгою, тутъ же впадающею въ Двину.

Деревни верхнія съ трехъ сторонъ, кромѣ южной, окружены лѣсомъ и болотами. Деревни, какъ въ верхней, такъ и въ нижней части прихода, одна отъ другой находятся въ близкомъ разстояніи и почти въ продолговатомъ положеніи. Деревень небольшихъ въ приходѣ находится въ верхней части всѣхъ 6 до рѣчки Пукшеньги и 2 за нею. Въ нижней, кромѣ одной у церквей, — за Челмохтою 13, а всѣхъ вообще въ приходѣ 20; объ названіяхъ ихъ будетъ далѣе. Названія ихъ разныя, есть и русскія, но значенія ихъ объяснить основаній не находится. Первые жители, съ достовѣрностію можно полагать, были Новгородцы, поселившіеся чрезъ Олонецкую губернію, или изъ оной, а въ какомъ столѣтіи и году — положительно неизвѣстно. Прозванія крестьянъ нынѣшнихъ большая часть Олонцевыхъ, Ѳедоровцевыхъ, Богдановыхъ, Клишевыхъ и прочихъ, издавна ведущихся отъ выходцевъ, доказываютъ подобныя предположенія, и тѣмъ болѣе, что по преданію извѣстно, что первые жители обитали въ лѣсахъ, по рѣкѣ Пукшеньгѣ, гдѣ и понынѣ есть еще, хотя весьма устарѣлые признаки ихъ жительства. Ремесло ихъ по разсказамъ было грабежъ по рѣкѣ Двинѣ на судахъ. Есть молва о кладѣ, будто бы находящемся около тѣхъ мѣстъ, и были попытки дѣланы въ его отысканію, но тщетно.

Волости: Челмохотская, и Пукшенская. — Съ котораго времени начала существовать Челмохотская волость достовѣрно неизвѣстно, покрайней мѣрѣ, должно полагать, что съ XVI или въ XVII столѣтіи, потому, что самостоятельность Челмохотской волости и прихода послѣдовала въ началѣ XVII столѣтія, а именно 1638 года. До сего 1638 года Челмохотская и Пукшенская волости находились въ зависимости и вѣроятно довольно времени по духовному управленію подъ Сійскимъ приходомъ, по мірскому — подъ Сійскою, Хоробрицкою, и Брилиноволоцкою волостями и составляли одну сотню.

Челмохчане, завися болѣе отъ Сіянъ, платя имъ бывшія тогда повинности, отправляя мирскія службы со стѣсненіемъ, и не имѣя при своей церкви священника, за которымъ для требоисправленій обращались въ Сійскій приходъ чрезъ рѣку Двину за 10, а съ Пукшеньги за 16 верстъ, рѣшились наконецъ отойти отъ Сіянъ волостью, и подали челобитную Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, по которой 1638 году и отдѣлились. Первая церковь была построена прихожанами 1639 — 1641 года по благословенію Афанасія митрополита великаго Новаграда и Великихъ Лукъ; тогда же переведенъ былъ къ ней священникъ изъ Сійскаго прихода.

Нынѣ въ семъ приходѣ двѣ деревянныхъ пятиглавыхъ, на каменномъ фундаментѣ въ деревянной оградѣ, церкви, съ отдѣльною деревянною на столбахъ колокольнею, обшитыя всѣ тесомъ. Первая теплая, во имя Рождества

Пресвятой Богородицы, построена въ 1709—1711 г. по грамотѣ Рафаила Архіепископа Холмогорскаго и Важескаго прихожанами, вмѣсто обветшалой, построенной 1639—1641 годахъ.

Вторая церковь холодная во имя Св. Великомученика Димитрія Солунскаго съ придѣломъ Праведнаго Прокопія Устюжскаго Чудотворца, одноэтажная. Построена прихожанами 1681 года по грамотѣ Преосвященнаго Корнилія Митрополита Новаграда, и Великихъ Лукъ, освящена по по указу Аѳанасія архіепископа Холмогорскаго и Важескаго 1685 года.

Въ постройкѣ обѣихъ церквей, какъ внѣшней такъ и внутренней, особеннаго нѣтъ. Кто былъ архитекторъ, составлявшій планъ церквамъ—неизвѣстно, равно и иконописецъ, писавшій въ церквахъ иконы. Настѣннаго письма, чудотворныхъ иконъ, мощей и древностей нѣтъ. Плана и фасада не имѣется, кромѣ копій съ актовъ. Подлинныхъ въ церковномъ архивѣ не имѣется, кромѣ копій съ нихъ, которыя съ подлинными свѣрены, въ должности секретаря архангельской консисторіи, коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Иконниковымъ. Церкви утварью, ризницею и книгами достаточны.

Ближайшіе къ церквамъ приходы:

Холмогорскій въ 4-хъ, Сійскій въ 10-ти за рѣкою Двиною и Пингишенскій въ 12-ти верстахъ, по одной правой сторонѣ, за рѣчками Пукшеньгою и Пингишею. Сообщеніе съ первымъ и третьимъ труднѣе втораго, особенно въ распутицу и лѣтомъ за ненахожденіемъ удобной дороги, кромѣ береговой подлѣ рѣки Двины и за перевозами.

Приписной церкви въ приходѣ нѣтъ, а находятся двѣ деревянныхъ часовни. Первая разстояніемъ отъ церквей въ 3-хъ верстахъ во имя Святителя Модеста, построенная въ 1722 году, по грамотѣ Варнавы архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, находится въ деревнѣ Часовенской, по случаю бывшаго скотскаго падежа. Почему съ давнихъ лѣтъ бываетъ въ ней крестный ходъ изъ церкви 18 Августа и 18 Декабря. Вторая въ верхней части прихода, въ 4-хъ верстахъ отъ церкви, во имя Святаго Великомученика Георгія, построена по желанію прихожанъ 1717 года.

Кѣхотскій приходъ расположенъ на лѣвомъ берегу Двины, на половинѣ пути между Архангельскомъ и Холмогорами. Онъ занимаетъ пространство на 6 верстъ отъ Востока на Западъ и состоитъ изъ слѣдующихъ деревень Кѣхты, Сосниной горы, Чевакинской горы, Боровской и Острововъ.

Кѣхта,—слово финское,—сочная рѣка или лѣнивая, то есть текущая тихо, безъ шума (Арх. Г. Вѣд. за 1853 годъ, № 5). Кѣхтою называется нѣсколько деревень, расположенныхъ на устьѣ рѣки Кѣхты *), а именно: Григоровская, по просту называемая между крестьянами Подолъ, Реутовская, — иначе Погостъ, Марковская или Гурьевъ Конецъ, Васильевская или Подлѣсье.

Всѣ эти деревни находятся близъ церкви и нынѣ слились почти въ одну нераздѣльную, такъ что не зная названія ихъ по концамъ, можно считать одною. Далѣе на югъ слѣдуютъ отъ церкви деревни: Быковская и Матвѣевская; — жители этихъ деревень неперемѣшались домами, то есть числятся въ Матвѣевской деревнѣ, а живутъ въ Быковской и на оборотъ и занимаютъ три отдѣльные околотка: — Залѣсь, Сорочій околотокъ и Заручевье, одинъ отъ другаго отстоящіе не болѣе какъ на 100 сажень. И наконецъ за глубокимъ ручьемъ, на высокомъ мысѣ, Красногорская деревня, иначе называемая Мельницею, потому что подъ горою находится вододѣйствующій мукомольный заводъ; — здѣсь же во 2-й половинѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ лѣсопильный заводъ, на которомъ построено было два фрегата и корабль.

Сосногорская деревня или Соснина гора находится ниже Кѣхты отъ церкви въ 3-хъ верстахъ на небольшомъ холмѣ, а Чевакинская деревня или гора еще ниже Сосниной на одну съ четвертью версту; ихъ раздѣляетъ рѣчка Смердіе, вытекающая изъ озера Смердіе, отстоящаго отъ деревни на 4 версты и принадлежащаго Архангельскому монастырю; рѣчка Смердіе вмѣстѣ съ Кѣхтою тутъ же впадаютъ въ отливъ Двины. По самому крутому берегу этого отлива разстилается Чевакинская деревня, которая дѣлится по концамъ: верхній конецъ называется Микольщиною у Микольскихъ, средина — у креста, гдѣ дѣйствительно стоитъ крестъ, а другая половина срединная — на болотѣ, гдѣ мѣсто ниже и мокрое; и нижній конецъ у Епанъ, гдѣ жили прежде одни Епанины.

Боровская деревня, небольшая—всего 3 дома, иначе называемая Вралёва гора; она находится вблизи Васогорской деревни Кижестровскаго прихода, которая также называется Вралевою горою. Около нея находится нѣсколько боровъ или холмовъ, и вблизи, позади деревни, есть небольшое озеро, содержащее въ себѣ соленую воду; когда-то въ нее спущены были и трубы; но вода мало содержитъ соли; въ весеннее время, во время водополья, въ него вливается прѣсная вода изъ рѣчки Смердіе.

Деревни Новинки и Горки, — попросту называемыя

*) Рѣчка Кѣхта въ топографическомъ описаніи называется Булычихою,—а не Кѣхтою. Что отъ чего получило названіе: деревня ли отъ рѣчки или рѣчка отъ деревни, сказать трудно. А по приведенному выше объясненію слова Кѣхта, — Кѣхтою названа рѣка, а не деревня;—названіе же Булычиха вѣроятно усвоено въ недавнее время.

острова,—стоятъ на острову, отъ церкви подъ горою, первая въ $1^1/_2$ верстѣ, а вторая въ 3 верстахъ. Чрезъ эти деревни по зимѣ проходитъ зимній извозный трактъ.

Всѣ деревни имѣютъ сообщеніе между собою и церковью постоянно удобное; только съ послѣдними — Васогорскою, Чевакинскою и Островами нѣсколько затруднительное во время водополья и рѣкостава, но это продолжается не болѣе сутокъ.

Въ выше упомянутыхъ деревняхъ Кѣхотскаго прихода, по духовной росписи, числится прихожанъ: — государственныхъ крестьянъ мужескаго пола 478 женскаго 562 души и отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами мужскаго 12 женскаго 13, а всего 490 мужскаго и женскаго 575 человѣкъ. Къ Кѣхотскому приходу относится Слободской раскольничій скитъ. Онъ основанъ во 2-ой половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ, отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ.

Озеро это въ длину до 7 вертъ, а въ ширину 1 верста и болѣе, изъ него вытекаетъ рѣчька Кѣхта, очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыболовъ; къ нему поселился сбѣглый солдатъ; къ нимъ двоимъ начали селиться и другіе, какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ въ ней поселился одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣпниковъ, изъ петербургскихъ артельщиковъ; онъ много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольникомъ Зеленковымъ, который для этой цѣли послалъ ему заразъ будто бы 40 тысячъ рублей. Теперь, послѣ строгаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 жилыхъ келій, въ которыхъ живетъ старыхъ, издавна поселившихся 14 старухъ, старики всѣ вымерли; впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человѣкъ, мужчинъ было немного, не болѣе 5 человѣкъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мужчинъ и четыре женщины.

Среди скита находится отдѣльная деревянная молельня, построенная 1788 года; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины, мужскую и женскую;—иконостасъ составленъ большею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора,— иконы занимаютъ мѣста не по изображенію на нихъ и не по достоинству письма. Въ молельню собираются всѣ каждодневно по три раза, къ утрени, часамъ и вечерни, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псалмовъ, молитвъ и поученій изъ сборниковъ и пролога, поютъ панихиды, и кажется молебны, читаютъ псалтирь по умершихъ и о здравіи живыхъ; читаютъ всѣ посмѣнно; неграмотные исполняютъ свои часы поклонами.

Вѣрованіе въ скитѣ то же, что и въ приходѣ, то есть Ѳедосѣевское согласіе, и потому одни другихъ поддерживаютъ и матеріально, и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольницы уѣжаютъ въ скитъ на нѣсколько недѣль,—особенно въ великій постъ; на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху пріѣжаетъ много раскольниковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольники сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаяніемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ Петербурга и Архангельска. По зимѣ старухи прядутъ, а помоложе ткутъ полотна; старымъ пособляютъ ткать родственницы изъ прихода; по лѣту садятъ по немногу картофля, рѣдьки, лука, моркови, брюквы и сѣютъ рѣпу; ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами, и собираютъ довольно морошки, которую и продаютъ. Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, но пѣшеходное только по лѣту и по осени, пока не промерзнутъ болота и ручьи.

Лисестровское селеніе находится въ 10 верстахъ отъ города Архангельска. Названіе Лисестрова (или Лисестрово) произошло по народному преданію отъ коренного жителя Листъ, чудскаго племени, жившаго на семъ островѣ въ родѣ намѣстника или тіуна, собиравшаго доходы окладные, то есть хлѣбные, и не окладные то есть денежные. О необразованности Чудскаго народа и и доселѣ осталась пословица или поговорка: «што это за Чудь такая». Скажемъ нѣсколько словъ объ этой Чуди. Изъ всѣхъ народовъ издревле по берегамъ Двинскимъ и по берегамъ Бѣлаго моря обиталъ господствующій Чудскій народъ, смѣшавшійся съ Русскими поселенцами; народъ сильный и торговавшій звѣриными промыслами съ Датчанами и Норманцами, народъ, который подъ именемъ Заволоцкой Чуди извѣстенъ былъ Россійскому дѣописателю Преподобному Нестору. Несторъ полагаетъ сіе Чудское племя между данниками, подвластными Новгородскимъ Славянамъ, во времена, предварившія Рюриково княженіе, начавшееся въ лѣто 862. Сія Заволоцкая Чудь въ христіанскіе вѣка подъ владѣніемъ Новгородцевъ называлась Заволоцкою землею. Сія Заволоцкая земля въ концѣ XV столѣтія подъ самодержавнымъ владѣніемъ Великихъ Государей Россійскихъ переименована Двинскою землею или народомъ, нынѣ Лопарями, Самоѣдами и Зырянами, составляющими Архангельскую губернію. Вѣра у Заволоцкой Чуди была языческая. Заволоцкая земля до просвѣщенія святымъ крещеніемъ почитала идола Іомала или Юмала, о коемъ у Стурлесона упоминается, что прибывшіе въ Біармію отъ короля Шведскаго Олова, прозваніемъ Святаго, для торговли Торстъ и Карлъ съ деревяннаго

сего идола ожерелье сорвали, золото, серебро и чашу серебряную унесли съ деньгами.

Чудскій народъ покоренъ и святымъ крещеніемъ просвѣщенъ въ одинадцатомъ столѣтіи Новгородцами, воспріявшими христіанскую вѣру въ самомъ концѣ десятаго столѣтія. Но въ которые годы сей небесный свѣтъ возсіялъ во тмѣ и сѣни смертней сѣдящимъ Заволочанамъ, какіе въ ихъ обращеніи по Евангелію употребляли способы христіанскіе проповѣдники, сколь долго продолжались ихъ святые подвиги въ крещеніи Заволоцкой Чуди, за крайнею скудостію историческихъ тогдашняго времени свидѣтельствъ, неизвѣстно. А какъ сія страна обще съ Новгородомъ подвластна стала Московскимъ Государямъ, то съ тѣхъ поръ были въ Холмогорахъ намѣстники и тіуны, а послѣ воеводы. Въ 1584 году Ѳедоръ Іоанновичъ велѣлъ заложить при устьѣ Двины новый городъ. Воеводы Нащокинъ и Воейковъ основали городъ, въ 30 верстахъ отъ устья, гдѣ находится Архангельскій монастырь; вслѣдствіе чего и самый городъ получилъ названіе Архангельскаго или Архангельска. Въ Архангельскіе воеводы назначали не только знаемыхъ, но даже и ближайшихъ царямъ людей. Въ это время на Двинѣ находились царскіе даньщики.

Въ 1598 году дана Лисестровскому приходу царская жалованная грамота. Эта грамота исключаетъ уполовническое право брать повинность или подать даньщикамъ ясакомъ, то-есть лисьими и бѣличьими шкурами.

Изъ этой грамоты можно заключить о существованіи прихода Лисестровскаго. Грамота дана отъ Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича, за приписью дьячка Дмитріева по челобитію Лисестровской волости, Воскресенскаго церковнаго старосты Гришки Морозова на Борисовскую пустошь (гдѣ нынѣ деревня Семенова), и писана на Москвѣ 7105 (1597) Марта 23-го дня; въ ней написано: «отъ Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Руссіи на Двину даньщикомъ Томаку Тарасову съ товарищи. Въ прошломъ 7104 (1596) году Марта въ 31 день писана къ вамъ наша грамота по челобитью Лисестровской волости Минки Шудова. А велѣно вамъ тому Минкѣ дати на льготу пустошь Борисова погоста на шесть лѣтъ Марта съ 25-го числа 7104 (1596) году, по тожъ число 7110 (1602) года, а нынѣ били намъ челомъ Лисестровской волости церковный староста Гришка Морозовъ, что той пустоши Борисова погоста половина полъобжи церковная Воскресенія Христова искони вѣчно. А другая половина полъобжи, той пустоши Борисова погоста за волостными людьми. И намъ ихъ пожаловати тое у нихъ пустоши отнимати не велѣти. А въ писцовыхъ книгахъ Князя Василія Андреева Звенигородскаго съ товарищи 7105 (1597) году написано: въ Лисестровской волости деревни тяглыя церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ пустошь Борисова погоста, а въ ней дворъ пустъ, пашни перелогомъ куды земли впустѣ обжа, а другая половина за волостными людми. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ у церковнаго старосты у Гришки Морозова тое церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ, пустоши Борисова погоста полуобжи мимописцовыхъ книгъ не отымали и Минкѣ Шудову на льготу не отдавали; а велѣлибъ естя на церковномъ старостѣ имати оброку въ нашу казну по двѣ гривны на срокъ на Госпожинъ день 7105 (1599) году. А съ которыхъ Воскресенія Христова церковныхъ черныхъ деревень емлютъ волостные крестьяне наши подати по своему волостному размѣту лѣхуя себѣ по веревкамъ, а не по писцевымъ книгамъ и не по сошной грамотѣ, а вы бъ волостнымъ крестьянамъ съ тѣхъ церковныхъ деревень нашихъ податей по волостному размѣту по веревкамъ имати не велѣли, а велѣли бы естя съ тѣхъ церковныхъ черныхъ деревень нами подати по сошкамъ и по обжамъ чемъ иҳъ описали писцы нами. А прочете еста сію нашу грамоту и списавъ съ нее противень отдали Гришкѣ Моросову назадъ для прежнихъ данщиковъ. Писана на Москвѣ лѣта 7105 (1597) Марта въ 23 день». Подъ симъ черная печать, а на оборотѣ: Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Руссіи. Припись: Дьякъ Дмитріевъ.

Первые поселенцы или выходцы Новгородскіе пришли сюда изъ Новгорода и первоначально поселились въ Холмовской деревнѣ и двухъ выселкахъ при той же деревнѣ и частію на Исаковой горѣ (въ древности Коноповой горѣ), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись приписной къ Лисестровской церкви во имя Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Сія лѣтопись заключаетъ слѣдующее: «Божіимъ изволеніемъ и за предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Дѣвы Маріи и молитвами Святыхъ славныхъ и Всехвальныхъ Апостоловъ и Первоверховъ Петра и Павла скинія каѳолическая, рекше Святая церковь Господа и Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа во имя преждереченныхъ Святыхъ Апостоловъ устроися къ молитвенному храму новымъ зданіемъ алтарь святый и царскія врата и иконостасъ съ прочимъ благолѣпствомъ украсися и освятися чрезъ благодать Святаго Духа по благословенію Германа Архіепископа Архангельскаго и Холмогорскаго, на которомъ мѣстѣ издревле по писцовымъ книгамъ еще отъ лѣтъ седмь тысящь шестьдесятъ перваго года, и далѣе видимо тыже церковь имѣлась древняя, стоящая чрезъ 130 лѣтъ, дондеже за ветхостію совсѣмъ распадеся и развалилась и оттогда на мѣсто той церкви построенъ молитвенный оный храмъ стоявшій лѣтъ 50, даже и донынѣ построенныя святыя церкви; а бытія древнія церкви и молитвеннаго храма (по писцовымъ книгамъ) развѣ безъ мала 200 лѣтъ; самое же начало оныя весьма вяще 200 лѣтъ, аже въ

лѣто седмь тысящь шестьдесятъ первое, 1553 въ царствованіе Іоанна IV Васильевича, итогда уже была безъ пѣнія, а начало пѣнія нами чрезъ записки необрѣтено, токмо отъ старожиловъ глаголемо, ако изъ начала при той церкви священникъ нарочно проживалъ для Божественной службы, пришодшій изъ области Новограда и принесшій нынѣ видимо сіяющіе святые мѣстные образа и Деисусъ на полуденной сторонѣ, который и построилъ реченную древнюю церковь, которой красота одѣяся и нынѣ по писанному новозданная церковь и украсися якоже и древняя туюжъ пресвѣтлую красоту Божества Невѣста Христова воспріяла. Сего не лиши Премилостивый Господь Богъ и Пресвятая Богородица за молитвы свв. апостоловъ Петра и Павла и нынѣшнимъ родомъ Божественную и Пречистую славу свою и всей святой церкви благословляти и славити нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь».

Лисестровскій приходъ, кромѣ села, обнимаетъ собою слѣдующія населенныя мѣста: деревню Часовскую, Нестеровскую, Лукинскую, Исакогорскую съ шестью выселками—Исакова гора, Шурковская гора, Бурминская гора, Малое Заручаево, Большое Заручаево, Нарья,—деревню Холмовскую съ двумя выселками—Малая и Большая Лахты,—Окуловскую, Семеновскую, Амосовскую, Кривлявскую, Любовскую, Лѣтнинскую, Валдушинскую, Кутозерскую—въ просторѣчіи Кривохутскую, Хамьяновскую, Малокорзихонскую, Большекорзихонскую (по рѣчкѣ Корзихонкѣ), Волохновскую съ тремя выселками—Воронье, Невѣрово, Бутырки, деревню Глухонскую, Запольскую, Бакаревскую, Варавинскую, Юрасскую съ двумя выселками—Дряхлицынскимъ и Куропшевскимъ, Журавинскую съ тремя выселками—Новинки, Большой и Малый Кривые Боры. Домовъ во всѣхъ этихъ селеніяхъ считается 465; жителей—1376 м. п. и 1587 ж. пола. Изъ названій деревень видно, что они произошли: или отъ имени перваго поселенца, или отъ свойства мѣстоположенія, или отъ прозванія урочища, при которомъ деревня выстроилась.

Число жителей на Зимнемъ Берегу не велико—418 мужскаго пола. Всѣ они принадлежатъ къ одному приходу Зимне-Золотицкому и находятся въ слѣдующихъ поселкахъ: Верхней Золотицѣ, Нижней, Инецкомъ выселкѣ, Ручьяхъ, Ручейкѣ, Майденскомъ хуторѣ, Чубальскомъ выселкѣ, Больше-Вазицкомъ выселкѣ, Мегрѣ и Майдѣ, послѣдніе семь хотя и принадлежатъ къ Золотицкому приходу, но находятся на другой части Зимняго Берега—сѣверной.

Деревня Верхняя Золотица, Архангельскаго уѣзда, отъ Архангельска отстоитъ на 180 верстъ. Называется Зимнею потому, что находится на Зимнемъ Берегу и въ отличіе отъ Лѣтней, стоящей на Лѣтнемъ Берегу Бѣлаго Моря въ Онежскомъ уѣздѣ.

Названіе Золотицы деревня получила вѣроятно отъ рѣки Золотицы, протекающей посреди деревни. Часть селенія, расположенная на правомъ берегу рѣки, зовется Зарѣчье, или за рѣкой, а на лѣвомъ Холмомъ, или на Холму потому, что мѣсто, гдѣ стоятъ дома, гораздо выше зарѣчья.

Верхнею деревня зовется отъ того, что стоитъ по теченію рѣки выше Нижней Золотицы (устья), находящейся при самомъ впаденіи рѣки Золотицы въ Бѣлое Море.

Золотица основана первоначально Чудью, и это достовѣрно. Ибо и до сихъ поръ еще на правомъ берегу рѣки, повыше деревни, есть мѣстность, сохранившая названіе Чудской ямы. На этомъ мѣстѣ, по разсказамъ жителей, первоначально поселилась и жила Чудь. Показываютъ также и мѣсто Чудскаго кладбища, на лѣвомъ берегу рѣки, повыше Савина ручья. Нынѣшніе жители Золотицы потомки Новгородцевъ, по разсказамъ крестьянъ, бѣжавшихъ сюда въ то время, когда перемѣняли вѣру. Но это преданіе неправдоподобно. Новгородцы переселились сюда или 1) сами для промысла дорогихъ пушныхъ и морскихъ звѣрей, или 2) переселены сюда для той же цѣли Новгородскими боярами, какъ крѣпостные, или 3) всего вѣроятнѣе, предки Золотичанъ убѣжали изъ Новгорода на Зимній Берегъ потому, что не хотѣли покориться власти князей Московскихъ.

Можно полагать, что нѣкоторые изъ бѣглецовъ приговорены были къ казни даже и тогда, какъ переселились уже въ Золотицу. Ибо и до сихъ поръ осталось, на памяти народа, названіе мѣста Вѣшальная яма, или на Вѣшальной, находящейся пониже деревни, на правомъ берегу рѣки Золотицы.

Названія или прозванія, характеризующаго достоинство или недостатка, золотичане не имѣютъ. Только мудьюжане замѣчаютъ, что зимній проѣздъ золотичанъ въ Архангельскъ всегда бываетъ съ сильною непогодою. Если поднялась сильная непогода, мудьюжане говорятъ: Золотичане въ городъ поѣхали. Объ этомъ страномъ, но всегда къ несчастью золотичанъ, вѣрномъ замѣчанію мудьюжанъ, въ Золотицѣ носится народное преданіе, вотъ какое. Преподобный Антоній Сійскій, однажды проходя по Зимнему Берегу, попросился въ Золотицѣ ночевать, но, никѣмъ непущенный, переночевалъ въ овинѣ, и, когда обратно проходилъ чрезъ Золотицу, сказалъ золотичанамъ: за то, что вы не пустили меня ночевать, всегда будете ѣздить съ погодою по зимнему пути.

Урочищъ, носящихъ какое-либо особенное замѣчательное названіе въ Золотицѣ нѣтъ, ручьи, пожни и мѣстности носятъ названія русскія: или отъ именъ жителей, или ихъ фамилій, или наконецъ отъ самаго свойства и вида мѣстности.

Сумскій посадъ находится въ Кемскомъ уѣздѣ въ 28 верстахъ отъ уѣзднаго города Кеми. Онъ расположенъ

по обѣимъ сторонамъ не широкой, съ довольно крутыми каменистыми берегами, рѣки Сумы, въ трехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Бѣлое Море.

Названіе посада «Сума» по объясненію г. Рейнеке произошло отъ первыхъ здѣсь обитателей финскаго племени suoma-laiset, которое совершенно исчезло и не оставило по себѣ никакихъ преданій *).

Народное преданіе говоритъ, что Новгородцы, селившіеся по прибрежьямъ Бѣлаго Моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, въ такъ называемомъ загорьѣ (за слободою).

Между Сумлянами извѣстна поговорка, которою они характеризуютъ себя: «Сума не купитъ ума, сама продаетъ». Поговорку эту, какъ говорятъ, сказалъ когда-то одинъ изъ Сумлянъ въ отвѣтъ таможенному чиновнику, грозившему поймать его съ контрабандою.

Въ память жителей, до сихъ еще поръ, посадъ сохранилъ свои старинныя названія, которыми дѣлится на слѣдующія части: «Низовье», населеніе, начинающееся отъ возморья; отъ Низовья слѣдуетъ «Жемчужный рядъ» **), самая средина селенія; за посадомъ слѣдуетъ «Верховье», часть сего послѣдняго, состоящая изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ домиковъ и называющая «Труновымъ рядомъ» ***).

Другая половина посада по другую сторону рѣки, близъ острога, называется «Нагорье или погостъ», далѣе Кислая губа ****) и наконецъ на выѣздѣ «слобода». Холмъ же, на которомъ находятся церкви, называется Городовуха.

Церквей въ Сумѣ двѣ: каменная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1635 году, и деревянная во имя Николая чудотворца, сооруженная въ 1768 году.

Вотъ тѣ мѣстности, къ которымъ главнымъ образомъ относится этнографическій матеріалъ, собранный сотрудниками П. С. Ефименка. О физическихъ свойствахъ самаго населенія, бытъ коего описывается въ этихъ матеріалахъ, авторы или ничего не говорятъ, или кратко упоминаютъ, что народъ Архангельской губерніи есть самый русскій, крѣпкій и здоровый. Только П. А. Ивановъ съ свойственною ему подробностію остановился и на вопросѣ о физическихъ свойствахъ населенія Пинежскаго уѣзда, для этнографіи коего онъ представилъ вообще такіе обильные матеріалы. Очень можетъ быть, что природныя свойства остальнаго населенія Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ средней части ея, подходятъ хотъ отчасти подъ изображеніе Пинежанъ, предлагаемое г. Ивановымъ. Тѣмъ любопытнѣе должно быть это единственное въ нашемъ «Сборникѣ» описаніе физическихъ свойствъ мѣстнаго населенія. Вотъ что сказано въ немъ:

«Люди, начавшіе первѣе всѣхъ жительство въ настоящемъ Пинежскомъ уѣздѣ, были народъ изъ древняго финскаго племени, коччующій, грубый. (Арх. сбор., ч. I-я стр. 304—315). Впослѣдствіи народъ этотъ былъ названъ Сѣверною Чудью, а Новгородцы называли его Заволоцкою Чудью.

«Какъ повсемѣстно слилась Чудь съ русскимъ населеніемъ славянскаго племени, такъ это произошло и здѣсь. (Списокъ насел. мѣс. Арх. губ., л. XIV). Теперь все народонаселеніе уѣзда составляетъ чисто русскій людъ, или великороссовъ; но примѣсь отдѣльныхъ племенъ съ чистокровными русскими становится въ Архангельской губерніи замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Итакъ настоящіе жители уѣзда — изъ поколѣнія Чуди, сроднившіеся сперва съ удалыми Новгородцами, а потомъ съ другими племенами русскаго населенія.

«Въ жителяхъ уѣзда число женскаго пола душъ превышаетъ мужской. Ихъ и родится и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ.

«Крестьяне рѣдкіе переживаютъ 80 лѣтъ. Замѣчено, что женщины здѣсь живутъ до глубокой старости, до какой не доживаютъ мужчины.

«Жители Пинежскаго уѣзда способны къ перенесенію суровости своего полярнаго края. Они спокойно сносятъ всѣ невзгоды, случающіяся въ годины несчастій.

«Освоившись съ климатическимъ вліяніемъ, они имѣютъ то здоровье, которымъ отличается Архангельскій народъ. Некрасиво со стороны, что при здоровьи человѣкъ здѣшній походитъ на заспанную фигуру; но что дѣлать, такимъ уже отпечаткомъ надѣляетъ его полярная природа!

«Люди здѣсь плотнаго, дороднаго тѣлосложенія и одарены силою. Но пріемы ихъ непринужденно лѣнивы, изящества въ тѣлодвиженіяхъ нѣтъ, какъ равно хорошей осанки и особенной ловкости. Съ наружи люди кажутся скорѣе хилыми, а не мало есть и такихъ, которыхъ наружность по худосочію отражается видомъ изнуренности, какъ бы отъ голода или отъ болѣзней, и довольно сухощавыхъ.

«Напротивъ у женщинъ замѣчается тучность, толстота и онислость.

«Уже извѣстно, что сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца и сжимаетъ органическіе сосуды. По этому, живя

2*

*) Гидрографическое описаніе Сѣвернаго берега Россіи Изданіе 1850 года. Часть I, стр. 416.

**) Сумляне разсказываютъ, что въ „Жемчужномъ ряду“ жили самые изъ богатѣйшихъ обывателей посада, жены которыхъ украшали себя жемчугомъ.

***) Названіе „Труновый рядъ“ произошло вѣроятно отъ слова „трунъ“, что въ Сумѣ значитъ оборвышъ, бѣднякъ.

****) Сзади „Кислой губы“ лежитъ холмъ съ котораго послѣ дождей и при таяніи снѣга текутъ ручьи, усиливая сырость и зловоніе. Отсюда можетъ быть и происходитъ слово „кислая“. Губою же по всей вѣроятности назвали потому, что въ этой части посада рѣка врѣзывается въ берегъ и образуетъ губу, которая въ лѣтнее время высыхаетъ.

въ полярномъ краѣ, человѣкъ здѣшній вообще малъ ростомъ, какъ и вообще народъ Архангельской губерніи, терпѣливъ, упрямъ и въ духовномъ отношеніи неподвиженъ. Малый ростъ есть печать скудныхъ даровъ отечества.

«Но, разсмотрѣвъ ростъ здѣшняго мужчины ближе и по соображенію съ рослостію въ другихъ уѣздахъ, увидимъ, что мужчины здѣсь роста средняго.

«По физическимъ условіямъ, для пріема въ рекруты жителей Пинежскаго уѣзда, по закону, донынѣ сохраняется прежній ростъ 2 арш. $2^1/_2$ вершка (въ другихъ мѣстахъ Россіи 2 арш. 3 вершка).

«Складъ человѣка болѣе правильный, ровный; но замѣтна сутуловатость и нѣкоторая несоразмѣрность членовъ».

Образъ Пинежскаго жителя г. Ивановъ рисуетъ такимъ образомъ:

1). Очертаніе головы шарообразно. Черепы пропорціональны и довольно объемисты; но замѣчается и чрезвычайная величина головъ.

2). Шеи болѣе короткія; съ широкимъ загривкомъ (затылкомъ).

3). Волосы черепа жестки, грубы, не совсѣмъ густые, нѣсколько курчавые и болѣе совершенно гладкіе. Цвѣтъ ихъ: русые и черные, переходящіе въ рыжеватые, такъ что наиболѣе съ свѣтлыми волосами на головѣ. Волосы у женщинъ хватаютъ иногда до задницы и ниже. Длинная коса въ почетѣ.

4). Лобъ широкій, но не такъ высокій и развитый.

5). Уши не выходящія изъ соразмѣрной величины.

6). Физіономія серьезна, въ угрюмой обстановкѣ, исключая молодыхъ женщинъ съ игривой улыбкой.

7). Господствующій цвѣтъ лица бѣлый и немного смугловатый. Въ лѣтнее время лица запекаются солнечнымъ жаромъ. За исключеніемъ 16—25 лѣтнихъ, у прочихъ лица блѣдныя, безъ румянца. У молодыхъ мужчинъ лица бываютъ полныя, а у пожилыхъ—тощія, съ рѣдкими исключеніями. У женщинъ же—полныя, гладкія и румяныя. Красныя здѣшнія бабы, что называется, кровь съ молокомъ.

8). Черты лица округлены и не рѣзки. Люди, вообще невзрачны собой.

9). Женщины вообще красивѣе мужчинъ; но онѣ рано старѣютъ въ замужествѣ.

10). Не мало увидѣть можно людей обоего пола изуродованныхъ оспою, веснушками и бородавками. Рябыя лица показываютъ, что достаточно есть пренебрегающихъ предохранительною оспою.

11). Щеки у мужчинъ хотя бываютъ и широкія, но мало овалистыя, болѣе впалыя; у женщинъ же широкія, овальныя и надутыя или *опухлыя*. Вообще скуловыя кости широки и выдаются угловато; но лица все-таки имѣютъ овальную форму при отличительной ширинѣ. Характеристическая поговорка: *Пинега, Мезень—толста селезень.*

12). Глаза осѣняются высокими, отстоящими другъ отъ друга не густыми бровями: черными, и наиболѣе—свѣтло-русыми. У пожилыхъ онѣ нахмурены, а у молодыхъ не мало въ изгучинахъ.

13). Глаза: сѣрые, каріе и черные наиболѣе, съ длинными рѣсницами. Они не малы и выдаются: либо на выкатъ, либо узко, когда впалые въ орбиты.

14). Носы болѣе умѣренные, но замѣтно широковато-плосковатые. Есть толсто-круглые, прямо-тупые, приплюснутые къ верху и попадаются съ горбомъ по срединѣ.

15). Ротъ—органъ ѣденія, вообще, не малъ, а въ частности: большой и малый, т. е. неодинаковъ. Замѣтно выдается немного впередъ.

16). Гортанный звукъ у мужчинъ неблагозвученъ и даже непріятенъ; у женщинъ же чистый голосъ и болѣе или менѣе мужиковатый.

17). Губы толстоваты, полныя.

18). Подбородки толстые, широкіе, круглые и мало выдающіеся, иногда двойные.

19). Зубы небольшіе, бѣлые, здоровые, не очень рѣдкіе, но у нѣкоторыхъ выходящія изо рта на видъ и изъ пропорціи обыкновенной длины.

20). Усовъ и бороды не сбриваютъ. Усы очень малы и рѣдки.

21). Бороды рѣдковолосыя, *клиномъ* т. е. прямыя, строгія, къ вискамъ скудныя. Но есть курчавыя бородки, бороды густыя и крутыя, какъ бараньи шапки, и такія есть *бородачи*, что у нихъ лице бываетъ усѣяно густыми и длинными отъ губъ до шеи и отъ подбородка до висковъ (окладистыми) баконбардами, усами и бородою, но рѣдко.

22). Цвѣтъ кожи бѣлый. Не мало есть такихъ, у которыхъ обильно растутъ волосы по всему тѣлу.

23). Плечи—обыкновенны; но при сутуловатости широкія. Груди развитыя, широкія и возвышенныя. Полныя груди женщины, на виду, прибавляютъ ей красоту.

24). Руки грубы, съ мозолями на ладоняхъ. Ногти на пальцахъ отращиваются большіе.

25). Станъ нестройный, не гибкій, исключая нѣкоторыхъ немногихъ. Таліи толстыя.

26). Ноги толстыя, не длинныя и косыя. *Ступни* ногъ (стопы) сильно развитыя. Пяты ногъ толсты. На подошвахъ затвердѣлыя мозоли. На нижнихъ пальцахъ ногти наростаютъ безобразно.

27). Походка или поступь не твердая, спокойная, тихо-лѣнивая (тяжела на подъемъ русская натура, но по-

словицѣ), отчасти съ перевальцемъ, какъ бы качающаяся, съ опущенною къ низу головою, нисколько не важная, ни торжественная, ни гордая. Старые ходятъ подпираясь длинными палками, что придаетъ имъ заслуженный почтенный видъ.

28). Косы у здѣшнихъ дѣвушекъ удивительной величины. Распустя ихъ, они совершенно могутъ закрыть себя со всѣхъ сторонъ.

29). Въ формахъ преобладаетъ округлость, и видно накопленіе жира. Въ особенности у женщинъ сквозь кожу просвѣчиваетъ румянецъ.

30). Лиственную сѣру безпрестанно жуютъ особенно дѣвицы. Дѣлаютъ это для того, чтобы сдѣлать пріятнымъ дыханіе. Но отъ того же укрѣпляются у нихъ десны, а зубы получаютъ бѣлизну.

31). Отличія особенностей въ образѣ человѣка здѣшняго уѣзда предъ другими жителями губерніи, мы дать не беремся, потому что въ народѣ почти нѣтъ общей физіономіи и черты нельзя не признать неправильными. Однако извѣстно же, что народъ, населяющій губернію, мало-схожъ между собою, если даже принять въ сравненіе одинъ уѣздъ съ другимъ *).

*) Въ описаніи Тулгасскаго прихода о жителяхъ его сказано: „почти всѣ роста средняго и здоровы тѣломъ, члены котораго соразмѣрны между собой. Господствующій цвѣтъ лица — бѣлый, глазъ—голубой, волосъ—русый, бороды—темнокарій“.

ГЛАВА II.

ВНѢШНЯЯ ОБСТАНОВКА.

Программа для собиранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.—Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищахъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, оклады избъ, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, солныша, палати, окна, украшенія, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственныя службы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для спанья, для стирки бѣлья; домашняя утварь и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ домовъ и усадебъ, представленные А. Шадринымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пучъ, доставленныя священникомъ Ст. Меодіевымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія священника П. Павлова о постройкахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингишахъ.—Свѣдѣнія священника В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же священника І. Глѣбовскаго о Челмохотскомъ приходѣ.—Такія же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленныя г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія священника Ѳедорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника Владимірца-Розонова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотицѣ.

Еще для Московской Политехнической выставки 1872 года, на которой между прочимъ предполагалось дать значительное мѣсто изображенію современнаго состоянія строительнаго дѣла въ Россіи, по Архангельской губерніи собирались свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

а). Какой архитектурный характеръ имѣетъ постройка крестьянскихъ избъ въ губерніи? Строятся ли избы одноэтажныя, двухъ-этажныя или болѣе?

б). Какого рода наводятся крыши на избахъ—крутыя или плоскія? Чѣмъ кроются зданія (какъ крестьянскія, такъ и владѣльческія): желѣзомъ, цинкомъ, тесомъ, черепицею, сланцемъ, дранью, гонтомъ, толемъ, картономъ или соломою, и въ послѣднемъ случаѣ какой употребляется способъ покрышки (съ глиняною смазкою, съ тарновкою или обыкновеннымъ способомъ). Необходимо приложить примѣрныя указанія о преобладаніи того или другаго рода крышъ. Есть ли на крышѣ украшенія?

в). Строятся ли избы на каменномъ фундаментѣ или нѣтъ? Есть ли надъ избами подвалы, подъизбицы и т. п.?

г). Сколько въ избѣ комнатъ и какъ онѣ расположены?

д). Есть ли при избѣ лѣстницы, внутреннія или наружныя?

е). Есть ли въ избѣ дымовыя трубы или нѣтъ?

ж). Бываютъ ли при избахъ крыльца или свѣтлицы? Бываютъ дворы крытые или некрытые?

з). Куда обращены окна, какъ велики ихъ размѣръ, и есть ли на нихъ украшенія?

и). Стоитъ ли жилое зданіе въ связи съ нежилыми или отдѣльно?

і). Какъ размѣщены избы въ селеніяхъ: выходятъ ли онѣ окнами на улицу или стоятъ во дворахъ? Расположены ли строенія рядами безъ промежутковъ или съ промежутками, прямыми улицами или ломаными, съ переулками или безъ нихъ, или всѣ строенія разбросаны отдѣльными хуторами или дворами?

к). Есть ли въ селеніяхъ площади, и чѣмъ онѣ обставлены? Какое положеніе относительно селенія занимаютъ церкви и дома духовныхъ лицъ: стоятъ ли они въ центрѣ селенія или площади, или образуютъ отдѣльные приселки? Стоятъ ли помѣщичьи усадьбы среди селенія, или образуютъ отдѣльные поселки?

л). Расположены ли селенія вдоль рѣкъ, или въ междурѣчныхъ пространствахъ, и какими вообще обстоятельствами обусловливается размѣщеніе селеній—присутствіемъ ли воды, линіями дорогъ и т. п.? Если есть селенія между рѣками и линіями дорогъ, то вслѣдствіе чего они возникли?

м). Существуютъ ли въ селеніяхъ губерніи кирпичныя избы? Замѣтно ли въ новѣйшее время увеличеніе кирпичныхъ построекъ въ городахъ и селеніяхъ?

н). Существуютъ ли въ губерніи мазанки и строенія изъ каменныхъ валуновъ? Суть ли эти постройки—зданія жилыя или не жилыя, и не преобладаютъ ли онѣ въ томъ или другомъ родѣ построекъ, въ той или другой мѣстности губерніи?

о). Откуда вообще, при постройкѣ каменныхъ сооруженій въ губерніи, берутся строительные матеріалы? Какія есть въ губерніи каменоломни? (перечислить ихъ, отдѣляя каменоломни строительнаго матеріала отъ ломокъ камня жерноваго, точильнаго, гипса и камней, служащихъ для украшеній и памятниковъ, каковы: мраморъ, гранитъ, лабрадоръ, и для обжиганія извѣсти). Какіе способы добычи камня употребляются въ губерніи? Какія есть въ губерніи разработываемыя мѣсторожденія глины строительной, горшечной, фаянсовой и фарфоровой?

п). Какой матеріалъ служитъ въ губерніи для шоссейныхъ дорогъ и откуда онъ берется? и

р). Какимъ вообще путемъ привозятся въ губерніи строительные матеріалы, сбываются ли произведенія каменоломенъ—внѣ предѣловъ ея и куда именно? *

Хотя матеріалы, доставленные въ отвѣтъ на эти вопросы, не могутъ быть названы ни особенно полными, ни обстоятельными; но нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными, если не въ цѣломъ своемъ видѣ, то хоть въ извлеченіяхъ.

Начнемъ съ извлеченій изъ статьи волостнаго писаря П. А. Иванова: «Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда».

Населенныя мѣста въ Пинежскомъ уѣздѣ расположены при рѣкахъ Немнюгѣ (Кевролъской), Покшеныгѣ, Явзорѣ, Немнюгѣ (Кулойской), Кулоѣ, и рѣчкахъ: Чугѣ, Гбачѣ, Петрогорикѣ, Чушелкѣ, Сурѣ, Нюхчѣ, Выемѣ и Юлѣ и при озерахъ (чѣмъ далѣе отъ уѣзднаго города, тѣмъ менѣе): Курьѣ, Соялѣ, Окатовомъ, Юрольскомъ, Холмовскомъ и Заозерьѣ, а гораздо болѣе половины всего населенія утвердилась по главной здѣсь рѣкѣ Пинегѣ.

Деревни расположились на высокихъ мѣстахъ, такъ чтобы *вешна вода не пообидѣла*. Но есть дома и на низкихъ мѣстахъ и частію на островахъ, гдѣ въ большія воды наводняется и наводненіе дѣлаетъ уносы и поврежденія; такія мѣста называются *поемными*. Впрочемъ неудобства эти можно встрѣтить только въ волостяхъ: Никитинской, Ярушевской, Бирючевской и Совпольской.

Нельзя сказать, чтобы мѣста, на которыхъ расположены селенія, не были выбраны съ умомъ и вкусомъ, ибо вблизи ихъ всегда почти есть проточная вода, а кругомъ растутъ тѣнистыя деревья, или же на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ свободенъ проходъ воздуха и туманы разносятся легкимъ вѣтромъ. Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить разборчивость на дары сѣверной природы: деревни либо очерчиваются замѣчательными рвами, косогорами, дорогою, или обрамляются рѣками, рѣчками, ручьями, нивами и лугами. Вообще мѣста хороши, по взгляду сѣвернаго жителя. Но эта красота является на короткое время. Въ длинную же зиму въ деревняхъ тихо, какъ бы безжизненно, въ полномъ смыслѣ уныло, а вокругъ—мертвая тишина на улицѣ, одно трепетное завываніе сильныхъ порывовъ вѣтра; далѣе—на огромномъ пространствѣ ровный снѣжный покровъ и дремучіе лѣса. Видъ жилищъ дѣлается однообразенъ, печаленъ, сиротливъ; дома заносятся снѣжными сугробами, а внутри ихъ: дымно, грязно, некрасиво, скучно.

На многія деревни понынѣ нѣтъ плановъ. Отъ того и отъ неразборчивости мѣстъ деревни имѣютъ по большой части неправильное расположеніе. Особенно дома, построенные въ давнишнее время, стоятъ, мало того, что хило, какъ старушка стара, но и не по порядку раскинуты тамъ и сямъ, въ разныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ, гдѣ *онъѣздились* или *прижались вплоть* (очень смежно) другъ къ дружкѣ, а гдѣ напротивъ одинъ отъ другаго далеко, или гдѣ идутъ почему-то ровно, а гдѣ то высунулись впередъ, то ушли назадъ; между ними же образуются *заулки, проулки, переулки* (промежутки между дворами) всегда съ сырою грязью, или же показываются слишкомъ просторныя пустыя мѣста. Все это произошло отъ того, что прежде выбирать мѣста подъ постройки предоставлялось крестьянамъ по собственному ихъ произволу и, разумѣется, каждый занималъ то мѣсто, которое ему нравилось. Только кое-гдѣ, къ удивленію, показываются среди деревень круглыя площадки. Впрочемъ еще съ недавнихъ поръ вошелъ здѣсь въ дѣйствіе строительный уставъ, а время перемѣнитъ и видъ построекъ, и понятія ихъ хозяевъ.

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Такъ и здѣсь въ деревняхъ есть улицы, но онѣ не имѣютъ особыхъ названій, а дѣлятся на околотки или просто называются: тамъ... на задней улицѣ... позади... назади... впереди... попереди... на томъ концѣ (нижнемъ или верхнемъ), въ томъ или другомъ ряду. Есть улицы широкія, но довольно и узкихъ, кривыхъ и безобразныхъ, которыя по зимѣ отъ снѣжныхъ мятелей дѣлаются непроходимыми и непроѣзжими, а лѣтомъ грязны, вязки, мокры. Мощенныхъ улицъ нигдѣ нѣтъ, а грязныя изрѣдка заваливаются щепьемъ или щебнемъ и пескомъ, и то по какому-либо распоряженію начальства.

Мостовыхъ (мостковъ) около домовъ тоже нѣтъ; а гдѣ ужь очень грязно, тамъ чрезъ улицу кое-гдѣ просто набрасываютъ доски, жерди и колья. Путь бываетъ вездѣ по одной дорогѣ и для конныхъ, и для пѣшихъ.

Дома стоятъ хотя и не на поемныхъ, но большею частію на сырыхъ, необращаемыхъ въ сухія, мѣстахъ; вокругъ ихъ грязь; спереди, съ боковъ и сзади всякая нечистота, и къ ней же прибавляются разные домашніе помои, а отхожія мѣста почти вовсе не вычищаются.

Всякая падаль: скотъ, овцы, собаки, кошки, протухшая рыба, птица и т. п. бросаются куда ни попало, или въ ближайшія озера, а не зарываются въ землю. Стоячія воды въ озеркахъ производятъ броженіе и при

тихой атмосферѣ, особенно съ росой, зловоніе рѣзко поражаетъ непривыкшаго къ такимъ деревенскимъ благоуханіямъ, и лишь прохосные вѣтры спасаютъ народъ отъ болѣзней, пораждающихся отъ гнилыхъ испареній. О проведеніи же канавъ на улицахъ въ грязныхъ мѣстахъ, или для пропуска воды изъ вредоносящихъ озеръ, не бываетъ и помина.

Избы строятся болѣе на одинъ крестьянскій вкусъ и стройка ихъ довольно хороша собой по сельскимъ понятіямъ. Дома дѣйствительно помѣстительны, удобны, довольно красивы, чисты строеніемъ и, будучи крѣпко построены, вполнѣ защищены отъ стихій. Не даромъ же о сельскихъ постройкахъ въ Архангельской губерніи многіе отзывались хорошо.

Дома всегда строятся продолговатыми *главами* (лицевою стороною зданія) къ рѣкѣ или къ озеру, а боковымъ фасадомъ во дворъ. Любимое же мѣсто обращенное лицомъ къ востоку.

Они становятся болѣе въ два ряда; когда же постройка ведется въ нѣсколько уличныхъ линій, или *порядковъ*, то строенія обращаются передомъ тоже на улицу, но, по ранѣе сдѣланному очерку, и неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дома выходятъ на улицу задомъ. Линіи называются *рядами, порядками* и *сторонами*.

Во всемъ уѣздѣ сельскія строенія деревянныя, т. е. изъ плотныхъ бревенъ, и только въ рѣдкихъ деревняхъ на каменныхъ фундаментахъ. Чтобы, вмѣсто каменнаго фундамента, дома были на *ступняхъ* или сваяхъ, мнѣ не случалось видѣть. У нѣкоторыхъ домовъ для прочности, нижніе вѣнцы окалачивались берестою. Дома строятся на ровномъ совершенно мѣстѣ, или на невысокой заваленкѣ (земляной насыпи).

Какъ всякая постройка зданія дѣлается изъ растущаго лѣса, такъ и всякая при этомъ подѣлка бываетъ изъ деревъ же. Строительные матеріалы вездѣ мѣстные, ибо строеваго лѣса въ здѣшнемъ краѣ очень достаточно. Они заготовляются не всѣми одновременно, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и доставляются къ мѣсту работъ постепенно. Гвоздей при постройкѣ дома идетъ самая малость, такъ какъ бревна, полы и потолки, въ случаѣ надобности, скрѣпляются посредствомъ вырубаемыхъ зубцовъ: въ нижней части—*зарубки*, а въ верхней—*выемки*.

Постройка начинается съ того, что дѣлается *окладъ* (закладывается основаніе) и не рѣдко случается, что закладка дома дѣлается въ первый годъ, а самая постройка продолжается съ слѣдующаго года.

Форма домовъ четвероугольная.

Бревна, употребляемыя для постройки жилыхъ избъ, выбираются преимущественно толстыя, длинныя и, при всемъ томъ, преимущественно здоровыя.

До начала постройки деревья очищаются отъ верхней коры и просушиваются. Но есть дома, построенные изъ неочищенныхъ отъ коры бревенъ и не просущенныхъ хорошо; такія строенія конечно не бываютъ долговѣчны. Деревья не пилятся въ брусья, какъ это дѣлается сельскими жителями въ другихъ губерніяхъ. Стѣны образуются изъ накладываемыхъ въ квадратъ бревенъ *кругликомъ, вершинами* однихъ къ комлямъ другихъ. Только для нѣкотораго уравненія толщины, верхнія и нижнія оконечности дерева отрубаются топоромъ, а по окончаніи постройки всѣ неровные концы отпиливаются вдругъ пилою по угламъ.

Капитальныя стѣны, *чтобы не вевло избное тепло*, проконопачиваются чернымъ мхомъ, особенно полы, пазы (скважины) въ мѣстахъ сращенія деревъ. Мохъ накладывается вездѣ тогда, когда нужно бревно класть выше и выше. Но, сказываютъ, что съ такою укупоркою дома бываютъ не такъ прочны, какъ прочіе; отъ того и отъ мягкаго грунта мѣста, на которомъ построенъ домъ, онъ постепенно съ годами *осѣдаетъ* и *кривится*, а потому нерѣдко дома подводятъ (поднимаютъ) и *жаравятъ* (вставляютъ новыя бревна въ основаніи); разумѣется это дѣлается не вскорѣ, а лѣтъ черезъ 10—25. Бываютъ и такіе дома, въ стѣнахъ которыхъ нѣтъ мха, потому что прежде положенія наверхъ бревна нижняя сторона его выдолблена и вырублена *желобомъ*, коимъ оно уже плотно садится на нижнее бревно, не оставляя сквознаго прохода или щели, которыя проконопачиваются *паклею*. Поэтому такимъ домамъ отдаютъ предпочтеніе въ плотности, да и строятъ ихъ собственно люди богатые.

Постройка производится зодчими изъ туземныхъ *плотниковъ* и нерѣдко самими хозяевами. Инструменты при этомъ употребляются: желѣзные топоры, пилы, скобки, струги, долота и буравы.

Жилыя избы у крестьянъ строятся или небольшими флигелями, въ одинъ этажъ, съ одною избой и нѣкоторыми *пристройками* и иногда комнатками, либо обширнымъ зданіемъ—домомъ въ два этажа съ вышкою, которая отчасти придаетъ дому снаружи видъ трехъяруснаго, въ которомъ однако-жъ заключаются не всѣ домовыя службы. Высота стѣнъ у флигелей бываетъ до 6 и 8 аршинъ, а высота двухъ-этажныхъ домовъ до 3 и 4 саженъ.

Всякій домъ дѣлится на *передъ* и *задъ*. Въ двухъярусномъ домѣ верхнія комнаты называются *верхомъ*, а жилыя комнаты въ нижнемъ этажѣ *подызбицей* или *подполицей*. Самые этажи именуются *жилами*. Мезонинъ или свѣтелка—называется *вышкою*, а чердакъ *подволокою*. Чердаки бываютъ сухіе и на нихъ помѣщаются негодныя вещи, развѣшиваются вѣники, а осенью дома украшаются кистями вывѣшенной рябины. Лѣстницы къ нимъ бываютъ изъ сѣней, или неподвижныя съ перилами, или приставныя, обыкновенныя плотничныя.

Отъ стихій, вѣтра, дождя и снѣга, дома закрываются хоромами (крышами). Верхніе ряды бревенъ, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятыя, называются иногда *сараемъ*. Крытіе кровель на домахъ повсемѣстно дѣлается на два ската. Крыши бываютъ довольно высокія; вершины ихъ на срединѣ остроконечны; а дѣлаются онѣ изъ *теса* (досокъ), топорной работы, или иногда изъ *тесницъ*—пильнаго дѣла, полагаемыхъ рядомъ съ покрышкою во второй рядъ по одной доскѣ на двѣ нижнихъ, и нерѣдко съ фронтонами. Концы тесницъ на верху острія крыши укрѣпляются на стропилахъ *князькомъ*, т. е. большимъ выдолбленнымъ бревномъ (или отесаннымъ треугольникомъ), которое скрѣпляетъ крышу на самомъ верху, будучи пропущено во всю ея длину. Это самое верхнее бревно, идущее вдоль крыши, называютъ также *охлупнемъ* (Холмогорскій и Шенкурскій уѣзды). Въ Пинигахъ избы сводятся косякомъ, тесанымъ на два ската. Въ Курьѣ избы закрыты сосновыми досками въ жолобъ подъ охлупень. Князекъ заканчивается съ обоихъ концовъ на подобіе продолговато-остраго, либо тупаго птичьяго носа, а по всему ему сверху наколачивается десять или болѣе макушекъ. Внизу крыша укрѣпляется двумя жолобами (желубами), по той и по другой длиннымъ сторонамъ фасада во дворъ; они служатъ и для стока съ отлогихъ и широкихъ концовъ крыши дождевой и снѣговой воды. Для прочности жолобы осмаливаются и поддерживаются *кочережками* (числомъ отъ 4-хъ до 12-ти съ каждой стороны), которыя вдѣлываются въ верхніе вѣнцы стѣнъ и пропускаются въ *поперечныя* стропилы, на которыя накрывается плотно тесъ. Эти вбитые въ верхніе ряды стѣны деревянные крюки, поддерживающіе потолокъ съ крышею, носятъ названіе *куричъ*. Концы этихъ куричъ, называемыхъ еще *окручьями*, снаружи похожи то на коньи головы (морды лошадей), то на голову змѣи съ разинутою пастью, то на голову какого-либо животнаго съ стоячими ушами, или рогами. Вся же совокупность бревенъ, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *стопою*. Но есть не мало домовъ, а въ особенности *полу-домовъ* (не достроенныхъ), на которыхъ крыши плоскія, просто накрытыя тесомъ.

У нѣкоторыхъ домовъ, на концахъ кровель, *выводятся деревянные карнизы* (разныя украшенія), а у оконъ втораго этажа и мезониновъ съ лицевой стороны дѣлаются *навѣсы* (галлереи или балконы) съ перилами, называемые наиболѣе *выходами*; окрашиваются они у рѣдкихъ домовъ; крышъ и куполовъ у нихъ не бываетъ.

Красятъ крыши *) и углы вымазываютъ дегтемъ для прочности только зажиточные хозяева; также очень рѣдко углы околачиваются досками.

*) Господствующій въ окраскѣ цвѣтъ—желтый и отчасти зеленый.

Домовъ образцовыхъ, т. е. выстроенныхъ съ чистою отдѣлкою, либо на каменныхъ фундаментахъ, либо обшитыхъ и окрашенныхъ, или съ раскрашенными крышами и углами, не болѣе двухъ десятковъ.

Лѣстницы дѣлаются большею частію неуклюже. Онѣ бываютъ наиболѣе съ *науличья*, съ боковъ домовъ, чаще съ южной стороны. Въ другихъ же домахъ входъ бываетъ одинъ съ деревяннымъ *предмостьемъ* (вмѣсто крыльца) изъ толстыхъ брусьевъ, а оттуда входъ идетъ и въ нижній и въ верхній этажи. У нѣкоторыхъ же домовъ входовъ бываетъ два: грязный и чистый. По первому крыльцо низкое, т. е. предмостье, иногда только съ просто сдѣланными перилами,—ведетъ въ низъ;—верхній же входъ состоитъ изъ лѣстницы, о нѣсколько ступеней, которая обыкновенно выводитъ на террасу, называемую рундукомъ. Это крыльцо, крытое, либо не крытое, бываетъ обыкновенно забрано съ двухъ сторонъ досками, или украшенно перилами изъ витыхъ и точеныхъ балясъ. Оно дѣлается на *стойкахъ*, и на немъ иногда устраиваются лавки и бываютъ желѣзныя скобки, для оскобленія ногъ въ грязной обуви. *Надвьсы* (крышка крыльца) у нѣкоторыхъ домовъ украшаются простою рѣзьбою.

Отъ лѣстницъ обыкновенно идутъ и *ворота* въ дома. Они бываютъ всегда однопольныя, отворяются на желѣзныхъ крюкахъ, и запираются толстыми желѣзными полосами. Надъ воротами ставятъ мѣдные или деревянные кресты и иконы.

Сѣни вездѣ раздѣляютъ домъ по срединѣ на двѣ равныя половины; но часто и сами онѣ раздѣляются на дѣлянки съ *перегородками* изъ досокъ: однѣ сѣни *избныя*, другія горничныя; послѣднія часто замыкаются замкомъ и обращаются подъ складываніе разнаго имущества. Вообще сѣни, по большей части бываютъ необширныя, смотря впрочемъ по дому, но иногда онѣ кажутся длинными и темными коридорами. Для освѣщенія сѣней дѣлается просвѣтъ, или просто изъ прорубленныхъ дыръ, или же изъ одного и двухъ небольшихъ оконъ. Сѣни всего болѣе бываютъ холодныя и весьма рѣдко теплыя. Полъ сѣней и самыя сѣни называются *мостомъ*.

Комнаты больше устраиваются *сподрядъ съ избой* и рѣдко съ боку, или сзади дома. Потому задъ его (т. е. другая половина) почти всегда остается болѣе *глухой* (не жилой, холодной). Но, не смотря на то, входы бываютъ особые въ каждую комнату и рѣдко изъ комнаты въ комнату.

По этому и двери дѣлаются почти въ каждую комнату особыя. Однѣ бываютъ постоянно однопольныя и, подобно домовымъ воротамъ, деревянныя, въ три продольныя доски, столярной работы, четырехугольныя довольно низкія, вышиною до двухъ аршинъ, а шириною отъ $1^1/_2$ аршинъ; отворяются снаружи къ себѣ, а изъ

531633.

комнаты отъ себя, и при томъ такъ, чтобы, выходя, ступать чрезъ порогъ приходилось не лѣвой, а правой ногой. Самая пола (створы) называется *дверью*, а косяки около нея въ стѣнѣ—*ободвериною*. Къ дверямъ прибиваются *крюки, тяги, петли, пробои, лебедки, ващелки и крючки*. Для тепла въ зимнее время двери заботливыми семьянами обиваются со стороны сѣней рогожами и циновками, а по бокамъ *ободвержны*, со стороны избы, приколачиваютъ связанные пуки ржаной соломы, прикрѣпляя ихъ гвоздями и кусками кожи. Всѣ заботы крестьянъ обращены на то, *чтобы на улицу тепло изъ избы не вышло, а стужа—не могла заходить въ избу*, тогда какъ и безъ того избы отапливаются жарко, такъ что стѣны и двери чернѣютъ.

Изба *)—это людская или черная половина крестьянскаго обиталища, гдѣ живутъ всѣ, какъ бы семейство ни было велико; въ ней стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, помѣщаются куры и собаки и (какъ въ верховскихъ деревняхъ) кормится домашній скотъ. Она дѣлается всегда обширною и въ равномъ разстояніи въ какую угодно сторону. Такое разстояніе, взятое въ длину, бываетъ отъ трехъ до четырехъ и болѣе саженъ; въ вышину же изба отъ пола до потолка сажени полторы и менѣе.

Стѣны избы бываютъ внутри голыя, бревенчатыя или *отдѣланныя* (обтесанныя).

Потолки и полы въ избахъ *набираются* обыкновенно брусчатые: изъ деревъ, у которыхъ горбы (горбыли) отпиливаются, и средина дѣлается толстою, а съ боковъ уже; потому самому *половица* и *потолочница* выходятъ въ ширину болѣе въ три и четыре объема, чѣмъ въ толщину. Но бываютъ въ избахъ потолки бревенчатые изъ накатника круглаго или распиленнаго пополамъ (это, когда домъ одноэтажный). Въ двухъ-этажномъ домѣ полъ втораго этажа дѣлается особо, а потолокъ для нижняго жилья также особо. Межъ этими поломъ и потолкомъ накладывается песокъ или земля, *чтобы не уводило тепло въ верхъ* подполки. И при одноэтажномъ домѣ, для удержанія тепла, сухая земля или песокъ насыпаются равно сверхъ потолка. *Потолочницы кладутся на матицы*, которыхъ приходится на комнату по одной и по двѣ, а въ нижнемъ этажѣ по три, и которыя бываютъ толстыя, или изъ круглыхъ, или изъ обращенныхъ въ брусья деревъ; половицы же въ нижнемъ этажѣ кладутся, *настилаются на подполки*, а въ верхнемъ, на балки—(арки) сверхъ потолка нижняго этажа. Потолочницы и половицы сплачиваются деревянными шипами. Такъ какъ полы и потолки на другой же годъ *разсыхаются и расходятся*, то они разбираются и снова сплачиваются.

*) Это относится до бѣлыхъ избъ; о черныхъ же избахъ см. ниже.

Печи въ избахъ дѣлаются изъ обыкновеннаго краснаго или алаго кирпича, туземной выдѣлки, сцементованныхъ *глиною* (глиною); но много ихъ бываетъ *глиномятныхъ*, т. е. сдѣланныхъ изъ битой глины. Предварительно устраиваютъ *печное мьсто*, ставятъ въ колоду четыре столба; столбы распираютъ въ стѣны избныя поперечинами во всѣ стороны; поперечины эти служатъ грядками или полками. Въ горницахъ печи голландскія. Но главная печь въ избѣ такая же, какъ и вездѣ у сельскихъ жителей въ Россіи,—чисто русская, широкая, какъ слѣдуетъ быть пекарнямъ, всегда четырехугольная и на деревянномъ высокомъ фундаментѣ.

Печь называется *печкою* и раздѣляется народомъ на слѣдующія части:

1). *Напечь* *)—очагъ и лежанку сверху. Тутъ складываются дрова, лучина и все просушиваемое; тутъ же жители отогрѣваются отъ холода.

2). *Боровокъ* (сводъ) и *чело* (фронтонъ отъ устья). На боровокъ кладутся для просушки разныя вещи.

3). *Устье* (отверстіе печи спереди), служащее для накладыванія въ печь дровъ и для поставки и сажанія кушаній въ печь. Оно закрывается *заслонкомъ* изъ листоваго желѣза, а мѣсто предъ печью отъ чела до шестка завѣшивается иногда одной или двумя койками, *занавѣсками*. Къ устью, когда печь топится, дабы *пыло не шло* сильно, приставляются горшки.

4). *Подъ* (калильный полъ въ ней) выкладывается изъ кирпича.

5). *Занеты* (два бока пола, къ заслону ближайшіе), куда загребаются кочергой уголья и помеломъ сметается зола.

6). *Шестокъ*, (полъ снаружи отъ заслона), *окладенный изъ кирпича*, или же сдѣланный изъ плитоваго камня. Въ послѣднемъ случаѣ шестокъ и называется *плитой*.

7). *Жаратокъ*—стороны шестка, отъ которыхъ продолжается дымовое отверстіе въ верхнюю часть свода.

8). *Кутъ*—дальняя сторона въ печи.

9). *Горнушка*—(безъ поясненій понятно устройство) на шесткѣ.

10). *Опечекъ* или *подопечье*—конурка съ ставнемъ или дверцами. Туда кладутся печныя вещи: дрова, растопка, ухваты, кочерги и прочее.

11). Снаружи печи, съ наружнаго бока и спереди, выдѣлываются *печурки*, въ видѣ небольшихъ окошечекъ, гдѣ хранятся огне-дающіе матеріалы, мыло, мочалки и гдѣ сушатся или согрѣваются рукавицы, чулки, онучи, катанки и т. п.

*) Она еще называется кошачьимъ городкомъ, ибо тамъ любятъ располагаться кошки.

Трубы дымовыя отъ печей обыкновенны: четырехъугольной формы, не высоки, ниже одного аршина сверхъ крышъ и выводятся въ вертикальномъ положеніи; а въ двухъ-этажныхъ домахъ располагаются въ главнокапитальныхъ стѣнахъ, *выходятъ кольнами,* потому что, при соединеніи трубъ въ одинъ выходъ, своды ихъ ведутся *боровьями,* устроенными въ наклонномъ положеніи; проходы называются *дымоволоками.* Трубы выкладываются изъ кирпича, который цементуется глиною. Когда печь бываетъ истоплена, трубы закрываются, или закутываются чугуннымъ блинчикомъ (кружкомъ, закрывающимъ трубу—ранѣе вьюшки) и чугунною или глиняною *вьюшкою* (сверху блинчика), для чего въ трубѣ и дѣлается гнѣздо. Тутъ, гдѣ труба закрывается, дѣлаютъ входъ для вниманія и закладыванія руками вьюшекъ (во множественномъ смыслѣ подразумѣваются и вьюшка, и блинчикъ); онъ заслоняется желѣзнымъ *ставенькомъ,* или кирпичемъ и иногда по бокамъ затыкается тряпками. Вьюшки бываютъ въ трубахъ отъ каждой печи, или въ началѣ ихъ, или на чердакѣ; въ другихъ же домахъ сверхъ вьюшекъ на подволокѣ, бываютъ пропускаемы въ трубы, въ началѣ ихъ, *листы желѣзные,* которые *выдвигаются* и *задвигаются* по мѣрѣ того, много или мало нужно держать жару. Трубы отъ накопляющейся сажи очищаются шваброю, но очень рѣдко; ибо у крестьянъ есть свой способъ очищенія сажи:—протапливать печи осиновыми и ольховыми дровами *).

У многихъ домовъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется заборкою, перегородкою, называемою *шолнушею, солнышею,* или *солнышемъ.* Это—досчатая перегородка по грядкѣ, протянутой отъ сруба печи, начиная отъ угла оной до противоположной стѣны комнаты. Она занимаетъ пространства въ избѣ въ длину немного болѣе печатной сажени, въ ширину равняется съ шириною печи спереди, а въ вышину до потолка не доходитъ. Въ иныхъ домахъ, вмѣсто деревянной *заборки,* бываютъ пестрядиные, холщевые и крашенинные занавѣсы. Въ этомъ отдѣленіи придѣлываются *грядки, полатки, полки* и *полицы,* вокругъ всей перегородки, и тамъ же хранятся всѣ бабьи домашнія орудія и хозяйственная утварь. У иныхъ хозяевъ въ углу шолнуши за печью устраиваются жернова для молотья крупы и хлѣба. Въ нѣкоторыхъ домахъ близъ печей дѣлаются небольшія *прилавки* или *голбчики.* Голбецъ передъ печью—составляетъ ходъ подъ полъ, куда кладутся разные припасы, могущіе внѣ избы замерзнуть. Вообще подъ поломъ, въ солнышѣ или избѣ дѣлается *подполье*—не глубокая яма, въ родѣ погреба, иногда съ укрѣпленнымъ бревенчатымъ срубомъ, съ небольшою лѣсенкою и входомъ посредствомъ опускныхъ дверецъ. Если въ избѣ не бываетъ заборки, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолнуша.*

Вообще же уголъ, противоположный запечному, составляетъ собственную принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухонной обстановки, блюдъ, горшковъ, чашекъ и пр. Запечный уголъ—темный: въ немъ помѣщаются жернова для молотья и укрываются хозяинъ и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣнъ передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами прикалачиваются или *полки,* или вмѣсто ихъ оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ—*выкза.* Въ избѣ тоже тянутся, наравнѣ съ другими грядками и воронцемъ, вокругъ стѣнъ надъ окнами, до полатей, печи и солнуша, грядки и полки. Иногда выше грядокъ подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляются рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами,* на которыхъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и т. п.; или черныя грядки для сушенія жита.

Въ избѣ, при входѣ, надъ дверью устраиваются какъ бы висящія *полати* или *нары* (антресоли) изъ полатницъ (досокъ гладкихъ), расположенныхъ по грядкѣ отъ стѣны, гдѣ двери, и по воронцу (брусу, протянутому изъ боковой стѣны къ стѣновому столбу сруба, который поддерживаетъ печь). По этому полати бываютъ въ длину равны длинѣ печи, но нерѣдко дѣлаются повыше очага ея, почти наравнѣ съ потолочною матицей. На полати складывается разная ношебная одежда и иногда все, что ни попало, безъ разбора; также онѣ назначены для спанья и помѣщенія дѣтей, такъ какъ на нихъ воздухъ обыкновенно теплѣе избнаго.

Для всхода на печь и на полати къ деревянному основанію печи придѣлываются приступки, лѣстница изъ двухъ или трехъ брусчатыхъ не широкихъ ступеней, къ верху узкихъ, а иногда еще къ двумъ столбамъ, пропущеннымъ по угламъ печи, прибиваются по ниже лежанки перилы, просто изъ одной жерди для облегченія подъема на верхъ. Сверхъ того перилами же служитъ деревянная распорка означенныхъ двухъ столбовъ, обыкновенно приходящаяся наравнѣ съ краемъ очага.

Въ избѣ, отъ *воронца,* къ потолочному матню протягивается березовый *стягъ* (крѣпкая жердь), называемый *очапомъ;* въ потолокъ онъ укрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Къ свободно качающемуся концу очапа привѣшивается дѣтская зыбка (люлька), вродѣ деревяннаго продолговатаго ящика, безъ крышки, или же *корзинка.* Это бываетъ, когда въ семьѣ есть малютка.

Оконъ въ комнатахъ прорубается не всегда четное число и не всегда одинаковой мѣры, что портитъ наружный видъ домовъ. *Окошки* бываютъ четырехъугольныя, продольныя или въ высоту, или въ ширину. Рамы вставляются деревянныя, переплетенныя въ крестъ, со стеклами.

*) Этотъ способъ, принятый крестьянами Архангельской губ., былъ опубликованъ въ журналѣ М—ва Вн. Дѣлъ.

Большею частію окошницы небольшія, опускныя, или вовсе не открывающіяся и состоящія изъ однихъ рамъ лѣтомъ и зимою. Стекла въ рамахъ зеленыя, само собой разумѣется, не чистыя, тусклыя; ихъ въ рамѣ бываетъ три въ ширину и два въ высоту, или на оборотъ, а каждое стекло величиной въ четверть и менѣе. Окошко дѣлается немного, и они выходятъ на улицу только спереди, а съ боковъ мало. Прибавимъ къ этому, что стекла содержатся въ грязи, бываютъ часто разбитыя, вставляются больше изъ кусочковъ, смазанныхъ толстымъ неровнымъ слоемъ замазки, или замѣняются сахарной и газетной бумагой, и потому лѣтомъ въ избахъ бываетъ темно *середи бѣлаго дня;* а по зимѣ рамы и стекла обмерзаютъ дикими рисунками и сосульками на толстой ледяной корѣ, отпотѣваютъ снутри (отсырѣваютъ), гніютъ и производятъ сырость въ самыхъ комнатахъ. У зажиточныхъ же крестьянъ окна бываютъ *красныя, косящатыя и створчатыя* на шолнерахъ отъ *отводовъ* и *косяковъ*, при томъ обширныя, свѣтлыя изъ бѣлаго или полу-бѣлаго стекла съ рамами, выкрашенными бѣлилами на маслѣ, въ шесть кисточекъ, т. е. двѣ въ ширину и три въ высоту съ *порожками* (внизу) и *подоконья* (нижняго косяка). На зиму у зажиточныхъ въ окна вставляются *двойныя рамы*, межъ которыхъ на обоконье всыпается песокъ, а на него иногда кладутся: бѣлый мохъ, вѣтви рябины съ ягодами, куски кирпича, соль въ *тюричкахъ* и т. п.

Окна бываютъ еще волоковыя, небольшія въ два стекла, *въ ставняхъ* (втулкахъ), которыя съ улицы обиваются кожею, или чѣмъ либо другимъ. Ставни эти вставляются на мѣсто лѣтнихъ рамъ на зиму. *Окошечки*, поддерживаемыя снутри на *вертлюжкахъ*, бываютъ вынимаемы изъ ставней, когда надобно что-либо подать изъ избы на улицу: милостыню нищему, рукавицы или ременку ушедшему безъ нихъ мужику, или отвѣтить проѣзжающему на его вопросъ и проч. А въ старо-древнихъ домахъ, которыхъ находится много, есть еще окна изъ *слюды*, вставленной въ желѣзныхъ разнообразныхъ рамкахъ.

У оконъ приколачиваются *наличники* и *карнизы*, а во многихъ домахъ сверхъ того придѣлываются къ *стойкамъ ставни* (дверцы на желѣзныхъ петляхъ) для закрытія оконъ, когда нужно бываетъ. Онѣ *приставляются на день* къ стѣнамъ деревянными или желѣзными *вертлюжками*, или *припорами* (жердями отъ земли), а на ночь зимою для тепла закрываютъ самыя окна. Стороны ставней, открывающіяся наружу днемъ, для прочности вымазываются смолою и дегтемъ, или размалевываются мѣломъ, либо охрою; у хорошихъ же домовъ ставни бываютъ расписныя, т. е. на нихъ для прикрасы рисуются различные цвѣты, рѣзныя линейки и другіе знаки. Однако же ставни бываютъ не у всякаго дома, и крестьяне, вмѣсто нихъ, къ окнамъ на ночь приставляютъ соломенныя *коверки*. Кромѣ того у зажиточныхъ хозяевъ окна въ домахъ завѣшиваются ситцевыми и кисейными занавѣсками.

Изъ сказаннаго выше можно было видѣть, что постоянную мебель крестьянской избы составляютъ: грядки полки, наполненныя разными приборами и посудою, полати, загроможденныя разными разностями, очапъ съ зыбкою и прилавокъ у печки. Кромѣ того за мебель слѣдуетъ считать: 1) *Лавки* въ избахъ или *скамейки* въ горницахъ. Онѣ бываютъ неподвижныя, подлѣ стѣнъ, кругомъ избы. Это низкія сидѣнья (четверти на двѣ съ половиною отъ пола), замѣняющія диваны и стулья, бѣлыя, устроенныя изъ довольно толстыхъ досокъ. Но въ родѣ такихъ лавокъ бываютъ подвижныя бѣлыя скамейки. Онѣ приставляются къ стѣнамъ вдоль ихъ и берутся для сидѣнья, когда встрѣчается надобность (напр. ими обставляютъ праздничные столы). 2) *Стульчики* или низкія *скамеечки*, простаго издѣлія, связанныя изъ ивовыхъ стволовъ, съ дощечкою посрединѣ на верху; стулья изъ простаго бѣлаго дерева съ закругленными спинками. 3) *Столъ*. Онъ составляется изъ столовика (гнѣзда ножекъ) и столѣшницы, длинной и чрезвычайно огромной доски, выдѣланной изъ одного дерева, или изъ нѣсколькихъ сколоченыхъ досокъ. Столъ стоитъ всегда въ *переднемъ углу* *), длиною отъ него къ углу, гдѣ порогъ. На немъ совершается трапеза и стряпаются хлѣбы и другія печенья изъ тѣста. 4) *Наблюдники*. Они еще зовутся *блюдниками* и *блюдешками*. Это рядъ полокъ съ перильцами, прибитыхъ другъ надъ другомъ къ стѣнѣ въ солнышѣ пониже грядокъ; за нихъ кладутся въ прямомъ или покатомъ положеніи: блюды, тарелки, чашки, вилки, ножи, ложки и т. п. 5) *Шкафикъ* съ дверцами надвое или безъ оныхъ, или поставецъ съ посудой въ углу солнышка. 6) *Глиняная рукомойка*, или мѣдный *рукомойникъ*, повѣшеный отъ воронца или грядки близъ печи, или близъ порога въ углу. Подъ рукомойкой *лохань* (ведро-лоханка) на деревянной тумбѣ и тутъ-же *вынкъ*. Надъ рукомойкой *вымза* (небольшая грядка), на которую кладется мыло. Но главнѣе всего избу украшаетъ *божница* (планки или треугольникъ) въ переднемъ углу, обставленная образами на иконахъ и картинахъ. Кромѣ того въ избахъ иногда бываютъ косыя *зеркала* съ утиральникомъ, и у нихъ лежатъ или висятъ на снуркахъ гребни. Утиральники еще висятъ на особыхъ гвоздяхъ у печей.

Въ домахъ поселянъ рѣдко бываетъ болѣе четырехъ комнатъ: самая обычная постройка въ два и три *покоя*;

*) Переднимъ угломъ называется тотъ уголъ, гдѣ божница; а такой уголъ въ избѣ тотъ, который не занятъ солнышемъ.

жилой избы, иногда особой *скотной избы* *) и горенки; но въ нѣкоторыхъ домахъ между избой и горенкой бываетъ четвертая средняя комнатка объ одномъ окнѣ, въ сажень ширины; она называется *чуланчикомъ*.

Горенки у зажиточныхъ крестьянъ бываютъ въ длину и ширину по 3 саж., у незажиточныхъ же онѣ чисто *конурки*, съ двумя или тремя и много четырьмя окнами, съ однѣми рамами, не болѣе $1^1/_2$ саж. въ ширину, 3 саж. въ длину и 1 саж. въ вышину. Капитальныя стѣны бываютъ: или бѣлыя обдѣланныя, или отдѣланныя чистенькими по сельскому вкусу, т. е. обиваются недорогими обоями (шпалерами), или оклеиваются простой *оклейкою* (бумагой), которая *выбѣливается* мѣломъ на клею, иногда смѣшаннымъ съ желтымъ цвѣтомъ выпаренныхъ въ кипяткѣ листьевъ отъ сухихъ березовыхъ вѣниковъ. Потолки въ *горницахъ* большею частію изъ обтесанныхъ брусьевъ, выбѣленныхъ мѣломъ, а полы изъ накатника, чище и бѣлѣе избныхъ. Двери простыя и однопольныя; но въ нѣкоторыхъ домахъ онѣ раздѣляются надвое и бываютъ столярной работы. Печи въ горенкахъ дѣлаются болѣе русскія, какъ въ избахъ, и частію *голанки* (голландскія) изъ кирпича; у послѣднихъ привѣшиваются къ устью чугунныя дверцы.—Трубы уже извѣстны.

Горницы, какъ отхожія комнаты, служатъ для пріема гостей во время праздниковъ и въ торжественныхъ случаяхъ. По этому въ нихъ почти и не живутъ, и онѣ не отапливаются во все это время, исключая развѣ случаевъ, когда *морозятъ* таракановъ и избы *отворяются* (рамы изъ оконъ вынимаются и двери отворяются *настежъ*). Оттого комнаты эти обращаются въ хранилища имущества и не поддерживаются въ порядкѣ и чистотѣ.

Мебель въ горницахъ бываетъ небольшая; но все же есть маленькая роскошь, именно: бѣлыя деревенскія *скамьи* такъ-же, какъ въ избахъ подвижныя и неподвижныя, которыми обставляется почти на округъ горница, иногда простые стулья, деревянные, окрашенные въ красную краску, безъ подушекъ и съ подушками; одинъ или два большихъ раскрашенныхъ *стола* съ точеными ножками, либо обыкновенные складные, либо раздвижные, покрытые лакомъ, накрываемые бѣлыми *скатертями*; одинъ, два и даже три посудныхъ *шкафа*, въ которыхъ на полкахъ подъ стекломъ хранятся: чайники, чашки, стаканы, рюмки, ложки и проч.; *наблюдникъ*, на которомъ, (а также по зымзамъ печи) раскладывается разная посуда; *рукомойникъ* мѣдный, а подъ нимъ такой же тазъ на стулѣ, табуретѣ или скамейкѣ у порога близъ дверей, а иногда въ *запечьѣ*; въ простѣнкахъ висятъ или бываютъ поставлены на гвоздяхъ, одно или два безобразныхъ зеркала четырехъ-угольной формы, въ рамкахъ **), иногда еще подъ наклейкою краснаго дерева; а сверхъ ихъ растягиваются чистые *сточники* (полотенца) съ суздальскимъ узоромъ. Случаются въ горенкахъ еще часы старинные: огромные стѣнные, съ боемъ, безъ футляровъ, и карманные луковицеобразные; а иногда не дурной комодъ, накрытый салфеткою съ тремя или четырьмя выдвижными ящиками. Но главное украшеніе комнатъ у крестьянъ—иконостасъ и собраніе картинъ. Извинятъ намъ, если мы поговоримъ объ этомъ предметѣ съ подробностями.

Жители любятъ устанавливать *божницы* (выкрашенныя планки въ видѣ трехъ-угольника) въ переднихъ углахъ. Божница—это завѣтное тябло. Особенно почитаются иконы *стариннаго письма*, хотя бы онѣ были и *опержавшія* (съ стертой живописью) **). Всѣ имѣющіеся образа большею частію простые, иконописные, произведенія русскихъ художниковъ, и большею частію Суздальскаго письма на доскахъ. Всѣ образа и воздвизательные кресты нерѣдко находятся въ дорогихъ кивотахъ, съ позолоченною рѣзьбою, въ мѣдныхъ, аплике или серебряныхъ окладахъ, — съ мѣдными и серебряными *ризами*, уложенными жемчужными и бисерными роснами, съ мѣдными серебряными и золочеными вѣнцами, на коихъ навѣшиваются: ручки, ножки, сердца, головы и проч. серебряные слитки, а также медали, кресты, ленты и проч. Если кивота нѣтъ, то иконы задергиваются *пеленой*, тафтичкой-тряпичкой. Кромѣ такихъ образовъ и распятій ставятся мѣдные литые створцы съ изображеніями годовыхъ великихъ Господскихъ и Богородичныхъ, праздниковъ. У иконъ бываютъ повѣшены лампады съ шкаликами, въ которые наливается деревянное масло, и небольшія паникадила съ восковыми свѣчами. Тутъ же въ щели втыкаются ручныя кадила, а на божницѣ находятся: бутылки съ деревяннымъ масломъ, ладоницы и просфора, а за иконы кладутся пуки вербъ. Картины съ священными предметами и изображеніями духовнаго содержанія, покрывая стѣны горницъ и избъ, составляютъ не столько святыню, сколько настѣнныя украшенія.

Сверхъ того, рѣдкая горенка у крестьянъ не оклеена по стѣнамъ, отъ потолка и до лавокъ, лубочными картинами въ родѣ Погребенія кота, увеселительно-игривыми, или картинками апраксинскаго исскуства, болѣе торжественными и патріотическими, какъ-то взятіе Карса, бомбардированіе Севастополя, съ изображеніями разныхъ военныхъ дѣйствій въ Россіи. Есть также картины съ изображеніями лицъ царской фамиліи, русскихъ героевъ:

*) Тоже, что черной. См. далѣе.

*) Рамки обклеиваютъ чѣмъ попало: верхушками съ помадныхъ банокъ, конфектныхъ билетиковъ и картинокъ и проч.

**) Когда лики на иконахъ совсѣмъ исчезнутъ, то ихъ спускаютъ на воду.

Кутузова, Суворова, Паскевича, Меншикова и другихъ; а въ хорошихъ домахъ нерѣдко встрѣчаются рамки за стеклами съ портретами, довольно правильно изображающими взятыя для того личности, а также съ съемками монастырей, богоугодныхъ зданій и чтимыхъ народомъ мѣстъ *).

Черныя или *курныя избы* **) суть одножилые флигеля. Онѣ принадлежатъ преимущественно бѣднымъ обывателямъ; но есть и у зажиточныхъ, которые имѣютъ большое скотоводство, большое земледѣлие или какой либо заводъ, а потому—нѣсколькихъ рабочихъ. Такія избы не всѣ старыя, а и вновь строятся. Избы эти бываютъ мшаныя. Строятся изъ обыкновеннаго матеріала, стѣны и потолки бываютъ голые, бревенчатые; полы стелются изъ накатника; двери простыя, однопольныя. Устройство черныхъ избъ таковое-же, какъ и бѣлыхъ: тѣ же скамьи, грядки, полки, полати, очаны, рукомойки, столы и проч.

Черными или курными (а у хозяевъ при хорошихъ домахъ онѣ называются скотными) избами называются потому, что у нихъ не бываетъ прохода дыма изъ печей обыкновенными трубами, а вмѣсто ихъ въ сѣнныхъ стѣнахъ избъ, близъ потолковъ и печей, прорубаются окна, въ родѣ большихъ духовыхъ форточекъ, называваемыя *домниками* и *дымоволоками*. Близъ печей такихъ же, какъ и въ бѣлыхъ избахъ (только безъ трубъ), на деревянныхъ кочережкахъ вѣшаются котлы съ водою, чтобы не пролетали искры огня, а изъ огромныхъ *черныхъ* печей (надъ шесткомъ не бываетъ свода, ведущаго въ трубу) дымъ идетъ устьемъ ихъ прямо въ отверстіе или въ избу, чрезъ круглые верхи печей, и ходитъ по верху избъ, обнимая чуть не половину квадратныхъ хатъ; потомъ онъ уходитъ по подволокамъ подъ кровли и выходитъ деревянными трубами, послѣ чего окна закрываются деревянными ставнями на крюкахъ. Иногда ставней не бываетъ, а дымоволоки съ отверстіями придѣлываются съ боковъ стѣнъ, возлѣ которыхъ стоятъ печи въ избахъ; такія трубы дѣлаются рѣшетчатыя.

Отъ *чаду* потолокъ и стѣны по полатямъ и гряджамъ такъ коптятся, что грязь лоснится и блеститъ; а оттого онѣ бываютъ грязны пуще бѣлыхъ избъ и воняютъ хуже ихъ, ибо воздухъ отъ дыма дѣлается похожимъ на банный. По верху, начиная съ Вереколы, въ черныхъ избахъ ставятся огромные чаны съ приготовленнымъ кормомъ и пойломъ для скота, куда загоняютъ коровъ утромъ и вечеромъ, кормятъ и доятъ. Во время топки черныхъ печей дѣлается очень холодно; но когда печь истопится и отверстіе въ стѣнѣ закроется, тогда изба скоро и сильно нагрѣвается, словно въ банѣ. Зачастую въ смежности съ черной избой бываетъ горенка.

Отхожія мѣста, называемыя *нужниками*, рѣдко устраиваются. Ихъ замѣняютъ оставленныя въ полахъ надъ хлѣвами дыры, или около стѣнъ на сѣнникахъ, гдѣ нибудь въ углахъ; въ нижнихъ этажахъ, или въ одножилыхъ жильяхъ нерѣдко и ихъ не бываетъ, а для исполненія естественной потребности выходятъ на улицу или на навозъ въ хлѣвы. Иной видъ отхожихъ мѣстъ суть простыя калитки съ узкими дверцами, а больше безъ нихъ, съ маленькимъ четвертнымъ въ квадратѣ окошечкомъ, закрытымъ стекломъ, и чаще вовсе не закрытымъ, съ *рундукомъ*-лавкою, съ двумя или одною круглыми дырами. Проводятся они болѣе надъ хлѣвами, либо возлѣ нихъ.

Въ нежилой (глухой) половинѣ дома чрезъ сѣни, бываетъ *повѣть* или *сѣнникъ*, *сѣновалъ*. Это огромная нежилая пристройка къ заду дома, наравнѣ съ передомъ его, какъ въ ширину, такъ и по вышинѣ и нерѣдко подъ одною, сподрядъ съ нимъ, сплошною крышею. Она не отдѣлывается набѣло. Повѣть всегда надъ *хльвомъ*, потому, если домъ низокъ, то повѣть поднимается и крыша надъ нею дѣлается выше домовой кровли.

Входовъ на повѣть бываетъ два и три. Повѣть отъ сѣней отдѣляется: или капитальною стѣною, или же *заборкой*, *перегородкой*. Въ той или другой дѣлаются обыкновенно двери, а для всхода къ нимъ съ сѣней—лѣстница о двухъ или нѣсколькихъ ступенькахъ (ибо полъ повѣти не всегда бываетъ наравнѣ съ поломъ сѣней, какъ уже мы видѣли). Съ улицы на повѣть поднимаются въ распашныя ворота, растворяющіяся въ разныя стороны на желѣзныхъ крюкахъ; къ хатѣ они привѣшиваются на толстыхъ желѣзныхъ полосахъ, и запираются *запорами* (деревянными толстыми закладинами) по *ввозу* (иногда выговаривается просто *возу*), т. е. широкой и отлогой бревенчатой плоскости съ перилами о двухъ или трехъ жердяхъ, построенной сзади или съ боку повѣти на *стойкахъ* (копрахъ). На повѣтяхъ, около стѣнъ дѣлаются лѣсенные спуски въ хлѣва; это третій входъ, ибо въ хлѣвы еще двери бываютъ снизу.

Для освѣщенья въ сѣновалѣ оконъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ въ стѣнахъ прорубаются скважины, въ видѣ оконокъ. Въ повѣтяхъ хранятся сѣно и солома, на полу, или на высокихъ *мараxъ* (правильнѣе *парахъ*, т. е. примостkахъ), также мохъ, вѣники, земледѣльческія орудія, косы, грабли, лапти и проч. *).

*) Картинки разнаго содержанія распространяются въ городѣ и по деревнямъ въ праздники, на рынкахъ, торжкахъ и ярмарkахъ.

**) Въ уѣздѣ они все еще существуютъ. При учрежденіи въ 1838. (хрон. перев. мѣсяц. 1866 г.). Мин. Госуд. Имуществъ, считалось дымовыхъ избъ 1373, а въ 1860 г. оставалось 425. (изъ отчет. бывш. Окр. Упр. Г. И—въ).

*) Для этихъ предметовъ нѣкоторыми устраиваются особые сараи и навѣсы. См. далѣе.

На повѣти же устраиваются: *клѣти, засѣки* и *мякинцы*, т. е перегородки или коморки, куда для сохраненія скидываются: всякаго рода хлѣбъ, другіе предметы продовольствія, солома и мякина. Всѣ кладовые чуланы бываютъ устроены или изъ капитальныхъ стѣнъ съ надлежащимъ потолкомъ, или же изъ набора досокъ пильной работы, и ходъ въ нихъ бываетъ: или особо сдѣланными дверьми съ замкомъ, или же разборкою *потолочинъ*. Всходъ на потолокъ совершается: или по приставной легкой лѣстницѣ, или же по неподвижной, пригнанной и для хода на чердакъ. Всѣ вообще чуланы бываютъ небольшіе и невысокіе, всегда почти прижатые къ надворной стѣнѣ сѣнника, въ которой продѣлывается на свѣтъ небольшое и узкое окно, загражденное или вбитое планками, или стекломъ—двумя въ рамкахъ. Нерѣдко кладовыя бываютъ подъ избами, когда домъ порядочно высокъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ такихъ бываетъ по нѣскольку. У нихъ двери крѣпкія, на замкахъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за недостаткомъ помѣщеній, въ кладовыя обращаются горничныя сѣни и самыя нежилыя комнаты.

Мы уже сказали, что хлѣвы бываютъ подъ повѣтями, когда дома высоки: переды такого дома на подъизбицахъ, а задъ съ повѣтями подняты надъ хлѣвами. Но устраиваются и особые отъ дома хлѣва, или въ соединеніи съ домомъ, но съ особою *хороминою*, или же пристроиваются наравнѣ съ домами и подъ одною крышею, позади *дворищъ*, а то и *въ исподи*, подъ жилыми комнатами. Въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ ходы къ скоту бываютъ особыми отъ дома дверьми; а во второмъ—чрезъ сѣни, или же дворомъ. Кромѣ того бываютъ лѣсенные спуски съ повѣтей.

Отъ вліянія суровой и холодной погоды, хлѣвы для помѣщенія скота, круглымъ счетомъ, въ теченіе восьми холодныхъ, безтравныхъ мѣсяцевъ, устраиваются прочные, теплые и при всемъ томъ помѣстительные. Строительные матеріалы обыкновенны. Крыши, когда хлѣвы въ особыхъ зданіяхъ, закрываются дранью; овечьи же стаи особо устраиваемыя, кроются шатромъ изъ досокъ. Стѣны квадратныя, бревенчатыя, нечистыя. Потолки изъ накатника на матицахъ. Отчасти хлѣвы проконопачиваются чернымъ мхомъ. Хлѣвы больше бываютъ безъ половъ и вязки; а хотя есть и мощеные, но грязь съ нихъ счищается рѣдко. Оттого воздухъ въ хлѣвахъ постоянно пропитанъ испареніями, и очищается только весной и лѣтомъ, когда ворота двора и двери отворяются совершенно для просушки. Сырые хлѣвы никогда не окуриваются. Однакожъ навозъ не остается долго подъ скотомъ, а убирается изъ хлѣвовъ по мѣрѣ накопленія. *Навезъ* (навозъ) вываливается изъ хлѣвовъ на улицу; уборка его бываетъ по утрамъ. Для сего, не высоко отъ пола, въ стѣнахъ прорубаются окошечки съ втулкою. Противъ этихъ отверстій дѣлаются на улицѣ *подмостки* изъ досокъ или *накатника*. На нихъ навозъ хранится въ кучахъ, до тѣхъ поръ, пока его надо увезти *на поле*. Должно полагать, что выкладка навоза на подмостки признана полезною.

Хлѣвы, служа помѣщеніемъ для коровъ, быковъ, лошадей и отчасти овецъ, за неимѣніемъ овчаренъ и конюшенъ, отдѣляются *стоями* и *стойлами*. Раздѣленіе ихъ производится досчатыми невысокими перегородками по обѣимъ сторонамъ *двора* *). Въ стаяхъ и стойлахъ забираются изъ досокъ, отъ стѣнъ хлѣва, не широкія и не такъ высокія, но довольно глубокія *ясли*. Въ нихъ съ повѣтей опускается скоту въ извѣстное время сухой кормъ: сѣно, солома и др. Это дѣлается посредствомъ проходовъ, сдѣланныхъ около стѣнъ въ потолкѣ хлѣвовъ предъ каждыми яслями. Чрезъ эти же отверстія возобновляется воздухъ въ хлѣвахъ. Разумѣется, когда хлѣвы бываютъ въ особыхъ зданіяхъ, кормъ въ ясли носится просто. Въ ясляхъ остаются *объѣдки*; они убираются довольно рѣдко, тогда какъ чрезъ то очень чувствительно рождается сырость и гниль, уже не говоря о томъ, что кормъ здѣсь нерѣдко дается гнилой и мерзлый.

Свѣта въ хлѣвахъ бываетъ очень мало, ибо онъ входитъ только чрезъ небольшія, узкія, продолговатыя *окошечки* въ четыре, три, два и одно небольшія стеколка; а у другихъ хозяевъ бываютъ вмѣсто ихъ простыя *продушины*, т. е. вырубленныя въ стѣнахъ дыры, которыя во время стужи затыкаются сѣномъ или соломой; а съ наступленіемъ оттепелей *затычки* оттыкаются.

За симъ всѣ домовыя постройки описаны. Остается сказать про уличныя украшенія домовъ и службъ.

Какъ ни хороша обстройка въ Архангельской губерніи, дома снаружи нерѣдко кажутся болѣе безобразными, чѣмъ благовидными. Кромѣ того снаружи почти всѣхъ домовъ кладутся въ *костры* и въ *стоячку* дрова, *сляги, кряжевникъ*, жерди, колья, тутъ же сани, тѣлеги, бороны, щепа и неприбранныя деревья. Все это окружаетъ строенія, будто бы, для тепла отъ зимнихъ холодовъ, а въ теплое время отъ дождей **).

Деревьевъ, посаженныхъ возлѣ домовъ, вовсе почти нѣтъ. Но въ старое время народъ любилъ обсаживаться ими. Это видно изъ того, что въ древней Кевролѣ въ огородахъ много стоитъ деревъ-сажанцевъ, куртинами, т. е. единично. За то флюгера, огороды, заборы и тыны есть.

---

*) Дворомъ называется мѣсто надъ домомъ между хлѣвомъ и стойлами. Въ иныхъ домахъ двери простираются во всю длину домовъ и имѣютъ спереди и сзади большія ворота. Дворы стоятъ рѣдко очищенными отъ навоза. Ворота у нихъ такія же, какія у возоза на повѣть.

**) По зимѣ еще нѣкоторые хозяева зарываютъ основанія домовъ снѣгомъ, чтобы не вело, не подавѣвало.

Указателями направленія вѣтровъ служатъ крестьянамъ домашнія *флюгарки* (флюгера). Они устраиваются на длинныхъ, гладко обтесанныхъ, жердяхъ, въ видѣ высокихъ корабельныхъ мачтъ, которыя и скрипятъ на вѣтру, словно на суднѣ. Шесты эти укрѣпляются въ землѣ, или на открытыхъ мѣстахъ, или возлѣ домовъ, либо другихъ строеній, болѣе въ углахъ *). Флюгера дѣлаются изъ сукна, кумача, ситцевъ, просто изъ дерева, виляющаго около тонкаго шпенька, или подѣлочнаго, т. е. въ разныхъ фигурахъ, статуэткахъ, изображающихъ пѣтуха, курицу, лошадь и др., или же расширенныхъ крыльевъ и хвостовъ сорокъ, вздѣтыхъ на нитки и защемленныхъ въ планочныхъ жомахъ, которые вертятся на шпенькѣ въ любую сторону.

Живыхъ изгородей нѣтъ, не смотря на то, что множество ивняку пропадаетъ на корнѣ. Частоколы встрѣчаются рѣдко, и то лишь у поселившихся солдатъ. Нивы, луга и гряды обносятся изгородями, называемыми всегда *огорожею* и *огородами*. Онѣ устраиваются изъ еловыхъ и сосновыхъ кольевъ и жердей, и продолжаются *пряслами*. Каждое прясло строится изъ шести кольевъ, длиною до $1^1/_2$ саж., въ концѣ заостренныхъ и вколачиваемыхъ горизонтально крѣпко въ землю пластью или обухомъ топора. Колья въ такомъ прислѣ переплетаются ивовыми и *еловыми вязами*, отъ 6 до 8, 10 и 12-ти вязовъ на каждой парѣ кольевъ. Еловые вязы бываютъ крѣпче, и ихъ размягчаютъ надъ огнемъ. На каждый вязъ кладется по одной жердѣ, длиной въ 2—3 сажени и обтесанной въ толстомъ концѣ; одна жердь приходится на шесть коловъ. Затѣмъ колы подпираются съ одной или съ обѣихъ сторонъ небольшими кольями, косвенно-вбитыми **). Большее или меньшее число вязовъ и жердей въ огородѣ зависитъ отъ мѣстности: такъ, около выгоновъ, гдѣ пасется много рогатаго скота и бродятъ табунами лошади, всегда готовыя сломать изгородь, *огороды плотнѣе*, или гдѣ много ходитъ овецъ, чтобы не могли заползти за изгородь; а за лѣсомъ, озеромъ, рѣкою и другими естественными преградами, огороды проще, плоше, а въ иныхъ мѣстахъ ихъ и вовсе не бываетъ. Длина огородовъ весьма различна: обыкновенно она бываетъ сообразна съ величиною площади огораживаемаго мѣста. У большихъ *ободовъ* (общихъ сѣнокосовъ), въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ проѣзжія дороги, почтовыя, проселочныя и полевыя, тамъ по срединамъ полотна дорогъ устраиваются или раскладочные заборы, или створчатыя ворота, обыкновенная простота которыхъ извѣстна всякому.

Вверху же уѣзда, какъ напримѣръ въ Кеврольскомъ краѣ, а отчасти и *понизу*, вмѣсто означенныхъ огородовъ, изгороди состоятъ изъ столбовъ, въ которыхъ выдалбливаются дыры, такъ чтобы въ нихъ могли проходить жерди, коихъ въ столбѣ бываетъ три, четыре и до восьми. Такія ограды крѣпче, стоятъ дольше, да и матеріалу забираютъ меньше. Кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить плетни, устроенные изъ хвойныхъ жердей съ вѣтвями. Это бываетъ тамъ, гдѣ есть *росчисти*, или гдѣ почва песчаная въ вѣтеръ можетъ переносить песокъ.

Тынами, или *заборами*, обносятся дома рѣдко; ихъ замѣняютъ такіе же огороды, какими обносятся поля и пожни. Имѣющіеся же построены изъ поставленныхъ въ землѣ столбовъ съ набитыми досками пильнаго дѣла. Ворота въ тынахъ бываютъ двойныя, распашныя. Они затворяются *запорами* и *вертлюгами*. Близъ нихъ бываютъ калитки съ небольшими воротами. Тѣ и другія вымазываются смолою.

Что касается остальныхъ службъ, то въ Пинежскомъ уѣздѣ чаще всего крестьянскій домъ и холодныя службы составляютъ одну связь. Но необходимость, или невозможность содержанія помѣщеній всѣхъ вмѣстѣ, заставляютъ возводить особыя зданія въ сторонѣ отъ домовъ, и потому строенія бываютъ *надворныя* и *сторонніе* (отдаленныя). Къ первому отдѣлу можно причислить: сараи, навѣсы, амбары, погреба, колодези и бани, а ко второму: прясла, овины, гумна, мельницы, избушки — скотныя, перевозныя, сѣнныя и заводы — кузнечные, кирпичные, гончарные, кожевенные, скорняжные, красильные, известковые, зольные, угольные, смолокурные и дегтярные.

Сарай есть складочное мѣсто для сѣна. Онъ обыкновенно представляетъ пустое зданіе, построенное изъ растущихъ или сухоподстойныхъ деревъ, не одинаковой длины и высоты, въ четыре стѣны и съ тесовою крышею. Внутри нѣтъ ничего, кромѣ пропущенныхъ отъ одной боковой стѣны къ другой *матенныхъ бревенъ*, на которыя постилаются тесницы, куда и складывается сѣно. Крестьянами сараи выстраиваются очень рѣдко. У нихъ на то есть повѣти.

Навѣсы. Они строятся только изрѣдка, напримѣръ на станціяхъ, для храненія телегъ, саней, повозокъ, а также земледѣльческихъ орудій; тутъ же отъ снѣга и дождя привязываются вспотѣвшія лошади. Строятся они не одинаково: у однихъ просто крыша изъ пильнаго теса на строилахъ, которыя иногда забираются тесомъ же; а у другихъ стѣны изъ длиннаго накатника въ столбахъ, съ крышами и двойными воротами на замкѣ. На верхъ навѣсовъ нѣкоторыми свозится сѣно.

Амбары — складочные магазины или житницы, устроиваются болѣе *насупротивъ* домовъ хозяевъ, за дорогой или улицей и очень часто по нѣсколько сподрядъ, прямолинейно другъ о дружку, хотя и многихъ хозяевъ; но

*) Флюгера бываютъ еще на вѣтряныхъ мельницахъ и парусныхъ судахъ.

**) Верхушки кольевъ не опиливаются и не обрубаются, какъ это дѣлается крестьянами Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ.

столь же часто амбары устроиваются и позади дворовъ, и на концахъ селеній. Устройство амбаровъ не затѣйливо. Они всегда основываются на сваяхъ (стульяхъ). Полъ дѣлается еще выше. Амбаръ всегда одноэтажный; четвероугольныя стѣны выводятся въ квадратъ, изъ растущихъ не толстыхъ деревъ, голыя и промшенныя. Зданія въ длину и ширину отъ 4 арш. до 2 и $2^1/_2$ саж. Полъ и потолокъ накладываются на матицы и балки изъ накатника. За потолкомъ чердакъ, гдѣ всегда дѣлается одно или два небольшихъ *слуховыхъ* окна, которыя, чтобы не залетали въ амбаръ птицы, затягиваются проволочными или веревочными сѣтками. Крыша шатромъ изъ желобоватаго теса, или круглоровныхъ и не толстыхъ деревъ, съ желобами и князькомъ. Въ амбарахъ дѣлаются *закромы* и *полки*, а для просвѣта—окна небольшаго размѣра. Для входа навѣшиваются на крюкахъ и петляхъ однѣ простыя, однопольныя двери, отворяющіяся внутрь и замыкающіяся чрезъ пробои и лебедки висячими и внутренними замками. Когда двери бываютъ сдѣланы такъ же высоко, какъ и полъ въ амбарѣ, то устраивается срубное крыльцо съ *лѣсенкою*, ступени въ двѣ, три и четыре и иногда еще съ перилами.

Жители здѣшніе вполнѣ—жители водъ. И потому къ *колодцамъ* или колодезямъ, т. е. искусственнымъ водохранилищамъ, прибѣгаютъ только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ поселенія на *суходолахъ*, т. е. нѣтъ ни рѣки, ни чистаго озера, а естественные резервуары далеко отъ жилищъ. Колодези копаются безъ разбора удобствъ и благовидности, на улицѣ ли среди дороги, обокъ ли съ домомъ, на задахъ ли, для крестьянъ все равно: имъ не до вкусовъ и удобствъ. Колодези бываютъ различной глубины, смотря по изобилію въ землѣ водяныхъ жилъ. Съ боковъ врубаются накрѣпко деревянныя стѣны. Но часто такіе колодези или изсякаютъ, или засоряются. Надъ колодезями устраиваются болѣе или менѣе высокіе срубы, а возлѣ нихъ устанавливаются высокіе и толстые столбы, называемые *журавцами* (единст. *журавецъ*) съ перекладинами на немъ, какъ бы лѣстницею; на верху столба—*журавъ* (оцѣпъ, или бревенчатое коромысло), къ которому на веревкѣ или на цѣпи привѣшивается ведро, опускаемое въ колодезь и вытаскиваемое наверхъ съ водою руками. У нѣкоторыхъ, вмѣсто журавца, ведро съ водой вытягивается наверхъ по колесу, ходящему на оси въ столбахъ. Чтобы колодезь не засорялся, срубъ его закрывается досчатою *крышкою*, которая у нѣкоторыхъ колодцевъ бываетъ на петляхъ. Но крыши бываютъ не вездѣ, и потому колодези не вездѣ безопасны для дѣтей и мелкаго скота.

Удобными для ледниковъ, а по народному *погребовъ* и *погребицъ*, считаются угористыя мѣста съ плотною, крѣпкою глинистою почвою. Ихъ имѣютъ преимущественно богатые люди. Погребъ—очень обыкновенная постройка: небольшое, квадратное изъ не толстыхъ и не длинныхъ бревенъ строеніе, но хорошо построенное и крѣпко закрытое; фундаментъ его плотно забитъ умятою землею. Оно служитъ и кладовымъ амбаромъ, подъ поломъ котораго въ землѣ бываетъ настоящій погребъ съ опускною дверью, какъ у люковъ и лѣстницею для спуска. Надъ погребомъ у нѣкоторыхъ придѣлываются полки. Погреба ежегодно *набиваются* привозимымъ снѣгомъ, потомъ разбиваемымъ и утаптываемымъ. Въ погребахъ сохраняютъ отъ порчи: рыбу, мясо, молоко, масло, квашенье, грибы, разную пищу и т. п. *).

Баня (банъ) общественныхъ или торговыхъ нѣтъ въ уѣздѣ и даже въ городѣ. Русская баня довольно извѣстна по своему значенію въ качествѣ врачебной помощи. Поэтому банъ въ деревняхъ почти столько же, сколько въ нихъ домовъ. Онѣ обыкновенно относятся отъ домовъ на пустопорожнія мѣста, какъ то: на задворки (позади дворовъ), подъ угоры, на угоры, или около рѣчекъ и озеръ; но не мало есть и неподалеку отъ домовъ. Здѣшнія бани сохраняютъ первоначальный видъ сельскихъ бань **), потому что построены и строятся всегда подъ названіемъ *черныхъ*, т. е. дымовыхъ или курныхъ; бѣлыя бани встрѣчаются очень рѣдко. Постройка бань не чиста. Строятся онѣ преимущественно изъ деревьевъ, негодныхъ на большія постройки. Все зданіе рѣдко превышаетъ 4 саж. въ длину и $2^1/_2$ саж. въ ширину. Фасадъ его выпиною отъ основанія до крыши 5 аршинъ. Крыши бываютъ изъ теса на два ската или крытыя дранью, а у иныхъ бань ихъ не бываетъ: тогда потолкѣ просто насыпанъ песокъ или земля, нерѣдко пустившая поросли. Полы бываютъ деревянные изъ распиленнаго накатника, но чаще всего ихъ не бываетъ, а вмѣсто нихъ, по незакрытой землѣ, настилается сухая солома. Потолки бревенчатые; стѣны не отдѣлываются. Банная комната есть полутемная изба. Оконъ въ ней бываетъ по одному и иногда по два небольшихъ; у нѣкоторыхъ бань въ окнахъ не бываетъ рамъ со стеклами, а онѣ закрываются толстыми деревянными ставнями. Впереди банной комнаты, отдѣляющейся капитальною стѣной, бываетъ холодная маленькая (въ шагъ и меньше шириною) передняя, или раздѣвальня, или же предбанникъ, называемая туземцами *припередкомъ* и *сѣнцами*, въ которой раздѣваются и одѣваются. Въ ней бываетъ одно или два маленькихъ окна, ничѣмъ не закрытыхъ, либо закрытыхъ негодными вѣниками; лавочка или двѣ для сидѣнія, а поверхъ ихъ одна или двѣ грязныя полки для бѣлья. Въ сѣнцы ведутъ ворота.

*) Тамъ, гдѣ въ горахъ есть щели или пещеры (какъ напримѣръ въ Кулогорскихъ деревняхъ, тамъ молоко бабы носятъ и оставляютъ въ горахъ. Для наблюденія учреждается очередный караульщикъ.

**) Арх. Суд. и Общ. Гигіен., № 4, 1864 года, о русск. бан. 26.

съ улицы, а изъ нихъ противъ воротъ двери въ самую баню. Печи въ баняхъ *складываются* изъ одного полукруглаго свода, въ родѣ печи, выбитаго изъ глины, безъ участія извести; на этотъ сводъ накладываются по плотнѣе камни, булыжникъ сѣрый, дресвяной и кирпичные обломки, но такъ, чтобы межъ нихъ проходилъ снизу дымъ. Отъ того онѣ и называются *каменками* (камельки). Дымъ, при топкѣ каменки, выходитъ изъ бани въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ (болѣе южной), въ родѣ слуховаго окна или душника (большой форточки), которое закрывается, по окончаніи топки, втулкою или деревяннымъ ставенькомъ, а не трубою наверхъ, какъ въ бѣлыхъ баняхъ. *Баня готова бываетъ въ три каменки или въ три истопля.* Нагрѣваніе ея происходитъ чрезъ накаливаніе огнемъ камней, по подложеніи въ сводъ зажженныхъ дровъ. Чтобы произвесть въ банѣ большее тепло (жаръ), т. е. необходимый для русскаго крестьянина *паръ*, на раскалившіяся камни наливаютъ по мѣрѣ надобности холодную воду. Въ глиняныхъ или кирпичныхъ основаніяхъ банныхъ печей ставятся *котлы* для нагрѣванія воды. Горячую воду разводятъ холодной въ шайкахъ (деревянныхъ глубокихъ тазахъ). Холодная же вода наносится въ кадки и бочки, или бываетъ въ *ушатахъ*. Кромѣ того въ особомъ ведрѣ приготовляется *щелокъ*. Крестьяне мало моютъ тѣло, а только *парятся* и окачиваются водою; хотя и не всѣми, употребляются однако, сверхъ обмовенія водою, черное мыло и *мочалки*, замѣняющія губки, а для паренья лиственные вѣники изъ березовыхъ вѣтвей, которые, если они засохли, размачиваютъ въ холодной водѣ и бросаютъ на каменки; а когда они размягчатся, то тотчасъ же ими *хвощутся*. Для *сидѣнья* моющихся въ стѣнахъ отъ полковъ, по переднимъ близъ оконъ и боковымъ стѣнамъ, до простѣнковъ дѣлаются деревянныя скамьи, а для паренья—широкія и высокія, чуть не до самаго потолка, *полки* (полати или скамьи), на столбахъ, возлѣ глухой стѣны, рядомъ съ каменкой. На полки и скамейки иногда настилаются сѣно и солома. Грязь въ баняхъ доходитъ до ужасной нечистоты, потому что ее рѣдко очищаютъ. Бани посѣщаются почти еженедѣльно и всего болѣе приготовляются въ субботніе дни; моются же подъ вечеръ, по окончаніи дневныхъ работъ. Но также приготовляются бани наканунѣ большихъ праздниковъ и въ другихъ случаяхъ: въ случаѣ родинъ, предъ вѣнцомъ (свадьбами), предъ ъминнами, или съ дороги и т. п. *).

Овины строятся всегда на *заполькахъ*, ближе къ полямъ, или возлѣ дорогъ, на неудобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ. Они выстроиваются, или особо, или въ связи съ *гумнами*. Устройство овиновъ очень обыкновенно, какъ и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи. Это небольшая (аршина въ три вышины, иногда побольше) почти кубическая горница, рубленная изъ тонкихъ строевыхъ или сухоподстойныхъ *бревешекъ*, неочищенныхъ отъ древесной коры, надъ ямою (сушиломъ), накрытая кое-какъ: плоско, ровно, тесомъ или накатникомъ и законопаченная въ стѣнахъ и углахъ мхомъ. Пола не бываетъ, а на потолокъ иногда насыпается земля. Въ стѣнѣ болѣе на югъ прорубается окно, которое, во время сушки хлѣба, закрывается, либо деревяннымъ *ставнемъ* (втулкою), или пукомъ соломы. Тогда дымъ расхаживаетъ по всему овину и едва-едва выходитъ въ щели крышъ и стѣнъ; въ окно же дымъ выпускается *горькій, смрадный*, когда только теплится овинъ (правильнѣе: топится печь въ овинѣ). Яма въ овинѣ бываетъ четвероугольная, глубиною аршина въ три. Въ ней складывается печь (куриальное горно), какъ каменка въ банѣ, куда кладутся дрова. Отъ стѣны до стѣны внутри овина близъ потолка вколачиваются *колосники* (или какъ угодно назовите: перекладины, планки, жердочки), на которые садится (развѣшивается) густо колосовый хлѣбъ въ снопахъ. Въ овинахъ рѣдко дѣлаются двери, а вмѣсто ихъ прорубается окно внизу строенія, въ противоположной ставнѣ стѣнѣ, въ которое можетъ войти ползкомъ человѣкъ. Забравшись въ овинъ, одинъ принимаетъ отъ другаго хлѣбъ съ улицы, развѣшиваетъ его тамъ и затопляетъ печь; а другой привозитъ хлѣбъ съ поля или съ прясела и подаетъ его находящемуся въ овинѣ. Просушиваніе въ немъ хлѣба происходитъ отъ жаркаго натопленія печи и чрезъ скорое *закутываніе* (закрытіе) проходовъ дыма и печнаго жара. Овины отопляются болѣе въ тихую погоду на ночь, такъ что хлѣбъ высушивается самъ собою, иногда съ присмотромъ, къ утру.

Гумна (гумны) замѣняютъ здѣсь риги и молотильни. Строятся они, или вмѣстѣ съ овинами, или особо, но не вдалекѣ отъ нихъ. Устройство гумна еще проще, чѣмъ постройка овина. Это—просто холодный, длинный сарай о четырехъ стѣнахъ, или какъ будто, переносный срубъ изъ чистыхъ или неочищенныхъ бревенъ, безъ *конопати*, закрытый въ одинъ рядъ досками, а иногда и безъ крыши. Длина гумна въ 4—5 саженъ, которая превышаетъ въ два раза ширину, а высота не болѣе $1\frac{1}{2}$ сажени. Ворота у гумна бываютъ широкія, распашныя надвое, либо однопольныя, двои — съ сѣверной и южной стороны, чтобы вѣтеръ безпрепятственно ходилъ по всему гумну. Вмѣсто пола площадь земли въ гумнѣ *убивается* и гладко *уравнивается*.

При гумнахъ у иныхъ хозяевъ на нетораватую руку устраиваются *мякинницы*—плохенькія конурки изъ досокъ, куда складывается солома и обой хлѣба (мякина),

*) Здѣсь нѣтъ того обыкновенія, чтобы мущины и женщины, всѣ безъ изъятія, мылись въ баняхъ вмѣстѣ (сказываютъ, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арханг. губер. существуетъ).

Къ числу построекъ, полезныхъ при уборкѣ зерноваго хлѣба, можно отнести и *прясла*. Они устраиваются на поляхъ, ближнихъ пожняхъ и въ особыхъ огородахъ, вблизи овиновъ и гуменъ, а иногда и возлѣ домовъ. Прясло—особеннаго рода огорода или стойка изъ 3 и до 12, довольно высокихъ, съ двухъ сторонъ обтесанныхъ столбовъ, которые кладутся горизонтально къ землѣ, на 2 и 3 сажени одно отъ другаго; въ одинаковомъ разстояніи на обоихъ столбахъ вырубаются круглыя дыры, по 3, по 4 и по 5 въ каждомъ, начиная не низко отъ земли, въ кои параллельно *продѣваются* длинныя и обтесанныя въ толстыхъ концахъ жерди, по три и болѣе на каждый рядъ (3 столба), смотря по тому, сколько въ столбахъ его присововъ; на такомъ *жердьи прясятся*, развѣшиваются снопы колосоваго хлѣба, раздѣленные пополамъ, книзу *колосьями*, а къ верху *комлемъ*, такъ что верхніе снопы закрываютъ комли нижнихъ, смотря потому, широко ли отстоитъ жердь отъ жерди. Ширина прясловыхъ жердей прибавляется для сноповъ ржанаго хлѣба, такъ какъ ржаная солома длиннѣе ячной. Рядовъ пряселъ въ одномъ мѣстѣ бываетъ по четыре и болѣе; но нерѣдко они устанавливаются не рядами, а вдоль, прямо возлѣ прясла, такъ что бываетъ только одинъ или два ряда, до 20 деревъ въ каждомъ. Кромѣ того прясла бываютъ не изъ столбовъ, а просто изъ жердей высокой огороды: шесть жердей воткнуто въ землю, въ три стойки и связаны вязами, а на вязы кладутся жерди же,—по три и болѣе.

Въ отношеніи *мукомольныхъ мельницъ* уѣздъ можно раздѣлить на двѣ половины: первый *станъ* съ *вѣтряными*, а второй съ *водяными* мельницами. Число первыхъ довольно значительно и соотвѣтствуетъ мѣстной потребности. Впрочемъ и въ мѣстахъ нахожденія онѣ есть не въ каждой деревнѣ; да не мало зернового хлѣба вымалывается въ крупу и муку въ домахъ крестьянами на ручныхъ жерновахъ. *Вѣтромъ дѣйствующія мельницы* строются во всемъ по плану и фасаду, принятымъ за образецъ вообще въ губерніи. *Становища* ихъ—угористыя и вообще открытыя для вѣтровъ мѣста. Устройство этихъ мельницъ слѣдующее: круглая о 8 или 4 углахъ пирамидальная баба, въ извѣстномъ размѣрѣ и достаточной высотѣ, устроенная изъ положенныхъ рядами (4-хъ и 8-ми въ рядѣ) круглыхъ бревенъ, одного съ верху другаго, внизу длинныхъ, а въ верху короткихъ, въ видѣ тупаго конуса; на бабѣ этой небольшой квадратный амбарчикъ, выстроенный изъ плотно стиснутыхъ деревьевъ въ брусьяхъ, или бревнахъ съ крышею въ видѣ шатра, съ флюгеромъ на верху и дверями на замкѣ, къ которымъ ведетъ выходъ съ перилами и чрезъ которыя затаскиваютъ на верхъ и спускаютъ оттуда хлѣбъ въ мѣшкахъ, и съ опущенною на вѣсъ легкою лѣстницею, служащею, при посредствѣ висящей же жерди, ходомъ на выходъ. Въ амбарѣ томъ вмѣщается весь механизмъ мукомольни, а сквозь него проходитъ толстое бревно, къ коему и вколачиваются досчатыя, довольно длинныя и широкія съ откосами, четыре крыла, поворачивающіяся довольно скоро. Для дѣйствія вѣтра на крылья, посредствомъ длиннаго и толстаго бревна, конецъ котораго укрѣпляется въ землѣ, амбаръ всѣмъ корпусомъ поворачивается въ любую сторону, съ которой только дуетъ вѣтеръ. Молотье на вѣтряныхъ мельницахъ производится болѣе съ утра и оканчивается немного позднѣе полудня; но мелютъ и по вечерамъ и даже ночами. Въ сильные же вѣтры *мелево* на мельницахъ останавливается.

Вододѣйствующихъ мукомольныхъ заводовъ не такъ много. Они устраиваются на *плотинахъ*, устанавливаемыхъ на текущихъ быстро рѣчкахъ или ручьяхъ (конечно теченіе зависитъ отъ склона паденія), имѣющихъ въ запасѣ воду позади себя въ потокахъ и озерахъ, которыя запружаются и выпускаются по надобности, болѣе въ лѣсахъ, почему запруженная вода не вредитъ ничему. Зданія заводовъ похожи на простые сараи; только осмотръ внутренности его убѣдитъ васъ въ существованіи мельницы. Къ ней пристраиваются на сваяхъ мосты изъ бревенъ. На водяныхъ мельницахъ вымалываютъ муку, дерутъ крупу и выдѣлываютъ толокно. Онѣ бываютъ болѣе о двухъ поставахъ и однихъ жерновахъ. Для смазки механизма употребляется смола и ворванное сало.

Стойки скотскія, или скотные загоны (коровники)—просто срубы, только съ немного-покатою лежачею крышею, съ поломъ, а чаще безъ него, и съ свободнымъ ходомъ, дверьми на петляхъ или приставными; на мѣстѣ же чердака иногда бываетъ сѣнникъ. Строятся онѣ изъ нечистыхъ деревъ, какъ строеніе временное, на лугахъ *за рѣками* отъ домовъ.

Сверхъ описанныхъ строеній въ селеніяхъ, особо, въ отдаленности отъ домовъ, устроиваются крестьянами временныя жилища: *перевозныя, сѣнныя и промысловыя, лѣсныя или разволочныя избушки*. Всѣ онѣ походятъ по устройству какъ одна на другую, такъ и на черныя бани, потому что въ нихъ бываютъ такія же печи, такія же окна, такія же скамейки и полки, служащія койками; иногда только печи бываютъ такія, какъ въ черныхъ избахъ, за исключеніемъ банныхъ камней; и еще одна особенность: не бываетъ сѣнцевъ, какія въ баняхъ. Предназначеніе жилищъ этихъ видно уже по самымъ названіямъ. Перевозныя избы становятся на угорахъ рѣкъ, чрезъ кои существуютъ перевозы; сѣнныя—на безопасныхъ лугахъ, когда сѣнокосы отъ дома находятся за 10—30 верстъ, чтобы можно было гдѣ укрыться отъ холода и мокроты и отдохнуть отъ трудовъ спокойно; лѣсныя же въ разныхъ урочищахъ, при скопищахъ водъ

и мѣстахъ *боровыхъ*, около которыхъ производятся зимою лѣсные, а по лѣту — рыбные промыслы, верстъ за 10—40.

Кузницы—холодныя помѣщенія устраиваемыя подаль отъ жилыхъ строеній, на сырыхъ мѣстахъ. Состоятъ онѣ изъ слѣдующаго: на голой землѣ становится изъ бревенчатыхъ стѣнъ срубъ съ однѣми дверями, а возлѣ него *станки* для ковки лошадей, и кузница готова. Въ ней бываетъ *заборка* изъ досокъ—кладовая для угольевъ и инструментовъ. Тутъ же иногда бываетъ и *колодезь*, образующійся изъ бездонной бочки, забитой въ сырое мѣсто, или же дѣлающійся на улицѣ о-бокъ съ кузницей. Посреди сруба, за неимѣніемъ пола, на голой же землѣ ставится небольшой деревянный срубокъ для горнила. *Горно* бываетъ объ одномъ огнѣ простое, состоящее изъ одного кирпичнаго свода или порядочной горнушки. *Мѣхи* у горна бываютъ одни, ручные и притомъ малые; кожаные съ желѣзною *раздувальнею*. Дымъ отъ огня въ горнѣ идетъ свободно вверхъ на воздухъ, такъ-какъ крыши на кузницѣ не дѣлается; а если бываетъ потолокъ, то для прохода дыма въ немъ предъ горномъ дѣлается окно съ желѣзною рѣшеткою. Инструменты въ кузницахъ: желѣзныя наковальни, вдѣланныя въ деревянныя тумбы, гвоздильни, винтовальныя доски, зубила, разные молоты, тиски, клещи, насѣки, бородка, угольные щипцы и проч. Кузнечатъ здѣсь простыя желѣзныя и стальныя издѣлія: шпильки, разные гвозди, винты, подковы, шила, ножи, топоры, серпы, косы, вилы, лопатки, сошники, шины, крючки, петли, пробои, тяги, лебедки, кольца, обручи, терки, воронки, подсвѣчники, сковородки и сковороды, поваренки, ковши, щипцы, заслонки, кочерги, ухваты, шелепуры, пешни, остроги, напилки. Но кузнечное мастерство не развито значительно, и нѣтъ людей, занимающихся исключительно имъ. По этому самому и устройство заводовъ не завидно. Мѣхи и инструменты убираются изъ кузницъ, какъ только кончается работа. Желѣзо и сталь пріобрѣтаются на ярмаркахъ, а уголь у мѣстныхъ угольщиковъ, или самими выгуливается. Выдѣлка новыхъ и поправка старыхъ мѣдныхъ издѣлій производится особыми мастеровыми—*мѣдниками;* также имѣются особые мастеровые для поправки и изготовленій новыхъ замковъ и ключей. Такихъ особыхъ мастеровъ въ уѣздѣ не много, и работа у нихъ идетъ въ домахъ или баняхъ, въ печахъ или на горнушкахъ.

Кирпичные заводы. легкой постройки. Это досчатые шатры, возведенные изъ однѣхъ не высокихъ крышъ, на деревянныхъ стропилахъ, въ мѣстахъ, изобилующихъ кирпичною глиною. Заводы всѣ ручные; инструменты: *вступы* (желѣзныя лопатки), желѣзные *ломы* и *песты*. Особыхъ рабочихъ не бываетъ, да и заводовъ въ уѣздѣ мало. Употребляемые для выдѣлки кирпича матеріалы суть: красная и алая глина, крупно и мелко-зернистый песчаникъ, желтый и красный, и вода изъ рѣкъ, озеръ и болотъ. Кирпичи дѣлаются въ шалашахъ просто: сперва глину топчутъ и бьютъ толстымъ пестомъ, а потомъ формуютъ голыми руками и кладутъ въ доски, гдѣ они и просушиваются; обжигаютъ же длинными дровами въ печахъ, складенныхъ для того нарочито изъ кирпичей. Печей бываетъ по одной въ заводѣ. Онѣ бываютъ о 2—7 устьяхъ и состоятъ изъ калильнаго пода и очага для дровъ. Мелкій красный кирпичъ продается не дороже 30 коп. за сотню, а крупный алый не дороже 6 руб. за тысячу штукъ.

Гончарныя заводскія строенія составляютъ небольшія деревянныя избушки. устроенныя гдѣ-либо въ угорьяхъ. Въ нихъ для сушки и обжиганія издѣлій есть небольшія печи изъ бурой глины. Издѣлія выдѣлываются изъ красной (гончарной), синеватой и пепельнаго цвѣта (горшечной) глины просто голыми руками и кладутся въ формы, сдѣланныя въ землѣ. Выдѣлываютъ здѣсь; рукомойники, тазы, кубы, горшки, лотки, формы, блюда, чашки, крынки, крышки, кружки, масляницы, солоницы, сальники (для освѣщенія), вьюшки трубныя, цвѣточники, кибасы (къ сѣтямъ) и проч. Вещи, называемыя *муравленными*, вообще выдѣлываются изъ красной глины; внутренность ихъ полируется (говорятъ: *наводится глянецъ*) свинцовымъ блескомъ.

Устройство *кожевенъ* плохое. Онѣ или пристроиваются къ жилымъ домамъ, или выстроиваются особо отъ нихъ. Образцомъ построекъ служатъ бани, онѣ отапливаются только тогда, когда нужно работать въ холодное время. На кожевенныхъ здѣшнихъ заводахъ выдѣлывается кожевенный товаръ, преимущественно изъ кожъ рогатаго скота, но обработываются и лошадиныя. Вкратцѣ обдѣлка такова: для очищенія отъ волосъ, кожи кладутся въ зольники или деревянныя кадки, гдѣ дубильныя вещества, бѣлая известка и осиновый шадринъ (пепелъ-зола); очищаются на *колодкахъ* (тумбахъ) простыми *скоблями;* промываются колодезною водою; *квасятся* хлѣбомъ; перекладываются въ дубильные чаны (кади, которыхъ бываетъ иногда по одной, а иногда по двѣ въ заводѣ; *дубятся* нѣсколько дней и недѣль толченымъ *дубомъ* (березовою и ивовою корой); промываются мочкою въ озерахъ на веревкахъ; выжигаются, напитываются. ворванымъ саломъ и дегтемъ, окрашиваются синимъ сандаломъ и чернымъ купоросомъ; развѣшиваются на шестахъ, сушатся на воздухѣ и *мнутся* простыми *мялками*. Машинъ на заводахъ нѣтъ, Работаютъ болѣе одни хозяева. Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ кожъ выдѣлываются: замша, нефть черная, бѣлые и черные опойки, выростки и подошвы. Можно купить: нефть за 1 р. 50—3 р. 50 к.; бѣлый опоекъ 50 к.—1 р. 50 к.; выростокъ 30 к.—1 р. 30 к.; черный опоекъ 40 к.—1 р. 50 к., подошвы 4—6 р. За выдѣлку кожъ кушнеры получаютъ отъ 10 к. до 1 р. 50 к. со шкуры, или бе-

рутся выдѣлать изъ-за половинной цѣны; такъ напримѣръ, если шкура стоитъ будетъ 4 р., то за работу берутъ 2 р. и т. п.

Скорняжни не составляютъ здѣсь особаго рода заводовъ, а иногда только помѣщаются въ отдѣльныхъ избахъ, подобныхъ кожевнямъ; болѣе же скорняжество производится въ тѣхъ же избахъ, гдѣ и семейства живутъ, потому что работы бываютъ незначительны. Въ скорняжняхъ почти единственно обдѣлываются шкуры простыхъ русскихъ овецъ. Обдѣлка бываетъ *бѣлая* и *нечистая*, а вкратцѣ она такая: сначала *мездру* (не мѣховую сторону) шкуры вымачиваютъ въ водѣ съ разведенною солью и очищаютъ отъ жиру и приставшаго мяса на *стругахъ* (желѣзныхъ, стальныхъ косахъ), потомъ квасятъ въ кадкахъ съ *хлѣбными квасами* (въ мучномъ киселѣ), и затѣмъ очищаютъ набѣло; растягиваютъ, сушатъ и мнутъ мялками, въ видѣ остраго серпа. Улучшеній не замѣчается. Рабочихъ не бываетъ, а работы производятъ сами мастера-хозяева. Шкуры выдѣлываются болѣе для мѣстныхъ жителей. За выдѣлку берутъ съ *овчины* отъ 3-хъ до 6-ти копеекъ.

Красильня въ здѣшнемъ уѣздѣ очень мало, да и производство на нихъ незначительно. Рабочихъ особыхъ не бываетъ, а управляется работами одинъ хозяинъ. Въ заведеніи бываетъ по одному *кубу*. Для окрашиванія употребляется: *кубовая краска, индикъ* *), известь, зола, сандалъ, купоросное масло, коломенская глина, черный и синій (не зеленый ли?) купоросъ, аравійская камедь, *шубный* или *мездренный* и рыбій *клей*. Красятъ наиболѣе только холсты **). За красочную набивку берутъ отъ 3 до 4 копеекъ за аршинъ. Не окрашиваютъ и нитки, шерстяную пряжу и издѣлія изъ нихъ: чулки, рукавицы и проч.; а сверхъ того шерсть, льняная и шерстяная пряжи и издѣлія окрашиваются травою-зеленицею—въ зеленый цвѣтъ, корнями матуры—въ малиновый и верескомъ—въ желтый цвѣтъ. Этимъ окрашиваніемъ занимаются женщины, но не всѣ, а рѣдкія.

Выжиганіе извести ***) производится изъ камня, извѣстнаго подъ именемъ горнаго бѣлаго известняка. Особыхъ построекъ для *выжиганія извести* почти вовсе нѣтъ, кромѣ закрышки изъ досокъ. Сженая и несженая известь доставляется болѣе всего для кожевенныхъ заводовъ и къ каменнымъ постройкамъ. Продается мѣрою корзины отъ 3.0 до 5.0 к. за четверть.

Зольница. Зола выжигается въ обыкновенныхъ ямахъ, вырываемыхъ въ землѣ. Въ нихъ складываются въ кучи или костры валежныя деревья, корни, вершины и сучья, гдѣ и зажигаются. Потомъ хворостъ подбавляется въ яму постепенно. Уголья отъ вліянія воздуха сгараютъ и превращаются въ пепелъ, пока не будетъ видно, что золы достаточно. Она высыпается въ бочки и доставляется на кожевенные заводы. По малочисленности этихъ заводовъ и небольшой значительности операцій ихъ, вольное производство здѣсь ничтожно.

Уголь. Переугливаніе лѣса здѣсь очень мало. Уголь получается изъ валежныхъ и сухоподстойныхъ деревъ, зажигаемыхъ въ кучахъ, складываемыхъ обыкновенно въ ямахъ болѣе или менѣе обширныхъ. Чтобы огонь не соприкасался съ воздухомъ, ямы закрываются дерномъ, мхомъ и негодною соломою. По окончаніи переугливанія, угольщикъ разгребаетъ покрышку лопатою и убираетъ головни, а кучу сравниваетъ. Когда же она остынетъ, уголь вынимается крюкомъ и затушивается землею. Древесный уголь доставляется на кузницы; прежде его не мало доставлялось на питейную контору *)

Лѣсо-техническое производство вообще въ Пинежскомъ уѣздѣ начато съ очень недавняго, времени и потому развито еще незначительно. Но познакомиться съ нимъ не мѣшаетъ.

Смолокурня. Въ сухомъ грунтѣ выкапывается круглая яма до 3 сажень глубины. Надъ нею устраивается кирпичная печь, въ длину около 2 саж., а шириною до $2^1/_2$ саж. Смолу гонятъ непосредственно изъ смолистыхъ длинныхъ полѣньевъ, нарубаемыхъ изъ хвойнаго лѣса, преимущественно сосновой породы, посредствомъ пережиганія ихъ въ печахъ. Дрова въ печи складываются плотно до самаго верха и зажигаются; *очелокъ* же (устье печи), служащій для накладыванія дровъ и вынниманія угольевъ, закрывается и замазывается. Управленіе огнемъ производится чрезъ отдушники, которые то открываются, то закрываются. Дрова отъ худо-ходящаго въ печи огня постепенно тлѣютъ, пуще смолятся и выпускаютъ на дно наклоннаго пода печи смолу. Отсюда она спускается по наклонному желобу, проведенному изъ углубленія пода подъ печью сквозь землю, и вытекаетъ трубою внѣ печи въ бочки. Печь закрывается деревяннымъ шатромъ, или струбомъ изъ бревенъ-кругляковъ съ крышею. Здѣсь гонится простая черная смола.—Съ такимъ же расположеніемъ устраиваются дегтярныя печи, для гонки изъ смолистыхъ деревъ и бересты жидкаго и густаго дегтя.

Смолу курятъ и деготь сидятъ еще въ ямахъ. Ямы дѣлаются круглыя. Для нихъ выбираютъ мѣста обыкновенно на возвышенностяхъ или холмахъ, гдѣ почва сухая. Бока укалачиваются. Въ особыхъ углубленіяхъ, дѣлаемыхъ на срединахъ ямъ, ставятся, наравнѣ съ подомъ ямъ желѣзные котлы, въ которые принимаютъ

---

*) Индиго.

**) Отъ этого онъ и получаетъ названіе набивки и набойки.

***) Это древній промыселъ.

*) Въ Холмогорскомъ же и Шенкурскомъ уѣздахъ на пароходы.

истекающую смолу и деготь. Дрова бываютъ наколоты длинныя и въ ямѣ складываются въ кучу накосо, но плотно, закладывая пустоты мелкими дровами. Въ такомъ положеніи они зажигаются снизу, а поверхность кучи покрывается мхомъ, кусками дерева, землею, соломою, сѣномъ, въ уровень съ краями ямы, и утаптывается. Между тѣмъ хозяинъ наблюдаетъ за огнемъ: если огонь сталъ проходить чрезъ покрышку, то ненадежныя мѣста закрываетъ землею, а усиливаетъ огонь чрезъ поднятіе покрышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ извѣстное время, когда горѣніе прекращается, яма раскрывается, горящіе уголья тушатся насыпкою земли, а натекъ изъ котловъ, по остуженіи, пореливается въ бочки. Сидка въ ямахъ производится весной и осенью. Въ продажѣ за пудъ бываютъ: смола отъ 30 до 80 коп., а деготь отъ 80 к. до 1 руб., бочкою же смола продается 5 и 6 рублей.

Огонь все еще *добывается* изъ *плитокъ*, *плашекъ*, или стальныхъ *огнивъ* при ударномъ соприкосновеніи кремня на тлѣнѣ, трутѣ *бумажномъ*, *тряпичномъ* или *березовомъ* (изъ березовой губки), при чемъ огонь снимается съ *осоры стринками* (старинными спицами) и на *берестичко* (сухую бересту), а также отъ сажи у *чела* печи и *выдувается на лучинки* съ *живыхъ угольевъ*. Но многіе стали замѣнять *стчку* огня фосфоровыми спичками *).

Къ освѣщенію употребляютъ высушиваемую и зажигаемую березовую и осиновую *лучину*. Она втыкается въ свѣтильню (свѣтецъ—желѣзные щипы), придѣланную на постановленной прямо къ верху палкѣ у конца *тренка* или *треножника*—не глубокаго корыта, поднятаго на трехъ или на четырехъ ножкахъ, въ которое нерѣдко наливаютъ воду, чтобы догорѣвшіе уголья замирали при паденіи. Кромѣ того, свѣтъ получается отъ *сальниковъ* (глиняныхъ плошекъ), въ которыхъ плаваетъ бумажный снурокъ въ налитомъ салѣ. Сальныя свѣчи зажигаются только у зажиточныхъ людей и болѣе въ праздниства, или когда бываютъ пріѣзжіе гости, или посѣтители (напр. люди чиновные); вообще же—въ особенныхъ случаяхъ. Онѣ вставляются въ подсвѣчники, къ которымъ прилалагаются щипцы. Свѣчи пріобрѣтаются покупкою изъ лавокъ по 10 — 15 коп. за фунтъ, и не мало льются самими крестьянами въ формахъ на бумажной *свѣтильнѣ* (фитилѣ) изъ своего говяжьяго и овечьяго сала. Для освѣщенія на улицахъ, въ хлѣвахъ, сѣнникахъ, амбарахъ и т. п. мѣстахъ въ темное время, употребляется преимущественно лучина и отчасти фонари. Съ Благовѣщенія (25 Марта) крестьяне не имѣютъ освѣщенія отъ огня, а съ Ильина дня оно возстановляется.

*) „Чернанешь и загоритъ; экая диковинка!“ говоритъ крестьянинъ.

Топливо жилыхъ комнатъ состоитъ всегда изъ дровъ, заготовляемыхъ самими семьянами своевременно, такъ какъ лѣса находятся вблизи деревень. Потребности въ топливѣ значительны. Дрова употребляются горныя (не сплавныя). Хорошими считаются: не гнилыя, не мозглыя не трухлявыя, безъ сучьевъ, рубленныя, изъ здороваго лѣса. Цѣны на готовыя дрова въ деревняхъ бываютъ отъ 20 до 50 коп. за *маховую сажень*; а въ городѣ за *печатную сажень*, доставляемую съ подряда, отъ 60 до 90 коп. сер. Дрова получаются почти всегда лѣтомъ и въ лѣсу разсѣкаются на *полынья;* зимою же рубятъ *кряжевникъ*. Вывозятся по зимѣ на *дровняхъ*. Кряжевникъ ставится около домовъ въ стоячку, а потомъ сѣчется въ *полынницу* прямо, или же пилится продольной пилой въ чурки, которыя уже ирубаются въ плахи (пополамъ), и потомъ въ *полынья* *).

Дрова расколотыя складываются въ *костры*, по бокамъ которыхъ дѣлаются изъ тѣхъ же дровъ *клѣтки*. Для отопленія жилищъ дрова употребляются болѣе еловыя и сосновыя **), или смѣсь разныхъ породъ; кромѣ того собирается щепа. Осиновыя и ольховыя дрова кладутся въ печь всего болѣе для очищенія сажи въ трубѣ. Березовыя дрова идутъ почти единственно на *лучину* (освѣщеніе) и на *растопку* (лучину, подкладываемую подъ дрова); на подтопку же идетъ и самая береста. *Березникъ* высушивается на печахъ и въ печахъ, а потомъ колется въ лучину *лучевниками* (особенными ножами-тупиками). Печи всегда топятся только одинъ разъ въ день, исключая рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаевъ. Онѣ затопляются по утру весьма рано въ 3 — 6 часовъ, а иногда (наприм. въ страдное время) еще раньше. Печи натапливаются очень жарко и потому еще, что трубы закрываютъ, какъ только дрова прогорятъ и обуглятся. Уголь въ печи подбираются *крюками* (кочерьгами) въ загнеты и частію *замазывается* въ кубахъ (заливается водою для самоваровъ); *пепелъ* же *запаривается* помеломъ тоже въ загнеты ***).

Полъ въ занимаемыхъ комнатахъ подметается вѣниками почти каждый день. Обыкновенное мытье половъ въ избахъ бываетъ не часто, болѣе къ воскреснымъ днямъ. Въ горенкахъ полы вымываются только къ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ; тогда же потолки и печи въ иныхъ домахъ *подбѣливаются* мѣломъ. Вообще домашній обиходъ въ деревняхъ выказывается при наступленіи великихъ праздниковъ. Тогда все очищается

*) Въ полѣнья плахи колются рѣдко, а въ печи кладутъ ихъ цѣльныя.

**) Эти дрова предпочитаются всѣмъ прочимъ древеснымъ породамъ, потому что они даютъ большое пламя, и слѣдовательно скорѣе нагрѣваютъ печи.

***) О послѣдующемъ употребленіи золы см. ниже.

до бѣла, т. е. до щекотливой опрятности: полы, стѣны, скамьи, потолки, полати, полки, шкафы и т. п. деревянныя вещи *очищаются* отъ грязи *шорканьемъ вьхтями* (вѣтками), *дверстою* (дресвою) и пескомъ, *смачиваніемъ* водою, *засушиваніемъ;* на полы въ комнатахъ и сѣняхъ, для сбереженія чистоты, разстилаются *половики* (низкаго сорта холстъ), *рогожки, циновки* и *солома;* окна и ставни выполаскиваются водою; деревянная и мѣдная посуда стирается пескомъ и вымывается водою до блеска; улицы отъ воротъ обметаютъ отъ сора *метлами;* разное *хламье*, производящее немалое безобразіе, убирается.

Спальными крестьянамъ служатъ избы, а по лѣту отъ комаровъ, мошекъ, оводовъ и мухъ уходятъ въ темные *чуланы*, въ холодныя *горницы* и на темныя *повьти*. Но старые люди согрѣваютъ свои кости на печахъ и по лѣту. Койки бываютъ широкія, *двухспальныя кровати*, изъ простаго дерева, токарной работы, именуемыя *кококами; примостки* низкія, одномѣстныя, неподвижныя кровати, устраиваемыя въ боковыхъ стѣнахъ близь пороговъ; *полати*, печи, подпечки, полы. Кровати съ двумя постелями, множествомъ подушекъ, простынею и одѣяломъ, нерѣдко бываютъ за *пологомъ* (завѣсомъ) ситцевымъ, пестряднымъ или холщевымъ; но такія кровати болѣе стоятъ въ горницахъ почти безъ употребленія, только напоказъ, что хозяева знаютъ же роскошь. *Мьста* (постели) состоятъ изъ холщевыхъ, пестряныхъ и матрацныхъ тиковыхъ *поволокъ*, набиваемыхъ соломой, оленьею шерстью, птичьимъ пеpомъ и полупушьемъ; у бѣдныхъ же постелями служатъ оленьи шкуры (онѣ и называются просто постелями), но чаще всего никакихъ постелей не бываетъ, а спятъ на разложенной соломѣ, или собирая подъ себя и въ *изголовье* грязную одежду и укрываясь ею, или же спятъ прямо на голыхъ доскахъ почти такъ, въ чемъ мать родила. — Подушки и покрывала бѣдныхъ теперь извѣстны; *подушки* же у зажиточныхъ бываютъ: холщевыя, пестрядиныя, тиковыя и цвѣтныя, разныхъ ситцевъ, напоняемыя тѣмъ же, чѣмъ набиваются постели, а *покрывалами*, или *окуткою*, служатъ ситцевыя одѣяла, суконныя на овчинномъ мѣху *одъяльницы, писяги*, шерстяныя одѣяла, а болѣе всего верхняя самихъ спящихъ одежда. Постлать на постелю *простыню* холщевую или полотняную съ кружевами—составляетъ уже нѣгу раскошнаго жителя, и ею довольствуются только молодые въ медовый мѣсяцъ.

Крестьяне работаютъ и отдыхаютъ чрезъ правильные промежутки, дѣлая при этомъ различіе между днемъ и ночью. Они акуратно сохраняютъ этотъ обычай (исключая женщинъ, которыя просиживаютъ зимніе вечера за пряжей и вязаньемъ, почти до полуночи, съ огнемъ), такъ что ложатся спать между 7 — 11 часами вечера, т. е. *съ закатомъ солнца*, чтобы встать порайше, а на утро въ домахъ и на улицахъ все оживаетъ лѣтомъ съ 3-хъ, а зимою съ 6-ти часовъ по полуночи, т. е. встаютъ *съ восходомъ солнца* *).

Бѣлье крестьянами смѣняется чистымъ отнюдь не болѣе одного раза въ недѣлю; въ дорогѣ же бѣлье служитъ безсмѣнно до мѣсяца. Бѣлье *стирается* (моется) женщинами мыломъ въ выдолбленныхъ глубокихъ *корытахъ*, при чемъ грязь изъ нихъ сливается въ *лохани;* послѣ мытья *на нѣсколько водъ*, бѣлье складывается въ глиняные кубы, которые, закрывъ дранками (лучинками), ставятъ *парить* въ *печки* до вечера или до утра; послѣ паренья бѣлье вынимается изъ кубовъ, снова вымывается *щелокомъ* и ополаскивается въ корытахъ, а затѣмъ складывается въ корзины, или напалки, чрезъ плечо и сносится или свозится на водовозныхъ салазкахъ къ рѣкѣ, озеру или ручью и тамъ *выполаскивается* водою: лѣтомъ съ береговъ или плотовъ, а зимою въ *полоскательныхъ прорубяхъ* (мойнахъ). Но у многихъ прачекъ этого не соблюдается: мытье у нихъ состоитъ въ томъ, что бѣлье кладется въ лохань, гдѣ налита горячая вода, бьется тутъ толстою, здоровою палкою и потомъ *полощется* въ рѣкахъ, озерахъ и ручьяхъ, или же *вымывается омойками* въ шайкахъ въ баняхъ. Прошедъ воды, бѣлье развѣшивается на жердяхъ, либо веревкахъ, на улицѣ, въ сѣняхъ, повѣтяхъ, чердакахъ и избахъ; далѣе заносится въ избы и въ нихъ, или на печахъ, просушивается окончательно. По просушкѣ бѣлье катается ручными катками, называемыми катальными палками, которыя женщинами иногда берутъ къ полосканію и вальками колотятъ бѣлье на льду или бревнахъ и доскахъ.

Кто живетъ домкомъ, у того, разумѣется, водится и утварь. Она водится не у всѣхъ однообразная и не у всѣхъ одинаковая,—у однихъ ее болѣе, у другихъ менѣе, смотря по зажиточности хозяина, по степени домоводства по величинѣ семьи и т. д. Каждая вещь, каждая *посуда* въ народѣ носитъ множество различныхъ названій, по разнообразнымъ устройствамъ, видоизмѣненіямъ и употребленіямъ, такъ что все узнать и описать стоило бы большаго труда.

Непремѣнная принадлежность дома: св. образа, кресты или распятія (о нихъ сказано подъ рубрикою горенки); лампадки (лампады) мѣдныя и стеклянныя, на желѣзныхъ и мѣдныхъ цѣпочкахъ; паникадила мѣдныя, на такихъ же цѣпяхъ; кадила мѣдныя ручныя; деревянныя точеныя ладоницы; божницы занавѣски у оконъ и печей; завѣсы солнечныя; грядки, полки, цыляцы, прилавки полати, лапы, скамьи, скамейки, стулья и стульчики,

*) Есть прибаутка: рано встать — злыдни застать; подольше поспать—живота належать.

столы деревянные. наблюдники деревянные, шкафы деревянные съ полками и съ стеклами комоды, кровати, рукомойники глиняные съ однимъ носкомъ; рукомойники зеленой и красной мѣди съ двумя носками; тазы изъ зеленой и красной мѣди, бѣлаго желѣза, красной глины *) и изъ дерева; зеркала съ разными арабесками; утиральники у зеркалъ и печей: холщевые съ узорами и полотняные съ кружевами, салфетки и скатерти на столахъ, бѣлыя, чистыя или съ цвѣтками и камчатныя; картины, портреты, часы (см. горницу).

Къ убору идутъ: подсвѣчники, жестяные, мѣдные и желѣзные; съемцы (щипчики свѣчные), желѣзныя и мѣдныя; сальники глиняные.

Складочные приборы (кромѣ полокъ, шкафовъ и наблюдниковъ) суть лари и ларцы; сундуки, простые и дубовые, въ которыхъ запирается лучшее имущество; ящики и ящички, обитые желѣзомъ и съ замками (въ меньшемъ видѣ сундуки), въ которые складывается женщинами одежда, холстъ, пряжа и т. п.; деревянныя коробейки на тотъ же предметъ употребляемыя; коробки, корзинки, плетюхи, зобенки, двоещи или двоеручные короба; кузовы и пехтери, бочки: сороковки, тресковки, (водовозныя) и сельдянки; чаны (кади); кадцы (кадки) поддоны (обрѣзы отъ сороковокъ); баклажки (простые боченки); *боченки* дубовые; дуплянки; фляги мѣдныя (для вина), ушаты деревянные, туесы (бураки) берестяные; доильницы и подойники деревянные; лагуны деревянные съ цѣдилками; *лагуши* и ведра, шайки, лоханки и лоханки деревянныя, корыта (см. мыльни); холщевые мѣшки; кувшины глиняные; бутылки разноцвѣтныя, стеклянныя; графины хрустальные и стеклянные; мѣрные стекольные косушки, полуштофы и штофы.

Пекарная посуда: лукошки и хлѣбни лубочныя для муки; рѣшета и сита (см. пищу); квашни и квашенки деревянныя; мутовки деревянныя; крупники, лопатки, которыми выскребаются квашни, т. е. отдѣляютъ тѣсто изъ квашни для печенія хлѣбовъ; коробки берестяныя; скалки (вальки).

Поваренныя: чугунники, мѣденники (желѣзные и мѣдные котлы большіе и малые); горшки глиняные, черные и муравленые; сковороды и сковородки; кострюли красной мѣди; масляники красной глины; поваренки или почерпушки, мѣдныя, желѣзныя, жестяныя и деревянныя; сѣчки желѣзныя съ деревянною рукоятью; сѣчки для капусты и т. п. ложки столовыя, деревянныя; **) ножи, желѣзные и стальные, столовые и кухонные, съ деревянными и костяными черенками *); вилки, солоницы (солонки): мѣдныя, глиняныя, стеклянныя, деревянныя съ накрышками **) и берестяныя (коробки); воронки (лейки) желѣзныя, жестяныя и мѣдныя; ковшики (ковши) мѣдные и бѣлаго желѣза; порочки (деревянные ковши), даже подносы и кофейники.

Печныя: заслонокъ (заслонъ) желѣзный; ухваты желѣзные; крюкъ (кочерга) желѣзный; щипцы угольные, желѣзные; сковородникъ (схватъ) желѣзный; хлѣбная лопатка, деревянная; боровикъ (помело) изъ вереса; судомойка деревянная; лучевникъ (тупой ножъ безъ черна); коромысло деревянное; вѣникъ ***), лиственный изъ березовыхъ вѣтвей) вѣхти, поганый (половой) и чистый (посудный) изъ надранной мочалы; метлы березовыя; уполовники, рогожи и циновки; тертуха желѣзная; фонари: деревянные со стеклами и желѣзные со слюдою. Ножишко-лученникъ, обломокъ косы для щепанья лучины.

Столовая посуда: блюдье (блюды) бѣлой и красной глины и оловянныя малыя и большія ****); латки изъ красной глины *****); миски (мисы) оловянныя; чаши (чашки) и ставцы деревянные, бѣлой фарфоровой и красной глины; тарелки деревянныя и бѣлой глины; квасныя кружки деревянныя, оловянныя и изъ красной и бѣлой глины; хлѣбный ножъ.

Закусочный приборъ: (кромѣ графиновъ, бутылокъ и питейной посуды) братины жестяныя и мѣдныя; стаканы хрустальные, оловянные и мѣдные; шкальчики и рюмки стеклянныя.

Чайный приборъ: самовары красной и зеленой мѣди съ трубами, комфорками и крышками; подносы желѣзные, малые и большіе; стаканы стеклянные и хрустальные, съ блюдцами бѣлой глины; чайныя чашки съ блюдечками ******), кумки (стаканы съ ручками) изъ бѣлой глины; чайники мѣдные, бѣлой глины и красные съ чернымъ фономъ; чайницы мѣдныя, желѣзныя, стеклянныя и деревянныя; сахарницы бѣлой глины, хрустальныя и деревянныя *******); молочникъ бѣлый; чайныя ложки: серебряныя, оловянныя и мѣдныя.

---

*) Поля и фонъ стѣнъ гончарной посуды, сверхъ свинцовой полировки, украшаются разными фигурами: лошадей, рыбъ, звѣрей, лѣсовъ, цвѣтовъ и концентрическихъ круговъ.

**) Ложки дѣлаются желтыя, разнокалиберныя, нерѣдко съ рисунками цвѣтовъ, рыбъ и съ разными стихами, прибаутками и молитвами.

*) Крестьяне сами отлично дѣлаютъ черенки изъ корельской березы, или витые изъ проволоки, и притомъ навсегда прочные.

**) Солоники и сахарницы выдѣлываются изъ дерева, въ видѣ птицъ съ крыльями, хвостами и головами.

***) Вѣники каждымъ домомъ заготовляются на всю зиму въ достаточномъ количествѣ, отчасти въ Іюнѣ, а болѣе въ Іюлѣ.

****) Блюдъ и стакановъ болѣе всего бываетъ изъ посуды оловянной. Блюда старинныя.

*****) Дѣлаются въ видѣ рыбы съ носками, какъ бы головой и хвостомъ.

******) На чашкахъ и блюдцахъ рисунки цвѣтовъ, лѣсовъ, судовъ лошадей, коровъ, пастуховъ, замковъ, домовъ и разныхъ видовъ живописи.

*******) Кромѣ того украшаются надписями: „въ знакъ любви“ и „въ день ангела“.

Кстати уже сказать о постройкахъ церквей, колоколень, часовень и крестовъ.

Какъ въ древней Россіи *церкви* были главнымъ украшеніемъ посадовъ, такъ и нынѣ онѣ придаютъ великолѣпіе деревенскимъ поселеніямъ. Онѣ становятся почти всегда въ самой срединѣ села, на широкой площади и на болѣе видныхъ мѣстахъ, у проѣзжихъ дорогъ на возвышенномъ (лобномъ) мѣстѣ, или необрушающемся угорѣ, при чемъ подлѣ многихъ храмовъ выросли деревья, преимущественно же заповѣдныя ели. Постройка церквей болѣе старинная и всѣ на одинъ или два плана; фасадъ, разумѣется на востокъ. Церкви здѣсь небольшія, деревянныя. Ходъ въ церковь бываетъ всегда одинъ съ крытымъ крыльцомъ, на которое ведутъ одна или двѣ лѣстницы съ перилами. На крыльцѣ бываетъ скатъ, и рѣдкія церкви обшиты досками, и потому почернѣвшія стѣны ихъ носятъ на себѣ отпечатокъ древности. Крыши тесовыя, гладкія, у нѣкоторыхъ же чешуисто-рѣзныя. Всѣ церкви одноглавыя, исключая нѣкоторыхъ соборныхъ. Куполы круглые у нѣкоторыхъ покрыты бѣлымъ желѣзомъ, отражающимъ лучи солнца, но чаще деревянные. Оконъ въ церквахъ бываетъ довольно много; но всѣ они небольшія, въ родѣ употреблявшихся въ старину; у нихъ съ внутренней, либо съ наружной, стороны вбиваются фигурныя и простыя желѣзныя рѣшетки. Архитектура церковныхъ зданій вообще проста, и ничто въ нихъ не представляетъ какой либо художественной особенности *). Ограды у церквей вездѣ деревянныя, рѣшетчатыя, обветшалыя, а у нѣкоторыхъ и никакихъ нѣтъ.

Церковныя колокольни построены или въ совокупности съ зданіемъ храмовъ, или отнесены особо не подалеку отъ церквей. Колокольни вездѣ деревянныя, срубчатыя, о 4-хъ и 8-ми углахъ. Архитектура ихъ тоже устарѣлая. Колокола очень не большіе, и вѣсомъ и числомъ.

Часовни становятся на лобныхъ же мѣстахъ въ селеніяхъ, или на почитаемыхъ по преданіямъ. Вездѣ онѣ деревянныя, самого простаго вида съ одною главой, или съ однимъ воздвизальнымъ крестомъ, съ голыми, и кое-гдѣ обшитыми досками, бревенчатыми, стѣнами и однимъ ходомъ. Часовнями же считаются и простые амбары съ иконами, выстроенные на пустопорожнихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя часовни обнесены оградами: либо изъ точеныхъ балясъ, либо гладкими, но окрашенными. У часовень бываетъ по одному и по два колокольца, привѣшанныхъ къ столбу, подъ прикрытіемъ доски на два ската.

Кромѣ сооруженія церквей и часовень, у народа есть весьма распространенный обычай — ставить деревянные *кресты* и столбы, называемые часовенками. Ихъ ставятъ по краямъ улицъ, при въѣздахъ въ деревни, на дорогахъ, при перекресткахъ, на почитаемыхъ почему-либо мѣстахъ, на сѣнокосахъ, въ лѣсныхъ рощахъ и другихъ пустынныхъ мѣстахъ. Они нерѣдко обносятся невеликими оградками. Въ крестахъ просто вырѣзывается изображеніе распятія, а въ столбахъ вкладываются литые, мѣдные воздвизальные кресты, иконы простыя, или съ окладами, въ ризахъ и кивотахъ. Иконы задергиваются *пеленами* и сверхъ ихъ иногда привѣшиваются куски разной матеріи, узорчатаго полотна или холста, на которыхъ вышиваются кресты.

Кромѣ этихъ извѣстій въ дополнительныхъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ г. Ивановымъ, имѣются отрывочныя, но иногда не безполезныя замѣтки о постройкахъ и домовой обстановкѣ въ селахъ Пинежскаго уѣзда. Приводимъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ представлены авторомъ:

— Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ бываетъ только по одному столу. Исключенія, очень рѣдкія, встрѣчаются лишь въ домахъ, устроенныхъ и убираемыхъ на городской манеръ.

—Полы въ избахъ мостятъ пластинами—досками, которыхъ изъ одного дерева выходитъ только двѣ.

— Избы въ зимнее время такъ сильно натапливаютъ, что для непривычнаго къ тому невозможно быть въ нихъ.

— Для освѣщенія лучина употребляется березовая и сосновая, послѣдняя по преимуществу. Отъ нея распространяется сильный дымъ, заѣдающій глаза.

— Постели и подушки въ деревняхъ больше всего набиты шерстью. Здѣсь, гдѣ такъ значителенъ птичій промыселъ, надо было бы полагать больше этихъ вещей изъ пера и полупуха, но оказывается напротивъ, потому что дичь жители употребляютъ въ пищу себѣ рѣдко, а почти всю проводятъ въ отвозъ.

— Поетели для очистки отъ такихъ насѣкомыхъ, какъ вши, выносятъ зимою на сѣни, гдѣ онѣ и уничтожаются силою мороза.

— Станокъ, на которомъ ткутъ холстъ или сукно, занимаетъ чуть не полкилища.

— Иконы въ жилищахъ размѣщаются по красотѣ: въ кіотахъ и въ окладахъ образа ставятся въ горницы, а досчаные образа— въ жилыхъ избахъ.

— Посуда хорошая бываетъ разукрашена цвѣтами, отводками, краями, наемками, узорами.

— Ножи употребляются вообще простые; но оправы изъ какихъ-либо металлическихъ композицій, кромѣ развѣ свинцовой наливки на концахъ у лезвія и закрѣпы, да желѣза или мѣди для укрѣпленія, небываетъ.

— Ставни бываютъ больше одиночные и рѣдко створчатые.

— Какъ ни хороши въ губерніи жилищныя постройки вообще, но среди ихъ встрѣчаются хижины, точно шалаши, на столько бѣдныя, что удивляешься, какъ человѣкъ можетъ въ нихъ жить.

— Стекола въ окнахъ больше изломанныхъ чѣмъ цѣльныхъ отъ того, что, какъ извѣстно, стекло легко лопается во время сильныхъ зимнихъ морозовъ.

— Въ деревняхъ рѣдко найдете оштукатуренные внутри дома; но все же есть и такіе.

— Во многихъ крестьянскихъ домахъ, проконопачиваемыхъ дурно, несетъ изъ стѣнъ, изъ подоконниковъ и косяковъ, съ пола и изъ входныхъ дверей.

— Глыбы льда для погребовъ называются кабаны.

— Въ деревняхъ встрѣчаются дома безъ крышъ, квадратные, въ одно бревно длиною, съ однимъ или двумя окнами по срединѣ, а кругомъ ни кола, ни двора.

*) Монастырскіе храмы не идутъ тутъ въ счетъ.

— Въ кузницахъ работаютъ также подковы для лошадей, подковные гвозди и проч.

— Вѣтряныя мельницы бываютъ выстроены и на девяти тогахъ (стоячихъ деревахъ), о двухъ и объ одномъ поставѣ.

— На верху крышъ ставятся деревянные коньки, изображающіе голову лошади или телку,—одну ея голову; но коньки служатъ также украшеніемъ и внутри избъ, около печи и у божницы.

— Бѣлила для печей дѣлаютъ иногда съ водою, съ примѣсью молока.

— Къ праздникамъ мало того, что очищаютъ грязь дресвой и пескомъ,—столы, стулья, скамейки, стѣны и проч. оскабливаютъ ножами.

— Сѣни, сѣнникъ и все прочее, соединяющееся подъ одними хоромами, называется подворьемъ.

— Есть въ избахъ окна, вдѣланныя въ пазы и по пазамъ задвигаемыя и отворяемыя.

— Скамьи въ крестьянскихъ избахъ одними концами сходятся въ углахъ ихъ, а другими расходятся вровь вдоль стѣнъ.

— Въ зимнее время при крыльцѣ или у воротъ всегда лежатъ два-три вѣника или метлы, которыми опахиваютъ снѣгъ съ сапоговъ или катанокъ.

— Волоковыя окна—съ задвижными ставнями внутри. Нынѣ ихъ нѣтъ здѣсь, или есть, но рѣдко.

— Пивоварни, или строенія, въ которыхъ цѣлыя деревни варятъ пиво на праздники, называются поварнями.

— Терпугъ—крупный рѣдкій напилокъ (напильникъ.)

— Въ верху уѣзда употребляются, вмѣсто половиковъ и рогожъ, плетеные изъ драницы ковры (плетеные такъ же, какъ корзины).

— На повѣтяхъ отъ дыръ, прорубленныхъ въ полу повѣтей (потолокъ хлѣвовъ), идутъ такія же дыры, прорубленныя въ стѣнахъ. Когда же хлѣвъ устроенъ отдѣльнымъ строеніемъ, тогда изъ дыръ въ потолкѣ пропускаются деревянныя трубы. Это дѣлается для того, чтобы не задерживать въ хлѣвахъ вредные газы.

— Для молоченія и вѣянія хлѣба близъ овиновъ устраиваются обыкновенные глиняные токи: выравниваютъ и утрамбовываютъ землю и потомъ кладутъ жидко размятую глину, съ малой примѣсью песку, потомъ гладко заравниваютъ; въ какомъ видѣ замерзнувъ, токъ дѣлается твердымъ и гладкимъ

— Очень нерѣдко связанные пучки соломы приколачиваются у входныхъ дверей съ внутренней стороны, т. е. со стороны, ведущей изъ избы, для того, чтобы тепло не могло сквозниками въ затворѣ выходить изъ избы въ сѣни.

— Красное окно — окно со стеклами, въ отличіе отъ волоковаго,—свѣтлое, какъ красная изба съ большими окнами свѣтлица.

— Засѣки, или сусѣки, и закромки устраиваются по бокамъ или внутреннимъ стѣнамъ амбаровъ.

— Прясла нерѣдко устраиваются у самыхъ деревень, смежно съ постройками; но большею частію нѣсколько вдали.

— Кузнечные мѣхи состоятъ изъ двухъ досокъ съ дырой на верху и двухъ (по бокамъ) сжимаемыхъ кожъ, съ желѣзнымъ дуломъ, наклоненнымъ къ горну. Чтобы получить непрерывный токъ воздуха на огонь дѣйствуютъ рукою по очередно: то той, то другой.

— Крынки и горшки, для непроницаемости, муравлятся дегтемъ и свинцемъ

— Въ недавнее время вошли въ употребленіе дешевенькіе стѣнные часы (1 р.—1 р. 20 к.) мастерскихъ Гаврилова и Главинскаго.

— Входы въ домахъ дѣлаются наиболѣе съ праваго боку. Такъ если домъ стоитъ глазами къ востоку, то ворота ищите на югъ.

— Употребительные стулья дѣлаются нѣсколько въ видѣ стоящей лошади: спинка съ длинными ножками такъ и кажется передомъ лошади, а закорточки отъ ножекъ на верху — ея уши, спинка — шея, сидѣнье—спина и задница, нѣсколько расширяющаяся.

— Бани сооружаются болѣе изъ старья, т. е. изъ лѣса, бывшаго въ постройкѣ потомъ разрушенной.—Иногда до такой степени парятся вѣниками, что не скидываютъ рубашки, а для сѣченія нанимается постороній человѣкъ, который надѣваетъ себѣ на руки рукавицы.

— Амбары нерѣдко сооружаются на столбахъ съ шейками (въ видѣ урны), называемыхъ гребнями.

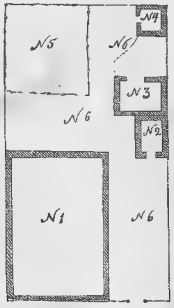
— Внутри домовъ стѣны обтесываютъ нагладко; но при этомъ необтесанными оставляютъ два или три бревна отъ потолка и два или три бревна отъ полу.

— Свящ. Андрей Костылевъ въ „Губ. Вѣд.“ пишетъ: „годовъ десятка полтора назадъ, почти по всему Пинежскому уѣзду, молодой скотъ держали въ тѣхъ же избахъ, въ которыхъ и сами жили. Теперь этотъ обычай, по низу рѣки Пинеги и около города Пинеги, вывелся уже. Для скота тамъ настроили особенныя избы, которыя называются скотными. Но что касается до отдаленной Тимешинской волости, лежащей въ самомъ углу уѣзда и въ захолустьѣ, обычай жить со скотомъ вмѣстѣ вполнѣ сохранился. Внѣшнимъ видомъ здѣшніе дома не отличаются отъ крестьянскихъ домовъ всего уѣзда. Домъ по большей части состоитъ изъ двухъ избъ, подъ одною кровлею. Прямо противъ дома — колодезь съ трубой (желобомъ) притянутой въ избу. Внутренность дома представляетъ для невидавшаго удивительную картину. Близъ входа въ избу стоитъ большой чанъ съ соломой, залитой горячею водой, а кругомъ его—скотъ. Коровъ загоняютъ въ избу только на день, на ночь же выгоняютъ ихъ во дворъ. Что же касается до молодаго рогатаго скота, то этотъ живетъ постоянно въ избѣ. Отъ житья скота грязь въ избахъ ужасная, а отъ грязи одежда крестьянъ и сами они очень—очень грязны. Еслибы такъ жили бѣдные,—имъ бы еще, такъ и сякъ, простительно; но такъ живутъ и зажиточные, богатые крестьяне“ (Губ. Вѣд. 1870 г., № 36). Наше слово: О. Андрей сказалъ вѣрно!....

Послѣ приведеннаго нами описанія домовыхъ построекъ и домашней обстановки сельскаго населенія въ Пинежскомъ уѣздѣ, мы можемъ привести здѣсь выдержки изъ двухъ статей, касающихся Шенкурскаго уѣзда: а) А. Шакрина—чертежи крестьянскихъ домовъ и усадьбъ; б) Свящ. Стефана Мефодіева — описаніе села Усть-Пуи. Чертежи Шакрина представляютъ избы, весьма распространенныя въ деревняхъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ они.

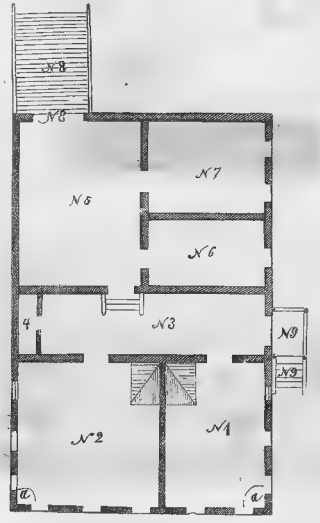
I. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилыя и нежилыя строенія, принадлежащія крестьянину деревни Верхолецкой слободки, Великониколаевскаго волостнаго правленія, Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.

Планъ усадьбы.

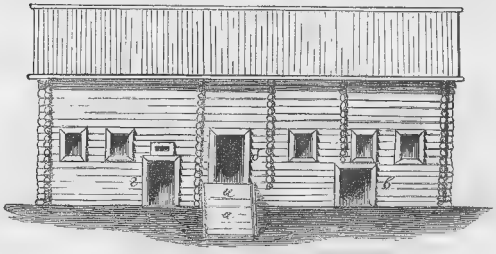


Масштабъ къ плану усадьбы.

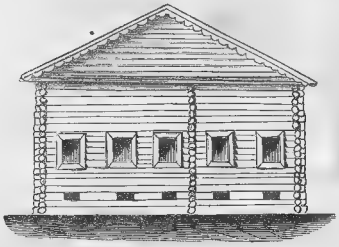
Планъ дому.



Фасадъ съ боковой стороны.



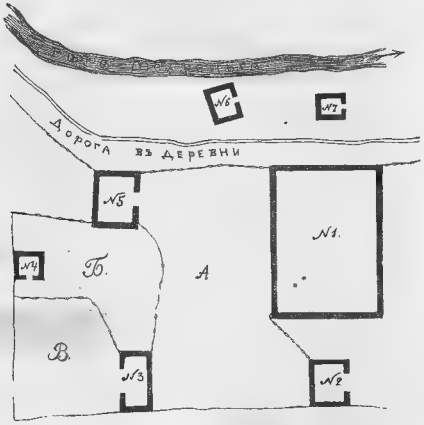
Фасадъ съ лицевой стороны.



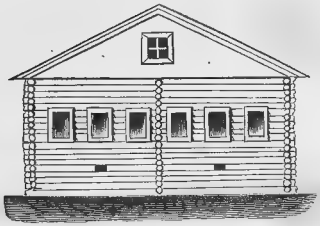
Масштабъ къ плану и фасадамъ дому.

II. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилыя и нежилыя строенія, принадлежащія крестьянину Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губерніи), Тарасовской волости, Церковническаго прихода деревни Майнемы.

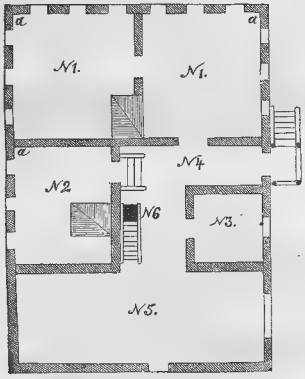
Планъ усадьбы.



Фасадъ.

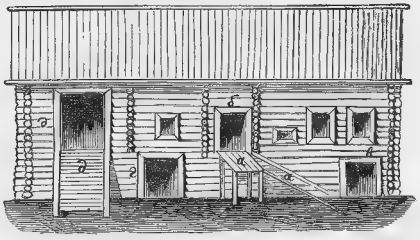


Планъ дому.



Масштабъ къ плану усадьбы.

Фасадъ съ боковой стороны.



Масштабъ фасадамъ и плану дома.

ОПИСАНІЕ I.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ серединѣ деревни по проселочной дорогѣ, лежащей въ Тарасовскую волость, Церковническаго прихода, при рѣкѣ Леди, въ разстояніи отъ оной въ 20 саженяхъ. Внутреннія и наружныя принадлежности дома плотничной работы, а рамы или оконные переплеты постройки столярной работы.

№ 1 домъ, № 2 погребъ или ледникъ, № 3 гумно, № 4 овинъ, № 5 огородъ и № 6 дворъ. Баня построена на берегу рѣки Леди противъ дома.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 изба съ русскою печкою, кругомъ избы обыкновенныя крестьянскія лавки; въ большомъ углу *а* простой столъ. По всѣмъ стѣнамъ надъ окнами полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. При входѣ въ избу надъ дверьми до воронца палати. У стѣны, отдѣляющей вторую избу, предъ окномъ, ближе къ углу, тоже поставленъ столъ, а возлѣ него простой шкафъ, въ которомъ хранится разная глиняная посуда, какъ-то: тарелки, блюда, кринки и т. под. Изба № 2, она совершенно того же вида и убранства, какъ и первая, имѣетъ тоже русскую печку, лавки, полки и палати, простой столъ, который поставленъ въ большой уголъ *а*, передъ нимъ скамья, а у стѣны въ недальнемъ разстояніи отъ печки сдѣланъ прилавокъ въ видѣ шкафа—довольно широкій. № 3 сѣни, № 4 ретирада, № 5 повѣть, № 6 клѣть и № 7 холодная изба безъ печки. Три послѣдніе помѣщенія построены выше трехъ первыхъ на три четверти аршина. Повѣть служитъ, какъ для свалки сѣна, такъ и для храненія приготовленныхъ подъ наливъ смолы бочекъ. № 8 ворота со въѣздомъ на повѣть и № 9 крыльцо съ помостомъ на столбахъ съ наружной стороны дома.

ПО ФАСАДУ СЪ БОКОВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Подъ лит. *а* крыльцо съ улицы, *б* дверь во внутренность дома, *в* дверь въ подъизбицу или кладовыя, *г* ворота въ скотный дворъ, гдѣ помѣщаются: хлѣвъ, телятникъ, овчарня и конюшня.

ПО ФАСАДУ СЪ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Лицевая сторона дома заключаетъ пять красныхъ оконъ съ лѣтними переплетами; они съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Въ подъизбицѣ имѣется тоже пять малыхъ оконъ въ видѣ слуховыхъ, которыя въ зимнее время задѣлываются деревянными плашками съ войлокомъ. Особенной отдѣлки или украшеній, какъ внутри, такъ и съ наружи дома нѣтъ.

ОПИСАНІЕ II.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ концѣ деревни Майнемы, при дорогѣ, лежащей въ прочія деревни этого прихода. Внутренніе и наружные предметы дома плотничной работы, а оконные переплеты столярной.

№№ 1 домъ, 2 сарай, гдѣ хранятся земледѣльческія крестьянскія орудія, а также тѣлеги и сани, 3 гумно, 4 овинъ, 5 амбаръ для хлѣба, 6 баня обыкновенная крестьянская и 7 погребъ или ледникъ; подъ лит. *А* огородъ, *Б* конопляникъ и *В* пашня.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 первая и вторая избы съ русскою печкою. Кругомъ стѣнъ сдѣланы обыкновенныя крестьянскія лавки, шириною до 10 вершковъ. Въ большомъ углу *а* простой столъ, передъ нимъ скамья, тоже и во второй избѣ, которая служитъ кухнею. Выше оконъ въ обѣихъ избахъ, кругомъ стѣнъ сдѣланы полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. Надъ дверьми при входѣ въ первую избу сдѣланы палати. Во второй избѣ имѣется простой шкафъ для храненія посуды, онъ стоитъ у стѣны, отдѣляющей одну избу отъ другой. № 2 тоже изба съ русскою печкою, эта изба построена выше прочихъ на ½ аршина. Въ ней тоже имѣется вдоль стѣнъ лавки, въ большомъ углу *а* столъ, передъ нимъ стулья, а около печки простой диванъ; къ стѣнѣ, отдѣляющей повѣть, сдѣланы полки въ три ряда, на оныхъ хранится чайная посуда. № 3 клѣть, № 4 сѣни, № 5 повѣть, № 6 люкъ съ лѣстницею внизъ, служащая входомъ въ скотный дворъ.

ПО ЛИЦЕВОМУ ФАСАДУ.

Лицевая сторона дома, состоитъ изъ шести оконъ, которыя съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Окна имѣютъ одни лѣтніе переплеты, каждый переплетъ заключаетъ шесть стеколъ. Въ чердакѣ одно окно съ переплетомъ въ четыре стекла. Внизу подъ красными окнами имѣется два слуховыхъ окна, чрезъ которые проходитъ свѣтъ въ кладовыя или въ подъизбицы.

ПО БОКОВОМУ ФАСАДУ.

Подъ лит. *а* крыльцо съ улицы, при немъ помостъ на столбахъ, *б* дверь служащая входомъ во внутренность дома, *в* наружная дверь въ кладовыя или въ подъизбицу, *г* дверь (ворота въ скотный дворъ, конюшню и въ хлѣвъ и *д* ворота на повѣть со въѣздомъ.

Переходимъ къ статьѣ свящ. Ст. Меѳодіева, подтверждающей и дополняющей свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ. Въ ней относительно предмета, насъ занимающаго, сказано слѣдующее:

Всѣ дворы деревень Усть-Пуйскаго селенія, за небольшими исключеніями, расположены параллельно, имѣя разстояніе одинъ отъ другаго отъ 5 до 10 саженъ. Постройки фасадами не одинаковы, смотря потому, на какой сторонѣ рѣки Ваги онѣ находятся. Постройки, лежащія на правой сторонѣ рѣки, обращены лицевою стороной на западъ, а лежащія на лѣвой на востокъ. Впрочемъ есть и незначительныя исключенія, напримѣръ въ такъ называемыхъ деревняхъ: Перегородинской и Бѣлавинской, какъ видно, каждый житель, устроя себѣ жилище, располагалъ фасадомъ своей постройки по личному усмотрѣнію. Амбары, овины, бани, а индѣ и пивоварни устроены большею частію въ сторонѣ. Всѣ улицы села, при разнообразномъ направленіи, имѣютъ болѣе или менѣе прямое расположеніе.

Избы и прочія вышеименованныя хозяйственныя постройки устроены всѣ изъ дерева. Наружность домовъ довольно несоразмѣрна. Несоразмѣрность эта замѣчается въ томъ отношеніи, что дома, при ихъ громадной длинѣ и порядочной ширинѣ, очень низки, и потому помянутыя зданія по наружности представляютъ очень сплюснутый видъ. Длина описанныхъ зданій простирается среднимъ числомъ до 15 печатныхъ саженъ, ширина отъ 7 до 9, вышина отъ 4 до 6 саженъ. Верхніе ряды бревенъ, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятыя, на языкѣ здѣшняго навода называются *сараемъ*. Крайнія корытообразныя бревна, придѣлываемыя къ противоположнымъ концамъ крыши, опускающимся надъ окнами дома, и приспособленныя къ тому, чтобы по нимъ удобнѣе могла стекать дождевая вода, обыкновенно называются *потокóмъ*, (въ имен. пад. *потокó*); а вбитые въ ряды стѣнъ деревянные кряжи, поддерживающіе потоко съ крышею, носятъ названіе *курицъ*. Верхнее бревно, отесанное треугольникомъ и полагаемое обыкновенно на вершинѣ зданія, называется двояко: или *охлупнемъ*, или *князькомъ*. Вся же совокупность бревенъ, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *стопою*.

При входѣ чрезъ ворота на мостъ, замѣняющій мѣсто сѣней, тутъ же на виду помѣщается открытое отхожее мѣсто. Большую часть остальнаго пространства двора занимаетъ такъ называемая *повѣть*, которая, не извѣстно почему, въ параллель отъ моста, почти у всѣхъ строится выше онаго. Кромѣ небольшой лѣстницы, ведущей съ моста на повѣть, остальное во всю ширину зданія, между мостомъ и повѣтью пустое пространство, какъ видно, имѣетъ назначеніе отхожаго мѣста. Повѣть, смотря по состоянію хозяевъ, занята различными предметами сельскаго хозяйства. Для храненія съѣстныхъ припасовъ на повѣти же устроивается чуланъ, называемый *клѣтью*.

Самыя комнаты, по назначенію своему, бываютъ двоякія: *зимнія* и *лѣтнія*, или по народному: *черныя* и *бѣлыя*. Зимнія избы устраиваются большей частью на задней, а иногда и на боковой части зданія. Въ стѣнахъ такого рода жилищъ, для клажи разныхъ мелочей изъ домашней утвари, сверху приколочены толстыя и оструганныя тесины, называемыя *воронцами*, снизу же *лавки*, назначаемыя обыкновенно для сидѣнія. Печи кладутся безъ трубъ. Для выхода же дыма, которымъ наполняется изба во время топленія печи, въ задней стѣнѣ надъ печью устрояется довольно широкое отверстіе, которое, по истопленіи печи и уходѣ дыма, немедленно закрывается столь же широкою доскою. Полъ и стѣны въ этихъ избахъ почти навсегда остаются грязными. Въ нѣкоторыхъ избахъ грязь тѣмъ болѣе умножается, что туда въ извѣстное время дня впускается рогатый скотъ для кормленія и доенія. Разумѣется въ такихъ избахъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ украшеній. У многихъ хозяевъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется перегородкою, называемою *шомущею*, въ углу которой, за печью, для молотья муки и крупы, у иныхъ хозяевъ устрояются и жернова.

Устройство лѣтнихъ комнатъ нѣсколько благообразнѣе. Онѣ почти всегда строятся или въ верхнемъ этажѣ, или на лицевой сторонѣ зданія. При входѣ въ дверь, въ переднемъ углу съ правой стороны, если домъ лицевою стороной обращенъ на востокъ, или въ лѣвой — если на западъ, на приколоченномъ къ стѣнѣ карнизѣ, называемомъ божницей, стоятъ иконы посредственнаго письма *). Подъ ними приколочено къ стѣнѣ нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, а у болѣе состоятельныхъ хозяевъ, въ числѣ комнатныхъ украшеній, на стѣнахъ, въ сторонѣ отъ иконъ, помѣщаются изображенія знаменитыхъ русскихъ полководцевъ. Воронцы и лавки въ этихъ комнатахъ составляютъ также необходимую принадлежность. Хотя и въ лѣтнихъ комнатахъ полъ моется не очень часто, однако-жъ эти комнаты гораздо чище зимнихъ, такъ какъ печи въ нихъ, для болѣе удобнаго выхода дыма во время топки имѣютъ трубы, и притомъ туда скотъ не впускается. Потолокъ, стѣны, а тѣмъ болѣе полъ какъ въ лѣтнихъ, такъ и въ зимнихъ комнатахъ, ни у кого и ничѣмъ не красятся. Болѣе зажиточные хозяева на лицевой сторонѣ зданія строятъ двѣ лѣтнія комнаты (избу и горницу), которыя извѣстны здѣсь подъ общимъ названіемъ *двойней*.

Устройство овиновъ неудобное. Одна половина стѣнъ

*) Въ зимнихъ избахъ иконы стоятъ также смотря потому, куда обращена лицевая сторона избы.

этого рода построекъ находится въ землѣ, другая поверхъ земли. Вровень съ землею устрояется бревенчатый потолокъ, верхняя сторона котораго, обитая довольно толстымъ слоемъ глины, называется *подомъ*. На *подѣ* чрезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ накладываются назначаемые для молотьбы снопы хлѣба. А какъ въ овинахъ печи вовсе не кладутся, то хозяева для сушенія сноповъ, чрезъ проведенное снаружи углубленіе, спускаются подъ самое основаніе овина и тамъ раскладываютъ огонь. Во все время топленія овина дымъ и жаръ отъ огня, чрезъ довольно длинное и широкое на потолкѣ отверстіе, называемое *лазухою*, проходятъ прямо въ снопы. Такое устройство овиновъ имѣетъ свою выгоду развѣ въ томъ отношеніи, что жаръ огня, непосредственно проходя къ снопамъ, скорѣе сушитъ ихъ. Но это же устройство и неудобно, особенно потому, что, какъ признаются сами хозяева, при значительно сильномъ вѣтрѣ топленіе овиновъ соединено съ опасностью.

Амбары имѣютъ двоякое назначеніе. Собственно такъ называемые *амбары* устраиваются при гумнахъ *) для клажи туда соломы, остающейся послѣ молотьбы хлѣбныхъ растеній, и амбары, почти всегда называемые *житницами*, назначаемые для клажи зернового хлѣба. Въ амбарахъ, собственно такъ называемыхъ, существуетъ только одна перегородка, въ которую кладется мякина, остающаяся послѣ молотьбы. Въ житницахъ же находится нѣсколько перегородокъ, называемыхъ засѣками, куда, послѣ молотьбы, высыпаются сѣмена хлѣбныхъ растеній.

Устройство бань не отличается большимъ умѣньемъ. Предъ входомъ въ самую баню устрояются небольшія сѣни, гдѣ идущіе мыться раздѣваются. Въ томъ или другомъ углу отъ дверей кладется печь изъ сѣраго камня. Способъ топленія печей въ баняхъ такой же, какой въ зимнихъ избахъ. Отъ печи и далѣе на сторонѣ отъ печи вдоль передняго угла все пространство занимаетъ такъ называемый полокъ, ширина котораго ровна ширинѣ печи и на которомъ пребываютъ любящіе париться. Къ другой, противоположной полку и печи, стѣнѣ и къ незанятой полкомъ остальной части передней стѣны продѣланы небольшія прилавки, на которыхъ сидятъ моющіеся и стоятъ сосуды съ горячею и холодною водою.

Пивоварни, какъ показываетъ самое названіе, предназначаются для варенія пива. Онѣ бываютъ только у немногихъ хозяевъ. Внутри такого рода построекъ нѣтъ ни пола, ни потолка, однѣ пустыя стѣны. Надъ тѣмъ же мѣстомъ, гдѣ варится пиво, крыша на время варенія открывается.

Всѣ означенныя мелкія хозяйственныя постройки длиною отъ 2 до 3 саженъ, шириною отъ $1^1/_2$ до 2 саж., вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ саж. Крыши на нихъ или плоскія безъ охлупня, или съ охлупнемъ; отъ котораго отдѣляются двумя наклонными поверхностями.

Предметы, относящіеся къ домашней утвари жителей Усть-Пуи, почти общеизвѣстны, какъ по своему устройству, такъ и по назначенію. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны только своими мѣстными названіями.

Такъ какъ всѣ перечисленные о. Меѳодіевымъ предметы, принадлежащіе къ уходу за столомъ, печью и скотомъ, упомянуты были и въ описаніи Иванова, то мы и опускаемъ этотъ перечень. Но приведемъ принадлежности рукодѣлій:

а). Пряжи: прялицы (прялки), веретена, мутовила отъ 6 до 7 четвертей длиною, служащія для мотанія нитокъ.

б). Шитья: иголки, наперстки, ножницы.

в). Тканья: *станицы*, длиною около 2-хъ арш., вышиною $1^1/_2$ арш., имѣютъ видъ двухъ двухъ-угольныхъ скобъ, съ того и другаго конца сколоченныхъ поперечными досками; *сволокъ*, длиною около аршина слишкомъ, на концахъ котораго находятся два толстыхъ, туго наложенныхъ круга, опредѣляющіе границы, до коихъ должны простираться нитки, свиваемыя для тканья; влагаемая въ задній конецъ станинъ *пришвица*, длиною равняется сволоку, одинъ конецъ ея довольно шарообразенъ, съ сквозными и крестообразными отверстіями; остальная же часть имѣетъ видъ круглой и довольно толстой палки, на бокахъ которой почти во всю длину ея находится сквозное отверстіе, куда влагается ткань, завиваемая вокругъ палкообразной части пришвицы, влагаемой въ передній конецъ станинъ; *притужальникъ*— довольно тонкая дощечка, шириною около ладони человѣческой руки, длиною около полуаршина, будучи привязана къ станинамъ крѣпко веревочкою, влагается въ одно изъ отверстій шарообразнаго конца пришвицы, чтобы туго завитую около пришвицы ткань удержать въ данномъ ей положеніи; *набилки*—двѣ толстоватыя, гладко струганыя, доски, каждая шириною около двухъ вершковъ, длиною около аршина, налагаемыя одна на другую косвенно; въ концы оныхъ чрезъ сквозныя дыры влагается по одной четвероугольной палкѣ, причемъ верхняя доска довольно легко можетъ приподниматься; *бёрдо*, устройство котораго состоитъ въ томъ, что, между двумя параллельно отстоящими одна отъ другой палочками, втыкается нѣчто въ родѣ частыхъ зубьевъ гребня, длиною отъ 2 до $2^1/_2$ четвертей, шириною въ $1^1/_2$ вершка: такое бердо влагается между набилками; *житницы*, по-

*) Гумна не принадлежатъ къ числу построекъ, а находятся при амбарахъ подъ открытымъ небомъ, и суть ничто иное, какъ довольно обширное и продолговатое пространство земли, выстланное глиною, куда раскладываются для молотьбы снопы хлѣбныхъ растеній. Въ предохраненіе отъ топтанія скота и выростанія сорныхъ травъ, на время весны и лѣта гумна накрываются соломою.

добно берду, состоятъ изъ двухъ одна отъ другой параллельно отстоящихъ палочекъ, перевитыхъ нитками, длиною и шириною почти равняющихся берду; въ нитницы и берда влагаются назначенныя для тканья продольныя нитки; *челнокъ*—небольшая палочка, съ довольно острыми концами, въ срединѣ которой на деревянномъ прутикѣ находится, навитая нитками, такъ называемая *чевча*, свитая изъ коры березы; *подножки*—двѣ дощечки, привязанныя къ нитницамъ и опущенныя на полъ; причёмъ такъ называемыя *ткеи* (женщины, которыя ткутъ) ногами переступая поперемѣнно на ту или другую подножку, приподнимаютъ и опускаютъ тотъ или другой рядъ вложенныхъ въ нитницу продольныхъ нитокъ, набилками же и бердомъ въ продольныя нитки втыкаютъ поперечныя, вложенныя въ челнокъ.

Къ принадлежностямъ тканья относятся также: *турикъ* — толстый обрубокъ дерева, сердцевина котораго вынута, между краями же того и другаго конца вставляется по одной дощечкѣ, шириною въ вершокъ, съ дырою въ срединѣ; *вьюшка*—много похожа на двухъугольную скобку; на нее, посредствомъ дыръ въ дощечкахъ, влагается турикъ, на который свиваютъ нитки; *воробы* — двѣ длинныя, но узкія дощечки, налагаемыя одна на другую крестообразно; на концахъ этихъ дощечекъ находится по нѣсколькуу дыръ, куда влагаются веретена, по которымъ раскладывается мотокъ нитокъ, назначаемый для свиванія на турикъ; *подворобица*—толстая, вертикально поставленная палка, вверхъ которой вбитъ въ такомъ же положеніи гвоздь, на который налагаются крестообразно воробы, въ нижній же конецъ подворобницы, для твердости ея стоянія, по бокамъ вбивается нѣсколько палокъ; *скально* состоитъ изъ трехъ небольшихъ дощечекъ, изъ коихъ двѣ стоятъ вертикально на концахъ третьей; чрезъ верхъ стоящихъ дощечекъ проведена палочка, съ крючкомъ при одномъ концѣ, называемомъ *веретномъ*, на острый конецъ котораго, довольно выдавшійся наружу, налагается чевча и на нее, посредствомъ верченія веретена, съ турика свиваютъ нитки.

Принадлежности ухода за разными отраслями сельскаго хозяйства:

а). Обработки пахотной земли: сохи, бороны.

б). Уборки хлѣба и сѣнокоса: серпы, косы, у всѣхъ стойки, вилы, грабли.

в). Уборки корнеплодныхъ растеній: сѣчки, индѣ называемыя копачами или мотыками; большею частію служатъ для копанія картофеля.

г). Уборки лѣсныхъ плодовъ: зобенки, небольшіе короба, сплетенные изъ коры березы, служащіе большею частію для собиранія и ношенія ягодъ.

д). Ухода за льномъ и коноплею: мялки, состоятъ изъ двухъ, вырубленныхъ съ корнями, древесныхъ обрубковъ, каковые, будучи поставлены на корни одинъ отъ другаго не въ дальнемъ разстояніи, снизу соединяются, вколоченною въ бока ихъ палкою, сверху же—двумя досками, приколоченными концами къ той и другой сторонѣ обрубковъ; въ остающееся между двумя досками разстояніе влагается третья доска, съ одного конца вколоченная туда деревяннымъ гвоздемъ; подъ приподнятую среднюю доску подкладываютъ ленъ или коноплю и, давя тою доской, очищаютъ эти растенія отъ такъ называемой костицы *); *трепалки*—небольшія, довольно заостренныя съ боковъ дощечки, коими треплютъ помянутыя волокнистыя растенія; *щети*—деревянныя палки, одинъ конецъ которыхъ утыканъ свиными щетинами, залитыми еловою сѣрою, другой же, служащій рукоятію, обмазанъ *пекомъ;* щеть служитъ для совершеннаго очищенія льна и конопли.

е). Ухода за бѣльемъ: корыта, буки — въ которыхъ вымытое въ корытѣ бѣлье, посредствомъ насыпанія пепла и наливанія кипящей воды, парится, вѣроятно для большей бѣлизны; *корчаги*—такъ называются большіе глиняные горшки, индѣ называемые *кубами,* у нѣкоторыхъ жителей замѣняющіе мѣсто буковъ; *катушки*—палки, которыми катаютъ или гладятъ вымытое и высушеное бѣлье.

ж). Пивоварня: котлы, цаны (чаны)—большія кадки, въ дно которыхъ вложенъ такъ называемый *стыръ,* который есть не иное что, какъ палка, вышиною почти равная кадкѣ; отъ легкаго поднятія стыря, обложеннаго *сурпою* **) образуется небольшое отверстіе, чрезъ которое процѣживаютъ сусло; *бочки,* индѣ называемыя *лагунами,* назначаются для переливанія въ нихъ пива.

Принадлежности мастерства:

а). Сапожнаго: шило, иглы, дерево, колодка, служащая для выпрямленія сапога, молотки, гвозди.

б). Строительнаго: топоры, стружки, скобели, тежики, которыми тешутъ углы стѣнъ внутри зданія, пазники, служащіе для выдѣлыванія пазовъ, пилы, долото, брусы, точила, ватерпасы, черта,—желѣзная палочка, имѣющая на одномъ концѣ раздвоенный крюкъ, коимъ начертываютъ пазы.

Изъ четырехъ описаній, касающихся разныхъ мѣстностей Холмогорскаго уѣзда: Хаврогорскаго прихода, села Пингишей, Челмохотскаго и Курейско-Сергіевскаго прихода, первыя два даютъ нѣсколько подробностей относительно сельскихъ построекъ въ описываемыхъ ими деревняхъ.

Такъ свящ. Прокопій Павловскій говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее:

---

*) Крайнія доски въ мялкахъ называются щеками, а средняя языкомъ.

**) Сурпа состоитъ изъ нѣсколькихъ палочекъ, разставленныхъ кругообразно и обложенныхъ соломою; она налагается на стырь, какъ видно, для болѣе удобнаго отдѣленія сусла отъ солода.

«Деревни въ Хаврогорскомъ приходѣ расположены большею частію неправильно, и дома въ оныхъ также имѣютъ не одинаковое разстояніе одинъ отъ другаго: въ однѣхъ деревняхъ домъ отъ дома имѣетъ разстояніе двухсаженное и не болѣе трехъ саженъ, а въ другихъ домъ отъ дома представляются довольно отдалившимися; сему причиною со стороны крестьянъ близость нахожденія имѣемой ими пахотной земли, которая у нихъ всегда подъ руками и удобна для обработки.

Жилыя постройки передними окнами расположены на западную сторону, къ рѣкѣ Двинѣ, а амбары большею частію обращены дверями къ окнамъ домовъ, изъ предосторожности отъ похитителей, и находятся отъ домовъ въ близкомъ разстояніи; бани также близъ домовъ, а гумна и овины строятся въ сторонѣ и вдалекѣ, и большею частію близъ полей.

Дома крестьянъ деревянные изъ сосноваго и еловаго лѣса, большею частію, особенно вновь устроенные, красные, удобны и помѣстительны. Домъ раздѣляется на три части: собственно такъ называемый *передъ*, состоящій изъ избы и горницъ; *передворье*, т. е. средняя часть дома, на которомъ находятся чуланы или такъ называемыя клѣти въ верхней части онаго или новѣти, а подъ оными помѣщеніе для лошадей и хлѣвъ для рогатаго скота. Всѣ эти три части имѣютъ величину и ширину равныя; а весь домъ въ совокупности занимаетъ пространства въ длину 9 саженъ, въ ширину до 5 *); на передней стѣнѣ устрояется во всякомъ домѣ 5 оконъ, на боковыхъ по два и по три; крыльцо съ боковой стороны, двои ворота въ передворьѣ, для удобства къ вывозкѣ навоза, и въ хлѣвъ тоже двои двери: однѣ изъ передворья, а другія изъ задней стѣны. Наружное украшеніе дома составляетъ раскрашиваніе оконъ, на которые накладываются наличники **), свода, въ которомъ устроиваются два окна, и подбоя подъ крышею.

Внутри такое же раскрашиваніе, смотря по состоянію жителя, бѣлилами или чернядью, оконъ, карнизовъ, печнаго мѣста и проч. Въ большомъ углу, на такъ называемой божницѣ, по обѣ стороны разставлены иконы, безъискусственной, извѣстной всѣмъ, суздальской работы. Въ каждомъ почти домѣ имѣется ухожая горница, прибранная по сельски. Въ ней, какъ бы на показъ, особенно въ праздники, когда бываютъ гости, вывѣшивается на стѣну лучшее платье домашнихъ, и выставляется на видъ мѣдная и другая цѣнная посуда. Это болѣе дѣлается тогда только, когда въ домѣ заводится свадьба, чтобы показать пріѣзжающимъ смотрѣть житье неизвѣстнаго имъ жениха или невѣсты, что послѣдніе имѣютъ всего довольно. Дома крестьянъ въ Хаврогорихѣ у многихъ отштукатурены, что по близости нахожденія цемента и многихъ мастеровыхъ этого дѣла, не составляетъ большихъ издержекъ, а между прочимъ приноситъ не малую пользу, сохраняя верхнія комнаты отъ преждевременнаго гніенія, обезпечивая содержаніе теплоты въ большей мѣрѣ въ зимнее время и дозволяя употреблять меньшее количество дровъ для топки. Дома строятся, по довольному количеству мѣстнаго матеріала, двухъэтажные, въ высоту 5, 6 саженъ и менѣе. У многихъ домовъ къ боковой стѣнѣ пристраиваются небольшія избы, называемыя подъизбицами, для того, чтобы въ зимнее время удобнѣе было водиться со скотомъ, каковыя избы — совершенный излишекъ и трата лѣса. Въ зимнее время двухъэтажный, пространный и удобный домъ пустъ, а огромное семейство хозяина помѣщается въ небольшой подъизбицѣ, терпя и снося спертый воздухъ, копоть отъ лучинъ, сырость и проч., отчего нерѣдко заводятся и болѣзни, которыхъ главная причина — неопрятность сихъ избъ и нечистота, по сельскимъ обстоятельствамъ, всегда присущая».

Авторъ этнографическихъ свѣдѣній о селѣ Пингишахъ, свящ. Андрей Колчинъ о сельскихъ постройкахъ этой мѣстности говоритъ слѣдующее:

«Въ Пингишенскомъ селѣ 170 дворовъ, у каждаго почти двора имѣется амбаръ, баня и овинъ. Зданія эти построены безо всякаго порядка кучами до крайней тѣсноты. Въ одной кучѣ съ дворами стоятъ бани, амбары; даже овины съ гумнами построены рядомъ съ избою. Всѣ постройки сдѣланы изъ сосноваго лѣса, крыты тесомъ желобастымъ. Дворъ состоитъ изъ трехъ частей: *переда* или избы, *передворья* и *дольника*. Всѣ эти три части строятся въ одной связи. *Передъ* по фасаду имѣетъ три или четыре окна, одно изъ нихъ въ срединѣ большое, по названію *колодное* съ осмистекольною рамою, остальныя маленькія, продолговатыя. На боку избы, съ той стороны, съ которой бываетъ входъ, дѣлается маленькое оконце. Въ зимнее время рамы стекольныя на ночь отнимаются, а вмѣсто нихъ вставляются деревянные ставни. Избы сводятся косякомъ на два ската. Косякъ дѣлаютъ тесаный. Крыша надъ косякомъ выдается впередъ довольно большимъ надвѣсомъ, концы у косяковъ обшиваются фигурами, такъ называемыми, *причалинами*. *Передъ* старинной постройки всегда почти состоитъ изъ одной избы съ подпольемъ, въ 4 сажени и болѣе ширины и длины. Отъ переда тянутся *передворье* и *дольникъ*. Каждое изъ этихъ частей бываетъ длиною до 5 саженъ, чѣмъ болѣе дворъ, тѣмъ исправнѣе хозяинъ.

Входъ въ избу устроивается по съѣзду чрезъ передворье, которое служитъ и сѣноваломъ и сѣнями. У дверной стѣны въ избѣ выводится печь, которую бьютъ изъ глины артелями, по сосѣдству, за угощеніе. Пред-

*) У зажиточныхъ крестьянъ домы строятся отъ 9 до 12 саж. въ длину, а въ ширину отъ 5 до 6-ти.

**) Наличникъ—фигура, въ видѣ рамки у картины, очень подходящая къ окну и довольно красивая.

варительно для печи приготовляютъ печное мѣсто: ставятъ въ колоду четыре столба. Столбы расширяютъ въ стѣны избныя поперечинами во всѣ стороны; поперечины эти служатъ полками или грядками. Кругомъ избы, около стѣнъ, стоятъ лавки; конецъ этихъ лавокъ у дверной стѣны называется *конникомъ*. Лавки вдалбливаютъ концами въ стѣны. Выше лавокъ, тоже кругомъ избы, изъ стѣны въ стѣну дѣлаются грядки. Въ большомъ углу ставится *божница*. Надъ окнами дѣлаются карнизы, или продольные, большіе, подъ всѣми окнами, или особо надъ каждымъ окномъ. Карнизы эти называются *зымзами*. Изба отдѣляется заборкою отъ печи къ передней стѣнѣ. Мѣсто за заборкою называется *солнышею*. Если не бываетъ заборки въ избѣ, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша*. Потолокъ въ избѣ бываетъ бревенчатый, иногда на два ската. Подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляютъ рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами;* на нихъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и проч. У печи въ стѣнѣ дѣлается *дымникъ*,—просто окно, запираемое ставнемъ; отъ этого окна, съ наружной стороны избы, идетъ деревянный дымникъ или труба. Въ избѣ, кромѣ печи, лавокъ и грядокъ, увидите еще столъ въ большомъ углу, колодку или обрубокъ и табуретъ гнутый изъ ивы. Кромѣ иконъ, на стѣнахъ никакихъ украшеній не бываетъ. Въ передворьѣ устрояется клѣть. Клѣть служитъ въ простую пору для храненія пожитковъ, а во время браковъ—для отвода молодыхъ къ опочиванью.

Передворье и дѣльникъ строятъ въ огромныхъ размѣрахъ для большаго помѣщенія скота и тундры, которую завозятъ въ дворы. Въ передворьѣ помѣщаютъ лошадей и большихъ быковъ; въ дѣльникахъ—коровъ, телятъ и овецъ. Амбары ставятъ двухъэтажные, приспособительно низменности мѣстоположенія. Внизу хранятъ муку, или оставляютъ впустѣ; вверху дѣлаютъ засѣки или глубокіе ящики заборомъ, для храненія зерноваго хлѣба. Амбары сводятъ на два ската на сплошныхъ рамахъ, первоначально кроютъ еловой корой, потомъ въ два ряда тесомъ. Овины всегда на половину высоты углубляютъ въ землю; на поверхности земли остается только верхній этажъ, куда помѣщается для сушки хлѣбъ. Въ углубленіи устроиваютъ печь изъ дикаго крупнаго камня; входъ къ овинной печи идетъ чрезъ окно въ яму. Яма эта именуется *загарою*. Потолокъ овинный надъ печью дѣлается плотно изъ толстаго теса; на бокахъ потолка оставляютъ щели, ширину въ два вершка и болѣе. Чрезъ эти боковыя щели тепло сообщается въ верхній этажъ овина и осушиваетъ хлѣбъ. Въ верхнемъ этажѣ овина, по обоимъ концамъ кладутся двѣ балки; на балки въ зазубру накидываютъ рядками колышки, называемые *колосниками;* разстояньемъ на одну четверть одинъ отъ другаго. На эти колосники ставятъ снопы для сушки. При овинахъ большею частію устроиваютъ гумна, крытыя тесомъ съ гладкимъ мостомъ. Бани—маленькія конурки съ каменками. Воду въ баняхъ грѣютъ каменьемъ. Необходимая принадлежность бани—полокъ».

Что касается домашней утвари, то о ней свящ. Колчинъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія въ такомъ видѣ:

«Первое мѣсто занимаетъ хлѣбня; она помѣщается на столѣ или въ углу на лавкѣ подъ иконами и всегда прикрыта скатерткой. Хлѣбная дѣлается или изъ осиновой болони, гнутая и точеная изъ дерева, или плетеная изъ корешковъ и прутьевъ. Далѣе слѣдуютъ: деревянныя или глиняныя кружки, для питья; деревянныя кружки дѣлаются изъ вересовыхъ дощечекъ; оловянныя тарелки и стаканы; большія деревянныя чашки, для семейной похлебки, мѣдные котелки для варки пищи; *солонникъ* берестяный, для храненія соли. Сѣяльница бываетъ или плетеная, изъ бересты, или выдѣланная изъ дерева; это родъ круглой большой, но мелкой коробки, употребляемой для сѣянія муки. Полотуха, деревянная продолговатая чашка, овальной формы, съ рукоятками на обоихъ концахъ, употребляется для окатыванія житниковъ. Печатка-деревянная дощечка, вырѣзанная фигурчато, употребляется для печатанія сочней при свадьбахъ и большихъ праздникахъ. Валекъ употребляется для катанія сочней.—Сковородка, мѣдная чашка съ рукояткой, употребляемая для подачи каши въ торжественные праздники. Братыня всегда мѣдная, употребляется въ праздники для подачи пива; а во время браковъ братыней подаютъ водку и пьютъ черезъ край. Ендова родъ братыни, но въ огромномъ видѣ; подъ дномъ у ендовы дѣлаются ножки; употребляется при свадьбахъ, какъ и братыня. Лагунъ родъ ушата или небольшой кадки, съ обоихъ концовъ закупоренный; на верху дѣлается небольшое отверстіе—втулка, а въ низу гвоздь. Лагуны употребляются для храненія пива. Кадка, большой чанъ для варки пива. Ковшъ пивоварный дѣлается изъ огромныхъ древесныхъ наростовъ, съ длинною рукоятью. Ковшъ сѣмянной выдѣлывается тоже изъ древесныхъ наростовъ и корней и употребляется для насыпки зерноваго хлѣба въ амбарахъ. Щипцы, или клещи желѣзныя, употребляются для поднятія горячихъ камней при варкѣ пива. Плетень берестяный, величиною въ квадратный аршинъ и болѣе, съ маленькимъ бутылочнымъ отверстіемъ, употребляется для храненія сѣмени конопляннаго и льняннаго отъ мышей. Доильница, ведро съ носкомъ, употребляется, какъ подойникъ, для доенія молока. Ставецъ небольшая деревянная чашка. *Цѣпельникъ* или *сковородникъ* употребляется для подъема сковородки при печеніи блиновъ. Букъ для бученія бѣлья».

Свѣдѣнія о сельскихъ постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ, доставленныя свящ. Васи-

ліемъ Таратинымъ, не обильны и описаніе домашней утвари не прибавляетъ ничего новаго къ прежнимъ; а потому мы ограничиваемся только описаніемъ построекъ въ этомъ приходѣ.

«Дома и всѣ при нихъ службы построены изъ сосноваго лѣса и закрыты тесанными сосновыми досками въ жолобъ—подъ охлупень. Домы построены въ одной связи съ скотными дворами, и отдѣльныхъ отъ домовъ сараевъ нѣтъ.

Дома вообще постройки красивой и отдѣлки чистой. Изъ 125 домовъ около 70 домовъ двухъ-этажные, съ жилыми покоями въ обоихъ этажахъ, и около 30 домовъ одноэтажные съ покоями въ верхнемъ этажѣ. Ширина этихъ домовъ $4^1/_2$ сажени, вышина 3 саж. и длина дома съ сараемъ 9 саженъ.

Въ домахъ прежней постройки: внизу изба и рядомъ съ ней — съ лицевой же стороны съѣзжій дворъ, ходъ въ избу и лѣстница въ верхній этажъ. А гдѣ нѣтъ внизу жилаго покоя, тамъ кладовая для хлѣба и рыбы.

Въ домахъ нынѣшней постройки: изба и рядомъ съ ней горница, входъ въ которую изъ избы. Съ боку устроено крыльцо для входа въ избу и въ верхній этажъ; въ сѣняхъ забраны чуланы для клажи съѣстнаго и домашней утвари. Въ верхнемъ этажѣ построены два и болѣе покоя, которые называются горницами, и чуланы для платья.

Во всѣхъ почти домахъ, при входѣ въ избу, въ заднемъ углу лѣвой руки устроена руская большая печь съ подпечкомъ, въ который складываютъ домашнюю утварь: ухваты, крюки и проч. а иногда въ немъ спятъ дѣти. Отъ печки по задней стѣнѣ полати, которыя обнесены балясами; по бокамъ избы грядка; по полу—лавки; въ переднемъ углу — божница и столъ. Рамы въ шесть стеколъ. На зиму, вмѣсто рамъ, вставляютъ деревянные толстые ставни, обитые войлокомъ или холстомъ, съ меленькою внутри рамкою, а на ночь съ наружной стороны всѣ окона закрываютъ ставнемъ. Потолки штукатурятъ для сбереженія верхнихъ покоевъ отъ гніенія.

Въ горницахъ печи голландскія обыкновенной кладки. Рамы въ 6 и 3 стекла; по стѣнамъ на полу устроены скамейки. Въ домахъ богачей стѣны обиты бумагой, полы и двери выкрашены, потолки отштукатурены, мебель столярной работы. Кіотъ съ св. иконами, часы, зеркало, шкафъ и кровать составляютъ принадлежность горницы каждаго не совсѣмъ бѣднаго домовладѣльца. Въ покояхъ и сѣняхъ соблюдается чистота и опрятность во всякое время.

Скотный дворъ (сарай) двухъ-этажный; онъ отдѣленъ мостомъ или поломъ, который настилается на двѣнадцатомъ ряду бревенчатаго сруба и называется повѣтью; внизу двора устроены стаи для скота, а на повѣти хранится сѣно. Въ повѣти устроены, такъ называемыя, мары, и здѣсь, на настилкѣ досокъ и жердья, хранится солома. Для дачи корма скоту съ повѣти противъ яслей сдѣланы отверстія. Для въѣзда на повѣть сзади, а иногда и съ боку сарая, устроенъ изъ бревенъ на столбахъ подъемъ (звозъ), ровная съ повѣтью возвышенность котораго называется *гумномъ*.

Въ этомъ сараѣ вверху и внизу, во всю ширину его, или только въ углу отдѣлено небольшое пространство бревенчатымъ заборомъ, гдѣ устроены отхожія мѣста.

Бани построены небольшія съ предбанникомъ (сѣнцами). Въ заднемъ углу бани сбита печка (каменка) такимъ образомъ: сзади и боковъ выкладены кирпичемъ стѣнки, въ вышину до $1^1/_2$ арш., а на переди для дровъ оставлено отверстіе; съ боковъ стѣнокъ сдѣланы кирпичные своды, и на эти своды наложенъ сѣрый камень. Во время топки въ печку бросаютъ камень, и накаленнымъ нагрѣваютъ воду въ ушатахъ и сельдянкахъ.

Для молотьбы хлѣба устроены овины; это не широкіе и не длинные, но довольно высокіе амбары: внизу устроена каменка (вырыта небольшая яма, съ боковъ сдѣланы изъ кирпича отъ 5 до 7 сводовъ и завалены камнемъ); на половинѣ въ вышину овина настланъ полъ, а по бокамъ оставлены отверстія (продухи) для хода жара изъ каменки; съ полъаршина отъ полу устроены колосники для клажи сноповъ».

Еще короче свѣдѣнія о постройкахъ, находящіяся въ описаніи Челмохотскаго прихода, которое составлено свящ. Ильею Глѣбовскимъ. Они имѣютъ видъ замѣтки такого содержанія: «Дома жителей всѣ деревянные, почти всѣ одноэтажные, построены безъ всякаго плана; состоятъ изъ бѣлой жилой избы (есть еще черныя), съ заборкою, а за стѣною оной есть горницы, или чуланы; рядомъ съ избою чрезъ сѣни подъ одною крышею, назади находится повѣть (сѣновалъ), а подъ низомъ оной помѣщается домашній скотъ. Внизу подъ избою погребъ съ ямою для снѣга, гдѣ кладется всякое съѣстное. У состоятельныхъ дома двухъ-этажные, изъ четырехъ покоевъ и даже пяти, съ кладовыми на повѣти. Анбары для ссыпки и храненія хлѣба находятся отдѣльно, большею частію предъ окнами домовъ. Мебель у людей средняго состоянія—лавки изъ досокъ, скамьи, у богатыхъ стулья въ горницахъ, комоды и шкафы подъ краснымъ деревомъ. Иконы въ большомъ углу, но рѣдко въ кіотахъ и съ серебряными ризами».

Переходимъ къ Кемскому уѣзду, изъ населенныхъ мѣстъ коего мы имѣемъ описанными только Сумскій посадъ. Описаніе это принадлежитъ чиновнику Шешенину, и о постройкахъ Сумскаго посада говорится въ немъ слѣдующее:

«Сумскій посадъ не можетъ похвалиться своимъ наружнымъ видомъ. На восточной сторонѣ двумя нерав-

вильными рядами тянутся обывательскіе дома, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, обращенные лицевою стороной къ рѣкѣ; на западной сторонѣ, менѣе населенной (за первымъ рядомъ строеній, т. е. прибрежнымъ), жилища Сумлянъ представляются въ разбросанномъ видѣ.

Позади домовъ, какъ на восточной, такъ и на западной сторонѣ, отдѣльно, не въ дальнемъ разстояніи стоятъ бани, какъ необходимая потребность для трудолюбиваго работника, особенно при непостоянной зимней погодѣ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки, соотвѣтственно обывательскимъ домамъ, группируются амбары, опираясь основаніемъ своимъ на сваи, стоятъ надъ водою, въ видахъ удобства для разгрузки судовъ; за амбарами противъ нѣкоторыхъ домовъ, по восточному только берегу, виднѣются маленькіе, въ нѣсколько небольшихъ грядъ, огороды.

Обѣ части посада соединяются чрезъ рѣку двумя деревянными мостами, построенными на сваяхъ и срубахъ. Одинъ изъ мостовъ находится въ срединѣ посада, а другой въ верхней части его. При обоихъ мостахъ, какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, поставлены большіе деревянные кресты. Такіе кресты встрѣчаются во всѣхъ концахъ посада; въ центрѣ же посада на возвышенномъ западномъ берегу виднѣются древнія стѣны острога, изъ за которыхъ показываются главы мѣстныхъ церквей.

Наружный видъ домовъ нынѣшней постройки ничѣмъ неотличается отъ городскихъ обыкновенныхъ домовъ. Они строятся преимущественно двухъ-этажные въ три окна на лицевую сторону *). Рамы въ окнахъ снаружи бѣленыя и большею частію въ 6 стеколъ. Сзади дома, смѣжно съ нимъ, всегда бываетъ пристройка, раздѣленная на два этажа: въ верхнемъ помѣщается сѣнникъ; сѣнники устроиваются съ выходомъ на заднюю сторону дома, для чего дѣлается изъ бревенъ покотый съѣздъ, а иногда тутъ же пристраиваются и кладовыя; въ нижнемъ помѣщается домашній скотъ. Внутреннее расположеніе въ большей части домовъ посада слѣдующее: нижній этажъ состоитъ изъ избы, или иначе подъизбицы **) и сѣней, изъ которыхъ есть выходъ въ скотный или задній дворъ, изъ одной, или двухъ верхнихъ комнатъ, не соединяющихся между собою, и сѣней, изъ которыхъ идетъ выходъ въ сѣнникъ.

Обстановка же комнатъ большею частію такова въ подъизбицахъ: направо, или налѣво отъ входа изъ сѣней — большая русская печь, занимающая собою почти $^1/_6$ часть избы, а иногда и болѣе; нижняя половина печи, начиная отъ полу до шестка, деревянная, окрашенная краскою. Возлѣ печи на стѣнѣ виситъ блюдникъ, въ переднемъ углу божница; у дверей, рядомъ съ печной — полати; отъ печки къ боковой стѣнѣ придѣлана полка, называемая по народному *воронецъ*, на которой и укрѣпляются полати. Противъ средняго окна ставится столъ; надъ дверью съ наружной стороны у людей религіозныхъ написана бываетъ молитва слѣдующаго содержанія; «Христосъ съ нами уставися вчера и днесь, той же и во вѣки;» и надъ окнами начерчены мѣломъ кресты. Въ верхнихъ горницахъ соблюдается чистота и опрятность; для украшенія на стѣнахъ развѣшиваются картины, а въ болѣе зажиточныхъ домахъ стѣны въ горницахъ покрываются обоями; на стѣнахъ — зеркала съ позолоченными рамами (заграничной работы), лакированная мебель».

Относительно мѣстностей Архангельскаго уѣзда въ распоряженіи П. С. Ефименка имѣлись описанія двухъ наиболѣе замѣчательнѣйшихъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ приходовъ: Лисестровскаго и Зимней Золотицы. Первое составлено свящ. Ѳедоровымъ, второе свящ. Владиміромъ Розановымъ.

Вотъ что говоритъ первый о постройкахъ въ его приходѣ: Въ Лисестровскомъ приходѣ на протяженіи всего острова, деревни находятся одна отъ другой на разстояніи $^1/_4$, $^1/_2$, $1\,^1/_2$, 2, 3, 4 и 5 верстъ, по правую и лѣвую стороны рѣки Двины; а дворы и дома одинъ отъ другаго по большой части въ разстояніи не болѣе 1 и 2 саж.; постройки фасадами расположены въ разныя стороны а также и улицы, смотря по тому, какое имѣютъ направленіе и въ которую сторону текутъ рѣчка или озеро, при которыхъ онѣ построены. Всѣ бани, овины, амбары и вѣтряныя мельницы стоятъ въ сторонѣ. На семъ островѣ замѣчательны правильною постройкою двѣ деревни: Верхнее и Нижнее Ладино Заостровскаго прихода. При сихъ деревняхъ находится до 6 шатровыхъ мельницъ. Лисестровскій приходъ находится отъ Ширшемскаго въ 5 верстахъ и отъ Заостровскаго въ 5 верстахъ.

Постройка домовъ или избъ въ Лисестровѣ отличается какою то патріархальною древнею простотою. Домашнія избы устроиваются большею частію изъ сосноваго лѣса съ прибавкою еловаго. Одинокіе и безземельные люди часто ставятъ домики безъ кровель или безъ крышъ, и вообще немногіе изъ крестьянъ строятъ вновь опрятные и красивые дома правильнаго вида. Дома крестьянскіе состоятъ по большей части изъ верхняго и нижняго этажа. Нижній этажъ обыкновенно строятъ съ двумя покоями: въ первомъ покоѣ изба, въ ней при входѣ изъ дверей на правой сторонѣ находится русская печь, въ противоположномъ углу отъ печи находится два-три, а индѣ и до пяти образовъ или иконъ и мѣдный крестъ,

*) Въ Сумѣ есть до 15 двухъ-этажныхъ домовъ, имѣющихъ по фасаду 5 и 6 оконъ

**) Изба въ нижнемъ этажѣ только тогда называется подъизбицей, когда надъ нею въ верхнемъ этажѣ есть горница.

складни и кадильница; подъ образами столъ, а вокругъ по стѣнамъ лавки, а въ верхнемъ жилъѣ, вмѣсто стульевъ, скамьи. Въ русской печи обыкновенно приготовляютъ пищу и обряжаютъ сельскій ежедневный обиходъ, относящійся къ скотоводству. Въ стѣнѣ прорублено съ затворкою оконце, для подачи нищимъ милостыни. А во второмъ покоѣ всегда находится чистая комната, для своего употребленія и для принятія гостей — родственниковъ преимущественно въ большіе праздники. Въ верхнемъ этажѣ находятся два или три чистыхъ покоя съ русскаго печью, а индѣ и съ голландскою, съ 3-мя и 5-ю иконами, иногда въ серебряныхъ ризахъ, въ золоченой кіотѣ подъ стекломъ. Сюда принимаютъ гостей рѣдко, наприм. при свадьбѣ и при посѣщеніи священника съ крестомъ о великомъ праздникѣ. За дверями находятся сѣни, замкнутый чуланъ и открытый входъ на повѣть, для складки конской сбруи, для санокъ употребляемыхъ къ выѣзду въ праздники, для складки сѣна и частію соломы, въ зимнее время, а въ весеннее при разлитіи воды—для загона скота. Повѣть всегда пристраивается сзади дома, и всегда бываетъ со взвозомъ, по которому ввозятъ также сѣно и солому для стилки во дворъ скоту; а дворъ находится внизу подъ повѣтью. Въ этомъ дворѣ устраивается, по числу коровъ, до трехъ яслей и хлѣвовъ для житья сихъ коровъ въ зимнее холодное время. Надъ яслями съ повѣти прорубаютъ окно или дыру, сквозь которыя мечутъ коровамъ сѣно хозяйки дома или прислуга, или же дѣвочки. Лѣтомъ коровы по большой части стоятъ во дворѣ; а для коней бываютъ установлены такъ называемыя стойки (или стойла), также съ яслями, гдѣ кони стоятъ въ зимнее и нерабочее для нихъ время. Надъ сими яслями также прорубаютъ окно для смѣтки корма сѣна. Окно это закрываютъ ставнемъ или просто доскою.

Бани въ Лисестровѣ двоякаго устройства. Бани бѣлыя, чистыя, обыкновенно состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: сѣнцовъ, передбанника теплаго и самой бани. Бани строятъ изъ сосноваго лѣса; кроютъ крышей изъ досокъ, сверху выводятъ трубу изъ кирпича. Въ стѣнѣ прорубаютъ для свѣта два окна въ 4 стекла. Внутренность бани составляютъ: печь, которая топится изъ передбанника, каменья для нагрѣванія воды, котелъ для горячей воды, ушатъ съ холодною водой для мытья и полокъ для паренья въ банѣ, а по сторонамъ устраиваютъ лавки. Такія бани имѣютъ 3 саж. въ длину и $2\frac{1}{2}$ въ ширину и въ высоту. Другимъ устройствомъ отличаются черныя бани: онѣ строятся съ однимъ передбанникомъ безъ сѣней; внутри одно окно, внутри же каменка открытая и печка внизу для нагрѣванія камей. Эта печь, во время топки, распространяетъ по всей банѣ дымъ, который выходитъ дворомъ, или деревянной трубою; воду нагрѣваютъ камнями.

Овины строятъ также изъ сосновыхъ деревъ въ длину 2 саж., въ ширину 2 сажени—квадратные; сверху закрываются они крышею изъ досокъ, сложенныхъ между собою двухъ-сторонниимъ скатомъ; въ срединѣ ската находится балка, для поддержанія и укрѣпленія досокъ; внутри овина настилается полъ изъ досокъ, по сторонамъ двѣ досчатыя полки и два поперечныя бревна съ вырубкою, куда вкладывается до десяти нѣсколько выгнутыхъ круглыхъ жердей или палокъ, на которыя съ прясель или изъ скирдъ кучей настилаются рожь или ячмень для сушки; а подъ овиномъ дѣлается сводъ изъ кирпичей, сверхъ коихъ накладываются камни, булыжникъ; подъ сводомъ устраивается печь; въ печь кладутъ дрова, ивнякъ и частію еловыя, и, когда нужно, затопляютъ печь; отъ нагрѣванія сей печи дымъ и жаръ, проникая сквозь рожь или ячмень, теплитъ ихъ такимъ образомъ и просушиваетъ. Для просушки ржи или ячменя требуется истопить три каменки, что и называется *теплить овинъ* и просушивать рожь или ячмень.

По просушкѣ овина, три женки или дѣвки и одинъ крестьянинъ на гумнѣ (гумно у нѣкоторыхъ бываетъ деревянное) разстилаютъ ячмень или рожь, и молотятъ *кичигами* или пріузами до тѣхъ поръ, пока не отмолотится отъ колоса зерно. По обмолоткѣ, крестьянинъ собираетъ зерно въ ворохъ и, если есть умѣренный вѣтеръ, вѣялкою. Вѣялка эта или лопата прекрасное и полезное произведеніе рукъ человѣческихъ; она отличается красивою отдѣлкою, чистотою и гладкостію, она состоитъ изъ двухъ частей—рукоятки и самой вѣялки—лопатки, съ небольшимъ и какъ бы незамѣтнымъ по срединѣ углубленіемъ и заостреннымъ концомъ; а также замѣчательна при своемъ объемѣ легкостію, съ какою можетъ поднять ее крестьянинъ въ воздухъ. Взбрасывая ее вверхъ, при извѣстномъ и мѣрномъ направленіи вѣтра, крестьянинъ легко соблюдаетъ, чтобы не несло по сторонамъ содержащагося на ней, готоваго для вѣянія, зерна ржи или ячменя, и чтобы съ правильною точностію поднималась въ воздухъ, одна пыль, долженствующая отдѣлиться, а зерна опускались изъ воздуха на гумно, устроенное на землѣ или въ видѣ утоптаннаго круга, или деревянное въ видѣ продолговатаго квадрата. Польза таковой вѣялки очевидна. Она отдѣляетъ лучше, нежели простая лопатка безъ углубленія, можно сказать, пшеницу отъ плевелъ, или очищаетъ зерня ржи или ячменя отъ колоса и соломы,—посредствомъ вѣянія, такъ что гораздо менѣе нужно употребить времени, при посредствѣ такой вѣялки и гораздо менѣе нужно опахиватъ метелкой провѣянную рожь, ячмень или пшеницу. И еще для провѣянія всего вороха, при посредствѣ такой искуственной вѣялки, потребно бываетъ, вмѣсто трехъ разъ, только два раза провѣивать, чѣмъ ускоряется ходъ сельскаго хозяйства. По провѣяніи ржи и ячменя, крестьянинъ-

домохозяинъ на гумнѣ собираетъ зерно въ мѣшки и увозитъ въ амбаръ, который ставится вблизи дома. Амбаръ бываетъ не много болѣе овина, кромѣ того выше и длиннѣе, о двухъ ярусахъ: въ высоту $3^1/_2$ сажени, въ длину и ширину по 3 сажени. Въ верхній ярусъ кладутъ сѣмянную рожь и ячмень для посѣва, къ будущему году; въ нижній ярусъ—рожь и ячмень для домашняго употребленія въ продолженіе года.

Погреба для клажи вещей устраиваются въ землѣ, сажени въ $2^1/_2$ и 3 въ длину и ширину, и отдѣляются засѣками, или квадратными ящиками, которые дѣлаются изъ тонкихъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ кольямъ и связанныхъ прутьями (вичьемъ). По мѣрѣ надобности домохозяйка выноситъ отсюда овощи, для своего употребленія и для продажи на городскомъ рынкѣ.

При каждой деревнѣ находятся двѣ или три вѣтряныя мельницы, объ одномъ жерновѣ и не болѣе какъ о двухъ; съ крыльями и амбарчикомъ сверху для засыпки зерна *). Мельникъ мелетъ въ сутки не болѣе двухъ мѣшковъ ржи или ячменя.

Сельскіе домохозяева обстанавливаютъ полки или воронцы внутри избы мѣдною и частію оловянною посудой. Войдете въ крестьянскую избу и увидите котлы красной мѣди большаго и малаго размѣра; въ большихъ иногда священники крестятъ младенцевъ, вмѣсто купели, за дальностію отъ церкви; вы увидите зеленой мѣди тазики, чайники, братыни и подсвѣчники, солоницы, оловянные стаканы и на деревянномъ крашеномъ наблюдникѣ оловянныя тарелки и желѣзные лучинники для зажиганія лучины по вечерамъ въ бѣдныхъ домахъ. Въ рѣдкомъ домѣ, и то у богатыхъ крестьянъ, найдете комнатки въ верхнемъ этажѣ, порядочно убранныя. Не у многихъ изъ богатыхъ крестьянъ вы найдете и самоваръ съ чайнымъ приборомъ.

Къ домашней утвари можно отнести тканкой станокъ, *става*, составляющій принадлежность почти каждой крестьянской избы, для тканія холста или полотна. Для собранія и постановленія красенъ потребно имѣть два валька, воробы, чивчи, челнокъ и подножникъ и *прядено* для крестьянокъ, которое обыкновенно привозятъ здѣшніе крестьяне съ Евдокіевской и Никольской ярмарки».

Наконецъ относительно сельскихъ построекъ у жителей Зимняго Берега свящ. села Зимней Золотицы Владимірецъ Розановъ сообщаетъ нижеслѣдующее:

«Жилища въ Золотицѣ строятъ по большей части изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго. Наружный видъ строеній самый незатѣйливый. Обыкновенно врываютъ въ землю *по два* большихъ пня, или постойку, подъ четыре угла и по стольку же подъ середку стѣнъ; на стойки кладутъ вѣнцы два или три изъ бревенъ, аршинъ 9 длины и вершковъ 6 въ отрубѣ, и въ нихъ врубаютъ подпольныя балки; потомъ еще кладутъ вѣнца два и въ нихъ уже назначаютъ мѣста для оконъ. Окна бываютъ не болѣе аршина въ вышину и $3^1/_2$ четверти въ ширину; потомъ наруба́ютъ еще рядовъ пять и въ пятый врубаютъ потолочную балку—*матицу*; на матицу кладутъ потолокъ—*на дель* доски третью, называемый *кіевскій*; сверху еще нарубаютъ рядъ *паровой* или *начерный*, и изба вчернѣ готова. Въ серединѣ между избами, сажени на $1^1/_2$ оставляется мѣсто для сѣней. На нижнія избы или подъизбицы кладутся въ такомъ же количествѣ *вѣнцы* и для двухъ горницъ: передней и задней, тоже съ сѣнями по срединѣ. Ряду на 20-мъ если лѣсъ тонокъ, ставятся *залобки*; къ залобкамъ прикрѣпляются *стропила*; въ стропила врубаютъ *курицы*, на концы которыхъ кладутся *потоки*, поддерживающіе крышу снизу; вверху же крыша прикрѣпляется къ стропилу *князькомъ*— *охлупнемъ*, т. е. широкимъ и долгимъ, выдолбленнымъ въ срединѣ, деревомъ. Съ боку во всю длину дома прирубается дворъ и закрывается подъ одинъ *скатъ* съ домомъ, почти горизонтальною крышею. Домы же кроютъ почти всегда на два ската; крыша вышиною всегда бываетъ въ треть менѣе широты передней стѣны. Съ фасада дѣлаютъ въ домѣ всегда три большихъ окна и два такихъ же въ стѣнѣ, противоположной двору. Въ сѣняхъ, съ улицы по срединѣ стѣны, отдѣляющей избу отъ сѣней, прорубаются двери; направо или налѣво, гдѣ удобнѣе, рубится въ крюкъ опечекъ, на которомъ кладется печь, челомъ къ свѣту; къ переднимъ и заднимъ частямъ опечка, отъ двери, ставятся стойки: изъ нихъ передній зовется *туркомъ*, къ коему прикрѣпляется рукомойка, а подъ нею лоханка; на турокъ и задній стоёкъ, во всю длину задней, отъ печи, стѣны кладутся брусья и на нихъ стелются доски, или полати, мѣсто покоя ребятишекъ. Передній брусъ у полатей зовутъ *воронцомъ*. Въ углу, по другую сторону двери, ставится *конникъ* — небольшая широкая лавка, мѣсто постели хозяина. Когда въ домѣ кто боленъ, или есть родильница, ихъ также помѣщаютъ на конникъ и завѣшиваютъ завѣсы. Въ переднемъ углу дѣлается божница—треугольникъ съ тупымъ угломъ, изъ доски. Тутъ помѣщаются св. иконы, лампада съ елеемъ и кадильница, а иногда и ладонница. Въ переднемъ же углу помѣщается и столъ. Передній уголъ самое почетное мѣсто въ домѣ. Уголъ противоположный переднему противъ печи, печной, составляетъ собственно принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухни: блюдъ, горшковъ, чашекъ и проч. Уголъ запечный темный; въ немъ по-

*) Въ Лисестровѣ нельзя допустить устройства шатровыхъ мельницъ, судя по песчаному грунту земли. Таковыя мельницы устроются въ Заостровскомъ приходѣ о 4-хъ жерновахъ въ видѣ шатра; въ Верхнемъ и Нижнемъ Леднѣ грунтъ земли песчано-глинистый.

мѣщаются жернова для молотья и укрываются хозяинъ и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣнъ передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами прикалачиваются или полки, или вмѣсто ихъ, оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ *гинза*. Изъ сѣней, противъ дверей переднихъ, избныхъ, дѣлаются двери въ заднюю подъизбицу. Внутреннее расположеніе задней такое же, какъ и въ передней. Въ сѣняхъ, у самыхъ дверей задней, ставятъ лѣстницу въ вѣрхнія сѣни и горницы. Въ горницахъ устройство и наружное, и внутреннее такое же, какъ и въ подъизбицахъ; только у зажиточныхъ крестьянъ горницы рознятся отъ подъизбицъ голландкою, стульями и простенькими покрашенными стулами. Внизу, противъ уличныхъ сѣнныхъ дверей, дѣлаются двери во дворъ, а въ верхнихъ сѣняхъ — на повѣть— *верхній дворъ*.

«Внутреннее устройство двора слѣдующее: къ наружной сторонѣ двора ставятся *стаи*—хлѣвы. Хлѣвы бываютъ для каждой породы животныхъ особые; такъ: кониный, коровій и проч. Стаи рубятъ по большей части изъ накатника; мшатъ плотно, чтобы скотинѣ было зимой тепло, въ стаяхъ настилается мостъ—полъ, потому что скотъ стоитъ безъ подстилки, и дѣлаютъ стойла для каждой скотины особо. Въ нижнемъ дворѣ дѣлаются ворота, чтобъ выпускать скотъ, и настилается, или изъ накатника, или изъ *пиловокъ*, полъ. Въ верхнемъ дворѣ повѣти тоже дѣлаются ворота и къ нимъ взвозъ мостъ, по которому поднимаются съ сѣномъ; взвозъ, сколько возможно, дѣлается пологимъ. Въ верхнемъ дворѣ хранится кормъ для скота, разная сбруя и снасть, а у иныхъ даже и хлѣбъ.

«Погреба въ Золотицѣ строятъ такъ же, какъ и вездѣ, только съ осени протапливаютъ раза два три, чтобы высохли стѣны и въ зимніе морозы было тепло.

«Амбары строятъ вездѣ почти изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго, и всегда изъ накатника; кладутъ ихъ рѣдко и безъ моху; крютъ на два ската; двери дѣлаютъ широкія, чтобы можно было ими выкатывать большіе чаны и свободно заносить кули съ мукой; внутри амбара настилаютъ полъ, а наверхъ кладутъ подволоку; внизу кладутъ хлѣбъ, рыбу и припасы, а на верху звѣроловныя и рыболовныя снасти. Амбары дѣлаютъ по состоянію: богатые болѣе и длиннѣе, а бѣдные и поменьше и покороче. Условная длина не бываетъ болѣе 5 саженъ, а вышина сажени $2^1/_2$.

«Бани строятъ сажени въ 4 длиною и 2 шириною съ передбаньемъ, но не высокія, рядовъ изъ 11, изъ накатника; кладутъ бани всегда на мохъ. Въ передбанье снаружи прорубаютъ дверь, а противъ нихъ другую на банной стѣнѣ, отдѣляющей баню отъ передбанья. На правой или на лѣвой сторонѣ отъ двери дѣлается каменница, съ худо-сдѣланной печкой, и тутъ же у каменницы всю остальную длину стѣны занимаетъ полокъ. По другую сторону двери, напротивъ каменницы, ставится кадка съ холодною, для поддаванья и окачиванья, водою—*колода*. Окошко въ банѣ бываетъ или одно большое, или два маленькія; подъ самымъ потолкомъ прорубается окошечко для выхода дыма изъ бани. Бани крютъ по большей части *лабазомъ*, т. е. безъ стропилъ, на одинъ скатъ.

«Овины въ Золотицѣ дѣлаютъ съ однимъ только *садиломъ*, безъ гумна; съ лица прорубаютъ два окна: въ низу маленькое, въ которое выметаютъ насыпавшіеся колосья, и большое окно, куда подаютъ снопы, которые садятъ на колосники—жерди, утвержденныя на переводахъ. Подъ колосниками настилается полъ съ уступами на $^1/_4$ отъ боковыхъ стѣнъ—*пазухами*, чрезъ которыя идетъ жаръ въ снопы; полъ этотъ замазываютъ по пазамъ глиною и какъ можно плотнѣе, чтобы не падали искры въ снопы. Подъ овиномъ кладутъ печь каменницу; ходъ подъ овинъ бываетъ съ боку или сзади, гдѣ какъ удобнѣе. Овиновъ, по малоколичественности пахатной земли и частымъ неурожаямъ, въ Золотицѣ очень немного. Есть ли, нѣтъ ли—на 80 слишкомъ домовъ десятокъ.

«Посуда въ домашнемъ быту Золотичанъ та же, какая и у всѣхъ русскихъ: тѣ же горшки, чашки, ложки и ухваты; есть впрочемъ и имѣющая особое названіе и особенное употребленіе. Такъ когда Золотичане бываютъ на рыбномъ промыслѣ, сваренную въ котлѣ рыбу вынимаютъ на *кару*; *карою* зовется кусокъ доски, въ формѣ треугольника или подноса, съ немного выжелобленною срединою и малымъ возвышеніемъ по краямъ, чтобы только не свалилась вынутая рыба.

«*Подблюдникъ*, такъ зовется подкадываемая подъ блюдо съ рыбою квадратная доска, въ срединѣ которой дѣлается выпуклость, въ видѣ четверти луны,—или только одна выпуклость, сдѣланная изъ круглаго еловаго или сосноваго корешка: какъ та, такъ и другая, кладутся подъ блюдо для того, чтобы оно было нѣсколько наклонно, и чтобы квасъ, подлитый подъ рыбу, стекалъ на наклонную сторону, а рыба оставалась на возвышенномъ краѣ. Подблюдникъ употребляютъ и дома. Подкладка подъ дно котла, чтобы онъ, стоя на столѣ, сохранялъ равновѣсіе, дѣлается изъ веревки и всегда почти мочальной, въ видѣ кольца, и зовется *гомза*. Для стиранія со стола мокроты, крошекъ и костей, дѣлается въ видѣ кисти мочальная швабра: ручка у ней дѣлается изъ тѣхъ же мочалъ, туго обвитыхъ широкимъ мочаломъ. Черепокъ, для кормленія кошекъ и собакъ, или только выдолбленное въ видѣ корытца мѣсто въ углу у порога, зовется *попырь*.

Для вынманія изъ котла сваренной рыбы, дѣлаютъ лопатку, загнутую къ черенку, по возможности широ-

кую, съ прорѣзомъ въ срединѣ, въ видѣ креста, и называютъ *рыболовкою*. Для прихотей Золотичане употребляютъ туже посуду, какую имѣютъ и во всей Россіи; разница только въ томъ, что она бываетъ, по большей части, заграничная, гамбургскаго издѣлія; на мѣстѣ же зовутъ такую посуду *норвежскою*, потому что вывозятъ изъ Норвегіи, мѣняя по большей части на домашній товаръ. Впрочемъ заграничная посуда употребляется и при столѣ: тарелки для рыбы и мяса, салатники и миски для ухи и щей, молочники и стаканы для кваса. Мѣдныхъ ендовъ и стакановъ, употребляемыхъ въ средней Россіи для питья пива, въ Золотицѣ, нѣтъ потому ли, что пива здѣсь никогда не варятъ, или потому, что не введено изстари въ употребленіе.

«Относительно посуды нужно замѣтить, что въ здѣшнемъ краѣ больше мѣдной, оловянной и фаянсовой посуды, чѣмъ въ быту средне-русскаго крестьянина. Нѣтъ почти ни одного дома, въ которомъ бы не было, по-крайней мѣрѣ, пятка мѣдныхъ вещей; а богатые даже воду каждый день грѣютъ въ мѣдной посудѣ — мѣдянникахъ. Они похожи на обыкновенные чугуны, только немного повыше послѣднихъ и съ вогнутыми краями. Ложки употребляются маленькія, какъ въ другихъ мѣстахъ, надъ ваганскими и устюжскими здѣсь смѣются».

ГЛАВА III.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ.

Свѣдѣнія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и вседневной, и головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обуви. — Одѣяніе въ Усть-Пулѣ,—въ Тулгасскомъ,—Жаворогорскомъ и Челмохотскомъ приходахъ,— въ с. Пангишахъ,—въ Курейско-Сергіевскомъ,— Лисестровскомъ приходахъ, — въ Зимней Золотицѣ,—въ Кѣхотскомъ приходѣ, —въ Сумскомъ посадѣ.

Народное одѣяніе въ Пинежскомъ захолустьѣ не подвержено колебаніямъ моды. Какъ мужчины, такъ и женщины сохраняютъ національный русскій костюмъ гораздо цѣльнѣе, чѣмъ въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ. Старики и старухи проводятъ особенно тутъ свое вліяніе, строго отстаиваютъ старину, освященную временемъ, хотя съ каждою складочкою въ одеждѣ, либо въ уменьшеніи или увеличеніи вещи, скромный деревенскій костюмъ, наживъ себѣ врага—*пьметчину*, мало по малу тернетъ свое величіе. Говорятъ что старинный нарядъ стоитъ дорого, и потому его стали замѣнять недорогимъ. Когда дѣвушки являются на общественныя гулянья одѣтыя въ *старинную лопатину*, народъ, удивляясь, не можетъ удержаться отъ выраженія: *экая краля прилетѣла.... баско, очень басисто, какъ она одѣла материну то пару*! Существуетъ такой обычай, что женщины и даже мужчины къ утренѣ въ церковь идутъ въ такомъ (порядочномъ) платьѣ, а къ обѣдни въ другомъ лучшемъ. Тоже бываетъ на игрищахъ, въ бесѣдахъ,—днемъ въ такомъ, а на вечеринкахъ въ иномъ, или лѣтомъ: въ дневномъ кругу то, а на вечернемъ гуляньѣ другое платье.

Деревенскій народъ украшаетъ себя нарядами; въ будень сѣраго цвѣта, а въ праздникъ краснаго: красный цвѣтъ предпочитаетъ всѣмъ прочимъ. Чтобъ платье *сидѣло хорошо*, такого желанія нѣтъ; для сельчанъ нужно другое условіе—лишь бы блестѣло и пестрѣло. Они пожалуй еще полюбливаютъ, чтобы въ одеждѣ было просторнѣе.

Одежду застегиваютъ съ правой на лѣвую сторону. Обувь не различается на правую и лѣвую ногу. Она вообще коженая.

Женщины безъ стесненія носятъ, кромѣ своей, и мужскую одежду, особенно зимою, также и обувь.

Матеріалы для одежды, какъ-то холстъ, полотно и крестьянское сукно, или работаютъ дома крестьянки, или достаютъ въ деревняхъ; а остальное покупаютъ на ярмаркахъ, въ лавкахъ города Пинеги и у разъѣзжающихъ по селеніямъ торгашей. Для обуви кожевенный товаръ берутъ у мѣстныхъ и ближайшихъ заводчиковъ и покупаютъ у кожевниковъ въ городѣ.

Одежду шьютъ переходные деревенскіе швецы: портняжки, шубники и портнихи, а тѣловую домашнія женщины. Обувь дѣлаютъ мѣстные *чеботари* и *башмачницы*, или она покупается готовою во время ярморокъ.

Одежда лѣтняя, ежедневная—рабочая: у мущинъ рубашка, подштанники, кафтанъ сѣрякъ, понитокъ, каботъ, армякъ, кумъ, камарникъ, фартукъ; у женщинъ: сорочка юпка, костычь, китайникъ, набивникъ, печатникъ, крашенинникъ, сарафанъ, фартукъ, нарукавникъ, обтянушка, понитокъ, капотъ.

Лѣтняя праздничная одежда: у мущинъ: штаны, панталоны, жилетка, кафтанъ, плисовый кафтанъ, сибирка, казакинъ; у женщинъ: сарафаны, платья, передники, нарукавники, кумашникъ, штофная пара, епанча.

Зимняя одежда буденная у мущинъ: теплая рубашка бѣлая и нагольная шуба, дубленка, малица, совикъ, сермяжка, армякъ; у женщинъ: фуфайка, душегрѣйка, шубка, тѣлогрѣйка, бѣлая и нагольная шубы, малица.

Зимняя праздничная одежда у мущинъ: синяя шуба, тулупъ, малица; у женщинъ: шуба, полушубокъ, шубейка, куцавейка.

Обувь (обутка) вседневная лѣтняя у мущинъ: коты бахилы, батари съ онучами, уледи, упаки, тюни съ чулками, поршни, саноги съ онучами; у женщинъ: коты, бахилы, уледи, упаки, тюпи, струсни, лапти, чуни.

Обувь лѣтняя праздничная у мущинъ: сапоги съ головками; у женщинъ: съ чулками и подвивками: башмаки, пантуфли, полусапожки, выступки.

Зимняя обувь ежедневная: у мущинъ: катанки, валенки съ чулками, пимы съ лебтами, вачеги, вехтоньки, исподки; у женщинъ: катанки и валенки съ чулками.

Зимняя обувь праздничная у мущинъ: сапоги съ носками, съ чулками, катанки съ чулками, перчатки, рукавицы; у женщинъ: катаны, башмаки, выступки, паражки, лапти, перчатки съ чулками.

Головной уборъ у мущинъ: шляпы, шапки, фуражки, картузы, треухи, колпаки и мѣховыя шапки; у женщинъ: повойники, сверники, кокошники, повязки, косынки, платки, шамшуры.

Украшенія у мущинъ: крестъ у шеи, поясъ, галстукъ, кушаки, ремни, кольцы, перстни на рукахъ, кистъ въ карманѣ; у женщинъ: булавки, запонки, серьги, наборошники, шаль, поясъ, запястье, кольца и перстни на рукахъ.

Переходимъ къ самому описанію вѣхъ этихъ издѣлій.

Рубаха мужская шьется, на манеръ русской рубахи, изъ разныхъ цвѣтныхъ ситцевъ, крестьянской пестряди (по чему и называется домоткацкою), полотна, домашняго портна, бѣлаго тонкаго, и грубой толстой холстины (холста), набойки, то есть холста, окрашеннаго мѣстными красильщиками въ синюю краску гладко, или съ звѣздочками или клѣточками.

Крестьяне любятъ красныя кумачныя рубахи и считая ихъ нарядными бѣльемъ, носятъ по праздникамъ; лѣтомъ же одѣвая кафтанъ на распашку, оставляютъ такія рубашки открытыми, не употребляя и шейныхъ галстуковъ. Рубашки мужскія опускаются на шаровары. Мужскія рубашки бываютъ довольно длинныя, ниже колѣнъ, широкія и съ вольными широкими рукавами. Мужская рубашка подшивается на спинѣ холстомъ чуть не до таліи, для прочности. Постройка ихъ дѣлается съ прямымъ воротомъ и косымъ или глухимъ воротомъ, застегиваемымъ на правой сторонѣ шеи. Разрѣзъ у ворота мужской рубашки очень не великъ; подолъ простирается почти до колѣнъ, иногда и ниже; подолъ въ штаны прячется рѣдко. Воротъ, а иногда и заручавье, запястья обшиваются синею или красною, не узкою, тонкимъ гайтаномъ оторочкою (не дорогою тесьмою), а для застежки ворота пришивается съ петелькою мѣдная или бѣло-фарфоровая пуговица, или же завязки (ленточка).

Портки или порты (подштанники) шьются въ родѣ широкихъ штановъ, немного развѣ поуже ихъ, при чемъ угузье (задъ) дѣлается отвѣснымъ. Вмѣсто пуговицъ въ опушку втягивается гасникъ, (тесьма называемая поджиботникомъ) связываніемъ концовъ котораго подштанники и держатся на мужикѣ. Они въ лѣтнее время замѣняютъ крестьянину брюки; тогда онъ бьется съ работой въ рубашкѣ, подштанникахъ и сапогахъ безъ шапки, либо въ колпакѣ.

Штаны, зачастую безъ клиньевъ и мѣшковатые, лѣтомъ носятъ болѣе въ прохладные дни; ежедневно же ихъ одѣваютъ рѣдко и то если крестьянинъ находится не на работѣ.

Въ будни наволакиваютъ на ноги штаны, сшитые женами и родственницами изъ бѣло-толстаго холста, набивки, пестреди, панки, халатнаго и матрацнаго тика, бумажныхъ трико и крестьянскаго сѣраго сукна. Штаны же праздничные приготовляются изъ плиса и по возможности изъ тонкаго фабричнаго сукна; такіе штаны одѣваютъ при красной рубашкѣ. У штановъ праздничныхъ пришиваются по бокамъ карманы, у рабочихъ же брюкъ карманы бываютъ рѣдко. Гульфики у брюкъ не застегиваются на пуговицы и они не длинны, развѣ только у новомодныхъ. Рубашка не закладывается въ штаны, а выпускается сверхъ ихъ. Штаны же спускаются въ сапоги. У нихъ бываютъ продольные карманы.

Панталоны суть настоящіе почти брюки, мода которыхъ принята образованными людьми. За нихъ закладывается рубашка и ихъ носятъ на подтяжкахъ (тесемкахъ съ пряжками) въ праздники молодые парни, бывавшіе въ Питерѣ. Это—фавориты въ своемъ обществѣ, титулующіеся *Питербурами*. Они дѣйствительно ходятъ щегеловато, и потому имѣютъ первое мѣсто у деревенской дѣвушки и въ почетѣ и въ мысли. Такіе брюки называются еще шароварами. Нѣкоторыми, для тепла, они шьются съ подкладкой изъ холста. Бываютъ карманы.

Жилетка (жилетъ) обыкновеннаго покроя двухъ-бортная, то есть съ двумя рядами петель и нашитыхъ мѣдныхъ или стеклянныхъ пуговокъ, или обтянутыхъ разными матеріями костяжекъ, съ прямымъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами и безъ оныхъ. Жилеты употребительнѣе полосатые и считаются роскошью; жилеты доходятъ до таліи, застегиваются подъ подбородкомъ.

Матеріалы для нихъ идутъ: плисъ, полубархатъ, разныя матеріи, разносортныя сукна, панки и трико, а для спинокъ: коленкоры, демикотонъ и панка. Носитъ не каждый крестьянинъ.

Сѣрмяга изъ самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна; шьется съ тальей и стоячимъ узкимъ воротникомъ, по бокамъ прорѣзы для кармановъ, хотя карманы рѣдко пришиваются, по сѣрому фону воротники иногда окаймляютъ полосками тонкаго сукна.

Сѣрякъ—рабочій кафтанъ шьется изъ сѣрмяжнаго (болѣе бѣлаго) толстаго сукна крестьянскаго издѣлія, похожаго на употребляемое для солдатскихъ шинелей (плащей). Образецъ его схожъ съ обыкновеннымъ русскимъ кафтаномъ. Карманы пристраиваются позади, вдоль по складкамъ отъ таліи; ихъ иногда не бываетъ въ дѣйстви-

тельности, а одни потайные (ложные) клапаны. На груди до тальи на одной лѣвой сторонѣ рядъ мѣдныхъ либо оловянныхъ пуговицъ, а на другой по бокамъ ряды запшиленныхъ петель рукава бываютъ не широки и, чтобы зарукавье не билось, обшиваютъ кожею. Лѣтніе сѣрые кафтаны шьются безъ подкладки; по изнанкѣ же борты обшиваются сапожными тесемками.

Сарженникъ тоже сѣрый кафтанъ изъ грубой крестьянской саржи. Зипунъ изъ грубаго холста не бѣлаго, затканнаго на половину шерстяной пряжей.

Понитокъ или шабуръ тоже самое. Шьется онъ изъ довольно плотнаго сѣраго холста, домашняго издѣлія.

Тоже вѣрно сукманинникъ кафтанъ изъ сукманины, въ которомъ основа изъ конопляныхъ нитокъ, а утокъ изъ шерстяныхъ.

Всѣ три кафтана самые употребительнѣйшія вещи изъ гардероба поселянина.

Сибирка—форма сюртучная, но гораздо длиннѣе обыкновеннаго сюртука, ниже колѣнъ. Воротникъ лежачій. Карманы позади, съ 4 пуговицами. У сибирокъ бываютъ пришиты костяныя, роговыя пуговицы. Рукава бываютъ довольно длинные, и у кистей рукъ пришиваются небольшія пуговицы *): Сибирки бываютъ и на мѣховомъ подбоѣ.

Банты (партикулярныя пуговицы) нашиваются на два борта, остальная часть разрѣза оставляется не застегнутою. У сибирки воротники отложные. Сибирка строится изъ синяго и чернаго суконъ съ коленкоровою или люстриновою подкладкою (изнанкою). Ее имѣютъ лишь люди зажиточные.

Казакинъ (казакинъ) одинаковъ съ синимъ кафтаномъ; только у него подкладывается вата, каленкоръ, фланель и на другихъ изнанка, которой нѣтъ у кафтана.

Казакинъ шьется хорошимъ портнымъ изъ самаго лучшаго сукна. Иногда у бекеши этой борты, карманы и воротникъ обшиваются гарусными и шелковыми черными тесьмами. Рукава бываютъ не коротки. У тальи въ юпкѣ дѣлаются сборы (сборка) и оттого лифъ обшивается плотно, а юпка дѣлается полною. Карманы бываютъ отъ соединенія стана съ юпкою продольные къ низу; но болѣе ихъ не бываетъ вовсе.

На казакинѣ бываетъ одинъ или два ряда бантиковъ (пуговицъ) или рядъ крючковъ и петель. Кромѣ того казакинъ снизу затягивается пришитою внутри по спинѣ въ талѣ тесьмою, называемою подживотникомъ.

Казакинъ — самая нарядная вещь, и какъ постройка его обходится не дешево, то и имѣютъ его только сыновья богатыхъ и зажиточныхъ родителей.—Носятъ по зимѣ застегнутымъ, а лѣтомъ на распашную. Всякая одежда застегивается справа налѣво.

*) Пуговицы въ нарядной одеждѣ костяжки, обтянутыя сукномъ или матеріями.

Синій кафтанъ, суконный либо плисовый, одного израза и выкройки съ казакиномъ, съ нѣкоторыми особенностями. Кафтанъ такой еще называется поддевкою. Воротникъ бываетъ стоячій полукруглый *). Вообще синіе кафтаны, казакины и сибирки носятъ молодежь хорошо живущихъ семействъ, или мужики женатые—люди не бѣдные.

Армякъ (ермякъ, ярмякъ, въ древности же ормякъ). Армяки бываютъ большею частію сѣрые, въ Холмогорскомъ же уѣздѣ не мало синихъ и черныхъ. Шьется изъ простаго сѣраго сукна. Покроемъ похожъ съ тулупомъ. Воротникъ бываетъ изъ синяго сукна, либо чернаго тика, отлогій. У отворотовъ одна петелька и пуговица или металическіе схваты. Рукава не узки и иногда пришиваются у зарукавьевъ отлого изъ нетолстой кожи. Полы безъ подкладки и мѣха; закидываются одна на другую. Самый армякъ довольно широкъ. Его наволакиваютъ на себя болѣе тогда, когда отправляются въ путь, какъ напримѣръ въ извозъ, дабы было чѣмъ лѣтомъ укрыться отъ дождя, а зимою прикрыть нагольную шубу отъ снѣжнаго *мокра*. Когда полы закидываются, тогда армякъ перепоясывается кушакомъ или суконною подпояскою. А то армякъ носится нараспашъ, или накидывается на спину въ родѣ того, какъ носятъ плаши въ другихъ странахъ.

Кушъ, или лѣтній *совикъ*, есть свита изъ деревенскаго сукна, но не сѣраго, а болѣе коричневаго цвѣта. Покрой куша такой же, какъ и покрой зимняго совика. Кушъ употребителенъ у жителей, живущихъ у рѣкъ Кулоя и Немнюги, проводящихъ навигаціонное время на водѣ.

Кабатъ — это балахинъ или длинная рубаха во весь ростъ человѣка. Шьется изъ парусиннаго холста съ прямымъ воротомъ. Одѣвается съ головы; затягивается кожанымъ ремнемъ. Одѣваютъ кабатъ, когда предстоитъ мокрая, пыльная или грязная работа: ловить и лучить рыбу, молоть на мельницѣ, сѣчь смольныя дрова, кузнечить и тому подобное. Притомъ онъ натягивается по времени и по погодѣ или единственно на рубашку, или на кафтанъ, либо шубу.

Камарникъ, волосяное забрало—шерстяная либо набивчатая вещь, или холщевый чехолъ, на подобіе куклъ. Употребляется для защиты отъ несносныхъ комаровъ и мошекъ. Онъ обтягиваетъ и покрываетъ всю голову, а своимъ капюшономъ шею и плечи. Къ камарникамъ нѣкоторыми пришиваются для закрытія лица сѣточки, сплетенныя изъ конскихъ волосъ. Тогда онъ чистая маска.

Теплая рубашка, вывязывается деревенскимъ бабьемъ изъ разноцвѣтной—красной, синей, желтой и бѣлой овечьей мытой шерсти. Она короче и уже тѣловой ру-

*) У кафтановъ, какъ и у женскихъ платьевъ лифы гладкіе, а юпки сборчатыя. На стану синяго кафтана мелкіе сборы.

башки. Теплая надѣвается на эту сверху головы. Ворота у ней не бываетъ.

Бѣлою шубою называется тотъ теплый кафтанъ или полушубокъ до икры и ниже ея, который просто сшитъ изъ обдѣланныхъ набѣло, но не дубленыхъ сыромятныхъ бараньихъ шкуръ, съ сѣрымъ мѣхомъ, безъ покрышки или поволоки. Къ ней на грудь пришиваются замшевыя висячія петлички и на одномъ лѣвомъ бортѣ рядъ мѣдныхъ, либо оловянныхъ небольшихъ пуговицъ. Пуговицъ на мужской одеждѣ бываетъ отъ 4 до 8.

Нагольной шубой почитается такая же овчинная шуба, с итая изъ овчинъ продубленныхъ, и потому не бѣлаго, а ранжеваго цвѣта.

Дубленка, она же и романовскій полушубокъ, шьется изъ мягко выдѣланныхъ и продубленныхъ овчинныхъ шкуръ, овецъ не мѣстной породы (да хоть бы и не романовскихъ овчаренъ) сѣрой и черной шерсти, пониже колѣна, на манеръ казакина, безъ отворотовъ, съ опушью изъ шкуры *нерпы* (родъ лысуновъ) или котика (такъ зовется и шкура морскаго зайца) по подолу, зарукавьямъ и по стоячему узкому воротнику плотно сидячему; застегивается плотно около лифа на желѣзные крючки. Рукава бываютъ отпущены далѣе длины рукъ. Грудь на шубѣ по талью тоже оторочена полосками обшивки въ видѣ квадрата, средина котораго испещряется черными нитками, либо готяжками, разными узорами. На стану романовокъ мелкія сборки.

Толупъ (тулупъ) общеизвѣстенъ и общеупотребителенъ даже не у однихъ простолюдиновъ. Онъ шьется изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, болѣе же мѣхъ бываетъ изъ черныхъ овчинъ или мерлушекъ и покрывается китайкой, панкой и наиболѣе сукномъ. Воротникъ бываетъ довольно широкій, откидной изъ одинаковаго мѣха съ полами, или изъ шкурокъ другихъ дорогихъ звѣрьковъ *). Въ дорогѣ воротникъ поднимается и перевязывается около шеи платкомъ, а такъ ходятъ на *стежъ* (на растопашъ). Тулупъ носятъ изъ поселянъ только богатые, зажиточные и питербуры. У хорошихъ, что называется богатыхъ, тулуповъ пола заходитъ далеко на полу.

Синяя шуба шьется на черномъ или бѣломъ овчинномъ мѣху съ крышею изъ синяго или чернаго сукна, на манеръ казакина, а у другихъ кафтаннымъ покроемъ. Воротникъ стоячій и лежачій бываетъ либо узкій и малый, либо большой и высокій. Застегивается на глухо. Воротники у мужскихъ и женскихъ шубъ бываютъ стеганные.

Сермянкою называется такая-же шуба, какъ и синяя, но съ тѣмъ только различіемъ, что крыта грубымъ сѣрымъ сукномъ крестьянскаго дѣла, называемымъ сукманиною. Сермянку носятъ люди незажиточные, заботящіеся не о красотѣ, а лишь о теплотѣ и прочности. И потому для крѣпости онѣ бываютъ кожанные; воротникъ, карманы, а иногда борты обшиваются тоже кожею или замшею, или же чернымъ сукномъ. Вмѣсто модныхъ пуговицъ пришиваются мѣдныя пуговки съ замшонными петлями, какъ у лѣтняго сѣряка.

Богатые носятъ широкія дорогія лисьи и песцовыя шубы, съ такими же широкими воротниками.

Малицы привозятся изъ-за Печерскаго края и покупаются готовыми на ярмаркахъ. Это тулупы, сшитые самоѣдками, вмѣсто нитокъ оленьими хребтовыми жилами, изъ 4-хъ или болѣе хорошо выдѣланныхъ шкуръ неблюей (молодыхъ тюленей), въ видѣ широкой, мѣшковатой женской рубахи, во весь ростъ, шерстью къ тѣлу. Въ дорогѣ малица служитъ вмѣсто подушки, а не то и вмѣсто постели.

Но малицы шьются еще и туземными крестьянами изъ овчинныхъ шкуръ нитками. Малица зашивается на глухо безъ разрѣза, съ отверстіемъ только для головы, какъ кабатъ. Къ проходу тому пришивается стоячій двусторонній воротникъ изъ неблюя по возможности черноватаго. Съ концевъ рукавовъ пришиваются изъ такого же неблюя *оплоча* шерстью наружу. Тутъ же отъ оплоговъ, или и безъ нихъ, иногда бываютъ пришиты рукавицы изъ кожи, снимаемой съ мордъ оленей, мѣхомъ наверхъ. Къ подолу малицы пришивается какъ бы обшивка или хазы, не узкая *панда,* сшиваемая изъ нѣсколькихъ полосокъ чернаго и бѣлаго неблюя, разбивая цвѣты, и поворачивая шерстью на видъ; чѣмъ болѣе бываетъ сшито такихъ мѣховыхъ полосочекъ, тѣмъ панда — шире, красивѣе и дороже. Подолъ малицы съ наружной стороны обыкновенно бываетъ выкрашенный красною краскою, получаемой отъ взвара ольховой коры. Для красивости и опрятности, наверхъ малицы надѣваютъ маличныя рубашки изъ пестреди; тика, казинета, ситца; на подержанную малицу наволакивается и холщевая рубашка, или просто кабатъ, служащій лѣтомъ.

Малицы составляютъ верхнюю одежду, оболакиваемую (одѣваемую) сверху на исподнія шубы, или собственно на рубашки. Малица очень теплая одежда, и притомъ легка и не стѣсняетъ, а чтобъ еще было удобнѣе, то подпоясывается кушакомъ. Снаружи маличныхъ рубашекъ у мущинъ иногда устраивается одинъ или два кармана, иногда съ клапанами.

Совикъ, или кушъ, тоже привозится сшитымъ съ Печеры для распродажи на ярманкахъ. Онъ также шьется самоѣдскими женщинами жилами. Совикъ служитъ для тепла въ здѣшнихъ суровыхъ стужахъ и одѣвается сверхъ малицы, какъ бы верхняя шуба, взамѣнъ тулупа; особенно важность его сознается въ дорогѣ. Постройка совика бываетъ большею частію изъ бѣлыхъ 4-хъ съ прибавкомъ мягкихъ оленьихъ шкуръ, шерстью

*) Зимнія шубы у мущинъ по воротнику и бортамъ опушаются иногда барашкомъ.

наружу, зашитыхъ на глухо, безъ разрѣза вокругъ, какъ малица, но бываетъ шире ея. Оплага у рукавовъ пришиваются шерстью внизъ; самая же шкура оплаговъ раскрашивается баканомъ и сурикомъ, а на самомъ концѣ оплаговъ выворачивается къ верху опушъ. Тутъ же нерѣдко пришиваются такія же рукавицы, какія бываютъ у нѣкоторыхъ малицъ. Подолъ обшивается широкою пандой шерстью наверхъ. Отъ шеи сплошь съ станомъ пришивается мѣховой *куколь* (шапка), то-есть круглый, а не острый, который откладывается назадъ; во время же холода этотъ мѣшокъ или капюшонъ накидывается на голову и затягивается около шеи шерстянымъ краснымъ шнуркомъ, съ узломъ у лба. Такимъ образомъ онъ закрываетъ совершенно шею, голову и лобъ и оставляетъ свободнымъ только одно лицо, начиная отъ закрытыхъ ушей. Капоръ совика подвязывается шнуркомъ подъ подбородкомъ.

Женскія рубашки длинныя ниже колѣнъ, съ небольшимъ разрѣзомъ отъ горла по груди, и съ неузкими рукавами. Грудь немного изъ подъ нихъ открывается. Сорочки женскія шьются изъ полотна, портна, набивки, а болѣе изъ толсто-сѣраго кубоваго холста. Онѣ бываютъ или всѣ изъ одинаковаго матеріала, либо до стана изъ холста, а лифъ и рукава изъ тонкой холстины, портна, коленкора, полотна, набивки, пестреди, ситца, кумача, чтобы изъ подъ сарафановъ не было видно грубости рубашки, или же лифъ и станъ шьются парные, а рукава покрасивѣе. Праздничныя рубашки разумѣется лучшія изъ ихъ бѣлья, женщинами оставляются открытыми наверху изъ подъ платьевъ. Какъ у женскихъ, такъ и мужскихъ рубашекъ у рукавовъ почти всегда вшиваются подъ пазухами (мышками) не одинаковыя съ матеріею рукавовъ ластовицы (трехъугольныя вставки). Рукава бываютъ широкіе и такіе длинные, что закрываютъ и пальцы рукъ. Рукава у женскихъ нарядныхъ рубашекъ бываютъ затканы въ красную нитку въ нѣсколько каемокъ. Да и самыя рубашки строятся долгія, но не широкія.

Воротъ дѣлается прямой отъ плечъ, покуда на нихъ сидитъ рубаха, безъ воротника. Ворота и рубаха обшиваются синими или красными тесьмами. У дѣвушекъ рубашки бываютъ изъ бѣлаго свое-тканаго портна; но это исключеніе только для зажиточныхъ. У такихъ праздничныхъ рубашекъ зарукавья и подолы украшаются тканью красной нитки полосками снизу широкими, а сверху узкими, а надоплечья (мѣсто рукава на плечахъ) дѣлаются изъ такого же матеріала, какъ и ластовицы.

Пестрядныя рубашки бываютъ синія и красныя, приняты чаще первыя. Ситцы на рубашки идутъ преимущественно съ мелкими цвѣтами, полосками и крапинками, а на платья и сарафаны съ крупными.

У женщинъ щегольства болѣе, чѣмъ у мущинъ. Когда бываетъ надѣта хорошая рубашка, женщина, въ особенности при работѣ, безъ стѣсненія подымаетъ подолъ сарафана и затыкаетъ за поясъ, и такъ ходитъ по улицамъ. Исподницы у талій укладываются въ густыя сборки.

Женская юбка сборчатая и доходитъ до щиколки. Она шьется теплою изъ полошенныхъ ситцевыхъ сарафановъ или изъ новыхъ ситцевъ, бываютъ и пестрединныя, выстеганныя на ватѣ, или кудѣи (льнѣ). Кромѣ такихъ теплыхъ юбокъ шьются и легкія изъ ручнаго портна съ нанодольниками (то-есть ткани красной бумаги, такой же какъ у женскихъ рубашекъ) или помазейные (изъ бумаги). Юбка бываетъ широкая съ прорѣхою назади, къ раздвоеннымъ концамъ которой пришиваются завязки, опоясываемыя по таліѣ, на коихъ юбка и держится. Кромѣ такихъ завязокъ къ теплымъ юбкамъ пришиваются холщевые лифы безъ рукавовъ съ воротомъ до тальи; разрѣзъ зашнуровывается. Для толщины (породливости деревенской), дѣлающей дѣвицу округленною статуей, она навѣшиваетъ на себя вдругъ двѣ и три юбки, одну на другую, а поверхъ ихъ сарафанъ либо платье. Но въ устраненіе такой тяжести для прекраснаго пола, да и издержекъ на заведеніе нѣсколькихъ теплыхъ и легкихъ юбокъ, потихоньку началъ втягиваться кринолинъ. На сѣнокосѣ или на полѣ женщины бываютъ въ одной сорочкѣ и юбкѣ.

Сарафаны. Подъ именемъ сарафановъ можно считать всѣ носимыя не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, деревенскими женщинами платья безъ рукавовъ и узкаго лифа, и какъ рубахи съ станомъ по грудь, висящимъ на плечахъ на *лямкахъ*. Здѣсь же сарафанами называются сарафаны сшитые: изъ пестряди (называется пестреннымъ), набойки (называется печатнымъ), ситцевъ (называются ситниками), касики (называются камчатникомъ), изъ камлота, канифаса, полумериноса. Сарафаны же изъ другихъ матеріаловъ по своимъ особенностямъ не носятъ названія сарафановъ. Подолъ сарафановъ обшивается грубою тесемкою, подсердечникомъ.

Синякъ, онъ же и рабочій сарафанъ, сшитый изъ осиненнаго толстаго холста. Онъ иногда обшивается недорогими (мишурными) хазами какъ по подолу, такъ и спереду сарафана отъ шеѣ вдоль, въ изображеніе воротоваго разрѣза, и также по шеѣ и у входовъ, въ которые просовываются руки. Сверхъ хазовъ костычъ по вороту оторачивается синимъ или чернымъ шнуркомъ; онъ также пропускается въ два ряда, отъ груди до подола; *межъ строкъ* этихъ пришивается одна отъ одной неподалеку нѣсколько оловянныхъ пуговокъ. Съ такими украшеніями *синякъ* или *костычъ* служитъ праздничнымъ сарафаномъ не только для состарѣвшихся, но и молодыхъ незажиточнаго состоянія.

Китайникъ, онъ же и *шушунъ* изъ синей или черной русской китайки, такой же сарафанъ, какъ и костычъ, только безъ хазовъ. Прочія же: набивникъ или набиванникъ, крашенинникъ, кумачинникъ, каразейникъ, кашемирникъ и гарнитурникъ—такіе же сарафаны, какъ синякъ, иногда съ хазами, а иногда и безъ нихъ. Въ отличіе отъ общаго названія «сарафанъ» имъ дается другое потому, что они шьются: а) набивникъ—изъ набивки или синей набойки съ звѣздочками, клѣточками, цвѣтами; б) крашенинникъ—изъ крашенины, то-есть портна окрашеннаго черной краской, холста на фабрикахъ окрашеннаго въ кубовую доснящую черную, либо синюю краску; в) кумашникъ—изъ краснаго кумача; г) каразейникъ—изъ каразея; д) кашемирникъ—изъ шерстяной кашемировой матеріи; е) лопотина—сарафанъ изъ шелковой матеріи; ж) гарнитурникъ—изъ гарнитура. Послѣдній дорогой сарафанъ. Лучшіе изъ нихъ, само собой разумѣется, носятъ молодыя женщины, а по невидимѣе старыя бабы, конечно скряги и пренебрегающія цвѣтомъ.

Платья бываютъ разныхъ образцовъ и покроевъ, бываютъ одноцвѣтныя, полосатыя, затканныя. У женскихъ платьевъ бываетъ по одному продольному карману съ боку. Платья обыкновенно не длинны. Широкіе рукава платьевъ съуживаются на кистяхъ. Платья застегиваются у кистей пуговками. Рукава у женскихъ платьевъ гладкіе, округленные на локтяхъ.

Платья строятся изъ разныхъ ситцевъ и матерій, съ тальею и съ рукавами, которые бываютъ либо съ застежками въ кистяхъ (перламутровыми пуговками), либо греческіе съ фанбарою.

Обтянушка. Это женская куртка по талію, или какъ бы одинъ лифъ отъ шубы, съ широкими отъ плечъ и узкими у кистей рукъ рукавами. Строится изъ цвѣтнаго ситца, съ петельками и маленькими застежками и крючками.

Попитокъ мужская, а *воротушка* женская куртка.

Капотъ длинная женская верхняя одежда, выстеганная на ватѣ или кудели, на подобіе блузы и зимней женской шубы, съ пуговицами отъ воротника до самаго подола съ сборками въ тальи и сборами рукавовъ близъ плечъ. Капотъ уже заброшенъ и его можно увидѣть изрѣдка на какой либо женкѣ, особенно на солдаткахъ и женахъ другихъ разночинцевъ.

Шугай и сарафанъ—суть нераздѣльныя вещи, составляющіе штофную пару. Шугай есть ничто иное, какъ кофта безъ рукавовъ, *на парныхъ лямкахъ*, отъ груди узкая, въ подолѣ широкая. Сарафанъ это юбка *поддѣваемая* незамужними женщинами или молодыми отъ таліи, которую въ свою очередь закрываетъ шугай. Подолъ у ней обкладывается (обшивается) обложкою (обшивкою) изъ блестящихъ мишурныхъ хазовъ *), иначе называемыхъ басаментами.

*) Хазы—ленты употребляемыя для обшивки женскихъ платьевъ, хазы шириною въ два и три пальца.

Штофъ—матерія съ разными цвѣтами и травами, золотыми и серебряными рѣками, съ бѣлыми, синими или зелеными, черными и желтыми разводами. Штофная пара шьется изъ штофа и покупается готовою изъ привозныхъ на ярмарки, довольно дорого, такъ что этотъ старинный самый нарядный костюмъ имѣютъ только женщины богатыхъ семей; часто пара переходитъ по поколѣніямъ на нѣсколькихъ плечахъ однокровныхъ дочерей, либо ближайшихъ родственниковъ. На штофную пару затрачиваютъ капиталъ, какъ на вещь неистлѣвающую и всегда цѣнную. Въ случаѣ нужды крестьянинъ можетъ отдать эту драгоцѣнность въ залогъ.

У бѣдныхъ же дѣвушекъ такую дорогую пару замѣняетъ дешевенькій китайникъ, либо кумашникъ съ хазами, а шугай замѣняетъ наброшенный на шею платокъ.

Епанча—свадебный нарядъ. Ее имѣютъ очень рѣдкія. Она шьется изъ цвѣтнаго по красной землѣ штофа, безъ исподницы. Накидывается на плечи какъ мантилья, и привязывается у шеи завязками изъ шелковыхъ лентъ.

Фуфайка—короткій камзолъ безъ рукавовъ, тоже, что и обтянушка, только нѣсколько длиннѣе, посвободнѣе и съ не очень значительнымъ пережимомъ въ таліи. Такую курточку носятъ старые люди. Это та изъ старовѣрческихъ вещей, надъ которыми наиболѣе насмѣхаются свѣтскіе люди.

Тѣлогрѣйки или душегрѣйки, почти одно и тоже, что фуфайка. Особенность лишь въ томъ, что для тепла старухамъ подшивается мягкотинный (мягко-шерстный) мѣхъ.

Шубка носится молодыми женщинами незажиточнаго состоянія. Она—обтянушка на мѣху. У женскихъ шубокъ частыя тесемчатыя завязки спереди. У шубокъ карманы бываютъ рѣдко.

Опять же есть другая легонькая *шуба*, такая-жь какъ у мужиковъ синяя шуба, съ недлинною юпкою отъ лифа и съ сборами въ пережимѣ; поволока (верхъ) бываетъ недорога: панчатая, трековая, китайчатая или изъ обносковъ. Мѣхъ у нихъ бываетъ заячій, или изъ тонкихъ овчинокъ.

Женская шуба съ безчисленными складками, или сборами, которую носятъ замужнія жены зажиточныхъ мужей, шьется изъ чернаго или синяго сукна на различныхъ мѣхахъ и походитъ на капотъ. Рукава дѣлаются близъ ладоней узкіе, а въ плечахъ—отпущены. У сихъ шубъ воротники дѣлаются косынкой. Талія въ *копытцо*, то-есть отнюдь не шире самаго корпуса. Юбка шубы бываетъ длинна до самыхъ пятъ и пришивается къ лифу въ сборахъ; между лифомъ же и юбкою вшивается пережимъ въ видѣ опояски, какъ корсетъ. Для выложки и наружныхъ краевъ полъ и рукавовъ женскихъ шубъ мѣхъ употребляется такой же, какой на воротники, или покрайней мѣрѣ схожій. Мѣхъ къ женскимъ шу

бамъ идетъ и кроличій. Откладной воротникъ женской шубы богатаго дома иногда покрываетъ всѣ плечи. Шьются съ талій, болѣе или менѣе пристающею къ стану; кармановъ не бываетъ. Вообще шуба у шеи узка, въ груди и спинѣ широко-кругла, въ тальи съужена до возможности, а отъ тальи широкая и длинная. Довольно широкіе и круглые воротники бываютъ собольи, куньи, лисьи и черной кошки. Отъ шеи до подола вдоль по правому борту и по концамъ рукавовъ нашиваются полоски лисьяго, соболинаго и куньяго мѣха. До тальи шуба застегивается желѣзными крючками, а далѣе—костяными пуговками.

Полушубка и шубейка—это древняя одежда. Она шьется: либо изъ штофа, или изъ атласа и гарнитура, на заячьемъ мѣху, подкрашенномъ подъ видъ рыжей лисицы, а также и на неподкрашенномъ и на песцахъ. Воротникъ пришивается довольно широкій—лисій, соболій и куній. Полы и концы рукавовъ оторачиваются узенькою опушью неподдѣльной рухляди *). Самый покрой шубейки столь же длиненъ, какъ и шугая, но съ рукавами; у шеи узко, а въ подолѣ широко; застегивается на завязываемыхъ у шеи шелковыхъ лентахъ. Бѣлая и нагольная шубы тѣже, какія носятъ мущины.

Малицы уже извѣстны изъ вышеписаннаго. Остается прибавить, что онѣ для женщинъ шьются изъ болѣе тонкихъ шкуръ, короче и уже мужскихъ; также на малицы наволакиваютъ: тиковыя, триковыя и ситцевыя рубашки, во всю длину этой вещи, отъ воротника до пандъ, которыя всегда бываютъ чище и нарядѣе, чѣмъ у мущинъ.

Куцавейка (куцевейка). Это дамское на ватѣ пальто, съ подкладкою, съ бѣлымъ или голубымъ бѣличьимъ съ лапками воротникомъ, и съ такою же въ три вершка опушью по рукавамъ, поламъ и подолу. Бываютъ и на тенломъ мѣху. Шьются изъ драдема, гаруса, камлота и ластика. Въ употребленіи только у близъ-городныхъ молодыхъ женщинъ.

Передникъ одно и тоже, что и фартукъ; но передникъ бываетъ длиннѣе фартука. А то есть еще особенные—*досельные* (древне-модные) наравнѣ съ подоломъ сарафана и подвязываются подъ самыми мышками. Передники бываютъ наиболѣе полосатые и клѣтчатые, но бываютъ и цвѣтные. Шьются изъ пестряди, сарпинокъ и разныхъ ситцевъ. Передники одѣваютъ поверхъ сарафана и служатъ они украшеніемъ. Передники иногда по подолу обшиваются узорами или ленточками. Тесемки отъ передниковъ, стягивая талію, завязываются спереди узломъ. Отъ него то и спускаются длинные концы съ кистями.

Фартукъ по названію, бываетъ холщевый или толсто-пестрядный, а также изъ бумажной цвѣтной или клѣтчатой матеріи, и изъ гаруснаго, краснаго, зеленаго или голубаго цвѣтовъ. Отъ тали вверхъ онъ дѣлается до груди уже, отъ груди пришиваются тесемки, отъ которыхъ и виситъ фартукъ на шею; отъ тальи внизъ онъ дѣлается шире, такъ что закрываетъ передъ ниже колѣнъ и немного бока, въ отшпрившимся отъ тальи двумъ кончикамъ холста или пестреди пришиваются къ каждому по одной простой тесемкѣ, которыя заводятся назадъ и, перевязавъ спину, завязываются напереди у пупа. Фартукъ носятъ во время занятій грязными работами и женщины, и мущины. Фартуки бываютъ съ складками, не короткіе и не узкіе, бываютъ и нисейные. Кромѣ того фартуки бываютъ съ оборками.

Зарукавья прежде были низанныя жемчугомъ. Бываютъ такіе нарукавники, какъ дѣтскіе нагрудники, то-есть передъ опущенъ по поясъ, а задъ лишь по мышки.

Нарукавники. Замужнія женщины почти всегда, а дѣвушки во время работъ, а иногда и такъ себѣ, сверху рубашекъ и сарафановъ, носятъ такъ называемые нарукавники, то-есть холщевые либо пестрядинные, или цвѣтные ситцевые рукава, обтягивающіе руки съ половиною плечъ, и держащіеся на лямкахъ, или такіе, которые сверхъ того закрываютъ шею и грудь, полы при сарафанахъ. Наплечники обшиваются по краямъ шерстянымъ кантомъ, а въ послѣднемъ случаѣ къ нимъ пришивается нѣсколько оловянныхъ или мѣдныхъ—обыкновенныхъ пуговицъ съ петлями.

Перейдемъ къ обуви.

Коты (чевки) и бафилы, или бахилы. Это своего рода сапоги. Шьются довольно неуклюже и показываются въ видѣ кота; какъ будто человѣкъ имѣетъ лапы подобно звѣрямъ. Для нихъ идетъ необыкновенно толстая и жесткая скотская кожа; ибо у котовъ должны быть твердо стоящія голенищи. Подошвы пришиваются выворотныя, сильно широкія, и далеко выставившія къ верху свои бока, безъ рантовъ. Бахилы въ ступнѣ бываютъ круглыя и съ широко-тупыми носками, безъ каблуковъ. Промазываютъ ихъ для прочности дегтемъ и ворваннымъ саломъ. Ихъ носятъ почти всѣ крестьяне. Голенищи бываютъ длинныя и короткія.

Бредни-батары (охотничьи сапоги съ твердо-стоящими голенищами), въ Курьѣ *ловчіи* (сапоги съ длинными голенищами для ловли рыбы), приготовляются такъ-же, какъ и сапоги. Отличительное у нихъ то, что голенищи бываютъ до поясницы, откуда они привѣшиваются на ремняхъ къ кожаному поясу. Для крѣпости подшивается глухой поднарядъ и на носки сверху нашиваются другіе наносошники.

Личные сапоги. Черные личные сапоги шьются изъ кожи домашняго скота: голени (голенищи) изъ чернаго

*) Вообще мѣхи на женскій зимній праздничный нарядъ идутъ мягко-шерстяныхъ звѣрьковъ.

(выдѣланнаго опойка) или большой скотины, или же *черпы*, а почвы (подошвы) изъ сыромятной, дубленой, но не оскобленной скотской кожи. Сапоги для прочности смазываются дегтемъ и ворванью, или вмѣстѣ тѣмъ и другимъ, какъ и вся почти кожа и обувь изъ выдѣланныхъ шкуръ. Шьются они единственно вервью и дратвою. Голенищи бываютъ длинныя и не узкія, и красиво спускаются по русски сборками. Сапоги шьются на одной подошвѣ, причемъ желѣзныя подковки у сапогъ узкія, высокія. Въ каблукахъ сапоговъ множество желѣзныхъ шляпочныхъ гвоздей, а по подошвамъ иногда наколачиваются въ бокахъ желѣзныя щипьки. Нерѣдко по верху (въ вершинѣ рѣки Пинеги) сапоги снабжаются у каблуковъ желѣзными подковками, какъ водилось встарь. Въ сапоги для тепла и избѣжанія мокра кладутся стельки изъ сѣна и соломы. Сапоги съ вытяжными каблуками называются подборы. У иныхъ сапоговъ бываютъ большіе раструбы, въ видѣ воронки.

Тюни родъ сандалій; прикрѣпляются къ ногамъ веревками, шнурками и ремнями—туфли, только съ задниками. Онѣ работаются изъ шкуръ ногъ убитыхъ коровъ и быковъ, оставляя наверху шерсть. Эта лѣтняя, плотно обнимающая стопы ногъ, легкая и мягкая обувь обувается такъ: штаны засучиваются у пятъ и прячутся въ чулки; на чулки набуваются тюни и затягиваются шнуромъ; отъ тюнь пропускаются подвязки, которыми опутываются въ переплетѣ чулки и брюки, такъ что выходитъ нѣмецкій нарядъ. Тюни въ употребленіи у низовцевъ (волостей внизъ по Двинѣ).

Уледи изъ тюленьей кожи въ родѣ башмаковъ съ острыми концами, спереди и сзади, или въ родѣ тюней, но бываютъ болѣе въ размѣрѣ и съ крючковатыми острыми носками. Онѣ надѣваются на сапоги и употребляются по лѣту для ходьбы на боръ (въ лѣсъ) за ягодами, грибами и рубить дрова.

Упаки заимствованы отъ финновъ, весьма употребительны въ шенкурскомъ уѣздѣ. Шьются изъ обыкновенной черной кожи. Носки острые, фасонъ и швовъ такіе же какъ у тюней. Тѣмъ хороши, что въ нихъ зимою ноги не зябнутъ, а лѣтомъ непромокаемы. Упаки по покрою похожи на лапти съ голенищами. Упаки же бываютъ съ кожаными голенищами на подобіе бахилъ.

Струсни и *поршни*—суть кожанныя лапти, похожія на башмаки. Они довольно красивы, потому что округлены вытяжною галошною колодкою изъ сырой, чисто подошвенной кожи и потомъ засушены. По бокамъ на срединѣ пришиваются коженые ушки, отъ которыхъ пропускаются веревки, коими обматываютъ ноги съ брюками, заткнутыми въ чулки.

Выступки. Это особенная, должно быть очень древняго фасона обувь. Онѣ ни то галоши, ни то башмаки. На галоши онѣ будутъ похожи потому, что шьются изъ упругой кожи, пришиваются крѣпко, и каблуки, и *передки* дѣлаются высокіе, а каблуки сверхъ того укрѣпляются порядочнымъ числомъ большихъ гвоздей съ широкими шляпками, отчего выступки при ходьбѣ сильно стучатъ. Сверху передковъ въ проходѣ ноги, края выступковъ обшиваются краснымъ сукномъ, выпущеннымъ снаружи на вершокъ или менѣе ширины. Выступки считаются нарядною обувью и обуваются въ праздники. Употребительны по всему уѣзду и въ особенности у крестьянокъ верховскихъ волостей.

Башмаки очень обыкновенная вездѣ обувь, сшитая изъ черной скотской кожи, или изъ козла и нерпы, съ тесемчатыми завязками, подвязываются на щиколкѣ. Носки у башмаковъ круглые, но шьются и угловатые. Еще носятъ старинные башмаки изъ краснаго или розоваго сафьяна. По особенностямъ шитья они переименовываются: собственно башмаки, ботинки, пантуфли, полусапожки или полуботинки.

Парижки—полусапожки, сшитые не изъ кожи, а изъ шерстянаго вязанья разноцвѣтной крашенной шерсти, изъ какой вывязываютъ простые шарфы. Борта и подошвы у парижекъ обшиваются не толстою кожею. Они бываютъ безъ каблуковъ и сверху завязываются шнуркомъ, какъ башмаки.

Лапти или лапанци плетутся въ однорядь изъ нерасщихъ березовыхъ лыкъ или лентъ бересты. Держатся женщинами только въ *обредно* со скотомъ.

Чуни-туфли, плетенныя изъ суконныхъ кромокъ, лентъ отъ розовыхъ концовъ сукна. Мало употребительны.

Катанцы, или катанки, теплые сапоги, скатанные изъ бѣлой, или сѣрой, или же черной овечьей шерсти. Ихъ катаютъ въ уѣздѣ туземные шерстобиты, но не малою частію покупаются на Пинежскихъ ярмаркахъ привозимыхъ изъ другихъ мѣстъ. Для прочности нерѣдко подошвы катанцевъ обшиваются кожею съ рантиками по бокамъ. Въ катанки кладутъ стельки изъ сѣна и соломы. Голенищи ихъ подвязываются шерстяными поясами у лодыжекъ.

Валенки—коротенькія катанки, точно глубокія галоши, сваленные изъ бѣлой, или сѣрой и иногда черной овечьей шерсти. Ихъ носятъ одни женщины. Мущины же носятъ такія валенки съ пришитыми къ нимъ голенищами изъ крестьянскаго коричневаго или сѣраго сукна; тогда въ сгибѣ ноги голенищи тѣ подвязываются подвязками или гасниками, либо шерстяными поясами.

Тоборы (тобуры) или *тобоки* натягиваются сверхъ пимовъ, употребляемыхъ въ холодное зимнее время. Это коротенькіе полупимки или *полуголенки* (какъ еще они называются) какъ бы галоши, сшитыя на крутую руку, съ разрѣзами по обоимъ бокамъ. Шьются онѣ въ Запечерскомъ краю самоѣдками изъ кожи съ мордъ

оленей, шерстью кверху. Для мягкости и тепла въ тобоки накладываются сѣно и солома.

Пимы. Употребленіе этой теплой обуви перешло отъ жителей Мезенскаго уѣзда; она нашивается самоѣдками и вывозится Печерцами на продажу въ Пинежскія ярмарки. Пимы кроятся очень хорошо и хорошо пригоняются къ ногѣ. Шьются пимы изъ лапъ оленьихъ ногъ, называемыхъ *камусами*. Шитье ихъ походитъ на *батары:* выше колѣнъ, съ лоскутками разноцвѣтныхъ суконъ въ швахъ, какъ бы кантами, особенно спереди, и бываютъ пестрые и узорчатые, а также и безъ кантовъ *).

Лебты (пишутся нѣкоторыми люпты) устроиваются въ родѣ длинныхъ чулковъ изъ молодыхъ тонко-шерстныхъ и тонко-мездрыхъ неблюевъ, шерстью къ тѣлу. Они и одѣваются на ноги взамѣнъ чулковъ и сверхъ ихъ натягиваютъ пимы.

Чулки и головки (носки, получулочки) вяжутся деревенскими женщинами изъ льняной пряжи и овечьей шерсти; оттого они называются лѣтніе — нитяными, а теплые шерстяными и суконными. Чулки считаются роскошью и употребляются въ исключительныхъ случаяхъ: при хороводахъ, на гулянкѣ въ праздники, въ гостяхъ; бѣдные носятъ тряпки вмѣсто чулковъ. Для *басы* или *красы* чулки у женщинъ почти всегда бѣлые; для нарядности же окрашиваютъ ихъ голубою или синею краскою, шерсть для вязанія чулковъ окрашивается въ разные цвѣта: зеленый, малиновый, красный и синій. Иногда чулки вывязываются изъ шерсти со *стрѣлами,* проходящими отъ подошвы кверху съ обѣихъ сторонъ ногъ, то-есть по бѣлой землѣ (фону) вывязываются мѣста изъ синей и красной шерсти. Но чаще того чулки окрашиваются одной либо синей, либо голубой краской.

Въ народѣ онучами, портянками, портами и подвертками называются холщевыя тряпки, или куски толстаго холста и сукна, въ которые, за неимѣніемъ чулковъ, обвертываются ноги при обуви. Иногда же на ноги навертываютъ куски сукна такъ или въ два ряда, или же на чулки.

Исподки или *валеги* (варьги) бываютъ вывязанныя изъ овечьей или коровьей шерсти со однимъ *пакулемъ* на рукавицѣ для толстаго (одного) пальца. Исподки покупаются и вяжутся домашними женщинами. *Верхоньки* же обложены оленьей обдѣланной кожей, наволакиваются сверхъ исподокъ и шьются изъ замши и *роздуги,* скотской и кониной кожи. Верхоньки покупаются въ городѣ и отчасти шьются самими крестьянами.

Вачеги-вачуги или *мохнушки* суть рабочія рукавицы у крестьянъ. Онѣ шьются изъ шкуръ оленя, волка, медвѣдя и овцы, шерстью вверхъ и натягиваются на руки сверхъ верхонекъ и исподокъ въ холодную пору и во время ѣзды и при управленіи лошадьми.

Рукавицы изъ черной или желтой замши съ подведенными исподками, вывозятся нѣкоторыми крестьянами изъ Петербурга.

Рукавки дѣлаются женщинами для себя изъ стараго или новаго сукна, также панки и трико, на мѣхахъ: заячьемъ, бѣличьемъ, кошачьемъ и другихъ. Суконныя рукавицы носятся и мущинами; у нихъ на ладоняхъ бываетъ нашита кожа.

Перчанки, или перчатки, болѣе бываютъ вывязаны изъ овечьей шерсти, также выкрашенной, какъ и на чулки; другія же перчатки носятся лавочныя, обыкновенныя. Нарядныя перчатки носятся изъ черной замши на пыжичьемъ мѣху.

Скажемъ теперь о *головномъ уборѣ.*

У мущинъ употребляются: черныя праздничныя шляпы; но *пуховыя шляпы* носятъ не многіе изъ молодцовъ. Онѣ извѣстны болѣе у городскихъ жителей. У валеныхъ шляпъ поля обшиваются тесьмою, чаще черною коленкоровою; тулья же у полей отдѣлывается лентою. Тулья у шляпъ съ верхушками, къ верху шире.

Полуярковыя, валяныя изъ овечьей бѣлой или черной мытой шерсти, шляпы, наиболѣе употребляются въ народѣ на манеръ прямой, либо съ перехватомъ на верховьи, или же просто, какъ колпакъ безъ полей (ровныя). По фасону шляпъ крестьянъ верховскихъ волостей зовутъ *верхотычками* и общимъ именемъ *верхотою.*

Поярковая шляпа — это войлочный колпакъ; поля у шляпъ не широкія. Шляпы валеныя съ широкими полями. Поля шляпъ немного приподняты вверхъ; верхъ ихъ, то-есть валянныхъ, кругловатый. Валеныя шляпы безъ полей, это чисто поповскія камилавки.

Шапки мѣховыя. Старики носятъ болѣе русскія высокія шапки съ широкими и дорогими мѣховыми широкими тульями и съ бархатными накладниками сверху. Бываютъ такъ высоки, какъ поповскія и дьяконовскія. Онѣ дѣлаютъ пожилыхъ людей почетными лицами. У дорогихъ зимнихъ шапокъ верхъ выдается въ видѣ хлѣба; иногда шапки и внутри подбиваются мѣхомъ обыкновенной овчины.

Овчинныя шапки. Это круглыя теплыя шапки съ мѣховыми верхами изъ черныхъ курчавыхъ шкуръ овецъ, на печесной подкладкѣ. Но кромѣ тѣхъ употребительны бараньи (бяковыя) шапки съ ушами на манеръ пыжичьихъ шапокъ.

Оленная шапка похожа на колпакъ съ длинными ушами, которыя, мало по малу съуживаясь, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ, или узломъ на верху, чтобы шапка прилегала плотно къ головѣ.

Самоѣдками называются пыжичьи шапки, шитыя самоѣдками изъ молодыхъ черно-лисьихъ пыжиковъ и неблюевъ шерстью кверху и снизу въ днѣ шкурки.

*) Мнѣ извѣстно, что въ пимахъ есть различіе въ цвѣтахъ и потому они дѣлятся: на Ижемскія, Пустозерскія и Усть-Цылемскія.

Самоѣдка закрываетъ все положеніе головы въ видѣ скуфьи. Отъ мѣста предъ ушами слѣдуютъ одномѣшные наушники, сшитые въ концахъ вмѣстѣ. У пыжичьихъ шапокъ, которыя не имѣютъ лопастей косъ, пришиваются ремешки, которые привязываются подъ бородой. Иногда шапка и наушники испещряются висячими лоскутками чернаго, краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ суконъ, и у нѣкоторыхъ еще у наушниковъ привѣшиваются простые перлы. Пыжичьи шапки бываютъ и скуфейками, безъ наушниковъ.

Фуражки и *картузы*—русскія шапки съ отвѣсными, круглыми верхами и съ прямыми стоячими околышами. Шапки бываютъ одинаковаго матеріала: суконныя, триковыя и плисовыя. У околыша противъ лба пришиваются широкіе и свѣтлые кондырьки (козырьки), близъ которыхъ, вдоль по околышу развѣшиваются либо ленточки и снурочки съ пуговками, либо бисерные перлышки, перепутанные въ нѣсколько рядовъ. По лѣту старики носятъ высокіе картузы съ большимъ и прямымъ козыремъ, обшитымъ такимъ же сукномъ, какъ тулья и околышъ; свѣтлыми пренебрегаютъ: какой околышекъ, такая и подкладка—плисовая, бархатная и суконная. Козыри у шапокъ бываютъ полукруглые; у стариковъ прямые и длинные, а у молодыхъ наклонные, подогнутые.

Колпаки — сборчатыя шапочки. Не мало мущинъ въ лѣтнее время, вмѣсто шапокъ, носятъ колпаки, похожіе на спальные, вывязанные изъ нитяной пряжи, или вытканные, либо сшитые изъ холста. Чело колпака у лба вышивается или вытканнаются узорчато-красными не широкими каймами. Подъ колпакомъ въ тульѣ бываетъ холщевая подкладка. На верху головы по серединѣ такой шапочки бываетъ привѣшена кисточка. Но бываютъ колпаки пестрядные со сборами на верху и не одинаковымъ кружкомъ. Колпаки одѣваются на голову, чтобы не падали волосы на глаза во время пилки лѣса, рубки лѣса, дровъ и другихъ размашистыхъ работъ.

Треухи въ настоящее время употребляются только нѣкоторыми стариками отъ холода. Шьются они изъ разныхъ *некорыстныхъ* матеріаловъ и на разныхъ мѣхахъ. Вообще треухи схожи съ старушечьими *чебиками*, вышедшими нынѣ изъ употребленія по дороговизнѣ кунихъ и лисьихъ мѣховъ, которыми они облагались. Треухъ—шапка съ тремя отворотами, опускающимися на уши и на затылокъ и опушкою по верху.

Женскій головной уборъ составляютъ:

Головная шапочка, употребляемая нѣкоторыми женщинами, шерстяная, фіолетоваго цвѣта, съ зеленой каемкой.

Повойникъ—головная повязка сшитая изъ штофа, либо изъ гарнитура, шелковыхъ матерій и разныхъ ситцевъ, а наиболѣе изъ кумача и краснаго ситцу. Затягивается на головѣ пропущенными отъ затылка завязками. Многія женщины хорошіе повойники носятъ съ косынками въ родѣ кокошника. По верхъ повойниковъ завязываются платки, когда выходятъ на улицу.

Сборникъ—свадебный кокошникъ или *очапокъ*. Кокошникъ-кичка, оканчивающаяся длиннымъ остріемъ торчащимъ впередъ. Онъ накладывается на голову какъ шапочка. Спереди имѣетъ нѣчто въ родѣ козырька, загнутаго къ верху, лицевая парчевая сторона котораго украшается нерѣдко бусами и жемчугомъ. Тульи кокошника дѣлаются изъ шелковой матеріи или парчи; нерѣдко унизываются бисеромъ и жемчугомъ. Сверху кокошникъ покрывается краснымъ или малиновымъ бархатомъ, или же скройкою, то-есть кружкомъ шелковой матеріи. Бархатъ и полубархатъ на кокошникахъ и повойникахъ фіолетоваго цвѣта.

Шамшура — родъ чепчика, или русскаго набровника, скуфейка, холстинный чепецъ. Ее носятъ подъ кокошникомъ для предохраненія послѣдняго отъ пота.

Повязка, формы цилиндрической, позади ея висятъ кисти-ленты, внизъ по спинѣ. Это тоже кокошникъ недорогой парчи, но повыше его. Она обкладывается (обтягивается) позументомъ и выкладывается (унизывается) напереди жемчугомъ. Верхъ ея ничѣмъ не запивается. Отъ заду отпускаются лопасти, шелковыя ленты, или изъ другихъ дорогихъ матерій. Повязку носятъ въ торжественныхъ или веселыхъ случаяхъ незамужнія женщины на лбу.

Шапки-мезенки замѣняютъ деревенскимъ женщинамъ капоры барынь.

Косынки. Описанныя повязки, по ихъ дорогой постройкѣ, имѣются только у немногихъ дѣвушекъ изъ богатыхъ домовъ. Бѣдныя же дѣвушки вмѣсто ихъ пришиваютъ къ волосамъ шелковыя косынки (половина платка, разрѣзаннаго съ угла на уголъ), оставляя сверху волосы непокрытыми. Онѣ называются *чёлками* и *пачелками*. Иногда унизываются немного жемчугомъ. Косынки носятъ и замужнія женщины, но онѣ у нихъ пришпиливаются такъ, чтобы не было видно волосъ, и называются *наколками*. *Наколки* родъ вѣнка.

Головные платки дѣвушки и замужнія носятъ или корабликомъ, и наиболѣе въ видѣ повязки и въ видѣ повойника, въ одинъ узелъ или въ треугольникъ, связывая концы на лбу. Они бываютъ разнородны, разноцвѣтны, разновелики и въ видѣ пирога, и разноцѣнны: бумажные, гарусные, кисейные, шелковые, персидскіе, французскіе, англечкіе; притомъ клѣтчатые или цвѣтные, съ красными, синими, голубыми и желтыми цвѣтами, съ разноцвѣтными мушками и крапинками, и непременно съ широкими коймами. Они завязываются узломъ подъ подбородкомъ или притыкаются у горла на булавкахъ и закрываютъ всѣ волосы на головѣ.

Зимою, вмѣсто обыкновеннаго ихъ убора, женщины

носятъ или мужскія мѣховыя пыжичьи шапки, или больше теплые *платы*, обматывая ими головы съ пропускомъ концовъ по шеямъ назадъ.

Малью обкутываютъ голову зимою, оставляя лице открытымъ, такъ что оно кажется какъ бы въ рамкѣ.

Въ Курьѣ волосы стригутъ вокругъ головы, и напереди старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косой проборъ.

Молодежь вообще всегда старается быть опрятною и чистенькою, хотя старанія казаться красивою иногда компрометируются самою обстановкою, либо мѣшковатымъ костюмомъ, либо неуклюжею обувью. Для щегольства-то одежда и обувь раздѣляются на ежедневныя и особо праздничныя.

Молодые мущины о праздникахъ вымываются довольно чисто. Не пренебрегаютъ этимъ и женщины. Ногти у рукъ и ногъ срѣзываются не часто, поэтому нерѣдко они доростаютъ до когтей.

Мущины волосы на головѣ носятъ съ прямымъ проборомъ, кружкомъ сзади и скобкою спереди, вырѣзываемою въ ширину лба, по тому укоренившемуся обыкновенію, что кто дѣлаетъ не прямой проборъ волосъ, тотъ несправедливъ. Однако-жъ и тутъ мода портитъ старину: волосы стали причесывать на косо. Прическа у пинежскихъ мущинъ довольно оригинальна. Мущины немного занимаются уборкой своихъ волосъ: зачесываютъ просто гладко, или оставляютъ свѣшанными на лобъ. Молодые, особенно Петербуры, причесываютъ на одно ухо, а пожилые на оба; господствующая прическа послѣдняя. Старики пробора не дѣлаютъ, волосы спереди подстригаютъ, а съ боковъ и сзади пускаютъ съ нижнею оконечностію уха.

Женщины, особенно незамужнія, ведутъ себя еще чистоплотнѣе, и тоже имѣютъ претензію на моложавость. Онѣ лица свои вымываютъ до возможной бѣлизны, а загаръ лица сгоняютъ сыворотною отъ творога, потомъ вытираются на сухо полотенцемъ. Кромѣ того лица намазываются бѣлилами, а щеки натираются румянами.

У дѣвицъ нѣтъ обычая дополнять украшенія живыми или искусственными цвѣтами; дѣвицъ можно узнать по заплетенной и опущенной косѣ. Волосы у дѣвицъ закидываются за уши. Изъ подъ косынки замужнія выпускаютъ букли.

Волосы женской молодежи причесываются гладко. Сперва ихъ расчесываютъ рѣдкими, а потомъ частыми гребнями, далѣе намачиваютъ водою, иногда еще съ сахаромъ или квасомъ, иногда съ солью и пивомъ, зачесываютъ за уши, дѣлая прямой по носу проборъ; космы (какъ сами говорятъ) заплетаютъ въ одну косу, шелковыми, довольно длинными и яркими лентами, которыя завязываются бантомъ; при бѣдности же косоплетки бываютъ изъ простыхъ тесемокъ. Коса выпускается на спину изъ подъ косынки или платка. Но когда дѣвушки одѣваютъ повязки или челки, то по старинному обычаю, не заплетаютъ себѣ косъ, а волосы распускаютъ по головѣ, расчесавъ ихъ гладко. Искусство плетенія косъ сстоитъ въ томъ, что изъ трехъ косицъ, лучеобразно расположенныхъ, крайнія двѣ завертываются съ одной стороны на верхъ, съ другой же внизъ, средняя же служитъ основою. Одна коса свидѣтельствуетъ о свободѣ дѣвушки; двѣ суть доказательство, что она принадлежитъ уже не одной себѣ.

Въ будни дѣвицы заплетаютъ косы въ косоплетки, какъ можно туже, а въ праздникъ какъ можно слабѣе, чтобы коса казалась шире.

Нарядъ нестарыхъ замужнихъ женщинъ отъ наряда незамужнихъ отстаетъ въ праздники немного и только отбрасывается излишняя роскошь. У нихъ дѣвичья коса расплетается на двѣ косы, связываемыя внизу концами одна съ другой посредствомъ тесемки, и косы обматываютъ вокругъ головнаго шара въ видѣ вѣнка, а на голову съ первымъ днемъ замужества жалуется кокошникъ, который закрываетъ всѣ волосы; да и вообще головной уборъ замужнихъ закрываетъ волосы, исключая развѣ причесовъ, опускаемыхъ на лобъ нарочно изъ-подъ косынки.

Чѣмъ болѣе лѣтъ женщина бываетъ замужемъ, или мущина женатымъ, тѣмъ нарядъ ихъ дѣлается скромнѣе, тѣмъ они дѣлаются небрежнѣе къ себѣ и своей личности, какъ отцы и матери, занятые содержаніемъ семействъ и устройствомъ хозяйства. Хорошее одѣяніе замужнія женщины надѣваютъ рѣдко: онѣ сберегаютъ его для своихъ дочерей.

Къ шейнымъ украшеніямъ относимъ: *кресты*, они бываютъ деревянные (кипарисные), мѣдные и серебряные массивные; висятъ на шеяхъ мущинъ и женщинъ, на шелковомъ гайтанѣ, или ленточкѣ, называемыхъ *готяномъ и тканцомъ*, или же (у женщинъ) на серебряной широкой цѣпочкѣ; на томъ же гайтанѣ привѣшиваются: талисманъ въ пуговкахъ или въ тряпкѣ, и мѣдная или костяная уховертка (ухочистка), то есть ложечка для отдѣленія въ ушахъ накопившейся сѣры.

Серьги служатъ украшеніемъ женщинъ; но сережки носятъ и нѣкоторые мущины (болѣе по одной). У богатыхъ женщинъ серьги бываютъ изъ жемчужныхъ нитокъ, а побѣднѣе— серебряныхъ, или другихъ дешевыхъ металовъ (томпака, бронзы и прочихъ); короткія жемчужныя серьги называются *пясами*. а длинныя *петлями*. Серьги (обыкновенно пара) вдѣваются въ уши въ видѣ колецъ и пуговокъ. Мущины носятъ серебряныя сережки въ которомъ либо одномъ ухѣ. Для чего въ каждомъ ухѣ еще въ малолѣтствѣ прокалываютъ въ нижней

мягкой части дырочки. Чтобы проколонное ухо не заросло, вдѣваютъ сотканный изъ нитокъ снурокъ.

Запонки употребляются иногда у воротовъ женскихъ рубашекъ вмѣсто пуговокъ. Бываютъ въ серебряной оправѣ.

Запястье, снизи, или простые браслеты изъ недорогаго въ нѣсколько нитокъ жемчуга носятъ при кругахъ дѣвушки богатыхъ родителей. Запястья прежде были низанные жемчугомъ по атласу (Г. В. 1869, № 12-й).

Наборошниками называется жемчужное ожерелье, то есть сканый жемчугъ, навѣшиваемый на шею дѣвушкою богатой семьи, на тоненькой ленточкѣ. Наборошники изъ бисера бываютъ такъ густы, что кажутся воротничками. Широкія ожерелья, равно какъ и большія серьги, довершаютъ богатый нарядъ женщины. Ожерелья прежде были жемчужныя, нынѣ янтарныя и изъ дутыхъ бусъ.

Перлы и перлошки, монисты, или бусы. Это наборошники бисерные или изъ простыхъ отшлифованыхъ стеколъ вздѣтыхъ на гайтанъ. Они вѣшаются на женскую шею и замѣняютъ кресты съ цѣпочками, или же вмѣстѣ съ крестами.

Ленты висятъ у повязокъ, шубеекъ, епанчей, фартуковъ; ленты заплетаются въ косы. Ленты въ косахъ дѣвушки ниспадаютъ поверхъ плечъ, и вообще ленты служатъ важными украшеніями праздничнаго одѣянія крестьянъ.

Галстукъ (галстухъ) у мущины состоитъ изъ шелковаго или бумажнаго платка, обвязываемаго около шеи на одинъ или на два раза, съ узломъ либо прямо на переди, либо косо-набоку, либо назади. Также галстухомъ служатъ наматываемыя на шею *сѣтки*, простые шарфы, связанные изъ разноцвѣтной шерсти. Но вообще къ галстукамъ крестьяне, кажется, не охотники, даже питаютъ къ нимъ отвращеніе: они не стягиваютъ шеи и потому болтаются какъ веревки.

Кромѣ того, что платки составляютъ для мущинъ галстухъ, а для женщинъ головную повязку, они бѣлые и красные носятся первыми въ карманахъ, шапкахъ и шляпахъ и называются носовыми, а послѣдними въ рукахъ и за пазухами и называются *шигринками*, но ширинки только по видимому замѣняютъ носовые платки, и сверхъ того накладываются на шею. О праздникахъ каждый, исключая очень бѣдныхъ, имѣютъ цвѣтной носовой платокъ; изъ тщеславія молодые люди любятъ выпускать хвостики платковъ изъ кармановъ. Парадные платки на шеяхъ шелковые, иногда набивные; въ хорошемъ житьѣ молодыя дѣвушки имѣютъ носовые платки съ кружевами. Всякіе платки обрубаются, то есть обшиваются по краямъ. На улицахъ дѣвушки спускающіеся концы платковъ закладываютъ за поясъ. Такимъ образомъ плечи и шея сзади остаются закрытыми, а шея спереди и грудь, увѣшанныя перлами и жемчугомъ, остаются открытыми.

Шали. Это фаты и пледы, простые и съ бахрамами, называемыя шалями и платками. Онѣ бываютъ бумажныя, гарусныя, шелковыя; у очень зажиточныхъ ковровыя и бухарскія. Шали вообще накидываются на плечи, и скрещиваются на груди. Пришпиливаются болѣе или менѣе дорогими булавками, или же затыкаются за поясы и передники. Фата, закрывающая невѣсту, называется *юмылкою*.

Огонки, или хвосты, носятъ женщины для прикрасы и тепла при зимнихъ шубахъ. Они обматываются вокругъ шеи и концы спускаются висячими спереди до подолу или же завязываются у таліи и концы висятъ сзади. Это простые бѣличьи черные хвосты *кругляшемъ*, короткіе, такъ что связанные въ концахъ они накладываются чрезъ голову на шею, какъ галстухъ или ошейникъ (такъ называется).

Кольца и перстни носятся только на правой рукѣ на указательномъ, среднемъ и четвертомъ пальцахъ. Кольца съ гладкимъ металлическимъ ободкомъ, а перстни со вставками и приклепками, украшенными вензелями.

У мущинъ они бываютъ серебряные, а у женскаго пола серебряные, мѣдные и томпаковые; но у тѣхъ и другихъ бываютъ и золотые съ дорогими или недорогими вставками.

Поясъ—непремѣнная вещь христіанина. Рубашный поясъ затягивается просто (нетуго). Поясъ носятъ женщины сверху верхнихъ сарафановъ, а мущины сверху тѣловыхъ рубахъ. Поясы (у мущинъ) рубашечные бываютъ или сѣрые, или красные, кромѣ шерстяныхъ мужскіе поясы бываютъ нитяные полосатые, съ желтыми, синими и красными полосками. У мущинъ опояску составляетъ бумажная или шелковая неширокая ленточка, или тканый шерстяной поясъ. Опоясываются на рубашкѣ въ одинъ рядъ; концы поясовъ вообще висятъ. На поясѣ мущины нерѣдко привязываютъ: ключи, мѣдный или роговой, либо костяной гребешокъ или гребенку и кожаную маленькую сумочку, унизанную свѣтлыми пуговицами, въ которую кладутся деньги, табакъ, спички или огниво съ кремнемъ и трутомъ. По верху же одежды носятъ всегда изъ черной юфти, или не очерненныхъ подпругъ (сырыхъ ремней, идущихъ на конскую сбрую). Пуговицы на ременныхъ поясахъ бываютъ нашиты одна возлѣ другой.

Поясъ у женщинъ узломъ относится на правый бокъ. Поясъ замѣняетъ женщинамъ снуровку. У женщинъ поясы бываютъ толстые шерстяные, тканые и плетеные, шолковые изъ разноцвѣтныхъ нитокъ. Они бываютъ столь долги, что опутавъ на два ряда корпусъ на сарафанахъ и платьяхъ по таліи, спускаются еще до колѣнъ и ниже, концами съ *кисточками* или золотыми *маков-*

ками, которыя относятся на лѣвый бокъ. Праздничный поясъ имѣетъ длины отъ 4-хъ до 6-ти аршинъ.

Кушаки охватываютъ талію по верхней одеждѣ. Длинные концы ихъ, украшенные бахромою, свѣшиваются напереди, или затыкаются за перевязь. Кушаки носятся не совсѣмъ широкіе, цвѣтные: бумажные, шерстяные, гарусные и шелковые; щеголеватый кушакъ пестрый. Дорожатъ старинными шелковыми кушаками, называемыми персидскими и также кашемировыми. Концы кушака иногда совсѣмъ подтыкаются внутрь.

Ремни бываютъ изъ бѣлужьей или упругой скотской кожи. Ими опоясываются въ поясѣ по верхней одеждѣ, взамѣнъ кушаковъ, которые держатся для выхода. Но концы ремней пришиваются, или на гвоздяхъ придѣлываются желѣзныя, либо мѣдныя пряжки съ *хватами*. Пряжки страннаго рисунка, похожаго на образецъ, который употребляется на пряжкахъ у Самоѣдовъ съ миѳологическими знаками. Ремни нерѣдко обшиваются вокругъ мѣдными и оловянными пуговицами, а сбоку ихъ пришиваются желѣзныя витыя, либо кожаныя *дужки*, въ которыя вкладываются топоры; у другихъ же къ ремнямъ привѣшиваются ножны—кожанные и деревянные чехлы для ножей.

Подвяски для чулковъ бываютъ: или сшитыя изъ лоскутковъ какого либо ситца или матеріи съ завязочками, или связанныя, или вытканныя домашними женщинами изъ шерсти, какъ пояса, съ такими же для прикрасы кисточками.

Кромѣ упомянутаго крестьяне и крестьянки носятъ:

а) *Бумажники*. Деньги, счеты и документы хранятся въ бумажникахъ сафьяныхъ и кожаныхъ. Это особеннаго рода пертмонэ, съ пришитыми ремешками, на которыхъ бумажники навѣшиваются на шеѣ, на тѣлѣ подъ рубашки; сами же они обматываются ремнями, и сверхъ того ремнями привязываются плотно около человѣка. Но у многихъ такіе же бумажники носятся въ карманахъ.

б) Кромѣ бумажниковъ бываютъ разнаго рода кошельки.

в) *Кисы*—дорожные сакъ-во яжи, длинные и довольно просторные, сшитые изъ нерпичьей или скотской кожи. Затягиваются сыромятными длинными ремнями въ ушкахъ съ кисточками и иногда замыкаются на замки.—Сверхъ того, что берутъ въ дорогу на лошади, ихъ носятъ за плечами какъ мѣшки на лямкахъ.

д) Матерчатые киссты для курительнаго табаку,—украшаются клѣточками и бахромками; а ихъ язычки, чрезъ которые снуры пропускаются, вышиваются фигурами аллегорическаго значенія.

Въ Усть-Пуѣ рабочая одежда у мущинъ зимою: шуба или полушубокъ овчиннаго мѣха, непокрытаго сверху ничѣмъ, кожаные или катанные на ногахъ сапоги и суконная на головѣ шапка малоныжичья. У женщинъ: тотъ же полушубокъ, сарафанъ шерстяной или портяной крашеный, на головѣ и на шеѣ платокъ, на ногахъ башмаки или катанки. Лѣтомъ у мущинъ сѣрый кафтанъ или полукафтанье, на ногахъ сапоги, на головѣ поярковая шляпа. Праздничный же нарядъ у мущинъ, такой же, только преобразуется онъ въ черный видъ, въ синій кафтанъ или сибирку, суконную или нанковую, на головѣ суконная шапка или шляпа; у женщинъ: ситцевый сарафанъ или ситцевое и гарусное, даже шолковое платье, гарусное и шолковое пальто, у дѣвушекъ большею частію косынки, на шеѣ шолковая или гарусная «шаль», на ногахъ кожаные полусапожки. Однимъ словомъ, въ праздничное время, мущины и женщины, особенно дѣвушки, каждый по силамъ своимъ, стараются отличиться щегольствомъ наряда.

Такъ какъ Тулгашане народъ не бѣдный, то и одѣваются они довольно хорошо. Одежда мущинъ лѣтняя, если день праздничный, рубашка изъ кумачу, по ихнему аглицкаго; плисовые или суконные шаровары; сапоги, а у нѣкоторыхъ и такъ называемые бахилы; кафтанъ изъ чернаго или синяго сукна, шолковый или гарусный кушакъ и картузъ; а если день простой—рубашка и исподницы изъ толстаго портна, бахилы, сукманникъ-кафтанъ изъ сукманины, въ которой основа изъ конопляныхъ питокъ; шапка или изъ овечьей шерсти, шляпа, ремень и кожаныя рукавицы (по ихнему еще вачеги).

Зимняя одежда мущинъ, если праздникъ,—тѣ же рубашки и шаровары, катанцы, шуба или тулупъ, покрытые сукномъ, тѣ же кушаки, шолковый или гарусный, изъ платка галстукъ, мѣховая шапка, или бухарка шапка изъ пыжиковъ и верхоньки рукавицы, обложеныя оленьей обдѣланной кожей; а если простой день, то таже какая одѣвается и лѣтомъ, только съ исключеніемъ верхней, которую въ зимнее время составляетъ голая шуба. Лѣтнюю одежду женщинъ замужнихъ и дѣвицъ составляютъ: рубашка изъ портна, у которой рукава изъ одного ситцу, а намышники (наплечники) изъ другаго; сарафаны—крашенинникъ, изъ портна, совсѣмъ окрашеннаго черною краскою; набиванникъ изъ портна, набитаго разными фигурами и цвѣтами, — ситникъ, кумачникъ и лопотина—сарафанъ изъ шелковой матеріи *); кафтанъ изъ чернаго сукна на какой либо подкладкѣ и сукманникъ; голову прикрываютъ въ праздникъ кокошникомъ и шелковымъ платкомъ, на ноги одѣваютъ сапоги, а рѣдко коты, родъ башмаковъ, къ которымъ приколачиваются мѣдные подборы (каблуки); а зимнія—всѣ тѣже, исключая верхней одежды и обуви, изъ которыхъ первую замѣняютъ голая шуба и кошулъ—шуба же, только по-

*) Всѣ означенные сарафаны, надобно замѣтить, шьются никуда негоже, весьма узки и до того коротки, что едва покрываютъ у большинства колѣни.

крытая сукномъ и обшитая кругомъ мѣхомъ какого-либо не дешеваго звѣрка, а послѣднюю катанцы.

Всѣ означенныя одежды приготовляются дома изъ своего матеріала. Мущины подстригаютъ и причесываютъ свои волосы такъ, какъ дѣлается это у мужика въ полномъ смыслѣ этого слова; а женщины всѣ вообще рѣдко причесываютъ ихъ и плетутъ косы, а собравши волосы назади въ одно мѣсто, перевязываютъ ихъ чѣмъ либо. Не въ модѣ у насъ, скажутъ онѣ, плести косы.

Въ Хаврогорскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда ежедневная одежда мущинъ въ лѣтнее время *покитки* домашняго приготовленія, изъ овечьей шерсти и пряжи изъ льна, тканые картузы или шляпы, покупные большею частію изъ коровьей шерсти, сапоги, въ зимнее—шубы, полушубки, кафтаны, катанцы, рукавицы, отчасти домашняго приготовленія, а болѣе покупныя. Въ праздники одѣваются прилично и щеголевато въ суконныя сибирки, мѣховые тулупы. Ежедневная одежда женщинъ состоитъ изъ холщеваго сарафана, осиненнаго, набивнаго, называемаго набивинцемъ, и кумачнаго повойника на головѣ, который неотъемлемое достояніе каждой сельской женщины до гроба (повойникъ въ существѣ вещи есть только отличіе женщины отъ дѣвицы). Въ ссорѣ или дракѣ, если посторонній мущина сорветъ съ головы женщины повойникъ, или какъ обыкновенно выражаются окосматитъ или опростоволоситъ, считается таковый поступокъ большимъ порокомъ, и женщина, не смотря ни на что и не взирая на поводъ, учинившій ссору, хотя и ею самою, ищетъ суда и даже платы денегъ за безчестіе, что впрочемъ рѣдко удается имъ выигрывать въ свою пользу, и большею частію дѣла такого рода, хотя иногда разбираются сельскими властями, оканчиваются мировою попойкою, которая для обѣихъ сторонъ не безвыгодна; искательница удовлетворяется, выражаясь: *нухотя опили*. Одежда дѣвицъ, какъ праздничная, такъ и рабочая обыкновенная всего Холмогорскаго уѣзда; но въ настоящее время старинныхъ богатыхъ парчевыхъ юбокъ, полушубковъ и коротенькихъ съ дорогими же серебряными хазами и бахромками водится очень мало, и обладательницы оными только дочери богатыхъ родителей; нарядъ старинный почти выходитъ изъ моды и употребляется только при немногихъ случаяхъ, какъ то: къ принятію святыхъ таинъ, въ Пасху къ утренѣ и вечернѣ, при сочетаніи бракомъ, и во время уличныхъ играній во время святокъ, а вмѣсто стариннаго наряда носятся дѣвицами платья, отчасти шелковыя, а болѣе шерстяныя и ситцевыя, голова при такомъ нарядѣ убирается косынкою, не уборомъ или шапочкою, а кругомъ головы, верхъ которой бываетъ не покрытымъ, косынка сгибается какъ галстукъ и онымъ голова перевязывается, въ косу какъ и при повязкѣ вплетается серебряная или мишурная кисть, или же вмѣсто оной ленты; шея украшается перломъ изъ такъ называемаго дутаго жемчуга, или мелкаго бисера.

Въ Челмохотскомъ приходѣ одежда въ простые дни, рѣдко отличаетъ состоятельнаго отъ бѣднаго. Въ будни одѣваются мущины въ понитки, армяки сѣраго сукна, сапоги (бахилы)—лѣтомъ на подобіе кучерскихъ поярковыя шляпы. Въ лѣсъ лѣтомъ ходятъ въ березовыхъ лаптяхъ, и также къ скоту въ хлѣвы, и около наземъ въ нихъ работаютъ.

Зимою носятъ овчинные голые полушубки, пыжиковыя и суконныя шапки, катонки, теплыя рукавицы, сѣрые штаны. Женщины одѣваются въ будни большею частію въ синіе набивные холщевые сарафаны и красный повойникъ на головѣ, на ногахъ кожанные простые выступки, иногда же—въ пестрядные съ бумагою тканые сарафаны, особенно дѣвицы.

Въ праздники мущины одѣваются въ суконные сюртуки, нанковыя сибирки, панталоны суконные, триковые и такіе же жилеты. Зимою въ овчинные мерлужчатые тулупы подъ сукномъ, — ситцевыя рубашки, шелковые галстуки, жилеты. Женщины богатыя одѣваются въ гарусные, штофные, ситцевые сарафаны, косынки, повойники, штофные, парчевые, съ вышитымъ золотомъ или серебромъ наверху кружечкомъ. Дѣвицы кромѣ того—въ повязки, высаженныя бисеромъ и дутымъ жемчугомъ, носятъ кофты, шугаи, ситцевые и гарусные капоты, кацевейки, со сборами по таліи. Дѣвицы на груди носятъ перла изъ простаго жемчуга, янтаря—на ногахъ чулки и башмаки даже козловые. Нынѣ женщины и дѣвицы, вмѣсто сарафановъ и штофниковъ, стали болѣе носить гарусныя и ситцевыя платья, нѣмецкаго покроя.

Въ Пинигишахъ мущины и женщины одѣваются довольно опрятно. Въ простую пору мущины лѣтомъ носятъ понитки, зимою овчинныя шубы, короткія, чтобы въ работѣ не залетали подолы. Рубашки мужскія дѣлаются съ косымъ воротомъ, подлечье подшивается подкладкою. Праздничная рубаха всегда бываетъ красная, которую молодые ребята носятъ навыпускъ съ плисовыми широкими шароварами. Сибирки со сборами назади, и короткія поддѣвки, у богатыхъ суконныя, а у бѣдныхъ синія нанковыя. Старики носятъ армяки, камзолы и кафтаны, на головѣ четырехугольную съ мѣховою выпушкою шапку и полуярковую шляну; молодыя ребята носятъ обыкновенные картузы и щегольскія шапки. Женшины иногда безразлично носятъ и мужскую одежду, какъ то понитки, кафтаны и шубу, но большей частію имѣютъ свой особенный костюмъ. Женская рубашка состоитъ изъ подставы поворотья и рукавовъ. Подстава бываетъ всегда изъ самаго дурнаго холста *), поворотье

*) Праздничная подстава по подолу вышивается красной бумагой и фигуры вышиваютъ на подолѣ конями.

и рукава пришиваются отдѣльно или изъ тонкаго холста и нестряди, или праздничные изъ ситцу, кисеи и коленкору. Поворотье рубашное бываетъ сборчатое и и обшивается кругомъ тесьмою и именуется остебельемъ. Въ простую пору женщины ходятъ въ набиванцахъ и тканцахъ, то есть въ сарафанахъ набивныхъ и нестрядныхъ, на головѣ у женщинъ повойники преимущественно изъ краснаго кумача, а у дѣвицъ платокъ *кокушкой*, то есть завязывается подъ подбородкомъ.

Въ праздники женщины одѣваются въ штофники, шугаи, на головѣ золотые кокошники или повойники съ золотыми кружками. Дѣвицы носятъ штофныя юпки, коротенькія, родъ безрукой епанчи, обложенной кругомъ газомъ. На головѣ у дѣвицъ бываютъ повязки, *) коса въ этомъ случаѣ бываетъ на выпускѣ, и въ косу вплетается кисть золотая, серебряная или мишурная. При нарядѣ въ коротенькую повязку воротокъ всегда бываетъ съ сборчатыми короткими рукавами, которые привязываются алыми лентами.

Старухи носятъ костычи, родъ сарафана съ клиньемъ и китаечники, обшитые на переди продольною лентою съ пуговицами. На ногахъ у мущинъ бываютъ кожаные коты, бахилы и сапоги, у женщинъ ступни и башмаки, употребляются также и лапти въ грязную работу и около двора.

Одежда жителей Курейско-Сергіевскаго прихода можетъ быть подѣлена на зимнюю и лѣтнюю, на праздничную и будничную, на старческую и молодеческую.

Мужчины носятъ въ будни—зимою: шерстяную рубаху, сѣраго сукна шаровары; овчинный полушубокъ, теплую шапку пыжичью и катанцы; въ дорогѣ одѣваютъ овчинный тулупъ нагольный, или обтянутый холстомъ, овчинныя рукавицы, а старики треухъ.

Лѣтомъ и весною—кафтанъ сѣраго сукна, старики—понитокъ, штаны нестрядные или холщевые; сапоги, а старушки—коты; въ ненастную и холодную погоду верхъ кафтана одѣвается суконный армякъ (орешинской).

Въ праздники—сибирку, сюртукъ, брюки на подтяжкахъ, жилетъ и шапку суконные, суконный армякъ или пальто и шляпу, а зимою—шубу овчинную, мерлушечью, а богатые лисью или енотовую, обтянутую сукномъ, и сапоги съ колошами.

Волосы стригутъ вокругъ головы, а напереди старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косой проборъ.

Женщины и дѣвицы носятъ въ будни: тканый нестрядной сарафанъ и передникъ, полусапожки, и кафтанчикъ изъ сѣраго сукна или трика.

Въ праздники—ситцевое, гарусное и шелковое платье, суконную лифную шубу на мѣху, кацавейку и пальто на ватѣ, обшитые по краямъ бѣличьимъ мѣхомъ, а богатые салопъ, на лисьемъ и бѣличьемъ мѣху, и модную шапочку.

Старики бѣдные носятъ крашенинникъ (костычь изъ холста, окрашеннаго въ синюю краску), а въ праздникъ китаешникъ съ длиннымъ, выше грудей, ситцевымъ передникомъ и выступки-башмаки.

Старухи богатыя—ситцевый сарафанъ съ кокеткою и рукавами, а зимою тулупъ (салоповъ не носятъ).

Женщины волосы убираютъ въ двѣ косы, а дѣвицы въ одну косу. Старухи носятъ на головѣ повойникъ, въ который собираются всѣ волосы, а поверхъ повойника одѣваютъ платокъ, который связываютъ на лбу или на затылкѣ; молодыя же женщины и дѣвицы носятъ косынки съ перестнемъ и жемчугомъ.

Вообще богатыя женщины и дѣвицы ничѣмъ почти не отличаются въ одеждѣ отъ купчихъ, развѣ только не носятъ кринолина.

Наряды большею частію привозятся шитые, изъ С. Петербурга, въ которомъ много проживаетъ крестьянъ при конторахъ купцевъ, или шьются хорошими мастерами въ городахъ Холмогорахъ и Архангельскѣ.

Обувь мужчины и женщины носятъ всегда кожаную: сапоги, полусапожки, выступки, коты, ловчаги, сапоги съ длинными голенищами для ловли рыбы), струсни (легонькіе башмаки съ ушками, для страды) и только въ скотскомъ дворѣ одѣваютъ лапти изъ бересты.

Въ Лисестровскомъ приходѣ у стариковъ ежедневное платье зимнее: нагольный полушубокъ изъ овчинъ, катанки, обшитыя кожею, и шапочка изъ пыжика. Въ этой одеждѣ и въ самомъ дѣлѣ старикъ тепелъ. Онъ ѣздитъ иногда еще и въ лѣсъ за дровами, и возитъ возъ сѣна въ морозъ, и исправляетъ и другія нѣкоторыя домашнія работы. Праздничная же, напримѣръ, для выхода въ церковь одежда: полушубокъ изъ овечьяго мѣха, покрытый синимъ или чернымъ сукномъ, суконный сюртукъ и полубархатная шапка, обшитая бобромъ или котикомъ, или теплая на ватѣ круглая шапка, покрытая сукномъ.

Лѣтнее платье у старыхъ людей ежедневное: кафтанъ изъ сѣраго сукна (праздничный кафтанъ плисовый или полубархатный съ серебряными застежками и цѣпочками найдется нынѣ въ рѣдкость у двухъ или трехъ стариковъ) и сюртукъ изъ чернаго сукна и круглая шляпа или шапка.

Старухи носятъ зимою шубу нагольную тоже изъ овчинъ и сарафанъ и повязываются бумажнымъ платкомъ; прежніе теплые чебаки вышли изъ употребленія; а въ праздничные дни носятъ шубу теплую на мѣху или на ватѣ, нѣкоторыя съ куньимъ воротникомъ.

Лѣтомъ носятъ сарафаны кумачные и платья ситцевыя и повязываются приличнымъ платкомъ.

*) Дѣвицы носятъ одну косу, а женщины двѣ, женщины причесовъ на видъ не выпускаютъ.

У мужчинъ и молодежи каждодневное платье зимнее: теплая круглая шапка, пальто изъ толстаго фабричнаго сукна, дикаго цвѣту, сюртукъ изъ сѣраго сукна; праздничное: пальто, на лапчатомъ голубомъ мѣху, а нѣкоторые изъ богатыхъ носятъ шубы на лисьемъ и энотовомъ мѣху, покрытыя чернымъ сукномъ, сюртукъ чернаго сукна, сапоги выростковые и нерпечьи, а нѣкоторые щеголи носятъ и колоши.

Каждодневное платье лѣтнее: изъ толстаго фабричнаго сукна сюртукъ и изъ сѣраго сукна; праздничное: сюртукъ, изъ чернаго сукна, круглая шляпа или шапка изъ чернаго сукна.

Женщины ежедневное платье, зимнее употребляютъ: изъ бумажной домашней ткани сарафаны и повойники, и повязки платкомъ вокругъ головы для выхода на улицу, нагольные тулупы и бумажные платки; праздничное платье для выхода въ церковь и въ гости: шуба на мѣху бѣличьемъ или заячьемъ, съ куньимъ воротникомъ, ситцевое платье, шолковый платокъ и косынка на головѣ, и шапочка съ опушью въ видѣ ярки; а также употребляютъ кацавейки на бѣличьемъ мѣху. Обувь: башмаки, а зимою носятъ и катанки. Платье лѣтнее ежедневное изъ бумажной домашней ткани, повойникъ, обвязанный платкомъ вокругъ головы; башмаки и туфли для домашняго обихода. Праздничное: ситцевое платье и шелковое, шелковый платокъ на шеѣ и косынка на головѣ.

У дѣвицъ платье зимнее праздничное: кацавейка или сакъ-пальто на бѣличьемъ мѣху съ куньимъ воротникомъ, или бѣличьимъ, или пальто покрытое (драпомъ) полумериносомъ или шелковою матерією, платье ситцевое; голову покрываютъ шелковымъ или бумажнымъ платкомъ; ежедневное платье: изъ домашней бумажной ткани, шубка крытая нанкою или саржей, и бумажный платокъ на шеѣ; обувь: башмаки и ботинки.

Дѣвицы употребляютъ повязки и вѣнки, по большей части при лѣтнихъ гуляньяхъ, играхъ и хороводахъ и при свадьбахъ.

Платье въ Золотицѣ носятъ слѣдующее: рабочее зимнее мужское платье состоитъ изъ малицы. У нѣкоторыхъ только есть своей выдѣлки коротенькіе нагольные полушубки. Въ худую ненастную и мокрую погоду работаютъ всѣ вообще въ суконныхъ совикахъ; Праздничное: зимнее платье у большой части крестьянъ тоже малица, только съ нарядною, по большей части краснаго яркаго цвѣта рубашкою. У молодыхъ щеголей сюртуки на бѣлковомъ или бараньемъ мѣху съ выдровыми воротниками. У стариковъ старинныя, коричневаго цвѣта съ серебряными застежками на бараньемъ мѣху и тонкаго сукна полукафтанья.

Рабочій зимній, мужской головной уборъ у всѣхъ вообще—пыжачьи шапки; праздничный мужской головной уборъ зимою состоитъ изъ заграничныхъ котиковыхъ и обезьяновыхъ шапокъ, картузовъ, различныхъ матерій и формъ; это у молодыхъ. Старики носятъ баранья съ маленькимъ пухомъ круглыя шапки. У нѣкоторыхъ только стариковъ сохранились четыреугольныя съ маленькимъ бараньимъ пухомъ высокія шапки. Старинныя же въ родѣ боярокъ, высокія съ бобровымъ пухомъ шапки, въ Золотицѣ рѣдкость.

Лѣтнее рабочее платье: у всѣхъ мужчинъ рабочее платье лѣтомъ состоитъ изъ сотканныхъ коротенькихъ кафтановъ, понитковъ и иногда и худыхъ малицъ, коротенькихъ вязаныхъ изъ шерсти своей или норвежской работы, рубашекъ, у нѣкоторыхъ есть парусинныя или клеенковыя голландки.

Головной лѣтній рабочій уборъ: въ лѣтнюю рабочую пору на головахъ носятъ или своей работы или норвежской разныхъ цвѣтовъ и формъ шерстяные колпаки. На случай сырой и дождливой погоды, у многихъ есть заграничныя шляпы. При работахъ всѣ вообще рубаху складываютъ въ шаровары. Шаровары дѣлаютъ или изъ пестряди своего тканья, или изъ покупнаго тику или наконецъ изъ толстой парусины для того, чтобы они были прочнѣе при работѣ.

Праздничное: у молодыхъ драповое и суконное пальто, сюртуки всегда изъ тонкаго сукна, брюки и жилеты иногда и очень пѣнные, и разное нѣмецкаго покроя платье. У пожилыхъ суконныя синяго, зеленаго, коричневаго цвѣтовъ, полукафтанья и тонкаго сукна казакины. У стариковъ своей выдѣлки чернаго и сѣраго сукна коротенькіе кафтаны.

Праздничный головной уборъ. На головахъ носятъ лѣтомъ пуховыя шляпы и разныхъ формъ и матерій картузы, иногда даже и теплыя зимнія шапки. Старинныхъ поярковыхъ шляпъ здѣсь никто не носитъ.

Прическа у всѣхъ въ кружекъ. У стариковъ подрѣзаются волосы пониже уха, а у молодыхъ и щеголей въ полмочки и посрединѣ головы проборъ накось. Нѣкоторые изъ стариковъ выстригаютъ маковицы. Всѣ же вообще надъ лицомъ подрѣзываютъ волосы немного повыше бровей, по прямой линіи отъ висковъ, такъ, чтобы волосы не мѣшали только глядѣть.

Бороды и усовъ никто не брѣетъ, кромѣ щеголей, которые подрѣзываютъ бороду едва-едва примѣтно.

Рабочая зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ бахилъ. Нѣкоторые только и то изъ богатыхъ носятъ валяные сапоги катанки и самоѣдскую обувь. Относительно обуви и одежды въ Кѣхотскомъ приходѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Праздничная зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ черныхъ выростковыхъ и опойковыхъ на одну ногу сапоговъ и, надобно замѣтить, всегда щегольскихъ. Бахилы шьютъ вотъ какъ: къ переду пришиваютъ голяшку, стегами снаружи, чтобы не терло ногу, а потомъ и

вырванную подошву навыворотъ; когда пришьютъ подошву, бахилъ вымочатъ и мокрый надѣваютъ на дерево, потомъ, пришивши заплату вмѣсто каблука, сушатъ. Бахилы шьютъ каждый для себя; надъ тѣмъ, кто не умѣетъ для себя шить бахилъ, смѣются.

Рабочее платье готовится на мѣстѣ изъ своихъ матеріаловъ и своими мастерами, а нарядное въ городѣ городскими.—Матеріалы для рабочаго платья: сукно, понитокъ, овчины и пестрядь готовятся на мѣстѣ, а прочее покупаютъ въ городѣ. Части платья зовутся также, какъ и во всей Россіи: рукава, спина, полы и клинья.

Женское зимнее рабочее платье: молодыя и старыя женщины и дѣвицы зимою носятъ понитки, кафтаны своего тканья и овчинные полушубки, иногда нагольные, а иногда крытые сукномъ, крашениною или нанкою.

Праздничный зимній нарядъ у дѣвицъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ женщинъ состоитъ изъ короткой, выше полса, плисовой на бараньемъ мѣху съ бѣличьей выпушкой шубки. На пирахъ, и въ большіе праздники молодыя, богатыя женщины и дѣвицы носятъ парчевыя съ цвѣтами, или одноцвѣтныя шубейки, на заячьемъ или бѣличьемъ мѣху съ куньими большими воротниками и выпушкой по подолу, поламъ и рукавамъ.

Лѣтнее рабочее платье у всѣхъ состоитъ или изъ крашенаго костыча, сарафана съ клиньями, или изъ ситцеваго, всегда краснаго густаго цвѣта, сарафана.

Лѣтній праздничный нарядъ у богатыхъ состоитъ изъ парчевыхъ холодныхъ полушубковъ, обшитыхъ поверху и поламъ хазами. Подъ полушубочекъ надѣваютъ парчевую юбку, обшитую по подолу широкимъ хазомъ, или одноцвѣтную, всегда красную, штофную юбку тоже съ хазомъ на подолѣ. Ширина и дороговизна указываютъ на состояніе лица, носящаго юбку: у богатыхъ хазъ на юбкѣ и широкъ, и дорогъ, а у бѣдныхъ и узокъ, и дешевъ. У вовсе бѣдныхъ за юбку и полушубокъ отвѣчаетъ гарусный, или хорошаго ситца, всегда краснаго цвѣта, сарафанъ, тоже обшитый по подолу, но не хазомъ, а шелковою лентою.

Головной рабочій уборъ. Головной рабочій уборъ зимою и лѣтомъ у женщинъ состоитъ изъ повойника, у молодой замужней всегда краснаго, изъ плиса или кумача, а у вдовъ и старухъ темнаго, или вовсе чернаго. По повойнику повязываютъ въ нѣсколько разъ сложенный платокъ, или напереди кустомъ, бантомъ, или узломъ назади, но такъ, чтобы верхъ повойника было видно. Головной уборъ у дѣвицъ состоитъ изъ одного платка, концы котораго также завязываются, какъ и у женщинъ, только вмѣсто повойника у дѣвицъ видны волосы всегда гладко учесанные.

Женщины и дѣвицы завязываются платкомъ иногда и подъ горло, такая повязка зовется кукушкой, или куфеткой.

Головной праздничный уборъ. Праздничный уборъ зимою и лѣтомъ у богатыхъ женщинъ состоитъ изъ повойника дорогой парчи, а у бѣдныхъ красной штофи; богатыя женщины по повойнику повязываютъ шелковые, алаго цвѣта, французскіе платки, а бѣдныя бумажные краснаго же цвѣта.

Головной уборъ богатыхъ дѣвицъ состоитъ изъ повязки, или шелковаго, алаго цвѣта, платка, всегда съ кустомъ спереди. Бѣдныя повязываютъ также съ кустомъ, но бумажные и тоже краснаго цвѣта платки.

Богатыя женщины и дѣвицы въ ушахъ носятъ жемчужныя серьги, а бѣдныя—серебряныя. Къ числу женскихъ нарядовъ принадлежатъ еще:

1. Шали гарусныя у богатыхъ, а у бѣдныхъ платки, которые носятъ на шеяхъ.

2. Передники и у богатыхъ, и у бѣдныхъ изъ марли и недорогой кисеи; ихъ подвязываютъ очень высоко.

3. Жемчугъ недорогой у богатыхъ, а у бѣдныхъ янтари и стеклянныя бусы, соврулькы или перлы. Жемчуга никто не имѣетъ болѣе ста нитокъ.

Прическа женщинъ. Женщины разчесываютъ голову на двѣ равныя половины отъ лица къ затылку; плетутъ двѣ косы, и, положивъ ихъ кругомъ головы, скрываютъ подъ повойникъ. Косы у женщинъ плетутся внизъ: пряди волосъ кладутся одна подъ другую. У дѣвицъ прическа таже, и плетется одна коса, но пряди волосъ кладутся напротивъ сверху одна на другую. Въ опущенную назадъ косу дѣвицы вплетаютъ косникъ съ мелкими ленточками въ будни, а въ праздники съ бантомъ—кустишкомъ на концѣ.

Обувь рабочая лѣтомъ и зимою у женщинъ и дѣвицъ богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ изъ бахилъ.

Праздничная обувь лѣтняя и зимняя у дѣвицъ и женщинъ состоитъ изъ щегольскихъ башмаковъ, пантуфлей. Богатыя женщины и дѣвицы носятъ по праздникамъ бумажные и нитяные чулки, покупаемые въ городѣ; бѣдныя же шерстяные, панскіе нѣмецкаго вязанья.

Рабочее платье и обувь женщинъ готовится на мѣстѣ. Праздничное платье, наряды и обувь покупаются и шьются въ городѣ. Части женскаго платья имѣютъ такое же названіе и назначеніе, какъ и вездѣ.

Рабочее бѣлье верхнее и нижнее у мужчинъ и женщинъ готовится на мѣстѣ изъ покупнаго льна. Мужчины носятъ верхнее и нижнее платье по большой части изъ холста. У нѣкоторыхъ только зажиточныхъ бѣлье бываетъ изъ пестряди, съ ниткой крашенины и полубумажное, съ ниткой красной бумаги. Праздничное бѣлье у мужчинъ бываетъ или изъ краснаго ситца, или изъ александринки.

Молодыя замужнія женщины и дѣвицы къ холщевому стану пришиваютъ всегда краснаго ситца рукава. Рукава бываютъ: русскіе по самое запястье и польскіе

выше локтя. Русскіе холщевые рукава на концахъ вышиваютъ красною бумагою. Узоры шитья слишкомъ грубы, они представляютъ всегда цвѣты.

Для грязной работы женщины и дѣвицы шьютъ себѣ такъ называемый кабатъ. Кабатомъ зовется фартукъ съ рукавами, или одни только рукава—наруквники. Кабатъ шьютъ всегда изъ толстой сандальной пестряди.

Поясовъ широкихъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ здѣсь ни мужчины, ни женщины не носятъ. Здѣсь въ большомъ употребленіи шелковые пояски, плетеные въ видѣ сѣтокъ и называемые сѣтками.

Относительно платья мущинъ и женщинъ нужно замѣтить, что оно, хотя и дорого, но скромно. Грудь у женщинъ и дѣвицъ всегда закрыта, если не сорочкой, то платкомъ. Мужчины и женщины изъ пожилыхъ воздерживаются отъ щегольства и любятъ скромность. Иныя даже и при жизни мужей не носятъ ни серегъ въ ушахъ, ни колецъ на рукахъ, ни янтарей на шеѣ.

Что касается Сумскаго посада, то жители его одѣваются щеголевато. Женщины носятъ ситцевыя, шерстяныя, шелковыя и даже бархатныя платья или сарафаны, ситцевые, кленкоровые или кембриковые наруквники съ манжетами и безъ нихъ; капоты; лѣтомъ въ праздники и во время гуляній бархатныя штофныя шубейки, а нѣкоторыя драповыя пальто. Зимою шерстяныя вязаныя кофты, вывозимыя изъ Норвегіи, обтянутые суконъ ватныя полушубки, на плечахъ шелковыя шали.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ повойника, вышитаго золотомъ, а дѣвицъ изъ навязаннаго не широкою повязкою шелковаго алаго платка съ распущенными назадъ концами, между которыми упадаетъ заплетенная коса съ лентою. Мужчины лѣтомъ носятъ суконныя, большею частію темнозеленаго цвѣта, на мѣху кафтаны и пальто; зимою, на мѣху тулупы и пальто, покрытые тоже сукномъ. Рабочая или будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ сѣраго суконнаго полукафтана (бострюка) и такихъ же штановъ, кожаныхъ бахилъ; во время же промысловъ одѣваютъ «ловчяки», то-есть кожанные штаны или сапоги. Голову покрываютъ лакированною шляпою или суконнымъ картузомъ, а въ зимнее время, особенно при переѣздахъ и на промыслахъ, шапкою съ наушниками и подзатыльникомъ, то-есть кожаннымъ треухомъ, подбитымъ волчьимъ или собачьимъ мѣхомъ; при ясной погодѣ наушники эти загибаются кверху и пристегиваются на пуговку; старики также носятъ медвѣжьи муфты.

ГЛАВА IV.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Крестьянская ѣда въ Пинежскомъ уѣздѣ: время ѣды, пища постная и скоромная, повседневная и праздничная, напитки, лакомства. Употребленіе табаку.—Пища и питье въ Усть-Пучѣ, въ Тулвасскомъ, Чемохотскомъ приходахъ, въ селѣ Пингишахъ, въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ, въ Сумскомъ посадѣ.

Говоря откровенно, крестьяне ѣдятъ много, съ полнымъ аппетитомъ, досыта, безъ претензій на вкусъ и безъ соблюденія требованій гигіены. Они сами говорятъ, *что наша невѣстка все трескатъ—хошь медъ, такъ и тотъ жретъ.* И дѣйствительно, они разсчитываютъ только, какъ бы содержаніе обошлось подешевле. Притомъ не надо забывать, что чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ больше его ѣда походитъ на скотскую.

Но если принять во вниманіе, что жителями уѣзда усердно соблюдаются посты, то ихъ можно считать воздержными въ пищѣ. Однако-жъ и тогда они употребляютъ хотя не завидныя, но здоровыя и питательныя кушанья. Пища отъ марта до августа самая дурная изъ всѣхъ временъ года.

Въ образѣ пищи крестьяне неопрятны. Всякую пищу про семью приготовляютъ въ пекарныхъ печахъ домашнія бабы. Кухмистерство нечисто и нестарательно.

Здѣшніе жители, какъ и вообще рабочій классъ въ деревняхъ, обыкновенно ѣдятъ 3 и 4 раза въ день. Каждый разъ считается *вытью*.

1). Завтракаютъ обычно тогда, когда встаютъ отъ сна,—станетъ заниматься (начнетъ всходить) на Востокѣ солнце, то-есть въ 4—6 часовъ утра, смотря по досугу и работѣ. Завтракъ состоитъ изъ шанегъ и каши. Каша приготовляется густою изъ житной (ячной) муки на одной рѣчной водѣ, вскипяченной въ чугунникѣ или глиняномъ горшкѣ; называется еще водяною (кашею). Кашу ѣдятъ въ скоромные дни на водѣ же, иногда съ молокомъ, пѣною (снятки съ топленнаго коровьяго масла) и молокомъ, а въ постные съ растолченными проквашенными ягодами: морожкою, клюквою и брусникою, или съ сокомъ пареной рѣпы. Въ Курьѣ завтракъ изъ трески въ постный день. Обѣдъ продолжается въ будній день не болѣе $^1/_2$ часа, въ праздники вдвое и втрое долѣе.

2). Обѣдаютъ, когда солнце на Юго-Востокѣ (S. O. потому и вѣтеръ съ той стороны называется обѣденникомъ), то-есть въ 8—10 часовъ пополудни; передъ тѣмъ справляется какъ бы закуска, а обѣдъ уже настоящимъ столомъ. Въ Курьѣ обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески или другой рыбы и молока. Въ Курьѣ и постный столъ состоитъ изъ трески, крупянки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки), или изъ разсола (испаренной и истолченной рѣпы); зажиточные ѣдятъ картофель, ягоды и толокно.

3). Паужинаютъ *(паужна)*, когда солнце на Юго-Западѣ (и вѣтеръ съ той стороны S. W. называется *паужникомъ*), то-есть послѣ обѣда, обѣдаютъ другой разъ между 12—3 часами послѣ полудня. Послѣ *паужны* любятъ отдохнуть на печи или на полатяхъ.

4). Ужинаютъ, когда солнце закатывается за горизонтъ, въ 6—8 часовъ пополудни, а лѣтомъ, когда бываетъ *страда*, еще позже въ 9—11 часовъ вечера; стараются отъужинать на свѣту, но зимою ужинаютъ и при огнѣ. Вообще же *ужна ведется* тогда только, когда управятся съ дневною работою, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока бываетъ свѣтло, а лѣтомъ притомъ не бываетъ дождя. Послѣ ужина ложатся спать. Встаютъ мущины тогда, когда женки изготовятъ для хозяевъ позавтракать, перекусить маленько. Кушанья подаютъ: сперва жидкое, потомъ густое. Притомъ напередъ рыбныя, потомъ мясныя, потомъ молочныя; крупчатое же вообще идетъ на закуску.

Непремѣнная и основная пища жителей уѣзда растительная. Главную пищу составляетъ во-первыхъ насущный черный хлѣбъ, то-есть ржаной и ячменный, или тотъ и другой смѣшанные вмѣстѣ, но болѣе ячменный, а во-вторыхъ рыбная пища. Испеченный изъ раствора ржаной муки хлѣбъ называется хлѣбомъ, а пошутчно

ковригами. Печеніе ржанаго хлѣба бываетъ въ недѣлю или еще болѣе одинъ разъ, потому что будто бы черствый хлѣбъ спорѣе. Зачерствѣлый хлѣбъ кладутъ въ печь, чтобы снова сдѣлался мягкимъ. Ржаныя ковриги бываютъ довольно тяжеловѣсныя отъ 3 до 10 фунтовъ. Хлѣбы дѣлаются круглые и большіе. Испеченный изъ раствора ячменной муки хлѣбъ именуется житникомъ, коврижкою, короваемъ, коровяжкомъ и мякушкою; а для того, чтобъ житный хлѣбъ былъ постоянно мягкій, его пекутъ небольшими хлѣбцами почти каждый день, почему нѣкоторые отзываются, что житникъ сдобная и мягкая булка (для русака). Ржаной хлѣбъ растворяется или на квасной закваскѣ, или на опарѣ изъ отрубей, вспаренной предварительно въ печи. Закваска состоитъ изъ прокислаго хлѣба; дрожжи не сообщаютъ кислаго вкуса. Хлѣбъ, испеченный изъ муки непросѣянной, называется мякинным; изъ муки, просѣянной чрезъ рѣшета—рѣшетнымъ; изъ муки, просѣянной чрезъ сита, *ситнымъ* и *ситникомъ*. Вообще же хлѣбъ зовется овиннымъ. Хлѣбъ разводится на закваскѣ квасной гущи и пивныхъ дрожжяхъ. Печется съ солью. Ржаные хлѣбы валяютъ, а житные окатываютъ и кладутъ въ крупники, съ которыхъ сажаются на лопаты. Крестьяне нѣкоторые хлѣбъ называютъ *двойнымъ*. Растворенный хлѣбъ отъ время до времени подмѣшивается мутовкой, а предъ окатываніемъ засученными руками. Приготовивъ къ окатыванію густое тѣсто, стряпка дѣлаетъ лопаткой четыреконечный крестъ. Когда же начнетъ окатывать, то изъ концовъ креста еще дѣлаетъ по кресту меньшему. Чтобы хлѣбъ не предавался плѣсени, его разрѣзаютъ ломтями и небольшими кусками и высушиваютъ въ печахъ, чрезъ что онъ получаетъ названіе сухарей.

Прочіе жизненные продукты называются харчемъ, то-есть приварокъ, приварки — *застой*, приправы — *снадобьемъ*. Что варится въ горшкѣ называется *варевомъ*. Вообще на харчи крестьяне не взыскательны: былъ бы имъ хлѣбъ.

Кушанья приготовляются смотря по времени и раздѣляются на буденныя и праздничныя и между тѣмъ на постныя и скоромныя.

Постная буденная пища: хлѣбъ, пустоваръ, пустова или пусты щи (бурдукъ изъ малаго количества ячной муки и крупы на водѣ); тюря (кусочки ржанаго хлѣба, намоченные въ водѣ или квасѣ съ солью); крошево (изъ размоченнаго въ квасѣ черстваго хлѣба); щерба или селянка (уха изъ рыбы); уха тресковая составляетъ первое блюдо обѣда въ будень и праздникъ; въ жареномъ и вареномъ видѣ рыба, которой ѣдятъ много, по большой части дешевле мяса. Употребляется морская соленая треска, пикшуй, зубатка, сайда, камбала, палтасина (палтусъ), сельди, сухая треска (штокфишъ), свѣжія мерзлыя наваги и сельди; рѣчная и озерная, свѣжая, соленая и сушеная рыба, рѣдька ломтями и стертая *пертухой* (теркой) съ квасомъ *), грибы въ квашенномъ видѣ. Грибы сушатъ нанизанные на лучины, на сковородахъ и доскахъ. Соленые грибы ѣдятъ или такъ себѣ въ прикуску, или же, разрѣзавъ мелко, хлебаютъ съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Грибы для осолки вымачиваютъ въ водѣ и нерѣдко изрѣзываютъ въ ломти; рѣпа—сырая, печёная, пареная и сушеная **); грибница, или грибовница (похлебка изъ сваренныхъ высушенныхъ грибовъ); рѣпница—пареная рѣпа, вымятая и размѣшанная съ квасомъ (щи изъ рѣпы съ прибавкой житной крупы); картофель вареный въ водѣ, или печеный на угляхъ, либо въ золѣ (ѣдятъ очищенный и неочищенный отъ шелухи); осоленная и изрубленная капуста съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Кочанную бѣлую капусту заквашиваютъ, кладутъ тминное сѣмя; овсяное и житное толокно на квасу, разведенное и иногда съ ягодами; горошница (щи изъ русскаго гороха съ прибавкою крупы); травной лукъ съ квасомъ; свѣжія, замороженныя или вареныя кислыя ягоды такъ себѣ, либо съ квасомъ и толокномъ; опара (густой, кислый хлебальный квасъ). Приправами къ пищѣ въ посты служатъ: постное (конопляное) масло, соль, вода, квасъ и нѣкоторая огородная зелень. Сверхъ обыкновеннаго употребленія означенной пищи: рыба, ягоды, губы (грибы), капуста, горохъ и соль запекаются въ пироги и пирожки изъ тѣста ржаной и ячменной муки. Поэтому такія *стрянушки* и называются: колюбяками, рыбниками, ягодниками, капустниками, гороховниками и солониками. Изъ такого же тѣста пекутся въ коркахъ и безъ нихъ шаньги и калитки (лепешки); налистники (оладьи на высушенныхъ листьяхъ капусты, чемерицы и лапушника), сочни (рѣзныя тонкія лепешки) и продолговато-фигурчатые пироги изъ ячнаго тѣста, раскладенные въ раскатанные валькомъ тонко-ржаные изъ тѣста корки, пирогъ съ грибами—губникъ.

Праздничная постоянная пища улучшается противъ обыкновенной очень на немногое и только развѣ тѣмъ, что бываетъ побольше блюдъ и кушанья изъ той же провизіи и они приготовляются какъ бы повкуснѣе и пріятнѣе. Прибавляются тогда: палтусина—свѣжая и испеченая рыба, каша изъ простаго пшена, гричухи (гречихи) и перловой крупы, иногда бѣлый кисель изъ овсяной муки (заквашенной на отрубяхъ) съ ягодами и масломъ. Тогда еще побольше бываетъ шанегъ и сдобнаго печенья—колобовъ изъ ячменнаго крутаго тѣста.

Въ посты по праздникамъ пекутся ржаные калачи;

---

*) Поговорки: 1) Рѣдька съ квасомъ, рѣдька съ масломъ, да рѣдька съ солью, рѣдька голью, да рѣдька со щами, да рѣдька ломтями. 2) Рѣдьку можно ѣсть и съ господами, а спать—со свиньями.

**) О рѣпѣ прибаутка: а рѣпа брюху не докрѣпа.

ихъ дѣлаютъ изъ заквашеннаго или прѣснаго тѣста изъ ржаной муки, скатавши обвариваютъ въ кипяткѣ и сажаютъ въ печь. Они замѣняютъ крупитчатые и ихъ посылаютъ въ видѣ гостинцевъ.

Скоромную ежедневную пищу составляютъ: треска зажаренная въ прѣсномъ молокѣ и маслѣ, а иногда еще и съ картофелемъ или въ яйцахъ, или же холодная съ подливой кваса, палтусина, камбалы, наваги, сельди запеченыя, говяжьи щи (изъ мяса супъ на водѣ съ засыпою, то-есть горстью житной или овсяной муки, и иногда съ рубленной капустой); бѣлыя или кислыя щи (изъ ячной крупы, забѣленныя смѣтаной); вареное и жареное свѣжее бычачье жаркое—жарково, коровье, баранье и птичье мясо и говядина, солонина съ квасомъ и тертымъ хрѣномъ. Мозгомъ и мозговыми костями пользуются за обѣдомъ не всѣ, а только нѣкоторые старшины; похлебка изъ коровьихъ почекъ; каша (изъ житной крупы или картофеля); дичь бываетъ болѣе въ похлебкѣ, чѣмъ въ жареномъ видѣ; саломата (житная каша съ говяжьимъ саломъ, вмѣсто масла, называемымъ *шалегою*); шалега говяжье сало и нетопленный жиръ въ кускахъ; грибы свѣжіе и соленые въ смѣтанѣ и маслѣ; рубецъ (скотская полость) съ квасомъ и лукомъ; студень или заливное (холодное) изъ опаленныхъ коровьихъ, бычачьихъ, телячьихъ и овечьихъ ногъ, головы, губъ и ушей *); зажаренныя кишки (внутренности коровы и быка) съ начинкою крупы; картофель сваренный или зажаренный съ масломъ, молоко въ разныхъ видахъ его и иногда съ нимъ свѣжія сладкія ягоды. Приправы въ кушаньяхъ бываютъ: вода, квасъ, соль, молоко, смѣтана, грѣтое и пахтусное (пехтусное) масло. Но надобно замѣтить, что въ простые дни мясныя кушанья употребляются у рѣдкихъ крестьянъ, да и въ праздничные немного, ибо филейныя мѣста говядины, баранину и дичь они распродаютъ по сторонѣ.

Въ праздничные скоромные дни, приготовленіе къ столу бываетъ почти тоже самое, лишь только въ прибавокъ больше напекается шанежъ и шанежекъ (круглыя булки, обыкновенно изъ житнаго и иногда изъ ржанаго тѣста, съ рыхлой внутренностію, съ поджаренной на маслѣ исподкой, и помазанныя пѣнною поливой, то-есть смѣтаной сверху); крупянныя (изъ перловой крупы) шаньги въ ржаныхъ коркахъ; растегаи (продолговатые пироги съ пшенною начинкой); сковородники (жидкія тонкія оладьи); олабиши (оладьи въ видѣ круглыхъ приземистыхъ пряниковъ); налистники (скоромные налистники называются наливками, побольшей части на сковородкѣ наливается жидко-разболтанная мука); сочни (какъ бы засушенные блины); блины житніе; прѣсныя шаньги (сочни съ мучною и смѣтанною поливою); ватрушки (шанежки изъ творога въ ржаныхъ коркахъ); картофельники (тоже, что и ватрушки изъ картофеля); колюбаки (пироги изъ ржанаго или крупитчатаго тѣста съ запеченною въ немъ рыбою: семгою, сигами, палтусиною и другихъ); жареная дорогая рыбка (пеледи, чиры, сиги, омыли и другія); *скробкіе* или воложные, то-есть разсыпные колобки (изъ крутаго житнаго тѣста на молокѣ); кисель (овсяный) съ молокомъ; каши: житная, пшенная и гричушная; яичница (изъ разбитыхъ куриныхъ яицъ сваренныхъ въ прѣсномъ молокѣ); сладкіе пироги,—о праздникахъ пекутъ съ изюмомъ или черникою въ срединѣ.

Отличительная черта русскаго пиршества—множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Такъ и здѣсь, для особыхъ храмовыхъ, или великихъ, и семейныхъ праздниковъ столъ бываетъ приготовленъ очень роскошно. Тогда варится, печется и приготовляется всего въ довольствѣ и постной, и скоромной пищи, разнаго печенья: ржанаго, житнаго и крупитчатаго. Въ съѣзжіе праздники пьютъ до обморока и ѣдятъ до икоты. Приправами тогда бываютъ: дикій тертый хрѣнъ, пряности, стручковый или горошчатый перецъ, уксусъ хлѣбный и простой.

Предъ ѣдою вымываютъ руки водой и вытираютъ ручниками, а затѣмъ молятся предъ иконами и садятся за столъ. Вмѣсто салфетокъ подаются полотенца. Ножей и вилокъ не употребляютъ; вмѣсто ихъ служатъ пальцы. Ножъ, которымъ рѣжутъ на ломти хлѣбъ, носитъ названіе хлѣбный ножикъ. Послѣ обѣда снова молятся и благодарятъ хозяина и хозяйку за хлѣбъ-соль.

Послѣ яствъ большое значеніе въ питаніи вообще имѣютъ напитки.

Хотя непремѣнную принадлежность крестьянскаго стола составляетъ квасъ, любимымъ общеупотребительнымъ и обыкновеннымъ напиткомъ для семьи служитъ чистая вода; но, кромѣ того, вездѣ въ деревняхъ постоянно на столахъ оываютъ выставлены деревянныя или каменныя кружки, либо чашки съ бѣлымъ квасомъ, который пьютъ очень часто и по многу, не смотря на то, что онъ окисъ или зацвѣтаетъ. Квасъ дѣлается изъ ячныхъ отрубей, съ частицею муки того же хлѣба, и потому называется житнымъ квасомъ. Квасъ разводится въ лагунахъ, ушатахъ съ крышками и цѣдилками. Въ хорошій годъ квасъ можно найти у самаго бѣднѣйшаго крестьянина.

Въ праздники напитки прибавляются: чай, пиво и хлѣбное вино.

Вино пьютъ единственно горячее, сивуху.

О порядкахъ при угощеніи сказано въ праздничныхъ обрядахъ.

Чай пьютъ съ непріятнымъ запахомъ и болѣе *копорку*

*) Сперва ноги бросаютъ въ печку въ пламя огня, чтобы опалить шерсть, затѣмъ нагаръ счищаютъ ножемъ и разрубаютъ. Потомъ куски ногъ кладутъ въ горшокъ съ налитою водой и ставятъ въ печь въ жаръ; наконецъ изъ горшка выдѣляютъ косит, а остальной бульонъ разливаютъ въ сосуды.

(Иванъ-дзю), потому что поселяне не признаютъ за достоинство вкусъ и запахъ, а лишь бы былъ *пирной*, то-есть густой колеръ. Сахаръ употребляется рафинадъ. Раскольники вмѣсто чая пьютъ богородскую траву.

Пиво пьютъ безъ различія пола и возраста. Оно бываетъ своего приготовленія, и варится изъ ячменнаго солода, называемаго здѣсь еще и *рощею*. Солодъ дѣлается такъ: берется мѣшокъ съ годными зернами ячменя и опускается въ рѣку, гдѣ онъ мокнетъ недѣли двѣ, то-есть до того, какъ будетъ довольно мочения; у нѣкоторыхъ же мочение бываетъ при домѣ, въ какой-либо кадкѣ или чану, вода тогда рѣдко перемѣняется, а подъ конецъ сливается совсѣмъ. Потомъ, намоченное жито разсыпаютъ въ ростильницы или солодовни (описаніе ихъ относится къ «хлѣбопашеству») и настилается въ нихъ толщиною въ вершокъ или два. Солодовни ставятъ на лавки или на полъ такъ, чтобы солодъ ростился при умѣренной температурѣ воздуха; притомъ лишаютъ свѣта. Такъ ячмень держится до мѣсяца, будучи изрѣдка орошаемъ водою, гдѣ онъ отпускаетъ ростки и срастается. Затѣмъ жито теребится (то-есть сросшіяся зерна отдѣляются) и насыпается на печи въ нѣкоторыя кучи, которыя закрываются полостью, и сверхъ нея накладываютъ доски, дрова, камни, и тому подобныя тяжести, для того чтобъ паръ не выходилъ, а жито солодилось. Въ такомъ положеніи ячмень лежитъ однѣ сутки, а на другія разсыпается по печамъ, на которыхъ сушится тоже сутки; вообще же высушивается такъ, чтобы онъ могъ размолоться намелко. Послѣ этого жито стирается (собирается) въ мѣры (получетверти) и мелется на ручныхъ жерновахъ и на мельницахъ такъ, чтобы солодъ вышелъ покрупнѣе. При варении пива, солодъ первоначально обваривается въ выпаренныхъ (очищенныхъ отъ дурнаго запаха) кадкахъ или ушатахъ. Затѣмъ въ кадки или чаны наливается горячая вода, а за нею высыпается солодъ, мѣшается, и на кадки или чаны накрываются крышки. Спустя немного времени, изъ чановъ или кадокъ сливается въ особый сосудъ (кубъ, чугунникъ и тому подобныхъ) сусло, раздѣляемое еще названіемъ *перваку;* потомъ снова наливается горячая вода, и по истеченіи извѣстнаго времени вторично сливается сусло, съ прибавленіемъ названія *другаку*. Сусло кипятятъ не сильно. Варятъ пиво на открытомъ воздухѣ, или въ срубахъ, подъ крышами и безъ оныхъ. Приготовленное сусло переваривается въ желѣзныхъ или мѣдныхъ котлахъ *). Когда сусло кипитъ, тогда въ него всыпается хмѣль; нѣкоторыми онъ прибавляется еще немного погодя. Сусло кипятятъ пока оно совершенно не сварится, для узнанія чего и пробуется изъ поваренокъ или ковшей. По окончаніи варки, сусло сливается въ чаны, или кадки, или ушаты; въ нихъ оно охлаждается и его тутъ запускаютъ дрожжами. Когда такой составъ начнетъ *бродить*, пиво разливается въ бочки. Эти помѣщенія спускаются въ погреба или подполья. Чрезъ недѣлю или нѣсколько времени пиво получаетъ обыкновенную крѣпость. Пиво бываетъ иногда довольно пріятное и забористое, такъ что не пьющіе вина напиваются до пьяна отъ одного пива; но болѣе бываетъ горькое, черное, жидкое, съ дрожжами и малопѣнистое, потому что кладутъ чрезъ мѣру хмѣлю, не умѣютъ сохранять отъ окиси и не изучили еще правильнаго пивоваренія. Прежде чѣмъ пить вино въ праздники, крестьяне выпиваютъ сначала по нѣсколько оловянниковъ (стакановъ) пива. Въ Пуѣ, въ праздникъ, радушно всѣ перегащиваютъ между собою и первое увеселеніе при этомъ пиво; безъ пива и праздникъ не въ праздникъ, говоритъ поговорка. Пивныя дрожжи идутъ на закваску хлѣба.

На сѣверѣ табакъ почти столь же необходимъ, какъ и пища.

Архангельцевъ съ табакомъ и его куреніемъ первый ознакомилъ Англійскій капитанъ Ричардъ Ченслеръ, занесенный бурею въ Бѣлое море въ 1555 г. (Архангельскій сборникъ, 337 стр., I части). Табакъ въ Россіи скоро пришелся по вкусу и началъ быстро распространяться. Архангельскъ отправлялъ его во внутреннюю Россію.

Въ настоящее время и здѣсь табакъ, преимущественно листовую махорку въ пампушкахъ, стали мущины употреблять значительно, а у иныхъ привычка къ нему обращается въ ежечасную потребность, и затягиваются табакомъ до опьяненія или обморока. Молодые люди табакъ болѣе курятъ въ деревянныхъ и глиняныхъ *трубенціяхъ* (трубкахъ), самодѣльныхъ *скапироскахъ* (папироскахъ) и сигаркахъ (сигареткахъ), свертываемыхъ изъ разной, даже самой негодной бумаги. Нѣкоторые табакъ курятъ съ размельченною лиственною корою и съ вересовыми толчеными ягодами для крѣпости не изъ экономіи. Пожилыхъ же лѣтъ мущины нюхаютъ молотый табакъ, называя его *сухопутнымъ*. Табакъ такой держатъ въ берестянныхъ, корковыхъ, костяныхъ и металлическихъ табакеркахъ и рожкахъ. Для приданія нюхательному табаку пріятности запаха кладутъ корку лимона и душистые цвѣты. Крестьяне приговариваютъ: 1) Табакъ да баба—одна забава. 2) Кто куритъ табачекъ, тотъ хорошій мужичекъ.

Лакомства крестьянъ допускаются лишь только въ праздники. Десертъ у поселянъ составляютъ преимущественно: калачи, крендели, пряники и закуски (тоже пряники), которые покупаются въ городахъ, или въ деревняхъ у тамошнихъ торговцевъ и калачницъ. Калачи продаются связками (вязаниками) по 12-ти копѣечныхъ

*) Котлы покупаются сообща деревнею и дѣлаются принадлежностію церквей или часовень, гдѣ берутся за вкладъ денегъ.

калачей въ каждомъ, или по 6-ти грошевыхъ кренделей; каждая вязанка продается по гривнѣ (по 3 коп. серебромъ); покупаются въ лавкахъ и калачи — *бараньчики*. Кромѣ того въ тарелкахъ выкладываются и другія пряности, какъ-то: орѣхи кедровые, каленые, щелканцы и прочіе.

Въ Усть-Нуѣ въ праздники радушно всѣ перегащиваются между собою, и первое ихъ увеселеніе при этомъ случаѣ пиво, «*безъ* пива и праздникъ не въ праздникъ,» обыкновенная ихъ поговорка. Употребленіе чая здѣсь еще распространяется довольно медленно: изъ 250 домовъ въ приходѣ развѣ только десятая часть имѣетъ чайные приборы, что составляетъ особенную роскошь, и имѣющему самоваръ невольно присвояется названіе «богачъ» и при угощеніяхъ первое предъ другими мѣсто, хотя вся эта роскошь упомянутаго богача ограничивается единственно только праздниками и расходомъ чаю въ теченіе года какого либо $^1/_2$ фунта, даже менѣе. Но столъ по возможности требуется самый изысканный: предъ каждымъ гостемъ, сидящимъ за столомъ, нужно чтобъ была цѣлая груда разныхъ масляныхъ «шанегъ» и «пироговъ» всѣхъ сортовъ и видовъ, кромѣ ржанаго хлѣба, присутствіе котораго тутъ въ такое праздничное время совершенно предосудительно, и на столъ нѣсколько (по возможности больше) блюдъ изъ рыбы, мяса, у нѣкоторыхъ дичи, бѣлыхъ «шанегъ» и прочихъ необходимостей, приготовленныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, могущаго удовлетворить мѣстному «гастрономическому» вкусу.

Гулянья и вечеринки бываютъ о святкахъ съ праздника Рождества Христова до Новаго года, и въ день заговѣнья предъ постомъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, о масляницѣ, и только почти въ послѣдній день бываетъ катаніе, при пѣніи пѣсенъ, на лошадяхъ и съ горъ, не говорю уже, что возліяніе Бахусу, со стороны мужчинъ, бываетъ въ этотъ день самое обильное.

Пища Тулгасскихъ жителей можетъ быть раздѣлена на ежедневную и праздничную, послѣдняя отъ первой, у большинства, мало чѣмъ отличается. Ежедневная пища въ скоромные дни состоитъ: изъ говяжьихъ и картофельныхъ щей, каши густой и крупянной, толокницы, мучницы, молока въ разныхъ видахъ; въ постные дни изъ рыбьей ухи и рыбы въ пирогахъ—стерляди, налимовъ, язенковъ, лещей, морской-палтусины и трески, рѣпы и картофеля. Въ праздники, которые если случатся въ скоромный день, прибавляется къ ежедневной—жареная птица, яичница, парное молоко (вареное), шаньги, пироги, колобы, сочни; а въ богатыхъ домахъ и булки;—а если въ постный—прибавляется къ ежедневной пищѣ лишній рыбникъ. Надобно замѣтить, что всѣ вообще жители къ празднику припасаютъ пищу получше:—у всѣхъ можно найти говядину, если праздникъ въ скоромный день, и рыбу въ разныхъ видахъ и разныхъ сортовъ, если въ постный.—Щи изъ мяса приготовляются просто—мясо, вода и соль, а у иныхъ къ этому прибавляется и крупа;—изъ картофеля—размятый вареный картофель, крупа и вода; каша густая—изъ ячной муки, которая переваривается съ водой и употребляется съ молокомъ и масломъ за завтракомъ; каша изъ крупъ—крупа разваривается въ молокѣ; толокница—толокно варится съ водой и вкушается, если день скоромный, съ масломъ коровьимъ, а если день постный, безъ всякаго приготовленія; мучница—ячменная мука, разболтанная съ водой и переваренная, употребляется такъ-же какъ и толокница;—та и другая въ горячемъ видѣ и съ крошаниной. Уха вообще приготовляется безъ всякихъ приправъ, исключая луку, который подается по принесеніи ее на столъ и даже не очищеннымъ; рыбники, или пироги съ рыбой, приготовляются также просто—рыба, какая бы она ни была, полагается въ *корку* *) изъ ячменнаго теста; рѣпа употребляется въ печеномъ, вареномъ и пареномъ видѣ; въ послѣднихъ двухъ вкушается съ квасомъ; картофель употребляется въ кашѣ и жарится въ маслѣ; жареная птица приготовляется просто и несовсѣмъ хорошо очищается.

Питье ежедневное составляютъ вода и квасъ, или опара, изъ ячной муки (квасъ бѣлый); а также праздничное сусло и пиво; въ богатыхъ домахъ и чай, употребляемый народомъ вмѣстѣ съ водкой и пивомъ.

Кушанья, описанныя выше, подаются на столъ ежедневно, въ порядкѣ; а въ праздникъ, что бываетъ у хозяйки напечено и наварено, все набирается на столъ и вкушается гостями такъ, что кому вздумается.

У жителей Челмохотскаго прихода домашняя пища въ будни, болѣе ячменный или пополамъ съ ржаною мукою печеный хлѣбъ, почти ежедневно приготовляемый, изъ ячной крупы, муки, со смѣтаною или молокомъ щи. Изъ рыбъ употребляется болѣе морская: сайда, пикшуй, треска, камбала, озерныя соленыя щуки, окуни, сороги, язи, или уха изъ сушеной озерной мелкой рыбы. Тоже почти и въ скоромные дни, кромѣ молока и каши изъ ячменной муки съ молокомъ и масломъ. Мясо употребляется рѣдко, и большею частію овечье или телячье.

Растительная пища состоитъ только изъ картофеля, рѣдьки и рѣпы, и рѣдко изъ капусты, привезенной изъ города Архангельска. Годомъ—также ягоды, волнухи, грузди. Въ воскресные дни и праздники особенно ѣдятъ ржаной хлѣбъ, иногда говядину, или птицу вареную, изъ рыбъ—вышепомянутую, яичницу, ячную иные пшенную кашу, ячныя крупитчатыя шанги, кулебяки со щукою, палтусиною, зимою же и печерскою рыбою. Въ будни пьютъ большею частію воду, а богатые изрѣдка

*) Корку называютъ у насъ оздожьемъ.

квасъ. Къ храмовымъ праздникамъ варятъ пиво, и всякій почти изъ жителей варитъ болѣе изъ ячменнаго солода, но недоброкачественное пиво.

Въ домашнемъ и сосѣднемъ обращеніи жители большею частію смирны, но не безъ исключенія. Гостепріимны по состоянію, особенно въ праздники храмовые, когда богатые угощаютъ близкихъ родственниковъ, кромѣ хлѣба и соли—чаемъ и кофе, да и у ровныхъ жителей нынѣ стали заводится самовары съ принадлежностями. Воровства бываетъ мало. Пьянства невидно. Соблюдаютъ бережливость. Усердны молиться и ходить въ церковь къ службамъ.

Всѣ жители православные и ни одного нѣтъ раскольника. Посты соблюдаютъ болѣе пищею и питіемъ, и третья часть не исполняетъ христіанскаго долга исповѣди и причастія. Большая часть жителей, особенно женщины склонны къ пересудамъ, переговорамъ и держатся разныхъ суевѣрій и предразсудковъ общихъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

Въ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, въ пищѣ и питіяхъ поселяне весьма неразборчивы. Въ простую пору хлѣбъ пекутъ изъ ячменной муки съ примѣсью ржаной—подъ названіемъ *каровашковъ*. Каровашки пекутся ежедневно. Ржаной хлѣбъ пекутъ только къ храмовымъ праздникамъ, свадьбамъ подъ названіемъ *ковриг*. Питье употребляютъ воду, квасу вовсе не дѣлаютъ. Пиво изъ ячменнаго солода варятъ къ праздникамъ и свадьбамъ какъ и ковриги. Изъ харчей въ простую пору употребляютъ пишшуй у немногихъ треску, и мелкую озерную соленую рыбу (окуни, сороги); рыбу не варятъ, а пекутъ на латкахъ съ обильною подливою воды. Варить рыбу считаютъ неспорымъ. Варятъ также мушницу, парятъ рѣпу. Мясной пищи, которая повидимому сытнѣе, здоровѣе и дешевле, поселяне кромѣ праздниковъ вовсе не употребляютъ, вѣроятно по неудобству въ употребленіи и приготовленіи.

Праздничная пища: рыбники изъ разныхъ рыбъ, загнутые въ ячменную или ржаную корку. Рыбниковъ для свадебъ или въ храмовые праздники напекаютъ отъ 30-ти до 60-ти, потому что народу приходитъ очень много въ продолженіе трехъ дней праздничныхъ; всѣхъ садятъ за столъ, кто бы ни зашелъ въ домъ.

Каша пшенная тоже составляетъ принадлежность праздниковъ.

Топтунъ, кашный блинъ, изъ житной крупы, облитый масломъ, принадлежность дѣвичьей праздничной ватаги.

Пироги на сочняхъ изъ ячменной крупы. Крупу для сего вымачиваютъ въ молокѣ, кладутъ масло, все это перемѣшиваютъ и размазываютъ на сочни, края которыхъ загибаютъ защипомъ; сочни для пироговъ дѣлаютъ продолговатые.

Калитки на сочняхъ—выливаютъ ячменное тѣсто, растворенное на дрожжахъ.

Мѣловашки—квашенныя на дрожжахъ каровашки изъ ячменной муки.

Бѣлый кисель изъ отрубей и мякины.

Пироги, печатанныя сочни, калитки, ломти хлѣба грудой кладутся на столѣ противъ каждаго человѣка. При обѣдахъ сперва подаютъ рыбники, тамтусовые, изъ мѣстной рыбы, язенковые, лещевые, потомъ изъ сытой рыбы. Послѣ рыбы подаютъ кашу, яичницу и топтунъ, передъ каждой перемѣной подаютъ водку рюмками или стаканами, и вслѣдъ за водкою пиво. Въ пищу не употребляютъ медвѣжины, зайца, козла, свинины; изъ птицъ—куръ, пѣтуховъ, журавлей, лебедей, куликовъ; изъ рыбъ—не имѣющихъ на себѣ плеску и во лбу крестообразной кости, но налимъ исключается изъ числа нечистыхъ рыбъ хотя онъ и не имѣетъ плески.

Въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ пища народа однообразна, изысканности въ столѣ нѣтъ. Ѣдятъ обыкновенно три раза въ день, при чемъ въ 8 часовъ утра обѣдаютъ, въ 7 или 8 вечера ужинаютъ.

Завтракъ состоитъ въ скоромный день или изъ крынки молока, или каши—поварихи (густо замѣшивается и варится ячная мука на водѣ) съ молокомъ и масломъ; а въ постный день изъ трески.

Обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески, или пикшуя, щей и молока.

Уха тресковая составляетъ первое блюдо въ будень и праздникъ. Щи приготовляются изъ крупы или муки ячной, сваренной на молокѣ или водѣ.

Постный столъ состоитъ изъ трески, крупянки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки) или рассола (испареной и толченой рѣпы), зажиточные же ѣдятъ картофель, ягоды, толокно.

Въ воскресные и праздничные дни каждая хозяйка стряпаетъ шанги изъ ячной муки, и приготовляетъ лишнее противъ будничнаго стола блюдо: печетъ палтусину, яичницу, варитъ какую либо кашу.

Говядину ѣдятъ рѣдко и мало, по непривычкѣ къ мясной пищѣ, и покупаютъ ее только къ народнымъ праздникамъ.

Пиво, вино и чай составляютъ необходимую принадлежность съѣзжихъ праздниковъ, а потому и богачъ, и бѣднякъ все это заготовляютъ на праздникъ въ изобиліи. И чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе требуютъ гости изысканности въ столѣ; бѣдно празднуетъ, когда за обѣдомъ и ужиномъ перемѣнъ по 7 блюдъ; на богатомъ обѣдѣ бываетъ перемѣнъ отъ 10 до 13-ти: треска, пироги, палтусій, семужій, холодное изъ рыбы, студень, щи, жаркое изъ говядины, рыбникъ, каша, блинный пирогъ, пожалуй яичница, сладкій пирогъ.

Не менѣе этого приготовятъ и въ постный праздникъ; за богачемъ тянется бѣднякъ, и часто тратитъ послѣднюю копѣйку, а иногда и кредитуется, только бы отпраздновать праздникъ «не хуже людей».

Кромѣ народныхъ праздниковъ пива не варятъ, и для питья въ праздникъ и будни употребляютъ изъ ячной муки, или ржаныхъ отрубей—квасъ. Зажиточные каждый день пьютъ чай.

У крестьянъ Лисестровскаго прихода употребляется ежедневная пища въ постные дни: хлѣбъ большею частію ячменный или житный, въ рѣдкость ржаной, похлебка изъ картофеля или изъ другихъ овощей, иногда уха изъ навагъ и сельдей и каша съ постнымъ масломъ; въ скоромные дни: треска въ скоромномъ маслѣ, похлебка изъ картофеля; въ праздничные дни: треска съ масломъ, уха изъ окуней или сорогъ, каша съ масломъ и палтусина, пироги, шанги и молоко, и изрѣдка мясо.

Питье: квасъ и вода; а въ праздники: пиво изъ ячменнаго солода и частію водка.

Пища Сумлянъ въ скоромные дни: а) соленая палтусина (жареная, вареная и въ пирогѣ); б) соленая и сухая треска; соленую поджариваютъ съ яйцомъ въ молокѣ, также употребляютъ въ пирогѣ и варятъ, а изъ сухой трески приготовляютъ щи, съ примѣсью овсяной крупы; в) коровье и оленье мясо, а также мясо дикихъ птицъ: утокъ, рябчиковъ, глухарей, тетеревей и другихъ; изъ мяса коровьяго и оленьяго приготовляютъ щи съ примѣсью небольшой доли крупы, а иногда и капусты; изъ мяса птицъ жаркое, а изъ коровьихъ ногъ — студень; г) варятъ на молокѣ кашу изъ пшена, гречихи, крупы: овсяной, манной и ячменной; чаще же приготовляютъ пшенную; д) варятъ и жарятъ въ маслѣ картофель. Въ праздники стряпаютъ изъ ячменнаго крупчатаго теста, съ подливою сверху растертымъ картофелемъ, пшеномъ, крупой съ примѣсью смѣтаны, шанги или растегаи. Послѣдніе отличаются отъ шанегъ тѣмъ, что имѣютъ продолговатую форму.

Изъ соленыхъ рыбъ, кромѣ упомянутыхъ выше, употребляются: голецъ, губатка и семга; а изъ свѣжихъ: палимы, щуки, окуни, сиги, ряпушка, ерши, наваги, сельди и камбалы (изъ всѣхъ поименованныхъ рыбъ болѣе варятъ уху и только изрѣдка въ праздники дѣлаютъ жаркое).

Въ посты и постные дни употребляютъ: а) горохъ, который варятъ съ половинною долею овсяной крупы; б) соленые волнухи и грузди; в) изъ ягодъ: морошку и бруснику, (первую ѣдятъ въ будни съ квасомъ а въ праздники съ медовымъ взваромъ); г) соленую и свѣжую рыбу; д) кашу по большей части пшенную съ постнымъ масломъ; е) изъ овощей: рѣпу, брюкву, рѣдьку и картофель съ масломъ. Изъ приправъ въ употребленіи: лукъ, хрѣнъ, горчица, перецъ, чеснокъ и уксусъ; послѣдній употребляется рѣдко, да и то зажиточными жителями. Изъ напитковъ въ употребленіи: чай, въ скоромное время со сливками, шаньгами или растегаями, или же съ булкою; въ постные дни съ лимономъ и безъ него. Кофе пьютъ только въ богатыхъ домахъ и то очень рѣдко; многіе же считаютъ его напиткомъ воспрещеннымъ. *)

Изъ хмѣльныхъ напитковъ въ употребленіи въ зажиточныхъ домахъ: ликеръ или по народному «литера» хересъ, различныя наливки **) какъ-то: кюмель, кіевская, малиновка, вишневка, преимущественно же употребляютъ ромъ; въ бѣдныхъ домахъ по большей части пьютъ горѣлку и развѣ изрѣдка, по какому нибудь болѣе радостному случаю, засѣдаютъ за бутылкою рома; пиво варятъ рѣдко и то плохое. Порядокъ наиболѣе соблюдаемый въ употребленіи кушанья слѣдующій: въ скоромные дни уха изъ навагъ и самая навага; треска зажаренная съ яйцомъ въ молокѣ или въ кулебякѣ; потомъ кулебяка съ зубашкою или съ палтусиною: далѣе (если есть) кулебяка съ семгою, потомъ каша съ масломъ (иногда подаютъ ее съ молокомъ) и наконецъ, если есть, морошка съ шаньгою или съ бѣлымъ хлѣбомъ, или же молоко съ шаньгою.

Въ постные дни подаютъ: а) волнухи ***) или грузди, б) горохъ, в) толокно, и г) морошка или брусника.

---

*) Говорятъ, что кофе выросъ изъ Іудовой утробы.

**) Наливки и вина вывозятся изъ Норвегіи, частію же покупаются изъ имѣющагося въ посадѣ погреба для продажи виноградныхъ винъ.

***) Иногда вмѣсто волнухъ ставятъ рыбу.

ГЛАВА V.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Общее описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, составленное П. А. Ивановымъ.—Свадьба въ селѣ Сурѣ, Бирючевской волости того же уѣзда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.—Три свадебныя причитанія: два изъ Пинежскаго уѣзда и одно изъ Шенкурскаго.—Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ, сообщенное К. Щабунинымъ.—Свадьба въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Дохтуровымъ.—Свадьба въ селѣ Кургоминскомъ, Шенкурскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Сысоевымъ.—Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, сообщенные свящ. Алексѣевымъ.—Свадьба въ селѣ Денгишахъ Холмогорскаго уѣзда, описанная свящ. Колчинымъ.—Свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго прихода, Шенкурскаго прихода. Свадьба на Зимнемъ Берегу Архангельскаго уѣзда, описанная свящ. Вл. Розановымъ.—Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.—Свадьба въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда.—Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги, записанные со словъ одной мѣщанки въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фриче.—Свадьба мѣщанъ города Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ.

Описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ у русскаго населенія въ Архангельской губерніи, доставлены были П. С. Ефименку изъ девяти мѣстностей, принадлежащихъ къ уѣздамъ: Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому, Онежскому, Архангельскому, а также изъ Сумскаго посада, городовъ Онеги и Мезени.

Начнемъ съ описанія свадебныхъ обрядовъ, существующихъ вообще въ Пинежскомъ уѣздѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.

Вступленіе въ супружество, говоритъ г. Ивановъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни сельчанина, составляетъ самые важные часы самаго лучшаго счастія, а бракъ сопровождается самыми затѣйливыми обрядами и никогда семейная жизнь не облекается такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты, особенно когда свадьба *ведется* у холостаго съ небывшей еще въ замужествѣ.

На свадьбѣ любятъ щегольнуть хлѣбосольствомъ, попойками, любятъ похвастать нарядами и не жалѣютъ ничего на раздолье. И потому затѣйливые и съ тѣмъ вмѣстѣ старинные обычаи и обряды очень занимательны; прослѣдить же за каждою особенностію—занятіе довольно сложное и не безъ затрудненій. А между тѣмъ патріархальные обряды, мало по малу измѣняются и изъ употребленія вытѣсняются новыми обычаями.

Сватовство идетъ чрезъ избраннаго женихомъ *свата*. Сватомъ бываетъ или родственникъ жениха, а иногда и невѣсты, или же *бывалый* сосѣдъ, т. е. бывавшій не одинъ разъ сватомъ. Вообще дѣлается: какъ бы ловчѣе, какъ бы сподручнѣе удалось *сватовство*.

Сватъ первоначально призывается въ домъ жениха, здѣсь происходитъ совѣщаніе родителей жениха со сватомъ, и родители благословляютъ сына на женитьбу, сватъ же подчуетъ водкой. Затѣмъ сватъ отправляется въ домъ родителей невѣсты, обыкновенно молится по приходѣ Богу и поздоровавшись съ домашними, остается у порога, не проходя далѣе *воронца*, пока невѣстины родители не пригласятъ его *присѣсть*, говоря, что въ *ногахъ правды нѣтъ*.—Такъ да сякъ въ разговорахъ сватъ объясняетъ причину своего прихода. Вскорѣ является на столъ угощеніе, и сватъ, подъ вліяніемъ постояннаго *потчиванія* попойкою, изливаетъ все свое краснорѣчіе о лучшихъ достоинствахъ жениха, съ прибауткою: *давай—по рукамъ, да и въ баню*.

Разумѣется, за согласіемъ не стоитъ дѣло. Родители уже знаютъ, что дѣвка ненадежный товаръ, залежится съ цѣны спадетъ, а парни по деревнямъ всѣ равны, одинъ не лучше другаго, всѣ на одну колодку дѣланы,—а также и пословицы: *суженаго конемъ не объѣдешь, или суженый уродъ будетъ у воротъ*. Но ужь это таково обыкновеніе, положительнымъ *да* или *нѣтъ* бываетъ всегда неопредѣленная отсрочка, чтобы не оскорбить сватающихъ скорымъ отказомъ, а скорымъ согласіемъ не ввести себя подъ сомнѣніе.

Поблагодаривъ по приличію свата за *необходъ ихъ дочи* (дочери), сватъ уходитъ отъ невѣстиныхъ родителей съ извѣстіемъ къ жениху.

Послѣ этого женихъ и родители его остаются въ ожиданіи результата *сватовства съ невѣстиной стороны*.

Впродолженіе всего времени, взятаго на *отсрочку*, родители невѣсты обдумываютъ, нѣтъ-ли какихъ препятствій съ своей стороны къ выдачѣ въ замужство дочери, узнаютъ мнѣнія о свадьбѣ своихъ родственниковъ и вообще—*обсуждаютъ къ лучшему*.

Достоинства жениха въ расчетъ принимаются по слѣдующимъ условіямъ: богаты, или бѣдны родители его, соображаясь съ своимъ достояніемъ,—каковъ домъ и хозяйство,—мала или велика *семья* у жениха,—рабочъ или лѣнивъ женихъ,—*пьющъ* или воздержный отъ излишества, а также: старъ или молодъ, здоровъ или хилъ, красивъ или уродъ, каковъ *характеромъ* (поступками) въ трезвомъ видѣ и *во всячасно*, уменъ (смѣтливъ, благоразуменъ и трудолюбивъ) или дуракъ (глупъ, вѣтреный и идіотъ).

Собравъ всѣ свѣдѣнія и сообразившись съ своею возможностію, родители невѣсты извѣщаютъ жениха о днѣ, въ который онъ можетъ узнать *вѣрное:* отказъ (несогласіе), или приказъ (согласіе), тотъ день называется *пропоемъ*, *рукобитьемъ и зарученьемъ*, а согласиться на выдачу въ замужство—значитъ *пропить, просандалить* и просватать дѣвку.

Въ назначенный день *рукобитья* у невѣсты собираются ближайшіе родственники. Они и отецъ невѣсты отсюда отправляются къ жениху.

Если отъ родителей невѣсты объявленъ присутствующимъ *приказъ*, до обѣда или послѣ него, въ домѣ жениха начинается *пропиванье*. Тогда до такой степени напиваются спиртныхъ напитковъ, что бывали случаи, что изъ честныхъ гостей отправлялись скоропостижно на тотъ свѣтъ и именно пьютъ такими стаканами, что въ каждый входитъ $5'_{100}$ ведра, или прямо *изъ братынь*.

Отъ жениха онъ, отецъ его, сватья и пріѣзжіе гости ѣдутъ въ домъ невѣсты на *смотрины*.

Родители невѣсты, зная что пріѣздъ будетъ, принимаютъ *честныхъ* гостей съ доступными почестями, выходятъ къ крыльцу навстрѣчу, низко кланяются въ поясъ, садятъ перекрестившихся гостей на почетныхъ мѣстахъ за столъ.

Между этимъ церемоніаломъ передъ образами зажигаются свѣчи, тогда всѣ встаютъ съ мѣстъ *кланяются въ землю* и сватъ съ отцомъ невѣсты, перекрестившись схватываются правыми руками, т. е. *бьютъ по рукамъ*. При этомъ, сватъ захватываетъ полу, или рукавъ своего кафтана или сибирки, а мать невѣсты или другіе родственники *разнимаютъ руки ихъ* Иногда на рукобитьѣ бываетъ священникъ съ крестомъ. Послѣ рукобитья краткій уговоръ заключается на словахъ. Условія объясняются на словахъ, никогда на письмѣ.

Послѣ *зарученья* всѣ садятся за накрытый и заблаговременно приготовленный столъ, указывающій на гостепріимство хозяина. Первое мѣсто за столомъ занимаетъ *священникъ*, потомъ жениховъ отецъ, женихъ, сватъ и прочіе родственники по старшинству. Тутъ идетъ угощенье, женихъ беретъ подносъ и *подноситъ вино* будущимъ тестю, тещѣ и невѣстѣ, при чемъ послѣдней *даритъ кольцо* и приноситъ подарки въ гостинцахъ [*]). Затѣмъ онъ *чествуетъ*, (подчуетъ, продолжаетъ подносить водку) всѣхъ родственниковъ и родственницъ, сперва невѣстиныхъ, а потомъ своихъ.

При зарученіи невѣста выноситъ на подносѣ *дары*, т. е. шелковыя или бумажныя перчатки, смотря по состоянію. Сперва подноситъ священнику, потомъ жениху и свату. Надо не забыть, что сватa въ сватовствѣ замѣняетъ ловкая баба-*сватья*

Когда все то исполнится, усаживаются снова за столъ —тогда-то и идетъ свадебный столъ.

Свадебный сговоръ—есть окончательное согласіе на вступленіе въ брачный союзъ, уговоръ *о днѣ вѣнчанія*, сроки которому бываютъ различные, и прочихъ свадебныхъ кондиціяхъ: *приданомъ*, *даражѣ*, расходахъ и проч. Но въ виду моемъ бывали случаи, что все сватовство и свадьба продолжались четыре или семь дней.

Приданое бываетъ отъ невѣсты жениху, оно важное условіе въ свадьбѣ. Въ приданое поступаютъ: постель, платья, домашняя утварь, украшенія, деньги и иногда недвижимое имущество. Пословица: *денежка на столъ, такъ и дѣвушка за столъ*.

Какъ скоро дѣвушка бываетъ просватана, на нее накрывается *фата*. Съ тѣхъ поръ она не занимается почти никакою домашнею работою и никуда не выходитъ изъ дому,—ни въ гости, ни на игрища, ни въ церковь, хотя-бы свадьба отложена на довольно продолжительное время.

Съ зарученья съ обѣихъ сторонъ начинаются приготовленія къ свадьбѣ: варится пиво, закупается водка, *покупки* (все нужное), *дары* и проч.

Въ то же время *снаряжаются свадебные чины:*

1). *Священникъ*, который будетъ совершать таинство брака. Къ нему ходитъ женихъ, или отецъ его, объявляетъ о свадьбѣ, условливается о днѣ бракосочетанія и проситъ быть на свадьбѣ.

2). *Благословенный отецъ*. Имъ бываетъ родной отецъ жениховъ, а если нѣтъ въ живыхъ, то:

3). *Посаженымъ отцомъ* бываетъ крестный отецъ, (т. е. воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

*) Водку женихъ привозитъ самимъ купленную.

4). *Тысяцкій*. Имъ бываетъ болѣе крестный жениха (воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

5). *Благословенная мать*—есть родная мать невѣсты, но если ея не имѣется въ живыхъ, то:

6). *Посаженою благословенною матерью* бываетъ божатка невѣсты (крестная мать ея).

7). *Сватъ*, или *сватья* жениховы, они уже выбраны.

8). *Подвѣнечная сватья* жениха избирается невѣстою изъ ближайшихъ родственницъ. Сватья эта бываетъ при невѣстѣ.

9). *Запостельная сватья*—это постельная проводница со стороны невѣсты.

10). *Дружки* или *повозники*—шафера.—Ихъ бываетъ два, по одному съ каждой стороны. Они избираются изъ щеголеватыхъ холостыхъ родственниковъ, или же знакомыхъ. На рукавахъ ихъ кафтановъ, или сибирокъ привязываются или пришиваются *банты*, т. е. розовыя ленточки. Старшій изъ дружекъ бываетъ съ жениховой стороны,—у него перевязывается правый рукавъ. У младшаго же, съ невѣстиной стороны, лента бываетъ на лѣвомъ рукавѣ.

11). *Проводники*.—Со стороны жениха. Это родственники и друзья его, которые провожаютъ съ нимъ холостую жизнь и провожаютъ свадьбу къ вѣнцу.

12). *Поѣзжане*. Это мужчины, родственники и знакомые съ невѣстиной стороны, участвующіе въ свадьбѣ. Поѣзжане—родители и подруги невѣсты, которые ѣздятъ осматривать житье-бытье жениха.

13). *Праворучницы* и *лѣворучницы*. Ими бываютъ дѣвушки, приглашенныя невѣстою провести послѣдніе дни ея дѣвственности, съ которыми она въ дѣвичествѣ водила дружбу и знакомство. Праворучницы сидятъ въ комнатахъ невѣсты по правую руку ея, потому что были *хорошія подружки*, а лѣворучницы по лѣвую руку, потому что были такъ *себѣ, по середкѣ*.

14). *Плачеи*.—Это женщины, знающія всѣ свадебныя пѣсни и хорошо поющія ихъ; онѣ еще называются *пѣвуліи*. Ихъ приглашаютъ нарочно, а другія сами приходятъ безъ зова. За труды имъ *даютъ деньги и десертъ*.

15). *Вѣжливый*, или *кальтникъ*, колдунъ *). Обязанность охранять *свадьбу отъ порчи*. Онъ осматриваетъ всѣ углы дома, пороги, пересчитываетъ камни въ печи, кладетъ замокъ подъ порогъ, дуетъ на скатерть, одуваетъ, оговариваетъ, отвѣдываетъ каждое кушанье, читаетъ наговоры, нашептываетъ разныя слова въ одежду, дѣлаетъ привѣски къ крестамъ новобрачныхъ, нашептываетъ надъ сбруею лошадей при повозѣ свадьбы (чтобы разрушить чары другаго колдуна). Все это дѣлается для благополучія свадьбы, чего нельзя достигнуть обойдя колдуна: или лошади станутъ (остановятся и не побѣжатъ), либо распрягутся, либо поѣздъ свѣту не увидитъ, либо лошади начнутъ рваться, замѣтать снѣгомъ, или лѣтомъ—пылью, либо колеса съ телѣги спадутъ.

и 16). *Позаряне*. Это посторонніе люди, зрители и приходящіе послѣ вѣнца въ жениховъ домъ понить вина и пива.

Между тѣмъ, подруги въ невѣстиномъ домѣ *нашиваютъ то и се* въ приданое, а по приближеніи дня вѣнчанія, домашнія женщины приготовляютъ во множествѣ пищу.

Если бы во время приготовленій полученъ былъ отказъ съ которой либо стороны (а это иногда случается и даже по уважительнымъ причинамъ), то обиженная (получившая отказъ) сторона требуетъ убытки свои. Такой отказъ сверхъ *причиненія убытковъ считается личною обидою;* но такъ какъ у поселянъ нѣтъ гордости и нѣтъ амбиціи, то обида забывается миромъ по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ.

Браку предшествуетъ *дѣвичникъ*, или какъ еще называютъ: *обручанье*, *смотрины*, *подсвадебье*.

Канунъ этого дня родители и подруги невѣсты ѣздятъ въ домъ жениха по обычаю посмотрѣть его *житье-бытье*. Женихъ встрѣчаетъ *пріѣзжанъ* съ почетомъ и подчуетъ водкою и десертомъ.

Передъ этимъ къ жениху приходятъ изъ своей деревни женщины мыть избу, женихъ угощаетъ *ихъ виномъ*.

Въ этотъ же день невѣста съ подругами, если у ней умерли родители, *ѣздитъ къ ихъ могиламъ*. На нихъ она плачетъ и проситъ позволенія умершихъ родителей на выходъ въ замужество.

Съ кладбища они ѣдутъ къ *невѣстинымъ родственникамъ*. Здѣсь невѣсту и ея свата подчуютъ разными лакомствами, а невѣста во время пѣсенъ рыдаетъ и обвивается руками за шею попеременно каждаго находящагося въ тѣхъ домахъ, куда пріѣзжаютъ они. Всякій, кого *обойметъ* невѣста, долженъ дать ей сколько нибудь денегъ (отъ 3 до 50 коп.).

Когда такъ объѣздятъ всѣхъ родственниковъ (разумѣется только близко-живущихъ) невѣсту привозятъ домой и оставляютъ ее тамъ. Подруги же и другія женщины—*пѣвули* усаживаются на нѣсколько саней, или телѣгъ и тихо ѣздятъ на лошадяхъ по улицамъ съ пѣснями; такая поѣздка бываетъ по-вечеру. Кромѣ того *отпѣвальныя пѣсни* поются произвольно всякою женщиною въ своемъ домѣ во всякое время. Вечеромъ этого дня женихъ и невѣста моются въ баняхъ.

Въ дѣвичникъ, находящіяся у невѣсты подруги-дѣвушки пришиливаютъ *повозникамъ банты* (знакъ), при этомъ дѣвушки дружекъ пожалываютъ булавками и игол-

*) Не вездѣ, да вообще и рѣдко его видалъ, на нѣкоторыхъ только свадьбахъ.

ками, а чтобы онѣ не кололи болѣе, *откупаются отъ нихъ*, т. е. даютъ имъ гостинцу.

Послѣ этого дружки уѣзжаютъ на лошадяхъ *зазывать* (приглашать *на свадьбу*) извѣстныхъ родныхъ и знакомыхъ.

Съ утра того дня, въ который положено быть подсвадебью, начинаютъ собираться въ домъ жениха всѣ его родственники и знакомые. Когда всѣ *званые* соберутся и придетъ священникъ то всѣ усаживаются за приготовленный уже столъ; но это дѣлаютъ только для виду. Потомъ всѣ вскорѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и женихъ всѣмъ кланяется и подноситъ въ *стаканахъ* вино.

Послѣ сего священникъ ограждаетъ жениха крестомъ и у иконъ затепляется лампада и зажигаются свѣчи.— Потомъ *отецъ благословляетъ жениха иконою, а мать хлѣбомъ-солью*. Затѣмъ всѣ поѣзжане-проводники и свадебные чины усаживаются въ нѣсколько саней, или телѣгъ, запряженныхъ въ пары лошадей, къ дугамъ привязываются по нѣскольку на каждую *малиновыхъ колокольчиковъ*, бубенчиковъ, шаркуновъ и позвонковъ.

Весь поѣздъ по вечеру *идетъ къ невѣстѣ*.

Въ домѣ невѣсты въ *подсвадебье*, или въ *большія смотрины*, т. е. наканунѣ свадьбы, также собираются ея родственники, непремѣнные члены свадьбы, знакомыя подруги и посторонніе. Любопытнаго народу вообще стекается *подъ свадьбу* множество и отъ того бываетъ тутъ чистый гвалтъ: говоръ, смѣхъ, шумъ, пѣсни, тѣснота и давка. Если *свадьба справляется* зимою, то въ особой комнатѣ, или же въ особомъ домѣ, собирается *вечеринка*, если же свадьба бываетъ лѣтомъ, то мужчины и женщины играютъ въ *разныя игры* въ сѣняхъ, на повѣти, т. е. на улицѣ.

Столъ и всѣ обычныя церемоніи ведутся въ большой, просторной избѣ, невѣста же находится въ особой комнатѣ.

Къ пріѣзду жениха на *свадебный столъ* разстилаютъ *браную скатерть*, на нижній (не въ переднемъ углу конецъ) стола кладутъ одинъ, на другой два ржаные хлѣба, особо испеченные про свадьбу и называемые *столовиками*. На другой конецъ впослѣдствіи кладутся свадебные *пряники*—подарки невѣстѣ отъ жениховыхъ гостей.

Какъ скоро въ домѣ невѣсты услышится звукъ колокольчиковъ женихова поѣзда, немедленно и крѣпко на нѣсколько запоровъ, затворяются ворота въ домѣ и ставни у оконъ. Пріѣхавшій къ дому жениховъ съ товарищами *сильно стучится* въ ворота, но въ домѣ никто не отворяетъ воротъ нарочно, будтобы не слышатъ стуку. Потомъ жениховы проводники берутъ *стягъ* (оглоблю, или подобный ей стягъ), и имъ колотятъ во всю мочь объ уголъ дома, близъ запертыхъ ставнями оконъ. Наконецъ ворота отворяются, и родители невѣсты съ родственниками и гостями встрѣчаютъ жениха и его родню въ сѣняхъ съ нѣсколькими зажженными свѣчами. Женихъ выходитъ изъ повозки, оправляетъ свое платье и волосы и крестясь входитъ въ сборную комнату, зрители отступаютъ, дѣлаютъ для *дорогихъ гостей* свободный ходъ и пѣвули затягиваютъ хоромъ заученныя пѣсни. За женихомъ входятъ и прочіе пріѣхавшіе и всѣ усаживаются за *убранный столъ*. Тогда будущій тесть подаетъ всѣмъ пріѣзжимъ и пришедшимъ съ подноса пиво, а женихъ, стоя за столомъ, при каждомъ подносѣ постоянно кланяется.

Между тѣмъ невѣста умывается и одѣвается въ лучшее платье. Когда нарядъ невѣсты бываетъ оконченъ, тогда она, покрытая фатой (шелковою шалью) *выводится* отцомъ, матерью и сватьею въ избу, гдѣ находится женихъ; *переходя черезъ порогъ*, невѣста крестится. *Всѣ четверо становятся* на средину избы, молятся Богу и невѣста съ сватьею вдругъ низко раскланиваются на всѣ четыре стороны, гости же, сидящіе за столомъ, не сходя съ своихъ мѣстъ встаютъ, — значитъ — привѣтствуютъ.

Вскорѣ женихъ выходитъ изъ-за-стола и становится рядомъ по правую руку съ невѣстою, которой даютъ подносъ съ *рюмками, наполненными виномъ*. Она беретъ его и водкой подчуетъ жениха, тысяцкаго, своихъ и жениховыхъ родителей и каждаго, находящагося за столомъ. На подносъ нѣкоторые кладутъ деньги, и женихъ даритъ невѣстѣ башмаки.

Въ это время *приплакиваютъ* т. е. поютъ *плачеи* (пѣсенницы) жалобныя пѣсни, въ которыхъ высказывается будущая участь невѣсты, тоска разлуки съ родителями и подругами, неизвѣстная будущность и проч. Плачеямъ тогда дружки даютъ деньги и на подносѣ разныя пряности. Когда невѣста окончитъ свое *чествованіе*, такимъ же образомъ начинаютъ подносить вино жениха, но не въ рюмкахъ, а въ стаканахъ всѣмъ родственникамъ. Во все это время невѣста кланяется въ поясъ.

По окончаніи женихомъ подчиванья невѣста со сватьею уходитъ къ проводницамъ въ свою комнату, за ней идутъ плачеи. Женихъ же и всѣ гости садятся снова за столъ и начинаютъ кушать. Но какъ во время смотринъ жениха не гостятъ долго за столомъ невѣсты, то всѣ вскорѣ расходятся изъ дома невѣсты. Передъ тѣмъ подчуютъ пивомъ всѣхъ, кто пришелъ посмотрѣть на подсвадебье.

Между тѣмъ собравшіяся въ особой комнатѣ, куда пошла невѣста, дѣвицы садятся за столъ, *набранный* единственно для нихъ, а невѣста подчуетъ праворучницъ и лѣворучницъ изъ братыни пивомъ. Здѣсь дѣвушки причитаютъ припѣвамъ.

Дѣвичникъ со всѣми обыкновеніями оканчивается передъ самымъ утромъ.

Какъ вѣнчаніе болѣе происходитъ до полдня, то и женихъ на другой день дѣвичника *пріѣзжаетъ* за невѣстою по утру не поздно. Онъ одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее и нарядное новое платье.

Замѣтивъ подъѣздъ жениха, невѣста уходитъ изъ той комнаты, гдѣ накрытъ столъ для жениха.

Женихъ входитъ въ домъ невѣсты обыкновенно послѣ тысяцкаго, который съ собою приноситъ икону, и всѣ гости садятся за столъ.

Невѣста же въ ту пору умывается и одѣвается къ вѣнцу въ наилучшее платье, при чемъ навѣшиваетъ какъ можно болѣе украшеній. При готовности же ея вводятъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ женихъ.

При видѣ этого, женихъ выходитъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ за столъ; затѣмъ женихъ и невѣста садятся рядомъ, а гости: мужчины на сторонѣ жениха, выше къ переднему углу, а женщины на сторонѣ невѣсты ниже. За столомъ пьютъ пиво. Во время этого стола невѣста даритъ повозниковъ платками. За столомъ при пѣсняхъ (напр. „*чтобъ тебя сватушка повытрясло*“) женихъ и невѣста постоянно кланяются. Невѣста подъ фатой плачетъ, таково уже обыкновеніе, а если нѣтъ охоты плакать, то нѣкоторыя намазываютъ вѣки глазъ чесноковкой лука, чтобы лились слезы.

За столомъ женихъ и невѣста, передъ окончаніемъ обыиновеній предъ вѣнцомъ, встаютъ и выходятъ изъ-за стола на середину избы. Тогда *отецъ* беретъ съ божницы образъ, а мать со стола хлѣбъ, ими благословляютъ *зарученныхъ*, приговаривая со слезами жалости: «дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь»,

Послѣ этого женихъ и невѣста съ провожанами отправляются въ церковь. Тогда же въ домъ жениха увозится банникъ, т. е. хлѣбъ, соль и жареная пища, запитые въ чистую полотняную скатерть.

На самыхъ простыхъ свадьбахъ, брачущіе не ходятъ пѣшкомъ ни въ церковь, ни изъ церкви, а всегда ѣздятъ на лошадяхъ, а большею частію на парахъ. Лошадей подъ жениха и невѣсту ѣхать къ вѣнцу поставляютъ родители послѣдней.

Впереди всей церемоніальной процессіи, составляющейся изъ огромнаго поѣзда обрученныхъ и деревенской родни, съ множествомъ гудящихъ подъ дугами, на оглобляхъ и на шеяхъ лошадей колокольчиковъ, шаркуновъ, бубенчиковъ, позвонковъ—ѣдутъ въ саняхъ, телѣгахъ, или верхомъ на лошадяхъ повозщики съ отпущенными на рукавахъ лентами. Они бросаютъ попадающимся на пути людямъ: витушки, калачи, закуски и пряники, вѣроятно для благополучнаго доставленія поѣзда.

Вслѣдъ за дружками ѣдутъ *безъ шапокъ* *) женихъ и тысяцкій съ иконой, которую онъ держитъ въ рукахъ съ платкомъ; далѣе закрытая фатой невѣста съ *подвѣнечною сватьею*, которыя весь путь до церкви кланяются; а за ними ѣдутъ всѣ остальные участвующіе въ свадьбѣ. Въ поѣздѣ замѣчаютъ, что если на пути ѣдущимъ женіху и невѣстѣ встрѣтится идущій возъ съ дровами—*нельзя ожидать счастія* въ жизни *новобрачныхъ*.

Когда женихъ и невѣста уѣзжаютъ въ церковь, тогда въ домъ жениха увозятся сундуки съ приданымъ и постель. Съ кладью этою отправляется *запостельная сватья* *).

По пріѣздѣ въ церковь женихъ и невѣста становятся на паперти. Если поѣздъ прибылъ въ церковь не во время службы, то тысяцкій ходитъ съ просьбою къ священнику въ домъ.

Въ паперти сватья расплетаетъ косу и обвязываетъ распущенные волосы лентою.

За написаніе обыска священноцерковнослужителями *раздѣлываются дружки*.

Расходъ за зажженіе свѣчей въ висячемъ паникадилѣ и вообще подобные расходы несетъ тысяцкій. Потому-то въ званіе это избираются такіе, „чтобы они въ состояніи были исполнить всѣ требованія, *не подгадили* свадьбы.

Невѣста и въ церкви бываетъ закрыта до обрученія *союзными кольцами*.

Послѣ этого женихъ и раскрытая уже невѣста уводятся въ церковный предѣлъ. Женихъ становится на срединѣ противъ царскихъ вратъ по *правую руку* и съ нимъ тысяцкій, а невѣста съ сватьею по лѣвую руку. Жениху и невѣстѣ неприлично говорить во все время священнаго обряда, кромѣ того, какъ спрашиваетъ священникъ. Когда вѣнчаютъ, подъ ноги жениха и невѣсты по полу въ церкви постилаютъ или ситецъ, или *простой холстъ*. Постилка эта поступаетъ въ пользу церковныхъ служителей. День свадьбы и вѣнчаніе, т. е. бракосочетаніе называется *вѣнцомъ*.

Таинство брака одинаково исполняется, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Когда обручающимся налагаютъ вѣнцы, въ ту самую пору приглашенныя со стороны невѣсты *проводницами дѣвушки* поспѣшно уходятъ изъ церкви, будто боясь, чтобъ имъ на головы не наложили брачныхъ вѣнцовъ. Изъ церкви эти дѣвушки уѣзжаютъ въ домъ родителей невѣсты и тамъ угощаются на ихъ счетъ. Потомъ, покатавшись не долго на лошадяхъ по улицамъ, разъѣзжаются по своимъ домамъ.

Замѣчаютъ, что если при бракосочетаніи что нибудь упадетъ—образъ-ли, свѣча-ли, а наипаче кольцо, вѣнецъ и прочее, то обручающіеся жить будутъ нехорошо **).

Свѣчи, которыя во время брака держатъ въ рукахъ женихъ, невѣста, тысяцкій и сватья, по потушеніи огня,

*) Шапка у жениха бываетъ „богатая“ съ высокимъ верхомъ и широкимъ околышемъ, выше и шире чѣмъ у обыкновенно носимой Если не бываетъ своей, занимаютъ у другихъ.

*) Приданое заготовляется еще ранѣе сватовства, а послѣ его только пополняютъ.

**) 36 прим. Силивер. въ Арх. Губ. Вѣд. № 44—1865 г.

не оставляются въ пользу церкви, а молодые увозятъ съ собою; онѣ сохраняются дотолѣ, пока который либо изъ *бракосочетавшихся* не умретъ, тогда и онѣ ломаются. Кромѣ того замѣчаютъ, что у кого изъ *брачущихся* во время вѣнчанія сгоритъ свѣчи болѣе чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ въ супружествѣ.

Послѣ совершенія церковнаго чиноположенія духовнаго брака, молодые тутъ же въ церкви соединяются поцѣлуемъ. Цѣлуются съ новобрачными и другіе. Тутъ поздравляютъ ихъ съ *законнымъ* бракомъ.

Такъ какъ съ замужествомъ волосы скрываются у женщинъ, то послѣ бракосочетанія невѣсту *крутятъ* на паперти, т. е. сватья (ее называютъ крутельщицей) заплетаетъ изъ волосъ ея двѣ косы и на голову надѣваетъ повойникъ.

Когда кончится таинство брака, *дружки ѣзжаютъ* въ домъ жениха, чтобы извѣстить его родителей, что *молодые обвѣнчаны* счастливо. Тогда въ домѣ жениха начинаются приготовленія.

Новобрачные называются *молодымъ и молодою*; также *княземъ и княгинею*, а въ пѣсняхъ первый величается *царевымъ* сыномъ, послѣдняя же *царевною*. Послѣ свадьбы вышедшую въ замужство зовутъ *молодицею*.

Изъ церкви молодая выходитъ вмѣстѣ съ молодымъ, закрытая шалью. Оба они безпрестанно кланяются. По пріѣздѣ отъ вѣнца въ женіховъ домъ, отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ. Ими они благословляютъ молодыхъ.

Когда домашніе жениха живутъ зажиточно, то по обычаю, при входѣ молодыхъ въ женіховъ домъ, разсыпаютъ по полу *жито, чтобы богато жили*.

Молодые и съ ними всѣ по пріѣздѣ входятъ въ избу и садятся за *княжій столъ*. Молодымъ на столѣ кладутъ *банникъ*, отправленный съ *свадебнаго стола*.

Вскорѣ невѣсту изъ-за стола уводятъ въ другую комнату *окручать*. Въ то же время запостельная сваха представляетъ доставленное ею *приданое*. Она сидитъ на всемъ приданомъ и не отдаетъ его, покуда не дадутъ ей *выкупа* по обычаю: водки, пива, пироговъ и проч.

Между тѣмъ молодая умывается, расчесываетъ волосы, переодѣваетъ другое платье, а на голову надѣваетъ *сборникъ*, накрывшись *фатою*, приходитъ обратно и садится рядомъ съ молодымъ.

Столъ бываетъ — какъ говорится — *полнымъ полнешенекъ*. Къ столу *тещи женихи* привозитъ отъ себя *блины*. Они составляютъ послѣднее кушанье. Ложки раздаются хозяйкою дома изъ чашки.

На торжество въ *женіховъ домъ* съѣзжаются почти рѣшительно всѣ родственники съ обѣихъ сторонъ; а уже извѣстно сколь велика родня у русскаго бываетъ! тутъ бываютъ и другіе приглашенные.

За большимъ этимъ столомъ пьютъ, ѣдятъ кому сколько хочется. Онъ продолжается необыкновенно долго.

Во время обѣда *молодая* со сватьею выходитъ изъза стола и на подносѣ подноситъ каждому сидящему за столомъ по *одному стакану пива*. Есть при этомъ отчасти обыновеніе, что выкушавшій пиво долженъ опустить въ опорожненный стаканъ *серебряную* или *мѣдную* монету.

Во время-же стола молодая подноситъ *свадебникамъ* изъ ближайшихъ жениха родственниковъ *дары*. Даровъ бываетъ довольно много, смотря по зажиточности невѣстиныхъ родителей. Они суть: *скройки съ подкладью* (верхъ или маликъ сборника и изнанки), сшитыя, или только скроенныя холщевыя рубахи, подштанники, платки, полотенца, матерію на жилеты, ситцы и холстъ на рубашки, платья и сарафаны, ленты и проч. Отцу жениха подносится чаще рубаха и подштанники, а матери его лучшій скроекъ женская рубаха.

Молодаго молодая даритъ въ послѣднихъ лучшимъ *платкомъ*. Его она кладетъ на подносимый стаканъ съ пивомъ, которое молодой выпиваетъ, а усы и ротъ утираетъ платкомъ.

По окончаніи стола, или впослѣдствіи времени, *отдариваютъ молодую* иногда вдвое дороже полученнаго.

Между тѣмъ на *богатой свадьбѣ* дожидающимся на улицѣ *зазорянамъ* выносятъ на улицу бочку пива и вино. Пиво пьютъ ковшомъ, а вино оловянниками.

За столомъ княжимъ молодые не ѣдятъ ничего кромѣ *каши*. Долго чаша съ кашей, приготовленная собственно для молодыхъ, стоитъ, испуская вкусный запахъ подъ носы ихъ, долго и молодые церемонятся надъ нею то и дѣло кланяясь, когда другіе пьютъ, ѣдятъ. Вотъ уже одну или двѣ чашки съ кашей и братыню пива, съ накладенными пирогами и шаньгами вынесли народу на улицу,—у нихъ все съѣдено и выпито, а чашки разбиты объ уголъ. Наконецъ молодой беретъ ложку съ кашей и схлебываетъ; потомъ онъ береть на ложку опять кашу и *подноситъ къ губамъ молодой*, уже раскрывшейся. Въ ту самую пору сватья накидываетъ молодой платокъ, подъ которымъ молодая *съѣдаетъ кашу*, какъ бы стыдясь ѣсть на виду, и снова раскрывается.

Потѣшно, что въ кашѣ, подаваемой въ чашкѣ молодымъ, дѣлается на срединѣ ложкою нѣкоторое углубленіе, полное налитаго масла; вотъ изъ него-то беретъ кашу молодой, самъ ѣстъ и молодой подноситъ.

Послѣ каши пѣсенницами поется обыкновенная застольная пѣсня. Живо, какъ тропоютъ въ пѣсни стихъ: «теперь-то столъ присталъ, молода спать захотѣла,» молодые ускользаютъ изъ-за стола и уходятъ въ особое отдѣленіе для отдыха. Гости же, пожелавъ въ догонку молодымъ: *въ первую ночь сына да дочь*, доканчиваютъ обѣдъ и пьютъ пиво, а потомъ расходятся.

Дружки и женки невдолгѣ опять приходятъ къ молодымъ.

Послѣ большаго стола молодымъ *становится* особый столъ въ отдѣльной комнатѣ, тогда они кушаютъ во весь свой аппетитъ.

Между тѣмъ сватья приготовляетъ брачное ложе. Его составляютъ перина на кровати, простыня, одѣяло и подушки. Еще, говорятъ, подъ постель кладутъ ухватъ и кочергу—это для *сбереженія отъ притчи*, у нѣкоторыхъ вмѣсто одной постели на кровать кладется двѣ: одна невѣстина подъ низомъ, другая женихова наверху.

Когда закуска кончена и *мѣсто* *) приготовлено, молодыхъ оставляютъ однихъ. Здѣсь есть обычай, состоящій въ томъ, что жена въ знакъ покорности *должна разуть* мужа, т. е. снять съ него его сапоги. Иногда въ правый сапогъ молодой кладетъ немного денегъ.

Такъ же есть обычай сохранять закровавленную сорочку новобрачной.

Но не долго продолжается отдыхъ молодыхъ. Бабы пѣсенницы подходятъ къ стѣнѣ отдохновенія и кричатъ, или по туземному охаютъ. Подходятъ такъ дважды.

Первый разъ *женихъ и невѣста* посылаютъ чрезъ дружекъ бабамъ калачи, а во второй разъ сами выносятъ изъ особой комнаты *охальницамъ* вино, пиво и закусону.

Послѣ этого у молодыхъ уже пріемы простые, домашніе.

По существующему обычаю послѣ бракосочетанія молодые не выходятъ на улицу *три* дня.

Въ послѣдующіе дни не бываетъ патріархальныхъ обрядовъ, прежде соблюдаемыхъ многими нѣкоторыхъ обыкновеній, остатковъ древнихъ обычаевъ.

Такъ:

1). Перваго явившагося поутру другаго дня послѣ вѣнца дружку и отца невѣсты *сватья марает*ъ (пачкаетъ) печною сажею.

2). Въ тотъ день приготовляется особая *колюбака*. Если невѣста оказалась цѣломудренною, то пирогъ бываетъ наполненъ рыбою. Но если она не сохранила до сватьбы дѣвственности, то колюбака та печется съ пустымъ въ тѣстѣ мѣстомъ, въ которомъ должна быть запечена рыба. Колюбака отсылается въ тотъ же день къ родителямъ невѣсты. По полученіи ея они или радуются, или плачутъ. Грустный случай относится, въ особенности къ матери, очень не хорошимъ отказомъ, потому что она не могла свое дитя сберечь отъ постыдства.

3). Это объясняется еще провѣрчиваніемъ дыры въ оловянномъ стаканѣ, въ которомъ подаютъ родителямъ невѣсты пиво.

*) Такъ называется въ Архангельской губерніи всякаго рода постель.

4). На другой день послѣ обвѣнчанія дружки посылаются топить баню для молодыхъ. Это дѣлается нарочно ради шутки. Дружки набираютъ сколько можно больше *голиковъ*, т. е. негодныхъ вѣниковъ и метелъ и съ ними уходятъ въ баню, будто бы затоплять. Лишь только дружки войдутъ въ баню, всѣ женщины выбѣгаютъ отъ молодыхъ и затворяютъ крѣпко двери такъ, что шафера не могутъ выйдти. Тогда дружки *женщинамъ даютъ выкупъ*, т. е. угощаютъ ихъ орѣхами, закусками, пряниками, калачами и др.

5). Шутка повторяется и съ молодыми. Увѣря ихъ, что баня готова, дружки затискиваютъ въ сѣни скамью и на нее сажаютъ молодаго. Багажъ уже подвигается, но молодые откупаются подарками *дружкамъ платковъ*.

6). Тогда же въ домѣ молодаго дружки нарочно разсыпаютъ на полъ птичье перо и пухъ. Затѣмъ приводятъ молодую и даютъ ей въ руки вѣникъ, чтобы она имъ вымела соръ съ полу. Молодая начнетъ мести вѣникомъ и поднимаетъ его къ верху при каждомъ взмахѣ, а за нимъ вылетаетъ и перо. Потѣшившись этимъ, дружки убираютъ перо и пухъ.

7). Того же молодаго заставляютъ тащить до порога столъ.

8). На 3-й день для молодыхъ топится баня и они ходятъ въ нее мыться. Послѣ этой *первой бани* новобрачные расшиваютъ *банникъ*, разрѣзаютъ *столовики* и ѣдятъ ихъ.

9). Женихъ послѣ трехсуточнаго срока брачной жизни, разсказываетъ своему шаферу нѣкоторые секреты ночныхъ таинствъ супружества.

10). Черезъ три дня молодые съ родителями ѣздятъ въ гости къ тестю и тещѣ; послѣдніе въ честь новобрачныхъ дѣлаютъ у себя обѣдъ, называемый *хлѣбинами*. На этотъ званый обѣдъ приглашаются многіе изъ родственниковъ какъ съ женіховой, такъ и съ невѣстиной стороны. Тогда молодая получаетъ отъ своихъ родителей окончательное приданое.

11). Чрезъ нѣсколько времени отгащиваютъ, и

12). Въ послѣдующее время молодые ѣздятъ для знакомства къ роднымъ и знакомымъ, отдавая тѣмъ визиты, что называется *полюбовною гостьбою*. Здѣсь молодые послѣ каждой выпитой рюмки вина цѣлуются публично.

Въ дополненіе къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ о свадебныхъ обрядахъ въ Пинежскомъ уѣздѣ имѣется еще описаніе свадьбы въ селѣ Суръ Бирючевской волости того же уѣзда, составленное крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ, которое здѣсь и приводимъ:

«Если у жениха и невѣсты нѣтъ родителей: отца и матери, то ихъ мѣсто заступаетъ: мѣсто отца—дядя, братъ отца; если того нѣтъ, то кто либо первый по немъ родственникъ, или крестовый (крестный) также и мѣсто матери—ближайшая родственница.

Отецъ жениха предъ началомъ сватовства спрашиваетъ сына, на какой именно дѣвицѣ ѣхать свататься, (если нужда болѣе предстоитъ къ женитьбѣ сына со стороны родителей). Сынъ предлагаетъ имъ по своему усмотрѣнію одну и другую. Если назначенная сыномъ невѣста не нравится родителямъ, либо по бывшимъ непріятностямъ съ ея отцомъ, либо дѣвку начнутъ сыну хулить, что она развѣйка будетъ ихъ житью (нерадивая) и что его не будетъ слушаться (т. е. если дѣвка веселаго вида, разговористая и шутливая), — женихъ, выслушавъ слова отъ родителей, рѣшается посылать по волѣ ихъ. Иногда бываетъ, что женихъ сватается по своему усмотрѣнію, по уступкѣ со стороны отца и матери, которые говорятъ: «съ Богомъ! сынъ, какъ знаешь, не намъ жить, тебѣ;» но чтобы на будущее время не гнѣвить родителей, онъ падаетъ въ ноги и проситъ благословенія, на что бываетъ согласіе. Даже и тогда, когда сынъ впередъ родителей задумаетъ жениться, родитель или другой сватъ по выходѣ изъ дома, предлагаетъ домашнимъ присѣсть на лавкѣ (дерево около стѣны), запираетъ дверь или трубу, или дымникъ (у курятной избы), если они не затворены, а находящихся въ избѣ собакъ и кошекъ выгоняютъ вонъ. Послѣ чего молятся иконамъ (образамъ) говоря: «Господи Боже благослови», прочіе съ «Богомъ», по выходѣ изъ дома, свата хлопаютъ по задницѣ лопатой, (которой хлѣбъ въ печь садятъ) въ знакъ того, чтобы не могли отказать въ невѣстѣ. По приходѣ свата въ домъ, онъ привѣтствуетъ: здравствуйте! встаетъ посереднѣ пола, противъ матицы (дерево противъ потолка, полостинное). Хозяева просятъ садится, но онъ, говоря: «я не за гостьбой пришелъ, а за сватовствомъ,» называя старшаго въ домѣ невѣсты, отца, если есть, или брата, или дядю, не забывая и мать и т. п. что у васъ есть дочь или т. п., а у него есть сынъ, или отъ кого посланъ; нельзя ли ихъ въ одно мѣсто свести (т. е. супружество). Поблагодаривъ свата, просятъ садиться. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, просятъ свата дать имъ сроку на полдня или болѣе, но никакъ не больше сутокъ на первый разъ. Сватъ соглашается. По уходѣ его дѣлается совѣтъ, сначала самими домашними, спрашиваютъ также и невѣсту, которая падаетъ всѣмъ въ ноги и проситъ не отдавать, а подержать ее еще въ дѣвушкахъ и походить (погулять) не для того, что ей не любъ женихъ, а какъ обыкновенно бываетъ всегда. Прослезившись, родители приглашаютъ на совѣтъ другихъ родственниковъ, болѣе заслуживающихъ уваженія и знающихъ обстоятельства и житье-бытье жениха; даютъ совѣтъ, что отдать можно за жениха, котораго выбираютъ по большей части болѣе зажиточнаго, одинокаго и, соображаясь съ характеромъ домашнихъ и его, не подлежитъ ли женихъ рекрутской очереди. Если всѣ родные и родственники будутъ къ тому согласны и препятствующихъ причинъ не имѣется, то спрашиваютъ невѣсту, что идетъ ли она за предназначеннаго ими жениха. Она падаетъ опять въ ноги кому слѣдуетъ, говоря: «воля ваша», не забывая повторять: «за что вы на меня прогнѣвались?» но это означаетъ, что дѣвка согласна. Не пропустивши назначеннаго срока, сватъ является за приказомъ или отказомъ. Если родители изъявятъ согласіе,—даютъ ему дары, а равно и жениху платки, (свату въ 80 коп., а жениху въ 50 коп.). А если ждутъ жениха лучше, то просятъ свата дать сроку: денъ до 6-ти и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Если же отдать согласны, въ то же время сватъ уходитъ въ домъ жениха, отдаетъ ему дары; потомъ отецъ жениха, или самъ женихъ съ родителями невѣсты, является къ священнику, прося его разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Священникъ узнаетъ о совершеніи лѣтъ жениха и невѣсты, и о родствѣ, и пишутся документы: что со стороны родителей жениха на вступленіе въ бракъ препятствій не имѣется, и что онъ вступаетъ съ благословенія ихъ и съ своего согласія; такъ же и отъ невѣсты (безъ документовъ свадьбы не бываетъ).

Къ документамъ женихъ и невѣста не подписываются, за что отвѣчаютъ родители; затѣмъ укладывается слово на время брака, и даютъ знать роднымъ, но непремѣнно послѣ трехъ впереди имѣющихъ быть праздниковъ, въ кои послѣ литургіи дѣлается оглашеніе: «не знаютъ ли прихожане родства между женихомъ и невѣстой». Препятствій не бываетъ. За соблюденіемъ порядка, послѣ чего бываетъ приглашеніе дѣвушекъ къ невѣстѣ, въ рабочіе дни съ работой, а также и въ праздничные съ какимъ либо шитьемъ или вязаньемъ, гдѣ поются пѣсни свадебныя. У родственниковъ идетъ въ то время заготовка даровъ и пр. для свадьбы. Передъ днемъ свадьбы бываютъ посидки, куда собираются парни и дѣвки и замужнія женки, даже изъ другихъ селъ. Невѣста наряжена бываетъ въ хорошее по мѣстности платье т. е. сарафанъ посредственнаго ситца или же изъ холста, окрашенный мастерами изъ здѣшнихъ жителей. Съ самаго утра невѣста проситъ къ себѣ своихъ подружекъ, дѣвушекъ, которыя шьютъ жениху рубахи и т. п. Невѣста надѣваетъ на голову повязку, газовую или парчевую; смотря по достатку, повязка, вышиною до 6-ти вершковъ, а на верхъ ея—«чолку» (кругъ высаженный бисеромъ) сажается на переднюю лавку, плачетъ съ причитаніемъ событій изъ ея жизни, обыкновенно бѣднится на родителей (на лавку полагается вверхъ шерстью собственная ея шуба для сидѣнія на ней), по временамъ, когда ей вздумается, захватываетъ своихъ родителей и другихъ родныхъ, не забывая и подружекъ, и въ объятіяхъ ея всѣ плачутъ. Для слезъ невѣсты берется особая женщина, которая знаетъ довольно старинныя обрядовыя пѣсни; произношеніе ихъ бываетъ очень, очень

медленно, съ особеннымъ понятіемъ; голосъ женщины—низкій. Захвативши съ невѣстою рука за руку, кланяются по направленію къ дверямъ, довольно низко, невѣста-же кричитъ во все горло (плачетъ), но не отъ того, что она не хочетъ идти замужъ, а только для обычая, принятаго въ мѣстности. Послѣ чего голосу у нея совершенно не будетъ, такъ что нельзя понять ея словъ. Голошеніе бываетъ съ полдня и до вечера; по окончаніи голошенія бываетъ изготовлена дѣвушками баня, потомъ во время пути въ баню, опять начинается голошеніе. Съ невѣстой идутъ умываться дѣвушки, приготовлявшія баню, и женщина голошельница. По выходѣ изъ бани, отъ жениха являются братъ или сестра съ гостинцами (подарки); изъ нихъ у всякаго жениха матери на повойникъ, гребень для расчески волосъ изъ оленьей кости, мыла кусокъ ¼ ф.; иногда калачи или простыя закуски на 10 коп. Тогда уже невѣста стоитъ за столомъ, при поднесеніи подарковъ, посланные кланяются очень низко и просятъ о принятіи, на первый разъ поклоновъ до трехъ. Невѣста беретъ изъ рукъ посланныхъ гостинцы и откладываетъ назадъ къ нимъ, которые просятъ до трехъ же разъ, но никакъ не болѣе; послѣ чего принимаетъ и сдаетъ на руки родственникамъ. Посланныхъ подчуютъ чѣмъ придется, затѣмъ бываетъ спокой.

«На другое утро, при отправкѣ изъ своего дома жениха, зажигаютъ восковую свѣчу у образа (иконы) и одинъ изъ родныхъ съ божницы беретъ мѣдную икону, кладетъ на хлѣбъ съ солью; родители берутъ въ руки тоже свѣчу, приступаютъ къ благословенію сына, причемъ подъ ноги его кладется вверхъ шерстью овчинная шуба, долженствующая быть изъ одномастной шерсти. Когда жениху придетъ время падать въ ноги родителямъ, то подхватываютъ приглашенныя на свадьбу лица. Женихъ, перекрестившись два раза, падаетъ въ ноги, но поклоны относятся къ св. иконамъ, а третій разъ безъ крестнаго знаменія, который воздается родителямъ, притомъ женихъ говоритъ «благословите». Отецъ и пр. говорятъ: «Богъ благословитъ». Затѣмъ начинается выходъ изъ избы слѣдующимъ порядкомъ: впереди должны, какъ и во всякое время свадьбы, слѣдовать сватъ, отецъ, женихъ и пр., они стараются не задѣвать стѣнъ двора, по наученію вѣжливаго человѣка (знахаря), который беретъ при всегдашнихъ свадьбахъ для того, чтобы никто не могъ поколдовать надъ свадебной процессіей. Кромѣ того вѣжливый всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ, даже и лошадямъ, прилѣпляетъ наколдованный словами воскъ: первымъ на груди къ кресту, а послѣднимъ къ гривѣ. По пріѣздѣ къ невѣстину дому поѣздъ впускаютъ тѣми воротами, чрезъ которыя завозятъ сѣно; здѣсь встрѣчаютъ прибывшихъ, подчуютъ виномъ и пивомъ, и въ пивѣ же томъ, во все время слезъ невѣсты, которымъ платкомъ она утиралась, платокъ тотъ обмываютъ и выжимаютъ его надъ пивомъ досуха, въ знакъ того, чтобы мужъ жену любилъ; знающіе это женихи не пьютъ, а не знающіе само-собой что выпьютъ. Послѣ чего входятъ въ квартиру съ крестомъ (т. е. съ крестнымъ знаменіемъ на себѣ, что соблюдается при всякомъ заходѣ и выходѣ) и садятся за столъ. Чрезъ недолгое время выводятъ изъ особой комнаты невѣсту и спрашиваютъ жениха: «на той-ли ты сватался?»—На той,—отвѣчаетъ женихъ. «Хороша-ли наша невѣста?» женихъ отвѣчаетъ: «хороша;» послѣ чего должна отвѣчать невѣста на вопросъ женихова свата. Затѣмъ опять уводятъ ее въ прежнее мѣсто; послѣ угощенія свадебщиковъ, выводятъ невѣсту въ послѣдній разъ;—во время угощеній женихъ долженъ кланяться.

«Предъ отправкой къ вѣнцу одинъ изъ родственниковъ, а болѣе если отецъ, беретъ за платокъ невѣсту въ руки, приводитъ къ жениху, который беретъ ее за правое плечо, надѣвая на руки рукавицы замшевыя, другія же не позволяются, препровождаетъ невѣсту позади себя и топчетъ ноги взнакъ начальствованія надъ нею, когда станетъ невѣста налѣво подлѣ жениха, отецъ или мать преклоняютъ головы ихъ и берется съ головы невѣсты платокъ, которымъ она прикрыта, а въ другую руку ржаной хлѣбъ, разрѣзанный на двѣ части, завертывается въ платокъ хлѣбъ и обходятъ три раза кругомъ преклоненныхъ головъ; послѣ чего платокъ оставляется опять на головѣ невѣсты.

«Затѣмъ отправляются къ вѣнцу, во время пути женихъ кланяется, а равно и невѣста. У вѣнца особеннаго ничего не бываетъ.

«На первое утро молодой работать ничего не даютъ, а днемъ дается ей прясть шерсть, но другая работа не дается. При вставаніи же съ постели молодыхъ, когда придутъ въ общую избу, кто либо изъ пришедшихъ на нихъ посмотрѣть заставляетъ молодую пахать (подмести) полъ, какъ можно чище; тогда запасается перье мелкое, сорятъ по полу сколько потребно, причемъ полъ смачиваютъ водой, чтобы труднѣе было молодой; послѣ чего тихонечко т. е. не говоря никому, присутствующіе берутъ сажу отъ печки, приходятъ къ молодой марaютъ ея лицо сажей, такимъ образомъ перепачкаются и всѣ; послѣ этой сцены молодая даетъ мыла простаго для умыванія. Сорившимъ послѣ даются пряники взнакъ трудовъ или почтенія. По вечеру же молодая топитъ баню и проситъ въ нее свадебщиковъ, ходитъ лично по домамъ съ кѣмъ либо. Не взирая и на то, что дѣвкѣ женихъ не нравится, ее отдаютъ за него, и она не преступаетъ воли родительской.—При бракѣ не бываетъ безъ того, что она быть можетъ иного жениха держитъ только въ умѣ, чрезъ что бываетъ много непріятностей въ супружеской жизни».

Въ приложеніе къ сему описанію крестьянинъ Гри-

горій Хромцовъ представилъ «свадебное привѣтствіе,» употребляемое въ томъ же селѣ Сурѣ, слѣдующаго содержанія:

«Во время свадьбы, когда женихъ пріѣдетъ за невѣстой и станетъ по обыкновенью за столъ, между тѣмъ тутъ является человѣкъ съ желѣзнымъ крюкомъ (т. е. кочергой, что въ печкѣ ворочаютъ), знающій нижеслѣдующія слова,—причемъ ударяетъ безпрестанно кочергой въ полъ и отрывисто говоритъ, поворачиваясь на всѣ стороны:

«Помилуй, Господи, желаю здравствовать господину хозяину (дома) съ любящими гостями и съ гостьюшками; ѣхали гости не по зву, а по доброму дѣлу, сватовству—ѣхали темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами и ракитовыми кустами, бѣлы снѣга топтали куньи слѣды—велъ куній слѣдъ къ дѣвичину двору, ко невѣстину терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у дверей придверники, у воротъ приворотники, у печи стрянухи и у стола стольники?—стрѣчай съ коньми, вынимай подворотню: кони шли приустали, (чтобы) дабы копытъ не обламали, задавай сѣна до дуги, овса до глазъ (коней). Такъ же и намъ молодцамъ (т. е. довѣренному), питанья, единыя кушанья рыбы, говядины, горней птицы курятины, бѣлый хлѣбъ чтобы тутъ-же былъ, чтобы всѣмъ князьямъ, боярамъ (находящимся въ составѣ свадьбы) было честно, такъ же и намъ молодцамъ—небезчестно, (т. е. незваным гостямъ). Господинъ хозяинъ, какъ ваша молода, первобрашная (первобрачная) княгиня будетъ дарить, такъ же и отдарки принимать, и не чваниться и не ломаться. Ежели она будетъ чваниться и ломаться, то у нашего молодаго (у жениха) первобрашнаго князя есь (есть) на чванку плеть шелкова о трехъ хвостахъ (концахъ): первый хвостъ коротокъ, другой дологъ, третій стегать ловокъ. Здравствуйте, подпорожные гости (т. е. зрители со стороны), званы не званы, усаты, бородаты, холосты и не женаты, молодцы вожоваты (т. е. совѣстны), гладки головы, широки бороды, усы ваши долги. Вамъ стоять не смѣяться и говорить не ухмыляться. Слушайте, послушайте (объ женатыхъ): своихъ женъ на улицу не распущайте, будете распущать, то молодцы ребята будутъ хватать (подчищать). Здравствуйте, маленьки ребятишки, сопливы, возгривы (неумытые), попечики въ гузно не кидать (примѣрно игра въ шашки), пѣть не ходить, на подводахъ не ѣздить, отцей (отцевъ) матерей до коробокъ не доводить (до нищенства). Вамъ не всѣмъ поимянно, всѣмъ вообще низко кланяюсь. Здравствуйте, красны-дѣвицы, пирожны мастерицы, веретенны угодницы (пряжа), горшени пагубницы (т. е. горшки ломаютъ во время варки), широки повязки, золотыя ряски (завязки у повязокъ назади), косы наконечники, умсильные (умильные) взгляды вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, всѣмъ заедино низко кланяюсь. Здравствуйте, добры молодцы, долги поводцы, лясики строцены, то бурки точены, зачулы здрчиваны (неизвѣстно что такое), вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, а всѣмъ вообще низко кланяемся (поклоны). Здравствуйте, красны-дѣвицы, лебеды бѣлы, ягоды зрѣлы, написаны, насмазаны (дѣйствительно щеки румянятъ), жемчугомъ изнасажены. Вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, а всѣмъ вообще низко кланяюсь (поклонъ). Здравствуйте, молоды молодицы, косы кокошницы (повойники), скоры помошницы, скоро помогаючи, сыспода поднимаючи. Вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, но всѣмъ вообще поклонъ. Здравствуйте, стары старухи, бобровы треухи, собачьи выпушки, покромки широки (на головахъ шапки), долгіе стерлы (неизвѣстно что такое), поганы лапы, тѣмъ поклона нѣтъ (и не кланяется). Тысецкому, человѣку вѣжливому (обходительному), всѣмъ молодымъ храбрымъ (какъ бы воинамъ) дружкамъ, тутъ же сватьюшки перепелочки, на разъ и съ молодой и первобрачной княгиней. Наша молода первобрашна княгиня (невѣста) сидитъ въ свѣтлой свѣтлицѣ, во высокой горницѣ, личко глажено, головка чесана, рубашка катана, хорошо снаряжена за молодаго князя наложена; у нашей молодой княгини поступочка частинька, походочка бастинька (скосырная, прямая); мы за молоду первобрачную княгину славить не умѣемъ, (т. е. обличать) и атамана не имѣемъ (знахаря), хвали прихваливай, говори приговаривай: при днѣ свѣтъ, при солнцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ батюшкѣ Александрѣ Николаевичѣ вся бѣла-свѣтлорусская земля вознесется, его правая рука по всѣмъ портамъ и нѣмецкимъ королямъ нечестивымъ; при священникѣ бачкѣ—мѣсто свято, при боярахъ крѣпко, при донскихъ казакахъ никогда неизмѣнно, весь вамъ дворянскій кругъ съ кормы и до носу (отъ малыхъ да большихъ). Ты тысяцкой сидишь въ большомъ углу въ доброй славѣ, какъ въ куньей шубѣ, пивцо, винцо попиваешь и насъ молодцовъ забываешь (посѣтителей изъ среды которой вышелъ съ кочергой), насъ молодцовъ немного, только сорокъ два да одинъ, сорокъ два да одинъ вышло восемьдесятъ шесть, подари насъ быкомъ да телицей, чтобы всѣмъ было чѣмъ подѣлиться (побольше ждутъ пряниковъ, водки), баранъ да овца да опять съ конца, мы (они) хотя подъ порогомъ стоимъ, про васъ (ихъ) про всѣхъ добро говоримъ, отъ всѣхъ подаренья ждемъ, если будете дарить, будемъ добро говорить».—Послѣ чего даютъ ему по возможности пряниковъ и водки стаканъ, во время произношенія словъ всѣ молчатъ,—затѣмъ свадьба пойдетъ своимъ чередомъ».

Близкими по значенію и употребленію къ приведенному здѣсь приговору—слѣдуетъ считать еще три свадебныхъ причитанія, также находящихся въ матеріалахъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ.

Таково, напримѣръ, причитаніе во время дѣвичника въ Кургоминскомъ селѣ.

«Благослови-ко Господи, да во первой часъ анделской, во второй архандельской, во третій апостольской, съ анделыми, архандельми, со всѣми апостолами, воскресенье свѣтлоё всѣхъ людей воскресило, стараго и малаго, всяково крещеново и столько прослезило меня краснудѣвицу, за кои тяжки грѣхи, за кое согрѣшеньицо меня не сталъ Богъ миловать, отецъ, мати жаловать, они о чемъ прогнѣвлись, о чемъ воскручинились на году сего года и на сей недѣлечкѣ.

«Я умомъ подумаю, поразмыслю разумомъ, какъ мои ровесницы, милыя подруженьки, сизыя голубушки, онѣ живутъ красуются и живутъ и властвуютъ, ихъ хранитъ Богъ, милуетъ отецъ, мати жалуетъ, на меня ли молоду душу красну дѣвицу, Милодарью Фроловну, Господь Богъ прогнѣвался за мои тяжки грѣхи, за мое прегрѣшеньицо—на году сего года проспала я молода въ году три заутрины: первую благовѣщенску, другую христоскую, третью заутрину на сегоднешной божей день воскресенья свѣтлово.

«Мой родимой батюшко, дакъ свѣтъ Фролъ Иванович тебя какъ то поднесли твои ножки рѣзвыя, ведутъ очи ясныя съ божьей съ Богородицей, моя родима матушка Филиклиста Гурьевна, тебя несутъ рѣзвы ножки, ведутъ ясны очи съ фатой шелковою; поднялись бѣлыя рученьки со фатой шелковою, укрыла бѣло лицо, утулала ясны оци, всево свѣту бѣлаго отъ гостей, отъ госьюшекъ, отъ милыхъ подруженекъ, отъ сизыхъ голубушекъ; ты родимая матушка Филиклиста Гурьевна, чего я у тебя спрошу со родимымъ батюшкомъ, вы несеводнешной Божей день понесли великой гнѣвъ на миня красну-дѣвицу на свою дочь голубушку, Милодарью Фроловну, будто я красна-дѣвица была дѣвка вольная, дѣвка самовольная, дѣвка посѣдѣлая, сорока пяти годовъ. Мой родимой батюшко, со родимой матушкой не мечитесь, не радуйтесь чужему жениху, большему боярину Ермолаю Трифоновичу, со всѣмъ княжимъ приборомъ, ты родимой батюшка и со родимой матушкой, вы не сына жените, не невѣску въ домъ вводите, не замѣна буду-то, не спѣши, не торопись, мой родимой батюшка, да свѣтъ, Фролъ Ивановичъ, не подвигай стола бѣлодубова въ сутки во большой уголъ. Моя родима матушка денная печельница, ночна богомольница, не носи, голубушка, на столы дубовые шиты, браны скатерти, со хлѣбами съ ситными, со яствы сахарными. Мой родимый батюшка и со родимой матушкой Филиклистой Гурьевной, не подходите близко къ золоту столу къ чужему чуженину, большему боярину Ермолаю Трифоновичу, не тяни правой руки, не примай да не бери отъ чужова чуженина чары зелена вина, ты не порти бѣла лица, ты не пей да не кушай отъ чужа чуженина чары зелена вина питья государева. Мой родимой батюшка со родимой матушкой, я еще побью челомъ еще покланяюся, не подходите близко-по-близко къ злому свату большему Еремію Устиновичу, не давай правой руки, не стряхни рукавчики, не по слову первому къ рукобитью крѣпкому. Моя родима матушка Филиклиста Гурьевна, не носи ты матушка шитыхъ, браныхъ ширіночекъ, вы не дарами дарите чужева чуженина, со всѣмъ княжимъ приборомъ подарилъ ты, батюшка, со родимой матушкой чужево чуженина мною красной дѣвицей дочерью голубушкой Милодарьей Фроловною. Ужъ какъ я младюшенька спала, высыпаласе, ждала дожидаласе отъ отца отъ матери побуду раннево наряду поспѣшно, не могла дождатисе по буду раннево и нариду поспѣшно, я ставала молода безъ побуду раннево безъ наряду поспѣшно, выходила молода на двой трой сѣни, посмотрѣла молода я въ окно въ косѣсято на двѣ на три стороны, со восточну сторону изъ-за лѣсу темнаго заря занимаитце и свѣтъ разсвѣтаетсе, сходитъ красно-солнышко съ обогревой теплою, въ ту пору, да въ то время я Богу молиласе: Слава, слава Господу, слава Христу небесному. Сходитъ красно солнышко съ обогрѣвой теплою, землю обогрѣть хочетъ, росу обсушить хочетъ. Я еще посмотрѣла да во лѣтню сторону, высоко да по небу облака катаютсе, да еще посмотрѣла въ сѣверную сторону, чисто ясно по небу, тепло, жарко по землѣ, я умомъ подумаю, да поразмыслю разумомъ, какъ во лѣтней сторонѣ не облака катаютсе, въ ту пору, да въ то время туча подымаитсе, изъ-за лѣсу темнаго, темнаго, дремучего, грозна становилася, въ ту пору да въ то время я Богу молиласе, нешто туча грозная она падаетъ опустится на лѣсы на темные; кусъ лѣсу приклонитсе прутьемъ до сырой земли, не могла грозна туча пасти опуститисе да на лѣсы на темные, катитъ потихошенько по полямъ по широкимъ, по лугамъ по зеленымъ, ужъ я въ ту пору да въ то время я Богу молиласе, пронеси Богъ истиной эту тучу грозную тихимъ потихошенько. Нешто падитсе, опуститсе на поля широкія, на луга зеленые, на травы шелковыя, на цвѣты лазуревы, не могла грозна туча пасти, опуститися, на поля широкія, на луга зеленые, на травы шелковыя, она катитъ потихошенько да къ намъ на нашу сторону да на скатню улицу, она становилася противъ двора хорошего, противъ свѣтлой свѣтлицы, противъ столовой горницы, ужъ я въ ту пору да въ то время Богу молилася, нешто туца грозная она падаетъ, опуститсе на дворы сусѣдніе, не могла грозна туца пасти, опуститися да на дворы сусѣдніе, надкатилась туца грозная на нашъ дворъ колѣсятой, надъ новъ высокъ теремъ и на свѣтлыя свѣтлицы и на столовыя горницы, изъ той туци грозныя, сильные громы грянули, со громомъ да со стукомъ и со Божьей милосью изъ той туци грозныя пошелъ частой дождичекъ. Этотъ частой дождичекъ не топитъ, да не мочитъ: ни отца, ни матери, ни роду, ни племени, ни милыхъ подруженекъ, омочилъ тотъ частой

дожъ меня красну-дѣвицу Милодарью Фроловну, меня съ буйной головы да вплоть до рѣзвыхъ ноженекъ, знобучи зазнобило мое живо ретиво сердце. Я умомъ подумаю не понесу на батюшку со родимой матушкой гнѣву великаго, я понесу великой гнѣвъ на зла свата большаго Ермолая Трифоновича. Онъ ходилъ, ухаживалъ ко двору, ко огороду, ко высоку терему, ко красну крылечушку, онъ тропилъ тропиночку и торилъ дороженьку къ нашимъ свѣтлымъ свѣтлицамъ да ко столовымъ горницамъ, вызывалъ онъ батюшку Фрола Ивановича и со родимой матушкой Фиклистой Гурьевной, на красно крылечушко, скидывалъ съ буйной головы свою пуховую шляпочку, кланялся нижешенько и говорилъ гладешенько, его рѣчь умильная, поговоры гладки. Онъ хвалилъ, нахваливалъ чужу дальную сторону, чужу жару добрую, у чужа чуженина житью жира добрая, будто чаша полная, у чужа чуженина много хлѣба стоялаго, много денегъ лежалыхъ, много платья свѣтнаго грядки изънавѣшены, у чужа, чуженина много скота рогатаго, и семья совѣтная, поля што скатерти, лугова што скачены, на чужой на сторонѣ хорошо жить, красиво при большой дороженькѣ, и привольe славноѣ и мѣсто противъ породное, его дворъ колѣсатой стоитъ во 500 рублей, его скитня улица стоитъ въ цѣлую тысячу.

«Мой родимый батюшка и со родимой матушкой, не сдавайся батюшка на зла свата большаго, на его рѣчь умильную и на поговорку гладкую, онъ хоть ходилъ, ухаживалъ и хвалилъ, нахваливалъ, говорилъ, обманывалъ, все облыжно сказывалъ. Этотъ чужой чуженинъ добръ до родней, молодецъ не вдостой мнѣ, сужено не вдостой не подверсту, у чужа чуженина житью жира ровная и житье крестьянское, да житье недостаточно. Этотъ большой сватовшикъ, онъ вочью обманываетъ, да все облыжно сказываетъ, да въ глазахъ вилавитце, этотъ большой сватовшикъ вертяче дьявола, у чужа чуженина нѣтъ хлѣба стоялаго, нѣтъ денегъ лежалыхъ, мало платья цвѣтнаго и скота рогатаго и семья не совѣтная, поля горбоватыя, пашни холмоватыя.

«Мой родимый батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, ты не пои да не корми млада ясна сокола чужа чуженина, со всѣмъ княжимъ приборомъ и путь дорожку укажи: они люди негожіе, захожи, заѣзжіе люди незнакомые, они не нашей волости будто птицы залетныя, по мѣстамъ и спадали, долго засидѣлися, ништо огляделися. У родимова батюшки и родимой матушки, у ихъ сряднo столъ сряжонъ въ 100 руб. и скатертки въ тысячу, на то оглядѣлися, на то осмотрѣлися, на хлѣбы бѣлы ситные, на яствы сахарныя. Мнѣ теперь топеричe да мнѣ-ка присидѣлося за бѣрчаты завѣсой съ милыми подружками съ сизыми голубками. На мнѣ притопилося платье цвѣтное, на мнѣ пригорѣлося да отъ тѣла бѣлаго».

Причитаніе, когда пошли изъ-за стола:

«Ужъ ты чужой чуженинъ добръ дородной молодецъ Ермолай Трифоновичъ, я стану наказывать, да я стану разсказывать на домъ челобитьице твоей родимой матушкѣ, чтобы не надѣялись на слугу на работницу и на замѣну великую, не пасла бы не ладила не толченья, не молотья пшоны бѣлоярovы. Откажусь я младешенька при отцѣ, при матери, при всемъ родѣ племени, не слуга и не работница и не замѣна великая, не могу я стоити у раля дубоваго, не могу я ворочати сѣра-бура камени, ручки не тянучи и плеча не могучи».

Причитаніе при переборѣ изъ-за завѣсы въ большой уголъ:

«Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, дай мнѣ волю вольную и путь дороженьку въ сутки во большой уголъ во мѣсто любимое, я разольюсь росплачуся рѣкой Вигой славною передъ родимымъ батюшкомъ и роскичусь, разсыплюся скатнею жемчуженькой передъ родимой матушкой. Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ настиги-ко батюшка того свата большаго во пути дороженькѣ, ты отбери шириночки тонки полотняныя. Откажи ты, батюшка многимъ чужимъ людямъ съ двора не съѣзжаючи и съ ноги не ступлючи. Денная печельница, ночна богомольница, моя родимая матушка, свѣтъ Фиклиста Гурьевна, приотстрочь-ко, матушка, ты младой дѣвичничекъ, хотя взавтра на вечеръ: я еще покрасуюся и еще повластуюся съ милыми подружками съ сизыми голубками. Ужъ ты младъ ясенъ соколъ, мой родимый брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичь, тако есть во теремѣ, да тако есть во высокомъ, дайся въ очи видѣти совѣтъ дума крѣпкая, положи-ко брателко сроки долгіе, хотя на годъ времени; мы станемъ жить по старому хорошѣе прежняго. У меня есть въ теремѣ однoутробная сестрица Федосья Фроловна, приотсрочь голубушка младой дѣвичничекъ, хотя на одинъ часъ времени. Молода невѣстушка да свѣтъ Дарья Федоровна по-разбей у батюшки совѣтъ думу крѣпкую, приотсрочь голубушка мой младой дѣвичничекъ хотя взавтра на вечеръ, молода невѣстушка донеси голубушка честно челобитьице до родимой тетушки до Ирины Михайловны.

«Ахти мнѣ тошнешенько да моему сердеченьку въ забытьѣ позабыла, въ тоскѣ да въ кручинѣ, въ печалѣ великой. У меня помѣшался умъ разумъ въ моей буйной головѣ. Свѣтъ крестовая матушка крестодержанная божатушка Акулина Ивановна, совѣтъ дума крѣпкая, дайся въ очи видѣти на часу тепериче, приотсрочь божатушка да ты младой дѣвичничекъ, хотя завтря на вечеръ.

«Я брала, перебрала да всю лисье бумажное, я брала, выбирала по себѣ печельника, себѣ доброхотника и большаго разговорщика изъ дядей дядюшку, да изъ тетокъ тетушку и изъ братьевъ брателка и изъ сестеръ сестрицу. У меня теперь тепери́ча у меня всѣ въ собраньицѣ великой весь родъ племя, они за одно думу думали и въ

одно слово молвили, меня избываете, красна дѣвица доложусь я родимому брателку да свѣтъ Лазарю Фроловичу.

«Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужъ ты выставь брателко перевары пьяные; мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужъ къ чему-то брателко твой варенъ честной канунъ, перевара пьяная; мнѣ-ка глади глянитце въ эту пору времечко, нѣтъ честнаго праздничка, да не дошли поминочки поминать родителей. Хотя мнѣ не скажете, я сама знаю, вѣдаю, млада я взгадаю: у васъ свекренъ честной канунъ, не младой дѣвичникъ, на живую разлуку. Мой родимой брателко, поучи младешеньку ко кресту стобразному, ко молитвѣ святой и ко низкимъ поклончикамъ: на чужой на сторонѣ меня красну дѣвицу, невдостой тебя, будутъ, станутъ учить переучивать, торить перетаривать, въ ту пору да въ то время. Мой родимый брателко, ты падешь на умъ разумъ, нелѣсня заплачутъ-то мои очи ясныя. Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, дай мнѣ волю вольную и волю превольную заводить дѣвичничекъ, ты попой, почествуй переварой пьяною всѣхъ многихъ добрыхъ людей, для злата серебра и для честнова здарьица.

«Мнѣ-ка красной дѣвицѣ стыдомъ не устыдитися и крытьемъ не укрытися и другомъ не заминатися, будетъ доложитися всѣмъ многимъ добрымъ людямъ мнѣ челомъ ударити, низко поклонитисе для честнаго здарьица.

«У насъ есть въ нашемъ дому во высокомъ теремѣ у родимаго батюшки дорогой почтенный гость добръ дороднои молодецъ, соколъ бѣлокрылчатый, младъ наливной яблочекъ, наливная ягодка да свѣтъ Иванъ Даниловичъ. Изволь стать да выступить да изъ мѣста любимаго на свои ножки рѣзвыя, на сапогъ зеленъ сафьянъ, на скобы серебряны, на гвозди полуженые. Ты отца сынъ добраго, матери просужіе, нешто опочинулись да твои ножки рѣзвыя, нешто оглядѣлисе твои очи ясныя, нешто обогрѣлисе твои ручки бѣлыя, изволь стать, да выступить да изъ мѣста любимаго, нешто оправить крыльица, приуладить перьица, залети ясенъ соколъ младымъ яснымъ соколомъ. Аминь молитвѣ святою сыспона Іисусовой, спасетъ Богъ, низкій поклонъ за честное здарьицѣ, на полтинѣ золотѣ, на второй серебряной, что ты честно честь ведешь, честно почитаешь меня, избави душу красную дѣвицу Милодарью Фроловну, такъ и протчимъ».

К. Шабунинъ сообщилъ съ своей стороны слѣдующее дополненіе къ описанію свадебныхъ обрядовъ въ Пинежскомъ уѣздѣ:

«Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ бываетъ такъ: когда пріѣдутъ молодые, одинъ крестьянинъ не изъ участвующихъ на свадьбѣ, беретъ кочергу изъ своего дома или чужаго, когда будутъ за столомъ и поведется угощеніе, является и привѣтствуетъ:

«Господинъ хозяинъ! позволь пѣсню сказать, молодаго князя поздравить съ молодой княгиней. Г. хозяинъ! ѣхали къ вамъ гости не по зву, а по сватовству темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами, ракитовыми кустами, бѣлы снѣга топтали, куньи слѣды попали. Повелъ куный слѣдъ къ хозяйскому двору, къ дѣвьему терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у воротъ притворники, у дверей придверники, у печки стряпухи, у стола стольники? у князя кони пріустали, знать копытъ не обломали, отпирай ворота, вынимай подворотню, задавай коимъ сѣна до дна, овса до глазъ, такъ имъ молодцамъ, князямъ, боярамъ питанья и ѣденья и кушанья пива и вина, рыбы и говядины, нагорной птицы и курятины и бѣлый хлѣбъ; а вамъ, подпорожные гости, прошу покорно на мѣстѣ не смѣяться, а говорить не обмыляться, слушайте, послушайте: на улицу своихъ женъ не спускайте, станете спускать—будутъ молодые ребята подчищать. Желаю здравствовать всѣмъ князьямъ и боярамъ. Прошу покорно свадьбу играть отъ свѣту до свѣту тайнаго совѣту, винограду чернаго, вина зеленаго, сахару бѣлаго, быть человѣку смѣлому, прошу покорно раздаться по лавкамъ въ кругъ, по скамейкамъ въ кутъ, когда будутъ молодыхъ князь бояръ дарить, молодымъ князьямъ боярамъ дары принимать, не смѣяться и братъ не ломаться; какъ дарили молодыхъ князей бояръ и какъ они будутъ отдаривать молоду княгиню, молодой княжнѣ принимать отдарки не чваниться, а будетъ чваниться, занадобится шелковая плетка о трехъ хвостикахъ, одинъ хвостъ тонокъ, другой дологъ, а третій стегать очень звонокъ. У нашей молодой княгини походка бастинька, поступка храбринька, рубашка катанная, личико глаженное, къ вамъ наряженное; за нашу молоду княгиню, атамана прихваливай, говори, приговаривай. Мы атамана не смѣемъ приговаривать, не умѣемъ; сколько знаемъ, столько скажемъ: при солнцѣ свѣтъ, при мѣсяцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ Батюшкѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ вся святая русская земля и вознесется его правая рука такъ крѣпко на всѣ орды, нѣмецки города, и нечестивы всѣ орды нѣмецки побѣжа и короли нечестивы задрожа. При священникѣ мѣсто свято. Богъ дай на радость молодому князю съ молодой княгиней быть многу союзу, съ бѣлой лебедью на синемъ на морѣ, на тихой заводѣ; въ домъ отцу и матери велика-хвала и радость. Богъ дай на радость тысяцкому человѣку, Богъ дай на радость всѣмъ князьямъ боярамъ, Богъ дай на радость двумъ храбрымъ дружкамъ, молодымъ молодцамъ, удалымъ головамъ, кудрявымъ обѣимъ бью челомъ, да низкой поклонъ, желаю здравствовать всѣмъ. Свадебные гости званы незваны, жданные нежданные, усаты, бородаты, холосты неженаты, молоды вожоваты, табашники, желвашники, вшивы, плѣшивы, сопливы и возгривы, по лавкамъ подъ порогъ, по скамейкамъ въ заворотъ, не всѣмъ поимянно, а всѣмъ бью челомъ да

низкой поклонъ, а вамъ, красны дѣвицы, пирожны, мастерицы, горшечные пагубницы, сметаны пакосницы, веретены свертены, серебряны ряски, широки повлеки, долги канесники, не всѣмъ поимянно, всѣмъ бью челомъ да низкой поклонъ, особенно вамъ молоды молодицы долги поводы строчены, побурки точены, загулы оброчены, а вы молодицы молодушки красны кокошнички, косы подвлечнички у васъ....»

За симъ предлагаемъ описаніе свадьбы въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уѣзда, доставленное крестьяниномъ Дохтуровымъ.

Крестьянскій обычай изъ старины ведется: мужикъ выроститъ дѣтей, сына или дочь. Безъ родительскаго дозволенія ничего не позволяютъ дѣлать: по своей любви даже и въ бракъ вступать, безъ согласія родителей, не могутъ женихъ съ невѣстою. Если сынъ себѣ избралъ по согласію и любви невѣсту, то родители его останавливаютъ, не даютъ дозволенія жениться; а хотя жениху невѣста и не нравится, то принуждаютъ ее брать насильно. Такимъ же образомъ и невѣста, хотя женихъ и не нравится ей—принуждаютъ идти насильно, даже и не спросятъ у невѣсты, просватаютъ, съѣздятъ, житье посмотрятъ, да напьются пьяны и сдѣлаютъ смотрины. Когда первоначально женихъ сядетъ за столъ со своими родственниками, невѣстины родственники угощаютъ тѣхъ пріѣзжающихъ водкой. Когда невѣсту выведутъ, то всѣ пріѣзжающіе гости и женихъ встаютъ съ мѣстъ, зажигаютъ съ иконъ свѣчку. Въ то время отецъ невѣсты выводитъ свою дочь, спрашиваетъ первоначально у отца жениха: люба ли? А отецъ и мать жениха смотрятъ и говорятъ, что хороша. Потомъ обращается къ жениху, спрашиваетъ его. А женихъ, не смотря ни на что, отвѣчаетъ: «люба не люба, да судьба привела». Потомъ женихъ выходитъ изъ-за стола, становится съ невѣстой рядомъ: отецъ невѣсты благословляетъ жениха и невѣсту иконою, а мать невѣсты хлѣбомъ-солью. По благословленіи женихъ заходитъ за столъ и садится на свое мѣсто; потомъ невѣстѣ кладутъ на подносъ платокъ, она подаетъ жениху, а женихъ невѣстѣ даетъ кольцо, потомъ уѣзжаютъ домой. Черезъ нѣсколько дней бываетъ такъ называемое плаканье: невѣста плачетъ. Къ ней собирается много народу: молодыхъ ребятъ и дѣвушекъ, и пожилыхъ мужчинъ, и женщинъ. Невѣста плачетъ, а дѣвушки, которыя родственницы и сосѣдки, садятся за столъ, а приходящія стоятъ въ комнатѣ, поютъ пѣсни свадебныя. А молодые ребята ходятъ, такъ называемо, съ приносомъ, заходятъ за столъ къ невѣстѣ и садятъ себѣ невѣсту на колѣни, а женщину, которая при невѣстѣ находится, садитъ напротивъ, и приплакиватъ этому парню какъ бы—на гуляньи, а парень кладетъ на подносъ деньги—копѣекъ десять и болѣе, а женщина даетъ особенно по копѣйкѣ и по двѣ; потомъ этому парню подаютъ браницу пива, онъ пьетъ и потомъ уходитъ, и такъ далѣе. А женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ гостинцами: привозитъ гостинцевъ и разныхъ закусокъ, и пряниковъ, и орѣховъ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, бываетъ большое смотрѣнье. Наканунѣ этого смотрѣнья бываетъ сборище: собирается много народу. Когда женихъ пріѣзжаетъ на большое смотрѣнье, тоже и самъ сватъ сходитъ съ лошади и стучитъ въ стѣну до трехъ разъ, потомъ заходятъ въ квартиру, садятся гости по своимъ мѣстамъ, а сватъ на концѣ стола командуетъ дѣлами. Подлѣ свата сидитъ знатокъ, такъ называемый колдунъ, его угощаютъ водкой. Потомъ какъ невѣсту выведутъ, спрашиваютъ у жениха: «та-ли?» Онъ отвѣчаетъ: «та». Потомъ невѣста обноситъ жениховыхъ родственниковъ водкой, потомъ и своихъ. Послѣ своихъ сосѣдей, какъ обнесетъ ихъ водкой, тогда дарить родителей жениховыхъ; обдарятъ, уводятъ. Невѣста плачетъ. Женихъ выходитъ изъ-за стола, идетъ къ невѣстѣ. А дружка въ родѣ шафера, приговариваетъ: скокъ черезъ порогъ, едва ножки приволокъ, идетъ дружка локоношка, за скобу руками, за молитву зубами; здравствуйте, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, пирожны мастерицы, а стары старушки (повивальны бабушки), горшечны пагубницы, сидите на печи, ѣшьте калачи изъ ржанаго тѣста, тамъ вамъ мѣсто. Раздайтесь, разступитесь на всѣ на четыре стороны, да пустите нашего князя первобрачнаго до княгини первобрачной дать на бѣлы бѣлила, на красны румяна. А ты, красная дѣвица, красна княгиня, первобрачна молодица, не куражься, гордость спѣсь оставляй здѣсь, а низкій поклонъ клади, да къ намъ вези: у насъ горка крутенька, водица близенька, коромыслецо тоненько, ведерышко маленько; подъ гору ходи не запинайся, на гору ходи не задыхайся; у насъ огороды крѣпки, у васъ сарафаны рѣдки: по огородамъ не скачи, сарафановъ не дери; у насъ окошки высоки: по улицамъ ходи, на окошки не гляди молодыхъ ребятъ. За невѣсту отвѣчаютъ:

«Отдалъ меня батюшка не въ малую семью: свекоръ да свекровь да четыре деверя, двѣ золовушки и двѣ старыя тетушки. Отъ вѣнца меня везли, приговаривали: свекоръ говоритъ: «къ намъ медвѣдицу везутъ», свекровь говоритъ: «къ намъ люту змѣю», деверья говорятъ: «неткаху везутъ», золовки говорятъ: «непряху везутъ», стары тетки говорятъ: «немолотильщицу». Ужъ я ночку проспала да и смѣнилась, ты позволь-ка, свекоръ батюшка, по горенкѣ пройдти, слово вымолвить: «свекоръ на палатяхъ, какъ кобель на канатѣ, свекровь на печи, какъ сука на цѣпи, деверья-соколы ваши жены таковы какъ и я. Золовки-плутовки вамъ самимъ замужъ идти, замужъ пойдете, таковы же будете. Стары тетушки сорокосочки, вы сидите на печи, не указывайте, —я васъ поставлю на порогъ, да въ три шеи за порогъ».

Когда женихъ ѣдетъ сватать, то прежде заѣзжаетъ къ

священнику на благословеніе, оба со сватомъ или со сватьей. Потомъ отправляются, куда намѣрены, сватать невѣсту. Высватаютъ невѣсту, возвращаются обратно домой,—заѣзжаютъ въ кабакъ: берутъ четверть водки или полведра, по состоянію, даже и ведро. Дожидаются отъ невѣсты смотрѣть житья, а по просватанію невѣсты, родственники отправляются смотрять его житье. Какъ пріѣдутъ къ жениху, онъ выходитъ встрѣчать и кто есть при немъ родственники, зовутъ гостей въ избу, накрываютъ на столъ, наливаютъ по чашкѣ чаю, просятъ за столъ, но гости, не смотря на ихъ прошеніе, всѣ въ квартирѣ стоятъ стоймя и не садятся, и если женихъ не по нраву, идутъ вонъ изъ квартиры. Если женихъ понраву, просятъ невѣстины родственники показать у жениха, что есть имущества на лицо: сколько скота и хлѣба, въ томъ числѣ и одежи. Все просмотрятъ, молятся Богу, и бьютъ рука объ руку, садятся за столъ, пьютъ чай и угощаются водкой до-пьяна. Потомъ возвращаются къ невѣстѣ. Невѣста встрѣчаетъ родственниковъ и плачетъ, бросается каждому въ ноги со слезами. Потомъ сбираются въ той деревнѣ дѣвушки и пожилыя женщины къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ и бросается въ ноги со слезами. Отецъ невѣсты по прибытіи отъ жениха, отправляется въ кабакъ, беретъ водки. Дожидаютъ жениха на смотрѣнье; въ который день смотрѣнье собираются молодыя ребята и дѣвушки, пожилыхъ лѣтъ мужчины и женщины, всѣ приходятъ къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ съ причетами, при ней пожилыхъ лѣтъ женщина обучаетъ ее плакать и причитать во время свадьбы. За это время отъ невѣсты плата той женщинѣ чѣмъ-нибудь изъ хлѣба: пирогъ съ рыбой изъ ржанаго тѣста и пироги на прѣсномъ ржаномъ тѣстѣ, начиненные яшновой на молокѣ простокашей съ масломъ.

Съ тою же простотой описаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ замѣчательною подробностію, сватанье и сватьба въ селѣ Кургоминскомъ Шенкурской волости, со словъ крестьянина Сысоева. Вотъ это описаніе.

Крестьянинъ-отецъ, вознамѣрясь женить своего сына, говоритъ напримѣръ: «Ванька, тебя станемъ женить».—Нѣтъ батька, мнѣ не хотьце. «Что ты, дуракъ, не хотьце, кому же у насъ робить, вѣдь мати-то одна (называетъ свою жену для сына матерью), да и стара ужъ стала, и хоть хватись и дровъ-то принести некому, вѣдь самъ знаешь, одинъ у каши-то не споръ, но ужъ не говори будемъ женить».—«Старикъ, (жена называетъ своего мужа) да на чьей дѣвкѣ-то, думаешь женить?»—«Вотъ тѣ на чьей, да хоть поѣдемъ къ Пашѣ Благочинному, (по прозвищу называютъ одного мужика)». «Словъ нѣтъ, мужикъ знаетъ, что у насъ все есть, давай пожалуй, дѣвака-то на работу ядрена, кого пошлешь въ сватовцы-то?» «Не знаю, кого же, да хоть Василья Горя, который настоящій плачея (одному мужику дано прозвище Васька Горе-плачея), онъ лучше другаго высватитъ».—«Дакъ что, старикъ, сходи, пошли него, да вотто: вели нему Ваньку-то нашего хвалить, ну! что мужъ, какъ пойдетъ такъ ужъ будетъ хвалить, а не пойдетъ дакъ пошли Московку, (называютъ по прозвищу одну женщину), она не хуже, знаешь, Васьки Горя». Приходитъ старикъ (отецъ Ваньки) къ Васькѣ Горю, говоритъ: «выйди-ка, сватъ, со мной на пару словъ на дворъ!» Васька Горе говоритъ: «оболокчись (т. е. одѣться), али въ одной рубахѣ?» «Да хоть въ рубахѣ». Выходятъ на дворъ (въ сѣни). Говоритъ старикъ: «во что сватъ (называетъ Ваську Горя по маленькой роднѣ), я тебя хочу послать къ Пашѣ Благочинному». «Зачѣмъ?» «Да вотъ здумали со старухойто женить Ваньку, у него кабыть дѣвка хороша». «Да что говоритъ, хороша, я знаю всѣхъ наперечетъ дѣвокъто». «Да какъ эта дѣвка не хороша, дакъ гдѣ другуюто лучше этой найдешь?»

Васька Горе приходитъ къ Пашѣ Благочинному. Говоритъ: «Павелъ, выйди на дворъ со мной не надолго»! Не надолго выходятъ на дворъ. Говоритъ Васька Горе: «Павелъ, послалъ меня къ тебѣ Тарасъ Архиповчевъ, здумалъ сына женить, да что отдай дѣвку-то, парень-то хорошой». «Знаю, что хорошой, да что у меня вотъ большуха-то скажетъ» (Павелъ называетъ жену свою большухой). «Да что пойдемъ переговоримся!» Приходятъ въ избу Павла. Говоритъ Васька Горе (женѣ Павла). «Что, Яковлевна, (называетъ по отечеству) я пришелъ къ вамъ за дѣвкой (отъ Ваньки Козла) отъ Тараса Верхорѣчнаго, отдай за парня-то,—какъ хошь, давай дѣвку —парень хорошой стоитъ дѣвки, знаешь, вѣдь парень табаку не пыть (т. е. не нюхаетъ и не куритъ)». Потому это при первомъ разговорѣ объясняютъ, что здѣсь больше раскольники, этого табаку ненавидятъ: основываются на своемъ законѣ—что этотъ табакъ выросъ не на землѣ, а у одной блудницы дѣвки на естественной части, поэтому его ненавидятъ и это считаютъ за грѣхъ великій, и легче, говорятъ, жить необрачно холостому парню съ дѣвицей, или даже съ женой чужой, съ замужнею, это считаютъ за грѣхъ свальный, и стоитъ отъ этого грѣха получить прощеніе: взять въ куриное яйцо т. е. въ скорлупу порожнюю влить, сколько войдетъ, воды, на себя вылить: тѣмъ получаютъ прощеніе и этимъ себя очищаютъ, а за употребленіе табаку человѣкъ проклятъ. Да вотъ еще почему многіе изъ православныхъ совращаются въ расколъ, что живя многія лѣта значитъ и много имѣютъ грѣха, и чтобъ отъ грѣха избавиться, приглашаютъ по ихнему названію старшину старообрядческаго, просятъ его, чтобъ онъ перекрестилъ хотя-бы кого не было, изъ православія въ старую вѣру привелъ; тотъ старшина сейчасъ погружаетъ въ кадку, наполненную водою, совершаетъ свои молитвы и тотъ, перекрестившись чрезъ сего старшину въ водѣ, считаетъ себя спасеннымъ,

потому что, хотя многія лѣта жилъ, но всѣ нажитые грѣхи своею кущелью обмылъ. Но возвратимся къ сватовству.

«Хватись, чего у мужика нѣту: хлѣба стараго полжитницы, четыре скотины на воду ходятъ, два теленка на сѣнѣ, пятигодовой быкъ на корму, конь тоже хорошій, одиннадцать овецъ и деньги водятся, домикъ живетъ; а хоть изъ платья-то, шубъ бѣлыхъ сукманинъ, у парня кафтанъ, рубаха дорогаго кумаку, тяжевые штаны, поясъ изъ дорогаго прядева шлёнской шерсти, и кисти какія наведены, не то што двои кисти, да и концы-то у пояса разѣ на два вершка, да гдѣ на два, чуть не на три вышиты золотомъ, какъ срядитце, просто золотой, все бы на его глядѣлъ, ну что говорить! Парень ходитъ на сплавку, гроша не промотаетъ, не пьяница, а осень-то ходитъ въ лѣсъ: у него въ лѣсу насторожено сорокъ петлей, да тридцать кулемъ, сколько онъ переловитъ заяцей, есть ружье и собака, стрѣляетъ бѣлку, собака у него, говорятъ, хороша, я чулъ у старовѣра Митрохи цѣлковый давали за собаку-то, и мортъ плести мастеръ, и рыбъ ловить въ озерахъ шустръ, да вѣдь ты самъ слыхалъ, отецъ-то говоритъ: мы тепере на свѣжихъ спимъ, а на уткахъ въ баню ѣздимъ, да просто все есть у нихъ». «Знаю что есть, ну такъ что говоришь, большуха?—говоритъ Паша своей женѣ, отдадимъ, за парня-то, стоитъ парень дѣвки нашей, отдадимъ давай. «Какъ хошь, отдавай». Васька-Горе: да что тутъ, давай. Павелъ, Богу со мной помолимся. Помолясь Богу, ударились по рукамъ. Васька-Горе говоритъ: побѣжу къ Ванькѣ за нимъ, сегодня придемъ съ виномъ и сосватаемся. Приходитъ Васька Горе въ домъ Тараса Верхорѣчнаго, говоритъ: «слава Богу, выходилъ дѣвку». Тутъ Тарасъ—отецъ Ваньки и жена Тараса говорятъ: «ну выходилъ, такъ слава Богу». «Ну что дѣлать нечего, Васька Горе говоритъ: оболокайся въ кафтанъ да пойдемъ, зачѣмъ пошли». Одѣвается Ванька. Говоритъ Тарасъ, отецъ Ваньки: «что мнѣ нужно-ли ходить съ вами?» Васька-Горе говоритъ: «не надо, мы все безъ тебя состряпаемъ». Пошли, идутъ, дорогой говоритъ Ванька плачеѣ и сватовцу Горю: «много-ли возьмемъ вина на сватанье, четверть?» «Какое четверть! говоритъ Горе: возьми полведра что-ль, дѣтинушка, тутъ соберется много дѣвушекъ и молодухъ, ну надожь имъ бросить по стакашку». Взяли полведра, говоритъ плачеѣ Горе: намъ вѣдь знаешь, плачея не нужна, я вѣдь самъ плачея. Приходятъ въ домъ къ Пашѣ Благочинному, женихъ молится Богу и говоритъ: «здорово живите». Будущая его теща: «проходитко, Иванъ Тарасовичъ», и такъ легко забѣгала, что худо слышитъ подъ собой ногъ своихъ, рукотертъ схватила со спицы, ну, лавки опахивать.—Говоритъ плачеѣ Горе: «ну, Яковлевна, зачѣмъ пришли, то и дѣлать надо». «Что дѣлать, я вѣдь ей-богу не знаю, у насъ одна споена и скормлена Марфушка». Заревѣла: «что это, что задумалъ еретикъ (мужа своего ругаетъ), только у меня одна свѣтила въ глазахъ, охъ-ти-хти-хти тошнехонько, что мнѣ будетъ». «Не реви, Яковлевна, вѣдь это вѣкъ на вѣкъ дѣлаютъ, не у насъ одинхъ, какъ бы ты отдавала за табачника или за мотыгу, то бы тебѣ ревѣть, а то, слава Богу, мужики живутъ дородне, всяка всячина есть. Ну, давай сбирай на столъ, тяни въ большой уголъ, да веди невѣсту». (Невѣста въ это время въ клѣти одѣвается покрасивѣе). А тутъ начинаютъ сливаться со всѣхъ сторонъ дѣвки, молодухи и парни, посмотрѣть какъ будутъ что дѣлать. Женихъ со сватовцемъ садится въ большой уголъ и приглашаетъ, чтобы, если всѣ знакомые и родственники, за столъ посадили кого нужно, женихъ беретъ принесенное вино въ лагушкѣ, наливаетъ въ братынь, тутъ и ведутъ невѣсту закрытую, чтобъ не могли видѣть ея лица, послѣ чего учинаетъ она ревъ во всю пасть, женихъ же наливаетъ стаканъ полугара (вина), проситъ первоначально хозяина, чтобы онъ выпилъ стаканъ водки, потомъ хозяйку, и послѣ ихъ пьютъ сами, женихъ и сватовецъ; женихъ выводитъ изъ-за стола невѣсту, вскрываетъ и подаетъ стаканъ вина, а она въ то время нѣсколько, какъ сказать по здѣшнему, чеченится т. е. какъ будто ей стыдно, да и страшно, однако принимаетъ и пьетъ; выпивши стаканъ, придетъ сватья уведетъ въ малой уголъ той-же избы и этотъ уводъ ей повторяютъ разъ до пяти, и тогда, окончивши водку, невѣсту опять закрываютъ.—Плачея садится на скамью и всѣ дѣвушки въ порядокъ начинаютъ про невѣсту дѣлать плачный причетъ, а невѣста во время этого чрезвычайно реветъ:

Боетце мнѣ Господа да будетъ не убоетце.
Стыдитце отца матери да будетъ не устыдитце.
Крытце мнѣ подруженекъ будетъ не укрытисе.
Подавать будетъ зыченъ голосъ:
По двору нову-городу, по двору нову-городу да по высокому терему
На широкую на улицу, да по широкой по улицѣ
Во сусиди, во складники, въ порядны приближенные.
Хотя усудятъ, подивуютъ со сторонъ добрые люди.
Пойдутъ да подивуютъ удалы добрые молодцы:
Самоволька красная дѣвица
Въ дому у солнышка батюшка,
Да у солнышка у батюшки,
Да у родимыя матушки,
Напередъ я помолилася свѣту Господу Богу.
Я тогды благословилась у свѣта солнышка батюшки,
Я у солнышка у батюшки
Да у родимыя матушки,
Приходилъ же ко мнѣ батюшка
Близко не подилё. . . . .
Отдалъ минѣ благословеньиче да мыкать горе велико

Спасибо тебѣ, батюшка,
На великомъ благословеньи,
Дайте во очи видити мнѣ родимую матушку,
Отдай-ко мнѣ, матушка, да велико благослове. . . .
Дала ты мнѣ-ка матушка, да велико благослове. . .
Спасибо тебѣ, матушка, на великомъ благословень. . .

Пѣсня эта поется въ то время, когда женихъ приходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами. Послѣ этой пѣсни будутъ дѣлать причетъ невѣстѣ насчетъ родительскаго благословенья.

Въ этомъ причетѣ слова иногда не допѣваются. При распѣвѣ онаго нужно обратить вниманіе на склонъ, каждаго стиха; а что написано: послѣ окончанія сватанья поется «боетце и зыченъ голосъ»,—это ошибочно, потому что плачея оный разсказывала въ родѣ сказки, а какъ начала нараспѣвъ, при пособіи дѣвушекъ, то вышло иное. Этотъ стихъ при первомъ случаѣ при причётахъ плачныхъ употребляется, но прежде этого стиха, когда женихъ расподаетъ принесенное вино, тогда до этого еще стиха про жениха поется пѣсня, которая съ самаго начала употребляется еще ранѣе сего стиха.

Пѣсня во время сватанья, употребительна сначала до плачныхъ причетовъ:

О диво лелю, младу мою.
Иванъ Василисте напитца даетъ (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Даетъ онъ даётъ, приговариваетъ (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Отмойся бѣло да ходи хорошо (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Черезъ тынъ не скачи, красиковъ не дери (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Черезъ мостъ не ходи, своихъ пятъ не коли (2 раза)
О диво лелю, младу мою.
Наша Василиста не плакуша была (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Два поля шла и не плакала (два раза).
О диво лелю, младу мою.
А третье пошла и заплакала (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Лузи болота вода понела (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Князья. бояра перевозятся, перевозятся, переносятся (два раза).
О диво лелю, младу мою.
Нашей Василисты не перевезутъ, не перенесутъ (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Нашей Василисты чужа сторона (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Незнакома, не родимая (два раза)
О диво лелю, младу мою. . . .

Плачный причетъ жениху во время сватанья:

Да ходилъ, гулялъ ясенъ-соколъ по чистому полю *)
Заряжалъ да добрый молодецъ калену стрѣлу. . .
Говорилъ же добрый молодецъ рѣчи, таково слово . . .
Полети ты калена стрѣла на чужу, дальну сторону. . .
У моего у батюшки да ворота незатворенныя. . .
Да у моей-то у матушки двери незатворенныя . . .
У меня у красной дѣвицы да завѣса незадернута. . .
Залетѣла калена стрѣла да въ домъ ко солнышку батюшкѣ
Да ко солнышку ко батюшкѣ, да ко родимой ко мат. . .
Устрѣлила калена стрѣла во ретивое сер. . .
Стые да поры времени да весела не быва. . .
Да стые поры времени да до сыта не ѣдала. . . .
Да стые поры времени да до плотна не сыпа. . . .
До сель мои родители были добры и жало. .
Жилось у родителей да до поры да до вре. . .
Пропилъ меня батюшка да на винѣ на зеле. . .
Пробилъ да руку правую съ дорогимъ злаченымъ перс. .
Да названой чужой брателко да Иванъ сударь Тара. . .
Меня усудятъ подивуютъ да со сторонъ добрые лю. . .
Да почему-же красной дѣвицѣ чужой названной мой брат. . .
Не-одной то воли города, не-одной подвинскіе ге. . .
Этотъ тотъ да добрый молодецъ славны топеской во. . .
Да въ топеской во волости да все дородны добры мол. . .
Все дородны добры молодцы, да хороши красны дѣв. . .
Тамъ дороденъ добрый молодецъ да добрымъ людямъ на за. . .
Да добрымъ людямъ на завидость да лихимъ на издивле. . .
Ростомъ вѣточка зеленая, лицемъ наливная ягодка. . .
Въ три часу даливаласе, да во одинъ часъ исполня. . .
Кудри твои волосы, да золотыя коси. . .
Въ три ряду да завивалисе. . .
Въ первый рядъ да завивалисе да по плечамъ разм. . .
Въ другой рядъ да завивалисе да ко уху привива. . .
Въ третій рядъ да завивалисе да изъ кольца въ кольцо мета. . .
Да на всякой на кудриночкѣ да по скатной бисер. . .
Да на всякой волосиночкѣ да по золотой пота. . .
Тотъ средился доброй молодецъ да добрымъ людямъ на за. . .
Да добрымъ людямъ на завидость, да лихимъ на издивле. . .
Своему-то отцу матери да столько на посмотре. . .

*) Окончаніе словъ не допѣвается.

Не уболятъ-то родители во всѣ очи по смотри. . .
Да поятъ, кормятъ родители да на свѣчахъ на молеб. . .
Да свѣчи-то Богу ставятъ: они здоровьеча мо. . .
Да молебны-то служатъ они вѣку наставле. . .
Да сряжаютъ родители въ дорого цвѣтное пла. . .
Ты средился добрый молодецъ луче князя да бояри. . .
Лучше купча гостя торго. . .
Ты хорошой доброй молодецъ да добрымъ людямъ на за. . .
Да добрымъ людямъ на завидось, да лихимъ на издивле. . .
Житье ваше богатое словно синее море. . .
Ты ходилъ да доброй молодецъ да въ гульбу молоде. . .
Въ гульбу да молодецкую да въ Питербургъ славный гор. . .
У тебя поступочка бурлелькая да честь хвала молоде. . .
Тебя много да люди знаютъ да именемъ называ. . .
Именемъ тебя называютъ да вочиной велича. . .
Да не могъ же ты женитися да въ угульбѣ молоде. . .
Пріѣхалъ доброй молодецъ да въ домъ ко солнышку батю. . .
Да ко солнышку ко батюшку, да ко родимой ко ма. . .
Вздумалъ же ты женитися на чужой дальной сто. . .
Мои честны родители, да глупые неразу. . .
Отдали родители да на чужу дальну стор. . .
Да молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зелене. . .
Подошелъ ты доброй молодецъ, да близко неподале. . .
Принесъ ты доброй молодецъ любочестные гости. . .
Да спасибо добру молодцу на любочестныхъ гости. . .
На многомъ да приношеньиче, да на большомъ подаре. . .
На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой гривнѣ. . .

Послѣ жениха принадлежитъ сватовцу нижеслѣдующій причетъ:

У насъ въ дому у батюшки сидятъ за срядным золотымъ столо. . .
Незнамые гости съ чужы дальныя стороны. . .
У батюшки родимаго да позву званья го. . .
У матушки родимыя да пожду жданые гости. . .
Да у меня у красной дѣвицы да неминучія го. . .
Да за грѣхъ будетъ не миновати да чужи дальныѣ сто. . .
По такимъ грѣхамъ достанусе да за таково человѣ. . .
Жалосливой сидятъ брателко да Василей Ермолая. . .
Ты хорошей, доброй молодецъ добрымъ людямъ на завид. . .
Приходилъ же бульшей сватовецъ въ домъ ко солнышку бат. . .
Да ко солнышку ко батюшку, да ко родимой ко ма. . .
Да не хотче больша сватовца да именемъ называ. . .
Выводилъ у меня ты батюшку да изъ ума, да изъ разуму . .
Родимую-то матушку да изъ великія памяти. .
Ты лукавилсе, вилавилсе въ дому у солнышка бат. . .
Хвалилъ ты да нахваливалъ да чужу дальную сторону.
Сказалъ ты на чужой сторонѣ да по два схожаго солнышка.
По два младаго мѣсяцу, по два теплаго лѣту. . .
Сказалъ ты на чужой сторонѣ, да по два колосу паволо. . .
По два руна хлѣба сымаютъ да по одному насѣва. . .
Хлѣба-то стоялаго да анбары иззасыпаны. . .
Денегъ-то лежалыхъ-то да сундуки иззасы. . .
Платья-то цвѣтнаго да грядки иззавѣш. . .
Говорятъ-то люди добрые рѣчи таково слово. . .
Нынiче у сватовца да вся хвала потеря. . .
Не сходитъ на чужой сторонѣ да по два схожаго солн. . .
Не катайтце на чужой сторонѣ да по два младаго мѣсяца. . .
Да нѣтъ-то на чужой сторонѣ по два теплаго лѣту. . .
Не приходитъ на чужой сторонѣ да по два колоса навосо. . .
И нѣту на чужой сторонѣ хлѣба стоялаго да и денегъ лежа. . .
У нихъ холоду и голоду да анбары иззасыпаны. . .
Слезъ-то да горючихъ-то да сундуки иззаполнены. . .
Тряпушечекъ, ремушечекъ да все грядки иззавѣшены. . .
Этотъ ходитъ добрый молодецъ да во царевые кабаки. . .
Да пропьетъ да промотаетъ да все село и деревню. . .
Какъ за грѣхъ будетъ неминовати да чужи дальныя стор. . .
Да за грѣхъ будетъ житье неудачное. . .
Я тебя да больша сватовца стану клясти проклина. . .
Понеси ти лѣшой сватовца да далеко во темные лѣсы. . .
Во лѣсу-то заблудитися да и назадъ не воротится
Да какъ тебѣ да большу сватовцу да со горы сокатитися.
Со горы да сокатитися да о камень заразитися.
Ото глупа неразумная, да душа красная дѣвица. . .
Проклинаю больша сватовца, мнѣ за грѣхъ будетъ
Не миновати да чужи дальные стор. . .
А какъ на чужой сторонѣ да будетъ мѣсто издачное. . .
По уму будетъ по разуму чужа дальная сторона. . .
По обычью да понаровью чужой сынъ отецкой. . .
За тебя я больша сватовца да буду Бога молити,
Подай Богъ большу сватовцу житья долгаго вѣку. . .

Буду я ходити ко Божьей святой ко церкви
Ко ранной ко заутрене да ко священной къ обѣднѣ. . .
Стану класть на суда Бога сударь солнышка батюшка. . .
Сталъ онъ меня давати-то на чужу дальну сторону
Большой сватовецъ силой не отымаетъ да боемъ не отбиваетъ. . ,
Большому-то сватовцу да повелѣное дѣло. . .
Какъ пойдешь да большой сватовецъ да на чужу дальну сторону
Да во путь да во дороженьку тебя виномъ напоятъ
Впередь большому сватовцу много даровъ насуля. . .
Не радуйся ты сватовецъ да даромъ не веселися. . .
Тебѣ не сто локотъ даровъ достантце, тебѣ не цѣлая тысяча. . .
Только обойдется тебѣ одна мѣрная искосинка
У большаго у сватовца жена не пряха, не ткаха.
Куды-же искосинку да подернути будешь.
Не знать себѣ да на портяночки, не знать женѣ на искосинку.
Я пряла простыночку да во филиповое говинье
На кирпичной на печкѣ да подъ дымолочнымъ окошкомъ.
Ткала простынечку да во великое говинье. . .
Окна не выставляла да близемъ не разсшивала. . .
У меня у красной дѣвицы на натонко прядено да и не начисто выткано. . .
Не на круто кручено, да и не набѣло бѣлено. . .
Не на дары лажено. Лажена простынечка да на бѣлыя рубашечки
Не могите на меня чужы добрые люди
Судомъ да посудити, да дивомъ подивовати,
Подошелъ-то ко мнѣ брателько близко не подалеку,
Поднесъ да во бѣлыхъ рукахъ много злата и серебра. . .
Спасибо тебѣ, брателько, да на многомъ приношеньиче. . .
На многомъ да приношеньиче да на бульшемъ подар. . .
На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой гривнѣ.

Эти причеты поетъ плачея вмѣсто невѣсты.

Тотчасъ послѣ сватанья будетъ приготовленіе свадьбы какъ у невѣсты, такъ и у жениха (у той и другаго вопервыхъ заваривают пиво). Къ невѣстѣ во время дѣвичника собираются всѣ дѣвушки, также и молодые парни той волости, въ которой она находится. Къ жениху собираются на дѣвичникъ родные и знакомые и приближенные сосѣди, для угощенія пивомъ, водкой (сивухой), частію хлѣбомъ-солью. Столъ во время мужскаго дѣвичника приготовленъ съ перемѣнами: на первый разъ тогда имѣются у нихъ щи съ говядиною, во вторыхъ кулебяки изъ соленой трески, въ третьихъ изъ палтусины, въ четвертыхъ изъ соленыхъ сиговъ, послѣдняя перемѣна у нѣкоторыхъ—свѣжая рыба, послѣ этого сочни т. е. тонкія лепешки разосланы, величиною въ рѣшето, изъ ячной муки; а въ постное время для ухи варится сухая треска, мелко крошится, кладется въ глинянный горшокъ, прибавляется часть крупы и соли, все это уваривается, какъ слѣдуетъ и употребляютъ при первой перемѣнѣ. Тотъ же самый столъ, какъ во время дѣвичника и свадьбы у невѣсты, въ приготовленіи кушанья съ перемѣнами находится и у жениха. Къ невѣстѣ во время дѣвичника собираются всѣ дѣвушки въ самомъ нарядномъ приборѣ, также молодые парни (а особливо щегольки); родные невѣсты сидятъ за приготовленнымъ столомъ, которыхъ отецъ и мать угощаютъ пивомъ, водкой (сивухой). Когда соберутся всѣ дѣвушки и усядутся по лавкамъ и скамьямъ, тогда плачея будетъ продолжать плачный причетъ, одному какому либо парню богатому и хорошему, отъ котораго намѣрены получить гостинцы. Парень несетъ невѣстѣ гостинцы, также и плачеѣ денежнымъ количествомъ, по возможности своей, а дѣвушекъ даритъ пряниками. За симъ женихъ, во время дѣвичника своего, приглашаетъ сперва родныхъ своихъ, потомъ знакомыхъ ему пріятелей, въ княжескій поѣздъ, а равно крестнаго отца, котораго у нихъ называютъ тысяцкимъ и крестную мать по женихѣ, называемую сватьей. Ежели вблизи живутъ, какъ тысяцкой такъ и сватья, то во время дѣвичника спрашиваютъ у приглашенныхъ: заготовлены ли у васъ колокольчики? (обычай въ здѣшнемъ мѣстѣ, ежели поѣдутъ за невѣстой, то привязываютъ къ дугѣ колокольчиковъ, около 12-ти штукъ; это дѣлается въ зимнее время). Въ отвѣтъ жениху во время дѣвичника, отвѣчаютъ, что колокольчики заготовлены. Онъ говоритъ имъ: «такъ пріѣзжайте заутра поранѣе всѣ»; а сторожъ тоже приглашается послѣ сватанья вскорѣ: онъ въ поѣзду главное лице, и потому называется главнымъ, что предохраняетъ отъ порчи какъ невѣсту, такъ и жениха. Послѣ съ дѣвичника уходятъ домой, и назавтра пріѣзжаютъ всѣ поѣзжане, которые были приглашены въ домъ жениха, изъ оныхъ женихъ, какъ-то изъ ближайшихъ брата своего, а ежели нѣтъ его, то и зятя назначаетъ въ дружки, а сторожъ ранѣе поѣзжанъ находится при женихѣ; поѣзжане къ жениху не вдругъ всѣ сбираются, кто пріѣдетъ прежде, того угощаетъ женихъ на повѣтѣ водкой и пивомъ, за каковое угощеніе пріѣхавшій даетъ жениху гостинцы—бараньихъ ходилъ, обернутыхъ платкомъ, ежели нѣтъ ходилъ, то даритъ кулебякой; такимъ же образомъ женихъ принимаетъ всѣхъ до послѣдняго и угощаетъ вышеписанными гостинцами. Когда всѣ поѣзжане съѣдутся, тогда начнетъ сторожъ приготовлять столъ къ кушанью: разстилаетъ первоначально скатертку во весь столъ, потомъ сажаетъ жениха, тысяцкаго (т. е.

крестнаго отца), сватью (т. е. крестную мать), потомъ позволяетъ жениху посадить первоначально брата своего, а ежели нѣтъ брата, то зятя, потомъ сажаетъ прочихъ рядомъ одинъ возлѣ другаго, сравнивая съ родомъ своимъ (ближайшихъ родомъ), сажаетъ въ большой уголъ, и т. д. въ такомъ порядкѣ: женихъ, тысяцкой по лѣвую руку жениха, а сватья по правую на срединѣ женской лавки, а сторожъ напротивъ ихъ. Послѣ этого сторожъ благословляется у хозяина въ домѣ и хозяйки рѣзать хлѣбъ, находящійся въ то время на столѣ. Они кланяются и благословляютъ и говорятъ: «съ Богомъ продолжай». Тутъ сторожъ противъ каждаго поѣзжанина кладетъ ржаные изъ хлѣба нарѣзанныя скоски, затѣмъ всѣхъ обнесетъ такимъ же образомъ ячнымъ пирогомъ, потомъ скаными ячными сочнями, всѣмъ дается по столовой ложкѣ. Послѣ этого сторожъ требуетъ отъ хозяйки на тарелкѣ (рыбниковъ, кулебякъ) одинъ или два и кладетъ на тотъ и на другой конецъ стола по рыбнику и на средину онаго, и говоритъ хозяйкѣ: «неси ухи», въ постный день, а ежели въ скоромный, щей и говядины на тарелкѣ; а хозяинъ во время приготовленія стола по приказанію сторожа приноситъ штофъ вина (полугару). Когда все сторожемъ приготовлено: тогда встаетъ весь княжескій поѣздъ на ноги и начинаетъ молиться Богу, а сторожъ въ это время читаетъ молитву: Отче нашъ и т. д.; когда прочтетъ всю молитву, поѣзжане отвѣчаютъ: аминь, садятся всѣ по своимъ мѣстамъ; по позволенію сторожа выходятъ изъ-за стола два дружки, берутъ въ руки штофъ съ виномъ и подаютъ изъ онаго на подносѣ съ двумя рюмками: первоначально хозяину и хозяйкѣ дома, потомъ тысяцкому. Дружка въ это время читаетъ молитву «Господа Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ», а тысяцкой принимаетъ рюмку и отвѣчаетъ ему: аминь, также и сватья; а женихъ въ это время стоитъ и кланяется, и весь тотъ день не употребляетъ хлѣба и питья до тѣхъ поръ, пока не обвѣнчается и не привезетъ въ домъ свой невѣсты. Подаютъ далѣе сторожу, сами дружки выкушаютъ по рюмкѣ, послѣ этого всѣмъ подаютъ по порядку поѣзжанамъ, а сторожъ даетъ хозяину сочень, и говоритъ: раздѣлите съ хозяйкой пополамъ. Раздираютъ сочень и ѣдятъ. Хозяинъ проситъ весь купно княжескій поѣздъ кушать хлѣба-соли, кланяется: «кушайте гости». И они послѣ хозяина приступятъ къ кушанью, а собравшійся въ это время на посмотрѣніе народъ хозяинъ угощаетъ пивомъ, нѣкоторымъ подаютъ по рюмкѣ вина. Когда всѣ откушаютъ, и молятся Богу и сторожъ читаетъ ту же молитву: «Отче нашъ» а въ это время горитъ свѣча у иконы. Женихъ по окончаніи стола подаетъ тарелку для собиранія со всѣхъ поѣзжанъ денегъ, кто сколько пожелаетъ. А сторожъ въ это время жениху ко кресту и всѣмъ поѣзжанамъ прилѣпляетъ воскъ для предохраненія, чтобъ не могли испортить кого въ поѣзду. Послѣ этого женихъ собираетъ съ тарелки деньги и кладетъ въ свой кошелекъ; выходятъ изъ-за стола всѣ. Женихъ падаетъ отцу и матери въ ноги, также крестному отцу и крестной матери, проситъ у нихъ благословенія къ благополучному браку. Они его благословляютъ и гладятъ по головѣ рукой не голой, съ задернутымъ рукавомъ. Сватовецъ беретъ съ собою для угощенія родственниковъ невѣсты и прочаго тутъ на свадьбѣ народа, лагушку пива, сватья—большой платокъ для закрытія невѣсты, а сторожъ — двѣ свѣчи для зажженія. Выходитъ весь княжескій поѣздъ изъ избы и садится всякъ на свою лошадь, потомъ выѣзжаютъ на улку и становятся врядъ, одна лошадь за другой, т. е. кому надлежитъ за кѣмъ ѣхать, первымъ надлежитъ ѣхать дружкамъ, далѣе поѣзжанамъ, тысяцкой посреди поѣзжанъ, а женихъ позади тысяцкаго; за женихомъ сватья, за сватьей сторожъ; когда такъ установятъ весь поѣздъ, тогда обходитъ сторожъ всѣхъ лошадей кругомъ: первыхъ гладитъ за чёлку. Это дѣлается для того, чтобъ дорогой надъ конями не посмѣялись. Бывали случаи, что во время проѣзда вдругъ лошади всѣ останавливаются и впередъ не идутъ. (Это, говорятъ, какой-то человѣкъ надъ сторожемъ смѣется: поставилъ на самую дорогу медвѣдя). Какимъ это способомъ дѣлаютъ, неизвѣстно, а на это у нѣкоторыхъ, какъ говорятъ, есть такія слова, принадлежащія дьяволу. Дружки по прибытіи сейчасъ ѣдутъ скоро на въѣздъ, вдругъ въ это время ворота у невѣсты запираютъ, а дружка первой начинаетъ щелкать нижеслѣдующія слова:

Щелкальныя слова съ вопросами, и противъ оныхъ отвѣты.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ.

Это произноситъ на первый разъ, (на это отвѣчаютъ: аминь вашей молитвы. Что вы за люди и зачѣмъ пріѣхали?) Мы люди Божіи да государевы, насъ два посла посланника, двѣ дружки передоѣзжихъ. Мы посланы отъ князя первобрашнаго, мы пріѣхали къ вашему дому, не нахально, не навально, по первому зву по сватовству, по другому рукобитью, по третьему данью, рукоданью; мы ѣхали чистыми путями, зелеными лугами, наволочными мѣстами, дремучими лѣсами, лѣсы дремучіе, болота зыбучія, грязи тончія, ручьи ребиновы, мосты калиновы, озера тихія, рѣки быстрыя, моря чистыя, мы ѣхали увѣками, переулками, искали куницы и лисицы, не нашли ни куницы, ни лисицы, только нашли одинъ куній слѣдъ. Тѣмъ же куньимъ слѣдомъ ѣхали, гонили и всѣхъ молодцовъ притомили; доѣхали до бѣлаго шатра до господскаго дому. (Есть ли у васъ въ домѣ господинъ хозяинъ?) (Есть). Господинъ хозяинъ, куній слѣдъ отводи, не то красную дѣвицу выводи, насъ молодцовъ

въ пути и дорогѣ не держи, нашего князя первобрашнаго въ чистомъ полѣ не томи. Господинъ хозяинъ, наши кони прибились, всѣ молодцы притомились, позвольте нашимъ конямъ сѣна зеленаго, овса ядренаго, сѣна до колѣна, овса до глазъ. (Есть вашимъ конямъ солома ржаная и та гнилая). Г. хозяинъ, мы къ тебѣ пріѣхали, не по рожь, не по пшеницу, но по красную дѣвицу. (Какія на вашей дѣвицѣ примѣты?) У насъ на дѣвицѣ примѣты: бѣлобисерной почелокъ, сидитъ она въ бѣломъ шатрѣ, высокомъ терему, въ дѣвьей бесѣдѣ, въ женскомъ порядкѣ, на брусовой лавкѣ, подъ черной фатой, подъ бѣлымъ платкомъ. Ручками помахиваетъ, головкою покачиваетъ, умильно припѣваетъ, своихъ родителей поминаетъ, а насъ молодцовъ въ пути въ дорогѣ дожидаетъ. Господинъ хозяинъ, есть ли у васъ у воротъ—приворотники, у дверей—придверники, у столовъ—пристольники, у печи—стрянчіе люди. Ваша стряпка отъ печи бросилась, на курьемъ говнѣ раскатилась, о полъ зубами хватилась. Господинъ хозяинъ, есть ли нашимъ конямъ караульщики? (Своихъ приставъ). Чтобъ тѣ же караульщики ворота отпирали, высоки подворотницы вымали, чтобы наши кони ногъ не переломали и копытъ не заломали; что же, господинъ хозяинъ, этого дня не хотѣлъ воротъ запирать и дверей затворять, съ чего ворота заперъ и двери затворилъ, или съ какого позволенія взялъ? (Потому ворота запираю и двери затворяю, вашъ княжескій поѣздъ въ одно мѣсто сжидаю). То ваши не отговорки, а нашъ княжескій поѣздъ не въ разсорнѣ.—Тогда отворяютъ ворота, дружки заходятъ въ комнату приговаривая: «за скобу руками, за молитву зубами». Помолившись Богу одинъ изъ нихъ продолжаетъ: «Здравствуй, господинъ хозяинъ. съ женой и съ дѣтьми, приходящими гостями, посланникомъ посланнымъ отъ князя первобрашнаго; велѣлъ спрошать про княгиню первобрашную, челомъ ударить низкій поклонъ отдать. Князь первобрашный спрашиваетъ, добра ли-здорова, также велѣлъ сказать про свое здоровье. Остается онъ въ чистомъ полѣ, въ пути и въ дорогѣ, въ широкихъ раздольяхъ, подъ краснымъ солнцемъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ теплыми муравами, подъ темными облаками, подъ частыми мелкими звѣздами, съ княжимъ тысяцкимъ, съ княжей сватьюшкой и со всѣмъ молодымъ съ княжимъ поѣздомъ, съ духовнымъ отцемъ. Доброе здравіе, еще же г. хозяинъ, велѣлъ нашъ князь первобрашный челомъ ударить, низкій поклонъ отдать и приказалъ намъ спросить: желаешь его въ домъ къ себѣ?» «Милости прошу». «Когда милости просишь, теперь онъ приказываетъ становить столы дубовые, разстилать скатерти шелковыя, неси на столъ питья, яствы разныя, яствы сахарныя, рюмки хрустальны, ситные бѣлые хлѣбы, осетровыя рыбы, гусей, лебедей, сѣрыхъ плаучихъ утицъ, пива бочку пьянаго, станови на столъ вина зеленаго, покорми весь молодой княжескій поѣздъ: княжаго тысяцкаго, княжую сватьюшку, также и насъ молодцовъ не забывай». Послѣ сего подходятъ къ невѣстиной сватьѣ и одинъ причитаетъ: «здравствуй, сватья, наша сватья вашей сватьѣ поклонъ присылала, велѣла челомъ ударить, челобитье справить, честь воздать, низкій поклонъ отдать, велѣла встрѣтить въ пути и въ дорогѣ въ полотняныхъ дверяхъ, на калиновомъ мосту, чтобъ были у вашей сватьи ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, велѣла встрѣтить съ пивомъ да съ виномъ, со пшеничнымъ пирогомъ; еще краснымъ дѣвицамъ и молодымъ молодицамъ, гостямъ приходящимъ всѣмъ вообще купно низкій поклонъ, старымъ старухамъ по шилу въ жопу». По прочетѣ сихъ словъ, подноситъ невѣстина сватья дружкамъ на тарелкѣ по плату и сочню. Тогда выходятъ дружки изъ избы на улицу къ поѣзжанамъ, сторожъ идетъ впереди, а дружки позади. Обходя кругомъ поѣзда, сторожъ гладитъ каждую лошадь за гриву или по заду, а дружки приговариваютъ противъ каждыхъ саней, въ которыхъ находятся поѣзжане: Милости просимъ, княгиня первобрашная, въ домъ! И родственники ея тогда въѣзжаютъ во дворъ по порядку одинъ за другимъ, какъ слѣдуетъ. Хозяинъ принимаетъ въ избу и садитъ за столъ, а сторожъ распоряжается, имѣетъ наблюденіе какъ прежде сидѣли у жениха, такъ должны сидѣть и у невѣсты, лишь только усядутся, сторожъ требуетъ у хозяина огня. Когда сторожъ получитъ отъ хозяина огня, зажигаетъ свѣчку, находящуюся у иконы въ большомъ углу, свитую изъ двухъ. Всѣ встаютъ, которые находятся за столомъ, а сторожъ читаетъ молитву: «Отче нашъ». По прочтеніи сей молитвы всѣ отвѣчаютъ: аминь, садятся на прежнее свое мѣсто, а дружки тогда выходятъ изъ-за стола и несутъ приготовленное хозяиномъ пиво, а сторожъ въ это время благословляется у хозяина, разстилаетъ на столъ скатертку и разрѣзываетъ хлѣбъ, кладетъ каждому по скоску рѣзаннаго хлѣба, покрываетъ, ежели въ скоромные дни, ячными пирогами, поверхъ ихъ сочнями и требуетъ отъ хозяйки во-первыхъ кулебакъ, потомъ щей или ухи, смотря по времени постнаго или скоромнаго дня. Также спрашиваетъ хозяина: есть ли, хозяинъ, у тебя водка? Тогда выноситъ хозяинъ штофъ полугару (вина), сторожъ получаетъ вино и подаетъ дружкѣ. Дружка наливаетъ двѣ рюмки вина и подаетъ во-первыхъ хозяину, потомъ хозяйкѣ, тысяцкому, сватьѣ. Дружка выпьетъ самъ рюмку и подаетъ далѣе. Второй дружка за нимъ вслѣдъ подаетъ по стакану пива и говоритъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Принимающій пиво отвѣчаетъ: аминь. При обносѣ всѣхъ виномъ и пивомъ, сторожъ приказываетъ затушить свѣчку у иконы. Послѣ этого принимаются

кушать. Невѣста во все это время реветъ, а плачея продолжаетъ плачные стихи дѣвушкамъ до пріѣзда брака. Когда откушаютъ, сторожъ принуждаетъ плакать поѣзжанамъ за столъ, и говоритъ: уже не рано стало, чтобъ намъ не опоздать къ вѣнчанію. Плачея послѣ этого начинаетъ причитать тысяцкому, потомъ дружкѣ и поѣзжанамъ. Во время этого причета, дружка приноситъ дары невѣстѣ и плачеѣ деньгами, по возможности своей. Когда подходитъ къ невѣстѣ то произноситъ нижеслѣдующія слова: Красныя дѣвицы, молодыя молодицы, подбирайте рѣзвыя ножки, дайте свѣту изъ окошка, подойдтить къ сударынѣ челомъ ударить, челобитье справить, честь воздать, низкій поклонъ отдать, а ты, сударыня, не будь горда, а будь вожовита, гордость, спѣсь подъ лавку спрячь, лѣнь, потяготу въ подполье кинь. Ты, сударыня, не плачь, не тужи и ни о чемъ не вопи, у нашего батюшки вода близенько, ушатцы маленьки, коромысла тоненьки, прими, сударыня, на красныя румяна, на бѣлыя бѣлила, за то што тонко пряла, ситно ткала, коробейку крутила, намъ молодцамъ наровила. Ты, сударыня, не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь, иди не съ вѣрой, а къ вѣрѣ.

Когда невѣста приметъ гостинцы, также и плачея, послѣ этого начнетъ дарить всѣмъ дѣвушкамъ пряники; принимая ихъ дѣвушки низко кланяются. Когда окончится весь столъ плачными причетами, тогда у родителей станутъ просить благословенія, подойдутъ къ невѣстѣ отецъ и мать съ благословеніемъ, и вскорѣ стоящіе по сторонамъ невѣсты, одѣтой во всемъ снарядномъ уборѣ, проводники подхватываютъ ее подъ руки, а она въ это время сидитъ; тогда тысяцкой и сватья, находящаяся за столомъ, поднимаютъ жениха подъ руки, а невѣсту проводники, поѣзжане жъ, сидящіе за столомъ, такъ и прочій на свадьбѣ народъ, кричатъ: стаетъ, а проводники кричатъ: стала, и стараются такъ, чтобъ жениху и невѣстѣ встать вмѣстѣ на ноги т. е. въ одну минуту, а нѣкоторые со стороны смотрятъ на происходящее и размышляютъ: ежели невѣста стала послѣ жениха, то она будетъ надъ мужемъ имѣть большество, у поѣзжанъ за столомъ въ это время свѣча у иконы засвѣчена. Послѣ этого проводники ведутъ невѣсту, привязанную однимъ концомъ къ правой рукѣ полотенцомъ и отдаютъ прямо жениху чрезъ столъ. Женихъ, принявши невѣсту за полотенцо, оставитъ ее возлѣ себя, вертитъ вокругъ себя три раза и старается послѣ этого, когда будутъ садиться, чтобъ платье невѣстино подъ себя засѣсть; кромѣ этого приноравливаетъ сѣсть на одно колѣно. Когда сѣли, въ то время кричатъ: «на многія лѣта» до трехъ разъ, а со сторонъ кричатъ: «сватовецъ, пожалуй табаку, а тысяцкой княжнаго пива!» А сватья даетъ всякому тутъ на свадьбѣ гостинцы (ячныхъ сочней, а поособеннѣе кому пшеничныхъ пироговъ). Послѣ того будущая теща подноситъ жениху на братынѣ (съ пивомъ) ситцевой платокъ фабричнаго издѣлія. Принявъ братынь съ платкомъ, зять тотчасъ изъ кошелька вынимаетъ и кладетъ въ ту братынь отъ 1 р. до 5 руб. и болѣе, и отдаетъ назадъ тещѣ, она же, сливши пиво, собираетъ деньги и отдаетъ обратно жениху т. е. зятю своему, и говоритъ: «у насъ пива нѣтъ продажнаго»; а дѣвушки и молодцы въ это время поютъ пѣсню:

У князя было князя
У князя молодаго (2 раза)
У Ивана та свѣта
У Ивана та свѣта,
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя,
Золотыя, навитыя
Навитыя и накладныя;
Что по этимъ по кудрямъ
Тесть зятя любуетъ,
За зятемъ то ходитъ,
Сто рублей денегъ носитъ,
Зять съ лавки не сойдетъ,
Съ головы шапки не сойметъ,
Онъ челомъ не ударитъ,
У насъ этого дару
Дару дома довольно,
Довольно сыздовольно,
Што у батюшки роднаго,
А што у матушки родныя.
У князя было князя
У князя молодаго (2 раза)
У Ивана та свѣта
У Ивана та свѣта
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя
Золотыя, навитыя
Навитыя и накладныя,
Что съ по этимъ по кудрямъ
Теща зятя любуетъ,
За зятемъ то ходитъ
Сто локотъ даровъ носитъ;
Зять съ лавки не сойдетъ,
Съ головы шапки не сойметъ,
Онъ челомъ не ударитъ
У насъ этого дару
Дару дома довольно
Довольно сыздовольно,
Што у батюшки роднаго,
Што у матушки родныя.
У князя было князя
У князя молодаго (2 раза)

У Ивана та свѣта
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя
Золотыя, навитыя
Навитыя накладныя,
Что съ но этимъ по кудрямъ
Шуринъ зятя любуетъ
Онъ за зятемъ то ходитъ,
Примѣрно сказать,
Марфу душу выводитъ,
Зять съ лавицы сойдетъ,
Съ головы шапку сойметъ,
Онъ челомъ пріударитъ
У насъ этого дару
Дару дома-то нѣту,
Што у батюшки роднаго
И у матушки родныя.

За этимъ вскорѣ невѣсту принимаютъ опять тѣ же проводники и уводятъ изъ-за стола въ клѣть (гдѣ она одѣвается покрасивѣе подъ надзоромъ невѣстиной сватьи), а сторожъ тогда скажетъ: не облисни другой невѣсты. Когда сядятъ, невѣстина сватья ведетъ ее за столъ и отдаетъ жениховой сватьѣ, женихова сватья накладываетъ привезенный ей платокъ и закрываетъ все лицо и сажаетъ на старое мѣсто. Посидѣвши тутъ немного, находящійся за столомъ сторожъ распоряжается, проситъ у хозяйки какъ выше описано, щей или ухи, неразломанныхъ кулебякъ, потомъ ячныхъ пироговъ и сочней, а отъ хозяина вина (полугару). Сначала подаетъ хозяину и хозяйкѣ, а далѣе, какъ выше описано; поѣзжане въ это время закусываютъ. Когда окончатъ водку и закусятъ порядочно, вдругъ встаютъ, молятся, какъ было сказано, и читаютъ молитву: «Отче нашъ», потомъ выходятъ изъ-за стола всѣ поѣзжане, а невѣсту изъ-за стола берутъ проводники за платъ и сажаютъ на приготовленную лошадь. Уряднвши, какъ слѣдуетъ, всѣхъ лошадей, сторожъ опять кругомъ оныхъ обхаживаетъ, какъ ѣхали за невѣстой т. е. кому за кѣмъ надлежитъ. Ранѣе было за женихомъ ѣхала сватья, а нынѣ невѣста со своими проводниками, за невѣстой—невѣстина сватья, за оной женихова сватья, а сторожъ самый послѣдній. Проѣхавши немного вдругъ дружки ворочаются назадъ къ бывшему хозяину (т. е. невѣстиному отцу) и, зайдя въ избу, произносятъ слова: «здравствуй, господинъ хозяинъ, нашъ князь первобрашный столовалъ, пировалъ, не изломалъ-ли мѣднаго, желѣзнаго, оловяннаго и деревяннаго, ежели изломалъ, то завтра будутъ разплачиваться серебромъ и золотомъ». Послѣ этихъ словъ хозяинъ угощаетъ ихъ водкой. Когда пріѣдутъ къ вѣнцу, заходятъ первоначально въ трапезу, невѣста садится тогда возлѣ жениха по лѣвую руку, а сватья невѣстина возлѣ невѣсты. Потомъ вѣнчаются какъ слѣдуетъ. Когда обвѣнчаются, тогда женихъ съ своей женой садится въ одни сани, а прочіе поѣзжане по прежнему, и отъѣзжаютъ отъ церкви къ жениху въ домъ. По прибытіи туда, родственники встрѣчаютъ обвѣнчанныхъ ржанымъ хлѣбомъ, которымъ колотятъ въ темя того и другаго до трехъ разъ, а отецъ жениха встрѣчаетъ ихъ съ иконой, кладетъ имъ на голову и такимъ же образомъ продолжаетъ, послѣ этого икону даетъ пѣловать тому и другому (мать жениха въ это время къ невѣстѣ кидается подъ закрытый платокъ и смотритъ въ лице ея, правильно ли наложено на голову и кромѣ того любуется, хороша ли привезена сыну своему жена), а прочіе родственники подаютъ по рюмкѣ вина и по стакану пива. Въ это время некасательныхъ къ свадьбѣ лицъ собирается множество, такъ что трудно войдти поѣзжанамъ въ избу. За этимъ заходятъ въ избу всѣ, кланяются Богу, какъ невѣста такъ и прочій народъ. Обвѣнчанные уходятъ прямо за столъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ и сватьей и садятся на средину женской лавки. Послѣ чего сторожъ приступаетъ собирать на столъ кушанье. Собравши такимъ же образомъ, какъ выше сказано, засвѣчаетъ свѣчку, свитую изъ двухъ, становится по прежнему и читаетъ молитву: «Отче нашъ» и т. д. По прочтеніи всѣ садятся: какъ сидѣли у невѣсты во время стола, такъ должны сидѣть и у жениха т. е. кому за кѣмъ слѣдуетъ, а проводники невѣстины садятся въ большой уголъ, т. е. возлѣ тысяцкаго. Усадившись, какъ должно быть, хозяинъ приноситъ вина и угощаетъ: подаетъ сначала тысяцкому, потомъ сватьѣ невѣстиной, далѣе молодымъ, самъ выпьетъ съ женой по рюмкѣ, послѣ того подноситъ сторожу, потомъ всѣмъ поѣзжанамъ по порядку, а молодая вмѣстѣ со сватьей низко кланяется каждому, кто приметъ чарку вина. По обносѣ всѣхъ виномъ, начинаютъ кушать всѣ, не исключая и молодыхъ, которые до этого времени не употребляли какъ хлѣба, такъ и питья. Покушавши немного, опять обносятъ виномъ такимъ же образомъ, а прочіе домашніе родственники угощаютъ всѣхъ пивомъ. Молодой, т. е. мужъ своей женѣ, а столомъ говоритъ потихоньку: ѣшь, и подкладываетъ подъ руки ея кулебяки, изъ какой-нибудь рыбы, и прямо тутъ, что есть на столѣ. Когда отъѣдятъ, тогда невѣстина сватья раздаетъ привезенные съ собой гостинцы, сначала сидящимъ за столомъ, потомъ на сторону прочему народу: сочни изъ ячной муки (смотря по времени какое позволяетъ кушать т. е. постное или скоромное, а нѣкоторымъ пшеничные пироги). Когда соберутъ со стола кушанье въ корзины, каждый изъ поѣзжанъ въ это время кидаетъ по скосу ржанаго хлѣба; этимъ себя оказываютъ т. е. честь отдаютъ молодымъ, сторожъ собравши со стола все, отдаетъ хозяйкѣ. Столы затѣмъ убираютъ прочіе. Мать

обвѣнчанныхъ приходитъ и срываетъ съ невѣстки накрытый платокъ. Невѣстка послѣ этого падаетъ въ ноги матери своей т. е. (родной мужу своему), потомъ отцу до трехъ разъ и всѣмъ домашнимъ такимъ же образомъ; когда воздастъ честь поклонами, тогда уходятъ. Невѣстинъ родной отецъ пріѣзжаетъ съ платками послѣ княжескаго поѣзда; мужъ ведетъ ее разбирать подарки въ другую комнату, разобравши подарки, приходятъ на старое свое мѣсто и дарятъ во-первыхъ: сынъ со своей женой — отца и мать и проч. домашнихъ, одаривши родныхъ, одариваютъ поѣжанъ: даютъ каждому по платочку ситцевой матеріи на стаканѣ. Принявшіе подарки, какъ родители, такъ и поѣзжане, пьютъ отъ обвѣнчанныхъ по стакану пива; выпивши стаканъ, спускаютъ на дно онаго деньги, кто сколько пожелаетъ и благодарятъ жениха за подарки. Посидѣвши немного, поѣзжане еще отъ обвѣнчанныхъ пьютъ по стакану пива и уѣзжаютъ по своимъ мѣстамъ домой. Послѣ этого у хозяина (т. е. женихова отца) будетъ празднество на счетъ угощенія виномъ (проводниковъ невѣстиныхъ, сторожа и обвѣнчанныхъ). Посидѣвши немного сторожъ поведетъ обвѣнчанныхъ на подклѣть т. е. спать и говоритъ имъ слова въ вино, которое послѣ и подаетъ выпить. Эти слова здѣшними жителями признаны: ежели хорошъ сторожъ, т. е. ученой, то онъ, наговоритъ такихъ словъ въ вино и подастъ обвѣнчаннымъ выпить, что во всю жизнь свою станутъ другъ друга любить страстно, словомъ, будутъ жить, что нельзя лучше.

Обряды свадебные, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, описаны были священникомъ Алексѣевымъ. Описаніе начинается сватовствомъ:

Желающій жениться на избранной невѣстѣ, посылаетъ, съ благословенія родителей, къ родителямъ ея бойкаго свата, или сватью. Для достиженія успѣха сватъ встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ слѣдующія слова (подходъ): «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, стану я рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чисто-поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему Іисусу Христу и матери Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ и всѣмъ святымъ, надѣну утроранній бѣлый свѣтъ и застегаюсь утро-ранними мелкочастыми звѣздами, умоюсь мокрою росою соломоніею, утруся бѣлымъ полотенцемъ, бѣлымъ свѣтомъ, наложу царскій колпакъ, пойду къ рабу божію ко властелину (имя рекъ) въ свѣтлые очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ божій (имя рекъ) зритъ и глядитъ на мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа Царя небеснаго: такъ и на меня бъ (имя рекъ) раба божія зрѣлъ и глядѣлъ, и ярымъ окомъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ и зла лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь».

По приходѣ въ домъ невѣсты, послѣ пожеланія имъ здравія, говоритъ: у меня женихъ, а у тебя невѣста, сведемъ ихъ вмѣстѣ. Тѣ отвѣчаютъ свату: «покорно благодаримъ на поисканіи», и, отложивъ положительный отвѣтъ до другаго дня, ѣдутъ смотрѣть жиру (домохозяйство) жениха, если оно неизвѣстно имъ. На этотъ случай небогатый женихъ старается пріукрасить свою жиру и обмануть посѣтителей; сосѣди приносятъ ему кто самоваръ, кто одежду и даже пригоняютъ лишнюю корову въ хлѣвъ.

Понравилась жира, составляются *уговорки о приданомъ*, о дарахъ, о днѣ бракосочетанія. Съѣзжаются въ домъ невѣсты, женихъ съ родителями и самыми ближайшими родными, привозятъ съ собою вино, мякушки (хлѣбъ ржаной) и рыбники (пироги съ рыбою), является къ жениху невѣста, молятся Богу и прикладываются *ко Св. иконѣ* въ удостовѣреніе справедливости уговорки. Послѣ того женихъ подноситъ невѣстѣ *рюмку* водки и *даритъ* платьемъ, а невѣста отдариваетъ жениха платкомъ, первоначально подавъ ему также рюмку водки, затѣмъ всѣ садятся за столъ, угощаясь привезенными яствами, а послѣ стола богатые родители невѣсты угощаютъ женихово родство чаемъ. *Уговорку* эту называютъ *винопитіемъ*, на коемъ говорятъ *пропивается дѣвка замужъ*.

Наканунѣ брачнаго дня въ домѣ невѣсты совершается *заплачка*. Собираются дѣвушки, зрители и плачеи, невѣста садится въ большомъ углу подъ иконою въ повязкѣ закрытая (фатою) платкомъ. Плачеи начинаютъ водить (пѣть) стихи толстымъ голосомъ, а невѣста подъ ихъ тонъ неистово плакать. Вотъ эти стихи.

а) Родителямъ:

«Благослови Боже Господи, Боже Спасъ, да Пречистая Пресвятая Божія Мать Богородица, выкатайся солнце красно угрѣено изъ-за темнаго лѣсу дремучаго, ты пожалуй моя надежда—родитель-батюшко, въ самый въ привычный большой уголъ и ко мнѣ печальной сирой голубушкѣ (подходитъ отецъ, а послѣ него мать, и въ объятіяхъ дочери вмѣстѣ плачутъ), ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣвать, да отсѣяти (если далеко:) на злодѣйчужу дальную сторону, на безродну землю безплеменную и подальше всего роду племени; (если близко:) за ближняго сосѣда порядняго къ одной красы веселью и къ одной церкви пресвященной, (если большая семья:) въ семью во большую, во братію многую, за *свекра строптиваю*, за *свекровь сварливую;* какъ-то я стану жить красоватися, за славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ? Страшатся глаза, очи ясныя, унываетъ мое сердце ре-

тивое; не учена моя буйная голова, не торено мое сердце ретивое, не торилъ и не училъ меня надежда-родитель-батюшка и не жалѣлъ торить и учить и научивать. Я побью челомъ, да и покланяюсь, что пропивалъ меня надежда родитель-батюшка, печальную сизу-голубушку, на томъ тебѣ не спасибо и укинулся на чашку на пивную, на чарку на винную; ужъ еще побью челомъ, да покланяюсь тебѣ, надежда родитель-батюшка, не во гнѣвъ поставь, что попеняла тебѣ печальная сиза-голубушка, когда буду я въ чужомъ домѣ, тепловитомъ гнѣздышкѣ, побью тебѣ челомъ, да покланяюсь, въ гости жалуй мой родитель-батюшка, въ чужой домъ и ко мнѣ печальной сизой-голубушкѣ, тори путь-дорожку широку въ чужой домъ и ко мнѣ до тепловата гнѣздышка. Не вычитывайся изъ роду, изъ племени и не забывай меня сизой-голубушки». Далѣе припѣваетъ, если пьющій женихъ:

«Случилось слышать мнѣ, дѣвицѣ печальной,—что злодѣйка—неволя (женихъ разумѣется) великая, что испытываетъ горчицу зелено вино, выпивается изъ ума, да изъ разума, не выходитъ изъ царева кабака». Если пьющій рекрутъ, то говорятъ:

«Еще привторило, прибавило, что боится слушая набору солдатскаго».

б) Дядьямъ: *Сердечный ласковый дядюшка!* спасибо, что поднялся пожаловалъ и ко надежи родителю батюшкѣ и ко надежи родимой матушкѣ и ко мнѣ ко дитяти печальному, здравымъ здрава, а не весела, а не въ весельи и не въ великой радости и заручена моя буйная голова и отсулена печальная сиза-голубушка ужъ не на чужу и не на дальную сторону, за ближняго сосѣда окольнаго и къ одной красы веселью великому и къ одной церкви пресвященной (см. выше стихи къ родителямъ).

Слѣдуетъ обращеніе къ подругѣ:

«Милая подруга любовная! сядемъ мы съ тобою по прежнему, посидимъ, да побесѣдуемъ, побасимъ да посовѣтуемъ, ужъ теперь все прошло, да миновалося, меня вздумали отдать, да отсѣять. Разумѣй, моя подруга любовная, моей злой тоски и кручины великія и разставанію, есть у тебя родитель-батюшко и надежа родитель-матушка, ужъ ты не гляди на то, что добры да ласковы, будто вешны ледочки подножливые, ужъ не трещатъ да подломятся».—Засимъ плачеи обращаются къ какой-либо плачущей дѣвицѣ: «ужъ ты о чемъ растужилась, да расплакалась, жалѣть видно меня сизу-голубушку, либо пало тебѣ въ буйну голову, что ты не смѣешь надѣяться на надежу родитель батюшку и матушку, такъ же отдадутъ тебя, да отсѣятъ, какъ меня сиду-голубушку, у тебя страшатся глаза, очи ясныя, унываетъ сердце ретивое».

«Я осталась побѣдна сиза-голубушка будто пустое поле безъгородное и будто пуста хоромина некрытая, я ходила побѣдна, сиза-голубушка съ того глупаго ума да разума селами, ходила по міру по крещеному по-подоконью по высокому, послѣ жила по нянькамъ работницамъ и натерпѣлась небылицы-напрасницы, ужъ не подай Божья Мать Богородица жить по нянькамъ, казачихамъ и работницамъ, ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣявать и т. д. (какъ выше къ родителямъ).

Наканунѣ брака женихъ съ дружкою *зазываютъ своихъ родственниковъ* на свадьбу. На лошадь одѣвается хорошая сбруя; къ высокой раскрашеной дугѣ привязывается до 5 колокольчиковъ, на сани разстилаются нарядные ковры. И вотъ ѣдутъ и по пути каждому встрѣчному низко кланяются. По входѣ въ домъ величаютъ хозяина по имени и отечеству и присовокупляютъ: «такой-то нашъ батюшка и такая-то наша матушка просятъ васъ на бракъ къ нашему князю первобрашному, такому-то (а женихъ говоритъ: ко мнѣ на бракъ) и въ *поѣздъ* хлѣба соли покушать; просимъ покорно (трижды) не оставьте нашего прошенія». Такая же честь дѣлается и прочимъ лицамъ, случившимся въ домѣ. Къ 7-ми или 8-ми часамъ вечера званые гости собираются въ домъ жениховъ и предварительно разсаживаются за столомъ по мѣстамъ, чтобы въ столѣ невѣстиномъ не пришлось занять послѣдняго мѣста имѣющему право на первое мѣсто. Гость, посаженный не на свое мѣсто, или получившій худые дары, или мало угощенный, капризничаетъ и не сочтетъ за стыдъ на чужомъ пиру расшумѣться. По окончаніи этой церемоніи разстилаютъ на полу шубу, на которой женихъ падаетъ въ ноги родителямъ, прося у нихъ благословенія жениться и обнимаетъ ихъ. Потомъ всѣ гости (поѣздъ), кромѣ матери, становятся среди избы и тысяцкій со св. иконою трижды обходитъ вокругъ поѣзда, читая молитву: «да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его». Затѣмъ, послѣ испрошенія двумя дружками позволенія у тысяцкаго отправиться въ путь, словами произносимыми трижды: «г. тысяцкій! благослови въ путь шествовать!» и послѣ полученія отвѣта: «святые отцы благословляютъ, и праведники Бога молятъ», поѣздъ отправляется съ колокольчикамй на смотрѣнье, провожаемый и встрѣчаемый у каждой деревни толпою народа съ огнемъ въ рукахъ. Впереди ѣдутъ дружки, потомъ женихъ съ тысяцкимъ, а далѣе прочіе поѣзжане. Подъ конецъ пути поѣздъ ѣдетъ тихо, а въ это время дружки, оставляя поѣздъ, стремглавъ ѣдутъ къ невѣстѣ и у запертыхъ сѣней трижды стучатъ съ молитвою: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». За дверями отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Аминь» и вводитъ ихъ въ домъ, гдѣ дружки, называя родителей невѣстиныхъ по имени и отечеству, говорятъ: такой-то и такая-то (имя отечество родителей жениховыхъ), господинъ тысяцкой и князь первобрачный приказали вамъ кланяться и спросить: «здорова ли ваша

княгиня?» Тѣ отвѣчаютъ: «здорова, слава Богу», потомъ подчуютъ пивомъ и виномъ и отводятъ квартиру для помѣщенія женихова поѣзда, который дружки обязаны встрѣтить прежде пріѣзда онаго въ деревню, чтобы показать имъ путь къ отведенной квартирѣ.

Изъ этой квартиры дружки заходятъ въ домъ невѣсты съ колокольчиками въ рукахъ трижды, при отходѣ отъ жениха, обращаясь къ тысяцкому: «господинъ тысяцкій! благословите и проч. (какъ изъ жениховой квартиры), а при входѣ къ невѣстѣ и ея родителямъ: «пожалуйте намъ желаемаго посмотрѣть», и въ каждый разъ угощаются пивомъ и виномъ. Потомъ отецъ невѣсты посылаетъ трехъ человѣкъ къ жениху для приглашенія его къ себѣ въ домъ со всѣми любящими гостями хлѣба соли покушать. Женихъ пословъ угощаетъ пивомъ и виномъ. Вслѣдъ затѣмъ женихъ и весь поѣздъ идутъ къ невѣстѣ. Предъ походомъ дружки возглашаютъ трижды обыкновенную фразу: «г. тысяцкій! благословите и прч. Аминь», и вводитъ отецъ невѣстинъ въ домъ. Весь поѣздъ занимаетъ мѣсто въ большомъ углу; тутъ же помѣщается привезенный имъ ящикъ съ пирогами изъ пшена.

Изба, лавки, печка, палати (нары)—все занято народомъ и ребятишками, собравшимися частію изъ любопытства, а частію для пересудовъ; тѣснота, давка, жаръ необыкновенны. Невѣста въ это время находится или въ другой комнатѣ, или за печкой. Вотъ начинается:

Зажигаютъ три стеариновыя свѣчи и подаютъ въ руки жениху. Дружки трижды и болѣе возглашаютъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» такой-то и такая-то (имя отечество родителей невѣстиныхъ) «пожалуйте желаемаго посмотрѣть». Является отъ невѣсты сватья (ихъ бываютъ по двѣ съ обѣихъ сторонъ) раскланивается на всѣ стороны и говоритъ: г. тысяцкій отпустите къ намъ свою сватьюшку. А тотъ спрашиваетъ: «водится-ли?» Сватья отвѣчаетъ: «водится; затѣмъ и дѣло состоитъ». Тысяцкій отпускаетъ сватью и вотъ невѣста въ повязкѣ, закрытая фатою, вдали показывается и тихонько ведется родителями. Дружки говорятъ имъ: «подвиньте поближе, еще ближе; приоткройте, откройте»,

Невѣста открывается; женихъ подходитъ къ ней и обводитъ поданными ему свѣчами трижды кругомъ лица невѣсты: послѣ чего невѣста кланяется и женихъ и невѣста цѣлуются въ первый разъ. Далѣе *женихъ даритъ* невѣсту крестомъ, перстнемъ, косынкой, гребнемъ, мыломъ, зеркаломъ, чулками, башмаками и разными закусками и при поднесеніи отдѣльно каждой вещи говоритъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, такая-то (имя и отечество невѣсты) прошу покорно принять»; невѣста принимаетъ, низко кланяется. По окончаніи этой церемоніи дружки, стоя съ зажженными свѣчами по обѣ стороны жениха, держащаго въ рукахъ подносъ съ рюмкою вина и стаканомъ пива призываютъ отца, а за нимъ и всѣхъ гостей къ чаркѣ такъ: «Господи Іисусе Христе и проч. такой-то (имя, отчество отца) пожалуйте къ нашему князю первобрачному чарочку винца кушать. Кто у васъ любящіе есть»?—Всякой гость подходитъ къ чаркѣ и пьетъ сначала вино, а потомъ пиво. Этою же чаркою женихъ подчуетъ невѣсту, которая, взявши подносъ со всѣмъ, что на немъ, поворачиваетъ его отъ себя къ жениху и подчуетъ его. Послѣ того женихъ съ невѣстою цѣлуется, невѣста закрывается фатой и отправляется въ свое мѣсто, а женихъ съ любящими гостями садится за столъ, изобилующій разными яствами и угощаются въ продолженіе цѣлой ночи и тутъ же дарятъ ближайшимъ родственникамъ жениха тѣмъ, кому что выражено. По окончаніи пиршества отецъ жениховъ отправляется домой, а женихъ и другія лица, пріѣхавшія съ нимъ на смотрѣнье, отходятъ въ отводную квартиру для ночлега.

Дружки утромъ ходятъ прежнимъ порядкомъ въ домъ невѣсты и послѣ обыкновенной молитвы, безъ коей не пускаютъ въ домъ, благодарятъ хозяина и хозяйку за хлѣбъ-соль (вчерашнее угощеніе) и спрашиваютъ: «здорова ли ваша княгиня? нашъ князь первобрачный здоровъ». По приходѣ въ слѣдующіе разы докучаютъ желаемое получить. Невѣста въ то время по прежнему плачетъ; а плачеи припѣваютъ дружкамъ: «не спѣшите путемъ дорожкой-широкой, дайте мнѣ посидѣть, да побесѣдовать, побасить, да посовѣтовать по старому, да попрежнему со своими, съ родителемъ батюшкой и родительницею матушкой, и со всѣми милыми подругами любовными; простите, милыя подруги любовныя, ужъ не дають долго сидѣть, да бесѣдовать, ужъ теперь все прошло, да миновалось, за одинъ малой часокъ показалось, придетъ-то злодѣйка-неволя великая (женихъ) со своей дружьей братьей хороброй, поведутъ-то на крутую гору на Сіонскую, къ Божьей церкви пресвященной; когда буду въ вашемъ домѣ тепловатомъ гнѣздушкѣ, постойте стѣной-оградой бѣлокаменной».

«Перехожа перешажая сватьюшка, здраво-ли ты перешла, перешхала, ужъ ты видѣла-ли водоплавныхъ сѣромаленькихъ уточекъ; онѣ всѣ вспорхнули, да полетѣли, одна-то сѣро-малая водоплавная уточка отставала отъ стада лебединаго, пристала къ стаду сѣрымъ гусямъ».

Послѣ того дружки зовутъ родителей невѣстиныхъ со всѣми любящими гостьми къ жениху на завтракъ, на которомъ угощаются пивомъ, виномъ, рыбой, ухой и пирогами.

Во время завтрака бываетъ у невѣсты баникъ предъ вѣнцомъ. На столѣ хлѣбъ, квасъ и соль. Невѣста закрытая за столомъ стоитъ и кланяется. Плачеи поютъ: «пожалуй родитель батюшка ко бѣлу пшеничному ба-

нику и ко мнѣ, ко дитяти печальному; была вѣра съ тобою попроститься».

Отецъ и мать и прочіе родные приходятъ, обнимаютъ невѣсту и кладутъ на столъ что либо (деньги).

Послѣ завтрака еще разъ ходятъ дружки докучать желаемое получить, а вслѣдъ за ними идутъ отъ родителей невѣсты послы къ жениху и приглашаютъ его къ себѣ со всѣми любящими гостями, которые и идутъ. Тутъ бываетъ *пониманье*.

По приходѣ жениха со всѣми любящими гостями въ домъ, выводятъ невѣсту совсѣмъ приготовленную къ вѣнцу; на головѣ у ней повязка, а поверхъ повязки фата (повязка снимается предъ наложеніемъ вѣнцовъ брачныхъ, а фата передъ бракомъ), волосы въ распущенномъ положеніи; отецъ ея, сажаетъ жениха и невѣсту на лавку, а равно и прочихъ людей, потомъ молятся Богу, отецъ благословляетъ ихъ на шубѣ иконою трижды, обвед дя оною кругомъ головъ и приговариваетъ жениху, называя его по имени и отечеству: «благословляю тебя Божіимъ милосердіемъ и моею дочерью (имя и отечество). Вотъ тебѣ тетерька не теребленая, самъ тереби, а отъ людей береги». Затѣмъ идутъ на отведенную квартиру и тамъ, оставивъ невѣсту со сватьями, женихъ съ тысяцкимъ и дружками возвращается въ домъ невѣсты на блины. Надобно замѣтить, что женихъ и невѣста до брака ничего не вкушаютъ; за блинами мать невѣсты подноситъ жениху платокъ, сложенный вчетверо углами вмѣстѣ. Женихъ отогнетъ первый уголъ платка—мать поклонится, второй, третій и четвертый—тоже, послѣ того, принявъ развернутый платокъ, отдариваетъ ее деньгами. Наконецъ отправляются къ вѣнцу,—женихъ съ тысяцкимъ, а невѣста со сватьей. Вслѣдъ за ними родители отправляютъ въ домъ жениховъ приданое, укладенное въ ящики, коробейки и накопленное заботливою матерью невѣсты и посылаютъ хлѣбъ и разные рыбники, пироги со пшеномъ, мясо птичье, и другое и проч.

Послѣ брака въ церкви заплетаютъ у молодой косу и одѣваютъ на голову косынку и послѣ молебна новобрачные съ поѣздомъ отправляются въ домъ мужній; тамъ садятся за столъ, за которымъ поѣзжане угощаются *курятиной*; эти рыбники и хлѣбъ, привезенные съ приданымъ, разрѣжетъ тысяцкій на мелкія части и разложитъ на четыре тарелки; курятину на двухъ тарелкахъ унесутъ для молодыхъ и для стряпухъ, а остальныя двѣ для поѣзжанъ. Закусивши немного, беретъ отецъ жениховъ приготовленный на этотъ случай хлѣбецъ и обходитъ онымъ трижды надъ головами молодыхъ, которые во время закуски стоятъ за столомъ; потомъ завертываетъ хлѣбецъ этотъ фатою, которою закрывалась невѣста поверхъ повязки, и кладетъ этотъ хлѣбецъ въ шапку жениха, который послѣ уноситъ его съ собою; послѣ чего сватьи отъ невѣсты дарятъ отца и мать женихових, братьевъ, сестеръ и тетокъ, если онѣ есть. Потомъ выводятъ молодыхъ изъ-за стола и они благословляются, падая въ ноги отцу и матери на шубѣ, и уходятъ въ горенку, гдѣ кормятъ ихъ курятиной, которая была унесена со стола, и угощаютъ чаемъ и затѣмъ ведутъ ихъ спать въ холодную клѣть, по-большей части.—Дружки и сватьи, а также и посторонній народъ сопровождаютъ ихъ. Молодица раздѣваетъ у молодаго верхнее платье и сапоги, въ кои кладутся иногда деньги. Иной молодой кривитъ ногу, чтобы не скоро молодица сняла сапоги, и вотъ за труды послѣдняя получаетъ вознагражденіе изъ сапоговъ.—Потомъ молодица величаетъ молодаго N N: «нельзя-ли пустить меня къ себѣ въ товарищи?» и тотъ отвѣчаетъ: «радъ товарищу».

Затѣмъ въ домъ молодыхъ бываетъ столъ, называемый *большимъ*. Тутъ угощаются родители невѣсты со всѣми любящими гостями. Столованье продолжается во всю ночь; подъ конецъ онаго являются молодые, подносятъ пирующимъ гостямъ,—женихъ вино, а невѣста пиво, а тѣ полагаютъ имъ въ чарку деньги.

На другой день мать молодаго приготовляетъ для молодыхъ баню; вымывшись въ ней, молодые благодарятъ мать за парную баню и молодица даритъ чѣмъ либо. Потомъ мать подаетъ блины, за коими молодица опять даритъ свою свекровь.

Затѣмъ родители молодицы посылаютъ пословъ къ родителямъ молодаго звать ихъ съ молодыми дѣтьми и любящими гостями на *хлѣбины*. На хлѣбинахъ угощаются только ближайшіе родственники. При этомъ столованьи молодаго даритъ сестра молодицы, если есть. Этимъ и оканчивается свадебная процессія.

При входѣ послѣ вѣнца въ домъ, молодая говоритъ: «первая, другая, я иду третья, цыцъ! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ».

А принятый въ домъ молодой говоритъ, глядя на потолокъ: «я иду, звѣрь лапистый и гордъ-гордастый, гордъ-горластый, волкъ зубастый, я есть волкъ, а вы есть овцы мои».

Описаніе свадьбы въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, представленное священникомъ Колчинымъ, даетъ слѣдующій матеріалъ:

Выбравъ невѣсту по общему согласію родителей и жениха, посылаютъ свата. Сватъ, разрядивши лошадь жениха въ лучшемъ уборѣ, съ бубенцами и позвонками, сватаетъ невѣсту и выряжаетъ *здарье* *). Когда сватъ

*) Выряжаютъ отцу рубаху и платокъ; матери—рубаху, поясъ, платокъ на шею и сарафанъ. Братьямъ—по красной рубахѣ и галстуку, сестрамъ по шолковому платку и всѣмъ роднымъ по платку. Безъ здарья свадьба не совершается, хоть-бы женихъ и хотѣлъ, но родители не несутъ того безчестья, чтобъ у сына не получить даровъ. Часто случается, что по этому тягостному обычаю отказываютъ хорошимъ, достойнымъ женихамъ. Или

удачно сладитъ дѣло, получаетъ отъ невѣсты платокъ, въ знакъ того, что она согласна выдти за жениха въ супружество. Затѣмъ посылаетъ по всему селу извѣстить, чтобы собирались *на заплачку*. Мигомъ молодыя дѣвицы и парни собираются къ невѣстѣ. Невѣста наряжается въ повязкѣ и закрывается платкомъ, начинаетъ плакать каждому особо, сперва родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣвицамъ и молодцамъ. При этомъ она падаетъ три раза въ ноги къ тому, кому приплакиваетъ, хлопаетъ о полъ руками и лежитъ на полу пока ее поднимутъ. Потомъ она садится на колѣни и обнимаетъ за шею, плача подъ пѣсни, которыя поютъ нарочитыя плачеи. За плачъ невѣсты должно заплатить, для сего поставляется братьямъ казна невѣстина. Плачъ продолжается во все время, пока она не обвѣнчается. Невѣста только кричитъ: а-а-а! Наканунѣ брака дѣвицы моютъ невѣсту въ банѣ, на каменку сдаютъ, вопятъ и поютъ; ѣдятъ въ банѣ пироги, а послѣ бани водятъ невѣсту на могилу къ родителямъ, если таковые умерли. Вечеромъ того же дня, женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ поѣзжанами. Сватъ у дома колотитъ полѣномъ съ вопросомъ: «дома ли хозяинъ?» Отвѣчаютъ: «милости просимъ», и встрѣчаютъ поѣзжанъ, убираютъ лошадей и сажаютъ гостей за браные столы. На столахъ поставляются большія ковриги, соль и круглый пирогъ. Когда гостей усадятъ за столы, обносятъ водкою, пивомъ, перемѣняютъ рыбники, но не ѣдятъ. Въ это время наряжаютъ невѣсту, которая до пріѣзда жениха *сидитъ въ шубѣ*. Наряжаютъ и поютъ со словами въ пиво: «какъ ты чисто, злато серебро, чисто и прилично; какъ на тебя злато серебро всякъ зарится, заглядывается: старъ и младъ, женатый и холостой, старыя старухи и молодые молодцы и красныя дѣвицы и молодыя молодицы, такъ бы на тебя рабу N зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы и очей съ тебя не спускали». Этимъ пивомъ невѣста моетъ лицо *).

Когда наконецъ на столъ принесутъ кашу, за кашей отецъ выводитъ невѣсту, которая идетъ, закрывши лицо. Въ это время зорко смотрятъ, чтобъ двери, окна и труба были закрыты. Помолившись Богу, отецъ невѣсты спрашиваетъ жениховыхъ родителей и жениха: «любо-ли наше дитя?» отвѣчаютъ: «любо, очень хорошо». «А вамъ наше любо ли?» «Любо». Послѣ этихъ спросовъ, женихъ выходитъ изъ-за стола и становится врядъ съ невѣстою. Отецъ невѣсты благословляетъ ихъ иконою, а мать хлѣбомъ.

Женихъ и невѣста другъ друга поздравляютъ поцѣлуемъ. Потомъ даютъ невѣстѣ въ руки подносы съ рюмками, а женихъ наливаетъ братыню водки и кличутъ *на чарку* родню невѣстину, сосѣдей и всѣхъ присутствующихъ по парно. По окончаніи клички на чарку, женихъ поцѣловавъ невѣсту, уходитъ за столъ; а невѣста подноситъ дары родителямъ жениха, жениху и всѣмъ поѣзжанамъ. Когда всѣхъ невѣста одаритъ, женихъ отдариваетъ: подаритъ невѣстѣ красные башмаки, серебряныхъ монетъ и чего-нибудь на сарафанъ или на шубку.

Невѣста, получивши отъ жениха дары, уходитъ въ кругъ дѣвицъ и плачетъ дѣвичій плачъ.

Поѣзжане и родственники невѣсты другъ друга подчуютъ стаканами водки, поютъ, чокаются, закусятъ и уѣзжаютъ.

Невѣста, оставшись съ дѣвицами, садится за браный столъ, раздаетъ дѣвицамъ большой пирогъ. Большой пирогъ дѣлается около $1^1/_2$ ар. длиною. Всѣ дѣвицы стараются получить отъ невѣсты пирога, чтобы не остаться отъ ней по выходу въ замужество и подчуютъ въ свою очередь молодцовъ этимъ пирогомъ. По раздачѣ большаго пирога, невѣста за столомъ, въ кругу дѣвицъ начинаетъ оплакивать *повязку-дѣвичью красоту*.

Плачъ невѣсты.

Ты свѣтла заря утренняя,
Ты родима, моя матушка!
Подкатися ты, родимая,
Къ скрутнымъ столамъ дубовымъ,
Объ чемъ я тебѣ
Со низкимъ поклономъ,
Со жалкимъ причитаньемъ:
Не снимай съ меня ты, заря утренняя,
Сей младой дѣвьей красоты,
Ужъ ты дай мнѣ, заря утренняя,
Походить, покрасоватися
Со милыми подружками.

(Дѣвицы въ это время снимаютъ повязку съ невѣсты).

Невѣста продолжаетъ:

Какъ у тебя поднялись руки бѣлыя,
На мою буйну голову
Снять съ меня младой дѣвью красоту?
Посмотри, моя родимая,
По всѣмъ милымъ подружечкамъ,
Онѣ сидятъ, какъ бѣлы лебеди
Веселымъ веселешеньки.
У нихъ свѣтлѣютъ дѣвьи красоты.
Посмотри, моя родимая,
На меня, младу кручинную

женихъ даетъ подмогу невѣстѣ отъ 20 до 30 р. на здарье, если она бѣдна, а жениху взять нужно. Бѣда, если дары не по нраву родителямъ, тогда молодые много должны потерпѣть. Мнѣ случилось слышать у одного крестьянина, что онъ рѣшался было зайтиться на смерть, потому собственно, что за худое здарье не было потомъ житья отъ родителей, ему и его женѣ.

*) Говорятъ еще, что это же пиво подаютъ поѣзжанамъ за столомъ.

На мою-то дѣвью красоту.
Какъ моя-то дѣвья красота
Похудѣла, потемнѣла вся,
Какъ земля подорожная,
Какъ трава подкошоная.

Беретъ повязку въ руки прижимаетъ къ груди и продолжаетъ:

Я возьму свою дѣвью красоту
Во свои да руки бѣлыя,
Снесу свою я дѣвью красоту
Во темные лѣса дремучіе,
Я повѣшу дѣвью красоту
На березу кудреватую,
Я запру свою дѣвью красоту
Въ сундуки окованные,
Я спущу свою дѣвью красоту
Въ синее море.
Се млада, дѣвья красота
Въ 30 лѣтъ бы не состарѣла,
Стара бабка женина старается
Въ три часа меня состарить,
Въ три минуту покручинить.

Въ день брака утромъ дѣвицы приходятъ къ жениху и застаютъ его на постели и будятъ пѣснями.

1. Гусли, гусли мои и проч.
2. Въ саду, саду
Что подъ яблонью кровать,
Подъ зеленой тесова
Кровать тесовая.
Ножки точеныя
Да позолоченыя,
На кровати перина,
На перинѣ простыня,
На простынѣ молодецъ
Первобрачный князь.
Князь молоденькой,
Князь хоробринькой.
Скороходъ къ нему пришелъ
Скороходъ молодой:
Ужъ ты стань, пробудись,
Первобрачный князь:
Еще на морѣ корабль,
Съ краснымъ золотомъ идетъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Да съ чистымъ серебромъ.
Не могу я, братцы, стать,
Да головы своей поднять:
Голова моя болитъ,
Да ретиво сердце болитъ;
Что подъ яблонью кровать
Подъ зеленой тесова.

(Повторяютъ до слова: «скороходъ къ нему пришелъ»).

Ужъ ты стань, пробудись,
Первобрачный князь:
Еще на морѣ корабль
Съ красной дѣвицей пришелъ.
Онъ вскочилъ, побѣжалъ:
На босу ногу сапогъ,
На право плечо кафтанъ.
Вы, друзья, братцы мои!
Переймите вы корабль,
Дамъ я выкупъ вамъ большой!

Въ церковь съ женихомъ и невѣстой пріѣзжаютъ только: тысяцкой, сватья и дружки. Въ ящикѣ привозятъ ватрушки и раздаютъ народу. Невѣсту, послѣ брака *крутятъ*, т. е. переодѣваютъ въ повойникъ и везутъ закрытую платкомъ въ домъ жениха. Послѣ перваго стола, молодыхъ отводятъ *на подклѣть*, угощаютъ тамъ приглашенныхъ родныхъ и оставляютъ молодыхъ для отдыха. На другой день у родителей невѣсты бываетъ сборный столъ подъ названіемъ *горячаго*. Тѣмъ и кончается свадьба. Чрезъ три дня привозятъ приданое невѣсты.

Далѣе помѣщаемъ свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго прихода Шенкурскаго уѣзда.

Свадьба начинается въ Тулгасскомъ приходѣ обрядомъ, называемымъ „*закрываньемъ*“. Обрядъ этотъ начинается такъ: по пріѣздѣ жениха съ такъ называемыми поѣзжанами, невѣста со своими подругами-дѣвицами уводится женщиной родственницей, или знакомой, если есть другая комната, то въ нее, а если нѣтъ, то въ клѣть и одѣвается тамъ, или въ *крашенинникъ*, или *ситникъ*. Въ первый костюмъ одѣваются невѣсты бѣдныя и нежелающія выйдти въ замужство за помолвленнаго жениха потому, что онъ или бѣденъ, или не красивъ собою, или же худъ характеромъ. Въ послѣдній костюмъ, т. е. ситникъ одѣваются тѣ, которыя изъ богатаго житья выходятъ за жениховъ богатыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ нравящихся имъ. Во время одѣванія невѣсты, женихъ и его поѣзжане угощаются разными яствами и питіями отъ родителей, если они есть, или родственниковъ невѣсты. Одѣвши невѣсту, ведетъ ее женка-родственница или знакомая и приводитъ въ ту комнату, гдѣ сидитъ женихъ и прочіе гости закрытую куколемъ, ситымъ изъ бѣлаго холста съ разными прикрасами, и, вошедшіе, молятся святымъ иконамъ. Невѣста, помолившись св. иконамъ, если есть священникъ, котораго почти всегда приглашаютъ для этого, проситъ у него благословенія, а если нѣтъ, то у отца своего и матери. У священника проситъ благословенья обыкновенно, т. е. о. N. благослови! у отца же и матери слѣдующими словами:

«Батюшка и матушка! благословите *мыкать горе великое*
И со слезами горючими,
Отведите вы горя великаго за три горы высоки,
А горючихъ-то слезъ за три Дунай-рѣки быстрыи.

Точно также просятъ благословенія у братьевъ и другихъ родственниковъ, если отца и матери нѣтъ въ живыхъ. По окончаніи означенныхъ выше словъ, отецъ и мать благословляютъ, изображая крестъ на просящей благословенія. Повидимому дѣло начинается какъ нельзя лучше, но что же дальше? Невѣста, получивши благословеніе, проводится до лавки своими подругами, которыя сажаютъ ее среди себя, начиная приплакивать. На этомъ свадебномъ обрядѣ приплакиваютъ только одному сватовцу—такъ:

«Что у насъ у батюшка за пиръ, за праздничекъ, годовой, да настоящій?
Зачѣмъ у насъ у батюшка за столомъ сидятъ гости незнамые и незнакомые?
Ко батюшку родимому по-зву званные гости,
Ко матушкѣ родимой долго жданые гости,
А ко мнѣ красной дѣвицѣ не минующіе гости.
Гости не минующіе будетъ не миновать.
По что тя, большой сватовецъ, лѣшій носилъ не путемъ, не дорогою,
По утру по ранному, да по позднему вечеру?
Мнѣ отъ больша сватовца все горе привязалось.
Да тебѣ на сто локотъ достанется, да не цѣлая тысяча,
Сколько тѣ достанется что одна мѣрна искосинка,
Той тебѣ искосинкой не одѣтися и нагимъ находитися.
У больша у сватовца жена не ткаха, да не пряха, сущая безпороха.
Изъ того большой сватовецъ видно вился, лукавился да на кривдѣ божился».

При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что когда дѣвушки поютъ сію пѣсню, невѣста плачетъ, какъ можетъ, и ударяетъ кулаками о колѣни, какъ позволяютъ ей силы. Это дѣлается у нихъ, какъ онѣ говорятъ, по модѣ. Отступи отъ этой моды невѣста—скажутъ: «рада, не ревѣтъ и не бьется». Боясь этого, всѣ невѣсты, выражаясь языкомъ здѣшняго простонародья, «ревятъ», какъ могутъ и убиваются до того, что руки и колѣни дѣлаются синими и опухаютъ. Когда кончится приплакиваніе сватовцу, женихъ начинаетъ угощать водкой прежде всего невѣсту, потомъ *всю родню* ея и свою, а наконецъ и всѣхъ ито есть въ той комнатѣ, гдѣ онъ сидитъ. Поподчивавъ такимъ образомъ всѣхъ отъ мала до велика, женихъ прощается съ родными невѣсты и уходитъ, или уѣзжаетъ съ поѣзжанами во свояси. Тоже дѣлаютъ и прочіе гости, исключая *дѣвушекъ*, которыя остаются по просьбѣ невѣсты для подкрѣпленія себя пищею и питіемъ; послѣ чего также расходятся.

Этимъ и оканчивается такъ называемое „*закрываніе*“.

Наканунѣ вѣнца бываетъ *дѣвичникъ*, который начинается съ 5 часовъ вечера и продолжается до 2—3-хъ и далѣе часовъ по полуночи. Предъ дѣвичникомъ готовятъ для невѣсты баню. Приготовляя ей баню, подруги ея опять приплакиваютъ такъ:

«Если у тя батюшка сыновья ясны соколы,
Что моей буйной головушкѣ соколы братцы родимые,
Подойди ко мнѣ ты, брателко, близко неподалеку,
Стану падать брателку въ рѣзвые-ноженьки,
Насѣки-ко ты мнѣ брателко сухихъ березовыхъ дровъ,
Кормилица ты моя родимая матушка,
Тако есть у тя дочери и сизыя голубушки
Зарученой красной дѣвицѣ, да сестрицы родимыя,
Подойди ты, моя сестрица близко неподалеку,
Истопи ты мнѣ, сестрица, теплу жаркую банечку
Помыться да пожариться, на бѣло поумываться,
Не ради чужи стороны, а ради порогу церковнаго
Святой церкви Божьей, да вѣнца золотаго».

Когда баня будетъ совсѣмъ приготовлена, тогда дѣвушки подруги невѣсты становятся среди комнаты, берутъ въ руки длинное полотенце и поютъ:

«Ты, кормилица моя, моя родимая матушка,
Неси моя кормилица тонко бѣло полотенышко,
Отпусти меня кормилица въ теплу парную баньку,
Голубушки сизыя, мои сестрицы родимыя,
Становитесь, мои сестрицы, среди высока терема:
Правая праворучница, моя крестовая сестрица,
Становись ты, сестрица, ко сестрицамъ родимымъ;
Лѣвая-то лѣворучница моя крестовая сестрица
Становись ты, моя сестрица, ко крестовой ко сестрицѣ;
Мои милыя, любимыя, мои любыя подружиньки,
Становитесь вы, подруженьки, среди высока терема,
Вы берите во бѣлы-руки шитой, браной платочикъ,
Низко мнѣ кланяйтесь и ласково говорите:
Добро жаловать зарученная въ теплу парную баечьку,
Мнѣ помыться, да попариться, да бѣло поумываться.
Ясно мое солнышко, сударь солнышко-батюшка,
Подойди ты, мое солнышко, близко неподалеку.
Безъ вашего благословеньица никуда я не ходила,
Скована и связана сижу я въ брусовой во лавицѣ,
Не могу стати, не поднятися на рѣзвыя ноженки:
У меня-то на-во рѣзвыхъ ногахъ да колоды дубовыя,
Благослови ты меня солнышко идти на широкую улицу
На улочьку на широкую, да въ тепло парную банюшку.
Не утица плавучая изъ гнѣзда вылетала,

За собою она выводила сердечныхъ маленькихъ дѣточекъ,
Выходила заручена на широкую улицу
Со радостью вышла со племенемъ,
Съ честными родителями,
Со милыми подруженьками».

По окончаніи сей пѣсни, отецъ и мать изображаютъ на невѣстѣ крестное знаменіе и сопровождаютъ ее до выхода изъ дома, а подруги до самой бани. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея всѣ останавливаются и поютъ:

«Стой ты, банька парная, стой не перепадайся,
Не король идетъ со силою, да не война подступаетъ,
Идетъ-то заручена въ теплу парную баньку,
Иде мытись и паритися, да бѣло умываться и хорошо снаряжатися;
У насъ хороша божена, тепла парная банюшка
На косякъ сѣнцы забираны, да по угламъ кисти навѣшены.
У насъ каменка хрустальная, камешки самоцвѣтные,
У насъ квашеночьки дубовыя, да обручики березовые,
У насъ полы двоедубные, да стѣны двоетесаны».

Пропѣвши это, невѣста отправляется въ баню съ сестрою, если есть, а если нѣтъ, то съ одною, или двумя изъ своихъ подругъ. Во все время, пока она моется въ банѣ, дѣвицы стоятъ у бани и поютъ разныя пѣсни, подобнаго же содержанія. Когда невѣста вымоется и выйдетъ изъ бани, дѣвицы опять припѣваютъ:

«Мнѣ сказали люди добрые таковыя рѣчи:
Не ходи ты заручена въ теплу парную банечьку,
Смоешь ты съ головы дорогу дѣвью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью кибалу.
Сомыла я съ головы дорогу дѣвью красоту,
Падется на чужой сторонѣ мнѣ мѣсто неиздачно,
Семья мнѣ не по обычью, не по своей да душѣ черной сынъ отецкой,
Послѣдній разъ сходила въ теплу парную баньку,
Душой да красной дѣвицей, съ дорогой дѣвьей красотой.
Коль не судитъ Богъ бывать душой красной дѣвицей
Не въ дорогой дѣвьей красотѣ,
Раскатись тогда ты, моя банечька,
Покатись тогда ты, моя банечька,
Покатитесь вы бревешечки подъ-кругу гору высокую
Во Дунай рѣку быструю,
Унесетъ тотъ Дунай рѣка во глухи темны лѣса.
Становитесь вы, бревешечьки, на стары пенечьки,
Разсыпься ты, хрустальная каменка, по одному камешечку,
Покатитесь камешечки на старыя мѣстечки».

По окончаніи сей пѣсни, невѣста и всѣ ея спутницы отправляются на могилы своихъ родныхъ и поютъ:

«Спыхните, вѣтры буйные, съ понизовую сторону
Понесите вы мой звученъ голосъ въ поверховную сторону *)
На Буево, на Власьевско,
На Климанску площадь
У меня не всѣ въ скопѣ, въ собраньицѣ мои честны родители,
У меня дѣдушка и бабушка въ скоромъ помираньицѣ.
Разступись ты, мать сыра земля,
Отставай ты, гробова доска, отъ нова домовищица,
Бѣло-савано-полотенышко да во трубу завивайся,
Ты лѣвой-то рукой подопрись, а правой-то перекрестись,
Выходите, мои родители, да изъ сырой земли матери,
Дайте мнѣ, родители, велико благословеньицо.
Плотно спятъ, не пробуждаются мои честны родители,
Не даютъ мнѣ родители велика благословеньица,
Не сумятся, да сряжаются на тихъ дѣвій вечеръ.
Безъ тѣхъ честныхъ родителей у меня пиры не пируются,
Я съ тоской бѣдна загинула, да съ горя загоревалась».

Съ могилъ своихъ родныхъ невѣста съ сопровождающими ее дѣвицами отправляется къ своимъ родственникамъ и знакомымъ на кашу, приготовляемую изъ ячменной муки и называемую въ простонародіи *густой кашей*. Поѣвши этой каши, невѣста выходитъ изъ-за стола, благодаритъ за нее хозяйку и приглашаетъ ее къ себѣ на вечеръ, или по ихнему, на дѣвичникъ. Все это повторяется во всѣхъ домахъ, гдѣ невѣста побываетъ. Отправивши дѣвичій послѣдній визитъ своимъ родственникамъ и знакомымъ, невѣста идетъ въ свой домъ и, приближаясь къ нему, дѣвушки начинаютъ пѣть:

«Пойду я заручена въ домъ ко солнышку батюшку да ко родимой ко матушкѣ.
Встрѣчаетъ меня батюшка со пути да со дороженьки:
Мое все да приходилося сердечное дитятко!
Во рукахъ онъ выноситъ скринку зеленаго вина
Да пей ты, чадо милое, стаканъ зеленаго вина».

Во время пѣнія сей пѣсни отецъ и мать невѣсты выходятъ на крыльцо, подаютъ ей стаканъ сивухи и просятъ выкушать. Исполнивши просьбу отца и матери, невѣста входитъ въ ту комнату, въ которой будетъ играться дѣвичникъ, и останавливается у дверей, а спутницы ея поютъ:

«Ты кормилица моя, моя родимая матушка,
Ты тяни, моя кормилица, срядны золоты столы,
Ты стели на столы шиты браныя скатерти,
Ты неси на золоты столы много ситнаго хлѣба,
Ты сади моихъ подружечекъ за срядны золоты столы
Вы уже пойте-чествуйте своего роду племени, своихъ честныхъ родителей».

*) Такъ припѣваютъ тогда, когда невѣста живетъ ниже церквей, а если выше, то на оборотъ.

Мать, слушаясь своей дочери, дѣйствительно приготовляетъ обѣдъ для ея *подружекъ* и сажаетъ ихъ за столы, убраные яствами и питьями разнаго рода. Во время стола дѣвушка-невѣста кланяется имъ, проситъ покушать и угощаетъ русскимъ горячимъ.—Поѣвши и попивши почти до опьянѣнія, дѣвушки расходятся до вечера (дѣвичника) по своимъ домамъ, а невѣста отправляется на отдыхъ.

Часовъ въ 5 или 6-ть по-полудни начинается такъ называемый нашими крестьянами и крестьянками *дѣвичникъ*.

Дѣвичникъ, или *дѣвичій вечеръ*, обыкновенно начинается съ 5 или 6 часовъ вечера и продолжается до 12 часовъ вечера и даже до 1 и 2-хъ по-полуночи. На немъ преимущественно присутствуютъ дѣвицы, которыя собираются со всей волости и раньше другихъ гостей.

Собравшись, гости-родственники невѣсты, около означеннаго выше времени, начинаютъ праздновать дѣвичникъ. Празднованіе дѣвичника всегда и у всѣхъ начинается сажаніемъ своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ за набранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать, и пѣніемъ дѣвицами нижеслѣдующихъ такъ называемыхъ по ихнему *приплакиваній*: дѣдушку и бабушкѣ со отцовской стороны, которыхъ невѣста на сѣняхъ, или повѣти встрѣчаетъ съ рыданіемъ и паденіемъ въ ноги:

«Добро жаловать дѣдушко и бабушка
На тихъ на дѣвій вечеръ!
Садите вы, родители, моихъ дѣдушка и бабушку,
За срядны золоты столы».

Это же самое поется, когда приходятъ дѣдушка и бабушка съ *материной стороны*.

Не на всякомъ дѣвичникѣ приплакиваютъ дѣдушкамъ и бабушкамъ, хотя они и въ живыхъ еще, по той причинѣ, что старики и старухи въ нашей мѣстности большею частію раскольники, а раскольники не только что старые, даже и молодые не ходятъ на подобныя празднованія. Этого требуетъ ихъ правило, чтобы «неизмѣриться».

Когда соберутся всѣ гости, родственники невѣсты и близкіе знакомые ея родителямъ, и усядутся за столъ, тогда посылаютъ лошадь за священникомъ и его женою. Священникъ и его жена, входя на повѣть, или, если есть корридоръ, встрѣчаются невѣстою съ толпою подружекъ, послѣднія поютъ первоначально священнику:

«Добро пожаловать, духовной батюшко, да свѣтъ N. N.
На тихъ, на дѣвій вечеръ
Ко мнѣ красной дѣвицѣ
Спобѣдныхъ пѣсенъ слушать,
Ко батюшку, ко матушкѣ
Хлѣба-соли кушать,
Садите, родители, духовнаго батюшка
За срядны золоты столы,
Пойте вы и чествуйте духовнаго батюшка».
Потомъ его женѣ:
«Добро пожаловать, духовная матушка, да свѣтъ N. N.
На нашъ на дѣвій вечеръ». . .
Прочее все тоже, что и священнику.

Во время пѣнія означенныхъ стиховъ отецъ невѣсты, мать, или братъ приглашаютъ священника и его жену войти въ ту комнату, гдѣ празднуется дѣвичникъ. Священникъ и прочіе, бывшіе въ корридорѣ, или повѣти, входятъ въ комнату, наполненную народомъ разнаго пола и возраста до того, что едва можно пробраться. Священника и его жену по входѣ въ комнату, просятъ сѣсть за убранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать. Невѣста же и близкія ей дѣвицы садится на *лавку*, такъ называемую *женскую*, а прочія по скамьямъ, или же стоятъ. Когда все это прекратится, дѣвицы начинаютъ пѣть, а невѣста убиваться и ревѣть такъ же, какъ было въ закрыванье. Припѣваютъ первоначально родственникамъ невѣсты, послѣ которыхъ и чужимъ—знакомымъ только. Припѣванія родственникамъ особеннаго вниманія не заслуживаютъ, потому мы на нихъ и не обратимъ онаго, а скажемъ, какъ припѣваютъ парнямъ изъ богатаго житья, красивымъ собою и хорошо одѣтымъ, женщинамъ, дѣвицамъ и парнямъ изъ плохаго житья—небогатымъ. Вотъ эти припѣванья:

1. Парню изъ богатаго житья.

«Изъ-за горья-горья тихой вѣтерокъ подуваетъ,
Да корабль выбѣгаетъ,
О двѣнадцати, о парусахъ,
О полтринадцати о якоряхъ,
Бѣжитъ, подбѣгаетъ, да къ бережку приставаетъ,
Подъ Тулгосску волость, да подъ Власьевску церковь.
Мостили да со корабля
Выстилали да со корабля втрое сукно дорогое,
Выводили да съ корабля коня-добру лошадь,
Обузданъ конь-добра лошадь черкасскимъ сѣделышкомъ,
На конѣ доброй-лошади дорогой добрый молодецъ
По *платью*, *да по цвѣтному*
Кабыть сынъ *купца*, гостя дорогаго,
По низкимъ по поклонамъ сынъ попа, отца духовнаго.
По рѣчамъ, по пословицѣ молодца обознавали,
По говорѣ тихой-смирной именемъ называли:
Жалостливый брателко N N,
Дороденъ добрый молодецъ
Добрымъ людямъ на *завидость*,
Лихимъ на *издивленье*,
Ты не ѣздилъ добрый молодецъ
На гульбу молодецку,

У тя поступочка бурлацка,
Честь хвала *молодецка*;
Ты много наживалъ злата, серебра,
Средилъ на могучи плеча дорого свѣтло платьицо.
Ко бѣлу тѣлу пристанетъ бѣла бумажна рубашка,
Ко рубашечькѣ пристанетъ да галунецъ золотой,
На ноженьки пристанутъ сафьяны сапожки,
На рученьки пристанутъ радужьи перчаточки,
На головушку пристанетъ соболинова шапочка.
Лежитъ слава про молодца,
Что *молодецъ на женитьбѣ*.
Женись ты, добрый молодецъ,
У Архангельска города.
Возьми ты, добрый молодецъ,
Да купеческу дочерь.
Со купеческой дочерью ть приданаго много:
Города да съ *пригородками*,
Терема съ *притеремками*,
Цѣлы лавицы съ *товарами*
Да *ральцы* окованные.
Далеко тебѣ вести, ясенъ соколъ,
Крестоваго батюшка, да крестовую матушку,
Далеко тѣ подыматися съ молодымъ бранымъ поѣздомъ,
Да съ молодыми поѣзжанами.
Женись ты, доброй молодецъ, славной Тулгасской волости,
Возьми ты, добрый молодецъ, у богатаго отца одну дочь одинокую—
Зрослу. хорошую, бѣлую, да кудрявую,
Было-бы тебѣ съ кѣмъ явитися
Ко отцу да ко матери,
Было-бы чьмъ похвастати
Ири друзьяхъ да при товарищахъ».

Когда будетъ приближаться эта пѣсня къ концу, тогда тотъ парень, которому припѣвали, подходитъ къ невѣстѣ кланяется и даритъ ей 10, 15 и даже болѣе копѣекъ, а дѣвушкамъ за то, что онѣ такъ его выхвалили и наобѣщали ему разныхъ небылицъ, бросаетъ пряники, закуски или калачи. За такіе гостинцы дѣвушки отъ лица невѣсты и себя благодарятъ его слѣдующими словами:

«И спасибо тѣ, добрый молодецъ,
На добрыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На рублѣ денегъ, на полтинѣ
На цѣлой золотой гривнѣ».

Всѣ, кому приплакиваютъ, приходя къ невѣстѣ: если мужчина, то дѣлаетъ такъ, какъ выше описали, а если женщина замужняя и дѣвица, то кланяются, обнимаютъ невѣсту, а также дарятъ что-либо. Кто что подаритъ невѣстѣ, того такъ и благодарятъ.

2. Женщинамъ.

Не утренняя заря-зелена занималася
Да высоко возникалася,
Выше церкви Божьей-святой,
Выше шатра полотянаго
Да креста животворящаго,
Опускалась заря утренняя
Ниже церкви Божіей-святой,
Ниже темнаго лѣсу,
Не быть да зарѣ утренней
Молодой молодицею.
Бѣлая лебедушка
Да молодая молодушка N. N.

Благодарятъ за гостинцы:

Спасибо, лебедь бѣлая,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На многомъ приношеньицѣ,
На медовомъ сладкомъ пряничкѣ.

3. Дѣвицамъ.

Каталася жемчужина
По торгамъ, по базарамъ
Во великій день говеньица
Въ Евдокіевску ярманку,
Изъ Евдокіевской ярманки въ Алексіевску;
Да не быть земляникѣ-ягодкѣ,
Быть душѣ красной дѣвицѣ.
Милая, любимая, дорогая подруженька
Подруженька любимая N. N.
Тебѣ сряжено, снаряжено много цвѣтнаго платьица,
Твоя буйная головушка въ грамоту поучена,
Прибита рука права ко перу лебединому,
Приложена лѣва рука къ листу бѣлой грамоты,
Присмотрѣны очи ясныя къ скорописчатой грамотѣ.
Пойдутъ, да поѣдутъ съ чужой стороны
Большіе сватовцы.
За тебя схоже солнышко (отецъ) дорого дорожится,
Матушка родимая горою становится.
«Цѣло мнѣ родители мѣсто выбираютъ,
Выбрали мнѣ родители не по уму, не по разуму
Чужу дальну сторону;
Мнѣ не по уму не по разуму
Чужи честны родители,
Не по своей душѣ крѣпкой
Сужай сынъ отецкой.
Вы лучшимъ такъ отказывали,
А за худаго давать позволили.
Вы чего убоялися, да чего устрашилися,
Мои честны родители:
Знаю схоже мое солнышко, моя родимая матушка».

Благодарятъ:

«Спасибо тебѣ, подруженька,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ
На италіанскомъ *платочкѣ*».

4. Парню изъ небогатаго житья.

Не пень въ радѣ чернѣетъ,
Да не гнилая колодина
Чернѣетъ во теремѣ,
Да удалой добрый молодецъ N. N.
Нѣтъ у тебя добра молодца
Ни злата, ни серебра,
Не на што тѣ средить дорого свѣтло платье,
Ты ходишь добрый молодецъ
На долги вечеренечьки,
Тебя дѣвицы-то не любятъ
И женочьки не голубятъ.

Благодарятъ:

«Спасибо тебѣ, доброй молодецъ,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На пяти мѣдныхъ копѣчкахъ».

(Послѣднія слова благодарности произносятъ, чтобы больше сконфузить, какъ можно громче).

Кромѣ напечатанныхъ здѣсь «приплакиваній» поются на дѣвичникѣ разныя простонародныя пѣсни. Когда покончится дѣвичникъ, невѣстѣ и ея подругамъ дѣвицамъ хозяйка дома собираетъ ужинъ. Во время приготовленія ужина дѣвицы отъ лица невѣсты поютъ отцу ея, стоящему предъ своею дочерью съ братьей пива, слѣдующее:

«Въ забытьѣ позабыли, на умѣ не подержали,
Подошелъ да схоже солнышко близко не подалеку,
Благословясь-то стала я да пораннему утрицу,
Тутъ умъ за умъ ходитъ; дума думу спобиваетъ:
О чемъ меня матушка въ забытьѣ позабыла,
Во многихъ-то дочеряхъ, да во числѣ помѣшалась.
Сама собой я вышла изъ новорубленой горенки,
Заходила заручепная въ новый высокой теремъ
Я бѣло не умывалася, да хорошо не наряжалася.
Попросила я у батюшки мѣдныя рукомоечки, да таза полуженаго,
У сестрицы у родимой свѣжей воды ключевой,
У братенька родимаго туга пѣннаго мыла,
У невѣстушки любимой тонка бѣла полотенышка.
Ничего мнѣ не сказываютъ да путь дорожку показываютъ.
Сидитъ мое схоже солнышко на брусовой лавочкѣ
Говоритъ онъ рѣчи—таково слово:
Откажу сегодня дочери я отъ хлѣба, отъ соли,
Отъ хлѣба отъ соли отказываютъ, да путь дороженьку указываютъ,
Отказываетъ мнѣ *кормилица отъ дѣла, отъ работушки.*
Сидятъ мои братья на брусовой лавочкѣ,
Говорятъ мои братья рѣчи—таково слово:
Откажемъ *сегодня сестрицѣ въ теремѣ мѣсто,*
Ни во теремѣ мѣста, ни во лавкѣ бесѣды.
Вамъ спасибо, мои родители, во очи и за очи!
Какъ у тя схоже солнышко уста-то отворилися:
Вы къ чему мнѣ отказываете отъ хлѣба отъ соли?
Я ваше чадо милое, ваше сердечное дитятко.
Я пошла заручепная на широкую улицу.
На широкую на улицу, подъ круту гору высокую,
Къ Двинѣ рѣкѣ быстрой, бѣло умываться да хорошо снаряжатися.
Плывутъ по славной по Двиночкѣ бѣлы скоблены барочки,
Плывутъ на этихъ барочкахъ *купцы гости торговые,*
У купцовъ плывутъ работнички да добрые молодцы;
Кричатъ они молодцы рѣчи—таково слово:
«Тутъ три вдовы оставалось, да горя наоставляли,
Первая вдова умылася, да поповская дочь,
Другая вдова умылася, горе-горькая солдатка,
Третья вдова умылася, крестьянская дочь».
Я тутъ да не умылася да назадъ воротилася,
Я слезами да умылася, да тоской утерлась,
Я пойду да провѣдаю въ чужу дальную сторону.
Стоитъ темна темница между горами высокими, да ручьями глубокими,
По праву руку у темницы глухи-темные лѣса,
У ней сучье не обрублено, да кора не оскоблена,
Углы у ней неотесаны, да околенки брюшинны,
Я зашла въ темну темницу да увидѣла:
Въ большомъ углу на лавицѣ лютой змѣй извивается,
Прямо печи на лавицѣ люта змѣя извивается,
На печномъ столбѣ дикой голубь воркуетъ;
Прямо малаго угла по лавицѣ сороки щекочутъ,
Подъ порогомъ у окошечка кокушка кокуетъ.
Сидитъ чужъ отецкой сынъ на брусовой лавицѣ,
Въ карточки играетъ, да въ ладыжки цатаетъ».

По пропѣніи этой пѣсни невѣста начинаетъ приготовляться къ встрѣчѣ жениха съ поѣзжанами—умываться и одѣваться... Когда же пріѣдетъ женихъ за ней и зайдетъ въ комнату, родители невѣсты садятъ его со всею свитою за набранный разными яствами и питіями столъ, и дѣвицы поютъ пѣсню:

«На чистомъ полѣ не туманъ занимался,
На прекрасномъ крылечкѣ да не громы загремѣли,
На вѣтляной повѣточкѣ громко заговорили.
Откуда палачи напали, да гонцы нагоняли?
Гонцы эти нагонены да изъ сырой земли матери,
Они правятъ челобитную, отъ дѣдушки отъ бабушки

Да отъ умершихъ родителей.
Корминица моя, родимая матушка!
Тяни моя корминица дубовые столы,
Стели ты на дубовые столы рогожны скатерти,
На столы ты неси дробиннаго квасу,
Да изъ бочекъ воды ржавчины,
Несите *утицу плавучу*, да жорава долгоногаго,
Мнѣ-ка на чужой на сторонѣ будетъ укора великая,
Мнѣ отъ стараго отъ малаго, отъ рѣдоваго.
Тяни моя корминица золоты столы,
Стели на золоты столы браны скатерти,
Несите вы на бранны скатерти ситнаго хлѣба,
Приставляйте къ золотымъ столамъ бочку хмѣльнаго пьянаго пива,
Несите на золоты столы скрюнку вина зеленаго,
Ниже нынѣ кланяйтесь, ласковѣе говорите,
Нойте чествуйте чужаго роду племени, чужихъ родителей.
Гордо княжаго тысяцкаго, да гордо княжую сватью.
Дай мнѣ схоже солнышко правую праворучицу,
Матушка родимая лѣвую лѣворучицу.
Попросить мнѣ у родителей великаго благословенія
Дай мнѣ, схоже солнышко, велико-благословеньице:
Твое-то благословеньице (*будетъ*) *на водь правителемъ,*
А на сырой земль-матушкѣ сохранителемъ.
Дай и ты мнѣ матушка таковое же благословеньицо!
Куда менл одѣли, да хорошо снарядили?
. . . . . .
Это свѣтло платьице мнѣ раньше не приставало:
Въ ширину было широкое, въ долину было долгое.
Не бывала я столько хорошо снаряжена ни о Христовѣ-днѣ, ни о праздничѣ...
Не вставайте мои братьицы со брусовой лавицы,
Не молитесь вы, не кланяйтесь Свѣту Господу Богу,
Не благословляйтесь мои братьицы
У чужаго роду племени, у чужихъ честныхъ родителей,
Не вознимайте меня, братьицы, да подъ могучія плечи.
У меня у братьицовъ-родимыхъ шелковыя рученьки,
На шелковыхъ-то рученькахъ бумажныя перчаточки.
У чужа сына отецка желѣзныя рученьки, да булатныя перстики,
Поднесъ во бѣлыхъ рукахъ столовую братенечку,
Во братынечкѣ подноситъ хмѣльно, пьяно пиво.
Стой ты, схоже солнышко, на вѣтляномъ повѣточкѣ,
Придержи ты ручки бѣлыя да ко столовой братынечкѣ
Присмотри ты очи ясны на сердечнаго дитятка,
Каково чадо милое было ростомъ и дородствомъ,
Каково да чадо милое бѣлинствомъ и румянствомъ?
Ростомъ вѣточка луговая, лицемъ наливная ягодка.
Схоже мое солнышко—сударь, солнышко батюшка!
Я съ тоски затосковалась, съ горя загоревалась:
Мнѣ-ка жаль стало тошнешенько дѣвья житья красованья,
У васъ часы часуются, да времена временуются.
Какъ за грѣхъ, да не въ часъ приду въ чужу дальную сторону,
Надо мною станетъ крятаться, да собою возвышаться.
Какъ *уйдетъ да сынъ отецкій* по царевымъ кабакамъ,
Долгимъ вечеренечкамъ, да по душамъ краснымъ дѣвицамъ,
Мнѣ посидѣться будетъ бѣдной по позднему вечеру,
Мнѣ пождаться бѣдной будетъ вѣнчальнаго мужа.
Изъ кабака идетъ шатается, да надо мною разъѣзжается,
Стромко и грозно идетъ, стромко отворяетъ ворота
Да полотняныя двери, да по терему срядны золоты столы,
Бѣдна я тутъ испужалася, бѣдна я вся перепалася,
Не могу стать-поднявшись на рѣзвыя ноженьки,
Не несутъ да рѣзвы ноженьки по высокому терему.
Я сегодня у Господа безъ числа согрѣшила,
Я сегодня у чужихъ людей безъ вины виновата,
Я въ ступени приступилася, въ словѣ проговорилася.
Такъ спасибо схоже солнышко въ очи и за очи,
Ты выбралъ мнѣ не по уму да не поразуму...
Такъ спасибо, схоже солнышко, на столовой братынечѣ,
На хмѣльномъ пьяномъ пивѣ»...

Пропѣвши отцу невѣсты эту пѣсню, дѣвицы начинаютъ пѣть ея матери, если она есть, тоже стоящей передъ дочерью съ братыней пива.

«Не въ колоколъ ударили, да не въ звоны прозвонили,
Со мною матушка родимая рѣчи заговорила.
Ты корминица моя, родимая матушка,
Посмотри, моя корминица, по скамьямъ да по лавицамъ:
Веселы, да радостны сидятъ мои любыя подруженьки,
Свѣтла у нихъ на головахъ дорога дѣвья красота,
Одна сидитъ не весела, одна душа красна дѣвица
На брусовой лавочкѣ, да подъ кручинныимъ окошечкомъ,
На ней платьицо печально, да слезенно покрывальцо.
Ты не сына женишь матушка, да не невѣстку берешь,
Свою дочерь, да любиму со двора провожаешь,
Хоть вы меня избудете, да небогатѣе будите;
Вамъ не два свѣту освѣтитъ, да не два солнышка проглянетъ,
Корминица моя, моя родимая матушка!
Только вы меня избудете, въ терему да не увидите,
Сорокъ недѣль матушка во утробѣ меня носила,
Тридцать недѣль матушка въ пелены пеленала,
Полтора года корминица къ сердцу прижимала,
Полтретья года матушка въ зыбочкѣ качала,
До пяти годовъ корминица со бѣлыхъ рукъ не спускала.

До десятка годочковъ изъ устъ не опускала,
До *15-ти годочковъ* слугой не называла,
16-ти годочковъ стала слугой называти,
17-ти годочковъ стала замужъ выдавати,
Молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зеленехонька,
Да не въ годы привязалось мнѣ великое *горюшко*,
Не на недѣлечки приходили зло горючія слезы.
Страшна мнѣ кажется чужая дальня сторона,
Мнѣ страшнѣе того кажется чужой *сынъ отецкой*;
Учить онъ будетъ переучивать, да *торить, переторивать*,
Не учена, не торена душа красная дѣвица.
У чужа сына отецкаго гроза молодецка,
Поступочка бурлацка, да честь хвала молодецка,
Придутъ вѣсточки не радостны на *родимую сторону*,
Сегодня чадо милое *бранено и бито*,
Сегодня чадо милое не *пило, да не ѣло*.
Ты кого моя матушка побудишь рано по ранному утрицу?
Кого же нарядишь *на дѣло, на работу?*
Спасибо тебѣ матушка въ очи и за очи.
Ты побей челомъ, покланяйся на правую руку,
Ты сади, моя кормилица, за срядны золоты столы,
Пой ты чествуй любыхъ моихъ подруженекъ».

Послѣ двухъ этихъ пѣсенъ невѣста и дѣвицы сходятся ужинать. Поужинавши послѣднія поютъ нижеслѣдующую пѣсню, а пропѣвши, уходятъ по своимъ домамъ, впрочемъ, многія остаются у невѣсты по той причинѣ, что бываютъ довольно выпивши *).

Пѣсня послѣ ужина.

«Мнѣ на всю свѣтлу недѣлечьку не пилось, да не ѣлось,
Мнѣ сегодня у родителей попилось, да поѣлось;
Я сидѣла у схожа солнышка да въ *большемъ углу на лавицѣ*,
Гдѣ попы да сидятъ діаконы, гдѣ судьи, да начильники.
Я не ѣденаго наѣлась, не питаго напилась.
Вамъ спасибо золоты столы, что на ногахъ поѣтояли,
Вамъ спасибо бранны скатерти, что на столахъ полежали,
Вамъ спасибо хлѣбы ситные, что во уста покатились,
Спасибо пиво пьяное, что до пьяна напоило...
По конецъ стола мнѣ насидѣтися на чужой сторонѣ,
Мнѣ натого напитися до того поѣстися»...

Послѣ этой пѣсни совершенно оканчивается дѣвичникъ. На слѣдующій день ни-свѣтъ, ни-заря, какъ говорится, дѣвицы-подруги невѣсты, если расходились по своимъ домамъ, приходятъ къ ней, а если тутъ же спали, то встаютъ и, не успѣвши, можно сказать, умыться и перекреститься, поютъ отъ лица невѣсты, которая не умылась еще и не одѣлась въ свадебный костюмъ:

«Я спала, спала у батюшки въ новой рубленой горенкѣ,
На тесовой кроваточкѣ, да на пуховой периночкѣ,
Дожидалась я отъ матушки ранняго пробужденьица,
Отъ батюшки родимаго—частаго покликаньица,
Отъ батюшки духовнаго свѣтлы рани заутрени,
Отъ дьякона пресвѣщеннаго—пресвѣщенны обѣдни,
Отъ пономаря церковнаго звону-благовѣсту.
Не могла я отъ духовнаго батюшки дождаться свѣтлы рани заутрени,
Отъ родимаго отъ батюшки частаго покликаньица.

Сидѣніе жениха и его свиты за столомъ продолжается неболѣе полуторыхъ часовъ. Къ концу сидѣнья кто либо изъ *родственниковъ невѣсты* беретъ ее за полотенце длиною въ $3^1/_2$ арш., привязанное къ правой рукѣ, приводитъ къ жениху, сидѣвшему за столомъ и поднимаетъ какъ можно выше. Женихъ долженъ взяться за полотенце *нѣсколько повыше* руки того, кто привелъ *къ нему невѣсту*; этимъ обыкновеніемъ означается у простаго люда то, что женихъ, какъ будущій супругъ *приведенной невѣсты*, будетъ во всѣхъ случаяхъ жизни выше своей жены, будетъ, какъ выражаются, *командовать* ею. Женихъ, поймавши поднятое полотенце повыше руки приведшаго, ведетъ свою будущую жену за столъ, *обводитъ трижды* кругомъ себя и *толкаетъ* ее, чтобы она не сѣла и упала на лавку; когда такъ сдѣлано будетъ, тогда поѣзжане жениха кричатъ какъ могутъ: «ура, ура, ура!.. Побѣдилъ.... Сватовецъ табаку! Женихъ княжьяго пива и вина» дѣвицы, подруги невѣсты поютъ:

«Не ступай комцѣ на рѣзвыя ноженки,
Не толкай подъ могучія плеча,
Не давай грозы великой въ дому у солнышка батюшка.»
«Мнѣ-ка хаять чужа сторона—не расхаята будетъ,
Мнѣ-ка тужить чужа сына, да не утужить будетъ.»

И такъ называемый *дружка* **) вынимаетъ изъ запазухи двѣ восковыя свѣчи, соединяетъ ихъ винтообразно ***) зажигаетъ и ставитъ къ той иконѣ, которою благословлена невѣста и которая повезется въ церковь, потомъ беретъ въ руки хлѣбъ, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе и рушаетъ его и наконецъ *угощаетъ пользжанъ* пивомъ, а прочихъ гостей, такъ называемыми *сочнями*, которые не попадаютъ имъ, а бросаются *во всѣ четыре стороны*.

---

*) Дѣвицы въ нашей мѣстности почти всѣ съ 7-ми лѣтъ пьютъ довольно хорошо водку.

**) Знахарь, хранитель брачущихся.

***) Винтообразное соединеніе свѣчъ означаетъ, чтобы молодые хорошо любили другъ друга.

Женихъ исполняетъ требованіе своихъ *поѣзжанъ*, выставляетъ имъ *бочку пива* и *ведра-два вина*; все это поѣзжанами и близкими знакомыми жениха и невѣсты впродолженіе часа рѣшается до капли, почему означенныя лица *почти* всегда пріѣзжаютъ въ церковь *совершенно пьяными*.

По совершеніи таинства брака новобрачные изъ церкви отправляются въ домъ родителей, куда приглашаютъ и священника съ причтомъ. Здѣсь особеннаго ничего не дѣлается и не бываетъ кромѣ того, какъ вскрываютъ молодую и какъ *дарятъ священника*, отца, матерь, братьевъ и сестеръ молодаго. *Скрываніе молодой* дѣлается такъ: когда пріѣдутъ изъ церкви молодые супруги и пройдутъ за столъ, за которымъ не сидятъ, а стоятъ, *тогда матерь молодаго* супруга снимаетъ шаль съ головы молодой и сильно кланяется сватовцу, говоря: «спасибо тебѣ, сватовецъ, ты ѣздилъ не гористо, вывезъ добристо!...»

Дарятъ прежде всего *священника*, если онъ есть, и дарятъ такъ: *наливаютъ стаканъ пива*, въ который полагаютъ *какой-либо платокъ* и *подносятъ все это* священнику и просятъ принять. Священникъ, принявъ дары и выпивши стаканъ пива, долженъ *отдарить молодую* (потому что подноситъ она) положить въ стаканъ какую либо монету. Также подносятъ подарки отцу, матери, братьямъ и сестрамъ молодаго. Отдаривши всѣхъ, молодые садятся и кушаютъ, а покушавши, уходятъ на отдыхъ до слѣдующаго дня.—Въ слѣдующій день рано утромъ молодой съ родителями и родственниками начинаетъ собираться къ тещѣ на *блины*, или по ихнему—*хльбины*.

На хлѣбинныхъ, или *красномъ столѣ*, особенно достойно замѣчанія слѣдующее обыкновеніе: теща, подавши на столъ послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ блиновъ и масла, проситъ зятя кушать ихъ. Когда же онъ возьметъ блинъ и начнетъ окунать его въ масло, тогда кто либо изъ гостей, сидящихъ за столомъ, старается подмѣтить этотъ моментъ для того, чтобы вмѣстѣ съ блиномъ окунуть въ масло у молодаго и руку. Впрочемъ невсегда удается желающему сдѣлать это, по той причинѣ, что молодой, такъ какъ видалъ и знаетъ это обыкновеніе, ловитъ ту минуту, въ которую всѣ ротозѣйничаютъ и окунаетъ въ масло блинъ въ одно мгновенье. За такое проворство и ловкость называютъ молодаго острымъ человѣкомъ: — вострый, говорятъ, онъ человѣкъ.

Этими хлѣбинами у Тулгаскихъ крестьянъ совершенно оканчиваются свадебные обряды.

Но когда женихъ съ поѣзжанами пріѣдетъ за невѣстой въ вѣнчальный день, первоначально они не впускаются въ домъ невѣсты. Дружки или сторожъ свадьбы, пришедши къ закрытымъ воротамъ дома невѣсты, говоритъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй намъ. Аминь. Если у васъ супротиво нашего молодаго князя молитву сотворить, или *Аминь* отдать».

Отвѣчаютъ родные невѣсты: «Аминь вашей молитвѣ», и говорятъ: «что вы за люди, зачѣмъ пріѣхали?» Пріѣхавшіе въ лицѣ дружки отвѣчаютъ: «мы люди Божіи да государевы: *два посла посланника*, *двѣ дружки перельжіе*. Посланы мы отъ князя первобрачнаго; мы пріѣхали къ вашему дому нешально, не нахально, *по первому звуку*, *по сеатовству*, *повторому—звуку данью рукоданью*. *по третьему звуку—рукобитью*, ѣхали *мы не путемъ* не *дорогою*, *а зелеными лугами*, чистыми полями, поволочными мѣстами, дремучими лѣсами, зыбучими болотами, чрезъ грязи топучія, чрезъ тихія озера глубокія, чрезъ быстрыя рѣки широкія, черезъ ручьи ребеновы, чрезъ мосты калиновы, черезъ узки переулки. *Искали мы куницы лисицы* и ничего не нашли, только одинъ *куній слѣдъ*. Тѣмъ куньимъ слѣдомъ мы ѣхали, палили, лошадей своихъ притомили; ѣхали-палили изъ Москвы до Сибири въ красныхъ саняхъ подъ синими полстями. Доѣхали мы до бѣлаго шатра, до вашего дому; есть-ли въ вашемъ домѣ господинъ хозяинъ, *куній слѣдъ*. *отводи куда ушелъ*, *или красную дѣвицу выводи*; наши кони прибились, молодцы притомились, давайте нашимъ конямъ сѣна зеленаго, овса ядреннаго, чтобы сѣна до колѣна, овса до глазъ.»

«Есть вашимъ конямъ солома ржаная, да и тая гнилая, а овса своего зачѣмъ ни привезли?»

«Господинъ хозяинъ! мы пріѣхали къ тебѣ не по рожь и пшеницу, а по красную дѣвицу.»

«Какія на вашей дѣвицѣ примѣты?» — «На нашей красной дѣвицѣ примѣты: бѣлобисерной почелокъ, стоитъ въ кругу народа, въ высокомъ терему, въ бѣломъ шатрѣ, въ бабьей бесѣдѣ, въ дѣвьемъ поряткѣ, на брусовой лавкѣ, головой покачиваетъ, ручками подъ черной фатой помахиваетъ, подъ бѣлымъ платкомъ умильно причитываетъ, своимъ родителямъ припѣваетъ, насъ молодцовъ дожидаетъ... Еще, г. хозяинъ, есть-ли у васъ уворотъ *приворотники*, у дверей *придверники*, у стола пристольники, у пива *наливники*, у печи *стряпки*?»

«Стряпка отъ печи бросилась, на куньемъ полѣ раскатилась, за полъ зубами ухватилась.» — «Есть-ли нашимъ конямъ караульные люди, чтобы тѣ караульные ворота отпирали, высокія подворотницы вынимали, дабы наши кони ногъ не переломали и копытъ не заломали?» — «Своихъ приставьте.» — «Отпирай и отворяй ворота, г. хозяинъ?»

Хозяинъ открываетъ ворота и впускаетъ пріѣзжихъ гостей, которые входя въ ворота, говорятъ: «г. хозяинъ, въ этотъ день ты не хотѣлъ воротъ запирать и дверей затворять; почему же ты ворота заперъ и двери затворилъ! Кто тебѣ приказалъ?»

«Я потому ворота запиралъ, что весь вашъ княжескій поѣздъ въ одно время ждалъ.» — «Это все ваши не отговорки, нашъ княжескій поѣздъ не въ разсоркѣ» (заходятъ въ избу).

Вошедши въ избу и помолившись иконамъ, говорятъ: «здравствуйте, молодыя молодицы, красныя дѣвицы! Подберите рѣзвыя свои ноженки, дайте свѣту изъ окошечка подойти къ сударынѣ и подать ей гостинчики.... Ты, сударыня, прими мои гостиньчики, на бѣлыя бѣлила, на красный румянчикъ за то, что *тонко пряла, ситко ткала* т. е. бѣло бѣлила, на камешкѣ колотила, намъ, молодцамъ норовила. И ты, сударыня, не плачь, не вопи, ни о чемъ не тужи, — у нашего батюшки горы низеньки, ушатки маленьки, коромыслы тоненьки; ты, сударыня, не будь горда и спѣсива, а будь всегда говорлива, гордость и спѣсь спрячь, лѣнь потяготу кинь въ подполье; ты не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь, ежели ты будешь горда и спѣсива, то тебѣ будетъ плеть учлива». Послѣ этого дружки обращаются къ хозяину дома и говорятъ: «здравствуй, господинъ хозяинъ!... Нашъ князь первобрачный сего числа столовалъ, пировалъ, не поломалъ ли какой посуды каменной, оловянной, щепеной, деревянной? Если что поломалъ, то завтряшняго числа расплатится златомъ и серебромъ, нескатнымъ жемчугомъ, а теперь у насъ денегъ нѣтъ, просимъ не осудить.»

Хозяинъ, выслушавши послѣднія рѣчи, сажаетъ всѣхъ пріѣхавшихъ за столъ, набранный разными яствами и питіями *).

*) Поясненіе словъ, преимущественно употребляемыхъ крестьянами и встрѣчающихся въ настоящемъ описаніи свадебныхъ обрядовъ:

Клѣть — кладовая

Крашенникъ — сарафанъ, сшитый изъ окрашеннаго черной краской холста.

Сишникъ — сарафанъ, сшитый изъ ситцевой матеріи.

Припалкиваніе — пѣть заунывно, пѣть пѣсни грустнаго содержанія

Сватовецъ — этимъ именемъ называютъ того, кто высваталъ невѣсту.

Немилующіе гости — весьма ненравящіеся гости.

Не столокоть (портна) или очень много достоинствъ за трудъ сватовцу.

Одна мѣрка искосинки — весьма мало и то отрѣзанное наискось.

Дѣвичникъ — дѣвичій вечеръ, на которомъ мущинъ почти не бываетъ.

Праворучица — крестовая сестра по крестному.

Лѣворучица - крестовая сестра по крестной.

Иде идетъ, всѣ глаголы въ нашей мѣстности употребляются подобнымъ образомъ, а иногда съ прибавленіемъ шо напр иде-шо, ѣде-шо, дѣлае-шо.

Квашеночки — шаечки, употребляемыя въ баняхъ для мытья.

Кибала — иначе кокошникъ, женскій головной уборъ.

Домовище — гробъ.

Загинула сдѣлалась хуже.

Въ описаніи народнаго быта въ селеніи Зимней Золотицѣ, что на зимнемъ берегу Архангельскаго уѣзда, составленномъ священникомъ Влад. Розоновымъ, находимъ слѣдующія данныя о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ этой мѣстности:

«Женихъ подговариваетъ невѣсту на вечеринкѣ; если она даетъ ему честное слово, сначала уговорятся между собою и, чтобы не обмануть другъ друга, — *подарятся*. Потомъ, когда настанетъ время жениться, женихъ, падая отцу и матери въ ноги, говоритъ: *благословите меня*, батюшко и матушка жениться, — при этомъ женихъ поминаетъ имя *избранной*. Отецъ и мать, если избранная невѣста люба имъ, говорятъ: *Богъ благословитъ, дитятко*. Получивши дозволеніе родителей и *священника*, женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты свата. *Сватъ* бываетъ большею частію изъ *ближихъ родныхъ*, *рѣдко* изъ дальныхъ или вовсе чужихъ. Сватъ приходитъ въ домъ невѣсты утромъ, а болѣе вечеромъ. Взошедши въ избу, сватъ становится вдоль полу, шапку и рукавицы держитъ въ рукахъ, потомъ вызвавъ отца невѣсты на сѣни, тихонько переговаривается о дѣлѣ, за которымъ пришелъ. Невѣста, почуявши себѣ невзгоду, забирается на печь и тамъ плачетъ. А если женихъ не по уму, тотчасъ же по уходѣ свата *падаетъ* въ ноги *отцу, а особенно матери, чтобы не отдавали за нелюбаго.* — *Отецъ мать иногда и слушаютъ* невѣсту. Если же захочетъ отецъ отдать дочь, то назначаетъ свату еще *срока два*, или три, въ которые онъ доженъ придти затѣмъ же къ отцу невѣсты. *И здѣсь уже назначаютъ время рукобитья и смотрѣнья; на рукобитьи пьютъ женихово вино родные невѣсты. Въ смотрѣные выводятъ невѣсту на показъ жениху* и при этомъ спрашиваютъ: *Люба-ли, люба ваша, нелюба наша?* Родные жениха и женихъ отвѣчаютъ: *«очень хороша.* На смотрѣнье впереди ходитъ *сватъ* и всегда съ фонаремъ — *поискать человька*. На смотрѣньи *будущіе сватовья бьютъ* по рукамъ. *Отецъ жениха беретъ* за руку по выше локтя отца невѣсты, при чемъ оба прихватываютъ собственные рукава рубашекъ и казачинъ, — неголой рукой. Когда станетъ бить по рукамъ *мать невѣсты* съ будущими сватомъ и сватьею, прихвативши тоже рукава своей рубашки, *ущипнетъ каждаго* изъ нихъ и очень больно. А для чего? По своему разумѣнію, чѣмъ сильнѣе она ущипнетъ свата и сватью, тѣмъ сильнѣе свекоръ, а особенно свекровь будутъ *любить ея дочь*. Во время вѣнца новобрачные *не становятся всею* ногою на *подножія*, а только касаются его пальцами. Кто стоитъ на подножіи, у того

Густая каша - кипяченая вода, смѣшанная густо съ ячменной мукой

Скрюнка — полштофъ.

Ситный хлѣбъ — хлѣбъ изъ муки просѣянной чрезъ-сито.

Пойте-чествуйте — какъ можно лучше угощайте.

заболятъ зубы; во время вѣнца женихъ *держитъ свою руку всегда выше руки невѣсты*, чтобы быть *большимъ*, а невѣста жмется ближе къ жениху, чтобы жить согласнѣе. Провожаютъ къ вѣнцу и встрѣчаютъ отъ вѣнца новобрачныхъ выстрѣлами; за каждый выстрѣлъ женихъ и невѣста благодарятъ поклономъ. Послѣ вѣнца по приходѣ домой, покрывало съ молодой всегда снимаетъ отецъ или крестный, при чемъ осыпаетъ головы молодыхъ житомъ. — Послѣ свадьбы бываетъ на другой или третій день почесье. На почесьѣ пируютъ уже родные невѣсты въ домѣ жениха. Подъ конецъ стола молодая ходитъ съ чаркою, въ которую кладутъ деньги. Послѣдній пиръ — расплата банника. На этотъ пиръ приглашаютъ только самыхъ близкихъ родственниковъ жениха отецъ и мать его; послѣ пира каждому бывшему на немъ молодая даритъ по ложкѣ».

Столь же краткія свѣдѣнія о свадьбахъ, находятся въ описаніи Курейско-Сергіевскаго прихода Холмогорскаго уѣзда:

«Всякая свадьба начинается обыкновеннымъ сватовствомъ, для чего почти въ каждой деревнѣ суть особыя лица совершенно чужія жениху: сватъ и сватья. По просьбѣ жениха сватъ идетъ въ указанный домъ и проситъ у хозяина его согласія и благословенія на выдачу дочери въ замужество за такого-то молодца. По обычномъ угощеніи свата, родители невѣсты просятъ его *дать времени подумать*, а сами въ это время у каждаго встрѣчнаго и поперечнаго производятъ *обыскъ о женихѣ*. По собраніи нужныхъ свѣдѣній прибывшему въ назначенный день свату родители невѣсты объявляютъ, что нужно посмотрѣть бытья-житья жениха (пожалуй хотя бы то былъ и сосѣдъ). — Въ назначенный день (по вечеру) ѣдутъ родные и любезные сосѣди невѣсты (особенно любящіе выпить) къ жениху. По встрѣчѣ честныхъ гостей, женихъ показываетъ имъ всѣ свои *пожитки* въ чуланахъ и анбарахъ, въ сундукахъ и кошелькахъ, на дворѣ и на повѣти *). По осмотрѣ богатства, родители невѣсты изъявляютъ свое согласіе, или несогласіе на выдачу дочери. При несогласіи ѣдутъ домой, а при согласіи угощаются отъ жениха чаемъ, кофе, сластями, виномъ и пивомъ, и условливаются о днѣ свадьбы, приданомъ и *приносахъ* (подаркахъ родителямъ). На пиру семъ вина бываетъ много, и пьютъ его сколько хотятъ и сколько могутъ; гостьба сія называется *пропиваніемъ невѣсты*. Затѣмъ идутъ обыкновенныя приготовленія къ свадьбѣ.

Канунъ брачнаго дня *бываетъ смотрѣнье*; въ этотъ день дворъ, сѣни и повѣти дома невѣсты бываютъ биткомъ набиты народомъ, который рано собирается посмотрѣть жениха, а болѣе поплясать и пѣсенокъ попѣть. — Около 9-ти часовъ (по вечеру) ѣдетъ на богатоубранной парѣ коней съ колокольцами и колокольчиками женихъ съ гостями; ворота дома невѣсты нарочито запираются. Сватъ колотитъ до трехъ разъ и проситъ принять гостей; на голосъ плящущаго народа: «жинихи пріѣхали», родители невѣсты отворяютъ ворота, встрѣчаютъ гостей и усаживаютъ за столъ, который бываетъ убранъ яствами и питіями. По занятіи мѣстъ гостями, выводятъ изъ другаго покоя (дѣвичника) родители заплаканную невѣсту, одѣтую всегда въ русскомъ нарядѣ (штофной юбкѣ съ полушубкой и повязкѣ), что называется *на ставку*, и спрашиваютъ жениха и его родителей: *любали*? Женихъ, переглянувшись съ своими родителями, отвѣчаетъ: *люба*, очень люба, — выходитъ изъ за стола, и становится рядомъ съ невѣстой. Родители невѣсты благословляютъ ихъ иконой и хлѣбомъ съ солью; затѣмъ невѣста подноситъ гостямъ по рюмкѣ водки и уходитъ въ дѣвичникъ. Вскорѣ послѣ ухода невѣсты, женихъ съ дружками (шаферами) идетъ въ дѣвичникъ и несетъ ей подарки (на бѣлила). По приходѣ жениха и невѣсты начинается ужинъ, который продолжается иногда едва не до утра. По отъѣздѣ жениха съ гостями, невѣста угощаетъ (ужиномъ) своихъ подружекъ-дѣвушекъ.

По утру невѣста принимаетъ *приносы* отъ своихъ родныхъ и *свадебниковъ* и каждому изъ нихъ плачетъ, — въ знакъ благодарности за любовь и подарки.

Около полудня съ тысяцкимъ и дружками пріѣзжаетъ женихъ, и даритъ свою невѣсту кольцомъ и пряниками, а невѣста отдариваетъ ему платокъ (стрѣтный), и ѣдутъ къ вѣнцу. Впереди ѣдутъ дружки съ банникомъ **) и *кисою* ***). за ними женихъ съ тысяцкимъ, невѣста со сватьей, *проводники* (гости) и наконецъ сватья (*запостельная*) съ постелью и коробьями.

Бракъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ. По совершеніи брака тутъ-же въ церкви совершается обрядъ *крученія невѣсты*. Уводятъ невѣсту въ уголъ, сажаютъ на скамью и закрываютъ платкомъ. Кручельщицы, особо назначенныя женихомъ для сего дѣла женщины, расплетаютъ дѣвью косу, расчесываютъ длинные волосы и собираютъ ихъ въ двѣ косы, одѣваютъ повойничекъ и косынку. Невѣста плачетъ; по окончаніи сего обряда, молодые прикладываются къ иконамъ и ѣдутъ въ домъ жениха.

---

*) Бѣдные женихи нерѣдко наносятъ въ свой домъ кучу чужихъ пожитковъ, которые послѣ свадьбы уносятся и бѣдняки по прежнему остаются голыми.

*) При отправкѣ невѣсты къ вѣнцу, родители зашиваютъ въ скатерть хлѣбъ, соль, рыбу, пироги и пр. для завтрака молодымъ на другой день брака послѣ бани.

**) Въ кисѣ хранятся калачи, пряники и др. сласти, и это свадебное дружки бросаютъ народу во время проѣзда жениха въ церковь и отъ церкви.

По пріѣздѣ изъ церкви родители благословляютъ первобрачныхъ иконою, хлѣбомъ, сыплютъ на нихъ зерновый хлѣбъ (жито, къ богатому житью) и сажаютъ за столъ. За столомъ до обѣда первобрачная даритъ своихъ новыхъ родителей условными приносами, и всѣ провожаютъ молодыхъ отдыхать (на подклѣть), хотя бы то было часу въ 3-мъ дня, а гости обѣдаютъ. Подъ конецъ обѣда молодые приходятъ и подносятъ гостямъ вино.

На завтра поутро молодые идутъ въ баню, истопленную дружками, и ожидаютъ сватью съ блинами.

Днемъ бываетъ обѣдъ (будильный). Съ гостями обѣдаютъ и молодые; предъ сладкимъ пирогомъ молодые подносятъ гостямъ по рюмкѣ водки и общимъ хоромъ поютъ тропарь: Спаси Господи люди твоя.... весь до конца три раза, пьютъ рюмки и цѣлуется мужъ съ женою, и это вторится для каждой пары, такъ что приходится иногда просидѣть за однимъ пирогомъ болѣе часа и прослушать поющійся тропарь до ста разъ.

Отъ описаній сельскихъ свадебъ Архангельской губерніи обращаемся къ описанію свадебъ городскихъ. Переходомъ отъ сельскихъ къ городскимъ обрядамъ послужитъ намъ свадьба посадская, въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда. Здѣсь сватовство идетъ такимъ порядкомъ.

Парень, задумавшій жениться, подговариваетъ себѣ невѣсту на вечеринкѣ. Если она дастъ ему честное *слово*, что идетъ за него, или согласіе свое подкрѣпитъ *залогомъ*, *) то онъ посылаетъ къ роднымъ ея свата.

Если сватъ высватаетъ, т. е. если не получитъ отъ родителей невѣсты отказа, то извѣщаетъ объ ономъ жениха и въ тотъ-же день идетъ съ нимъ и съ его родителями и ближними родственниками къ невѣстѣ на рукобитье. —

Тутъ женихъ даритъ невѣсту кольцомъ, а та отдариваетъ его *платомъ*; иногда невѣста при рукоданьѣ дастъ подарки и родственникамъ жениха.

Послѣ рукоданья невѣста сзываетъ къ себѣ подругъ и дѣлаетъ вечеринки, на которыя собираются холостые играть съ дѣвицами *шестеркой и утушкой* **) и приходитъ женихъ въ сопровожденіи дружки съ *гостинцами*, которые подаетъ невѣстѣ. Вечеринки продолжаются два и три дня.

Наканунѣ вѣнчальнаго дня у невѣсты бываетъ *рукобитье* ***), на которомъ женихъ даритъ невѣсту и ея родственниковъ, а та отдариваетъ какъ жениха, такъ и всѣхъ его родственниковъ, это бываетъ во время стола. Когда столъ кончится, женихъ уходитъ изъ дома невѣсты, а та начинаетъ «вопѣть.» Кромѣ того еще прежде, нежели начнется рукобитье, утромъ того же дня невѣста идетъ на *могилища* и тамъ вопитъ на могилахъ своихъ родственниковъ и поклоняется мощамъ Св. Елисѣя, причемъ бываютъ и подруги.

Того же утра она тоже въ сопровожденіи подругъ ходитъ также вопѣть въ дома къ своимъ родственникамъ, а нѣкоторыя изъ невѣстъ вопятъ даже *у воротъ родственныхъ* домовъ.

Въ вѣнчальный день женихъ посылаетъ дружку зазывать къ себѣ въ домъ дѣвицъ въ *чесны*.

Чесныя въ сопровожденіи дружки изъ дома жениха идутъ въ домъ невѣсты, которая дѣлаетъ *имъ столъ*.

Послѣ стола пѣвицы играютъ шестеркой и утушкой. — Въ тоже время какъ женихъ сзываетъ чесныхъ, невѣсты посылаетъ посла къ своимъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ и приглашаетъ ихъ женскаго пола въ *приставницы*.

Приставницы приходятъ къ невѣстѣ съ *хлѣбомъ* и *солью* и разными подарками, а та имъ вопитъ *) *каждой особо*.

Потомъ приходитъ женихъ съ поѣзжанами и садится за столъ вмѣстѣ съ поѣзжанами и родственниками невѣсты; за столъ подаютъ *рыбники* и булки съ водкой и ромомъ.

Во время нахожденія жениха за столомъ приводятъ изъ другой комнаты невѣсту, которая и садится по лѣвую руку жениха **); по окончаніи закуски невѣсту закутываютъ въ шаль и ведутъ, или везутъ вмѣстѣ съ женихомъ къ вѣнцу.

При выходѣ изъ избы, въ сѣняхъ, жениха и невѣсту родители послѣдней *благословляютъ иконою*, которую и *несутъ* въ церковь впереди жениха и невѣсты. Во время вѣнчанія ***) дѣвицы, бывшія на свадьбѣ по приглашенію, ѣдутъ на лошади въ домъ жениха съ постелью, при чемъ поютъ пѣсни.

Послѣ небольшаго угощенія со стороны жениха, дѣвицы гуляютъ на лошадяхъ кругомъ посада, а послѣ этого возвращаются въ домъ къ невѣстѣ, откуда расходятся по домамъ, — иныя на другой день, а иныя спустя 3 — 4 дня. Находясь въ домѣ молодой, дѣвицы не играютъ уже утушкой и шестеркой, а только сидятъ по вечерамъ «вечины», которыя ничѣмъ не отличаются отъ каждодневныхъ вечеринокъ.

*) Залогъ заключается въ нѣсколькихъ платьяхъ, въ жемчугѣ и т. п. —

**) При игрѣ шестеркой нерѣдко мужики пляшутъ подъ русскую скрипку.

***) Послѣ рукобитья въ тотъ же день иногда бываетъ столъ у жениха, на который приглашаются всѣ родственники невѣсты мужескаго пола. —

*) Каждая приставница приходитъ сама по себѣ, а не вмѣстѣ съ другими.

**) Иногда женихъ не приходитъ получать невѣсту въ ея домъ, а прямо идетъ въ церковь, куда приходитъ и невѣста

***) Обрученіе совершается въ церкви за нѣсколько минутъ до вѣнчанія.

Изъ церкви молодые сопровождаются священникомъ, дьякономъ и дьячкомъ до дома съ церковными пѣснопѣніями.

Во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ проходятъ молодые, владѣльцы ставятъ въ окна свѣчки, чтобы оказать молодымъ почетъ.

По приходѣ изъ церкви молодыхъ, *дружка* зазываетъ какъ родственниковъ молодаго, такъ и родственниковъ молодой, на *приводный* столъ.

Но случается и такъ, что приводный столъ бываетъ не въ вѣнчальный день, а спустя 2—3 дня.—

Изъ городскихъ свадебъ въ матеріалахъ, доставленныхъ въ этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія находятся описанными: Онѣжскій и Мезенскій.

Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги.

(Записаны были со словъ одной мѣщанки въ Онежской тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе и изложены въ такомъ порядкѣ:)

1. *Сватовство.*—Женихи парни и невѣсты дѣвушки слюбливаются между собою больше на вечеринкахъ и хороводахъ, описаніе которыхъ будетъ помѣщено въ слѣдующей книгѣ, чтобы можно было видѣть, насколько вообще молодежь близка другъ къ другу при встрѣчахъ, и насколько тверда нравственная сторона горожанъ Онеги. Чтобы случился *грѣхъ*, или вообще тайное любовное сожительство между молодыхъ парнемъ и дѣвушкой—невѣстой, намѣревающимися хотя мысленно вступить другъ съ другомъ въ законный бракъ, до сватовства,—этого почти вовсе не случается; но что до сторонамъ, т. е. не съ тѣми парнями, на которыхъ имѣется разсчетъ, какъ на жениховъ, или же даже съ женатами кутилами,—у дѣвушекъ невѣстъ сношенія бываютъ очень у многихъ, за малыми развѣ исключеніями; парня же, въ послѣднее время, чтобы онъ былъ цѣломудренъ до женитьбы—изъ тысячи одного невозможно найти. На это впрочемъ и смотрѣть стоитъ сквозь пальцы; честность и допропорядочность считается за такой невѣстой—дѣвушкой, которая, слюбившись, умѣетъ хорошо скрываться и не рожаетъ ребятъ.

И такъ, когда молодежь, какъ парни, такъ и дѣвушки, придутъ въ возрастъ, считающійся достаточнымъ для женитьбы, они стараются заранѣе выбрать другъ друга по сердцу. Въ тоже время родители, найдя уже возможнымъ сбирать свадебку, начинаютъ раздумывать о томъ. Начинается дѣло тѣмъ, что отецъ и мать парня—жениха, разсудивъ промежь собою, что пора Петрушу поженить, и придя въ положительному заключенію, объявляютъ о томъ самому Петрушѣ; его обязанность въ этомъ случаѣ—желаетъ-ли, или нѣтъ онъ душевно разстаться съ холостою жизнью,—состоитъ въ томъ, чтобы нѣкоторое время отнѣкиваться и за тѣмъ уже, исполнивъ церемонію отнѣкиванія, упасть въ ноги батюшкѣ и матушкѣ съ изъявленіемъ своей покорности. Тогда собираются на совѣщаніе имѣющіеся родные и родственники и изъ нихъ избираютъ болѣе расторопнаго человѣка, все равно будетъ-ли это мужикъ или женка, въ *большіе сваты* и чаще всего—божитку (крестная мать) или сестру; изъ мущинъ-же крестнаго отца или брата-жениха. Когда разсудятъ желанія жениха о томъ, въ какой домъ идти свататься и къ какой дѣвушкѣ, зажигаютъ свѣчи или лампаду передъ образомъ въ переднемъ углу, молятся всѣ вмѣстѣ за начатіе дѣла и, въ видѣ послѣдняго и главнаго начала дѣла, сватъ бьетъ съ женихомъ по рукамъ, безъ чего сватовство не начинается. Въ то время какъ большой сватъ (положимъ на этотъ разъ будетъ божитка), отправляется за своимъ дѣломъ, оставшееся дома собраніе родныхъ занимается своего рода волхвованіемъ: копаютъ *вагнитой* (лучиной) уголья въ *жаратькѣ* (углубленіе на шесткѣ печи, съ лѣвой руки, куда загребаются угли, для очистки печи для печенія хлѣбовъ и проч.) и волочатъ по избѣ столъ,—все это дѣлается для того, чтобы получить со стороны сватовей невѣсты и ея родныхъ согласіе. Съ этою же цѣлью бойкіе, т. е. знающіе свое дѣло, большіе сваты, походя (отправившись) съ сватовствомъ, берутъ въ карманъ пѣтушиную голову; это впрочемъ явленіе изъ рѣдкихъ.—

Большой сватъ, зная всю точность, необходимую при подобномъ дѣлѣ, выбираетъ, во-первыхъ, время для своего перваго визита,—вечеръ или сумерки—и во-вторыхъ—случай, чтобы встрѣтить гдѣ нибудь по дорогѣ отца или мать дѣвушки, за которую намѣревается свататься, если же подобнаго случая не выдается, то не входя въ избу, а только постучавшись, вызываетъ къ себѣ того, или другаго сосѣда—и все это въ виду того, чтобы скрыть по возможности сватовство въ началѣ нетолько что отъ сосѣдей, или постороннихъ людей, но и отъ прочихъ домашнихъ—родныхъ невѣсты. Иногда же приспособляетъ большой сватъ какой либо хитрый предлогъ, входитъ какъ будто за постороннимъ дѣломъ въ самую избу; исправивъ это постороннее дѣло, пустится въ разговоръ о новостяхъ дня, и уже во время своего ухода, когда хозяинъ или хозяйка провожаютъ его въ до выходныхъ дверей, въ это только время, наединѣ сѣни передаетъ главное, почему приходилъ. На этотъ вопросъ отвѣтъ всегда и во всѣхъ случаяхъ бываетъ одинъ и тотъ-же: «понавѣдайся-ка утромъ.» Причина тому заключается въ желаніи передать родными, близкимъ и семьѣ не вскорѣ предложеніе свата, перетолко-

вать и поразсудить промежъ себя, какъ вообще о сватовствѣ, такъ и о женихѣ въ частности,—что и исполняется обыкновенно въ промежутокъ времени до того часу, когда нужно ждать втораго посѣщенія свата. Отецъ или мать невѣсты ходитъ въ это время по домамъ родныхъ, т. е. къ замужнимъ дочерямъ, женатымъ сыновьямъ, братьямъ, сестрамъ, дядьямъ, теткамъ и проч., спрашивая совѣта по поводу явившагося сватовства: отдавать ли за этого жениха, или нѣтъ. Даже въ случаѣ если бы женихъ сразу, по одному имени, не подходилъ къ невѣстѣ и самъ отецъ и мать это знали-бы изъ первыхъ словъ свата, отвѣтъ на первый визитъ остается непремѣннымъ т. е. все таки просятъ понавѣдаться на другой день.

Въ назначенное время, на другой день, большой сватъ является снова въ домъ невѣсты. Возьмемъ первый случай,—если нужно дать отказъ, въ избѣ остается по уговору между собою, для пріема свата, одинъ изъ хозяевъ, отецъ или мать. Ставится самоваръ и прибывшій сватъ приглашается садиться, начинается чаепитіе, за нимъ разговоры, сначала о томъ да о другомъ, а потомъ, когда сватъ напоминаетъ, что онъ *опять* за *старымъ дѣломъ пришелъ*,—высказывается отказъ и, преимущественно въ извѣстныхъ уже формахъ, чтобы не охулить чѣмъ жениха; говорятъ что или невѣста молода еще слишкомъ, или въ настоящее время не могутъ собраться устроить необходимое ей приданое, или что жаль еще ее, по молодости, отдавать въ большую трудную работу и проч. т. под. Между тѣмъ чаепитіе кончилось, большой сватъ начинаетъ откланиваться, *прося прощенія за напрасное утрудженіе* ихъ *своимъ приходомъ*, на что обыкновенно въ отвѣтъ получается политическій комплиментъ въ такомъ родѣ, что женихъ своимъ предложеніемъ сдѣлалъ ихъ дому много чести, что просятъ благодарить его и проч. Въ отмщеніе за свое неудачное сватовство, большой сватъ обыкновенно выдѣлываетъ слѣдующую штуку съ домомъ гордой невѣсты: выходя съ сѣней, онъ идетъ задомъ, спиной на передъ; перешагиваетъ такимъ образомъ порогъ сѣней, и если случится, спускается по всѣмъ ступенькамъ лѣстницы тѣмъ-же способомъ, но принимаетъ мѣры, чтобы это дѣйствіе не было замѣчено хозяевами. Штука эта дѣлается съ той цѣлью, чтобы въ тотъ домъ не ходили болѣе сваты отъ другихъ жениховъ,—есть повѣрье, что это сбывается.

Теперь второй случай, когда предложеніе принимается. Въ противность предыдущему случаю, всѣ домашніе встрѣчаютъ большаго свата, когда онъ явится на другой день утромъ, весело, радостно: усаживаютъ его, начинаютъ поить чаемъ, а во многихъ случаяхъ кофеемъ. Идутъ разговоры, въ которыхъ даютъ свату положительный отвѣтъ, т. е. что женихъ любъ и родители согласны отдать за него свою дочь. Затѣмъ иногда является и полштофикъ, за которымъ—развязные языки—родители и большой сватъ заводятъ рѣчь о дарахъ со стороны невѣсты, т. е. о подаркахъ свадебныхъ отцу, матери, теткѣ, сестрѣ и проч. имѣющимся близкимъ родственникамъ. При этомъ интересно замѣтить, что между здѣшними мѣщанами, хотя приданое и дается за всякой невѣстой, смотря по состоянію, но о немъ заранѣе ни условій, ни распросовъ со стороны жениха не бываетъ: что придетъ съ невѣстою, то и ладно.—Дары бываютъ такого рода:

а) Отцу женихову (свекру) ситцевая рубаха, портки полотняныя съ гашникомъ изъ тесьмы, платокъ на шею бумажный (у богатыхъ шелковый).

б) Матери (свекрови) сорока (головной уборъ замужнихъ женщинъ и старухъ, нынѣ выходящій изъ употребленія) изъ широкаго позумента (плетня золотаго) и золотной парчи, рубаху всю коленкоровую, сарафанъ ситцевый.

в) Брату (деверю) рубаха ситцевая, портки, какъ свекру, платокъ такой-же (изъ трехъ вещей смотря по состоянію, даютъ двѣ только).

с) Сестрѣ (золовкѣ) рубаху съ полотняннымъ низомъ (станомъ) и съ коленкоровымъ верхомъ и рукавами, платокъ гарусный.

д) Женѣ женихова брата (снохѣ) тоже что и золовкѣ.

Другимъ же, не такъ близкимъ родственникамъ, отъ невѣсты даровъ не идетъ, но послѣ свадьбы они обдариваются молодикомъ по пріѣздѣ отъ вѣнца уже заранѣе заготовленными родителями жениха подарками.

Разсужденіе о дарахъ между большимъ сватомъ и родителями невѣсты во время сватовства имѣютъ большое значеніе: такъ что бываютъ случаи, что свадьба или сватовство изъ за большаго или меньшаго количества даровъ окончательно расходится. Когда родители выскажутъ, какіе дары они въ состояніи будутъ сами справить, и когда большой сватъ выскажетъ требованіе съ жениховой стороны, то обыкновенно сторона невѣсты спрашиваетъ:

— А сколько будетъ *поданаго* отъ васъ?

Поданое—это значитъ денежная помощь, подмога, для покупки даровъ. Большой сватъ возражаетъ на то: сколько желаете получить?

Количество денегъ въ видѣ подмоги обыкновенно назначается по возможности больше, опять же смотря по богатству обѣихъ сторонъ: рублей 15, 10 и даже 7. Сватъ обыкновенно не даетъ и начинается торгъ. Когда уже ниже извѣстной цифры родители невѣсты не спускаютъ, сватъ самъ не оканчиваетъ дѣло, а рѣшается объяснить о томъ лицамъ, пославшимъ его. Когда же однако дѣло обошлось съ обѣихъ сторонъ согласно, то

при отходѣ свата домой—межъ имъ и родителями невѣсты бываетъ такъ называемое *маленькое рукобитье* т. е. засвѣчаютъ передъ образомъ лампаду или свѣчу, берутся за руки, молятся и затѣмъ условливаются, когда должно быть рукобитье. Стараются однако время рукобитья назначить передъ рынкомъ, т. е. вторникомъ, съ тѣмъ, чтобы быть увѣреннымъ, что уже свадьба не растроится и что закупаемая на свадьбу провизія на рынкѣ не пропала даромъ.

2) *Рукобитье*. Если однако большой сватъ при переговорахъ о дарахъ и подмогѣ не рѣшится окончательно согласиться на какое либо условіе, то, не окончивъ еще уговора, возвращается домой къ жениху, гдѣ и передаетъ, какіе дары хотятъ дѣлать и сколько просятъ подмоги. Въ такихъ случаяхъ, если невѣста, особенно нравится жениху и самое сватовство начинается по его желанію, большой сватъ,—передавая родителямъ жениха, сколько просятъ подмоги—говоритъ не всю сумму, чтобы только скорѣе получить согласіе; а что не достаетъ по желанію невѣстиныхъ родителей, онъ беретъ то у жениха. На пр. положимъ просятъ подмоги 15 р. большой сватъ говоритъ старикамъ, что подмоги нужно 10 руб., а остальные 5 р., не говоря о нихъ родителямъ, беретъ у жениха изъ его скопленныхъ денегъ.

На рукобитье отправляются всѣ имѣющіеся родственники жениха, кромѣ его самого. Крестный отецъ, или,—если есть расторопный братъ жениха, несутъ съ собою обыкновенно четверть вина (бываетъ у богатыхъ и больше, но меньше не несутъ), которая берется за деньги жениховой стороны, т. е. родителей. Въ невѣстиномъ домѣ прибывшихъ на рукобитье встрѣчаютъ всѣ родные невѣсты, ея же самой не бываетъ; она обыкновенно прячется гдѣ нибудь въ задней комнатѣ, или же у сосѣдей и по обязанности *ревитъ* (плачетъ) благимъ матомъ.

Между тѣмъ въ избѣ столъ уже покрытъ скатертью и на немъ лежитъ *мякушка* (коровай) ржанаго хлѣба, съ солонкой на верху и по обѣимъ сторонамъ коровая по рыбьей кулебякѣ, около каждаго рыбника по вилкѣ: все это заранѣе приготовлено для закуски послѣ выпивки вина, которое обязаны принести родители жениха. Гости разсаживаются съ помощью приглашеній большаго свата; четверть, завернутая въ платокъ, становится на столъ и большой сватъ проситъ тотчасъ у хозяюшки подносъ и пару стакановъ. Большой сватъ держитъ за тѣмъ подносъ со стаканами, а братъ, или крестный отецъ жениха наливаютъ изъ четверти стаканы: оба они стоятъ за столомъ. Начинается угощенье съ невѣстиной родни; приглашаются во-первыхъ батька и матка (отецъ и мать), они берутъ по стакану, отецъ пьетъ прямо, приговаривая только: «благослови, Господи, начать и окончить дѣло въ благополучіи.»

Матка же отпиваетъ сначала немного, съ тѣмъ же приговоромъ и собирается недопитый стаканъ поставить на подносъ, въ виду приличій, если-бы даже она извѣстна была за хорошую пьянчугу; но угощающіе и прочіе жениховы родные не дозволяютъ ей этого, безсчетное число разъ кланяются и просятъ:

— По пальчиковъ-то, по пальчиковъ-то откушайте, просимъ покорно, насъ-то полюбить по первости, нашего-то жениха полюбите и т. д. Матка, послѣ многихъ отнѣкиваній, допиваетъ вино.—

Угощеніе продолжается затѣмъ по порядку старшинства: крестнаго отца, божитку, тетку, дядю, брата, сестру, двоюродныхъ и остальныхъ всѣхъ. Затѣмъ идетъ «по другому стакану», начиная тостъ съ главныхъ лицъ невѣстиной стороны и кончая прочими присутствующими на рукобитьи. Если кто вина принесъ много, то достается по третьему стакану. Каждый выпившій, послѣ каждаго стакана обращается къ одной изъ кулебякъ, закусывая съ вилки.

По окончаніи угощенія батька невѣсты засвѣчаетъ передъ образомъ лампаду или свѣчу: всѣ начинаютъ молиться за благополучіе начатаго дѣла. Потомъ уже совершается самый обрядъ рукобитья: большой сватъ со стороны жениха, и батька со стороны невѣсты, каждый захватываетъ правой рукой двумя пальцами рукавъ рубахи, или кафтана, въ чемъ одѣтъ, и протягивая другъ къ другу руки, тремя свободными пальцами каждый берется за верхнюю часть выше локтя руки противустоящаго; при этомъ каждый говоритъ:

— «Теперь будемъ другъ на друга надѣяться, чтобъ наше—вѣрно.» Тотъ же обрядъ повторяется и прочими родственниками попарно съ каждой стороны по представителю.

Большею частію тутъ же и расходятся по домамъ; и когда останутся только женки и займутся пѣніемъ пѣсенъ, общихъ или хороводныхъ.

Утромъ слѣдующаго дня большой сватъ получаетъ отъ родителей жениха, а иногда и отъ самого его выдѣльникъ, условленную сумму на подмогу заготовки даровъ невѣстиной сторонѣ и несетъ деньги въ домъ невѣсты. Тутъ онъ узнаетъ отъ родителей невѣсты, когда они намѣрены отправиться къ торговцамъ за покупкою даровъ и проч. Ему говорятъ что, сего-дня же. Онъ, возвратясь домой, говоритъ о томъ родителямъ жениха, которые въ большей части случаевъ идутъ для своихъ закупокъ, тоже даровъ или подарковъ, о которыхъ узнаемъ впослѣдствіи, въ тоже время, когда намѣреваются идти невѣстины родители, чтобы закупать вмѣстѣ, такъ какъ обыкновенно при большомъ заборѣ можно купить дешевле, что нибудь выторговать. Въ это

же время родители обѣихъ сторонъ уговариваются межъ собою, чтобы *ввечеру* (т. е. вечеромъ того же дня) и женихъ съ кольцемъ шелъ.

3) *Женихъ съ кольцомъ.* Собираясь идти вечеромъ къ невѣстѣ, женихъ заготовляетъ въ тотъ же день шелковую розовую косынку, которая назначается для повязки головы молодой; такъ же вѣнчальное кольцо (серебряное или золотое) и разнаго рода сластей (здѣсь говорятъ—десерту): обыкновенно орѣхи, конфекты, леденцы и сортовъ двухъ *закуски* (пряники). Кольцо и косынку онъ оставляетъ при себѣ, а сласти отдаетъ божиткѣ, которая считается въ тожѣ время *свахой жениха*.

На этотъ разъ идутъ съ жениховой стороны немногіе: *онъ самъ*, большой сватъ, божитка, крестный, братъ, сестра, человѣкъ 5—7 не больше. Батька и матка не ходятъ. Впрочемъ въ нынѣшнее время стараются играть свадьбу возможно скорѣе,— большею частью *рукобитье и женихъ съ кольцомъ* бываютъ одно вслѣдъ за другимъ, въ одинъ вечеръ, и тогда отецъ и мать жениха, бывшіе на рукобитной, присутствуютъ и на этотъ разъ.

Войдя къ невѣстѣ со всей своей свитой, женихъ, по обыкновенію молится образамъ, раскланивается на всѣ стороны присутствующимъ и, когда по просьбѣ свата ему вручается тарелка, онъ кладетъ на нее косынку, а сверху кольцо и кланяясь передаетъ невѣстѣ, которая стоитъ уже посреди избы въ ожиданіи даровъ. Невѣста, принимая съ тарелки вещи, кланяется: кольцо надѣваетъ на средній палецъ правой руки, а косынку передаетъ кому-нибудь изъ близъ стоящихъ родныхъ. Тарелку изъ жениховыхъ рукъ въ тоже время беретъ его божитка и передаетъ ее невѣстиной божиткѣ. Та въ свою очередь кладетъ на тарелку шелковый шейный платокъ мужской съ разводами и даетъ невѣстѣ, которая съ поклономъ передаетъ его жениху. Женихъ кланяется, благодаритъ, беретъ платокъ съ тарелки, отираетъ имъ раза два губы и кладетъ въ карманъ.—Затѣмъ послѣ напоминаній родныхъ—онѣ цѣлуются и невѣста беретъ за руку жениха и ведетъ его за столъ. Столъ стоитъ посреди избы подъ печнымъ воронцомъ; въ большемъ же углу помѣщаются дѣвушки подруги невѣсты. Когда пара зайдетъ за столъ, то цѣлуются три раза крестъ-на-крестъ, дѣвушки же затягиваютъ первую пѣсню жениху съ невѣстой. Тутъ же невѣстины родные приносятъ и ставятъ на столъ двѣ тарелки съ ягодами—морошкой и брусникой, которыя посыпаны сверху сахаромъ и кладутъ у каждой тарелки по деревянной ложкѣ. Между тѣмъ божитка жениха проситъ подносъ, накладываетъ на него въ отдѣльныхъ кучкахъ жениховы сласти.

Дѣвушки поютъ:

1.

Полькомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ *),
Уѣзжена широка саночками,
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ эту дорожку Григорій господинъ,
Уѣздилъ широкую—Ивановичъ;
Все хожучи къ Марьѣ своей
Все ношучи гостинцы:
Первый гостинецъ изюмецъ,
Другой гостинецъ пряничекъ,
Третій гостинецъ—бѣлъ сахаръ,
Четвертый гостинецъ
Не тесанъ теремъ, не скобленъ,
Только хорошо раскрашенъ,
Всякими, разными красками наведенъ;
Неученъ Григорій, не школенъ,
Неученъ, Ивановичъ, не школенъ,
Только хорошо снаряженъ
Во всякое платье цвѣтное;
Не шелкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,—
Григорій передъ батюшкой челомъ бьетъ;
Благослови сударь батюшка жениться
На душѣ, на красной дѣвицѣ,
На младой, на Марьѣ Ивановнѣ!
Ой сборы, сборы Марьюшкины!
Ой сборы, сборы Ивановнины!
Собирала Марья всѣхъ подругъ,
Собирала Ивановна всѣхъ сестрицъ,
Садила подружекъ за свой столъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила буйную головушку ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ,
Сестрицы мои, да подруженьки
Придумайте вы мнѣ, да пригадайте,
Какъ будетъ назвать люта свекра,
Какъ будетъ назвать свекровушку,
Какъ будетъ назвать деверьицевъ,
Какъ будетъ назвать золовушекъ?
Мнѣ свекромъ назвать да безчестно,
Батюшкомъ назвать не хочется!
Убавлю я спѣси гордости,
Прибавлю смирности, кротости,
Назову я люта свекра батюшкой,
Назову свекровушку—матушкой
Назову деверьицевъ—братьицами
Назову золовушекъ—сестрицами,

*) Каждый стихъ поется дважды.

Назову я Григорья да ягодою,
Назову Ивановича душечкою.

2.

Въ Сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
На горѣ, на великія,
На красы на великія,
Въ полатѣ бѣлокаменной,
Чтой на стулѣ, на бархатѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Противъ чистаго заморскаго,
Андріанъ чесалъ кудри,
Свѣтъ Семеновичъ разчесывалъ,
Къ кудрямъ приговаривалъ:
«Катерина, завей кудри,
Васильевна, завей русы
По едину русу волосу.»
Не твоя я теперь служанка,
Не тебя я хочу слушаться,
Я послушаю батюшки
Я сударыню матушку.—
Въ Сентябрѣ, въ первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
и проч. и проч. до:
По едину русу волосу,
Что по маленькой по маковцы,
По золоченой по жемчужинѣ.»
Я твоя теперь служенька
Я тебя хочу слушати:
Серебромъ кудри перевью
Жемчугомъ русы высажу.

3.

Во соборѣ Михайла—Архангела,
Виноградіе краснозеленое.
Что у ранней воскресной заутрени
Виноградіе, краснозеленое.
Не женатый молодецъ Богу молится
Виноградіе, краснозеленое.
Богу молится низко кланяется,
Виноградіе и проч.
Ужъ онъ крестъ-отъ кладетъ по писанному,
Виногр. и проч.
Онъ поклонъ-то кладетъ по ученому.
Виноградіе . . . . .
Впереди его стоятъ попы—діяконы,
Виноградіе . . . . .
По праву руку стоятъ князья, бояре,
Виноградіе . . . .
По лѣву руку стоятъ друзья—братія,
Виноградіе. . . . . .
Позади его стоитъ православный людъ.
Виноградіе . . . .
Еще князья—бояре дивовались молодцу,
Виноградіе . . .
Еще гости—торговцы нарадовались,
Виноградіе . . . .
Не заря-ли тебя, молодецъ, спородила на свѣтъ?
Виноградіе. . . . .
Что не часты мелки звѣзды воспеленовали?
Виноградіе . . . .
Не свѣтелъ-ли тебя мѣсяцъ воспоилъ, воскормилъ?
Виноградіе . . .
Ужъ вы, глупые князья—да бояре,
Виноградіе . . .
Неразумные гости—торговые,
Виноградіе . . . .
Что на свѣтъ-то спородила родна-матушка,
Виноградіе . . . .
Воспеленовали няньки—мамушки,
Виноградіе . . . .
Воспоилъ-воскормилъ сударь батюшка,
Виноградіе . . . ,
Что чесала буйну голову родна сестра,
Виноградіе . . .
Завивала русы кудри богосуженая,
Виноградіе . . . .
Богосуженая Анна Ефимовна
Виноградіе . . . .

—

Въ то время, когда дѣвушки поютъ жениху пѣсни, межъ прочими происходитъ слѣдующее: женихъ, принявши отъ своей божитки подносъ съ десертомъ, подчуетъ имъ невѣсту, передаетъ весь подносъ ей въ руки и шепотомъ говоритъ, чтобы она подчивала гостей. Невѣста встаетъ, подноситъ гостямъ, сидящимъ по близости вкругъ стола, десертъ, угощаетъ ихъ, проситъ, кланяется, не выходя изъ застола. Когда отпочиваетъ десертомъ, такимъ же способомъ онъ беретъ объ тарелки ягодъ и угощаетъ ими, начиная съ жениха. Подчиванье повторяется нѣсколько разъ съ небольшимъ промежуткомъ. Въ тоже время, въ сосѣдней комнатѣ разливается чай и затѣмъ разносится чашками гостямъ, кромѣ дѣвушекъ, которыя права на чай лишены, равно какъ и вообще на особенное вниманіе невѣсты: на пр. десертъ и ягоды имъ передаются уже въ концѣ, послѣ того какъ нѣсколько разъ обнесутъ главныхъ гостей, когда остается немного. Занятіе же почетныхъ гостей, пока дѣвушки надрываются пѣснями, заключаются главнымъ образомъ въ прихлебательствѣ чая и пересудахъ, разумѣется шепотомъ, такъ что, или нетакъ сдѣлано, или чего мало изъ угощеній и проч., безъ чего не обходит-

ся ни одна свадьба; вообще подобное встрѣчается межъ женскимъ поломъ, уже въ замужествѣ состоящимъ.

Дѣвушки, пропѣвъ подрядъ всѣ три пѣсни жениху, не вставая съ своихъ мѣстъ, кричатъ молодымъ:

«Поздравляемъ васъ, Андріанъ Семенычъ (имя жениха), съ Катериной Васильевной и васъ Катерина Васильевна съ Андріаномъ Семеновичемъ». Молодые встаютъ, кланяются дѣвушкамъ и благодарятъ. Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушки поютъ пѣсню невѣстиному батькѣ, пѣсню жениху и маткѣ, какъ называются подобныя пѣсни въ отличіе отъ *холостыхъ*, какія поютъ жениху:

4.

Дымно—дымно въ полѣ,
Чадно—чадно въ чистомъ!
У Лаврентьева двора
Были трои ворота,
У Матвѣевича трои широкихъ
Дымно и проч.
Какъ въ первыя ворота
Соколъ пролеталъ,
Дымно и проч.
Какъ въ другія ворота
Скорый конь прогналъ,
Дымно и проч.
Какъ во третьи ворота
Да Лаврентій проѣзжалъ,
Дымно и проч.
Свѣтъ Матвѣевичъ
Въ трои широкія.
Дымно и проч.
Катерина-то его
Выходила на крыльцо,
Дымно и проч.
Свѣтъ—Никитишна
На прекрасномъ стояла,
Дымно и проч.
На прекрасномъ стояла,
Правой ножкой топнула,
Дымно и проч.
Правой ножкой топнула,
Лѣвой ручкой махнула:
Дымно и проч. . .
«Воротить, воротись,
«Мой надежда—господинъ!
Дымно и проч. . . .
«Воротись, воротись,
«Я тѣ радость скажу,
Дымно и проч.
«Я тѣ радость скажу,
«Тебѣ сына рожу,
Дымно и проч. . .
«Я другую скажу,
«Тебѣ дочь я рожу.»
Дымно и проч.
Ужъ я для ради сына
Не ворочусь назадъ,
Дымно и проч. . . .
Ужъ я ради дочери
Ворочусь назадъ;
Дымно и проч. . . . .
Ужъ какъ сынокъ у меня
Всегда домашній гость,
Дымно и проч. . . .
Ужъ какъ дочь у меня
Всегда гостьюшка;
Дымно и проч. . . . .
Воспою ей, воскормлю
Ей и замужъ отдаю!
Дымно и проч. . . . . .

—

За пѣсней идетъ поздравленіе въ той же формѣ, какъ жениху съ невѣстою, невѣстинымъ батькѣ и маткѣ.

5). Пѣсня свекру и свекрови.

(жениховымъ родителямъ)

Во горницѣ, во новой
Во новой;
Во свѣтлицѣ паровой,
Паровой;
Стоятъ столы дубовы,
Дубовы;
На столахъ ковры шелковы,
Шелковы;
На коврахъ чара золота,
Золота;
Полная меду-то налита,
Налита.
А кто чару наливалъ,
Наливалъ;
Кто золотую дополнялъ,
Дополнялъ?
Наливалъ чару Алексѣй—господинъ
Алексѣй—господинъ!
Дополнялъ чару Филатьевичъ
Филатьевичъ.
Онъ до милой доходилъ,
Доходилъ;
Онъ раздумы говорилъ,
Говорилъ:
—Катерина, другъ моя,
Другъ моя;
Ужъ ты Павловна, сердце мое,
Сердце мое;

Ты любишь-ли другъ меня,
Другъ меня?
Прими чару ты отъ меня,
Отъ меня;
Выпей ты чару-то всю до дна,
Всю до дна,
Спороди сына ясна сокола,
Ясна сокола,
Возрасти-то во меня,
Во меня
Бѣлымъ лицемъ во себя,
Во себя!
Спороди дочерь—бѣлую лебедь
Бѣлую лебедь,
Возрастишь-то во себя,
Во себя!
Бѣлымъ лицемъ во меня
Во меня!
Женимъ сына у попа,
У попа,
Отдамъ дочерь за дьячка,
За дьячка—
Пусть причетнички всѣ родня
Всѣ родня!

Поздравляютъ свекра съ свекровью и начинаютъ пѣть *тысячкому* (обыкновенно крестный отецъ жениха).

6.

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ
По частымъ переходочкамъ,
Туда ходила—гуляла
Молодая боярыня,
Молодаго боярина,
Да Никиты Ивановича,
Молодая боярыня
Татьяна Ивановна.
Во рукахъ она носила
И два яфонта всячешные,
Двѣ алмазныя запоны.
Чтой сама она говорила:
«Ужъ вы, яфонты, яфонты,
«Двѣ алмазныя запоны!
«Полежите вы малешенько,
«Докулъ я молодешенька
«Схожу во свѣтлую свѣтлицу,
«Во столову нову горницу,
«До спориду дубова стола,
«Гдѣ сидитъ мой любезный мужъ
«Со друзьяки, со товарищами,
«Сидитъ пьетъ проклажается,
«Онъ музыкой забавляется
«Онъ женою похваляется:
«У меня жена умная,
«У меня душа разумная,
«У ей походка павлиная,
«Тиха рѣчь лебединая!
«Она ходитъ тихошенько
«Говоритъ по малешеньку,
«Очи яснаго сокола,
«Брови чернаго соболя,
«И чернаго Сибирскаго,
«У Сибирскаго, заморскаго,
«У яснаго, перелетнаго,
«У дародѣя, добра молодца
«У Никиты Ивановича,
«Молодой боярыни
«Татьяны Ивановны». *)

Поздравляютъ тысяцкаго съ его женою. Затѣмъ, если у жениха есть женатый братъ, поютъ ему женатую пѣсню:

7.

Не бушуй, не бушуй холоденъ сѣверъ!
Не раскачай, не раскачай звонки колоколы!
Не разбуди, не разбуди у Андрея жены:
Вечоръ Палагея, вечоръ Палагея со пиру пришла
Семеновна, Семеновна со пиру пришла;
По утру рано, по утру рано сына спородила
Башка, баушка была съ Трубецкаго двора,
Кумъ-отъ былъ, кумъ-отъ былъ да свѣтлѣйшій князь,
Кума то была, кума-то была государыня сама**).

Продолженіе этой пѣсни составляетъ повтореніе ея-же сначала до конца и съ тою только разницею, что во второй разъ вмѣсто словъ: «сына спородила, поется—дочерь спородила». По окончаніи пѣсни такое же поздравленіе, какъ и въ предыдущихъ пѣсняхъ. Замѣтить слѣдуетъ, что невѣстинымъ роднымъ, какъ вообще хозяевамъ, не поется пѣсенъ, кромѣ только отца и матери невѣсты, какъ выше приведено. Какъ примѣръ холостой пѣсни возьмемъ пѣсню неженатому брату жениха, въ случаѣ если таковой имѣется:

8.

Какъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
Удалой да добрый молодецъ,
Алексѣй да Александровичъ.
Загулялъ онъ въ свѣтлу—свѣтлицу
Во столову, нову горницу
И за липову за грядочку,
За берчатную за занавѣсъ—
Ко душѣ, ко красной дѣвицѣ
Свѣтъ Авдотьѣ Матвѣевнѣ.

*) Строка повторяется дважды.
**) Строка повторяется дважды.

Ужъ онъ бралъ да руку правую
Во свою руку, во лѣвую,
Прижималъ руку объ руку,
Изломилъ злаченый перстень
Съ тремя вставками алмазными,
Съ четвертымъ драгимъ камушкомъ.
Тутъ Авдотья расплакалася
Свѣтъ Матвѣевна растужилася:
«Ужъ я какъ скажу да батюшкѣ,
Я сударынѣ матушкѣ?»
Алексѣй то хитеръ,—да мудеръ
Александровичъ догадливъ былъ:
—Ты скажи, скажи Авдотьюшка,
Ты скажи, скажи Матвѣевна,
Я ходилъ во зеленый садъ гулять,
Я упалъ о сыру мать, о землю,
Изломилъ злаченый перстень
Съ тремя вставками алмазными
Съ четвертымъ драгимъ камешкомъ.—
«Ужъ вы нянюшки, мамушки мои
Вы хороши верховски дѣвушки!
Вы берите золоты мои ключи,
Отмыкайте кованы сундуки,
Вынимайте одинцовое сукно,
Отдавайте швецамъ—мастерамъ,
Государевымъ закройщикамъ,
Ужъ вы кройте Алексѣю кафтанъ,
Ужъ вы шейте Александровичу,
Ай чтобы ему не дологъ былъ,
Ай чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбленный,
Противъ сердца перестишистый,
Чтобы легче на добра коня скакать,
Поскорѣе со коня сходить,
Передъ короля ставиться
Передъ короля Турскаго (?),
Передъ князя—друга царскаго,
Покрасивѣй у вѣнца постоять.

Въ этой пѣснѣ строки повторяются дважды; слово-же «верховски дѣвушки», встрѣчающееся при этомъ, есть названіе мѣстное, зависящее отъ той части города, гдѣ живетъ невѣста и гдѣ слѣдовательно играется свадьба, —по этому смотря по частямъ города, поютъ также: «низовскія дѣвушки,» «почищенскія дѣвушки» и проч.

Когда всѣмъ болѣе важнымъ лицамъ пѣсни спѣли, одна изъ дѣвушекъ идетъ съ тарелкой собирать за пѣсни: начинаетъ съ домохозяина, отца невѣсты, затѣмъ къ жениху съ невѣстой и кончая младшими лицами. Ко всякому она подходитъ со словами: «пожалуйте за пѣсню», и каждый по желанію и состоянію глядя, бросаетъ отъ себя мѣдную монету въ 3, 5 коп. и рѣдкіе больше, только женихъ даетъ коп. 15—20.

Затѣмъ старики и женатые большею частію расходятся по домамъ и остаются только жениховъ съ холостою молодежью и дѣвушками, которыя тутъ-же сочиняютъ вечеринку, въ продолженіе которой уточка, игры и танцы подъ пѣсни смѣняютъ другъ друга, забавляя молодыхъ. Только особенное уваженье оказывается жениху съ невѣстой: когда затѣвается игра; какой—нибудь изъ молодежи начавшій игру парень беретъ себѣ пожеланію одну изъ дѣвушекъ, а та другою рукой непремѣнно беретъ жениха, а женихъ невѣсту и т. далѣе. Вечеринка идетъ часу до втораго, потому что это послѣдній вечеръ женихова посѣщенія, и онъ больше не долженъ ходить до самаго *смотрѣнья;* да и для невѣсты это собственно послѣдняя дѣвическая вечеринка.

Передъ уходомъ дѣвушекъ по домамъ, невѣста проситъ кого нибудь изъ родителей поставить самоваръ для жениха, а иногда у богатыхъ для него же готовится и ужинъ. За чаемъ, или за ужиномъ находятся только невѣста, женихъ и одна—двѣ дѣвушки, самыя близкія невѣстины подруги, прочіе же гости и дѣвушки всѣ уже разошлись, а всѣ домашніе невѣстины родные уже спятъ. За чаемъ идетъ самая непринужденная бесѣда, любезности между молодой парочкой, смѣхъ и шутки общія; нерѣдко раздаются поцѣлуи между женихомъ и невѣстою; женихъ же непремѣнно имѣетъ для этого случая сласти въ карманѣ и подчуетъ теперь ими невѣсту. Провожаетъ жениха невѣста въ самыя сѣни, со свѣчей и на прощаньи цѣлуются.

4. *Заплачка.* На другой день, съ утра собираются къ невѣстѣ дѣвушки подружки и одна изъ нихъ, часа за два до полдня, принимается чесать ей голову; эта дѣвушка должна быть невѣстѣ ближе другихъ, другомъ невѣсты. Разчесавъ волосы, она начинаетъ ихъ на этотъ разъ заплетать *особеннымъ образомъ въ косу*, именно заплетаетъ косу какъ можно туже, навязываетъ до *семи*, восьми узловъ, натыкаетъ въ нее нѣсколько булавокъ и въ заключеніе привяжетъ къ концу, по здѣшней мѣщанской модѣ, широкую ленту; дѣлается это, какъ позднѣе будетъ видно, съ тѣмъ, чтобы дольше нельзя было расплетать, да и вообще, чтобы тѣмъ, кто будетъ расплетать досталось, на долю какъ можно больше узловъ и труда; затѣмъ дѣвушки ожидаютъ *стиховодницу*, за которой уже съ утра было отправлено.

Стиховодницей бываетъ обыкновенная женка (замужняя женщина) расторопная и опытная, бывшая на своемъ вѣку на множествѣ свадебъ и слѣдовательно узнавшая до тонкости всѣ обряды заплачекъ и стиховъ, т. е. какимъ образомъ невѣста должна оплакивать, покидая дѣвичество, свое вольное житье, и какія должна произ-

носить при этомъ тирады. *На всю Онѣгу стиховодницъ не болѣе 3—4-хъ.*

Часу въ первомъ является наконецъ стиховодница, которая и садится гдѣ нибудь на лавкѣ. Въ тоже время невѣста изъ сосѣдней комнаты, или изъ за завѣсы входитъ въ избу уже въ повязкѣ и одѣтою, хотя не особенно парадно, въ ситцевомъ или гарусномъ сарафанѣ, даже безъ фартука, поклонится на всѣ четыре стороны, а потомъ молится въ передній уголъ и садится, окруженная всѣми дѣвушками, исключая заплетавшей ей косу,—на лавку межъ двухъ оконъ, обращенныхъ на улицу. Когда всѣ усядутся по сторонамъ невѣсты, она обращается къ дѣвушкѣ, сидящей по правую руку, склоняется головой къ ней на колѣна, захватываетъ и заматываетъ на свою руку *косу*, насколько можетъ крѣпко, не давая ее расплетать дѣвушкамъ; дѣвушки же, окруживъ ее, стараются сначала отнять ея руку, для чего бьютъ по рукѣ, а потомъ, забравъ поскорѣе косу, отвязываютъ ленту и расплетаютъ косу на перебой, по повѣрью, *что если которая раньше расплететъ, та раньше и замужъ выдетъ*; невѣста же съ той минуты, какъ садится на лавку начинаетъ истинно-ли, притворно-ли плакать, — *ревѣть* по здѣшнему выраженію и причитать нижеслѣдующій стихъ, еще пока безъ помощи стиховодницы и самымъ растяжистымъ образомъ: этотъ стихъ она должна знать сама, иначе подвергается насмѣшкамъ и пересудамъ присутствовавшихъ. Присутствующихъ же постороннихъ любопытныхъ, сосѣднихъ женокъ, дѣвокъ и ребятъ набирается довольно много.—И такъ невѣста начинаетъ причитать:

а) Что за чудо это, что за диво великое
По сегоднишнему-то
Что за сборъ-то родни, природы сердечной,
Моимъ милымъ подружкамъ—сердечнымъ,
Моимъ ближнимъ-то сусѣдкамъ поряднымъ?
Хоша сбираются родня природы сердечной,
Прежде этой поры, прежде времени,
О честныхъ, о господнихъ, о праздникахъ;
Хоша сбираются мои милыя подруженьки любовны,
Мои ближнія-то сосѣдки порядовыя,—
Ужъ вы не троньте, мои милыя подружки любовныя,
Моей миленькой, часто плетеной косы русой.

(Дальше идетъ различіе, какъ поетъ богатая невѣста и какъ бѣдная; возьмемъ стихъ бѣдной невѣсты, *нужнаго житья.*

б) Моя маленька частоплетъ коса русая,
Не успѣла я, глупа сиза-голубушка,
Приотрастить своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ходила-ко по робамъ, казачихамъ *нахлѣбницамъ* *),
По пыльнымъ-то заводамъ, мусорнымъ *),
Наживала мою несчетну золоту казну,
Заводила себѣ *покруту* **) покрасу великую,
Я *и хорошимъ-то жемчугомъ перевязану.*
Какъ чесала-то мою да буйну голову
Изъ подругъ-то моихъ подружка любовная,
Изъ сестрицъ-то моихъ сестрица родимая,
Голубушка Катерина да Семеновна;
Заплетала-то она частоплетъ косу туго,
Посереди-то моей косы русыя
Вонъ тридевять булавокъ буланатыхъ,
Подъ конецъ-то моей частоплетъ косы русыя
Вплетали семи шелковый гайтанъ (снурокъ),
Вплетали тридевять узловъ шелковыхъ,
Подъ конецъ моей частоплетъ косы русыя
Ввязати семи-шелковая ленточка.
У васъ ручки бѣлыя, у васъ ручки бѣлыя;
Ужь вы не *трудницы* будете, не работницы
Своимъ да сердечнымъ родителямъ,
Ужь вы не держите надѣи-то ***) крѣпкія,
На своихъ-то сердечныхъ родителей;
Ужь какъ взыщутся лихіе люди, ненавистные,
На вину-то на печальную младу буйну голову,
Отдаютъ насъ-же глупыхъ, сизыхъ голубушекъ
За эту-же *злую неволю великую.*

в) стихъ невѣсты богатой.

Моя маленька частоплетъ коса руса,
Не успѣла я глупа, сиза-голубушка
Приотрастить своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ужь я спала млада сиза-голубушка
До обѣда, до поздняго, полуденнаго,
Не знала я, млада сиза-голубушка
Въ коей сторонѣ выкатается доброхотъ солнце красное.

(Далѣе также какъ и предыдущей со словъ: «Какъ чесала-то мою буйну голову» и проч. до конца).

Къ концу этого стиха противъ невѣсты становится скамья, на которой и помѣщается стиховодница. Кончивъ стихъ, невѣста приподнимается съ расплетеной уже косою съ колѣнъ своей подруги, а стиховодница затягиваетъ слѣдующій стихъ, невѣста съ дѣвушками подтягиваютъ.

г) Благослови-тко доброхотъ солнце красное,
Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
Благослови моя матушка, Агафья Кондратьевна,
По сегоднешнему, по долгому, по денечку,

*) Т. е. жила въ работницахъ.

*) Т. е. была въ работѣ на какомъ, либо лѣсопильномъ заводѣ.

**) Покрута, одежда вообще.

***) Надежда.

Что по тихому, по позднему, по вечеру
Попустить мнѣ шибкозычные голосы
По родительскому дому, тепловатому по гнѣздышку,
Сослужитка нонѣ мнѣ ручка правая,
Положить мнѣ какъ чуденъ крёстъ:
Сперва-на-первы, глупа сиза-голубушка,
На печальную мою младу буйну голову,
Съ печальной-то младой буйной головы
Противъ яблаго сердца ретиваго,
Что отъ яблаго-то сердца
На плечико-то на правое,
На второе-то на лѣвое,
} творитъ три раза кресты.
Ты послушай моя слезинка доброхотная,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Что я стану говорить, разговаривать
Своимъ *глупымъ дѣвичьимъ умомъ*, своимъ разумомъ.
Ты сходитко, моя желанная доброхотница
Во свою да въ ново-рубленую клѣтёчку,
Готовы-ди-тка золотые ключи ланцы *),
Отмыкай-ка мои кованные сундуки,
Тамъ не садъ стоитъ съ виноградомъ,
Тамъ стоитъ моя жемчужная перевязочка,
Принеси ты-ко, моя желанная доброхотница,
Во дѣвью тихую бесѣду смиренную.
Во вторыхъ-то, принеси-тко рыбной гребень дорогихъ гостей,
Разчеши мою младу, буйную голову,
Положи-ко мнѣ жемчужную перевязочку.

Въ это время мать приноситъ изъ клети, изъ дочерняго сундука, ея лучшую перевязку, большею частію украшенную дутымъ жемчугомъ и рѣдко настоящимъ, и гребень: садится къ дочери, которая проситъ ее разчесать ей волосы, съ плачемъ и причитаньемъ кланяется матери въ ноги; затѣмъ мать чешетъ ей голову и онѣ причитаютъ уже вмѣстѣ:

д) Сама-то мнѣ говори, да разговаривай.
Ты держись крѣпче, жемчужна перевязочка,
За мою, за печальную, за молоду, буйну голову.
Тебѣ спасибо, моя желанная доброхотница,
Принесла мнѣ жемчужну перевязочку
Во дѣвью тихую бесѣду смиренную:
Зачесала мнѣ младу, буйну голову,
Пробрала каждый волосъ къ единому волосу,
Положила мнѣ жемчужную перевязочку.

(Въ это время постороннія присутствующія женки уговариваютъ мать уйдти отъ невѣсты, чтобъ не раздражать ее лишними слезами, говоря: «ну! иди, иди, мамка, будетъ ревѣть-то, примучишь дѣвку и проч.).

Сослужитко мнѣ, моя ручка правая,
Положить мнѣ какъ чуденъ крёстъ:

*) Ключъ, ланецъ—однозначащія слова

(и проч., какъ въ предыдущемъ случаѣ, при чемъ невѣста три раза крестится).

е) Помолилась я, печальна сиза-голубушка
Во родительскомъ тепломъ во гнѣздушкѣ,
На стѣны, да на ограды бѣлокаменны:
Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,—
Нонѣ помилуй меня, Божья мать Богородица,
Нонѣ меня-то печальну, сизу-голубушку.
Я еще-то помолюсь, глупа сиза-голубушка,
Въ родительскихъ новыхъ сѣняхъ,
Помолюсь я Николѣ многомилостивому,—
Нонѣ помилуй меня, Божья Мать Богородица,
Слугой служити мнѣ глупой сизой-голубушкѣ
Отъ своихъ свѣтовъ, сердечныхъ родителей.
Есть на славномъ-то синемъ соленомъ морѣ,
По край славной Дунай рѣчки быстрыя
Есть отстойчиво, чистомелкое знаменье,
Тамъ стоятъ-то Божія церкви преосвященныя,
Воздвиженіе Креста Животворящаго,
Помилуй меня нонѣ, Божья Матерь Богородица,
Воздвиженье Крестъ Животворящей *).

—

ж) Случилось мнѣ слышати, глупой сизой голубушкѣ,
Отъ своихъ свѣтовъ, сердечныхъ родителей,
Есть за три губы синя, солена моря,
Есть чистое мелкое отстойчиво знаменье **),
Стоятъ Божія церкви пресвященныя,
На церквахъ-то главы золочены,—
На главахъ-то крёсты чудёны,
Помолилась я, глупа сиза-голубушка,
Соловецкіимъ чудотворцамъ, Зосимѣ и Савватію,
Нонѣ помилуй мя, святые угодники Зосимъ и Савватій,
Нонѣ помилуй мя, Божья Матерь Богородица;
Теперь дай-ка мнѣ, Божія Мать Богородица,
Много участи, закону великаго
За этой же злой неволей великой ***).

—

з) Нонѣ послушай-ко доброхотъ солнце красное,
Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
Что ласкательница моя и доброхотница
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Что-то я стану говорити, разговаривати
Своимъ глупымъ, дѣвичьимъ умомъ, своимъ разумомъ:
Выбирайте вы мнѣ, сердечные родители,
Вы сторожей, вы сберегателей,

*) Тутъ невѣста обращается къ монастырю, во имя Воздвиженія Животворящаго Креста, который находится на Кій-островѣ.

**) Островъ.

***) Впродолженіе всего этого стиха невѣста, не вставая съ лавки, постоянно крестится.

По сегодняшнему, по долгому денечку,
По глухому, позднему вечеру,
Не по зрячему выбирайте, не по богачеству;
Выбирайте вы по роднѣ своей сердечной!

(Этимъ стихомъ она проситъ дать ей, въ видѣ подружки, или помощи *дѣвушекъ сподручныхъ* для того, чтобы онѣ ее унимали отъ слезъ и кручины; взяли подъ руки и *подвели* къ *образамъ*, — что далѣе, по мѣрѣ ея стиховодства и приводится въ исполненіе):

и) Подъ правую руку меня дитя милое
По крещенью-то мною *крестно дитятко*,
Я и *кресненку* свою, Анну Ивановну *)
Подъ лѣвую-то руку меня дитя милое,
Поласкатница-ли ея доброхотницѣ, Агафьѣ Кондратьевнѣ,
Шлемянка Катерина Андреевна.
Сама-то я про то знаю, да вѣдаю:
Ноньче маленькой вотъ умъ, въ буйной въ головѣ,
Ноньче маленьки вышли годы робячьи,
Ужь подъ праву-то руку меня дитя милаго,
Свою милую сестрицу, родимую, Пелагею Федоровну,
Подъ лѣву-то руку меня—дитя милое,
Двоюродну милу сестрицу, родимую, Катерину Федоровну.
Ужь стою вытемши, мои милыя сестрицы, родимыя,
Не неситесь-ка многимъ богатствомъ, богатымъ,
Хорошими, жемчужными перевязочками.

(Дѣвушки при этомъ сильно плачутъ, и затѣмъ берутъ ее подъ руку и становятся посреди избы, обращаясь къ образамъ въ передній уголъ).

і) Утулись-ка тоска, кручина великая,
Уймитесь вы, слезы горькія, горючія,
Дайте мнѣ волю глупой сизой-голубушкѣ,
Усмотрѣть глупой сизой-голубушкѣ,
За толпой-ли свѣчъ воску яраго, передъ Матерью Божіей.
Ты послушай, мой доброхотъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Пожалѣлъ ты много несчетной золотой казны,
Меня поить, кормить, заводить мнѣ *покруту*, *покрову* великую.
Тебѣ спасибо, доброхотъ, солнце красное,
Что затеплилъ-ли свѣчу воску яраго, передъ Матерью Божіей.
Помолилась я глупа, сиза-голубушка,
Я и за бѣлаго-то на земли, я и за царя-батюшку,
Я и за матушку-царицу,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Имъ царствовать на царствѣ,
Имъ добра много, здоровья великаго (земной поклонъ).

*) Сестра и вмѣстѣ крестница

Я еще да помолилась за полки за солдатъ,
Имъ дай Божья Матерь Богородица, [illegible]
Служить имъ вѣрою, да правдою (земной поклонъ).
Я еще помолилась за доброхота, красно-солнышко,
Я за батюшку, Петра Васильевича, —
Ему дай, Божія Матерь Богородица,
Что и добро много, здоровья, много участи, да талана;
Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я за матушку, Агафью Кондратьевну,
Ей дай Божья Матерь Богородица
Ей добра много, здоровья, много участи, да талана,
Я еще да помолилась глупа сиза-голубушка,
Я и за братца, Петра Андреевича,
Ему дай да Божья Матерь Богородица...

(И т. д. въ тѣхъ же словахъ о всѣхъ имѣющихся только въ наличности живыхъ родныхъ, если есть умершіе, любившіе родители: отецъ, матъ, или божитка—молится и о нихъ):

Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я и за вторую крестную божитку,—
Ей дай, да Божья Матерь Богородица,
Ей въ будущемъ вѣкѣ, ей Царство Небесное.

(Объ умершихъ, проживших долго, оставившихъ въ народѣ по себѣ память, невѣста молится такимъ же образомъ):

Помолилась я глупа сиза-голубушка
За васъ, милыя подружки любовныя,
Я и за всѣхъ вмѣстѣ—за одно за единое.
(Остальное какъ у другихъ).
Вы послушай-те, мои милыя подруженьки, любовныя,
Нонѣ, что-то я у васъ спрошу:
Чего-ко мнѣ спросить себѣ у Господа Бога;
Добраго-ли мнѣ здоровья, или много участи, талана великаго?
Али скорыя мнѣ-ка смерти скоропостижны?
Ужь сама-то я про то знаю, про то вѣдаю,
Что придетъ мнѣ-ко скорая смерть скоропостижная,
На таинькомъ-то почасочку.
Ужь помолюсь я развѣ глупа сиза-голубушка:
Дай мнѣ-ко Божья Матерь Богородица,
Мнѣ добра много, здоровья великаго;
Мнѣ за *этой жить злой неволей великія!*

(Тутъ невѣста, окончивъ всѣ нужныя въ этомъ случаѣ молитвы, поворачивается лицемъ къ печи, около которой стоятъ ея отецъ, мать, родные и сосѣди).

Отворочусь я, глупа сиза-голубушка,
Лицемъ къ красному-то солнцу угрѣвному,
Ко батюшкѣ, ко Петру Васильевичу.

(Кланяется ему въ ноги и ведетъ стихъ одна, безъ помощи стиховодницы).

Ты послушай-ко доброхотъ, солнце красное,
Что-то я стану говорить, разговаривать,
Своимъ глупымъ дѣвьимъ умомъ, я разумомъ:
Ты на что нынче солнце красное пріобидѣлся,
Сталъ меня давать, да прочь отсѣвать,
Ужь я не трудница развѣ тебѣ была, не работница,
Ужь не ловка я была свѣжей рыбкой животрепещущей *)
Я была виноградомъ хорошимъ людямъ.

Цѣлуетъ много разъ отца, обнимаетъ его, падаетъ къ нему въ ноги и едва въ силахъ оторваться отъ избытка своихъ дочернихъ чувствъ. *Если же отца нѣтъ дома*, что случается въ здѣшней мѣстности почти постоянно, если онъ гдѣ нибудь въ далекой работѣ, въ Петербургѣ, или въ сосѣднихъ губерніяхъ, и свадьба играется безъ него, то невѣста послѣ первыхъ трехъ строкъ своего обращенія къ отцу, причитаетъ слѣдующее:

Ужь идѣ-то ходитъ мое солнце угрѣвное,
Ужь *что за чудо*, за диво великое,
Не могу призвать, глупа сиза-голубица,
Моего батюшку, Петра Васильевича?
Видно нѣтъ въ своемъ дому тепловатомъ, во гнѣздышкѣ,
На трудахъ онъ, на работкахъ тяжелыхъ,
Наживаетъ онъ многу, несчетну золоту казну!
(Обращается къ матери:)
Гдѣ-то ходитъ моя желанная доброхотница,
Моя матушка, Анисья Кондратьевна?

(Далѣе говоритъ совершенно то же самое, тѣ же слова, что и отцу).

Невѣста обращается тогда къ самой близкой ей, по душѣ, личности, именно къ крестной матери (говорятъ также *крестовая матерь*, а чаще божитка).

К) Я прикличу, призову свою *крестную*,
Втору-божитку, Александру Ивановну,
Въ дѣвью тихую бесѣду смиренную.

(Кланяется ей въ ноги; божитка поднимаетъ ее, беретъ въ объятія и сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на лавку).

Ужь ты послушай-ко воспріемна втора-божитка,
Ужь мы сядемъ на одну, на брусовую лавочку,
Промежъ два свѣта окошечковъ косячатыхъ,
Приходитъ мое солнце красное, угрѣвное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ:
Спросился-ли у тебя, моя втора крестна-божитка,
Какъ *задумалъ меня давать* за эту злу неволю великую,
Ужь *притокнула-ли* **) ты меня *давати, божитка?*
Ужь приходитъ твое солнце красное, угрѣвное,
Да ужъ притокнула я, глупа сиза-голубушка,
Отдавали тебя за эту злу неволю великую.
(если женихъ бѣденъ)
Вы на что же нынѣ приблазнилися,
Вы на зрячество-ли, въ недородство?
Али на покруту-то, на покрасу великую,
Али на домъ, на тепловатое на гнѣздышко,
Али на хорошіе, роскошистые поминки,
Али на чистыя, широкія поля?
(*Если же женихъ пьющій*):
Вы на что же нынѣ приозорились?
Охота же этой злой неволѣ великой,
Ходить по кружкамъ, по деревнямъ, по кабакамъ,
Испить много хлѣбнаго зелена вина.
Да ужь какъ мнѣ-ка надо обживатися,
Надо держати мнѣ рѣзвыя ножки на дорожкѣ,
Бѣлыя-то ручки на заложкѣ.
Ужь вошкитна-же *) *эта зла неволя великая*,
Столбовой мнѣ-ка надо умъ и буйную голову,
Ужь теперь маленьки мои годы, ребячьи,
Не учена моя млада, буйна голова,
Не торено мое ябло, ретиво сердце.
Вотъ жила я, глупа сиза-голубушка
У препростыхъ, у своихъ сердечныхъ родителей.
Ужь приходилъ твое красно солнце, угрѣвно!
Да ужь не присовѣтовала я, глупа сиза-голубушка,
Прочь давать, да прочь отъ себя откидывати,
Божитка отвѣчаетъ:
Ужъ теперь-то тебѣ мое крестное дитятко,
Столбовой тебѣ умъ въ голову въ буйную,
Ужь какъ придетъ-то это зла неволя великая,
Со кружковъ, со царевыхъ, со кабаковъ,
Да ужь прирасходится надъ тобою мое дитятко!

(Дальнѣйшія слова тирады божитки суть тѣже, какія идутъ отъ нея же въ отвѣтъ на предыдущіе упреки невѣсты).

Такъ ужь ты не сказывай про свою про обиду великую,
Не держи сто подругъ возлестивныхъ,
А держи одну лишь подруженьку, пуховую подушку.

(Божитка, поклонившись и попричастившись вмѣстѣ съ невѣстой, которая нѣсколько разъ падаетъ ей въ ноги, или сама наконецъ отходитъ, или ее отрываютъ).

Затѣмъ невѣста встаетъ съ лавки и начинаетъ призывать далѣе:

Л) Я прикличу, призову въ дѣвью, тихую бесѣду смиренную.
Свою милую сестрицу, Елену Петровну.

*) Этотъ стихъ вѣрно указываетъ обязанности въ семьѣ мѣщанской дочери.

**) Притокнуть—согласиться, сказать. токъ.

* Т. е. женихъ любитъ уходить изъ дома на работу въ Петербургъ и др. мѣста

Сестра подходитъ; невѣста падаетъ ей въ ноги, та поднимаетъ ее и сама кланяется, какъ невѣстѣ, такъ и причитавшимъ дѣвушкамъ, благодарящимъ за причитанье.

Тоже самое происходитъ и со всѣми прочими имѣющимися на лицо родными и родственниками, равно какъ и ближайшими сосѣдями, которымъ подобное вниманіе очень нравится и которые въ противномъ случаѣ сердятся на семейство невѣсты.

Въ заключеніе заплачки, ближніе къ невѣстѣ закрываютъ ей голову небольшимъ платкомъ и стараются унять ея страшно разстроенные нервы отъ рыданій, причитаній, слезъ,—такъ какъ все это продолжается безпрерывно часа 4—5.

Затѣмъ лишній народъ и любопытные всѣ расходятся, и невѣста съ стиховодницей и дѣвушками садится пить чай; стиховодницу угощаютъ особенно: ей ставятъ водки, а потомъ спустя немного кормятъ ужиномъ. Вообще здѣсь будетъ къ мѣсту сказать, что *стиховодницѣ въ это время большой почетъ, безъ нея нельзя* и *свадьбы играть*, до самой *свадьбы она присутствуетъ* почти все *время при невѣстѣ* и ея кормятъ и *угощаютъ* тутъ *на столько*, что, какъ выражаются, *пышь—не хочу*.

Сверхъ угощеній, *платой* стиховодницѣ обыкновенно бываетъ *головной платокъ*, или *ситецъ* на *рукава* (здѣшнія мѣщанки осенью и вообще въ холодное время, когда однако надѣваютъ шубы, носятъ *ватные рукава*, поверхъ рукава рубашки, чтобы защитить часть руки отъ холода).

5. *Вечеринка съ женитьбою барина и боемъ быка*: Вечеромъ того же дня, когда производилась заплачка, дѣвушки составляютъ въ домѣ невѣсты вечеринку, на которой однако сама невѣста или вовсе не бываетъ, или если бываетъ, то покрывшись большимъ платкомъ, хоронится отъ гостей и не принимаетъ никакого участія въ удовольствіяхъ и играхъ молодежи. *Женихъ тоже не бываетъ*.

Когда, какъ и на обыкновенныхъ вечеринкахъ, собирается нѣсколько дѣвушекъ и парней, молодежь ходитъ «уточкой», составляютъ кадрили подъ пѣсни: «Эхъ, Карлуша не робѣй» и друг., играютъ «въ царева сына», въ «столбичекъ» и другія игры, поютъ пѣсни и танцуютъ. Особенности же этой вечеринки встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ деревенскихъ свадьбахъ и стоющая изъ нихъ того, чтобы быть упомянутой, состоитъ въ двухъ свадебныхъ шуточныхъ играхъ, именно:

а) *Женитьба барина*. Парни, желая повеселиться, просятъ у хозяина, или хозяйки позволенія *барина женить*, и если они дадутъ обѣщаніе хозяину, что особенныхъ неприличій и безобразій при этомъ у нихъ не будетъ (если хозяинъ не отличается особенною пуританскою строгостью нравовъ, то обыкновенно дается имъ на то разрѣшеніе), тогда они уходятъ на сарай, гдѣ и выбираютъ въ роль барина самыхъ отчаянныхъ, такъ сказать—отпѣтыхъ шалуновъ парней, и барина ради смѣха одѣваютъ самыя ненужныя морхни, т. е. *тряпье:* достаютъ заброшенный совершенно *розный* (изорванный) кафтанишка, такого же роду шапку и покрываютъ съ головы *грязной подстилкой*, т. е. холстомъ грубымъ, который обыкновенно кладется у дверей въ избѣ, чтобы вытирать ноги. Онъ нахлобучивается на лобъ, спину и укрываетъ такъ, что оставляетъ одинъ только глазъ незакрытымъ, чтобъ его не могли узнать; затѣмъ сажаютъ барина на чунки, т. е. маленькія санки и берутъ въ избу, гдѣ собрались дѣвушки, при общихъ крикахъ: «барина везутъ, барина везутъ»...

При въѣздѣ въ избу чунки съ бариномъ, останавливаются передъ близъ сидящей дѣвушкой и одинъ изъ находящихся при баринѣ парней провозглашаетъ имя дѣвушки, наприм. Алёна Климовна.

Тутъ шутовской баринъ начинаетъ измѣненнымъ, писклявымъ голоскомъ, выкрикивать вовсеуслышанье то, что онъ знаетъ, наслышанъ самаго скандальнаго и непозволительнаго объ этой дѣвушкѣ, а чаще и самъ прикладываетъ ради общаго смѣха и удовольствія разныя *небылицы* на ея счетъ, при этомъ ни дѣвушки, ни близкія лица не могутъ вступиться за ея честь, или обижаться, потому что такъ заведено съ искони вѣка. Это обличеніе всегда бываетъ такъ грязно, сквернословно, что невозможно привести его цѣликомъ; но вотъ небольшія выдержки изъ него и его сущность:

«А, Алена Климцева! пищитъ баринъ: о, о, о! она съ *Кутыринкой* (мелкимъ чиновникомъ) Иваномъ Дурмановымъ давнымъ давно водится, все съ себя на него издержала и кольцо послѣднее въ ходъ пошло».

Или: «А, Матрена Иванова! о, о, о! и съ Мишурой Гавриловымъ подъ возомъ застали, всего-то, его, милягу она»...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ, снисходя только въ выраженіяхъ, въ отношеніи къ богатымъ и уважаемымъ невѣстамъ.

То что баринъ говоритъ, остальная молодежь выкрикиваетъ во все горло, чтобы всѣ слышали. Постепенно чунки съ бариномъ подъѣзжаютъ и останавливаются предъ каждой дѣвушкой по порядку сидѣнья *съ провозглашеніями* ея *тайныхъ, явныхъ и воображаемыхъ* пороковъ. И ни одна дѣвушка не можетъ избѣгнуть такого сраму, если убѣжитъ, то должна знать, что за глаза про нея наговорится въ десятеро болѣе.

Объѣхавъ всѣхъ дѣвушекъ, подъ предлогомъ, что баринъ *выбираетъ себѣ невѣсту* и *не находитъ* себѣ по вкусу, останавливается предъ послѣдней, обыкновенно еще дѣвочкой-подросткомъ, о которой нечего сказать и

спрашиваютъ барина: *люба-ли эта?* Отвѣчаетъ баринъ наконецъ: «люба». Затѣмъ барина сводятъ съ чунокъ и ведутъ за столъ, гдѣ онъ садится на мѣстѣ жениха, и гдѣ съ нимъ вмѣстѣ сейчасъ же насаживаются сами собой избранные поѣзжане: большой сватъ, тысяцкой, дружки и проч. Въ тоже время выбранная имъ дѣвушка въ невѣсты, оставшись въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ, надѣваетъ только на голову какую нибудь старенькую заброшеную повязку и закрываетъ голову платкомъ. Сваты ведутъ тогда ее къ столу, гдѣ дается ей въ руки какое нибудь деревянное или оловянное блюдо со стаканомъ, который наполняется водой; она съ поклономъ подноситъ сначала барину-жениху, тотъ осушаетъ его до дна. Затѣмъ пьетъ сама и подноситъ всѣмъ поѣзжанамъ поочередно.

Въ это время между тѣмъ дружка жениха достаетъ какой нибудь обрубокъ доски и раскладываетъ на ней, принимая ее за поднось, жениховы дары, какъ это позднѣе увидимъ, бываетъ на смотрѣньи: опорки старыхъ сапоговъ (башмаки невѣстѣ), кусокъ битаго стекла (зеркало), разное тряпье (изображаетъ чулки и проч. дары). Тогда женихъ подаетъ невѣстѣ дары, а дружка перечисляетъ ихъ такимъ же образомъ, какъ это будетъ видно далѣе на смотрѣньи. Невѣста принимаетъ дары, кланяется, и швыряетъ ихъ куда нибудь въ уголъ, или къ двери. Невѣстина же сватья приготовила между тѣмъ невѣстины дары, т. е. набрала тоже разнаго тряпья, начинаетъ дарить съ жениха, и именно слѣдующимъ способомъ: кладетъ назначенное ему тряпье на лопату, употребляемую обыкновенно при печеніи хлѣбовъ, и съ поклономъ подноситъ ихъ; женихъ беретъ, а сватья тутъ же хлопаетъ ему по головѣ опростанной лопатой. Такимъ-то образомъ она даритъ и всѣхъ жениховыхъ поѣзжанъ, т. е. мужчинъ, которые какое бы слово и даръ ни получили, не претендуютъ на то, потому что это считается отплатой за недавній позоръ присутствующихъ дѣвушекъ. Одаривъ поѣзжанъ, сватья бьетъ тогда лопатой во всѣ стороны, по всѣмъ присутствующимъ и тѣмъ заканчивается женидьба барина.

б) *Битье быка.* Когда всѣ обряды бариновой женитьбы кончаются, дѣвушки начинаютъ снова пѣть свои пѣсни, заводятъ ходить уточкой, молодежь же, парни съ бариномъ идутъ обратно въ сарай, чтобъ снарядить быка на бой. Обряжаютъ быка очень просто: выворачиваютъ мѣхомъ вверхъ полушубокъ, надѣваютъ на кого нибудь, подобнаго же подростка—парня, какой былъ и въ роли барина, подпоясшутъ кушакомъ, а голову и лице стараются замаскировать какой нибудь мохнатой шапкой и обвяжутъ также подстилавой. Играющій роль быка идетъ тогда въ избу на четверенькахъ, а одинъ изъ провожающихъ его парней, хозяинъ быка, взявши за кушакъ, ведетъ его при общихъ крикахъ: «быка ведутъ, быка ведутъ»!

Быкъ останавливается среди избы, хозяинъ предлагаетъ присутствующимъ купить быка и запрашиваетъ большую цѣну, рублей напр. 20, начинаютъ торговаться съ нимъ при общихъ шуткахъ: одинъ даетъ 10, другой 7, третій 5 руб., и т. д.; хозяинъ не уступаетъ. Тогда онъ вынимаетъ приготовленный имъ заранѣе безмѣнъ, т. е. кушакъ, свернутый въ видѣ жгута и предлагаетъ зрителямъ мяса въ розницу: для этого требуется сперва убить быка. Достаютъ глиняный горшокъ, надѣваютъ на палку, которая помѣщается около головы быка, затѣмъ бьютъ по горшку обухомъ топора, представляя, что бьютъ быка въ голову, горшокъ разлетается въ мелкіе куски, а воображаемый быкъ падаетъ на полъ, изображая предсмертныя агоніи убитаго. Хозяинъ и торговецъ обращается снова къ публикѣ и проситъ купить говядину, расхваливая и выставляя на видъ всѣ достоинства быка и его мяса. Находятся покупатели, но напередъ просятъ купца дать имъ для провѣрки его безмѣнъ; онъ вручаетъ имъ скрученый кушакъ, а они пробуютъ безмѣнъ на его спинѣ, не щадя ни спины, ни безмѣна.

Оставшись довольными вѣрностію безмѣна, покупатели передаютъ его обратно купцу, сами же по одиночкѣ подходятъ выбирать себѣ нужныя мѣста изъ туши быка.—«Взять мнѣ-ка гузенную кишку на большую струну! говоритъ одинъ.—А мнѣ рогъ подъ табакъ! кричитъ другой. — Я никакъ ноги на студень возьму, говоритъ третій». Купецъ же, между тѣмъ, каждому покупщику тѣмъ же безмѣномъ отвѣшиваетъ по спинѣ достаточное число фунтовъ покупки. Когда всѣ парни, волею или неволею купятъ говядины по нѣсколько фунтовъ, тогда сговариваются нѣкоторые изъ нихъ, которые посмѣлѣе, увести быка: они хватаютъ быка за поясъ и тащутъ его вонъ; купецъ за концы пояса его удерживаетъ и бьетъ парней безмѣномъ безъ милости, пока быкъ не будетъ выпровоженъ.

По окончаніи этихъ двухъ игръ (которыя, мимоходомъ сказать, исполняются нынѣ весьма рѣдко, — все рѣже и рѣже), вечеринка идетъ своимъ чередомъ и совершенно ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной вечеринки.

Послѣ вечеринки нѣкоторыя близкія къ невѣстѣ подруги дѣвушки ночуютъ у нея.

6) *Невѣста по гостямъ идетъ.* На слѣдующій день въ домѣ невѣсты съ утра поднимается стряпня и другія приготовленія къ вечеру, когда должно быть *смотрѣнье*. Невѣста же просыпается и сидитъ, еще не одѣваясь, съ подружками на постели и ждетъ посѣщенія божитки. Божитка же между тѣмъ, *обрядившись* съ утра, съ при-

готовленными угощеніями невѣстѣ съ подружками, приходитъ *къ невѣстѣ и говоритъ ее къ себѣ*.

«Пожалуй-ка, милое мое крестовое дитятко, со всѣми любящими подружками своими ко мнѣ въ гости»— и затѣмъ слѣдуетъ поясной поклонъ. Невѣста на то отвѣчаетъ:

Тебѣ спасибо, моя *вторая* крестная божитка,
Что ты позвала меня глупу, сизу-голубушку,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми моими милыми подружками, любезными.

Божитка уходитъ домой, а невѣста съ дѣвушками начинаетъ одѣваться. Шубейка невѣстой надѣвается самая лучшая и перевязка тоже, именно та самая, въ которую обрядила ее мать на заплачкѣ, и которую она носитъ постоянно вплоть до свадьбы; сарафанъ же въ этомъ случаѣ берется простенькой, гарусный. Одѣвшись, невѣста съ дѣвушками идетъ въ большую избу (т. е. переднюю комнату), гдѣ и садится на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣла во время вчерашней заплачки. Стиховодница находится также здѣсь и онѣ завоютъ снова стихи:

Ты, послушай, мой доброхотъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ да Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя доброхотница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Отпусти-же-ка меня глупу, сизу-голубушку,
Меня въ гости, да на гостьбище любовное,
Меня ко вторыя крестны божитушкѣ,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми милыми подружками, любовными.

Затѣмъ поднимаются на ноги вмѣстѣ съ невѣстою, *дѣвушки подходятъ къ образамъ и молятся*.

Выходя на улицу, невѣста-дочь обращается къ родителямъ съ слѣдующими стихами:

Ты, послушай-ка, мой доброхотъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя доброхотница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Ужъ не буду я, подлая, въ домъ, тепловато во гнѣздышко,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
По тихому, по позднему, по вечеру,
Приведу я васъ во стыдъ, во срамоту великую,
Продавшись глупа, сиза-голубушка
Ко вторы крестовы божитушки,
Во рабы, казачихи, во полтьбницы,
До поста я, до говѣнья велякаго,
Поизбуду я тогда глупа сиза-голубушка
Той неволи великія.

Зимой, когда можно легко достать лошадей, невѣста съ стиховодницей и съ дѣвушками садятся въ сани и въ этихъ случаяхъ рѣшительно не стѣсняются величиной и вмѣстительностію саней: на двухмѣстныя сани, гдѣ обыкновенно съ трудомъ помѣщается ямщикъ и два сѣпока, садятся иногда до 15 дѣвушекъ. Лѣтомъ же невѣста отправляется по образу пѣшаго хожденія.

Свадьба же мѣщанъ города Мезени описана бывшимъ студентомъ Никольскимъ. Описаніе это даетъ слѣдующіе матеріалы:

Прежде чѣмъ парень началъ свататься на той дѣвушкѣ, *которая ему приглянулась*,—онъ идетъ къ своему отцу и матери, *падаетъ имъ въ ноги, объявляетъ о своемъ желаніи и проситъ ихъ благословенья навѣки нерушимаго. Получивши его, они съ общаго согласія выбираютъ свата*, котораго и посылаютъ къ роднымъ невѣсты. Сватъ въ праздничной одеждѣ является въ домъ невѣсты, становится подъ матицу и говоритъ: я пришелъ за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ на вашей дочери за такого то. Не давая свату никакого положительнаго отвѣта о своемъ согласіи, говорятъ ему, что онъ можетъ получить отвѣтъ только тогда, какъ объ этомъ посовѣтуются родные невѣсты, и просятъ его придти за отвѣтомъ, или вечеромъ того же дня, или на другой день, а иной разъ и чрезъ нѣсколько недѣль. Между тѣмъ свата, пришедшаго съ предложеніемъ, *угощаютъ* какъ только могутъ.

По истеченіи *назначеннаго* срока, сватъ снова является къ родителямъ невѣсты и, если они согласны отдать свою дочь за того жениха, отъ котораго онъ ходитъ, то «кладутся со сватомъ на слово» и приглашаютъ чрезъ него жениха съ ближайшими родственниками; по приходѣ этихъ гостей «бьютъ порукамъ» т. е. окончательно условливаются обо всемъ, что относится къ предстоящей свадьбѣ. Во все время этого посѣщенія женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и они обмѣниваются между собою подарками: женихъ обыкновенно даритъ ей ситцу на сарафанъ, а невѣста ему платокъ. За тѣмъ до самой свадьбы бываютъ «вечера» въ домѣ невѣсты, — и тѣмъ чаще, чѣмъ богаче ея родные. На всѣхъ вечеринкахъ бываютъ женихъ съ братомъ, или кѣмъ либо изъ *близкихъ родственниковъ* (который все таки въ этомъ случаѣ *называется братомъ*) и каждый разъ приноситъ невѣстѣ *подарки, которая* въ свою очередь *отдариваетъ* его чѣмъ либо.

Какъ только дѣвушка объявлена просватанной, на *всѣхъ вечеринкахъ* и др. собраніяхъ, гдѣ приходится быть въ виду постороннихъ, — она *считаетъ долгомъ плакать*. Этотъ плачъ *продолжается* до самой *свадьбы*; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ она закрываетъ лицо платкомъ и, качаясь изъ стороны въ сорону, начинаетъ ревѣть, насколько хватаетъ силъ; уже черезъ нѣсколько минутъ отъ этого крика лице наливается кровью, а такъ какъ иной разъ приходится ей проплакать часовъ 6—7, то подъ конецъ вечера она не можетъ говорить, до того

осипнетъ ея голосъ. Рёвъ невѣсты усиливается тогда, какъ дѣвушки, находящіяся на вечеринкѣ, запоютъ какую нибудь свадебную пѣсню; если бы невѣста рѣшилась не плакать, то это было бы поставлено ей въ величайшую вину, и даже женихъ считалъ бы себя почему то обиженнымъ.

Вскорѣ послѣ битья по рукамъ бываетъ посѣдка, во время которой съ невѣсты снимаютъ повязку, особый головной уборъ, надѣваемый на дѣвушку на вечеринкахъ и т. п., какъ только она просватана. Снявши повязку, расплетаютъ у ней косу. При всей этой церемоніи невѣста плачетъ навзрыдъ, а дѣвушки, нанятыя ея родными, поютъ отъ ея лица, обращаясь къ матери. «Подойди моя денна печальщица, ночная богомольщица, родная моя матушка, подыми свои руки бѣлыя на мою на буйну голову, на дорогу да на дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга». Когда повязка снята— «ужъ и какъ подвинулись твои руки бѣлыя на мою буйну голову, на дорогу дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга?» Обращаясь къ сестрѣ, или замѣняющей ее ближайшей родственницѣ: «Подойди комнѣ, сестрица ты родная, ужь ты выплети изъ трубчатой косы да ленту алую, расплети трубчату косу, какъ моя трубчата коса всему городу краса». Къ ней же «придетъ весна красна, разольются рѣки быстрыя, ужъ какъ выростетъ шелкова трава, разцвѣтутъ цвѣты алые, пойдешь моя милая, пойдешь по наливны сладки ягодки, вспомяни меня младешеньку;» если же невѣста сирота, то: «злосчастную, или горюху горегорьку, или кукушу безпомощную, разпрегорьку птицу пташицу, я охоча была ходить, ѣздить по наливны сладки ягодки со подружками со любезными, со дѣвицами со красными, со сосѣдками порядовными, я охоча была шутить играть». Если же невѣста имѣла до свадьбы ребенка, то прибавляется: «пристыдила я, прибезчестила всѣхъ своихъ родителей». Когда коса расплетена, то на распущенные волосы снова надѣвается повязка, при чемъ поется: «подойди подружка, полюбовная, сосѣдка порядовная (такая то), наложи на мою да буйну голову дорогу дѣвью красоту, хоть повязку красна золота, со присадкой скатна жемчуга, наложи ее плотнешенько, привяжи ее ладнешенько, чтобы вѣкъ она не свалилась». Передъ всѣмъ этимъ плаканьемъ мать благословляетъ невѣсту на плачъ: «Благослови моя мати родимая, благослови мнѣ оказать голосъ трубчатый, причетъ лебединый».

Передъ самой свадьбой у невѣсты бываетъ *рукобитье;* оно бываетъ обыкновенно вечеромъ, и на него приглашаются всѣ родные невѣсты. Женихъ приходитъ со своими родными, садится рядомъ съ невѣстой, родня же размѣщается у стола, за которымъ сидятъ женихъ и невѣста, по старшинству. На столѣ разставлены различныя сласти, орѣхи, пряники и т. п.; во весь вечеръ продолжается угощенье и родные невѣсты стараются шегольнуть этимъ угощеніемъ такъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Невѣсту выводятъ сватья и отецъ; она кланяется сначала жениху, потомъ на всѣ четыре стороны; женихъ, а за нимъ всѣ, находящіеся за столомъ, встаютъ,—первый кланяется невѣстѣ и всѣмъ роднымъ. За тѣмъ невѣста подноситъ жениху рюмку вина, тотъ принимаетъ её, кланяется на всѣ стороны и выпиваетъ. Возвращая рюмку невѣстѣ, онъ даетъ ей какой либо *подарокъ*, напр. ситцу на сарафанъ или же деньги. Невѣста отдариваетъ его (обыкновенно платкомъ), за этотъ подарокъ женихъ долженъ снова положить что либо на подносъ, за тѣмъ невѣста подноситъ вино сначала родственникамъ жениха, а потомъ и своимъ. Обошедши всѣхъ родственниковъ, невѣста становится посреди комнаты, женихъ же выходитъ изъ за стола, подходитъ къ ней, кланяется на всѣ стороны и цѣлуетъ ее три раза; потомъ беретъ за руку, ведетъ за столъ и сажаетъ рядомъ съ собою. Тогда начинаютъ подавать всѣмъ сидящимъ за столомъ чай; прежде всѣхъ подносятъ жениху; онъ беретъ одну чашку,—ставитъ невѣстѣ, (а иной разъ даже нальетъ ей на блюдце), — потомъ беретъ себѣ. Послѣ чаю подаютъ водку.

Во все время пока родственники жениха и невѣсты сидятъ за столомъ,—въ другой комнатѣ бываетъ вечеринка. Вблизи же стола сидитъ нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, которыя поютъ различныя свадебныя пѣсни.

Подъ конецъ вечера невѣста выходитъ изъ за стола, становится на средину комнаты и плачетъ. Отъ ея лица поется: «поворочусь я млада отъ столовъ дубовыхъ, отъ скатертей перчатныхъ, отъ кушаній сахарныхъ, отъ питей разналивчатыхъ». Женихъ тоже выходитъ изъ за стола, подходитъ къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ее поцѣловать. По обыкновенію невѣста упирается и тогда онъ беретъ ее одной рукою за косу, другой поднимаетъ платокъ, которымъ закрыта, и цѣлуетъ,—потомъ отступаетъ шага на три назадъ, снова подступаетъ и цѣлуетъ, — это повторяется три раза. Понятно, что иной разъ, когда невѣста сильно сопротивляется, — женихъ сильно надеретъ ей волосы. Во время цѣлованья поется: «пристыдилъ, да прибезчестилъ чужой *сынъ отеческій* дѣвицу красную при компаньи, при собраньи людей добрыхъ.» Послѣ жениха съ невѣстой цѣлуются всѣ женщины, находящіяся въ комнатѣ, и при этомъ даютъ невѣстѣ, кто сколько можетъ (серединмъ числомъ 5 — 10 коп. сер. каждая). Простившись съ невѣстой, женихъ уходитъ съ родственниками, родственницы же остаются на ужинъ. Во все время ужина невѣста ничего не ѣстъ, сидитъ, закрывшись платкомъ. При началѣ ужина, когда уже поставлено на столъ первое кушанье, выходитъ на середину одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, кланяется невѣстѣ и говоритъ: «дѣвица душа красна, кня-

гиня первобрачна, невѣста заручена (такая-то), просимъ покорно у нашей невѣсты хлѣба соли покушать, дѣвицы красны, молодцы удалы, сосѣди порядовны.» Всѣхъ присутствующихъ онъ перечисляетъ поимянно, потомъ обращается ко всѣмъ вообще съ тѣмъ же приглашеніемъ. Когда онъ окончитъ свою рѣчь, встаетъ невѣста, кланяется въ ту сторону, гдѣ сидятъ гости со стороны жениха, потомъ своимъ гостямъ, но все это дѣлаютъ молча; при подаваньи каждаго новаго кушанья повторяется таже исторія. Такъ какъ иной разъ бываетъ подано до 20 блюдъ, то ужинъ продолжается до самаго утра.

Прежде былъ обычай, что когда подавали на столъ «шти», то прежде чѣмъ приступать къ ихъ ѣдѣ, миску, въ которой онѣ налиты, закрывали тарелкой, затѣмъ объявляли, кто варилъ ихъ (эта женщина называется *штинница*), и варившая ихъ должна была *перецѣловаться со всѣми, сидящими за столомъ*, и уже только тогда начинали ѣсть. Когда подавали кашу, то тоже *кашница должна была* со всѣми *поцѣловаться*. При подаваньи дичины кухарка *отдѣляла у гуся заднюю часть* (при хвостовыхъ позвонкахъ) и передавала ее одному изъ гостей; тотъ отправлялся къ какой либо дѣвушкѣ,—родственницѣ жениха и передавалъ ей. При этомъ необходимо было поцѣловаться, иначе заставляли съѣсть данный кусокъ, что считалось крайне неприличнымъ дѣломъ. Дѣвушка должна была передать мужчинѣ и т. д., такъ что кусокъ обходилъ всѣхъ обѣдающихъ.

Обычай этотъ остался и до сихъ поръ, но уже примѣняется не на *рукобитьѣ*, а *на почестномъ*.

При концѣ ужина невѣста встаетъ и начинаетъ снова плакать. *Плакальщицы* отъ ея лица поютъ новый плачъ, въ которомъ благодарятъ гостей за приходъ, просятъ не осуждать за то, что это послѣдній дѣвій вечеръ и ужинъ; вспоминаютъ всю молодость невѣсты, какъ ей весело было жить на волѣ у отца-матери; затѣмъ, обращаясь къ родителямъ, благодарятъ, что вспоили, вскормили, одѣли въ цвѣтное платье и т. под.; благодарятъ родственниковъ и подружекъ. Этотъ плачъ продолжается до конца ужина, послѣ котораго всѣ гости, поцѣловавшись съ невѣстой, расходятся по домамъ; съ невѣстой же остаются ближнія ея подруги на всю ночь. По уходѣ гостей невѣста снова плачетъ, а отъ ея лица поется ея отцу и матери плачъ, въ которомъ упрекаются они за то, что выдаютъ ее такъ рано замужъ, не дали ей натѣшиться привольной дѣвичьею жизнію и т. п.; наплакавшись вдоволь, невѣста ложится спать.

По утру мать невѣсты приходитъ будить ее и сама плачетъ, говоря: «вставай мое дитятко милое съ своей со постели со пуховыя, сряжайся подъ вѣнцы золоченые, убирайся во цвѣтное платье, готовься ко чужому, незнакомому добру молодцу.» Невѣста, проснувшись, начинаетъ плакать, а за ней и оставшіяся на ночь подружки.

Во все время *сватовства* при женихѣ находятся двое молодыхъ дружекъ. Въ самый день сватьбы *женихъ* угощаетъ ихъ чаемъ, кофе и водкой, послѣ чего *посылаетъ въ домъ невѣсты* поблагодарить за угощенье, бывшее наканунѣ и спросить невѣсту про здоровье и готова-ли она подъ вѣнецъ. Дружки отправляются туда въ лучшемъ своемъ платьѣ и непремѣнно на лошади. Ихъ встрѣчаютъ родственники невѣсты, проводятъ въ горницу, гдѣ плачетъ невѣста. Они обращаются ко всѣмъ присутствующимъ и говорятъ: здравствуйте, молодцы удалы и дѣвицы красны. Есть ли у вашей невѣсты батюшка и матушка? Имъ отвѣчаютъ: — есть. — Нельзя ли ихъ позвать среди свѣтлой свѣтлицы? — Отецъ и мать являются на сцену, — дружки имъ кланяются, называютъ по имени и отечеству и говорятъ: «извольте насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то). Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ: честь воздать и поклонъ отдать и приказалъ поблагодарить за вчерашную веселую бесѣду, за винныя чарки, за пивные стаканы, за чайныя чаши, за кушанье сахарное, за напитки разналивчатые, за хорошее принятіе, за ласковы рѣчи, за учтивую поговорку, за низкіе поклоны, за дорогіе подарки, за веселыя пѣсни, за всю вашу веселую бесѣду и за весь вашъ пріятный разговоръ. Нашъ князь первобрачный (имя) приказалъ намъ доходить до дѣвицы души красной, до княгини первобрачной, до невѣсты заручennой и приказалъ про свое здоровье объяснить, а про ея спросить. Сами ли у ней спросите, или намъ прикажете?» Отецъ и мать отвѣчаютъ: «сами спросите, только теперь не время.» Дружки отправляются домой, и черезъ нѣсколько времени возвращаются за тѣмъ-же; родственники невѣсты, какъ только завидятъ ихъ издали, запираютъ ворота. Дружки, подъѣхавши, *колотятся у воротъ*. Ихъ спрашиваютъ со двора: *кто тамъ?—Люди.—Чьи люди?—Люди Романовы, Государя Романова.*—Зачѣмъ стучитесь?—Идемъ отъ князя новобрачнаго до княгини первобрачной, прося здоровье спросить.—Умасъ нѣтъ невѣсты, обернулась лисицей, убѣжала въ чистое поле,—не знаемъ гдѣ взять. Дружки уѣзжаютъ обратно, проѣзжаютъ раза 2 или 3 по городу,—показывая видъ, будто ѣздили къ жениху и затѣмъ снова подъѣзжаютъ къ воротамъ и стучатся въ нихъ говоря: «ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у нашего князя первобрачнаго псы кормленые, бѣгали, рыскали по чистому полю, увидѣли въ полѣ лисій слѣдъ, увидѣли и лисицу,—забѣжала къ вамъ въ теремъ, надо быть у васъ въ терему. Извольтежь доложить и допустить до дѣвицы души красной, до княгини перво-

брачной и дозвольте намъ про свое здоровье объяснить, а про ея спросить». Имъ отвѣчаютъ: «унасъ послѣ этого обернулась невѣста бѣлой лебедью и улетѣла; не знаемъ, гдѣ взять.» Снова уѣзжаютъ дружки не надолго, снова ворочаютъ домой къ невѣстѣ и колотятся у воротъ говоря»: мы ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у князя ясные соколы, летали они по синимъ морямъ прекраснымъ, по вещимъ заводьямъ и налетали на лебедушку въ чистомъ полѣ и догоняли до высоко терема. Извольте допустить до княгини первобрачной, про ея здоровье спросить». — Тогда дружекъ ведутъ къ невѣстѣ, которая сидитъ и плачетъ въ лучшей комнатѣ, сюда же набирается обыкновенно множество постороннихъ. Подойдя къ невѣстѣ, дружки говорятъ: «здравствуй, дѣвица душа красна, княгиня первобрачна, невѣста заручена.» Невѣста встаетъ и кланяется имъ низко. Дружки продолжаютъ: «Извольте отъ насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то); нашъ князь первобрачный приказалъ намъ, дружкамъ, подходить къ вамъ близко, кланяться вѣжливо и низко, приказалъ стоять прямо, говорить браво. — Нашъ князь первобрачный приказалъ поблагодарить за вчерашнюю веселую бесѣду, за винныя чары, за пивные стаканы, за чайныя чаши, за кушанья сахарныя, за напитки разноливчатые, и за низкіе поклоны, за дорогіе подарки, за ласковыя рѣчи, за пріятную встрѣчу, за весь вашъ пріятный вечеръ и за все ваше пріятство. Нашъ князь первобрачный Божіею милостіею, царскою свѣтлостію, батюшковымъ и матушкинымъ благословеніемъ, при семъ часу времени оставался отъ насъ живъ и здоровъ, и благополученъ. Нашъ князь первобрачный приказалъ про свое здоровье объяснить, а про ваше спросить; вы же, дѣвица душа красна, княгиня, первобрачна, не извольте сами себя трудить, а насъ дружекъ поминать, просимъ покорно о своемъ здоровьи объяснить, мы же будемъ князю первобрачному про ваше здоровье доносить и низко кланяться.» Невѣста все время плачетъ и чрезъ довольно большой промежутокъ времени плакальщицы отвѣчаютъ за нее: «здорова млада, да не весела.» Дружки, получивъ такой отвѣтъ, обращаются къ отцу и матери невѣсты. «Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя, отъ первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ, къ пріѣзду его княяя первобрачнаго къ вашему высокому терему за невѣстою, чтобы были у васъ отперты ворота и приворотни, чтобы были налажены конямъ стойла, хомутамъ клѣтки, ременкамъ *) спички, чтобы намъ дружкамъ съ козелъ не сходить и воротъ вашихъ не отворять; чтобы были у воротъ приворотники, у дверей придверники, среди двора со свѣтомъ дворники. Когда нашъ князь первобрачный придетъ къ вамъ на высокій теремъ и пройдетъ по бѣлымъ сѣнямъ и проступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы за дубовые, не вѣкъ вѣковать, не годъ годовать, одинъ часъ часовать; и въ кою пору, въ кое время дѣвица душа, красна княгиня первобрачна ключевой водой умывается, во цвѣтное платье снаряжается и въ божью церковь сподобляется, немного времени минуется, дайте честь и мѣсто *свату* и *тысяцкому* и князю первобрачному со всѣмъ *княжескимъ* поѣздомъ и съ нами *нижайшими дружками*».

Имъ говорятъ: «Просимъ покорно.» Далѣе дружки обращаются къ присутствующей при этомъ молодежи: «здравствуйте, удалые молодцы, женатые и холостые, и красныя дѣвицы. Посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ; когда нашъ князь первобрачный пріѣдетъ къ вамъ на широкій теремъ и вступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы дубовые, дайте честь и мѣсто, — передній уголъ свату и тысяцкому и князю первобрачному со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками. А вы, красныя дѣвицы, подайтесь въ кутъ половицы, за печатныя новыя завѣсы, сами себя потыните, другъ друга не вередите, на столахъ напитокъ не расплещите, столовъ не пошатните, брюхатыхъ жонокъ не раздавите и дайте честь и мѣсто свату и тысяцкому и князю первобрачному со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками.» Обращаются къ невѣстѣ: «дѣвица душа красна, княгиня первобрачна невѣста, зарученный нашъ князь первобрачный приказалъ тебѣ мыться бѣлешенько, ходить хорошенько, *гордость* и *спѣсь подальше спрячь, дѣвьи поступки дома оставляй, низки поклоны съ собой запасай*. У нашего князя первобрачнаго горница нова, въ горницѣ новой есть кровать тесова, на кровати тесовой есть перина пухова, надъ периной пуховой есть спичка дубова; *на спичкѣ дубовой есть плетка шелкова о трехъ долгихъ концахъ. Первый конецъ дологъ, второй дологъ, третій до вашего брата очень ловокъ. — гдѣ хвоснетъ, тутъ и кровь брызнетъ.* У нашего князя первобрачнаго есть горы круты, коромысла толсты, ушаты больши: носи воду не лѣнись, *насъ молодцей не безчести*.» Затѣмъ обращаются къ старухамъ: «Вы что, старыя старухи, зачѣмъ здѣсь? Вы-бы сидѣли дома на печи, грызли калены кирпичи, пили-бы кислый квасъ, а здѣсь мѣсто не про васъ, — тѣсно и безъ васъ.» Если есть кухарки, [illegible]тъ имъ: «Вы что, молодыя молодицы? Мы видимъ надъ вами большую не-

*) Ременка — кнутъ

исправность: у васъ блины съ заплатками и пироги съ заплатками, хлѣбы перепечены, рыбники вовсе недопечены».

Пока невѣста одѣвается, *дружки приносятъ ей подвѣнечные башмаки и чулки*, а также *зеркало*. Потомъ *пряникъ и разныя сласти*, которыя невѣста беретъ съ собою въ *новую свою семью*. *Это называется передать*. Передать дается и всѣмъ родственникамъ невѣсты.

Какъ скоро невѣста одѣлась, она подходитъ къ столу. Является женихъ, беретъ за руку и заводитъ за столъ. Отецъ. *передаетъ ее жениху и говоритъ: «пой корми, одѣвай, обувай, добру научай, а ты, дочи, слушай.»*

За тѣмъ отецъ и мать благословляютъ невѣсту и *женихъ уводитъ ее*. Отправляясь въ церковь, *женихъ* съ братомъ садится на отдѣльныя сани или роспуски,— и ѣдетъ впереди, а уже за нимъ *невѣста съ тысяцкимъ*.

По окончаніи обряда вѣнчанія новобрачная выходитъ въ трапезу и здѣсь волосы ея, остававшіеся во все время *вѣнчанья распущенными*, заплетаются уже *въ двѣ косы*, а на голову надѣвается *повойникъ*.

По пріѣздѣ изъ церкви молодые получаютъ *благословенье отъ родителей* новобрачнаго и при этомъ молодой дѣлается ими какой либо *подарокъ*.—Затѣмъ начинается угощенье, послѣ котораго молодыхъ уводятъ въ особую комнату. Черезъ нѣсколько времени туда являются отецъ и мать мужа и они *обязаны выпить четыре рюмки водки* отъ двухъ новобрачныхъ, отъ тысяцкаго и сватьи, и послѣ *этого поятъ виномъ* всѣхъ родныхъ, какъ мужа, такъ и жены.

За этимъ угощеньемъ бываетъ ужинъ, на которомъ бываютъ самые близкіе родственники и проводники.

Утромъ на другой день бываетъ завтракъ для *ближайшей родни*, послѣ котораго всѣ гости (обыкновенно сильно подкутившіе) катаются по городу съ пѣснями на тройкахъ. Какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ поѣздкахъ дружекъ съ начала сватовства къ дугамъ лошадей привязываются колокольчики.

Послѣ катанья *почестный* столъ, на которомъ родъ *невѣсты садится уже выше рода жениха*. Во время этого обѣда спаиваютъ всѣхъ гостей, такъ что къ концу его уже нельзя найдти ни одного трезваго.

На третій день молодая ходитъ по всѣмъ родственникамъ мужа и зоветъ ихъ въ *баню*. Собираются обыкновенно только ближайшіе родственники и моются въ банѣ послѣ выхода оттуда молодыхъ.

Тысяцкимъ выбирается обыкновенно крёстный отецъ жениха, или вообще кто-либо изъ ближайшихъ его родственниковъ. *Сватья*—ближайшая родственница невѣсты.

Родственники жениха *дарятъ невѣсту*, а ея родственники *дарятъ жениха*. *Подарки* передаютъ обыкновенно *въ день рукобитья* и состоятъ по большей части изъ *съѣстныхъ припасовъ*.

Молодая даритъ въ тотъ день, какъ идти въ баню: мужу портки и рубаху, тоже самое и свекру; свекрови рубаху и повойникъ; этотъ послѣдній навертывается на ручку вѣника, которымъ будетъ париться свекровь;— сестрамъ незамужнимъ на рукава, замужнимъ повойники; деверю платокъ.

ГЛАВА VI.

ОБРЯДЫ И ИГРЫ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА.

Обычаи, соблюдаемые въ Пинежскомъ уѣздѣ: при полевыхъ работахъ,—при родинахъ, крестинахъ и именинахъ.—Таковые же обычаи въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Пинежскіе обычаи при новосельи, при смерти и похоронахъ.—Похоронные обряды въ Тулгаскомъ, Хаврогорскомъ и Курейско-Сергіевскомъ приходахъ.—Годовые праздненства въ Пинежскомъ уѣздѣ и пріуроченные къ нимъ обычаи. Святки, Крещенье, масляница, вербница, Свѣтлая недѣля, радуница, весенніе вторница и сборица, Егорьевъ день, Троицынъ день, Аграфена купальница, Иваны-купалы, Петрово заговѣнье и богомолье, круги и хороводы, борода, игра въ столбы, въ пары, кануны, братчины, конный праздникъ, Ильинъ день, Спасовъ день, Рождество и Покровъ Богородицы, вечерянки и игры на оныхъ, бесѣды, день пятницы—Параскевы, Филиповки, посидки и супрядки съ ихъ играми, Никола зимній, день Рождества Христова и Новый годъ, славленье, виноградье.—Повседневныя игры и забавы: скопки, въ золото, въ имки, въ шопотки, въ хохлы, качели, скаканье, въ мячъ, изъ—за сухой трески, въ Самоѣды, кружалами, въ жернова, катанье, въ бабки, въ орлянку, изъ—за попа, въ рюхи, въ бѣглые, въ прятки.— Обрядъ „бороды“ въ Усть-Пуѣ.—Народные игры въ Тулгаскомъ приходѣ.—Народныя увеселенія въ Сумскомъ посадѣ.—Святочные обряды тамъ же.—Праздники въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Обряды при закладкѣ дома и при входѣ въ него на житье тамъ же.—Нѣкоторые обряды въ Хаврогорскомъ приходѣ.—

Къ этой главѣ мы относимъ всѣ матеріалы, какіе только можно было выбрать изъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей касательно обычаевъ и игръ, соблюдаемыхъ при празднованіи какихъ либо особенно чтимыхъ въ году дней. Сюда же отнесены и обряды крестинные и похоронные, такъ какъ по скудости достовѣрныхъ о нихъ свѣдѣній послѣднія не могли составить изъ себя особой главы. Но даже и остальные обряды, соблюдаемые въ годовые праздники, описаны съ нѣкоторою обстоятельностію лишь въ Пинежскомъ уѣздѣ П. А. Ивановымъ. Съ нихъ мы и начнемъ, печатая ихъ, какъ это принято нами и въ другихъ главахъ, въ томъ самомъ порядкѣ, какой нашли у автора.—

Предъ посьвомъ. Отправляясь сѣять, крестьянинъ беретъ корзинку, кладетъ въ нее хлѣбъ и соль, молится Богу и ѣдетъ на поле съ сохою.

Нѣкоторые пекутъ небольшіе *хльбцы* въ видѣ извѣстныхъ колобовъ. При посѣвѣ ихъ раскладываютъ по одному на каждый изъ четырехъ угловъ поля.

При случившихся праздникахъ *послѣ посьва*, по полямъ съ колосовыми хлѣбами, носятся хоругви и иконы, гдѣ есть приходскія церкви. Съ этими крестными хожденіями отслуживаются, по просьбамъ владѣльцевъ полей, духовенствомъ молебствія и нивы окропляются св. водою.

Время уборки хлѣбовъ и сѣна называется, вообще, *страдою*, или *страднимъ временемъ*; убирать хлѣба и травы—*страдать*, а все время работъ *бабьимъ лѣтомъ*.

Кончить жатву хлѣбовъ на поляхъ значитъ *обжаться*.

При хорошемъ урожаѣ хлѣбовъ и, даже при посредственномъ, труды свои жители Пинежскаго уѣзда отпраздныватъ кашею. Впрочемъ, каша бываетъ не у всякаго поселянина, а у болѣе зажиточныхъ и у тѣхъ, у кого недостаточно на полевыя работы семейныхъ рукъ. *Каша* бываетъ тогда, когда уборка оставшихся несжатыми хлѣбовъ на поляхъ производится *помочью*. Помочь эта составляется изъ созванныхъ *жнеей*, женщинъ. Обязанность ихъ придти съ утра на поля звавшихъ хозяевъ съ своими серпами и, при пѣсняхъ, окончить въ одинъ день недоконченную жатву и связать колосья въ снопы. Обыкновенно *конецъ* жатвы всегда приходится вечеромъ. Тогда на поляхъ кричатъ всѣ въ голосъ: *Слава Богу, слава Богу, обжался* (такой-то, хозяинъ), и затѣмъ съ пѣснями и серпами отправляются въ хозяйскій домъ.

Въ домѣ этомъ, между тѣмъ, топятъ печи и пекутъ множество *шанегъ*. По приходѣ *кашницъ* горячія, *съ огня* (такъ говорятъ), шаньги кладутся на огромныхъ

блюдахъ на столѣ и выставляется водка, которую, обыкновенно, подносятъ. Тутъ женщины напиваются почти такъ-же, какъ напиваются изрядно мущины и, закусивъ шаньгами, отправляются по деревнѣ пѣть пѣсни, захватившись рука за руку. Иногда жнеямъ даются лошади, и съ пѣснями онѣ ѣздятъ по улицамъ на нихъ. Не мало времени эти пьяныя женщины бродятъ или ѣздятъ по улицамъ съ своими монотонными и неразборчивыми напѣвами, и потомъ заходятъ снова въ домъ хозяина, гдѣ для нихъ устраивается столъ. Тогда онѣ *ужинаютъ*. Главнѣе за ужиномъ каша и шаньги. На столѣ для добра иногда кладутъ снопъ колосоваго хлѣба. Послѣ ужина опять поютъ и расходятся. (Пѣсни, употребляемыя при кашахъ, собраны Арсеніемъ Николаевичемъ Симановскимъ, студентомъ университета, живущимъ въ Пинегѣ, и печатаются во второмъ выпускѣ). При первой сушкѣ хлѣба въ овинахъ оставляютъ въ немъ пукъ *не выбитаго* (невымолоченнаго) въ колосьяхъ хлѣба. Это дѣлается для того, чтобы на будущій годъ былъ хорошій умолотъ.—

Кромѣ того, изъ перваго вымолота пекутъ *альбцы* и кладутъ по нѣсколько *на божницы* и *въ кяты*, гдѣ есть въ засѣкахъ хлѣбъ. Такіе хлѣбцы стряпаютъ еще въ Великій четвергъ на страстной недѣлѣ Великаго поста. Ихъ то и раскладываютъ на поляхъ при посѣвахъ.

Часто случается, что уборка сѣна у крестьянъ кончается помочью, безплатно, за одно угощеніе; о согласіи на это оглашаются хозяиномъ свои односельцы и желающіе изъ нихъ собираются на пожни съ косами въ праздничный день.

Разумѣется, сѣнокосъ бываетъ оконченъ тогда же въ домѣ хозяина, за закуской. Окончаніе косовицы празднуется попойкой водкою, выряженной при уговорѣ помочью въ косьбѣ. Тутъ то бываетъ русское веселье: участвовавшіе напиваются до пьяна и бродятъ по улицамъ съ криками и пѣснями.

Что касается обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Иванова, при родинахъ и крестинахъ, то они суть слѣдующіе:

Рожденіе людей у жителей Пинежскаго уѣзда не сопровождается особенно торжественными обрядами. Уменъ или глупъ, счастливый или несчастливый родился человѣкъ, угадываютъ, смотря по времени рожденія.

Послѣ родовъ родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ, водятъ въ баню. Тамъ обѣихъ ихъ обмываютъ.

Воспріемниками отъ купели выбираютъ болѣе изъ родственниковъ, кого либо изъ односельцевъ, преимущественно зажиточныхъ. Бываетъ, что воспріемниковъ ставятъ за очно, что воспріемникъ бываетъ иногда одинъ: либо крестный, либо крестная. Воспріемникъ называется кумомъ, а воспріемница кумою.

Священники даютъ имена новорожденнымъ по желанію родителей, несмотря на то, что будетъ или былъ день его святаго, который нареченъ ангеломъ. Имя заявляетъ мать.

При крещеніи, на шею младенца крестнымъ отцомъ надѣвается на гайтанѣ мѣдный или серебряный крестъ. Онъ остается на немъ во всю жизнь. Потеря сего креста предзнаменуетъ большое несчастіе.

На ручки купели съ одной стороны привязывается полотенце для утиранія рукъ совершающаго таинство крещенія, а съ другой—платокъ, который отъ крестной матери назначается въ даръ ему. При крещеніи соблюдается обрядъ постриженія т. е. остригаютъ немного волосковъ съ дитяти.

Послѣ крестинъ у родителей бываетъ крестинный столъ. Къ столу на угощеніе приглашаются родственники. Тогда крестный и крестная даютъ деньги, какъ бы початкою, подъ названіемъ: роженицѣ въ кашу и бабкѣ на зубокъ.

При именинахъ держатся слѣдующихъ обычаевъ:

Въ день своего ангела тезоименитый одѣвается въ лучшее платье.

День ангела—у него свой праздникъ. Онъ ходитъ къ литургіи, если церковь не очень далеко; въ тотъ день не работаетъ. Отъ именинниковъ и именинницъ носятъ житные и крупчатые пироги къ родственникамъ, особенно, если есть въ живности, къ крестнымъ отцу и матери. Въ припасахъ того дня всего главнѣе пироги, называемые растягаями.

Именинники, находящіеся въ услуженіяхъ, приносятъ своимъ хозяевамъ калачи и крендели. Хозяева отдариваютъ ихъ деньгами, початками и иными подарками.

День ангела проводится, по силѣ возможности, въ празднествѣ. Именины празднуются обѣдомъ и другимъ угощеньемъ. Въ гости приходятъ родные, съ кѣмъ имянинникъ ведетъ знакомство и тѣ, у кого именинникъ или именинница сами бываютъ на именинахъ.—

Куманекъ (крестный отецъ) и кумушка (крестная мать), послѣ воспринятія младенца, дѣлаютъ другъ другу подарки, т. е. передариваются недорогими бумажными платками. При состоятельности же, кумъ даритъ кумѣ ситцу на платье, а кума отдариваетъ шелковою матеріею на жилетъ, и черезъ кумовство считается въ родствѣ съ нимъ.

До полученія отъ духовнаго отца очистительной молитвы, родильница не выходитъ изъ дому и не ѣстъ вмѣстѣ съ другими. Но работать она начинаетъ иногда по прошествіи недѣли послѣ родовъ.

Въ дополненіе къ сказанному объ обрядахъ родильныхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ можемъ привести здѣсь небольшую замѣтку о таковыхъ же обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, заимствуя оную изъ статьи священника Таратина:

«Родильница ходитъ до послѣдняго часа, не давая домашнимъ замѣтить своихъ болѣзней, и для сего иногда скрывается въ скотскій дворъ, гдѣ и разрѣшается отъ бремени. Когда родитъ, мужъ идетъ за бабкой (до родинъ бабки рѣдко приходятъ), и затапливаетъ баню. По истопкѣ бани, родильница съ бабкой и младенцемъ идетъ (въ нее) и парится отъ 4 до 6 часовъ (это паренье повторяется завтра и послѣ завтра, непремѣнно въ трехъ баняхъ), а мужъ приглашаетъ кума и священника, и совершается святое крещеніе. Послѣ крестинъ непремѣнно бываетъ обѣдъ или ужинъ, на которомъ необходимое и главное блюдо составляетъ пшенная каша. При подачѣ на столъ каши, бабка подноситъ находящимся въ домѣ по рюмкѣ водки, за что получаетъ отъ всѣхъ деньги (отъ 1 до 10 копѣекъ); обычай этотъ называется «класть въ кашу».

Что касается обычаевъ, соблюдаемыхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ при новоселѣ, то они вытекаютъ изъ народнаго вѣрованія въ домоваго. По такому суевѣрію, при переходѣ на житье въ новопостроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и раскланиваются во всѣ четыре угла избы, говоря: «хозяинушко—господинъ,—пойдемъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье бытье, на богатество.» Если такъ не позвать дворового значитъ неминуемо навлечь гнѣвъ его на себя и несчастіе (прим. мѣры см. въ статьѣ Селиверстова, Губ. В. № 45—1865.) Въ новый домъ нѣкоторые хозяева, въ видахъ гаданія, вносятъ пѣтуха и пускаютъ его по полу въ комнатахъ. Если пѣтухъ пойдетъ въ большой уголъ избы—знакъ добрый. Если же онъ устремится назадъ—худо: кто нибудь изъ семейныхъ скоро умретъ и жизнь ихъ будетъ несчастна.

Новоселье у крестьянина есть нѣсколько торжественное событіе. Входящій въ новопостроенный домъ приглашаетъ духовенство освятить его и созываетъ родныхъ и знакомыхъ. По освященіи дома, устраивается столъ, ведется угощеніе и идетъ попойка.

Идущій поздравлять новосельца, по обыкновенію, приноситъ въ домъ что либо хозяйственное: хлѣбъ и др. Иные, чтобы не быть безъ ничего, приносятъ даже по полѣну дровъ. Обряды, соблюдаемые при смерти и похоронахъ, таковы. Крестьяне замѣчаютъ: 1) если на кровлѣ дома, въ которомъ есть больной, сидитъ и кричитъ воронъ—это предсказываетъ больному смерть; 2) если носъ чешется по переносью—то будетъ изъ среди односельцевъ покойникъ; 3) если черезъ отворенное окно залетитъ въ комнату ласточка, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ въ томъ же году; 4) въ которомъ году случатся два покойника изъ одного дома, то въ томъ же году умретъ и третій.

При смерти умирающій составляетъ свое завѣщаніе. Подробности его идутъ въ отвѣты на программу обычнаго права. Благочестивыми дѣлами при смерти почитаются: 1, прощать вины; 2, прощать долги и 3, каяться въ своихъ винахъ и прегрѣшеніяхъ, открывая тайны. При смерти—исповѣдываются и пріобщаются св. Таинъ.

Остающихся въ живыхъ своихъ родственниковъ умирающій изъ своихъ рукъ благословляетъ иконою. При предсмертномъ томленіи читается отходная.

По смерти, мать или жена покойника, ничего не дѣлаютъ изъ обычныхъ занятій. Ихъ дѣло плакать съ жалобными рыданіями. Коль скоро человѣкъ умеръ т. е. потерялъ признаки жизни, его обмываютъ водою и облекаютъ въ чистую одежду: рубаху, подштанники или же саванъ и чулки, сшитые изъ холста.

Облеченіе покойника шьется и одѣвается чужими людьми. Шьется впередъ иголкою, т. е. напротивъ того пріема, съ какимъ шьется только одежда для живаго человѣка. Не рѣдко бываетъ, что все облеченіе заготовляется самимъ умершимъ за нѣсколько даже годовъ до времени смерти. Покуда гробъ бываетъ не сдѣланъ, покойника кладутъ на скамью противъ иконъ, у которыхъ затепливается лампадка и зажигаются свѣчи.

При положеніи этомъ руки у умершаго складываютъ крестъ на крестъ, правая на лѣвую; изъ пальцевъ правой руки слагаютъ изображеніе креста и кромѣ того, на грудь кладутъ икону, болѣе литые изъ мѣди створцы (собраніе изображеній всѣхъ годичныхъ или нѣкоторыхъ великихъ праздниковъ), на ротъ иногда кладется мѣдная монета.

Гробъ, въ который кладутъ покойника, называется гробомъ и домовищемъ. Онъ дѣлается непремѣнно на улицѣ изъ досокъ, околоченныхъ желѣзными гвоздями. Крыша бываетъ такаяже. Гробы украшаютъ очень рѣдкіе.

Стружки при дѣланіи гроба не разсариваются, а складываются въ гробъ же съ прибавленіемъ вѣничнаго листа (листьевъ березы.)

Гробъ вносятъ въ комнату и кладутъ почему то болѣе на лавки, а не на столъ. Затѣмъ въ него постилается полость, какъ бы простыня, и кладется обыкновенная, или набитая березовыми листьями подушка и переносится самый покойникъ. Гробъ съ покойникомъ кладется головою къ иконамъ на востокъ.

Вскорѣ по извѣстію, собираются сосѣди, мущины и женщины. Распросивъ о послѣдней волѣ покойнаго и предсмертныхъ слѣдствіяхъ, женщины начинаютъ оп-

лакивать потерю покойнаго, т. е. въ мѣрныхъ припѣвахъ жаловаться на несчастія, какія постигаютъ семейство съ смертію его. Жена же умершаго импровизируетъ о добродѣтеляхъ его во все горло тянущеюся прозою.

Чтобы не тосковать по умершемъ, ближніе родственники отрѣзываютъ ножницами нѣсколько прядей волосъ съ его головы и привязываютъ себѣ къ гайтану на шеѣ съ крестомъ.

Покуда покойникъ находится въ домѣ, приставляютъ къ нему читальниковъ или читальницъ. Это — грамотѣи, которыхъ приглашаютъ единственно для чтенія надъ усопшими въ домѣ до 9 дней. Ихъ иногда называютъ могильными мухами.

Въ комнату, гдѣ положенъ умершій, ложатся спать близъ него никто другой, какъ одни родственники. Но на постелю, на которой скончался покойникъ, не ложатся долго и по смерти.

Во все время пребыванія покойника въ домѣ, а также когда и понесутъ, воютъ (плачутъ) и голосятъ (причитаютъ) женщины изъ родственницъ и особо нанимающіяся плакальщицы, онѣ ужасно гнусятъ какіе то припѣвы. Въ послѣдній день нахожденія покойника въ домъ приходятъ на проводины не только родные, имѣвшіе свойство и бывшіе въ дружбѣ съ умершимъ, но и не такъ знакомые.

Въ домѣ духовенство по приглашенію отслуживаетъ панихиды. Во время ихъ всѣ бывающіе стоятъ съ заженными восковыми свѣчами, —а по окончаніи панихидъ прикладываются къ мертвому (цалуютъ его руки).

Хоронятъ умершихъ черезъ два, три и болѣе дней по смерти.

Покойника въ гробѣ выносятъ изъ дому съ незакрытою крышкою.

Гробъ несутъ люди руками на веревкахъ, либо полотенцахъ, либо на палкахъ, или же везутъ на дровникахъ (саняхъ), хотя бы время похоронъ было лѣтомъ; послѣднее случается у кого мало родни и въ бѣдности живутъ.

При выносѣ тѣла, за гробомъ бываетъ всегда большое или малое шествіе родныхъ и посторонняхъ безъ шапокъ; встрѣчающія ихъ тоже снимаютъ шапки и крестятся. По отпѣвѣ въ церкви съ наложеніемъ вѣнчика и съ пѣніемъ: вѣчная память, —крышка приколачивается къ гробу и гробъ съ покойникомъ уносится или увозится на кладбище. На кладбище ходятъ не всѣ, кто бываетъ при выносѣ: одни уходятъ обратно, а другіе уходятъ въ домъ, гдѣ бываютъ похороны.

Духовенство не всегда напутствуетъ гробъ въ священномъ облаченіи. Оно прибываетъ потомъ.

На кладбищѣ бываетъ послѣднее прощанье и затѣмъ гробъ опускаютъ въ могилу, которую зарываютъ.

Могилы устраиваютъ родные умершаго, или за плату особые могилокопы. Всякій, кто бы не былъ при погребеніи умершаго, долженъ бросить на гробъ въ могилѣ отъ себя хоть горсть или кусокъ земли. А чтобы не тосковать по покойномъ, родственники берутъ съ могилы немного земли и кладутъ ее себѣ въ карманъ.

Палки, на которыхъ былъ несенъ гробъ покойника до кладбища, по зарытіи его въ землю, втыкаются къ ногамъ во гробѣ преставившагося.

На кладбище и отъ него не всѣ ходятъ пѣшіе, а ѣздятъ на лошадяхъ. Ихъ поставляютъ домашніе умершаго.

Расходы на погребеніе падаютъ или только на семейныхъ, или и другихъ неоднодомныхъ, но усердныхъ родственниковъ.

Послѣ похоронъ, въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ во гробѣ, накрывается большой столъ, за который усаживаются всѣ проводники, по предварительномъ совершеніи священникомъ съ причетниками молитвословія. Въ похороны ѣдятъ сколько влѣзетъ и пьютъ водку до совершеннаго опьянѣнія.

Главнѣе похоронный столъ составляютъ: хлѣбъ, соль, водка, щи, каша и блины; но бываетъ и другая пища и другіе напитки.

При похоронахъ подаютъ всѣмъ просящимъ деньги и хлѣбъ: печеный, измолотый и зерновой.

Послѣ смерти большака семьянина семейные соблюдаютъ трауръ до года. Кромѣ того: 1) если умеръ отецъ, сынъ не можетъ жениться, а дочь выдти замужъ до истеченія одного года по смерти главы; 2) когда умретъ мужъ, овдовѣвшая жена не заплетаетъ волосъ въ косу шесть недѣль и не можетъ выдти за другаго въ замужество до истеченія года; 3) если умерла жена, овдовѣвшій мужъ не ходитъ въ баню шесть недѣль и не можетъ жениться на другой ранѣе минутія пѣлаго года по смерти первой жены.

Умершихъ, для отрады душъ ихъ, помичаютъ часто. Особенныя поминовенія объ усопшихъ рабахъ Божіихъ совершаются въ 3-й, 6-й и 9-й и наконецъ очистительный 40-й дни по смерти.

Въ дни поминовеній служатъ похоронные молебны, отправляютъ панихиды на могилахъ съ окуреніемъ оныхъ, прочитываютъ помянники; подаютъ особенно нищей братіи денежныя и хлѣбныя подаянія и даютъ себѣ льготу отъ работъ.

Кромѣ означенныхъ дней, поминки бываютъ: чрезъ годъ послѣ смерти умершаго, въ день ангела покойнаго и въ родительскія субботы. —*Родительскими субботами* называются субботніе дни передъ заговѣньями,

а также субботы: Дмитріевская (приходящаяся между 16—24 числами октября) и Троицкая (предъ праздникомъ св. Троицы).

Сверхъ священнаго поминовенія, поминаютъ усопшихъ блинами, оладышами (оладьями), шаньгами сальными, саламатомъ и кутьею. Кутью ѣдятъ по благословеніи священника.

Г. Вальневъ говоритъ (Губ. Вѣд. № 25 за 1865 г.), что и славяне поминали умершихъ блинами, и воображали, что покойные въ это время встаютъ изъ гробовъ и вмѣстѣ съ живыми ѣдятъ блины.

Жители вѣрятъ въ фантастическіе призраки, признавая ихъ за дѣйствительныя и страшныя явленія.

Говорятъ, что привидѣнія являются въ самую полночь.

Утопленниковъ, самоубійцъ и вообще погибшихъ отъ своихъ рукъ т. е. умершихъ неестественною смертію, не отпѣтыхъ, не хоронятъ на общихъ кладбищахъ.

Народъ вѣритъ, что такіе умершіе являются живыми и бродятъ по ночамъ, потому что требуютъ исполненія христіанскаго долга.—Идя мимо кладбищъ въ ночное время, всякій творитъ молитву и крестится.

Я знаю коротко одного почтеннаго старичка, который былъ поднятъ на дорогѣ и лежалъ больнымъ очень долго. Онъ разказывалъ вотъ что. Зимою въ какой то день, по случаю, онъ долго пробылъ въ г. Пинегѣ и оттуда отправился въ свой домъ, версты за полторы, уже ночью. Ночь была несвѣтла и идти нужно было какъ разъ мимо городскаго кладбища. Шелъ онъ все какъ слѣдуетъ по подгорью (по льду рѣки около гористаго берега), и немного объ чемъ то и призадумался. Но, поровнявшись съ кладбищемъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и продолжалъ путь. Отошелъ онъ не далеко, оглянулся и видитъ, что на угоръ вышелъ какой-то мертвецъ весь въ бѣломъ. Старикъ оробѣлъ, но не останавливался. Посмотрѣлъ онъ еще разъ назадъ и увидѣлъ, что мертвецъ спустился съ горы и идетъ позади его не очень подалеку; старикъ пустился бѣжать, а мертвецъ въ бѣломъ саванѣ за нимъ... Наконецъ, старикъ въ изнеможеніи и безъ чувствъ упалъ на дорогу, гдѣ и былъ поднятъ сыновьями, которые начали безпокоиться о долгомъ отсутствіи отца. Да и не переслушаешь всѣхъ росказней объ этомъ.

Жители исповѣдуютъ о безсмертіи души и имѣютъ хотя не совсѣмъ ясное понятіе о будущей жизни; но вѣруютъ и въ то, что мертвые въ домахъ и въ могилахъ слышатъ относящіяся до нихъ слова. По этому то бываютъ припѣвы и причеты; по этому же въ поминки ходятъ къ могиламъ и плачутъ у нихъ; потому же нѣвесты ѣздятъ на могилы родителей и просятъ ихъ благословенія на выходъ въ замужество».—

Свѣдѣнія о похоронныхъ обрядахъ въ другихъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи въ остальныхъ матеріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ,, имѣются самыя скудныя. Мы отыскали въ нихъ лишь три краткія замѣтки, относящіяся къ этому предмету.

Вотъ одна изъ нихъ, касающаяся Тулгасскаго прихода Шенкурскаго уѣзда:

«При погребеніи всякаго лица особеннаго ничего не дѣлается Тулгасскими крестьянами и крестьянками, исключая одного суевѣрнаго обряда, именно: когда погребаютъ кого либо изъ членовъ семейства, то какая либо изъ близкихъ знакомыхъ, лишившихся любимаго сердцу человѣка, старушка, а иногда и пожилая женщина, беретъ съ могилы горсть земли и кладетъ на шею за рубашку.—Это означаетъ то, чтобы лишившаяся любимаго своему сердцу женщина не скучала о немъ и не боялась его».....

Другая, болѣе подробная, относится къ Хаврогорскому приходу Холмогорскаго уѣзда:

«При похоронахъ употребляются причитанія, каковыя до того пронзительны и оглушительны и не внятны, что изъ слышаннаго нельзя усвоить ни одного слова; исполняются оныя нанятою для того *плачеею*, при чемъ родные во весь голосъ, съ криками: «Охъ!» и «Ахти мнѣ!», поднимаютъ плачъ, падая на полъ и во всю силу хлопая руками. Еще сильнѣе раздается плачъ, когда *процессія съ умершимъ слѣдуетъ* мимо какой либо *деревни*. Приближаяся къ ней, плачея позади гроба напѣваетъ свои причеты, а родные, крича во весь голосъ и ударяя руками въ гробъ, иногда и съ притворно намѣренными слезами, проходятъ мимо деревни, выражая симъ дѣйствіемъ, что очень скорбятъ о невозвратной потерѣ, и если не выполнить этого,—то почтется отъ людей осужденіемъ и порицаніемъ родныхъ умершаго, что они не сожалѣютъ и не хотятъ поплакать. Причитанія прилагаются ко всѣмъ вещамъ и предметамъ, особенно любимымъ оплакиваемымъ, какъ при свадьбахъ, такъ и при похоронахъ, неисчислимо. При провожденіи на кладбище, въ селахъ священникъ не всегда провожаетъ умершаго до могилы и въ это время, какъ окончательное на семъ свѣтѣ для умершаго, такъ и послѣднее для лицезрѣнія родными, бываетъ причитаніе дорогою, а въ другомъ обращеніи и къ священнику, которое начинается такъ: «Вы отцы попы духовны, вы причетники церковны, попойте, почитайте, поболѣе и подолѣе, дайте мнѣ насмотрѣться, наглядѣться на моего на желаннаго, на сердечнаго, въ остаточны послѣдни дни, съ той, съ той пути дорожки, нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки, нѣтъ словесно челобитья; осталась я какъ кокуша горе горька, ахти мнѣ-ченко, тошнехонько.» Умершіе въ деревняхъ рѣдко бываютъ

носимы на рукахъ до могилы, а всегда лѣтомъ и зимою сопровождаются на лошади, заложенной въ дровни, чему служатъ причиною путевыя неудобства и незаботливость самихъ крестьянъ о исправленіи проселочныхъ дорогъ, особенно въ Хаворогорскомъ приходѣ по его мѣстоположенію. По преданіи умершаго землѣ, на могилѣ—тѣже причитанія съ крикомъ и ревомъ, но оныя выполняются только однѣми женщинами, и преимущественно пожилыми, а мущины остаются хладнокровны и въ своей скорби умѣренны. По возвращеніи въ свой домъ, сопровождавшимъ умершаго бываетъ поминальный обѣдъ, а таже и для нищихъ подаяніе печенымъ хлѣбомъ и малою частію зерноваго; но отличительною чертою на сихъ обѣдахъ служитъ то, что на оныхъ нѣтъ мѣста довольному угощенію водкою, и въ слѣдствіе этого шуму и разгулу; но впрочемъ не какъ съ упрекомъ, а въ родѣ шутки иногда за столомъ и высказывается кѣмъ либо при принятіи чарки: «помянуть покойника, любилъ выпить чарку.» При чемъ вторится другими, въ подтвержденіе сказанныхъ словъ: «да, любилъ, и со мною бывало!»..... Но всѣ эти вспоминанія происходятъ тихо, и столъ заканчивается молитвою о умершемъ, а оставшимся въ семействѣ пожеланіемъ добраго здоровья и терпѣливаго перенесенія постигшаго ихъ горя. По выходѣ изъ дома сосѣдей и бывшихъ на поминкахъ, въ тотъ часъ же приготовляется баня, въ которой моются семейные дома, въ которомъ былъ умершій, и окачиваются водою, въ которую всыпается земля, принесенная съ могилы умершаго, въ знакъ того, чтобъ много не скорбѣть и смыть съ себя тоску—печаль; таковое дѣйствіе не остается безъ нашептыванія знахарокъ—старухъ, и называется *«унять тоску,»* и принадлежитъ къ ремеслу повивальныхъ бабокъ.»

Третья замѣтка относится къ Курейско-Сергіевскому приходу Холмогорскаго же уѣзда и гласитъ слѣдующее:

«Умершаго поверхъ рубахи одѣваютъ въ длинный до пятъ портянный халатъ, а женщину въ такой же сарафанъ и портянные калишки, кладутъ на лавку, закрываютъ портяннымъ покровомъ и читаютъ псалтырь. Предъ выносомъ въ церковь умершаго кладутъ въ гробъ, всегда не крашеный, и несутъ, а иногда и везутъ на саняхъ. Во время цѣлованія, по каждомъ умершемъ чинятъ женщины, иногда совершенно чужія, причитанія безъ слезъ,—громкія, раздирающія сердце и слухъ присутствующихъ. При зарытіи могилы дѣти берутъ земли, чтобы не тосковать по умершемъ родителѣ. На поминальный обѣдъ идутъ всѣ—знаемые и незнаемые, и всѣмъ дается по новой деревянной ложкѣ, на память объ умершемъ.»—

Возвращаемся по общему описанію всякаго рода обрядовъ и обычаевъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.—Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ по этому поводу, отличаются однакожь нѣкоторою отрывочностью. Держась правила: не измѣнять ни содержанія, ни порядка изложенія въ матеріалахъ, нами издаваемыхъ, мы и на сей разъ послѣдуемъ за самою рукописью г. Иванова.

Прежде всего онъ касается годовыхъ празднествъ и къ нимъ приуроченныхъ обычаевъ. По его словамъ, жители сами говорятъ, что празднества, обряды, обычаи и игры, соблюдаемые ими, суть: досельныя, старинныя, коренныя, заведенныя. Слова эти приняты для того, что они показываютъ большую отдаленность времени введенія тѣхъ обрядовъ. Если народъ говоритъ, что это старинное, значитъ оно очень древнее, стародавнее, потому что у него мало что измѣняется.

Святки. Святочнымъ временемъ называется время отъ 26 декабря на второй день Р. Х. по 5 Января (канунъ крещенія).

Въ святки переряживаются. Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что дѣлаются шуликонами, т. е. мущины мѣняются одеждою своей съ женщинами, а женщины съ мущинами, кромѣ того маскируются иные: надѣваютъ звѣриныя шкуры, лице свое марающъ сажею, представляютъ живыя чучелы: быковъ, коровъ, лошадей и т. п.

Вообще шуликонство грубо, невѣжественно, исполняется кое-какъ безъ всякаго значенія. Масокъ не носятъ изъ боязни дьявола, такъ какъ надѣть маску—значитъ одѣть лице черта.

Въ святки занимаются гаданіемъ.

6 Января. Праздникъ Богоявленія Господня въ народѣ именуется просто *Крещеньемъ.*

Канунъ дня Богоявленія Господня называется сочельникомъ. 5 Января многіе не вкушаютъ ни хлѣба, ни соли до вечерней звѣзды. Въ сочельникъ священники ходятъ по домамъ съ крестомъ и съ освященною водою. Кромѣ того, народъ вечеромъ этого дня ходитъ въ церкви къ вечернѣ съ туесками для взятія воды, которую почитаютъ цѣлебною въ болѣзняхъ.

Жители вѣруютъ, что въ полночь наканунѣ Крещенія Господня, ангелъ сходитъ съ неба и освящаетъ воду въ рѣкахъ.

Въ Богоявленіе Господа, какъ и вездѣ у православныхъ, исполняется тоже торжественная религіозная церемонія: бываетъ крестный ходъ къ Іордану, у котораго совершается Богослуженіе съ погруженіемъ въ воду Распятія Христова.

Послѣ молебствія, всѣ находившіеся у Іордана обмываютъ свои лица св: водою. Которые же ходили въ святки *шуликонами,* тѣ раздѣваются до нага и купаются въ прорубяхъ (майнахъ), на мѣстѣ Іордана, не смотря ни на какую суровую погоду, дабы освященною водою смыть съ себя личину бѣса.

Въ крещенье всѣхъ лошадей хозяева водятъ на рѣки чтобы напоить св. водою.

На масляницѣ, катаясь на горахъ, поютъ пѣсни.

Послѣднія недѣли межговѣнья послѣ Филиппова поста: *сплошная* (мясопустная) и *пестрая*, называются въ народѣ еще мясною и масляною, а послѣдняя еще называется безпорточною (если можно такъ сказать).

Погулять о масляницѣ, особенно въ послѣдніе дни, или другими словами проводить масляницу почитается необходимостію. Даже есть поговорка: «послѣднюю юбочку заложить, а маслену проводить»..

Масляница и въ городѣ, и въ деревняхъ, сопровождается наибольшимъ разгуломъ. Она проводится въ празднествахъ своеобычайно, весело и какъ то дружелюбно въ обществѣ, чего не замѣчается въ другое время гуляній.

Разумѣется, пиры тянутся съ утра до вечера и позже, а главное угощеніе—вино, котораго заготовляется довольно, и за нимъ пиво.

Хлѣбъ и соль—символъ гостепріимства, а вино—елей радости. Впрочемъ пиво и вино—суть главныя праздничныя развлеченія низшаго класса, повсюду на русской землѣ, да и русскій народъ издавна славится любовью къ попойкамъ, у него самого даже есть пословицы: «Русакъ—дуракъ пьетъ съ горя и съ радости; —что Русскому здоровье, то нѣмцу смерть;—молодецъ тотъ, кто идетъ не торопится, и пьетъ не морщится; —для праздника Христова выпить рюмочку простаго;— рюмочку винца да стаканчикъ пивца — куда хорошо; —выпить въ честь—рюмочекъ пять, шесть;—перва рюмочка то коломъ, а вторая соколомъ».

Вообще хозяинъ, у котораго идетъ пиршество, заботливо старается какъ можно лучше угостить гостей, т. е. накормить до сыта и напоить до пьяна, до упаду.

Пища о масляницѣ бываетъ праздничная.

Въ праздники, общій столъ составляется изъ нѣсколькихъ столовъ, придвинутыхъ одинъ къ другому. Накрытыя бѣлыя скатерти аккуратно раскладываются: разрушенный ломтями ржаной и житный хлѣбъ, ножи, ложки, всякаго рода шаньги, булки и пироги. Все это закрывается утиральниками (полотенцами), подаваемыми вмѣсто салфетокъ, пока не подадутъ кушаній на столъ на столько персонъ, сколько предполагается откормить особъ.

Всякій приготовляющійся къ трапезѣ, т. е. передъ ѣдою омываетъ руки водою, вытираетъ ихъ ручникомъ (полотенцемъ), молится Богу и садится за столъ.

За столомъ, рабы обычаевъ—мужщины и женщины, носиживаютъ чинно; ну хоть первоначально то. Во время обѣда за столомъ соблюдается мѣстничество. Большой уголъ—высокое мѣсто за столомъ принадлежитъ духовному отцу—священнику, возлѣ него усаживаютъ причтъ, а за тѣмъ (по правой рукѣ) садится старшій домохозяинъ или отецъ семейства; хозяйка обряжается и подаетъ на столъ ѣду (пищу). Линіей, сподрядъ съ хозяиномъ, сидятъ мужики по старшинству родни, свойства и дружбы. По лѣвой сторонѣ сидятъ женщины, смотря тоже по близости родственной связи и дружбы.—Всѣ они кушаютъ за однимъ столомъ, и если кушающихъ не очень много—то они ѣдятъ изъ одного сосуда.—

Столъ праздничный состоитъ не менее 10—15 перемѣнъ кушаньевъ. Сперва подаютъ горячія жидкія кушанья, потомъ жареныя и печеныя и наконецъ въ прикуску—холодныя.

Кто пришелъ во время стола, говоритъ: «хлѣбъ да соль,» а ему отвѣчаютъ: «милости просимъ съ нами хлѣба ись,» или: «просимъ покорно съ нами отобѣдать.»

Столъ ведется необыкновенно долго. И до стола и во время стола, и послѣ обѣда (говорятъ при подчиваніи —«выть позолотить») идетъ постоянная попойка. Подчиваніе бываетъ на подносахъ вдругъ: и пивомъ въ стаканахъ, и водкою въ рюмкахъ.

Послѣ обѣда всѣ кушавшіе встаютъ вдругъ со скамей и молятся Богу, а потомъ благодарятъ хозяевъ и хозяекъ: «спасибо за хлѣбъ за соль.»

Есть еще прибаутка: «благодаримъ за хлѣбъ за соль, за щи спляшемъ, за кашу пѣсенку споемъ, а за кисло молоко выскочимъ высоко.»

Но и послѣ обѣда столъ не убирается почти всегда во весь день.

Чай для гостей въ употребленіи у поселянъ только у нѣкоторыхъ близьгородныхъ: въ отдаленныхъ же отъ города весяхъ и деревняхъ его не употребляется жителями, съ исключеніями нѣкоторыхъ привыкшихъ къ чаепитію, какъ къ необходимой потребности въ домохозяйствѣ.

Чай пьютъ до обѣда; вечеромъ же рѣдко.

О кофеѣ въ деревняхъ болѣе говорятъ съ оттѣнкомъ отвращенія, относя потребленіе его къ необузданной роскоши комфортебельныхъ людей. Въ масляницу, сверхъ обыкновеннаго праздничаго приготовленія для стола, варятъ пиво, пекутъ блины, сочни, шаньги, приготовляютъ кисели.

О масляницѣ ѣздятъ для гостьбы по окольнымъ, нетолько ближнимъ, но и дальнымъ деревнямъ.

Въ каждой извѣстной деревнѣ празднество ведется одинъ день. Такъ напримѣръ: въ мясное заговѣнье (въ воскресенье мясопустной недѣли) гостятъ изъ окрестныхъ деревень и г. Цинеги въ Цимоочкѣ;—въ понедѣльникъ—на Холму и Заборьѣ; во вторникъ—въ Кулогарахъ; въ среду въ Валдускурьѣ; въ четвергъ въ Вонгѣ; въ пятницу въ Воспалѣ; въ субботу въ За-

полѣ, Заврагѣ, Великомъ дворѣ и на Крестной горѣ; а въ воскресенье великаго заговѣнья—въ г. Пинегѣ.

Народъ съѣзжается—можно сказать, къ празднику караванами и всякій, по своему желанію, кто бы онъ ни былъ и хотя бы у него не гостилъ тотъ, къ кому онъ самъ идетъ въ гости, безпрепятственно можетъ войдти въ домъ, выпить изъ хозяйскихъ рукъ пива, а иногда и водки и потомъ идти куда угодно; такъ переходятъ изъ дома въ домъ. Разница между гостящимися (родственниками, односельцами и знакомыми) и сторонними бываетъ только та, что послѣдніе не приглашаются участвовать въ празднествѣ наравнѣ съ прочими; ихъ не приглашаютъ садиться ни такъ себѣ, ни за столъ; конечно, изъ такого пріема имѣютъ исключенія люди, извѣстные въ почетѣ и пользующіеся уваженіемъ хозяина почему либо.—Народъ хотя мало понимаетъ объ удобствахъ жизни, о наружномъ почтеніи, за то врагъ мелочныхъ привычекъ, мало самолюбивъ и не любитъ чванства и живетъ по своему весело и довольно открыто.

Послѣ угощеній, пріѣзжіе гости гуляютъ по улицамъ, въ саняхъ, на лошадяхъ и пѣшкомъ; часовъ же около четырехъ по полудни они высыпаютъ къ горкамъ, тутъ они обступаютъ тѣсно всѣ стороны.

Ледяныя зимнія горы (большія) высятся въ каждой деревнѣ, гдѣ проводится масляница. Кромѣ такихъ горъ для дѣтей есть небольшіе катки у нѣкоторыхъ домовъ.

Горки, или катища, строются: гузно (верхъ) изъ четырехъ столбовъ съ наложенными досками и залитымъ снѣгомъ; катище (скатъ) изъ досокъ, на которыя накладывается или ледъ, или замороженный снѣгъ, а подъ нихъ подкладываются подпорки съ перекладинами поперекъ ската; улица же (раскатъ) пролагается по поровненому и политому снѣгу, или по льду, если скатъ проведенъ на озеро или рѣку. Наносный снѣгъ очищается лопатами и метлами. По бокамъ гузна, катища и улицы водружаются елки, которыя придаютъ ему видъ живаго барьера. Кромѣ того иногда горы украшаются статуями, сдѣланными изъ большихъ комьевъ выкатаннаго и потомъ замороженнаго снѣга, съ проведенными углемъ: глазами, бровями, носомъ, ртомъ и усами.

Съ горъ катаются на салазкахъ, дранчатыхъ или укладенныхъ (*съ шинами*) санкахъ, шкурахъ животныхъ и рогожахъ. На саняхъ катается по одному и по два человѣка, а иногда и по три; когда катятся трое — значитъ катятся *кораблемъ*, одинъ противъ другаго и одинъ въ серединѣ ихъ. На кожахъ же и рогожахъ скатывается по нѣсколько человѣкъ отъ 4 до 10. Но скатываются еще молодыя ребята на конькахъ (коникахъ) и просто стоя; иногда въ послѣднемъ случаѣ зацѣпляется другъ за друга сзади нѣсколько ребятъ,—тогда такое катанье называется *коромъ*.

Не интересно то, какъ катаются обыкновенно, а интересенъ обычай катанья молодыхъ, обручившихся въ періодъ съ прошедшей до настоящей масляницы. Молодые пріѣзжаютъ на лошадяхъ къ горѣ; между тѣмъ, холостые парни забираются на вершину горы. *Молодой* первый заходитъ на гору, ему даютъ ребята сани и онъ садится на нихъ. Парни за тѣмъ во всю мочь, во всеуслышаніе, призываютъ (такую-то) *молодую*. Вотъ она является на гору и садится на колѣни мужа, обнявъ одною рукою шею его. Тутъ то холостежъ задерживаетъ молодыхъ и требуетъ, чтобъ молодая поцаловала молодаго заразъ (сподрядъ) двадцать пять разъ. Разумѣется, молодая исполняетъ это публично, хотя немного застѣнчиво, и поцалуи считаются громогласно. Но ежели, молодая не сдѣлаетъ вдругъ назначенное число поцалуевъ — то, за это снова должна поцаловать молодаго 25 разъ, да на походъ 25. Это значитъ — какъ говоритъ простой народъ — «солить рыжики на постъ» или «промораживать». Когда переберутъ такимъ образомъ всѣхъ извѣстныхъ молодыхъ, народъ убирается прочь отъ горы; кто прогулятъся на лошадяхъ по улицамъ, а кто — поглядѣть на гуляющихъ. Послѣ гулянки сходятся въ домы и тамъ угощаются и закусываютъ. Послѣ этого, еще немного гуляютъ и уѣзжаютъ восвояси; остается только часть дѣвушекъ и молодцевъ. Эта молодежь разъѣзжаетъ въ сумеркахъ по улицамъ на лошадяхъ съ пѣснями, другіе же парни, захватясь руками, расхаживаютъ по улицамъ и распѣваютъ знакомыя пѣсни.

По вечерамъ масляничныхъ дней въ деревняхъ собираются вечеринки, съ особеннымъ прибавленіемъ—съѣзжія. Скопища дѣйствительно бываютъ великія. Но очень покажется непріятнымъ *новичку*, не видавшему оргій деревенскаго пьянаго и полупьянаго люда въ кругу прекраснаго пола, хотя и невыросшаго въ мечтахъ объ идеальной жизни. Далеко за полночь у иныхъ идетъ, какъ говорится, пиръ горой. Но, въ чистый понедѣльникъ (такъ называется первый день Великаго поста) представляется умилительная картина: вездѣ тихо, неживой души, вчерашнее былое—было будто въ сновидѣніи.

1-е Апрѣля. Въ этотъ день народъ обманываютъ словами.

Вербница. Шестая недѣля Великаго поста называется въ народѣ: вербницею.

Можетъ быть, прежде въ вербную недѣлю были какіе нибудь языческіе обряды, но нынѣ невидно ихъ здѣсь.

Въ Вербное воскресенье получаются жителями въ приходскихъ церквахъ освященные вербушки (вербы), онѣ кладутся въ домахъ за иконы и сохраняются до тѣхъ поръ, пока сами не пересохнутъ и не разломаются.

Пасхальная недѣля называется *свѣтлою недѣлею*.

Къ Пасхѣ варятъ и красятъ куриныя яйца, дѣлаютъ сыры и стряпаютъ *куличи*.

У немногихъ есть придурь: въ Христовъ день, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ утрени и къ обѣднѣ стрѣлять изъ ружей съ колокольни, или съ чердаковъ и изъ оконъ домовъ. Въ утрени *Свѣтлаго Христова Воскресенія*, нѣкоторые носятъ съ собою въ церковь крашеныя яйца.

Когда священникъ выходитъ съ крестомъ на амвонъ, тогда всѣ *христосуются*, а равно при встрѣчѣ, и при посѣщеніи. При этомъ отдариваютъ другъ друга яицами. Есть пословица: *дорого яичко въ Христовъ день*.

Въ Пасху священники ходятъ по домамъ и съ освященною водою.

Во всю недѣлю Пасхи малые и большіе парни и даже женатые мущины, бьются на улицахъ яйцами. Какъ во всю недѣлю Пасхи бываютъ цѣлодневные звоны на церковныхъ колокольняхъ, то у мущинъ и женщинъ, холостыхъ и женатыхъ, замужнихъ и дѣвушекъ, есть обычай ходить послѣ перваго дня на церковныя колокольни толпами.

Остающіеся отъ Пасхи несъѣденными шаньги, пироги, калачи и проч. съѣстные изъ хлѣба, высушиваются и хранятся до Пасхи въ другой годъ. Тогда пасху (сухари) съѣдаютъ наголодно.

Въ пасхальную недѣлю качаются на качеляхъ.

Вторая пасхальная недѣля у туземцевъ называется Ѳоминою и Радоницею.

По вечеру субботы Свѣтлой недѣли, по верховью Пинеги, ребята бѣгаютъ безпорядочно и съ крикомъ по улицамъ, держа въ рукѣ каждый палку, съ привязанными колокольцами. Дѣлать это значитъ встрѣчать Ѳому.

Въ Ѳомино воскресенье, по верховью Пинеги, крестьяне ѣздятъ на лошадяхъ, запряженныхъ въ сани съ дугами и навѣшенными къ нимъ во множествѣ колокольчиками, бубенчиками и шаркунами.

Есть еще старинная прибаутка: *я вѣдь не такой, какъ Ѳома за рѣкой; блины пекъ и безъ ужина спать легъ*.

Лѣтнія гулянья, начинающіяся съ Пасхи, называются здѣсь: игрищами и сборищами.

Игрища бываютъ по одному дню въ каждой деревнѣ, по заведенному каждый годъ порядку.

Но въ нѣкоторыхъ, большихъ селеніяхъ гулянья продолжаются нѣсколько дней: одинъ день въ томъ околодкѣ, другой—въ другомъ—и т. д. Такъ напримѣръ: въ Кулогорскомъ селеніи проводится играми въ разныхъ околодкахъ вся Свѣтлая недѣля; въ Воспалѣ и на Сѣрой горѣ Николинъ день; въ Вознесеньевъ день—въ Запольѣ, Заврагѣ, въ Крестной горѣ и на Великомъ дворѣ; въ Троицынъ день—въ Усть Воспалѣ; въ мясное заговѣнье въ Цимолѣ; въ чистое заговѣнье—въ Пинегѣ; въ Ивановъ день въ Вешкомѣ; въ Петровъ день—въ Кулогорахъ и Юровѣ; въ горній праздникъ—на Молетинѣ; въ Прокопьевъ день въ Воксѣ; въ Ильинъ день—въ Воспалѣ, Великомъ дворѣ, Запольѣ, Заврагѣ и на Крестной горѣ и проч.; въ Богословъ день—на Гбачѣ; въ Покровъ въ Соселѣ.

Годичный кругооборотъ времени составляетъ здѣсь какъ бы три промежутка гуляній: лѣтніе праздники съ Пасхи до страды, масляница и празднества Рождественскія.—О масляницѣ и частію о послѣднихъ празднествахъ мы уже сказали; о гуляньяхъ же лѣтнихъ будетъ сказано подробнѣе подъ рубрикою «богомолье».

23 Апрѣля. Егорьевъ день. Въ день св. Великомученика Георгія совершаются крестные ходы. Хоругви и иконы носятся вокругъ деревень, полей и пашенъ.

Тоже бываетъ и *въ Преполовеніе* по Пасхѣ.

Троицынъ день. У нѣкоторыхъ въ деревняхъ, а въ городѣ почти у всѣхъ, есть обыкновеніе въ день праздника св. Троицы обсаживать домы стволами срубленныхъ березокъ. Онѣ стоятъ тутъ и Духовъ день и долѣе... Кромѣ того, березки получаются жителями въ церквахъ освященныя и кладутся въ домахъ за иконы, какъ вербы.

23-го Іюня. День этотъ отмѣчается *Агриппиною купальницею*.

Въ этотъ день, нарочно, многіе вытапливаютъ бани. Вымывшись и выпарившись въ нихъ вѣниками, идутъ къ рѣкѣ и мокрые вѣники бросаютъ въ воду. Замѣчаютъ при этомъ: если вѣникъ всплываетъ, то тотъ, кто бросилъ его настоящій годъ проживетъ здорово, а ежели вѣникъ утонетъ—то умретъ. (58 примѣта Силивер. № 44—1865 г. Губ. Вѣд.) Но случается, что если бани расположены около озеръ, то, оставляя въ сторонѣ стыдливость, всѣ моющіеся выходятъ нагіе и вѣники бросаютъ въ озеро, подобно тому какъ въ рѣки.

24 Іюня. Ивановъ день или Ивана-Купала, такъ называется день празднованія Рождества Св. Іоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня.

Въ ночь на сей день собираютъ цвѣты и травы.

Г. Вальневъ говоритъ, что собираніе травъ на Ивановъ день есть воспоминаніе языческаго празника богу Купалѣ, въ который славяне-язычники собирали травы, купались, зажигали костры и прыгали черезъ нихъ (Губ. Вѣдом. № 25—1865 г.). Намъ извѣстно, что у Славянъ Купала былъ богъ—плодородія, а Ладо богъ—жнивы и всякаго благополучія. Славяне дѣлали Купалѣ кумиры и имъ поклонялись.

Говорятъ, что кто въ ночь на 24 Іюня дождется того, какъ станетъ разцвѣтать папортникъ, тотъ получитъ огромнѣйшее счастіе.

Также разцвѣтаетъ на одну минуту въ Ивановскую ночь растеніе *разрывъ*. Кто успѣетъ его сорвать въ *полномъ цвѣту*, то ему не будетъ преградъ; когда онъ спрячетъ разрывъ въ разрѣзанную ладонь: *дочего лишь только дотронется, то и полетитъ прочь.*

Въ Ивановъ день ходятъ на воду кресты; этотъ день считается постнымъ, хотя бы праздникъ пришелся не въ понедѣльникъ, среду или пятницу. Въ народѣ есть пословица: *Иванъ постный укралъ день молочный.*

Въ Ивановъ и Ильинъ дни, по укоренившемуся обычаю, многіе ничего не работаютъ, и хотя нѣтъ престольнаго праздника—празднуютъ по обыкновенію.

Въ Ивановъ день особенно купаются въ рѣкахъ и купаютъ лошадей.

Петрово заговѣнье. Въ послѣднюю молочную субботу Петрова заговѣнья, т. е. въ предпослѣдній день межговѣнья, къ Петрову посту, по заходѣ (закатъ) солнца, въ ночь на Воскресенье, по обычаю издревле, въ деревняхъ почти всѣ жители варятъ и ѣдятъ во множествѣ куриныя яйца 29 Іюня. Въ Петровъ день духовенство получаетъ отъ прихожанъ ругу. Петровская руга состоитъ изъ масла и смѣтаны.

Богомолье.—Это есть особый отъ храмовыхъ праздниковъ праздникъ въ городѣ Пинегѣ. Такіе же праздники бываютъ и въ деревняхъ, но тамъ они не называются *богомольями*, а *гуляньями, игрищами, сборищами, кругами и праздниками.*

Въ г. Пинегѣ богомолье бываетъ въ первое воскресенье *Петрова поста.* Въ тотъ день бываетъ торжественное хожденіе съ хоругвями и иконами.

Праздники эти празднуются, какъ мы еще ранѣе замѣтили, по установленному издавна порядку въ окольныхъ мѣстностяхъ. Въ другихъ деревняхъ они приведены въ дни ихъ храмовыхъ праздниковъ.

На праздники эти съѣзжаются пировать мужики, бабы и дѣвки изъ очень дальнихъ деревень. Такъ напр. въ городъ пріѣзжаютъ на гуляньe и въ гости изъ Кулоя (за 55 в.) изъ Немнѣги (за 70 в.) Такая отдаленность здѣсь не составляетъ для туземцевъ большаго затрудненія.

Праздники эти отличаются трехдневною гулянкою. Тогда, сверхъ обыкновеннаго угощенія, гостей кормятъ: завтраками, обѣдами, паужинами и ужинами.

Вообще же въ лѣтніе праздники народъ, особенно молодежь, высыпаетъ на улицу толпами.

Въ богомолья, или просто въ лѣтніе праздники, дѣвушки (съ 16 лѣтъ) *водятъ круги*, т. е. *хороводы* (по туземному *карабады*), и играютъ въ другія игры.

Вообще увеселенія начинаются послѣ молитво-приношенія. Такъ: кругъ водится послѣ полудня перваго праздника. Въ остальное время трехдневнаго праздника, дѣвушки съ мущинами играютъ въ пары и столбами; въ первый день съ 8 час. вечера и до 4 утра, а въ другіе дни какъ отъ обѣда до паужны, такъ и съ вечера до утра.

Кругъ. Мѣсто, гдѣ играютъ на улицахъ лѣтомъ и водятъ круги, перемѣняется съ каждымъ праздникомъ, хотя бы деревня съ деревнею находилась бокъ о бокъ.

Въ теплую погоду собираются болѣе на холмахъ или на ровныхъ лугахъ, а въ дождливую собираются въ гумны. Обычай водить дѣвушками кругъ есть ни что иное, какъ выставка живыхъ вещей изъ сельскихъ произведеній на показъ публикѣ.

Кругъ водится ширинкою на самомъ незначительномъ пространствѣ, потому что огромное стеченіе зрителей мало по малу стѣсняетъ и заполоняетъ дѣвушекъ вокругъ въ непирокое мѣсто, такъ что едва только можно поворачиваться ходящимъ. Только энергическая баба или пьяный мужикъ иногда пособляютъ давать свободу кругу.

Во главѣ, вождемъ круга стоитъ дѣвушка, извѣстная своею непорочностію и богатствомъ родителей. Но и на это право установлены свои дѣвичьи правила; наприм: когда богомолье бываетъ въ городѣ, тутъ передовою дѣвушкою бываетъ не изъ городскихъ, а изъ какой нибудь деревни (напр. изъ Вонги), по преимуществу; горожанка же бываетъ первою въ деревнѣ (напр. въ Цимолѣ) и т. п.

Разставливаніе въ кругу дѣвушекъ, по степенямъ ихъ значенія и репутаціи, зависитъ отъ самихъ круговодницъ потому, что всякая знаетъ свою степень знатности, степень преимуществъ другихъ передъ нею и славу про себя.—За вождемъ конечно слѣдуютъ и войска. Такъ и тутъ весь женскій полкъ выступаетъ одна за другою скромно и безмолвно, безъ пѣсенъ, на извѣстномъ разстояніи вокругъ, т. е. взадъ и впередъ. Извѣстно уже положеніе женщинъ среди народа, и потому нѣтъ надобности распространяться о томъ, что для видимой скромности губы бываютъ сжаты, глаза безъ движенія, члены неповоротливые, станъ недвижимъ, поступь—льстиво рабская.... По приближеніи времени къ паужны круговоднацы уходятъ въ домы, а съ уходомъ ихъ удаляется и любопытный народъ, остаются только нѣкоторые мужики и парни. Съ окончаніемъ круга—мущины борются, а у замужнихъ бабъ заводится трактація о дѣвушкахъ; тутъ то и сплетни. Пошлыя сплетни, какъ и вездѣ, отъ нечего въ деревняхъ дѣлать — суть главная забава народа при встрѣчѣ и въ бесѣдѣ.

Извѣстно уже, что въ томъ обществѣ, гдѣ каждый знаетъ всѣ подробности жизни другаго, самыя незначительныя повидимому слова получаютъ большое значеніе.

Борьба. Мущины остаются послѣ круга для борьбы.

Забава у крестьянскихъ геркулесовъ состоитъ въ борьбѣ—*съ носка.*—

Борьба есть проба силы: два человѣка схватываются однѣми руками другъ за дружку, а другими за шиворотъ (за воротники верхней одежды), заносятъ назадъ ноги, барахтаются и расходятся. Но, почти всегда, тутъ же бываютъ и кулачные бои, оканчивающіеся тѣмъ, что у кого нибудь бываетъ *разбитъ въ кровь носъ*, у другаго подѣланы *подглазницы* или *подглазные фонари*, у третьяго разорвана хорошая бекешка, рубашка, выдраны волосы, нанесены увѣчья и т. п. послѣдствія.

Игра столбами. Игра эта проста и походитъ на игру въ *горѣлки*.

Становится въ обширный обозначенный кругъ человѣкъ двадцать парней и дѣвушекъ, которые расходятся по парамъ, одна отъ другой въ нѣкоторомъ разстояніи. Потомъ изъ каждой пары по очереди, выбѣгаетъ одинъ человѣкъ въ сторону по солнцу, приставая къ другой парѣ т. е. къ другому столбу, такъ чтобы безъ пропуска стать на свое мѣсто. Между тѣмъ, въ кругу бѣгаетъ парельщикъ, стараясь стать ранѣе кого нибудь на праздное мѣсто, т. е. къ тому столбу, который представляетъ одинъ только человѣкъ, за уходомъ другаго къ слѣдующему столбу и по неявкѣ новаго изъ предъидущаго столба. Если онъ успѣетъ занять чужое мѣсто, то и останется на немъ игрокомъ; неуспѣвшій же завладѣть тѣмъ мѣстомъ отправляется исполнять обязанность парельщика. При этой игрѣ поются пѣсни.

Игра въ пары. Состоитъ изъ очень простаго обыкновенія.

Дѣвица беретъ молодаго парня и становится на ряду съ нимъ, на удобномъ мѣстѣ, захватившись за его руку или за выкинутый имъ собственно для того платокъ; беретъ также и другая дѣвушка, другаго парня, третья, четвертая и т. д. и всѣ становятся въ парную ширинку.

Между тѣмъ, одинъ мущина съ названіемъ *парельщика*, становится поодаль глазами противъ нихъ, иногда съ свитымъ платкомъ.

Устроившись такимъ образомъ, первая пара изъ строя, т. е. первая молодежь и дѣвушки выходятъ, и разцѣпившись, разбѣгаются по разнымъ направленіямъ. Тогда то стараются быть по прежнему парою, но лишній мущина въ туже пору препятствуютъ этому, бѣгая и стараясь поймать дѣвушку.

Если дѣвушку рабитъ (поймалъ, догналъ, дотронулся) тотъ мужчина, который стоялъ съ ней парою ранѣе,—то они снова становятся въ строй, только не напередъ прочихъ уже, а назади ихъ.

Если же урабитъ дѣвушку парень-парельщикъ, то уже этотъ и становится съ нею парою, а обзѣвавшійся идетъ париться.

Затѣмъ, съ такимъ же обыкновеніемъ выходитъ другая пара по порядку, третья и проч., пока не прекратится игра, т. е. не перестанутъ играть этою игрою.

Если молодцевъ бываетъ въ игрѣ мало противъ дѣвушекъ, то ихъ въ парахъ и парельщикахъ замѣняютъ наличныя дѣвушки.

Сверхъ храмовыхъ и нехрамовыхъ праздниковъ, въ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда празднуются такъ называемые *кануны*.

Они празднуются въ переходное время. Такъ: 21 іюня въ Соялѣ; 24 іюня въ Чушелѣ; 24 іюня въ Гбачѣ; 29 іюня въ Вонгѣ; 9 іюля въ Цимолѣ; 10 іюля въ Великомъ; 19 іюля въ Кулогорахъ; 20 іюля на Оленаевѣ.

Кануны посвящаются болѣе угодникамъ Божіимъ: Николаю чудотворцу, великомученику Георгію, Иліѣ пророку, Іоанну Предтечи, Флору и Лавру и проч.

Празднованіе кануновъ въ деревняхъ установлено съ давнихъ временъ по обѣтамъ, даннымъ предками въ бѣдственныя у нихъ времена и въ память чрезвычайныхъ случаевъ или происшествій: мора людей, падежа скота, необыкновеннаго нашествія медвѣдей, волковъ или другихъ хищныхъ звѣрей, ужасныхъ пожаровъ, гибельныхъ урагановъ, совершеннаго побитія хлѣбовъ и др. Но во многихъ деревняхъ забыты преданія въ память чего празднуются ими кануны.

Въ дни кануновъ носятся изъ приходскихъ церквей въ празднующія деревни хоругви и иконы. Тогда дома, поля, пожни и скотъ окропляются св. водою.

Кануны импровизируются не всегда каждымъ домохозяиномъ въ деревнѣ особо, а цѣлою общиною деревни въ чьемъ-либо домѣ.

Это бываетъ поочередно, или и не по очереди, а съ добраго согласія крестьянина, который можетъ имѣть средства. Въ такой домъ приносятъ изъ всей деревни матеріалы и изъ складчины этой варится довольно пива.

Составивъ братчину, пиво изъ *братыньки*, а вино изъ рюмокъ и *оловянниковъ* (стакановъ) въ канунъ же распивается въ томъ домѣ.

Въ этомъ участвуютъ только старые и пожилые мущины и женщины. Люди эти, угостившись вдоволь, захватившись рука за руку выходятъ на улицу, шляются мимо домовъ до вечера и напѣваютъ монотонныя, заунывныя, русскія пѣсни; разумѣется, охмѣлѣвшіе шатаются то въ ту, то въ другую сторону.

18 іюля. День Фролу и Лавру, называется *конным праздникомъ*. Въ этотъ день не работаютъ на лошадяхъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ празднуютъ по обыкновенію.

20 іюля. Ильинъ день. Въ этотъ день бываетъ торжественное хожденіе со крестами по нивамъ и лугамъ.

1 августа. Спасовъ день. Бываетъ крестный ходъ на Іорданъ.

Въ этотъ день купаютъ въ рѣкахъ лошадей и особенно водятъ ихъ къ рѣкамъ на пойло.

8 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. День этотъ замѣчается срокомъ работниковъ, нанимающихся съ *Прокопьева дня*.

1 октября. Покровъ (Пресвятой Богородицы). Въ этотъ день кончается срокъ работницамъ.

Около Покрова покрываются иногда льдомъ рѣки. Тогда перевозчики въ деревняхъ ходятъ поздравлять народъ со льдомъ.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы бываетъ необыкновенное стеченіе дѣвушекъ къ слушанію литургіи. Въ моленіи онѣ произносятъ особую молитву: *Пресвятая Богородица! покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ.* Объ этомъ же молятся на сей день *всю коченьку на полетѣ*!

Съ Покрова начинаются *вечеринки*.

Вечеринки называются *вечеренками* и *пиршествами* (сходбищами).

Они устраиваются въ зимніе вечера, въ межговѣнья (не посты) съ Покрова до Филиппова поста и съ Рождества до Великаго поста. Собираются въ домахъ, принадлежащихъ одинокимъ старухамъ, или бѣднымъ поселянамъ за нѣкоторую плату. У зажиточныхъ въ домахъ не дозволяется *собирать вечеринокъ* потому, что допустить это—значитъ впустить въ домъ нечистую силу на три года (62-я примѣт. Селиверст.).

Вечеринки бываютъ въ дни. понедѣльникъ (если только бываетъ праздникъ), вторникъ, среду (въ праздникъ) и въ воскресенье.

Вечеринки собираютъ по большей части молодыя ребята, дѣлая на уплату денегъ за наемъ квартиры и за нѣсколько свѣчъ *складчину*, т. е. сборъ на расходы, но иногда собираетъ на свой счетъ молодецъ.

Чтобы пришли на вечеринки дѣвушки, посылаются съ приглашеніями малыя ребята зазывать или заколачивать (оглашать). Молодцевъ не заколачиваютъ: они должны, какъ говорится имъ, *сами знать по духу*.

Сходятся на такой сельскій вечеръ около 6-ти часовъ по полудни, а расходятся въ 12, въ часъ, въ два, и три часа по полуночи.

Свѣчи становятся на грядки въ видѣ люстръ.

Игра парами на вечеринкахъ. На вечеринкахъ поютъ и ходятъ парами. Дѣвушка приглашаетъ въ первыхъ. Она приглашаетъ молодца знаками, указывая на него рукою или платкомъ; впрочемъ *зоветъ* (предлагаютъ) и словами, называя кавалера по имени и отчеству.

Игра въ сосѣди. На вечеринкахъ играютъ еще сосѣдями. Въ эту игру играютъ или особенно или же и въ ту пору, какъ играютъ въ короли (будетъ послѣ сказано). Всѣ сидятъ по лавкамъ; только одинъ, или одна ходитъ по полу. Этотъ спрашиваетъ по порядку каждаго сидящаго: *любъ-ли сосѣдъ*, или *люба-ли сосѣдка?* Если кто либо можетъ сказать: *нелюбъ*, или *нелюба*, продолжаетъ вопрошать: *кто по нраву?* По указанію отвѣчающаго, спрашивающій призываетъ садиться подлѣ желавшаго. Самъ парельщикъ садится на мѣсто отозваннаго, а отозванный заступаетъ мѣсто парельщика.

«О вечеринныхъ пѣсняхъ и обыкновеніяхъ, была приготовлена статья Г. Селиверстовымъ; по этому я мало собиралъ свѣдѣній о нихъ. Такъ какъ статья его не вышла изъ печати, то можно обратиться прямо къ нему. На сколько я знаю, прибавляетъ г. Ивановъ, Г. Селиверстовъ, старательно собиралъ полныя свѣдѣнія».

Впрочемъ, мы помѣщаемъ слѣдующую пѣсню:

У воротъ, у воротъ,
Да воротъ у батюшкиныхъ,
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Воротъ батюшкиныхъ,
Да воротъ матушкиныхъ,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть украдуся,
Да нагуляюся,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
А что струна-то говоритъ,
Да мнѣ жениться велитъ,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Мнѣ жениться, разгориться,
Да стару вдовушку взять,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Стару вдовушку взять,
Да на печи въ углу держать,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
На печи въ углу держать,
Да киселемъ ее поить,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть во корень разгорюсь,
Да на вдовушкѣ не женюсь,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть въ растяжку повалюсь,
Да на вдовушкѣ не женюсь,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай.

(Конца этой пѣсни нѣтъ оттого, что я слышалъ ее только одинъ разъ и безъ окончанія).

Игра веревочкою. На вечеринкахъ не всегда играютъ ходя только парами и сосѣдями, а водятъ веревочку.

Гуляя веревочкою—ходятъ круто, взявшись рука за руку каждый играющій по порядку; тутъ ходятъ всѣ,

а не нѣкоторыя. Кругъ этотъ водится хитростными извилинами. Поводя его, первые постепенно отстаютъ отъ веревочки и садятся. Но когда такъ отцѣпится много, тогда берутся въ игру снова сидящіе, хотя бы они уже прошлись нѣсколько разъ.

Веревочка иногда составляется столь огромная, что бываетъ играющимъ тѣсно въ избѣ, и потому если нѣтъ другой комнаты въ смежности съ избой, толпа тянется въ сѣни, изъ сѣней въ избу, изъ избы въ сѣни и т. д.

Пѣсни при этой игрѣ поются вечериночныя обыкновенныя; но есть и особая на тотъ случай пѣсня:

Ужъ я улчкомъ шла,
Да переулчкомъ шла,
Клубокъ ниточекъ нашла,—
А клубокъ катится,
Да нитка тянется,
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Нитка долѣ, долѣ, долѣ,
А я за ниточку взялась;
Моя нитка сорвалась.

При послѣднихъ словахъ отцѣпляются по одиночкѣ.

Еще играютъ иначе. Куча собравшихся молодцевъ и дѣвушекъ раздѣляется на двѣ стороны; на каждой сторонѣ бываетъ по ровну человѣкъ; всѣ они, каждый въ своей партіи, цѣпляются цѣпью рука подъ руку. За тѣмъ сторона къ сторонѣ поперемѣнно подходитъ, кланяясь, и поетъ пѣсню:

1-я сторона идетъ къ другой, которая стоитъ въ ожидательномъ положеніи.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой ди *) младо, сѣяли, сѣяли,

Сказавъ, 1-я сторона ретируется обратно вспять. 2-я сторона подходитъ къ 1-й, которая стоитъ въ строю, выслушивая:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой ди младо, вытопчемъ, вытопчемъ,

Сказавъ, 2-я сторона уходитъ на свое мѣсто.

1 со 2-й Да чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой ди младо, вытоптать, вытоптать?
2—1. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой ди младо, выпустимъ, выпустимъ,
1—2. А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой ди младо, переймемъ, переймемъ,
2—1. Да чѣмъ же вамъ перенять, перенять,
Ой ди младо, перенять, перенять?
1—2. А шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой ди младо, поводомъ, поводомъ.
2—1. А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой ди младо, выкупимъ, выкупимъ.
1—2. Да чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой ди младо, выкупить, выкупить?
2—1. А мы дадимъ сто рублевъ, сто рублевъ,
Ой ди младо, сто рублевъ, сто рублевъ.
1—2. А намъ не надо тысячи, тысячи,—
Ой ди младо, тысячи, тысячи.
2—1. А мы дадимъ молодца, молодца,
Ой ди младо, молодца, молодца.
1—2. А намъ не надобно молодца, молодца,
Ой ди младо, молодца, молодца.
2—1. Да что же вамъ надоть-то, надоть-то,
Ой ди младо, надоть-то, надоть-то?
1—2. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой ди младо, дѣвицу, дѣвицу.—
2—1. Объ этомъ и слова нѣтъ, слова нѣтъ,
Ой ди младо, слова нѣтъ, слова нѣтъ.

(Между этимъ уходитъ дѣвица отданная, а иногда и не одна, т. е. сколько просятъ).

1—2. А мы скакали, скакали,
Ой ди младо, скакали, скакали;
2—1. А о чемъ же вы скакали, скакали,
Ой ди младо, скакали, скакали?
1—2. А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой ди младо, прибыло, прибыло.
2—1. А мы плакали, плакали,—
Ой ди младо, плакали, плакали.
1—2. А о чемъ же вы плакали, плакали,
Ой ди младо, плакали, плакали?
2—1. А нашего полку убыло, убыло,
Ой ди младо, убыло, убыло.

По окончаніи такой сценической комедіи должно быть древняго творенія, молодцы выбираютъ дѣвушекъ для паръ и всѣ кружатся то въ ту, то въ другую сторону; но танцы эти бываютъ не всегда. Порядокъ и конецъ много однообразенъ съ игрой при пѣсни: *жолуй*. Если еще такая игра продолжается, то сѣютъ и даетъ выкупъ прежняя 2-я сторона, и получаетъ 1-я.

Бесѣды. Бесѣды собираются въ домахъ въ тоже зимнее время, когда бываютъ вечеринки. Бесѣды или дневныя вечериньки собираются тогда, когда нельзя играть на вечеринкахъ по вечерамъ; такъ напримѣръ: случись въ пятницу праздникъ, въ пятницу бываетъ вечерняя вечеринка, въ субботу—дневная, а въ воскресенье—опять вечеромъ. Игры и пѣсни въ дневныя вечеринки тѣ же, какія и на вечеринкахъ по вечерамъ.

28 Октября. День св. Параскевы нареченной пятницею. Въ день этотъ, какъ и въ Покровъ Пресвятыя Богородицы, собирается въ церковь къ литургіи много дѣвушекъ.

*) Должно быть, испорченныя слова: Дидъ и Ладо, языческіе боги.

Св. Великомученицѣ Параскевѣ посвященъ предѣлъ церкви Валдоскурскаго прихода; тамъ бываетъ большое стеченіе народа въ престольный праздникъ. Любопытнаго немедленно поразитъ удивленіемъ скопище въ церкви дѣвицъ. Дѣвушки молятся между прочимъ: *Св. Параскевея, пошли жениха поскорье,* или: *Пятница-Параскевея! пошли женихи поскорье.*

Въ продолженіе Филиппова поста, съ 15 ноября по 25 декабря чуть не каждый день бываютъ: *посидки*, такъ называются *супрядки* или *посидѣлки*.

Посидки бываютъ въ каждой деревнѣ особо. Тутъ дѣвушки, а бываетъ что и замужнія женщины, сходятся съ работою вѣроятно для веселья, кто прясть, кто шить, кто вязать; но и молодцы къ нимъ приходятъ. На посидкахъ не бываетъ тѣхъ увеселеній, какими сопровождаются вечеринки въ межговѣнья. На нихъ уже не играютъ и не поютъ вечериночныхъ пѣсенъ. Дѣвушки тутъ бываютъ заняты работою, а молодцы, пошучивая между прочимъ съ ними, ведутъ *промежду собой заговоры о разныхъ разностяхъ,* разсказываютъ сказки, тянутся палкою, выводятъ петлю изъ пожницъ и проч.

Г. Силиверстовъ вообще собираетъ всякія народныя пѣсни и вѣроятно написалъ и обыкновенія, я же бывалъ на посидкахъ мало.

Но однако-жъ изъ-за работы дѣвушки и парни играютъ *въ короли*.

На стулья, или на неподвижныя скамейки, садятся въ кружокъ, сколько бы захотѣло поиграть молодцевъ и дѣвушекъ, придвинувшись другъ къ дружкѣ.—Который или которая нибудь во первыхъ кладетъ свою правую руку на свое или чужое колѣно. За ней, или за нимъ, кладетъ свою руку другой, или другая на верхъ, и за ними и всѣ прочія, все на верхъ, выше и выше. Наконецъ, когда складутъ свои ладони рука на руку всѣ участвующіе въ этой забавѣ, нижняя рука должна выбраться изъ подъ низа и полагается наверхъ. Затѣмъ, также, выходитъ наверхъ другая, третья и выбираются такъ вся колода рукъ.

При этомъ считается: перва, друга и т. д. до числа десяти; при выговорѣ же 10 и при перемѣнѣ десятой руки, выговоръ смѣняется счетомъ: нижня, задня, верхня, краля, король. При послѣднемъ словѣ тотъ или та признается за короля, а остальныя получаютъ приказанія его, что либо дѣлать. Такъ наприм. парню прогуляться нѣсколько разъ по полу взадъ и впередъ съ назначенною дѣвушкою; другому король велитъ поцѣловать такую-то дѣвушку; иной приказываетъ подрать за ухо или за волосы какого нибудь молодца; или: молодцу велитъ поклониться къ ногамъ дѣвушки и т. п.

Разумѣется, потѣшныя выдумки ложнаго короля исполняются въ точности, иначе виновный въ ослушаніи отрѣшается отъ компаніонства. Мнѣ случилось видѣть такія выходки въ приказаніяхъ, какъ напримѣръ: королева говорила другой рабѣ—достать пупомъ потолокъ; король приказывалъ одному парню привезти сорокъ-сороковъ воды, и исполнитель по этому дѣлалъ скрипъ телѣги подъ тяжестію бочки съ водою своимъ ябомъ, по неровной бревенчатой стѣнѣ избы, сорокъ разъ; или: королева секретно приказывала спросить (у такого-то) не любитъ ли онъ (такую-то?)

При перемѣнѣ складочныхъ рукъ существуетъ такое обычное правило, что если человѣкъ, чья рука получила призъ короля, тою же рукою прихлопнетъ прочія руки, т. е. уже въ излишкѣ положитъ ее въ кучу, то въ ту же минуту лишается полученнаго званія, а имъ пользуется слѣдующій.

Когда желающихъ потѣшаться игрою въ короли бываетъ мало, то въ такомъ случаѣ изъ состязателей на верховное величество употребляютъ каждый обѣ свои руки въ кучу другихъ.

Но когда желающихъ бываетъ много, тогда игра въ короли разводится на нѣсколько особняковъ.

Исполненіе этой игры существуетъ впрочемъ иногда и на вечеринкахъ между тѣми, которыя не водятъ паръ.

Вмѣсто пѣсенъ, на супрядкахъ припѣваются стихосплетенія тутъ же посидѣлокъ; каждая изъ нихъ представляетъ свое двустишіе.

Собраніе такихъ стишковъ есть немалое счастіе этнографу. Они ясно показываютъ то, какъ думаютъ одни о другихъ и какіе, по ихъ разумѣнію, нужно принимать мѣры съ порочными, строптивыми уродинами. Одинъ изъ такихъ стиховъ мы сообщаемъ здѣсь.

Стихъ.	Объясненіе.
Ивану коромысло, Жена его не корыстна.	Назначается такой бабѣ только носить лохани къ скоту и обряжаться съ нимъ.
Александру палка, Жена его бахвалка.	Указывается мѣра: за бахвальныя слова бить и колотить.
Прокопью плеть, Жена его блѣдь.	Изъ пѣсни слова не выбросишь, говорится къ тому, что прибрать покрѣпче къ рукамъ невѣрную союзу.
Кузьмы-то ларь, Жонка враль.	Забывать все, что жена вретъ мужу.
Алексѣю-то мушка, Жена его чернушка.	Обращаться снисходительно, какъ съ существомъ небольшимъ.

Михаилу безъ ушка, Жена его навязушка.	Упрекъ мужу, что онъ не слышитъ и не знаетъ о развратномъ поведеніи жены.
Митрею туасъ, Жена его урасъ.	Урасъ значитъ упрямство со вспыльчивостію или капризъ. Велится взять туасъ холодной воды и обмыть его.
Затѣю хлѣвецъ, Онъ ходитъ вдовецъ.	Тутъ уже понятно безъ объясненія.
Меркурью-то дорога, Жена его чернонога.	Насмѣшка надъ нерятествомъ. Говорится мужу сдѣлать для жены дорогу, чтобы она непачкала свои ноги.
Матюшкѣ борона, Жена его мудрена.	Изъясненіе, что съ благоразумiемъ жены отлично повелось хозяйство.
Семену-то доска, Жена его баска.	Срисовать портретъ красавицы и любоваться имъ.
Федору лопата, Жонка горбата.	Совѣтуютъ быть женѣ за печью, гдѣ лопаты и проч. или очищать лопатою грязь въ хлѣву.
Евдокиму осока, Жонка предъ нимъ высока.	Сравненіе: если мужъ зайдетъ въ осоку, то жена не увидитъ его.
Ефрему три пилы, Жена до кiлы.	Даютъ совѣтъ употребить жену въ пилованье, потому что ей не нужно сгибаться.
Григорью-то колодка, Жена такъ молодка.	Желаютъ ему такихъ же хорошихъ дѣточекъ, какъ хороша жена.
Трофиму-то два куба, Жена толстогуба.	Отнять губы и въ каждый кубъ положить по одной; думаютъ, что изъ нихъ наварится много щей.
Василью панюжало, Жена убѣжала.	Наказать еще, чтобъ не убѣгала болѣе.
Алексѣю-то дуга, Жена его слуга.	Т. е такая добрая и послушная, что запрягай ее мужъ въ сани и она будетъ таскать.
Дорофею хрѣнъ, Жонка его дрень.	Указывается средство вывести жену изъ неповоротливости въ живость.
Никифору ремень, Жена его лѣнь.	Понуждать къ трудамъ пословица: лѣнь за ремень.
Екиму краюха, Жена толстобрюха.	Говорится объ обжорствѣ жены. *)
Ефиму топорище Жена ворища.	Болѣе ничего уже не дѣлать, хоть отправить на тотъ свѣтъ.
И проч. и проч.	

6 декабря. Никола-зимній. Около этого времени бываетъ въ г. Пинегѣ Никольская ярмарка. На ней закупаются *обновы*, чтобы прибаситься о великомъ праздникѣ Р. Х. Болѣе всего на этотъ счетъ претензій у женщинъ.

Съ ярмарочнаго времени женщины бываютъ заняты шитьемъ. За четыре или за три дня до Рождества начинается уже обыкновенный домашній обиходъ.

25 декабря. Рождество Христово. Къ Рождеству: 1) стряпаются изъ ржанаго тѣста хозули (козули); изображаютъ овецъ съ рогами и безъ роговъ, коровъ, оленей съ вѣтвистыми рогами, 2) болванятъ изъ тѣста уточки въ видѣ куръ, 3) стряпаютъ, или покупаютъ крупичатые витушки и денежные калачики; тѣ и другіе формою похожи на человѣческій пупъ. Въ народѣ водится прибаутка, должно быть перечетъ забытаго порядка празднованія: *Рождество на Матигорахъ (въ Холмогорскомъ уѣздѣ) Рождество на Пильгорахъ, Рождество на Марьегорахъ, Рождество на Шетогорахъ, Рождество на Кулогорахъ.*

Канунъ перваго дня праздника Р. Х. называется *сочельникомъ* 24 декабря, тогда многіе не вкушаютъ ни хлѣба, ни соли до *вечерней звѣзды*. Должно быть это соблюдается въ память звѣзды, явившейся волхвамъ, по которой они нашли лежащаго въ Виѳлеемскихъ яслiяхъ Іисуса Христа.

По какому-то предубѣжденію слушать Божественную службу во время утрени о Р. Х. не ходятъ дѣвушки. Въ три дня, посвящаемые празднеству, на церковныхъ колокольняхъ звонятъ въ колокола.

Въ Рождество Христово священники ходятъ по домамъ съ освященною водою. Въ праздникъ этотъ у жителей есть обыкновеніе дарить работниковъ и работницъ платками, или ситцами на рубашки и на платья. Работницъ дарятъ еще при отелѣ коровъ.

Нѣкоторые полученныхъ козуль не ѣдятъ отъ *Рождества до Рождества*. На другой годъ, въ первый день Рождества, ихъ съѣдаютъ *наголодно*, какъ бы просфоры.

Какъ въ первый, такъ и въ слѣдующіе дни Рождества Христова до *Новаго года славятъ Рождество*. Славить Рождество было въ обычаѣ еще въ XVII вѣкѣ. Петръ 1-й самъ ѣздилъ *славить Христа*. *Славленье* онъ обратилъ въ лицедѣйство для осмѣянія обычаевъ

*) Вообще въ крестьянскомъ быту считается, и въ дѣвическомъ состояніи особенно, нехорошимъ ѣсть столько, сколько требуетъ желудокъ по аппетиту.

старины. *Славить* Рождество ходятъ изъ дома въ домъ мальчики и дѣвочки богатыхъ и бѣдныхъ родителей. Они такъ бываютъ рады этому празднику, что еще до отхода утрени толпами и съ мѣшочками въ рукахъ бросаются подъ окна домовъ съ своимъ *лекоченьемъ;* послѣ же литургіи *христославцы* славятъ *не по подоконьямъ*, а въ домахъ или сѣняхъ. Славятъ Рождество или просто безо всего, или со звѣздою. Если ходятъ безъ звѣзды, то поютъ: «*Рождество Твое Христе Боже нашъ*» и «*Дѣва днесь*». По окончаніи этихъ церковныхъ пѣсенъ прибавляется прибаутка: «*хозяина съ хозяюшкой съ праздникомъ, — рюмку вина, да пива стаканъ,*» или «*господину нашему да пріятелю, да дателю, да подай ему Господь-Богъ много лѣтъ на здравье со всѣмъ благодатнымъ домомъ,— будь же здоровъ, вамъ многа лѣта*». Когда все это перечитывается круто и въ хорѣ ребятишками, нѣтъ возможности разобрать, что такое они поютъ, потому что все сливается въ одну общую дисгармонію.

Звѣзда дѣлается изъ палокъ, бумаги и слюды. Въ срединѣ бываетъ склееный изъ бумаги кругъ, въ которомъ бываютъ и зажигаются восковыя свѣчи. Отъ круга протянуты по тонкимъ палкамъ *рожки* (лучи). Для украшенія звѣзда оклеивается цвѣтами разновидною бумагою, и даже отъ конфетъ. Звѣзда прикрѣпляется къ большой палкѣ, такъ что она прикасается пола, на которой обращается около освѣщеннаго круга, отъ движенія руками, дѣлаетъ безпрестанные обороты, за которыми освѣщаются пустые внутри изъ бумаги рожки, и представленіе выходитъ привлекательное. Со звѣздою христославцы поютъ хоромъ рождественскіе гимны: «*Рождество Твое*» «*Дѣва днесь*» и странно риѳмованную прозу: «РАЧЕЯ,» вотъ она:

«Изыде звѣзда отъ Іакова, свѣтъ возсія отъ Израиля,— Дѣва Бога раждаетъ, ангели удивляются, Персидстіи цари дари приносятъ, избранному младенцу поклоняются;— онъ съ небесъ сходитъ, небесныхъ возводитъ—возрадуемся! Народился нашъ Спаситель, всему міру искупитель, пойте, воспойте лики во вѣки, торжествуйте, ликоствуйте, возликуйте, воспѣвайте, возыграйте!»

«Пророки предъувѣданы суще клятвы; во вселенной днесь, прежде вѣкъ, се Богъ-человѣкъ воплотися, родися, во плоти явися и во ясляхъ сповися. Звѣзда глянетъ отъ востока на рожденнаго пророка,—тріе цари преблагіе дари во смиренному даютъ, цѣнны пребогато. Отецъ будущаго вѣка, пришелъ спасти человѣка,—днесь прежде вѣкъ, сей Богъ-человѣкъ, воплотися, родится, во плоти явися и въ ясляхъ сповися. Достойно есть удивленію и духовному веселію: нынѣ на небеси звѣзда явися, паче свѣтъ свѣта произвѣщаетъ, нашего Бога на землѣ проявляетъ, яко дождь на руку—тако да снидетъ смиренный Христосъ, на землю пріидетъ, днесь соП речистою Дѣвой Маріей,—родился яко младенецъ, пеленами сповиванъ,—горніи чини дивятся, земнородніи человѣцы о томъ веселятся; мы же вкупѣ возрадуемся.—День Христова рожденія, веселимся здѣсь, благодать вездѣ, Хвала Богу! печи наши полны.—На звѣзды ангелъ-пастырь возвѣстилъ нарожденнаго, Бога нашего, царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ, младенцевъ побилъ. Они бились и ругалися, яко убійцы, злы разбойницы: кличутъ дѣтки, плачутъ матки, яко насмѣшницы; отъ персей ихъ отрывали;—волосы дерутъ, малыхъ не даютъ. Гласа въ небѣ испугались, сердечно кричали. Новая радость во всемъ мірѣ! намъ явися, Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи, въ вертепѣ родися; родился тамъ—ангели на небесѣхъ дивятся, дивятся; земнородни же человѣцы о томъ веселятся, веселятся; вкупѣ радуются; мы же тако вопіемъ вѣрнымъ Отцомъ:—Слава въ вышнихъ Богу, мы же вопіемъ: торжествуйте, славу Богу дайте, воспѣвайте, возыграйте».

«Дай Богъ вамъ, господамъ, господиновымъ женамъ вообще-купно здравствовать. Виватъ, виватъ! многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта».

«Маленькій юночикъ, отъ Пречистой Дѣвы Маріи воспѣвочикъ... Былъ я во градѣ Виѳлеемѣ, видѣлъ я чудо великое: Ангели на небѣси возгремѣли; съ этого грому надъ на землю, не могъ я встати, по дорогѣ убѣжати. Вы, господа, подивитеся; златомъ, серебромъ, подѣлитеся.—Маленькій отрочекъ, Божій червячекъ, книгъ я не знаю, читать не разумѣю; я не для того пришелъ, а Христа прославить, васъ проздравить, съ честнымъ вашимъ домомъ, благодатнымъ родомъ, съ всѣми дѣточками, голубяточками, какъ хозяинъ въ дому, да такъ, Адамъ въ раю, а хозяйка въ дому, да какъ аладья на меду. Виватъ! виватъ! многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта».

Со звѣздою ходятъ и днемъ, и по вечерамъ. Съ нею ходятъ человѣка по три и по четыре; но, если звѣзда очень замѣчательна по своей величинѣ, устройству и много въ ней слюды, то къ ней причисляется человѣкъ до десяти взрослыхъ парней.

Выславленное партіи христославцевъ дѣлятъ между собою уравнительно, давая пай дѣлежа болѣе тѣмъ, кто дѣлалъ звѣзду, кто доставлялъ на постройку ея матеріалы, кто носилъ ее въ славленьи, кто былъ мѣхоношей, т. е. *казначеемъ*, или завѣдывающимъ общею кладью и кто былъ лучшимъ запѣвалою.

Христославцамъ подаютъ христославное: ржаныя казули, крупичатые и ржаные калачи, витушки и пряники, а также: всякія пиньги, муку и деньги. Бываетъ, что одна партія со звѣздою насбираетъ въ день денегъ до 4-хъ руб. сер.

Славить по домамъ ходятъ еще старики и старухи. Кромѣ церковныхъ пѣсенъ, они поютъ стихъ:

«ВИНОГРАДЬЕ».

Какъ у свѣта у Михаила Архангела
На правомъ крилосѣ
Передъ чудными святыми передъ образами
Горятъ свѣщи воску яровыя,
Тутъ стоитъ богомолецъ
Со слезами Богу молится,
И этому молодцу дивовались господа,
Кто его молодца на свѣтъ породилъ,
Кто его молодца споилъ и вскормилъ,
Кто этому молодцу голову чесалъ,
Кто ему кудри завивалъ,
На первый рядъ чистымъ серебромъ,
На второй рядъ краснымъ золотомъ,
А на третій рядъ скатнымъ жемчугомъ.
Не утренняя-ли заря породила молодца?
Не красное-ли солнышко вспоило, вскормило?
Не ясный-ли мѣсяцъ вылелѣялъ его?
Не часты-ли звѣзды, кудри завивали?
Не вечерняя-ли заря пріукрасила его?
Вышелъ молодецъ на улицу гулять,
Дивовались его красотѣ господа и крестьяне,
Отвѣчаетъ добрый молодецъ:
Глупы вы крестьяне, а неразумны господа!
На свѣтъ породила меня матушка,
Воспоилъ и вскормилъ родной батюшка,
Голову чесала красна-дѣвица,
Красна дѣвица родна сестра,
На первый рядъ завивала кудри родна сестра,
На первый рядъ завивала чистымъ серебромъ,
На второй рядъ краснымъ золотомъ,
На третій рядъ скатнымъ жемчугомъ,
А платья заводилъ самъ на себя.

—

По морю, морю Синему, по Хвалынскому,
Выходило, выплывало 30-ть черныхъ кораблей съ однимъ кораблемъ.
Какъ одинъ же корабль напередъ выходилъ,
Напередъ забѣгалъ, какъ соколъ леталъ,
Онъ хоботы бросаетъ по змѣиному,
У корабля бока сведены по туриному,
Носъ да корма, по звѣриному,
Мѣсто же по камешку драгоцѣнному,
Мѣсто бровей у корабля по соболю по сибирскому,
На кораблѣ бесѣда пріукрашена,
Пріукрашена бесѣда рытымъ бархатомъ,
Приколочена бесѣда золотымъ звѣздьемъ,
Покрыта бесѣда чистымъ серебромъ,
Позолочена бесѣда краснымъ золотомъ,
Пріувѣшена бесѣда скатнымъ жемчугомъ.
На этой бесѣдѣ добръ удалъ молодецъ,
Добръ удалъ молодецъ, Петръ Савичъ,
Во правой рукѣ держалъ булатный ножъ,
Въ лѣвой держалъ кипарисъ деревцо,
Онъ стружечку строгалъ во синее море,
И уронилъ П. Сав. златъ перстень съ правой руки
Съ небольшаго пальчика мизинчика,
Закричалъ П. С. громкимъ голосомъ своимъ:
Есть ли при мнѣ слуги вѣрные мои?
Опускайте парусы полотнянные,
Берите якори булатные,
Опускайте въ сине-море,
Берите сходную дубовую,
Опускайте на желты пески,
Выходите по сходенкѣ на круту гору,
На круту гору, къ моему батюшкѣ въ высокъ теремъ,
Попросите у батюшки шелкова невода.
Не ослушались друзья, братья, товарищи его,
Опускали парусы полотняные,
Брали якори булатные,
Опускали въ сине-море,
Брали сходенку дубовую,
Бросали сходенку на желты пески,
Выходили по сходенкѣ на круту гору
Къ его, моему батюшкѣ, N N въ высокъ теремъ,
Попросили у него шелкова невода,
Притянули неводъ къ синему морю.
Приказалъ П. С. закинуть тони рыбныя,
Первую закинулъ—нѣтъ ничего,
Другую закинулъ—и. не выволокли,
А третью закинули и выловили три рыбицы златоперчатыя,
Перва рыбица въ пятьсотъ рублей,
Втора рыбица во тысячу,
А третья рыбица—цѣны ей нѣтъ.
Обцѣнщики каменной Москвы и въ славномъ Питерѣ,
А закупщики въ Архангельскомъ и славныхъ Холмогорахъ.
Перва рыбица батюшка,
Втора рыбица матушка,
Третья рыбица Петръ Савичъ
У Пѣлехова въ дому моюжкахъ,
Во высокомъ терему,
На имя молодецъ, П. С. соколъ.
Затѣмъ этому молодцу
На житье, на бытье и на богатство—
Полтораста коровъ и полтретья быковъ,
Они на пойву идутъ помыкиваютъ,
Съ пойвы идутъ поигрываютъ,

Дай Богъ господину Петру Савичу
На житье, на бытье и на богатство.

—

У Николы во соборѣ,
У Святителя Христова,—
Виноградье красно-зеленое.
Со слезами богомолецъ
Богу молится стоитъ,—
Виноградье красно-зеленое.
Въ три ряда кудри
Завивались на главѣ,—
Виноградье красно-зеленое.
Въ первый рядъ завивался
Чистымъ серебромъ,
Виноградье красно-зеленое.
Во второй рядъ завивался
Краснымъ золотомъ,—
Виноградье красно-зеленое.
Въ третій рядъ завивался
Сжатымъ жемчугомъ;—
Виноградье красно-зеленое.
По праву руку стоятъ друзья,
Братья, товарищи его,—
Виноградье красно-зеленое.
Друзья, братья
Товарищи его, дивовалися кудрями;—
Виноградье красно-зеленое.
Не утрення-ли заря
Спородила молодца?—
Виноградье красно-зеленое.
Не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ
Воспоилъ да воскормилъ?—
Виноградье красно-зеленое.
Не часты ли мелки звѣзды
Возлелѣютъ молодца?
Виноградье красно-зеленое.
Спроговоритъ, смолвитъ
Удалой молодецъ,—
Виноградье красно-зеленое.
Да еще имя-то
Прокопій Алексѣевичъ,
Виноградье красно-зеленое.
Когда же утрення заря
Спородитъ молодца?—
Виноградье красно-зеленое.
Когда же свѣтелъ мѣсяцъ
Воскормитъ да вспоитъ?—
Виноградье красно-зеленое.
Когда же мелки звѣзды
Взлелѣютъ молодца?—
Виноградье красно-зеленое.
Спородила молодца
Родна матушка,—
Виноградье красно-зеленое.
Воскормилъ да воспоилъ,
Родной батюшка;—
Виноградье красно-зеленое.
Возлелѣютъ молодца
Да родны сестрицы,—
Виноградье красно-зеленое.
Затѣмъ бы-те Прокопьюшко
Жениться здорово,—
Виноградье красно-зеленое.
Гдѣ бы ты задумалъ,
Тамъ невѣста тебѣ;—
Виноградье красно-зеленое.
Подай Богъ Прокопьюшкѣ,
На житье, на бытье, да на богатство;
Виноградье красно-зеленое.
Приданаго бы съ ней
Да пятьсотъ рублей;—
Виноградье красно-зеленое.
Злата серебра
Хоть лопатами греби,—
Виноградье красно-зеленое.
Скаченаго жемчугу,
Хоть полмѣрами мѣрь;—
Виноградье красно-зеленое.
Затѣмъ бы те Прокопьюшко
Къ Божьей церкви сходить.—
Виноградье красно-зеленое.

(Конца нѣтъ и я не могъ нигдѣ найдти знающаго).

Сельскія *игры* бываютъ въ домахъ, на улицахъ и на лугахъ, въ присутствіи пожилыхъ и старыхъ людей. Старые люди обыкновенно ищутъ удовольствія въ покоѣ, любятъ вести серіозные разговоры и чтеніе св. книгъ; но по праздникамъ выходятъ на игрища и гулянья.

Женатые мужчины любятъ въ праздники кутнуть за всѣ рабочіе дни. Для этого они гостятся въ своей деревнѣ и ѣздятъ по праздникамъ въ другія деревни; между же собою водятъ разговоры болѣе про житейское. Замужнія женщины находятъ развлеченіе въ гостьбѣ и разговорахъ, также гостятся и поютъ пѣсни дома, въ кануны и на свадьбахъ. Кромѣ того въ посты ходятъ по сосѣдямъ съ работою, прялками и вязаньемъ. Дѣвушки играютъ и забавляются на скопкахъ, вечеринкахъ, бесѣдахъ, супрядкахъ, на лѣтнихъ гуляньяхъ, костюмируются, катаются съ горъ, качаются на качеляхъ, скачутъ на доскахъ, играютъ въ мячикъ, водятъ хороводы При этомъ распѣваютъ пѣсни.

Молодые парни препровождаютъ время зимою: игра-

ютъ въ скопкахъ, на посидѣлкахъ, вечеринкахъ, бесѣдахъ, ѣздятъ на лошадяхъ въ бѣги, катаются съ ледяныхъ горъ и по льду на конькахъ, маскируются, играютъ въ карты и шашки (въ древности они назывались тавлеи); малолѣтнія дѣти играютъ зимою: изъ за бабы, шарикомъ (въ лунки), изъ за сухой трески, самоѣдами, катаются съ горъ, таскаются на саняхъ, играютъ въ кружала и жёрнова, славятъ Рождество, катаются на коникахъ, бьются яйцами. Лѣтомъ: въ бабки, орлянку, въ городки, изъ за попа, въ рюхи, въ мячикъ, прятки, бѣглыми, бѣгаютъ съ кружалами, взапуски, таскаются на тележкахъ, играютъ въ бабушки и куклы, пускаютъ бумажн, змѣйки, стрѣляютъ изъ самострѣловъ, строятъ конуры, удятъ рыбу, купаются. Сверхъ того врываются туда, гдѣ бываютъ увеселенія старшихъ.

На игры молодцы и дѣвушки стараются одѣться въ лучшее платье. Инструментальная музыка здѣсь не въ употребленіи, исключая гармоникъ, и танцы не въ обыкновеніи. О костюмированіи, славленьи Рождества, праздненствахъ, канунахъ, хороводахъ, лѣтнихъ гуляньяхъ, катаньи съ горъ и играхъ: столбами, въ пары, на вечеринкахъ въ сосѣди, веревочкою, въ короли, и увеселеніяхъ на вечеринкахъ, бесѣдахъ и супрядкахъ—сказано уже при описаніи праздниковъ и обычаевъ при нихъ.

Теперь намъ предстоитъ сказать объ остальныхъ играхъ, о которыхъ мы могли составить себѣ понятіе.

Скопки. Скопкою называется собраніе играющихъ дѣвушекъ, а иногда и молодцовъ съ ними. Они бываютъ въ какомъ либо домѣ, гдѣ есть дѣвушка или нѣсколько, къ которымъ пріѣзжаютъ и приходятъ гости — дѣвушки. Опредѣленнаго времени скопкамъ не полагается, а собираются они случайно.

Обыкновенно дѣвушки на скопкѣ, между прочимъ препровожденіемъ времени, поютъ пѣсни, и играютъ въ короли, золото хоронятъ, въ жмурки, въ шопотки и въ хохлы.

Игра въ золото. Здѣсь она называется «золото хоронить,» (у чеховъ же золото: «въ золото и перстень» Русск. Вѣстн. XXXVII). Она очень не хитра, а именно: на лавкахъ, которыя дѣлаются всегда кругъ избы, усаживается паличное число молодцевъ и дѣвушекъ. Съ перваго ряда изъ нихъ выходитъ на середину избы два дѣйствующія лица. Одному завязываютъ глаза платкомъ и отводятъ къ порогу въ уголъ; другой же беретъ свое или чужое кольцо, и съ нимъ опуская свои руки въ платки, растянутые на колѣняхъ каждаго изъ сидящихъ и прикрытые руками, кладетъ между этимъ кольцо въ чей либо подолъ, такъ чтобы отгадывающій не могъ замѣтить кому оно отдано, иногда порядокъ этотъ исполняется два раза. Когди золото будетъ захоронено съ припѣвомъ: «ужъ я золото хороню, хороню,—чисто серебро берегу, берегу»,—«говорятъ парельщику (который въ углу). Онъ поворачивается лицомъ къ публикѣ, на угадъ сказываетъ, у кого въ колѣняхъ похоронено золото. Но иногда парельщику не завязываютъ глазъ платкомъ, а просто отводятъ къ углу, тогда онъ при словѣ *пора*, неговоря ни чего, подходитъ къ подозрѣваемому, гдѣ, по его мнѣнію, скрывается отыскиваемое и требуетъ выдачи его. Если онъ, или она такъ или сякъ не отгадаетъ мѣста спрятаннаго кольца, то выходитъ по порядку изъ сидящихъ другой, хоронящій золото, и прячетъ кольцо также, какъ оно было прятано въ первый разъ; также точно прячутъ въ случаѣ неотгадыванія, всѣ прочіе. Но если парельщикъ истинно угадаетъ, у кого хранится золото, то тотъ или та, у кого хранилось кольцо, заступаетъ мѣсто парельщика; отгадавшій хоронитъ золото, а предмѣстникъ его садится на мѣсто поступившаго парельщика.

Игра въ имки (жмурки). Избираютъ парельщика и ему завязываютъ глаза платкомъ, такъ чтобы онъ не могъ видѣть ничего дѣлающагося. Потомъ завязаннаго берутъ съ той и съ другой стороны, обводятъ нѣсколько разъ кругомъ комнаты, или просто то туда, то сюда, такъ чтобы онъ забылся и остановился напр. у дверей, спрашиваютъ: гдѣ стоитъ? Онъ, разумѣется, закружившись совретъ. За тѣмъ, похлопавъ по спинѣ парельщика, оставляютъ его, а всѣ играющіе разбѣгаются въ разныя стороны, чтобы спрятаться отъ его поисковъ.

Парельщикъ, бредя безсознательно, дѣлаетъ руками круги, дабы поймать кого нибудь. Между тѣмъ, спрятавшіеся то и дѣло снуютъ близь него и поколачиваютъ его въ спину, или же притаятся гдѣ нибудь, прислонившись за стуломъ, за столомъ, въ уголку и т. п. Поймавъ кого либо, парельщикъ одною рукою задерживаетъ его, а другою снимаетъ съ себя завязку и навязываетъ ее на глаза пойманнаго. За тѣмъ, идетъ таже сцена покуда не устанутъ и не надоѣстъ игра.

Игра въ шопотки. Вокругъ всей комнаты, игорнымъ сборищемъ, садятся тутъ находящіеся всѣ налицо. Тогда избираютъ изъ среды своей того, кому слѣдуетъ быть парельщикомъ. Такому выбранному завязываютъ платкомъ глаза и ставятъ наприм. къ порогу. Затѣмъ, кто нибудь изъ сидящихъ приходитъ къ нему и шепчетъ на ухо что нибудь. Потомъ также съ шопотками приходитъ другой или другая и, сказавъ парельщику, садятся на лавкѣ въ прежней позѣ.—Только лишь первый шепнулъ парельщику слово, парельщикъ, не отвязывая завязки, долженъ отгадать, кто ему сказалъ и догадку свою объявитъ вслухъ. Если онъ дѣйствительно отгадаетъ, кто ему шепталъ, тому онъ сдаетъ службу парельщика, а самъ садится на его мѣсто. Но покуда этого не сдѣлаетъ, до тѣхъ поръ долженъ носить завязку и отгадывать.

Игра въ хохлы. Составляется кругъ изъ парней и ребятъ и они сцѣпляются рука за руку. На средину круга выходитъ парень, за кругъ, другой. Послѣдній приходитъ къ кругу и по сцѣпившимся рукамъ поколачиваетъ, спрашивая: колъ, колъ, колъ, — дома-ли хохолъ? Ему отвѣчаютъ на это: нѣтъ хохла, поди прочь отъ окна. За этимъ онъ идетъ и, также поколачивая, приговариваетъ: стукъ, стукъ, стукъ. Его спрашиваютъ: кого тебѣ надо? Онъ отвѣчаетъ хохла, а ему: нѣтъ хохла, поди прочь отъ окна. Но наконецъ они должны уже сказать, что хохолъ дома. Тогда сцѣпленныя руки расцѣпляются противъ сыщика и онъ впускается въ средину круга. Стоявшій же все время въ кругу (будто бы не видали его) хохолъ живо проскакиваетъ подъ цѣпь, убѣгаетъ изъ круга и бѣгаетъ около его. Спрашивавшій хохла, какъ бы ища его въ кругу, выбѣгаетъ изъ него. Между тѣмъ хохолъ забѣгаетъ въ кругъ. Наконецъ, хохолъ попадается въ руки сыщика и онъ становится сыщикомъ, а сыщикъ дѣлается хохломъ.

Качели. Качели, а по здѣшнему прала, вѣшаются очень просто. Черезъ бревно козелъ на улицѣ, на повѣтяхъ черезъ перекадины дерева, во дворахъ, или черезъ воронецъ въ избахъ перекладываются пеньковыя или мочальныя веревки, а иногда и канаты; концы ихъ растягиваются и на нихъ прикрѣпляются концы доски. На доску садятся нѣсколько человѣкъ, свѣсивши ноги; одинъ на ту, другой на другую сторону, чтобы качель не косилась, а двое становятся на концы и раскачиваютъ доску съ сидящими. Всѣ поютъ пѣсни. На качеляхъ качаются съ Пасхи и, кажется, до Вознесенья или до Троицына дня.

Скачутъ. Начиная съ Свѣтлой недѣли, кромѣ качель, у дѣвушекъ принята игра: скачутъ на доскахъ. Берутъ деревянную плаху (полѣно) или что либо другое, не шатающееся на землѣ, и на него кладутъ въ равновѣсіи доску. На каждый конецъ доски становится по дѣвушкѣ, а на середину садится третья. Каждая изъ сидящихъ поперемѣнно вскакиваетъ къ верху и потомъ снова отпрянетъ сверху сжатыми ногами свой конецъ доски.

Игра въ мячикъ. Мячикъ здѣсь называется мечемъ. Соглашается на передъ нѣсколько человѣкъ играть и они собираются въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ бы можно раскласкивать мячикъ широко. — Приводятъ такъ, чтобъ играющихъ было четное число: 4, 6, 8, 10 и д., изъ нихъ по большинству голосовъ избираются двѣ матки, которыя преимущественно ловки въ игрѣ. Къ маткамъ присоединяются равно къ каждой число дѣтенышей,— напр. къ одной маткѣ—4 и къ другой—4. Но и дѣтеныши отдѣляются не какъ нибудь, а по жребію, именно, они расходятся по парамъ, берутъ напр. одинъ щепку, другой сорванную траву и идутъ къ маткамъ, которыя стоятъ въ ожиданіи и говорятъ: матки, матки, щепинки или травинки (угодно). Матки избираютъ по счастью, какъ заблагоразсудится получить травинку или щепинку. По изъявленному желанію поступаютъ къ маткамъ и дѣтеныши. Конечно, другой разъ, къ одной маткѣ попадаютъ удальцы, а къ другой мелюзга,—но ужъ таковы правила и пословица: играть не плакать и отцу и матери не жаловаться. Для игры установляется два сала, т. е. по два пункта упражненія, въ примѣрномъ разстояніи, болѣе по знакамъ: такъ напр. отъ столба до столба. Къ каждому салу становятся раздѣленныя партіи, т. е. по маткѣ и поровну дѣтенышей. Впрочемъ вмѣсто сала называютъ: откуда гоняютъ мячикъ мѣстомъ, и гдѣ за нимъ бѣгаютъ—полемъ. Кто первѣе долженъ клескать мячъ, уговариваются стороны или мечутъ жребій. Первѣе другихъ мячикъ клещетъ матка и 2 раза. Клеснувъ во второй разъ, она кидаетъ палку, которою ударяла въ мячикъ, и послѣдній улетаетъ далеко: или въ высоту, или по поверхности земли. Кинувъ палку, она бѣжитъ къ тому салу, гдѣ поле. Тутъ то находящіеся въ полѣ ловкіе стараются ловить его и ударить схваченнымъ мячемъ для того то парящіеся разставляются въ полѣ по разнымъ направленіямъ.

Но часто случается, что въ чужую матку попадаютъ мячикомъ. Иной разъ матка хлестонетъ мячикъ палкою такъ далеко, что добѣжитъ до сала полевщиковъ и убѣжитъ обратно къ своему, а стоящія въ полѣ не успѣваютъ кинуть мячикъ въ бѣгущаго ловчака; этою выходкою матка пріобрѣтаетъ право клеснуть мячикъ еще послѣ дѣтей. Послѣ матки клещутъ дѣтки. Они имѣютъ право клеснуть мячикъ палкою только одинъ разъ. Клеснувъ мячикъ, игрокъ бѣжитъ вслѣдъ за нимъ къ полю. Оттуда выбѣгаютъ рѣдкіе и потому остаются у чужаго сала до выкупа.—За первымъ дѣтенышемъ клещетъ мячикъ второй, и бѣжитъ также къ другому салу. Между тѣмъ, засѣвшій т. е. находившійся до выкупа въ чужомъ краѣ, бѣжитъ къ своему, а парящіеся стараются угодить въ котораго нибудь изъ перебѣжчиковъ кинутымъ мячикомъ. Если дѣтенышей не осталось болѣе т. е. такихъ, которые бы не клекали, или если во время игры полевщики не изловили мячика руками съ полета, то очередь снова начинается съ матки, которая и прежде клекала.—Между тѣмъ у него дѣтеныш въ плѣну. Онъ выбѣгаетъ тотчасъ, какъ только матка уклеснетъ мячикъ. За тѣмъ гонка мячика пойдетъ тѣмъ же чередомъ. Поймать мячикъ руками, пока онъ на лету, а не упалъ на землю, значитъ поймать доробку. Если такъ схватятъ полевщики, они идутъ клескать, а клескавшіе идутъ въ поле париться. Они клещутъ такъ-же, какъ и бывшіе, начиная съ матки. Иногда дѣвушки вмѣсто гонки мячика палкою, — варятъ кашки, т. е. партіи разставляются на двѣ противоположныя стороны, а на середину между ними становится дѣвушка. Она стоитъ и

вскидываетъ къ верху мячикъ и потомъ схватываетъ опять руками, не давая упасть ему на землю, а другія съ которой либо стороны (только не вдругъ съ обѣихъ, а поперемѣнно) перебѣгаютъ отъ сала къ салу. Кашница торопится схватить мячикъ и его кидаетъ въ бѣгущихъ. Если она попадетъ, то идетъ къ салу и уловленный варитъ кашу.

Игра изъ за сухой трески. Самое названіе игры разумѣется глупое, данное ребятами. Оно только безъ подробностей и интересуетъ любителей, а на самомъ дѣлѣ игра эта довольно непріятна. Скопище грязныхъ ребятишекъ (хорошихъ родителей дѣти не допускаются) выбираетъ себѣ для игры мѣсто на улицѣ, напр. около кабака, и находитъ голикъ, метлу, вѣникъ, или другую вещь, названную сухою треской. Окончивъ предварительно маленькія и нетяжелыя приготовленія ребята вызываютъ зачинщика игры. Ну, вотъонъ нашелся, стоитъ на мѣстѣ паренья и у ногъ его къ его услугамъ лежитъ голикъ, а вокругъ парельщика толпа кричащихъ ровней съ нимъ. Съ размаху парельщикъ бросаетъ сухую треску ногою съ намѣреніемъ попасть ею въ кого либо, тотъ (въ кого попала треска) какъ ни прискакиваетъ, чтобы брошенный по землѣ голикъ не задѣлъ его, долженъ ихать его такимъ же порядкомъ. Тогда ребята съ быстрымъ налетомъ нападаютъ на парельщика и бьютъ его кулаками, вѣроятно для того, чтобъ онъ былъ половчѣе; парельщикъ, замѣшанный въ кричащую толпу, уже не въ силахъ бросать сильно свое непріятное орудіе. Но кое-какъ, съ трудомъ и слезами, приступомъ отражаетъ крикуновъ и со всею горячею ребячею силою кидаетъ наугадъ въ нихъ голикъ. Положимъ что голикъ ударился о ноги Петрушки,— теперь также борется съ непріятелями онъ бѣденькій, какъ въ поту и съ горемъ пополамъ бились Митька, Васька и Пашка и другъ. Конецъ такой игрѣ приходитъ съ темнотою вечера, тогда отцы или матки утащатъ весело разыгравшихся дѣтей за волосы, или же съ потасовкою, а не то, еще и съ поволочкою.

Игра въ самольды. Похожа на игру въ прятки. Также прячутся ребята, но на половину, а другая половина ходитъ для разысканія ихъ; конецъ же заканчивается такъ-же, какъ въ игрѣ бѣглыми. Въ игрѣ этой употребляется нижеслѣдующее четверостишіе, когда идутъ искать:

Пойдемъ Самоядь искать,
Самоядочку трепать;
Ужъ мы Самоядь найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Нельзя ли допустить предположенія, что это отрывокъ либо сочиненія древняго, либо собственнаго созданія народной поэзіи по случаю покоренія дикарей, Самоѣдовъ.

Игра кружалами. Въ ледъ на рѣкѣ, или на озерѣ, вбиваютъ колъ и его замораживаютъ тутъ. Но этотъ колъ надѣваютъ черезъ дыру на серединѣ доску. На одинъ конецъ доски привязывается конецъ веревки отъ салазокъ или дранчатыхъ санокъ, на которыя садится мальчикъ. Силою другаго мальчика, другой конецъ доски постепенно шибче и шибче подвигается, вертится на колѣ, мальчикъ бѣгаетъ съ концомъ доски вокругъ кола, а сани съ сѣдокомъ кружатся. Мѣсто кружала на льду бываетъ чисто и гладко, потому что отчищаютъ нанесенный и натоптанный снѣгъ.

Игра въ жерновa. Вырубаютъ ребята изъ льда на рѣкѣ или озерѣ двѣ круглыя льдины. Въ серединѣ ихъ выдалбливаютъ дыры. Потомъ ихъ кладутъ она на другую и дырами просовываютъ палку, замороженную во льдѣ. За тѣмъ, верхніе жернова пускаютъ въ верченіе около палки, подвигая пѣшенкою, которою управляетъ мальчикъ. Тогда отъ звука тренія поднимается шумъ и всѣ ребята кричатъ и скачутъ.

Катанье. На коникахъ бѣгаютъ малые ребята и подростки — парни по установившемуся лишь на лужахъ, озерахъ и рѣкахъ, льду, покуда не занесетъ его укрѣпляющимъ снѣгомъ. Коники суть деревянныя подковы во всю ступню ноги, съ узенькими, кованными, желѣзными полосами, называемыми укладами, которыя напереди загибаются къ верху. Коники привязываются къ ногамъ кожаными и веревочными ремнями, въ переплетъ. Иные бѣгуны при катаньи на конькахъ берутъ съ собою копья —пѣшенки.

Игра въ бабки. Игра въ бабки или суставы, т. е. въ кости — повсемѣстно наврядъ ли извѣстна не каждому, поэтому я не нахожу необходимости вдаваться въ подробности, тѣмъ болѣе, что игра эта очень затѣйлива и для описанія ея надо много мѣста. Мѣсто ставки т. е. гдѣ поставляютъ бабки, называется. кономъ; мѣсто, откуда слѣдуетъ бить въ конъ—сало; положеніе ногъ, когда надобно бить—приступъ; если сдѣлалось во время мета (снаровки) неловко—говорятъ чуръ, наново; состязаніе на призъ—казаться; бить конъ—сшибать; сбить его—сшибчи, собью, сбилъ; не сбилъ—промахнулся, далъ промаха; играющіе—бабошникъ—ки; сообщничество въ выигрышѣ или проигрышѣ — кальга, а участвующіе въ ней—однокалежники; кости—бабки; одна бабка—шляха (когда остается лишнею отъ гнѣздъ); двѣ бабки—гнѣздо; болѣе паръ, столько и гнѣздъ; бабки продаются здѣсь по $\frac{1}{4}$ коп. 2 гнѣзда, на деньгу—4 гнѣзда, на копѣйку 8, на 2 к.—16 и т. д. Бьютъ поставленныя бабки такими же бабками, камнями, кирпичами и желѣзными плитками. Бабка, которою бьютъ—битокъ; такая же бабка, но со впущеннымъ въ середину ея свинцомъ — свинчатка. Большинство принимается, когда кажутся, т. е. бросаютъ битки наугадъ, какъ случится имъ упасть: 1—король, 2—орлоцка (вѣроятно выдумано такое прозвище въ шутку надъ мастеровыми), 3 — жохъ (старояхилъ),

4-дика. При этомъ принимается въ расчетъ, чей битокъ далѣе и чей ближе и говорится: дальній, дальняя, т. е. если у васъ жохъ далѣе, а у меня ближе къ кону—такъ вы бьете ранѣе меня, а я за вами уже; также старшимъ признается и надъ дальними королемъ, если бабка не ляжетъ, а станетъ; въ дикѣ же различается такъ: если бабка лежитъ на правомъ боку, та старше той, которая распиперилась, т. е. легла не бокомъ, а на спину.

Игра орлянка. Это денежная у ребятъ игра. Выигрышъ состоитъ тутъ въ счастіи, т. е. если угадаетъ, что выпадаетъ, когда бросятъ монету на столъ или на полъ: орелъ (гербъ) или рѣшетка (цифра цѣны). Есть еще другая денежная игра. Собирается толпа оборванныхъ ребятишекъ около крѣпкой стѣны поиграть по копѣечкѣ (¼ к. с.) Каждый ударяетъ о стѣну своею деньгою. Первый изъ нихъ, т. е. тотъ, чья монета ближе къ стѣнѣ всѣхъ другихъ, мѣряетъ четвертью (растянутыми большимъ и указательнымъ пальцемъ) до первой; если хватитъ четверть тотъ, кому принадлежитъ монета, отдаетъ коп. ассигнац. и т. д.; отсюда онъ измѣряетъ четвертью до другой ближней монеты и тоже получаютъ ¼ и., если пальцы хватятъ.

Игра изъ-за попа. Играть изъ за чижа, какъ говорится въ другихъ краяхъ, здѣсь называется изъ за попа, или въ попа. Чижъ дѣлается величины въ ¼ арш. длины, изъ толстой палки, съ вострымъ къ верху концомъ. Передъ игрою берется взголовье, т. е. хламина или плаха изъ дровъ. На нее кладется однимъ концомъ доска такъ, что одинъ конецъ на землѣ, а другой выше и показываетъ скатъ. На высоту, т. е. на самый кончикъ ставятъ попа. Изъ за чижа играютъ молодые парни и ребята.

Всякій, желающій играть въ него, отыскиваетъ себѣ въ аршинъ или болѣе палку. Всѣ становятся къ лобной доскѣ для метанья жребія; поворотившись глазами по скату доски отъ ней, они кидаютъ всякъ свою палку черезъ свою голову. За тѣмъ повѣряется, чья палка упадетъ далѣе и чья ближе. По освидѣтельствованію, кому принадлежитъ ближняя палка, тотъ долженъ париться, т. е. бѣгать за ускочившимъ отъ удара чижомъ, а кому принадлежитъ дальняя палка, тому бить ранѣе другихъ.

Для битья чижа отмѣривается мѣсто, за которое битокъ не долженъ переступать далѣе шага; мѣра бываетъ такова: сколько игроковъ, на такое разстояніе отводится мѣсто, полагая далѣе и далѣе по длинѣ палки на каждаго человѣка. Если ударившій чижа палкой ударитъ его такъ хорошо, что онъ улетитъ далѣе, чѣмъ улетѣла палка, онъ бѣжитъ, чтобъ опять взять палку; воспользовавшись этимъ случаемъ — онъ имѣетъ право клеснуть попа опять послѣ другихъ, не бившихъ до сего. Но если не бываетъ возможности выбѣжать къ доскѣ съ палкою, то оставляетъ ее до выкупа, т. е. выручки изъ этого положенія хорошимъ битокомъ другихъ. Бѣгущій съ схваченною имъ своею палкою долженъ ударить концемъ ея о доску, на которую становится чижъ. Парельщикъ же между тѣмъ, схвативъ скорѣе брошеннаго чижа, бѣжитъ къ доскѣ и старается бросить его въ доску ранѣе, нежели бѣжавшій ударить палкою. Если это случится, то париться долженъ тотъ, кто не успѣлъ ударить палкою; но ежели случится напротивъ, то парится старый парельщикъ. Случается, что онъ освобождается отъ этой трудной, погонной обязанности слѣдующимъ случаемъ. Всякій старается попарить парельщика и, въ огражденіе себя, сгоряча кидаетъ палку въ попа, но дѣлаетъ промахъ: чижъ останется на доскѣ, а палка улетитъ далеко, или же она задѣнетъ чижа не сильно и чижъ лишь только свалится, слѣдовательно не бываетъ возможности выбѣжать, не рискнувъ видимо принять изъ за смѣлости должность парельщика. Такимъ образомъ палки отдаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пали, а послѣдній битокъ чаще нарочно бросаетъ палку на авось помимо попа, будто бы съ промаха и для той выгоды, что палка улетитъ далѣе другихъ. Когда палки всѣ въ бездѣйствіи, въ полѣ, парельщикъ отмѣриваетъ три шага отъ доски и взятымъ въ руки чижомъ старается ударить въ ближе всѣхъ лежащую палку. — Потомъ если не попалъ въ палку, онъ продолжаетъ цѣлить въ другія слѣдующія палки, но уже не отъ доски, а отъ мѣста, гдѣ лежала палка, въ которую онъ мѣтилъ только что предъ тѣмъ. Тотъ, въ чью палку парельщикъ попадетъ чижомъ, долженъ париться, но нерѣдко случается, что онъ попадаетъ въ нѣсколько палокъ, когда онѣ однѣ отъ другой не подалеку; тогда хозяева этихъ палокъ мечутъ жребій — счастіе, т. е. кидаютъ черезъ головы палки. Чья палка упадетъ ближе къ доскѣ, чѣмъ другія — тотъ закабаливается париться, а игра начинается снова, какъ было въ началѣ. Вотъ и все.

Игра въ рюхи. Рюха есть отшлифованный круглый кусокъ дерева, въ 1½ верш. толщины въ роспилкѣ, съ обоихъ концовъ толщиною равный, а длиною вершка 3 или 3½. Рюхи имѣетъ не всякій парельщикъ, а преимущественно матушкинъ сынокъ изъ зажиточнаго семейства. Игрою въ рюхи занимаются, неупоминая уже о малолѣтнихъ, довольно взрослые парни: 17, 18 и 19 лѣтъ. Затѣвающіе эту игру, разумѣется, бываютъ въ сговорѣ и соглашаются играть въ нее для развлеченія.

Положимъ въ примѣръ для этой игры 8 челов. (всегда бываетъ ихъ четное число). Изъ нихъ избираются 2 матки, безспорно сильныхъ, ловкихъ и большеросыхъ; остальные же шестеро расходятся по сторонамъ на 3 партіи по 2 человѣка. Одни, первые двое, берутъ кто щепку, а кто травку, и идутъ парою, взявшись подъ руки, къ маткамъ говоря: матки, матки (чего вамъ надо)—щетинки ли травинки? Матки выпрашиваютъ любое. Другіе двое, подобно

первымъ двумъ, берутъ: одинъ вицу (прутъ—значитъ метлу, другой широкую щепку, разумѣя лопату), тоже приходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: матки, матки метлы или лопатки? Третья пара тождественно, придумавъ что либо взять, является къ маткамъ и поступаетъ къ нимъ какъ бы работниками. Наконецъ, каждая сторона составляется изъ четырехъ человѣкъ: одной матки и трехъ подмогъ или дѣтенышей. Иногда допускается, что если на которой либо сторонѣ дѣтеныши все ребята мелочь, то для уравненія причисляется въ помощь еще одинъ сверхъ-штатный.

Составивши двѣ стороны, каждая партія палками чертитъ на землѣ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, два города, противоположно, одинъ противъ другаго, въ видѣ рисунка квадратнаго плана. На серединѣ между городами вколачивается въ землю небольшой колъ, означающій половину рекогносцировки. На первой чертѣ каждаго дѣтскаго города поставляются рюхи стопкомъ; онѣ ставятся: или попарно черезъ всю черту, или кучею на серединѣ ея и сверху кладется рюха, попъ съ острою верхушкою. Сочтемъ, что города готовы къ осадѣ, что рюшное войско въ ожидательномъ военномъ порядкѣ и что стоитъ непріятелю только двинуться и города загорятъ, запылаютъ. Но нѣтъ, и тутъ еще пойдутъ переговоры о томъ, чьей сторонѣ зажигать напередъ. Для этого берутъ палку, которыхъ бываетъ по двѣ у каждаго мальчика, какъ двѣ руки, и по ней выводятъ, кому бить сперва, а именно: одна матка бросаетъ палку въ руки другой, и по которому мѣсту та захватитъ палку, поперемѣнно оттуда къ верху пережимаетъ, до самаго конца, кулакъ возлѣ кулака, то та, то другая матка;—наконецъ, видя что уже нельзя того дѣлать болѣе, захватившій палку въ послѣдній разъ, въ такомъ положеніи какъ ее держитъ, долженъ обнести поверхъ, головы вокругъ себя и потомъ, вскинувъ ее вверхъ, схватить на паденіи. Если во время такого дѣйствія палка упадетъ на землю, или когда кинута и тотъ не успѣетъ ее схватить на лету, то онъ не можетъ быть въ рюхѣ въ первыхъ, а зажигаетъ та матка, которая оставалась въ бездѣйствіи. Но ежели случится благополучный выводъ, то зажигаетъ конечно та сторона, матка которой мастерски управлялась съ палкою. Отъ города (своей постройки), который будетъ бить другая (противная) сторона, передовая матка, бросаетъ палку (въ чужой) городъ, назначенный ей жечь, но палка не сшибла ни одной изъ поставленныхъ рюхъ; бросаетъ и другую, но и тутъ безуспѣшно. Теперь выходитъ дѣтенышъ и со всѣмъ мужествомъ бросаетъ свое орудіе въ черту осаднаго города, дабы попасть, но хотя онъ и попалъ въ кучу рюхъ, да такъ плохо, что не вышибена изъ города, т. е. не выкатилась изъ черты,—это значитъ наквасилъ или наварилъ кашу; онъ же кидаетъ туда другую палку, отъ того же мѣста, и вотъ выкачиваются изъ города двѣ или три рюхи. Тогда уже другая подмога бьетъ городъ съ половины; онъ бросаетъ палку и даетъ промахъ, бросаетъ другую, но палка, двинувъ изъ кваса лежащую рюху, заставила ее повалиться на боковую черту города, значитъ сдѣлалъ попа. Этого попа становятъ въ стоячку и тогда уже третій подручный, за прегрѣшеніе втораго отправляется бить отъ другаго города, и ежели направленною со всею силою палкою собьетъ попа, то идетъ бить съ другой руки (т. е. другою палкою) съ $^1/_2$ между городами. Такимъ же образомъ зажигаетъ чужой городъ большакъ, матка другой стороны и бьютъ также дѣтеныши ея. Такъ ведется поперемѣнно до тѣхъ поръ, пока въ которомъ либо городѣ не остается ни одной невынесенной рюхи; въ такомъ случаѣ матка съ дѣтенышами, которые не могли вышибить остальныхъ рюхъ изъ города, который все били, за столько же разъ, за сколько очистила другая сторона, за этотъ неуспѣхъ должны поставить въ прежнее стоячее положеніе оба города, и сверхъ того, они не могутъ въ первыхъ бить или зажигать городъ; первенство въ этомъ принадлежитъ выигравшей. Зажигъ партій, которая потерпѣла неудачу, по уговору замѣняется другимъ наказаніемъ, именно: люди, принадлежащіе обанкротившейся сторонѣ, обязаны на плечахъ своихъ кокарешками переносить тѣхъ, которые у нихъ отыграли партію, нѣсколько разъ отъ города до города: тогда каждая сторона строитъ по одному городу. Но если же обиженная сторона, по спору или почему либо, не захочетъ исполнить обычая игры, то, сверхъ безчестія называться килою виновники кладутся на палки, разложенныя по землѣ, одна отъ другой не подалеку, и таскаются на нихъ требователями исполненія, будучи подергиваемы то въ ту, то въ другую сторону, и за головы, и за ноги; затѣмъ прогоняются битьемъ и считаются негодными въ товариществѣ, какъ трусы и спорщики.

Добавимъ, что городъ бить дается одной сторонѣ не одинъ и тотъ же, а поперемѣнно тотъ и другой: первая сторона бьетъ въ тотъ городъ, который ранѣе былъ битъ второю, а вторая жжетъ городъ, битый до нея первою стороною.

Игра въ былые. Предварительно приготовляется нѣсколько пучковъ розогъ, въ примѣръ для наказанія бѣглыхъ. Потомъ въ условленномъ мѣстѣ мальчики собираются въ партію и послѣ шума раздѣляются на сыщиковъ и бѣглыхъ. Сыщики остаются на мѣстѣ у сала, а бѣглые убѣгаютъ спрятаться. Спустя немного времени, сыщики пускаются въ погоню за бѣглецами, и поймавъ котораго нибудь, тащатъ на арканѣ къ салу.

Тутъ дезертира кладутъ на землю и сыщикъ, наложивъ на его грудь колѣно свое, спрашиваетъ: смерти или живота? или захвативъ за посъ, тянетъ его крѣпко къ себѣ, спрашивая: дубъ или квасъ?

Если бѣглецъ скажетъ на первый разъ: живота, а на второй отвѣтитъ: ни дубъ, ни квасъ, иди прочь отъ насъ, то онъ тогда же отпускается на волю.

Но ежели онъ скажетъ только, что ему не надо смерти, то его минутъ до тѣхъ поръ, пока онъ, уже изнеможенный, не скажетъ имъ: надо живота. Или буде лежащій скажетъ «дубъ,» то его тянутъ къ низу со смѣхомъ: дубъ такъ тяни до губъ. Въ случаѣ же отвѣта: «квасъ», тянутъ носъ къ верху съ насмѣшкою: квасъ—такъ тяни до глазъ. Но тѣ, которые сами явятся изъ бѣговъ, освобождаются отъ наказанія.

Перебравъ такимъ образомъ всѣхъ бѣглые дѣлаются сыщиками, а бывшіе сыщиками бѣглыми.

Игра въ прятки. Собирается довольно значительное число мальчиковъ и всѣ они строются во фрунтъ. Большой изъ нихъ — начинщикъ (ловкій) дѣлаетъ указанія приложеніемъ руки на грудь каждаго, составляющаго общество игры прятками, начиная съ себя, и произноситъ:

(себѣ) Анка
2—Драка
3—Унтеръ
4—Чмока
5—Ень
6—Бень

7—Бобъ. Кого приведется прихлопнуть въ словѣ «бобъ» тотъ удаляется изъ круга, значитъ вышелъ. Потомъ, тотъ же предводитель и съ тѣми же словами дѣлаетъ рукоприкладство на остальныхъ, начиная со слѣдующаго за бобомъ.

1—Анка
2—Дранка
3—Унтеръ
4—Чмока
5—Ень
6—Бень

7—Бобъ. Значитъ 7-й уходитъ тоже; за тѣмъ, остается не вышедшихъ пять человѣкъ. Мы беремъ для примѣра партію въ 7 челов., но играютъ мальчиковъ иногда, до 20-ти.—Чаще случается, что изъ строя выходитъ бобомъ тотъ, кто начальствуетъ. По выходѣ его замѣняетъ другой, по желанію всѣхъ. Это продолжается дотолѣ, пока останется не вышедшихъ два мальчика. Въ этомъ случаѣ удовлетворяются, кому прикладывать руку себѣ или къ своей груди напередъ. Послѣ этого тотъ, кому пришелся ударъ съ словомъ бобъ; пристаетъ къ другимъ, получившимъ боба, а послѣдній долженъ остаться у сала. Когда ребятъ бываетъ много, тогда они становятся вокругъ распорядителя и причитаній дѣлается болѣе, а именно:

Анка,	Бобъ,	Кто,	Вышелъ
Дранка,	Упрыницы,	Его,	Духомъ
Фика,	Трынцы,	Поднимѣтъ,	Вонъ,
Дрока,	Волынцы,	Тотъ,	На убогъ
Унтеръ,	Яблочекъ,	Воевода,	Домъ,
Чмока,	Катился,	Воеводскій,	Съ золотымъ,
Ень,	Вокругъ,	Сынъ,	*Костылемъ.*
Бень,	Огорода	Шишелъ,	

Или:

Перводанъ,	Поди,	Кони	Сладкой
Другопанъ,	Пятьсотъ,	Новы,	Вицей,
На четыре,	Судья,	Чѣмъ,	Подполицей,
Угадалъ,	Пономарь,	Погонятъ,	Нижній,
Палецъ,	Ладья,		

За печь. Тогда выходитъ изъ круга при ударѣ съ словомъ *за печь.*

Саломъ у ребятъ называется то назначенное мѣсто, у котораго остается парень, не получившій «боба» или «костыля», или «запечья.» Мѣсто такое бываетъ: или высокій столбъ, стоящій наединѣ, или болѣе уголъ какого нибудь зданія. Сало заплевывается слюною всѣми участвующими въ игрѣ и къ нему приказывается стать парельщику (не бобу) лицемъ къ салу такъ, чтобы онъ не могъ видѣть, въ которыя стороны и куда кто забѣжалъ спрятаться.

Спрятавшись, всѣ онѣ кричатъ: пора! Тогда парельщикъ отправляется искать по всѣмъ переулкамъ, заулкамъ, закоулкамъ, на хоромахъ и вездѣ разыскиваетъ ихъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ спрятавшихся высматриваютъ: если парельщикъ отошелъ далеконько отъ сала—то немедленно выбѣгаютъ къ нему изъ своихъ убѣжищъ и плюютъ слюною въ сало съ приговоркою: чуръ я быкъ.

Иногда парельщикъ, завидя бѣгущаго къ салу, старается прибѣжать и плюнуть въ него ранѣе того. Тогда неуспѣвшій сдѣлать сего скорѣе парельщика считается телицею и остается до времени у сала; у него же остаются и тѣ, кто ранѣе успѣетъ плюнуть, чѣмъ парельщикъ и телица, пока не явятся тутъ всѣ. Впрочемъ, если парельщикъ видитъ, что телица у него есть, а тѣмъ болѣе ежели еще и не одна, то онъ вызываетъ неотысканныхъ крикомъ: «на быка,» которыхъ онъ уже никакъ не можетъ заплевать.

Послѣ этого телица остается парельщикомъ, а бывшій имъ убѣжитъ съ другими прятаться.

Но если телицъ набралось много, то заплевавшій ихъ парельщикъ имѣетъ право оставить на мѣсто свое изъ нихъ кого его угодно. Однакожъ такое право распространяется не на всякаго парельщика; инымъ нѣтъ въ этомъ довѣрія, а наипаче, когда парельщикъ по одной лишь

злобѣ оставляетъ париться такого, который уже парился разъ, либо болѣе. Въ такомъ случаѣ парельщикъ беретъ щепинку и плюетъ слюну на нее, а одинъ изъ кандидатовъ на должность парельщика спрашиваетъ другаго, чего ему надо: сука или моря, если тотъ скажетъ, что нужно: моря, а кинутая на произволъ вверхъ лучинка повернется стороною безъ слюны, сухою, то желавшій моря долженъ париться. Или же, вмѣсто того, кидаютъ къ верху и рукавицу; поджеребьевый просилъ верхоньки, а упавшая рукавица повернется къ верху съ пальцемъ то несчастливый долженъ париться. —

Дополненіемъ къ краткому описанію обряда «Бороды», представленному П. А. Ивановымъ, приводимъ здѣсь болѣе подробное, заимствуя его изъ описанія села Усть-Пуи Шенкурскаго уѣзда.

Нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ, остающіеся для сжатія уже послѣднихъ полосъ, разсѣвомъ на пять и болѣе четвериковъ, — сжинаютъ ихъ въ нѣсколько часовъ, сбирая для сего со всей деревни знакомыхъ дѣвицъ. Сжатіе такимъ образомъ поля послѣдняго у хозяина называется «борода». Жать приходятъ дѣвицы въ хорошихъ нарядахъ, жнутъ съ пѣснями, и когда будутъ дожинать, то жавшая съ правой руки первая дѣвица оставляетъ на полѣ горсти съ три не сжатаго ячменя, связываетъ солому ячменя лоскуткомъ или лентой, самые колосья срѣзываетъ, солому до связки разгибаетъ на стороны, кладетъ въ средину на солому горсть земли, — и тогда начинается завитіе бороды, состоящее въ томъ, что всѣ дѣвицы съ веселыми пѣснями сбираютъ на межахъ около полей разные цвѣтки, украшаютъ, убираютъ ими кругомъ всю оставленную и связанную горсть соломы и на ней землю. По завитіи такимъ образомъ бороды, всѣ дѣвицы съ пѣснями идутъ съ поля въ домъ хозяина, гдѣ угощаются чаемъ, а женщины, если онѣ были приглашены на бороду, и водкою. При питіи первой чашки чая, каждая дѣвица поздравляетъ хозяевъ словами: «будьте здоровы, съ вѣдромъ и отрадой, съ счастливой бородой, съ бѣлымъ хлѣбомъ и съ зеленымъ сѣномъ». Послѣ чаю, пока хозяевами сбирается на столъ обѣдъ, дѣвицы у дома хозяина водятъ хороводы, поютъ пѣсни. За обѣдомъ угощаются — въ скоромные дни — мясомъ въ разныхъ видахъ, кашею, сладкимъ пирогомъ, пивомъ; — въ постные дни мясо замѣняютъ разнаго рода рыбы. Вообще обѣды на бородахъ довольно роскошны; за ними бываетъ до восьми перемѣнъ. Послѣ обѣда дѣвицы, поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ-соль, отправляются съ пѣснями въ свои домы.

Объ *Играхъ* въ Тулгасскомъ приходѣ, въ матеріалахъ П. С. Ефименка имѣются слѣдующія данныя:

Во всю свѣтлую седьмицу парни и дѣвки ходятъ съ колобами и ящиками по колокольнѣ, гдѣ, позвонивши часа два-три, собираются въ притворѣ церкви биться и катать яицами и угощать другъ друга колобами. Въ Петровъ день (29 іюня) дѣвицы и парни собираются на лугу въ верстѣ отъ деревень играть въ *мышку*, т. е. всѣ парни и дѣвицы становятся парами одна подлѣ другой и лишній становится впереди всѣхъ и, изъ разбѣжавшейся первой пары, долженъ ловить которое либо одно лицо. Если поймаетъ, то становится самою послѣднею парою, а оставшійся безъ пары долженъ тоже дѣлать. Поигравши въ мышку, ходятъ хороводомъ съ пѣніемъ пѣсенъ и *реутъ рѣдьку*, т. е. всѣ сколько есть, дѣвицы и парни захватываются другъ за друга подъ мышки и первое лицо (довольно сильное) бѣгаетъ во всѣ стороны, чтобы разорвать схватившуюся вереницу.

Въ празднованіе Флору и Лавру (18 августа) всѣ домохозяева, исключая раскольниковъ, приводятъ своихъ лошадей къ часовнѣ означенныхъ святыхъ, для кропленія святаго водою.

Касательно увеселеній въ Сумскомъ посадѣ, вотъ что говорится въ его общемъ описаніи: Сумляне большую часть года проводятъ вдали отъ своихъ семействъ на трудныхъ и опасныхъ морскихъ промыслахъ; по этому въ зимнее время они, при меньшихъ трудахъ, какъ бы отдыхая въ своемъ родномъ уголкѣ, по своему веселятся.

Любимая прогулка Сумлянъ по посаду въ 8 или 9 часовъ вечера, толпами отъ 20 до 30 человѣкъ, съ громкими пѣснями, которыя иногда одновременно раздаются во всѣхъ концахъ посада.

Въ толпахъ этихъ гуляютъ кромѣ холостой молодежи и молодыя женщины со своими мужьями.

Послѣ этой прогулки молодцы идутъ къ дѣвицамъ на вечерину. Чтобъ быть на ней, необходимо по обыкновенію «подаватца» (попроситься). Желающій быть на вечеринѣ стоитъ въ простѣнкѣ у окна того дома, гдѣ вечерина, царапаетъ руками по ставню или по рамѣ и мяукаетъ, или поддѣльнымъ голосомъ въ умоляющемъ тонѣ произноситъ на распѣвъ: «а на вечерину»! Получивъ по знаку изъ избы дозволеніе, молодецъ входитъ въ избу, и у порога дверей, снявъ съ головы шапку, помолясь въ передній уголъ иконамъ, идетъ къ лавкѣ, и, садясь на нее, привѣтствуетъ вечеринщицъ словами: «дѣвицамъ краснымъ», а если до него пришли сюда же подобные ему товарищи и сидятъ на вечеринѣ, то и къ нимъ: «молодцамъ удалымъ». Развязный вечеринщикъ не сидитъ на вечеринкѣ камнемъ. Онъ находчивъ здѣсь въ разговорѣ и смѣшитъ вечеринщицъ. Баракоситъ имъ, что попало (вретъ, что на умъ сбрело), а дѣвки галянятъ до переса (смѣются до изнеможенія).

При этомъ случаѣ онъ сводитъ знакомство съ тою, которая ему больше нравится, мѣняется въ тихомолку кольцемъ, такимъ образомъ заручается на взаимность и дѣлается названнымъ. Не рѣдкость здѣсь встрѣтить дремлющихъ, полуспящихъ вечеринщиковъ, которые въ болѣе

бойкой дѣвушкѣ вызываютъ такъ называемую шутку «морока колоть». Для этого свертываютъ шерстяную нитку, и всовываютъ ее въ ноздри сони, который очнувшись платитъ за эту шутку неумѣстною, непривѣтливою фразою и чрезъ нѣсколько времени снова всхрапываетъ. Такимъ рѣзкимъ невѣжествомъ и грубостію подшутившая дѣвушка, ни мало не оскорбившись, скажетъ только: «Досугъ! *навникаю*», другими словами: «не велико дѣло! наплевать»!

Таковы зимніе повседневныя вечеринки. Но вотъ наступаютъ Святки; дождались и Рождества Христова,—Сума становится болѣе оживленною, начинается разгулъ. Съ перваго дня праздника, днемъ и вечеромъ Сумляне ходятъ хухольниками *) (наряжеными). Каждый вечеръ устраивается вечеринка, но эта вечеринка имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ будничная или повседневная; сюда дѣвушки являются въ самыхъ лучшихъ своихъ платьяхъ.

Чтобъ болѣе дать понятія о вечеринкахъ, зайдемте въ домъ и посмотримъ на нихъ поближе. Изба полна народомъ, зрителями, хухольниками и ребятишками. Тепло въ ней, душно и тѣсно; русская печь, съ боковою стѣною, къ которой тѣснится народъ, въ видѣ предупредительныхъ мѣръ, на скорую руку обита досками. По передней стѣнѣ поставлено вмѣстѣ одной высоты нѣсколько столовъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями, и на нихъ въ одинъ рядъ разставлено нѣсколько зажженныхъ свѣчъ въ подсвѣчникахъ (пропорціонально числу вечеринщицъ). Въ промежуткахъ между огнями, показываются на тарелкахъ кедровые и каленые орѣхи, изюмъ и закуски. За такимъ составнымъ длиннымъ столомъ, ярко освѣщеннымъ, сидятъ вечеринщицы дѣвицы, какъ гости, у каждой въ рукахъ по бѣлому носовому платку, который довольно часто служитъ вмѣсто вѣера. Противъ нѣкоторыхъ дѣвушекъ, болѣе привлекательныхъ наружностію или дочерей зажиточныхъ родителей, лежитъ на столѣ по кучкѣ новыхъ веретенъ. Это сюрпризы отъ хухольниковъ, почитающихъ избранныхъ дѣвицъ.

Но вотъ начинается игра въ «утушку». Молодецъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, сидящихъ за столомъ, и молча кланяется ей; та выходитъ, молодецъ беретъ ее за руку и ходитъ съ нею взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ сидящія дѣвушки поютъ въ это время пѣсню, и, когда пѣсня кончается, дѣвушка, вызванная молодцомъ, благодаритъ его поклономъ, послѣ чего онъ тотчасъ же оставляетъ ее, а она уже выбираетъ изъ среды молодцовъ другаго и, проходивши съ нимъ до конца начатой пѣсни, оставляетъ его и садится на свое мѣсто; а выбранный ею молодецъ заступаетъ ея мѣсто и приглашаетъ другую дѣвушку и они поступаютъ точно такъ же какъ и первые.—Въ этомъ заключается сущность «утушки», и молодежь забавляется ею до 4 или 5 часовъ утра.

Къ тому же Сумскому приходу относится замѣтка, описывающая хожденіе со звѣздою на Рождество Христово:

Въ первый день Рождества, послѣ утрени, нѣсколько мальчиковъ и подростковъ, отдѣльными маленькими партіями, по изстари сохранившемуся обычаю, спѣшатъ изъ дома въ домъ, предлагая почти въ каждомъ: «не угодно-ли Христа прославить? Это христославцы».—Одинъ изъ нихъ всегда ходитъ вмѣсто звѣзды съ фонаремъ.

Получивъ на предложеніе согласіе, христославцы поютъ ирмосъ: «Христосъ раждается», тропарь: «Рождество Твое Христе Боже нашъ» и кондакъ: «Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ». Но этимъ еще не заканчиваютъ. Подъ управленіемъ главнаго изъ нихъ, христославцы поютъ «рачеи или рацеи», которыя предлагаемъ здѣсь буквально съ голоса.

«Достойно днесь удивленія и духовнаго веселія. Нынѣ звѣзда на небеси явися! Паче свѣта свѣтаетъ и тѣмъ провозвѣщаетъ Бога нашего, и на землю проявляетъ: Яко нашъ наруночный пріидетъ, прінесетъ Пречистая Дѣва Марія! Радуйся, яко младенецъ пеленами обвиванъ; горніи чины дивятся, вкупѣ возрадуются. Ты же, господинъ хозяинъ, вкупѣ съ супругою своею и съ чадами своими утѣхи насладися! Тому же господину хозяину отъ всѣхъ восторжествуемъ, велегласно поздравляемъ»!

«Изыде звѣзда отъ Іакова и свѣтъ возсія отъ Израиля, Дѣва Бога рождаетъ, Ангели удивляются, персидскіе цари приходятъ, рожденному младенцу дары приносятъ. Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ и небесная возводитъ, затѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ на многая лѣта»!

«Многая лѣта! Новая радость, во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися, явися! Богъ, царь славы отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ родися, родися! Тому же Ангели на небеси дивятся, дивятся! Земнородніи человѣцы о томъ веселятся, веселятся! Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу: Слава Вышнихъ Богу! мы же вопіемъ: торжествуйте, ликуствуйте, Хвалу Богу дайте, воспѣвайте, выграйте! Дастъ Богъ вамъ, господамъ, госпожамъ, господиновымъ женамъ, во всѣ купѣ здравствовать! Виватъ, виватъ, многая лѣта»!

«День Христовъ, веселимся здѣ! благодать вездѣ! Хвала Богу пѣти нашему полу на звѣздѣ! Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ нарожденнаго Бога нашего. Царь же Иродъ всѣмъ возвѣстилъ, младенцевъ побилъ. Били-билися и кляли ругалися, яко убивцы, злы разбойники! Кричатъ дѣти, плачутъ матки, яко разбойницы

*) Маски не употребляются, ихъ замѣняютъ платки. Одѣваются же женщины въ платье мужчинъ, а мужчины въ платье женщинъ кто какое кому достать сподручно.

отъ ихъ персей отрывали, рубили ихъ, и топтали ихъ, съ матеряими попрощались, жалко плакали».

За все это пѣніе, три или пять человѣкъ христославцевъ бываютъ довольны, если даютъ имъ на всѣхъ 5 коп. и связокъ маленькихъ олонскихъ калачей, извѣстныхъ подъ названіемъ баранокъ.

О праздникахъ Курейско-Сергіевскаго прихода въ матеріалахъ П. С. Ефименка говорится:

Съ праздника Введенія во храмъ Богородицы хозяйки начинаютъ стряпать козули: замѣшиваютъ густо ржаную муку на водѣ, и изъ сего прѣснаго тѣста дѣлаютъ барашковъ, коровъ, быковъ, пѣтуховъ и проч. Въ праздникъ Рождества Христова, тотчасъ по отходѣ обѣдни, дѣти обоихъ половъ славятъ подъ окнами домовъ Христа, поютъ страннымъ напѣвомъ и нарѣчіемъ тропарь праздника, или ирмосъ I пѣсни, и за свое христославленье получаютъ отъ домохозяина козули или крупичатые калачи (барашки). По вечеру славятъ Христа дѣвицы съ молодцами, и особенно отъ нихъ мужчины со звѣздою; послѣдніе поютъ *рацеи*. Славленье это продолжается два дня.

Послѣ христославленья начнутъ ходить «наряженые». Молодые парни одѣваются въ женскіе наряды, самоѣдскую и цыганскую одежды, принимаютъ видъ волковъ, медвѣдей; лице маранотъ сажей и закрываютъ платкомъ. Наряженые купаются 6-го января въ Іорданѣ. А дѣвицы о своихъ суженыхъ-ряженыхъ гадаютъ по банямъ, льютъ воскъ, олово, слушаютъ въ баняхъ, подъ окнами домовъ, у амбаровъ, на перекресткахъ дорогъ, для чего, очертившись ножикомъ, закутываются одѣяльницею и замѣчаютъ по звону колокольчиковъ, лаю собакъ и проч. о своей судьбѣ-кручинѣ.

Въ описаніи того же Курейско-Сергіевскаго прихода упоминаются еще *Обряды при закладкѣ дома и при входѣ въ него на житье*:

«При закладкѣ дома на первый рядъ бревенъ кладутъ серебряныя или мѣдныя деньги и сыплютъ зерновой хлѣбъ (жито). При входѣ въ полночь въ новопостроенный домъ на житье, несутъ икону, хлѣбъ и пѣтуха, и всѣми силами заставляютъ его пѣть; а хозяинушку (домовому) кланяются, чтобъ онъ, «господинъ принялъ ихъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богачество». Сосѣди несутъ на новоселье полѣно дровъ, или хлѣбъ. Точно также при началѣ молотьбы, овинъ окуриваютъ ладономъ, и просятъ хозяинушка сберечь овинъ отъ несчастія».

Наконецъ о сельскихъ обрядахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, въ общей записке о немъ сказано:

«Обряды — общіе всему Холмогорскому уѣзду; но частный въ Хаврогорскомъ приходѣ, есть только тотъ, что во Фроловъ день, какъ храмовой приходскій праздникъ, со всего селенья къ церкви приводятся лошади, и послѣ литургіи окропляются святою водою. Цѣль сего обряда болѣе религіозная, но отчасти и удовольственная послѣ страдной работы: какъ бы за трудъ отъ родителей дѣлается удовольствіе молодымъ людямъ, исключительно мужикамъ, прокатиться на лошади по всему приходу въ праздничномъ платьѣ и показать удальство своей лошади».

ГЛАВА VII.

НРАВЫ, ВѢРОВАНІЯ, СУЕВѢРІЯ, ГАДАНІЯ, ПРИМѢТЫ.

Общая характеристика нравственной природы Архангельскаго населенія вообще и Пинежскаго въ особенности. — Вліяніе суровой природы и скудной обстановки на нравы жителей. — Замкнутость и молчаливость сѣвернаго человѣка. — Формы обращенія къ другимъ людямъ. — Положеніе женщины. — Воспитаніе дѣтей. — Ученіе. — Чтеніе грамотѣевъ. — Вѣрованія Пинежанъ. — Нечистая сила и средство для борьбы съ ней. — Лѣшій и разсказы о немъ. — Домовой и дворовой хозяинушко. — Нéжить. — Байнушко. — Водяной. — Баба-яга. — Знахари, колдуны. — Ворожба. — Гаданія и разные виды ихъ. — Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ діяхъ. — Народныя представленія о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, молніи, дождѣ, землѣ, водѣ. — Клады. — Повѣрья о животныхъ. — Суевѣрныя примѣты. — Вѣрованія жителей Тулгаскаго прихода: — о Богѣ, святыхъ, твореніи міра, душѣ. — Представленія ихъ же о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ, — о землѣ и подземныхъ царствахъ, знахаряхъ, богатыряхъ, о животныхъ и растеніяхъ, о нечистой силѣ, о человѣкѣ. — Сельскохозяйственныя и другія примѣты, суевѣрія и гаданія. — Повѣрья, гаданія и примѣты жителей Курейско-Сергіевскаго прихода. — Повѣрья жителей Зимняго Берега. — Гаданія жителей Сумскаго посада. — Повѣрья жителей Хаврогорскаго прихода.

Къ этой главѣ мы отнесли всѣ данныя, какія только нашлись въ матеріалахъ, находившихся у насъ подъ руками, относительно вѣрованій русскаго населенія Архангельской губерніи. Большая половина этихъ данныхъ принадлежитъ П. А. Иванову и касается Пинежскаго уѣзда; остальныя свѣдѣнія доставлены изъ пяти мѣстностей. Г. Ивановъ предпослалъ своему изложенію народныхъ повѣрій и суевѣрій общую характеристику нравственной природы Архангельскаго населенія, въ особенности же въ Пинежскомъ уѣздѣ. Съ этой характеристики мы и начинаемъ настоящую главу.

Народъ Пинежскаго уѣзда любитъ уединенную замкнутость. Пустыя и отдаленныя отъ центра уѣздной жизни мѣста въ Архангельской губерніи благопріятствуютъ уединенной жизни. Предоставленные самимъ себѣ, жители здѣшніе склонны болѣе къ задумчивости, чѣмъ къ веселью и шуму. Преобладаніе думы обнаруживается изъ угрюмаго вида и спокойнаго, тихаго характера, свойственнаго меланхолическому темпераменту. Самая жизнь идетъ глухо и однообразно. Но она имѣетъ свою родственную прелесть.

Обстановка деревень здѣсь замыкаетъ удрученнаго судьбою человѣка въ незавидныхъ жилищахъ, въ одномъ мѣстѣ, и дѣлаетъ небойкимъ. Сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца, сжимаетъ органическіе сосуды и имѣетъ вліяніе на ростъ человѣка. Отъ холода, до ходящаго въ суровую зиму до невыносимой крайности, цѣпенѣетъ всякая жизнь, какъ и жизнь человѣка! Лѣсная же жизнь способствуетъ одичанію человѣка.

Крестьянинъ потому самому остается при своихъ невѣрныхъ дѣйствіяхъ, теряетъ способность самосознанія, суевѣритъ въ своихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ, что называется грубымъ невѣжествомъ, ему никто не откликнется въ дикой и глухой сторонѣ, ничто не встрепенется мыслію въ домѣ. У него нѣтъ духовныхъ убѣжденій, съ которыми бы онъ боролся и которыми бы онъ занимался съ увлеченіемъ. По этому-то онъ обращается въ спокойствіе и размышленіе, задумывается о себѣ, становится недовольнымъ самимъ собою и окружающею его природою, желаетъ бѣжать... Но таинственная привязанность къ родинѣ и семейству, привязываетъ къ суровой отчизнѣ, неблагодарной землѣ и неудачнымъ промысламъ!...

Онъ остается на мѣстѣ навсегда, привыкаетъ къ уединенію, привязывается къ непріятной жизни, сроднается съ апатичнымъ терпѣніемъ, усвоиваетъ себѣ отсутствіе желаній *) и удобствъ и совершенно свыкается съ выпавшею долею, по пословицѣ: живи пока живется, обживешься — такъ и въ аду хорошо!

Но вліяніе обстановки жизни крестьянина выказывается почти во всемъ. Онъ набоженъ, богобоязливъ,

*) Крестьянинъ ограничиваетъ, повидимому, всѣ житейскія требованія двумя предметами — ѣдой и тепломъ, все другое почитается лишнимъ.

смиренъ, очень трусливъ изъ болѣзни, скрытенъ, застѣнчивъ и недовѣрчивъ подъ кроющимся сомнѣніемъ къ искусному, изящному, недосягаемому для его собственнаго понятія и вкуса. Уничтожая себя, онъ остается невѣждою.

Получивъ прямое наслѣдіе отъ древнихъ и кровныхъ соплеменниковъ Новгородцевъ, жители здѣшніе рабы обычаевъ и имѣютъ сильно—слѣпую приверженность къ старинѣ. Многіе не только не благоволятъ къ нововведеніямъ, но негодуютъ, и мысленно злятся на нарушеніе заведеннаго порядка.

Живутъ крестьяне *всякъ своимъ умомъ*, а примѣры берутъ съ людей *), имѣющихъ на нихъ вліяніе, конечно рутинеровъ, и оказывается, что они живутъ какъ жили предки, праотцы ихъ, съ небольшимъ развѣ измѣненіемъ, вѣря, что человѣческій родъ съ теченіемъ времени становится безнравственнѣе и слабѣе. Многіе вѣкъ свой проживаютъ дома, около себя; многіе не совсѣмъ понимаютъ жизнь внѣ своей деревни; многіе очень далеко отъ деревни, не знаютъ куда и какъ проѣхать; но однако многіе молодые стыдятся сидячей жизни. Разъединеніе населенія на большомъ пространствѣ дѣлаетъ жителей покорными, съ смирнымъ характеромъ.

Вся жизнь крестьянъ проходитъ въ постоянныхъ заботахъ о семействѣ, хозяйствѣ, землѣ и скотѣ,—къ чему употребляются всѣ ихъ труды. Ведя же скромный образъ жизни, здѣшній крестьянинъ скряжничаетъ. При томъ замѣчено, что онъ корыстолюбивъ и жаденъ къ прибыли. При всѣхъ этихъ качествахъ, поселяне здѣшніе живутъ, нельзя сказать, что бѣдно... Но они не имѣютъ понятій объ изящномъ и не отличаютъ внѣшняго и наружнаго отъ внутренняго; алчность закрываетъ глаза отъ прекраснаго, высокаго, нравственнаго...

Къ тому же есть много семействъ, чрезвычайно бѣдныхъ. Несчастные годы въ промыслахъ и урожаяхъ хлѣба привели и поставили ихъ въ крайне тягостное положеніе.

Но и при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы жители были глупы и лишены смышленности, переимчивости, благоразумія, смѣтливости и вѣрныхъ соображеній.

Они имѣютъ, хотя медленный, но основательный умъ, дѣльную опытность; судятъ просто, но здраво и толково. Надо же, впрочемъ, сознаться, что холодность и несообщительность удерживаютъ ихъ отъ увлеченія къ любознательности, а потому они не очень развиты.

Опытность и знанія обыкновенно составляютъ гордость надѣленнаго такими преимуществами. Такъ и нашъ крестьянинъ имѣетъ свойственную жизни своей самонадѣянность и самоувѣренность, хотя это ничто иное, какъ узкій эгоизмъ.

При замкнутости и молчаніи, у нихъ нѣтъ возвышенной, человѣческой общежительности, и Богъ вѣсть когда человѣчество достигнетъ совершенства.

Отъ недовѣрчивости къ незнакомымъ людямъ и отъ невѣжества, народъ здѣшній несообщителенъ. Въ своемъ же обыкновенномъ кругѣ обращеніе его отзывается простотой и естественностію, свойственными русскому человѣку; различіе только то, что у молодыхъ природная веселость, свобода мыслей и обращенія, а у пожилыхъ сдержанность, если не упоминать о томъ, что расположеніе духа тѣхъ и другихъ непостоянно. Столько намъ удалось узнать въ семь лѣтъ пребыванія въ обществѣ здѣшнихъ крестьянъ, сношенія наши оставляютъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе потому, что сельчане постоянно кажутся недовольными.

Въ обращеніи допускается самая задушевная русская уважительность на *ты;* когда же относятся къ неровному (чиновному) лицу, или хотятъ польстить, выучились звать *вы, они, васъ, ихъ* и т. под.

Замѣчательно, что крестьяне нерѣдко не знаютъ своихъ сосѣдей по родовой фамиліи, потому что они носятъ *приватныя прозванія*. Прозвища эти по своей странности, во-истину изумительны. Клички даются по немочамъ, безобразію, рѣдкимъ замѣчательностямъ. Названія, данныя народнымъ кликомъ, не могутъ не поразить всякаго, мало видавшаго всю грубость деревенскаго люда. Напримѣръ: Васька - Васькинъ, Олека - сколотной, Николко-Матвѣевъ, Тереха-толстобрюхой, Митька-хромой, Микита-киланъ, Агашка хромушка, конь, князь, царь, цыганъ, помѣщикъ и т. под. Деликатное обращеніе, въ родѣ Иванъ Петровичъ, Кузьма Миколаичъ, можно услышать рѣдко, и только тогда, когда говорящее лице желаетъ оказать другому уваженіе, обращается къ неровному лицу, или заискиваетъ у того или другаго расположенія къ себѣ. Себя же тогда говорящій называетъ уменьшительномъ полуименемъ. Вообще очень непріятно видѣть раболѣпство и подобострастіе здѣшнихъ крестьянъ, особенно, когда они себя унижаютъ и говорятъ: «мужикъ—деревня, голова тетерья, ноги уточьи, ж..а курочья».

О положеніи женщины въ средѣ крестьянскаго населенія кажется довольно сказано подъ рубрикой «обычное право». Остается сказать, что, при неправильномъ настроеніи понятій о женщинѣ, и почтеніе къ прекрасному полу, какъ говорится, *узенькое, маленькое*. Никогда не снимаетъ шапки мущина передъ женщиной напередъ; напротивъ, женщина скромно склоняетъ предъ нимъ свою голову и тогда только мущина поднимаетъ фуражку, а нѣтъ и такъ проходитъ, безъ отданія чести на поклонъ. Но бываетъ еще и то, что въ критическія минуты, какъ напр.: когда *попадется жинка мужику подъ пьяну*

*) Въ крестьянахъ всегда слишкомъ сильна потребность опереться на другихъ, равно какъ и держаться своихъ старинныхъ обычаевъ.

руку, онъ, пожалуй несправедливо, *поставитъ бабу на чемъ свѣтъ только стоитъ*.

Крестьянскія женщины добры, смирны, сострадательны и чувствительныя матери.

Отцы обязанностъ воспитанія дѣтей слагаютъ исключительно на матерей, а себя предъ дѣтьми держатъ строго.

Дѣтей воспитываютъ нерадиво, неправильно, невѣжественно и грубо. Ухода большаго за ними нѣтъ.

Пеленаютъ до извѣстнаго возраста не свивальникомъ, а поясами, обрывками, рубцами, покромками, а нерѣдко простою веревкою, обоими концами вкругъ и на груди непремѣнно крестомъ.

Въ пеленкахъ дитя находится до году, а чаще — гораздо долѣе. Сверхъ того держатъ въ зыбкахъ. Грубыя тряпицы служатъ ребенку постелью и одѣяломъ.

Дитя кормитъ сама мать. Но, вслѣдствіе бѣдности, недосуга, тѣсноты—такое воспитаніе постоянно невозможно, и потому парятъ въ печахъ коровье молоко, или вскармливаютъ ребенка сырымъ молокомъ, которое искусственно даютъ ему чрезъ *титьку*—простую *соску*, или костяной *рожокъ*, съ привязаннымъ къ нему сосцемъ коровы.

Воспитаніе идетъ безъ присмотра и особеннаго вниманія. Нянъками бываютъ сами матери, или подростки-дѣвочки и парни, свои или нанятые для того, чтобы укачивать въ *зыбкѣ* и *водитца*, если кричитъ дитя, и вообще качаютъ каждый разъ, какъ только оно расплачется. Если же ребенокъ уже вышелъ изъ люльки, его кладутъ на печь или на палати, а между тѣмъ *матки* и *мамки*, или матки, уходятъ изъ дому, дѣти падаютъ, ушибаются и остаются на вѣкъ *стройниками* (увѣчными). Но зачастую и *зыбочныхъ* оставляютъ безъ старшихъ съ соскою или рожкомъ. Не смотря на холодную погоду, женщина, уходя въ гости или по дѣлу, несетъ съ собой и дитя, кое какъ завернутое въ свою *шубейку*, или—просто въ корзинѣ.

Подросшихъ дѣтей держатъ въ заперти, или напротивъ даютъ имъ полную, безграничную волю. Только тогда-то, на вольномъ просторѣ и ничѣмъ неудержимой свободѣ, дѣти развиваютъ свои способности. Иначе бываетъ то, что за небольшой проступокъ, а иногда ни за что ни про что, бьютъ дѣтей, дѣлаютъ подневольными мучениками, пугаютъ, устращиваютъ, и дѣти, разумѣется, наконецъ, представляютъ вырожденный и выхоленный типъ тупоумія и суевѣрной боязни.

Чтобы слѣдить за тѣмъ, что дѣти дѣлаютъ и отстранить ихъ отъ дурнаго, этого не водится въ крестьянствѣ; о внушеніи же чувствъ и говорить нечего. Да и какое же можетъ быть возбуждено чувство высокое, когда дѣти присутствуютъ при всякихъ кровавыхъ зрѣлищахъ, внушающихъ страхъ.

Къ чистотѣ и опрятности родители пріучаютъ дѣтей мало. Но они считаютъ себя въ правѣ осыпать ребенка бранью за замаранье новыхъ сапоговъ, новаго кафтанишка и т. под.

Не давъ окрѣпнуть въ силахъ, ребятъ заставляютъ ѣздить на лошадяхъ, рубить дрова, носить тяжести и пособлять отправлять тяжелыя работы.

И, не смотря но это, спросите крестьянъ, каково воспитаніе у нихъ дѣтей,—и они вамъ отвѣтятъ: и мы вѣдь съ ребятами обходимся ласково и балуемъ ихъ. И это правда потому, что таково ихъ пониманіе, такова родительская любовь.....

Большаго влеченія къ ученью въ здѣшнихъ жителяхъ нѣтъ, но нельзя сказать, чтобы потребность образованія не увеличивалась. Крестьяне чувствуютъ, однако, антипатію не потому, чтобы отвергали пользу ученія, а просто потому, что ужъ *«такъ предки жили и безъ этого,»* или *«ужъ такъ на роду написино»* (жить дикаремъ). Да они, по правдѣ сказать, такъ и живутъ и нѣкоторые боятся ученія; а между тѣмъ, говорятъ *«мы темные люди, ничего не знаемъ»*.

Жители, живущіе близь города и по тракту отъ Холмогоръ къ Пинегѣ, болѣе любятъ грамотность. Въ верхъ же по рѣкѣ Пинегѣ ученіе принимается не такъ охотно, потому что тамъ существуетъ наиболѣе расколъ, или народъ недоброй нравственности.

Хорошею нравственностію хвалятся крестьяне Никитинской волости (жители древней Кевроли), а самою худою—прихожане Чакольскаго и Перемскаго (Перема въ переводѣ Погимоста, чертова земля) приходовъ.

Кромѣ трехъ сельскихъ штатныхъ училищъ, существовали здѣсь до конца Управленія Государственныхъ Имуществъ въ церковныхъ трапезахъ элементарныя школы грамотности почти при каждой приходской церкви и учащихся было довольно. Обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ нихъ занимались мѣстные причты. На содержаніе школъ особой суммы назначено не было, а существовали таковыя на счетъ пожертвованій разныхъ лицъ. Въ настоящее время такихъ школъ, ни содержимыхъ обществомъ, ни благотворительностію частныхъ лицъ нѣтъ нигдѣ. Не имѣя ни малѣйшей матеріальной поддержки къ существованію и содержимые единственно пожертвованіями весьма немногихъ учащихся, эти разсадники умственной пищи—постепенно закрывались и ученіе прекратилось наконецъ во всѣхъ.

Не мало учится еще дѣтей у разныхъ грамотѣевъ: поповъ, дьяконовъ, дьячковъ и писарей. Читать и писать женщины умѣютъ очень немногія, такъ что численность ихъ предъ числомъ грамотныхъ мущинъ какъ 1: 10.

Въ народѣ есть охота слушать чтеніе печатныхъ книгъ. Въ воскресные дни, когда рѣдкіе гостятся, *му-*

жичкѣ и женочки бываютъ заняты слушаніемъ какого нибудь *грамотѣя*—книжника.

Тогда можно увидѣть въ употребленіи и дѣльныя книжки, и вещи самыя народныя изъ книжнаго товара, въ родѣ книжекъ съ заглавіями: «О славномъ и сильномъ витязѣ Еруслапѣ Лазаревичѣ», «О сильномъ богатырѣ Полканѣ», «О славномъ и храбромъ витязѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ», «Прекрасная могометанка», «Исторія о храбромъ рыцарѣ Франціи Венціанѣ,» «О славномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекрасной супругѣ его Королевнѣ Дружевнѣ», «О Иванѣ Богатырѣ, жарѣ птицѣ и о сѣромъ волкѣ, «О славномъ богатырѣ Иванѣ Царевичѣ», и проч. и проч. Такія книжонки распространяются въ городѣ и по деревнямъ въ праздники, на рынкахъ, торжкахъ и ярмаркахъ. Главнымъ же развлеченіемъ посредствомъ чтенія у русскаго крестьянина служатъ священныя книги, какъ-то: «Псалтирь», «Житія святыхъ,» «Изреченія Пророковъ,» «Евангеліе» и др. При чтеніи ихъ сидятъ тихо, смирно, или—кто молится, кто раскаивается въ грѣхахъ своихъ, кто плачетъ, кто охаетъ, кто тяжело вздыхаетъ....

Народъ сильно увѣренъ въ существованіе духовъ въ человѣческомъ образѣ.

По понятіямъ жителей здѣшнихъ, чертъ является и исчезаетъ невидимо.

Отъ вѣрованія въ чертей—жители имѣютъ ужасную боязнь, не только отъ призраковъ, но и отъ разсказовъ.

Суевѣріе въ демоновъ поддерживаютъ лубочныя, нецензурованныя картины: страшнаго суда, съ огненными змѣями, драконами, геенами, сковородами, огнемъ, съ изображеніемъ чертей и сатаны; также картины съ изображеніями искушеній святыхъ злыми духами въ лицахъ. Такія картины охотно покупаются на ярмаркахъ. Да ихъ и привозятъ очень много и продаются онѣ очень дешево. Въ рѣдкомъ домѣ нельзя увидѣть подобныхъ картинъ.

Жители вѣрятъ въ чертей: *домоваго, банщушка, овинушка, гуменнаго, водянаго, лѣснаго.* Подъ такими же названіями, по народнымъ повѣріямъ, водятся: *домовихи, банничи, овинничихи, водянихи. лѣшачихи.*

Изъ такихъ вѣрованій можно заключить, что значитъ у чертей есть и семейства; изъ разсказовъ уже видно, что видаютъ лѣшачихъ съ ребятами.

Общій образъ чертей обозначается: человѣческій видъ, весь покрытъ мохнатою шерстью, на головѣ рога, назади хвостъ, у пальцевъ когти.

Чертаться или лѣшакаться, т. е. упоминать слова: чертъ, лѣшій, водяной и пр.. почитается великимъ грѣхомъ и *притчами болѣзней.* При произношеніи слова «чертъ», многіе крестятся, а когда въ ругани говорятъ *чертъ съ тобой,* или *лѣшій тебя возьми*—другой отплевывается.

Лучше скверное слово сказать, чѣмъ лѣшаго поминать, который вездѣ лѣзетъ.

Отъ того-то, изъ боязни, и вѣрятъ, что если не оградишь крестомъ при позѣвѣ рта, то вселится нечистый духъ и будетъ мучить.

Сверхъ вѣрованія въ названныхъ чертей, жители вѣрятъ:

1. *Въ оборотней,* т. е. что злой духъ превращается въ животныхъ: кошку, собаку и лѣснаго звѣря и исчезаетъ невидимо. Отъ этого и происходитъ: если кошка, собака, крыса или мышь что нибудь *обнюхала,* такъ то уже *поганое,* и потому все находится въ *заперти.* Также, если подержатъ что либо съѣстное предъ кошкою или собакою, въ отдаленіи отъ ихъ мордъ—того нельзя ѣсть самому человѣку, потому что оно осквернилось.

2. *Въ вѣдьмъ,* что будто бы онѣ могутъ принимать на себя видъ животныхъ: кошки, волка и др. Вѣдьмъ почитаютъ хитрыми и злыми. Слово *вѣдьма* употребляется въ брани въ примѣненіи къ злымъ женамъ.

Орудіями противъ нечистой силы у крестьянъ служатъ:

а) *Крестъ.* Кресты ставятъ въ избахъ, надъ окнами, надъ воротами, надъ дверями, на разныхъ мѣстахъ: около дорогъ, при въѣздахъ, по краямъ улицъ, на перекресткахъ, на пожняхъ, на высокихъ берегахъ, надъ могилами и пр. Крестъ на гайтанѣ носятъ жители на шеяхъ, начиная съ дѣтства до смерти; такое распятіе на груди иногда называется *чертогономъ.* Крестъ съ кружкомъ налѣпляютъ на праздничномъ или свадебномъ пирогѣ; это принято въ обыкновеніе даже и образованными людьми. Крестомъ ограждаютъ себя въ разныхъ случаяхъ: при порывѣ, при произношеніи слова чертъ, при испугѣ и т. под. О крестѣ, въ старинной рукописи (отосланной мною въ Губернскій Статистическій Комитетъ) написано такъ: «Крестъ—хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—бѣсомъ язва» (См. заклинанія).

б) *Талисманы.* Они зашиваются въ тряпкахъ, въ мѣшечкахъ, или въ костяныхъ пуговицахъ, пришиваемыхъ на одинъ гайтанъ съ крестомъ на шею; талисманы даются родителями дѣтямъ тогда еще, когда бываетъ первое возложеніе креста на шею ребенка.—Талисманы эти будто-бы ограждаютъ отъ всякой порчи въ здоровьѣ человѣка, съ которой непремѣнно связано участіе *нечистой силы.*

в) *Поясъ.* Онъ считается и теперь священнымъ предметомъ и талисманомъ противъ нечистой силы и не сни-

мается ни днемъ, ни ночью, исключая тѣхъ случаевъ, когда нужно идти мыться въ баню. Говорятъ, что еще лучше носить около живота, вмѣсто тесемчатаго пояса, вязанныя сѣточки, такъ какъ изъ нитокъ ихъ вывязываемы бываютъ молитвы.

г) *Головня.* Головня и теперь, по вѣрованію жителей, имѣетъ силу противъ дьявола. Ее носятъ по полямъ предъ сѣвомъ хлѣбовъ. Головнею очертываются при гаданіяхъ на разстаньяхъ; черти не могутъ перейти черты круга.

д) *Пастушеская палка.* Она и теперь имѣетъ то значеніе, что если перебросить ее черезъ скотину—она не будетъ уходить отъ дому далеко, куда уводитъ лѣшій.

е) *Молнія.* О силѣ ее сообщено ранѣе.

ж) *Звонъ* (звукъ) колоколовъ. Заслышавъ звонъ церковныхъ колоколовъ, дьяволъ бѣжитъ прочь отъ человѣка. Замѣчаютъ еще, что если выйти изъ дому, войти въ него, кончить что либо въ самое начало звона—есть предвѣстіе добра.

з) *Пѣніе пѣтуха.* Если пѣтухъ запоетъ ранѣе полуночи, т. е. ранѣе обыкновеннаго, то значитъ, что онъ видитъ дьявола и пѣніемъ своимъ прогоняетъ его.

и) *Иконы.* Ихъ вносятъ въ домы и обносятъ вокругъ деревень, чтобъ отогнать злыхъ духовъ. Священники окропляютъ водою въ домахъ и на улицахъ тоже для того.

Лѣшій. Тотъ же дьяволъ называется еще *лѣснымъ, лѣсовикомъ, лѣшакомъ и полевикомъ.*

Лѣшій — хозяинъ лѣсовъ. Онъ живетъ въ лѣсной трущобѣ и непроходимой чащѣ.

Раздается по лѣсу эхо, т. е. отдается голосъ на голосъ. значитъ *откликается лѣшій.*

Народъ вѣритъ, что если человѣкъ сбился съ извѣстнаго пути, то значитъ *его обвелъ лѣшій*; онъ будто бы затмѣваетъ память.

Лѣшій похожъ на человѣка.

Онъ старается липнуть путешественника разума и ввести его въ заблужденіе.

Лѣшій показывается иногда выше лѣса.

Обманувъ человѣка, лѣшій хлопаетъ въ ладоши и громко смѣется.

Говорятъ, что заплутавшагося человѣка *звѣрь не тронетъ* потому, что его охраняетъ лѣшій, которому *захотѣлось пошутить.* Чтобы избавиться отъ блужданій, заплутавшій долженъ выворотить свое платье и надѣть его на изнанку.

Лѣшій — злой. Онъ сядится въ сани къ проѣзжающимъ, особенно къ пьяному ямщику, правитъ лошадьми и завозитъ туда, откуда трудно выдраться. Или когда промышленники находятся въ промысловыхъ избушкахъ, приходитъ къ нимъ посмотрѣть; и если ему не понравится тамъ, ломаетъ, бьетъ что попало и шутитъ.

Что лѣшій гонитъ звѣрей—и теперь въ то вѣруютъ. Такъ, если является много рыщущихъ волковъ—значитъ *волкъ идетъ на войну, а лѣшій потѣшается.*

Разсказъ о лѣшемъ (подлинныя слова): «Человѣкъ около шести или семи собирали на лѣсномъ болотѣ, знаете, ягоды; все были мужики, нужно знать. Собирали они долго и набрали ягодъ множество, а время стало эдакъ на сумеркахъ. Черту жалко что-ли стало, вотъ онъ и явился. Такъ таки человѣкъ да и только, худо и различить, но ужъ большой и въ какомъ то красномъ невиданномъ нарядѣ. Онъ не шелъ, а ѣхалъ на ворономъ большущемъ конѣ, да и очень скоро. Но, только поровнялся съ огородами, не поѣхалъ вѣдь въ ворота, а они были отперты,—отворотилъ и конь перескочилъ черезъ огороду, знать потому, что поранъше немножко проѣхалъ старый старикашка, тутошный крестьянинъ, да передъ самыми то воротами перекрестился,—былъ онъ, знаешь ли, больно набожной».

Злыхъ духовъ боятся особенно ночью.

Запаху ладона приписываютъ силу отгонять духовъ. Вслѣдствіе этого и курятъ ладонъ въ извѣстные дни, случаи и праздники, нося куряціяся кадила по всѣмъ комнатамъ и въ сѣни.

Домовой, еще называется *дворовикомъ, хозяйушкомъ и дѣдкомъ.*

Нѣтъ дома безъ него, безъ его призора и ухода.

Онъ не считается злымъ. Онъ дѣлаетъ хозяйствамъ пользу въ несчастіяхъ.

Домовой даетъ знать о какомъ нибудь счастливомъ или несчастномъ приключеніи тѣмъ, что давитъ кого нибудь изъ односемьянъ во время ночнаго сна.—Онъ если любитъ хозяина: 1) ложится на грудь поперекъ длины человѣка, давитъ и душитъ такъ, что тотъ неможетъ повернуться (это—кашемаръ, болѣзнь); чтобы узнать—о предстоящей ли радости или печали извѣщаетъ домовой, нужно спросить домоваго *къ добру или худу онъ давитъ*, или же можно узнать потому, теплый или холодный онъ: теплый — къ радости, а холодный — къ худу.

2.) Извѣщаетъ такъ: если на подволокѣ, въ амбарѣ или хлѣву будетъ ревѣть хозяйнушко, то онъ этимъ даетъ знать, что въ домѣ приключится несчастіе.

3.) Передъ бѣдою: передъ пожаромъ, передъ смертью, извѣщаетъ тѣмъ, что будитъ хозяина ночью своимъ воемъ или сильно ущипнетъ.

4) Кого любитъ, тому дворовикъ навиваетъ ночью на головѣ и въ бородѣ кины (косы) изъ *волосьевъ*, такъ что ихъ не расплетешь.

Домовой смотритъ за хозяйскимъ скотомъ. Которое животное любитъ хозяйнушко, то бываетъ здорово, гладко, чисто,—тому онъ навиваетъ въ гривѣ *космы* (тоже косы). Но когда свистятъ *въ жилой хоромины*,

чего не любитъ *домовой хозяинъ*, случается, что и любимая скотинка заболѣваетъ; значитъ, что хозяйнушко откладываетъ попеченіе о ней. Когда домовой не любитъ домашнюю скотину, напримѣръ лошадь—гоняетъ ее по двору всю ночь, такъ что она потѣетъ и фыркаетъ; у ней онъ крадетъ кормъ и подкладываетъ его той, которая *ко двору;* послѣдняя ежедневно жирѣетъ, а первая постепенно чахнетъ, и напослѣдокъ остается только одна кожа да кости и, наконецъ, умираетъ.

Есть еще повѣрье, что лошадей *заговариваютъ*, такъ что хотя бы купившій ее жилъ за 300 верстъ, она прибѣжитъ къ старому хозяину, пренебрегая всякими опасностями. Вѣруя въ это, покупающій старается чрезъ знахаря *снять съ лошади уходъ*.

Но есть особаго рода нечистая сила, вселяющаяся въ домы, называемая *нежить* (злой духъ).

Народъ думаетъ, что черти всего болѣе обрѣтаются въ пустыхъ, нежилыхъ домахъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ случались несчастные случаи, какъ-то убійство, повѣсившіеся; говорятъ, что въ нихъ *пугаетъ*. Но есть и такіе домы, мимо которыхъ въ темное время боятся ходить многіе. Да и вообще, воображеніе суевѣритъ наиболѣе среди темноты и тишины.

Жители также думаютъ, что плотники имѣютъ секретъ въ постройкѣ, т. е. могутъ построить зданіе къ худу и къ хорошему, какъ имъ захочется. Такъ чтобъ закласть домъ *на чью нибудь голову*, т. е. чтобъ кто нибудь умеръ изъ хозяевъ новаго дома, стоитъ зодчему только поставить къ верху комлемъ то дерево, которое считается въ основаніи дома *главнымъ*.

Замѣчаютъ, что если въ домѣ нерѣдко бываютъ покойники, тотъ домъ несчастный, въ немъ пребываетъ *нежить*, хозяйнушко не любитъ живущихъ. Въ такомъ домѣ опасаются жить.

Если по ночамъ что нибудь постукиваетъ на чердакѣ, то думаютъ, что въ домѣ *завелась нежить*. Это же означаетъ, что *домовой выгоняетъ жильца изъ дому, что ужъ плотъ больше жиры*.

Когда появится въ домѣ много крысъ и мышей—квартирантъ *не уживается* долго въ немъ. Это тоже означаетъ, что *напущенная тварь домовымъ выживаетъ жильцевъ*.

Байнушко. Бани совершенно считаются нечистыми зданіями. Но ходить въ баню мыться долженъ всякій. Кто не моется въ нихъ, тотъ не считается добрымъ человѣкомъ.

Въ банѣ не бываетъ иконъ и не дѣлается крестовъ.

Съ крестомъ и поясомъ не ходятъ въ баню, они снимаются и оставляются въ домахъ. Тоже дѣлается женщинами предъ мытьемъ половъ.

Да и вообще все, изъ чего моются, считается нечистымъ: тазы, кадки, ушаты, шайки, ковши въ баняхъ.

Пить въ банѣ воды, приготовленной для мытья, хотя бы она была чистая—нельзя. Также вода въ рукомойкахъ почитается нечистою и ею нельзя даже выполаскивать посуду, а не только что пить.

Говорятъ, что если есть охота увидать черта въ банѣ, надо зайти въ нее въ ночное время и, заступивъ одного ногою за порогъ, скинуть съ шеи крестъ и положить его подъ пяту ноги.

Жители не ходятъ въ баню *въ третій паръ*, т. е. послѣ двухъ разъ мытья безвыходно послѣ каждаго приготовленія бани, потому что третій паръ оставляется *байнушку*, который будто бы тоже и моется, и парится. Иные оставляютъ для этого воду и вѣники.

Въ банѣ нельзя стучать и говорить громко. Иначе, байнушка разсердится и напугаетъ.

По выходѣ изъ бани благодаритъ такъ: «*спасибо те, байнушко, на парной байночкѣ.*»

Баня называется испорченно *байною*.

Водяной, такой же черный и мохнатый, какъ и лѣшій. Водяниха имѣетъ большія отвислыя груди и длинные волосы.

Разсказываютъ, что многіе видали, какъ водяниха выходитъ на камень разчесывать длинные волосы свои.

Водяной живетъ въ глубочайшихъ ямахъ, въ озерахъ или рѣкахъ. Надъ тѣми ямами *вертитъ воду*. Такія мѣста называются *чертовыми домовищами*. Слѣдственно водяной *живетъ домомъ*, т. е. имѣетъ семейство.

Водяниха изъ воды выходитъ нагою въ полночь и садится на камень; тутъ она разчесываетъ свои волосы большимъ гребнемъ.

Народъ вѣритъ, что утонувшій утонулъ не самъ собой, нечаянно постигшею смертію, а *стащилъ его водяной*. Говорятъ, что и тонутъ люди болѣе тамъ, гдѣ есть домовища. Водяной сперва утягиваетъ человѣка въ воду, потомъ *заверчиваетъ* до смерти. Иногда же всовываетъ въ хворостъ, въ верши, подъ камень, сдираетъ кожу, свертываетъ голову и т. под. Въ концѣ же всего, *натѣшившись*, водяной выбрасываетъ мертваго.

Народъ представляетъ изуродованія предсмертной агоніей утопленника въ истерзаніи водянымъ.

Водяной играетъ, т. е. дурачится болѣе лѣтомъ въ Ивановскую и Ильинскую недѣли. Тогда онъ *ради шутки*,— ждетъ всяческихъ жертвъ.

Доказываютъ, что случаи утонутія больше всякаго времени случаются въ эти недѣли.

Въ старину, въ случаѣ бури, для умилостивленія, бросали людей по жеребію. Нынѣ этотъ суевѣрный обычай замѣнили *перечетомъ* извѣстныхъ *пльшивыхъ*; число ихъ означаютъ зарубками на палочкѣ, и палочку эту съ привѣзомъ бросаютъ въ рѣку или озеро, гдѣ застигла буря.

Баба яга. О ней водится въ народѣ слѣдующая *перегудка* (прибаутка).

Баба—яга,
Поротая нога,
Она спитъ, пердитъ,
Колесомъ вертитъ,—
Лишь пуговицы рвутся,
Прорѣхи дерутся.

Баба-яга почитается воровкою дѣтей, по этому и пугаютъ дѣтей: «у! у! хамъ-те..... баба-то яга.... схватитъ.... подико, поди..... вотъ она, тутъ и есть за дверями». Или пугаютъ ребятъ и просто *букою;* ее считаютъ черною, оборванною женщиною;—у молдаванъ же букою называются полевыя крысы (Сѣверная Почта № 117. 1862 г.)

Малороссійскую пословицу: баба да чертъ, то собе рідня,—здѣсь замѣняетъ пословица: *мужъ да жена— одна сатана.*

Къ *знахарямъ* деревенскіе жители обращаются во многихъ случаяхъ. Суевѣріе, со всею своею нелѣпостью существуетъ не только въ деревняхъ, но и въ городѣ. Оно велико и обнимаетъ почти всѣ отношенія и соприкосновенія человѣка въ жизни.

Но вѣра въ *знахарей* обща простому сельскому народу. *Случится ли покража, пропадетъ ли у коровы молоко, заберетъ ли ревность, захочется ли прилюбить* (*присушить*), *случится ли болѣзнь*,—мужикъ и, особенно, женщина бѣжитъ къ знахарю или ворожеѣ, и тотъ или другая *поворожитъ* или *покудесничаетъ*.

Народъ вѣритъ и просьбы бываютъ удовлетворяемы безотказно. Знахари способны на все, все знаютъ, всесильны и содержатъ всѣ способы сохраненія здоровья и всѣ пособія на разные случаи: отъ бѣдъ, золъ, напастей.

Чародѣйствія приписываютъ сверхъестественной силѣ.

Знахари суть люди очень обыкновенные, но проныры, лгуны, шарлатаны и отъявленные злодѣи. Посмѣяться, сдѣлать зло—такая практика, таково сужденіе у другаго во всю его жизнь; да и такъ какъ *колдунъ* состоитъ всю жизнь въ зависимости отъ дьявола,—то что можетъ сдѣлать служитель злаго духа?!

Предсказавшему или пособившему въ горѣ чародѣю дѣлается особенное уваженіе, *вѣжливость* (въ истинномъ значеніи слова), и нѣтъ почти конца благодарностямъ: ему *почетъ* о праздникахъ и на свадьбахъ какъ главному лицу, вездѣ онъ—какъ говорится—*правая рука*, вѣкъ его не забываютъ и дарятъ.

Они въ народѣ называются: *знатоками, знающими* (отъ того, что *знается* съ дьяволомъ), *знахарями, шептунами, заговорниками, лекарями, ворожбами, икотниками, колдунами.* – Въ древности знахарь назывался *кудесникомъ*.

Говорятъ, чтобъ узнать силу и искуство колдуновъ, т. е. *спознаться* и *водиться* съ чертями, нужно снять съ шеи крестъ, положить его въ сапогъ подъ пяту и ходить такъ нѣсколько времени, говоря слова: *отрекаюсь Бога и Животворящаго Его Креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ;* кромѣ того, нужно отказаться отъ родныхъ. Вѣрятъ, что колдунамъ непремѣнно содѣйствуютъ дьяволы, которыхъ они видаютъ въ лицахъ.

Потеря знанія колдуна составляетъ еще для насъ нѣкотораго рода секретъ. Бываетъ, что колдунъ теряетъ свое знаніе тогда, когда противъ его дѣйствій пойдетъ болѣе сильный знахарь, или если постараться разбить носъ колдуна мужицкимъ кулакомъ такъ, чтобы вытекла кровь.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о колдовствѣ здѣшнихъ знахарей можно найти въ главѣ о заклинаніяхъ, наговорахъ и оберегахъ, помѣщаемой въ слѣдующемъ выпускѣ.

Крестьяне вѣрятъ и нынѣ, что болѣзни, особенно лихорадки, являются женщинами во время сна.

Они говорятъ и вѣрятъ, что смерть предъ кончиною жизни человѣка, назначенной судьбою, является въ видѣ человѣческаго скелета, а иногда и сказываютъ, что *пришла похитить такого-то*. Вѣрованію въ это способствуютъ картины, гдѣ смерть показывается безтѣлесною и съ косою, на подобіе *литовки* (русской косы).

Заклинаніе, или *наговоры, заговоры* и *подходы*, бываютъ къ властямъ, на любовь (дѣвушки, на разлуку замужней, на любовь всѣхъ),—на исцѣленіе отъ ранъ, недуговъ и болѣзней (отъ урока, сглаза, отъ вередовъ и чирьевъ, отъ нечистоты, отъ истеченія крови, прикоса, призора, отъ ожога, отъ грыжи, отъ пьянства, отъ ушибовъ, на притчи, отъ стрѣлъ, отъ полунощницы, отъ зубной боли),—на полученіе уваженія, счастія, корысти.

Обереги бываютъ разные отъ всѣхъ золъ и напастей (на сохраненіе скота, живота, при родахъ, при поѣздѣ свадьбы).

Напуски и порчи бываютъ на болѣзни, на учиненіе всякаго зла (*насадить грыжу, килу, стрѣлы, икоту, останавливать свадьбы, прятать невалютно вещи, угонять скотъ отъ вида*).

Ворожба бываетъ въ случаяхъ воровства, для узнанія вора. Кромѣ того употребляются *оприкосы*, или заклинанія отъ глазу и порчи, *правила* промышленникамъ и охотникамъ на звѣря, птицу и рыбу. Смотри подробнѣе въ слѣдующемъ выпускѣ сего Сборника.

По мнѣніямъ знахарей, болѣзни бываютъ двухъ родовъ: однѣ рождаются отъ воды, отъ лѣсу, отъ могилы, отъ земли и т. п., другія же происходятъ отъ *порчи* недобрыхъ людей.

Чтобы узнать, отчего произошла болѣзнь, колдунъ беретъ крестъ отъ больнаго и опускаетъ въ воду, въ которой разсматриваетъ по своему искусству.

Болѣзни въ простонародіи подраздѣляются на *скорбь, черную болѣсть, падучую болѣзнь, болѣчь, немочь, призоръ, прикосъ, сглазъ, урокъ, исполохъ, зудъ, озѣву, икоту.*

Порча, въ обширномъ смыслѣ, разумѣется вообще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства.—Порча бываетъ и тогда, когда кто идетъ, *да перешагнетъ* чрезъ порогъ *не благословясь*, т. е. не перекрестившись и съ худыми мыслями.

Скорбь—сердечная болѣзнь.

Черная болѣсть—холера, а также сифилитическая.

Немочь—вообще естественно рождающіяся болѣзни.

Сглазъ, или урокъ. *Иной разъ захвораешь или сядетъ те чирей отъ худаго глаза*, слыхалъ я разговоръ крестьянъ. Они, по этому, стараются скрывать отъ посторонняго взора ребятъ, больныхъ, невѣстъ; думаютъ, что могутъ случиться съ ними болѣзни отъ дурныхъ глазъ злыхъ и хитрыхъ людей.

Урокъ значитъ сухота.

Призоръ, или прикосъ, по мнѣнію суевѣрныхъ, происходитъ отъ недоброжелательнаго, завистливаго взгляда чужаго человѣка. Объ этомъ случаѣ говорятъ: *ему съ глазъ пришло* (нездоровое),—*ужъ его вѣрно кто нибудь оприкосилъ.*—Когда хвалятъ родство или красоту, или, напротивъ, ругаютъ—*оговариваются* и *отплевываются.*

Озева происходитъ тоже *отъ сглазенья*, отъ дурнаго недобраго глаза, или отъ словъ, сказанныхъ кѣмъ либо *въ сердцахъ* про другаго съ досадою, со злобною завистью, или же *отъ зъвоты и потяготы* при одолѣніи лѣности на кого нибудь. Есть что-то (прибаутка или наговоръ): «*лѣнь потягота, поди на Ѳедота, съ Ѳедота—на Якова, а съ Якова—на всякаго.*»

Оговоръ напускается также отъ какихъ либо словъ завистливаго чужаго человѣка, сказанныхъ хотя отъ добраго сердца и даже ласковыхъ, но не въ добрый часъ. Оговореннаго вспрыскиваютъ чрезъ уголь холодной водой.

Исполохъ—есть мгновенный испугъ. Испугавшагося обрызгиваютъ водою, или *исполохъ унимаетъ* знахарь.

Леченіе больныхъ фокусниками—знахарями производится въ одно и тоже время врачебными средствами и заклинаніями, т. е. остатками древнихъ языческихъ молитвъ, по мнѣнію народа, съ волшебнымъ участіемъ нечистой силы.

Врачеваніемъ у знахарей служатъ большею частію травы, такъ напримѣръ, какой-то *воронецъ* отъ ушибовъ, *плакунъ* отъ икоты, настой въ винѣ изъ *изгона* и *полузгона* отъ всякой болѣзни; однакожъ идутъ въ дѣло кошачье сало, сорочьи мозги и проч. Но главная сила какъ въ леченіи, такъ и въ заговорахъ, оберегахъ, подходахъ и *напускахъ*, состоитъ въ нашептываніи.

Нашептываніе производится въ воду, квасъ, пиво, вино, скипидаръ, соль, сливки, деревянное и коровье масло, въ хлѣбъ, калачи, пряники, въ перчатки, въ скатерти, платье, на кольцо, кресты. Чтобы получить желаемую пользу отъ *колдовства*, надобно воду, квасъ, пиво, вино, сливки — выпить, — скипидаръ, соль, масло — вытереть на тѣло,—а изъ одежды одѣть или положить около себя. Водой еще сбрызгиваютъ и окачиваютъ; при этомъ нерѣдко употребляется ножъ или ножницы. Отъ того, изъ суевѣрной боязни получить напускъ, крестьянинъ, начавъ что либо пить, *одунетъ* питье кресто-образно и сотворитъ Іисусову молитву; жидкое все, молоко, воду и другое — закрываютъ, если *не покрышками*, то двумя лучинками, на крестъ положенными.

Народъ вѣритъ отчасти, что мущина, выпившій *спитки* (остатки отъ чего нибудь жидкаго) воды, кваса, пива, водки и др. послѣ питья женщины, привяжется къ ней и будетъ волочиться за нею. Бываетъ тоже—говорятъ—и наоборотъ съ дѣвушкою, или замужней женщиною, выкушавшею опитки мущины.—По этому, всегда почти, остатки тѣ выливаютъ изъ сосуда вонъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться оттого такъ, что безъ женщины, или ей—безъ мущины, нельзя будетъ ни жить, ни быть.

Кромѣ наговоровъ и подходовъ на любовь дѣвицъ, есть еще магическія средства. Такъ, носятъ коровью кость, составляющую проходъ съ ложечкою дѣтороднаго уда; когда, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, выползаютъ лягушки и кричатъ, должно взять на желѣзный крючекъ тѣхъ, которыя будутъ въ совокупленіи, и повѣсить въ соединительномъ положеніи, чтобы онѣ такъ околѣли и высохли; потомъ, такія лягушечьи скелеты, носятъ припрятавши съ увѣреніемъ, что которые ихъ имѣютъ, тѣмъ ни въ чемъ не откажетъ ни одна дѣвушка.

Ворожба. Чтобъ узнать кто укралъ, знахарь беретъ рѣшето, ноженки, ковригу хлѣба и икону. Первѣе на столъ кладетъ хлѣбъ, а на хлѣбъ икону; рѣшето же обечкою налагаетъ на ножницы, а расширенныя ножницы

беретъ въ руки, и, приспособляя, устанавливаетъ, чтобы онѣ съ рѣшетомъ держались на ногтяхъ пальцевъ рукъ. Потомъ произноситъ имена тѣхъ людей, которыхъ подозрѣваютъ въ винѣ. Когда, изъ прикосновенныхъ по подозрѣнію въ кражѣ, подходитъ къ хлѣбу съ стоящей на немъ иконой, смотря на нее (какъ бы присягая), рѣшето должно тогда же качнуться въ которую либо сторону. Если оно качнется прочь отъ обвиняемаго,— то значитъ, что онъ непричастенъ въ разъясняемомъ преступленіи; но, ежели рѣшето наклонится въ сторону приводимаго, то онъ виновенъ въ воровствѣ. Этому вѣрятъ болѣе, чѣмъ бы застать вора на его дѣяніи.

Въ другихъ случаяхъ ворожбы гадаютъ различными способами: смотрятъ въ чашки съ водою, бросаютъ въ рѣку стружки, дѣлаютъ какіе-то знаки на лучинкахъ, бросаютъ въ огонь бересту. Тогда, узнавая вора, знахарь не называетъ имени его, а только разсказываетъ въ общихъ чертахъ примѣты, платье, обувь.

Въ дополнительныхъ замѣткахъ къ статьѣ объ обычаяхъ г. Иванова, находимъ еще слѣдующія данныя:

— Когда бываешь на лѣтнихъ гуляньяхъ въ деревняхъ, то, по расходѣ дѣвичьяго круга и борьбы мущинъ, знакомые приглашаютъ васъ къ себѣ такими словами: «просимъ поужинать». Если же вы переждете въ деревнѣ и вечернюю и ночную пору, то васъ позовутъ такъ: «просимъ поужинать съ нами, да переночевать».

— Точно какъ передъ сѣвомъ, такъ и передъ просьбой хозяйки приготовляютъ обыкновенные колоба на маслѣ.

— Въ день праздничный многіе уходятъ изъ домовъ слушать обѣдню въ мѣстныхъ церквахъ, гдѣ празднича отъ. Послѣ этого расходятся по гостямъ и живутъ *до закатимаю* т. е. до самой ночи; другіе-же ночуютъ.

— На Покровъ Пресв. Богородицы, дѣвушки вымаливаютъ жениховъ еще такъ: «*Господи! наведи мнѣ мужа умнаго-разумнаю!*»

— Въ Михайловской волости вмѣстѣ съ гробомъ покойника везутъ *хлѣбню* съ шаньгами, пирогами и колюбакой. По отпѣваніи этой провизіей пользуются священно-церковно-служители. Трапеза совершается въ церкви. Остатки отъ стола раздаются нищимъ.

— Въ день «Сорока Святыхъ» (мучениковъ, 9 марта) есть обычай печь изъ чернаго и бѣлаго тѣста (конечно, особо изъ каждаго) печенья въ видѣ птички или, какъ говорятъ, «уточки». Это означаетъ прилетъ жаворонка. Кромѣ того въ этотъ день пекутъ *сочни* не изъ тѣста, а изъ *опары* на ягодахъ брусники, и непремѣнно 40 числомъ, или дважды 40.

— Въ праздники ничего не дѣлаютъ, а бражничаютъ, потому что если работать—«Богъ руки отниметъ»; если заниматься умственно—«Богъ разумъ отниметъ».

— Въ свадебные дни двери дома, гдѣ празднуется свадьба, остаются открытыми. Лишь въ домѣ невѣсты запираютъ ворота, когда благословляютъ родители передъ отъѣздомъ.

— Въ переломъ говѣнья, т. е. на 4-й недѣлѣ великаго поста, пекутъ *колобы* на постномъ маслѣ.

— При ходьбѣ съ «кашными пѣснями» схватываются руками и идутъ женщины впереди, а мужчины (отдѣльно) позади.

— Кончивъ на послѣднемъ полѣ жатву, кашницы собираются вокругъ и становятся глазами на востокъ. Затѣмъ всѣ въ голосъ и громко кричатъ, крестясь при томъ: «слава Богу, слава Богу, (такой-то) обжался, (такой-то) обстрадался». Потомъ берутъ серпы и женщины отправляются къ хозяину на пиръ съ пѣснью, которую поютъ и передъ домомъ поле-хозяина, пока онъ не растворитъ у себя воротъ и не попроситъ войдти въ избу.

— Въ первый день Пасхи не метутъ половъ и не варятъ каши, даже не завариваютъ скоту парева, по тому суевѣрію, что иначе: выпашешь изъ дому, или сваришь Христа.

— О Пасхѣ на колокольни дѣвки собираются около полудня. Прежде, сказываютъ, на колокольняхъ водили круги, а въ церковныхъ оградахъ упражнялись въ разныхъ играхъ и забавахъ.

— Въ «*чистый понедѣльникъ*»: а) рано утромъ скатываются по три раза съ ледяныхъ горъ: «на ленъ и коноплю», т. е. на урожай ихъ; б) моются въ баняхъ-очищаются; в) не варятъ «горячаго»,— не приготовляютъ вареной и жареной пищи; г) не зажигаютъ весь вечеръ огня для своего освѣщенія.

— Послѣ мытья въ банѣ, въ церковь въ тотъ день не ходятъ, ибо это грѣшно.

Касательно гаданій въ Пинежскомъ уѣздѣ читаемъ слѣдующее въ статьѣ П. А. Иванова:

Въ настоящее время гаданіе есть ничто иное, какъ одна бабья философія; прошло много времени и древнія творенія потеряли значеніе, потому что потеряли силу въ глазахъ людей съ понятіями.

Главныя гаданія бываютъ о *святкахъ, въ святые вечера*. Такими вечерами называются вечера 22, 23, 24 и 31 декабря и 5 января; святыми же называется періодъ времени отъ Рождества до Крещенья. Также гадаютъ и въ переломъ великаго поста, т. е. въ ночь съ среды на четвергъ 4-й недѣли.

1). *Льютъ воскъ и олово*. Берутъ кусокъ олова или воска и растапливаютъ на огнѣ; а потомъ горячее оно опускается въ холодную воду. Какая фигура образуется изъ слитка, то и означаетъ будущее: выльется круглая пуговка, въ видѣ головки,—родится дитя; сольется

олово или воскъ въ пластинку,—значитъ гробъ—смерть и т. п.

2). *Смотрятъ въ зеркала.* Для этого иконы убираются изъ предназначенной комнаты, окна съ улицы заслоняются ставнями или завѣшиваются изъ нутри, крестъ скидывается съ *ворота* (съ шеи) и кладется подъ пяту. На средину комнаты ставятся два стола, на нихъ полагается по одному большому зеркалу и передъ ними зажигаются восковыя свѣчи. Гадающая раздѣвается въ сорочку, садится въ средину межъ столами и въ такомъ положеніи ожидаетъ полуночи. Въ 12 часовъ по полуночи, будто бы является въ зеркалахъ тѣнь того самаго жениха, который возьметъ гадальщицу въ замужество,—или придетъ покойникъ,—или же покажется гробъ. Говорятъ, что этотъ способъ очень страшенъ и что не мало гадавшихъ лишалось отъ страха жизни.

3). *Жгутъ бумагу.* Берутъ примѣрно поллиста бумаги (мягкой и тонкой) писчей и ее складываютъ какъ мѣхи у гармоники. Сложенную такъ бумагу устанавливаютъ въ стоячку на гладкомъ мѣстѣ (на столѣ, на подносѣ) ближе къ стѣнѣ. Свѣчу съ огнемъ опускаютъ ниже, такъ чтобы свѣтъ показывался не много изъ подъ стола или чего другаго. Поставленную бумагу зажигаютъ сверху, во всѣхъ направленіяхъ вдругъ. При тишинѣ она постепенно горитъ и сгараетъ въ трутъ, который свертывается въ разнообразные виды. Виды эти показываютъ отъ тѣни рисунокъ на стѣнѣ; по нимъ-то и узнаютъ, что будетъ въ жизни слѣдующаго года. Мнѣ не разъ случалось видѣть гаданія всякаго рода и показалось, что всегда ими болѣе выливается, показывается и слышится то, о чемъ настроены мысли, и какъ человѣка постоянно занимаетъ не одинъ предметъ, или не одна мечта, хотя всѣ думы не въ одинаковой степени воображенія, то непременно предугадыванія кажутся согласными съ бродящими въ головѣ планами.

4). *Гадаютъ на зерно.* Каждая изъ собравшихся дѣвушекъ беретъ *пригоршню* зерноваго хлѣба и высыпаетъ ее изъ рукъ на полъ кучкою. Такихъ кучекъ высыпается на полъ въ разныхъ мѣстахъ столько, сколько гадаетъ дѣвушекъ; всякая знаетъ свою. По полу пускаютъ пѣтуха. Замѣчаютъ. чью кучку напередъ станетъ клевать пѣтухъ,—та выйдетъ замужъ ранѣе прочихъ.

5). *Слушаютъ на разстаняхъ,* (мѣстахъ, гдѣ сходятся, или расходятся вѣтви дорогъ). Вотъ разсказъ объ этомъ гаданіи. Не очень давно собралось нѣсколько дѣвушекъ послушать *въ святой вечеръ на разстани.* Взяли они съ собой не трусливой руки парня и вышли *на разстаню.* Тутъ они зажгли взятую лучину и углемъ отъ нея очертили по снѣгу кругъ, такъ около себя, въ чертѣ котораго всѣ и усѣлись. Сидѣли всѣ съ трепетомъ, боясь проговорить одно слово. Кресты съ шей у нихъ были сняты и оставлены въ домѣ, гдѣ сговаривались идти слушать. Вотъ подходитъ полночь,—слышатъ звукъ колокольчика, гдѣ-то далеко. Ѣдутъ, сказали, и всѣ переглянулись, подумавши, что будетъ свадьба,—значитъ, которая нибудь изъ дѣвушекъ выйдетъ *замужъ.* Наконецъ, видятъ: ѣдетъ на лошади баринъ, весь въ латахъ,—за нимъ катятся коляски и въ нихъ народу *тьма-тьмущая.* Всѣ ѣдущіе были вооружены: кто ружьемъ, кто пистолетомъ, кто саблею, а кто и штыкомъ. Вотъ подъѣхали они къ тому мѣсту, гдѣ *слушальницы* и подняли такой вой и крикъ, что Боже упаси; всѣ вдругъ кинулись на нихъ, но перейдти за очертанный кругъ не могутъ *да и только,* оттого, что онъ сдѣланъ со *святыми словами,* да и *оружья* занести не могутъ, какъ бы и въ воздухѣ *дьяволенку* сдѣлана стѣна. Долго такъ бѣсы пугали *слушальницъ* нашихъ и говорили «вотъ, вотъ ту стрѣляй» ничего не могли сдѣлать. А дѣвки-то всѣ и трухнули, прижались другъ къ дружкѣ, и лежатъ ни живы, ни мертвы,—знать *впервой* случилось. Подъ конецъ всего стала *заниматься заря* и всѣ черти удрали. Въ послѣдствіи одна дѣвка померла *съ испугу,* а изъ другихъ ни одна не вышла *замужъ* въ тотъ годъ, да и парень-то долго поминалъ *про это,* и бредилъ *во снахъ.*

6). *Слушаютъ у прорубей* на рѣкахъ и озерахъ. Вечеромъ, ближе къ полночи, дѣвка одѣваетъ на ноги чулки и бѣжитъ *къ проруби.* Выслушавъ, что ей надо было, она возвращается домой, и, не снимая съ ногъ чулковъ, ложится на печь спать. Замѣчаютъ: если ночью чертъ потащитъ чулокъ съ правой ноги, мужъ у дѣвушки будетъ хорошій, *путный,*—а ежели тащить чулокъ будетъ съ лѣвой ноги,—мужъ будетъ худой, пьяница.

7). *Слушаютъ у замковъ при церквахъ.* Тутъ отгадываютъ по гулу или звуку, отдающемуся въ церкви: звенитъ,—*къ хорошу,*—шумитъ—*къ худу,*—гремитъ—будетъ что нибудь еще опаснѣе.

8). *Слушаютъ у домовъ* подъ окнами. Замѣчаютъ: если слышится ревъ дѣтей,—въ тотъ годъ у слушающаго родится ребенокъ;—если говорятъ о поѣздкѣ куда либо, будетъ *дальная дорога,*—если поютъ—жить въ году будетъ весело и т. п.

9). *Слушаютъ у пустыхъ строеній.* Замѣчаютъ: если слышится, что пересыпается жито,—годъ будетъ хорошій;—катаются бочки—къ худому году;—тешется или пилится тесъ,—къ покойнику.

10). *Слушаютъ за тынами* (оградами). Тутъ, дождавшись перваго проходящаго, не выходя изъ-за забора, спрашиваютъ: кто идетъ? т. е. какъ зовутъ мужчину. Примѣчаютъ дѣвушки при этомъ, какое будетъ имѣть имя тотъ мужчина, съ такимъ же именемъ будетъ у слушавшей дѣвушки мужъ.

11). *Ходятъ ночью на гумно.* Тутъ, зажмуря глаза дергаютъ зубами изъ овина рожь. Замѣчаютъ: если выдерется полный колосъ—знакъ богатой жизни въ будущности, тощій—напротивъ.

12). *Строятъ на ночь подъ постелью мосты.*

13). *Гадаютъ по дровамъ.* Задумавшей погадать дѣвушкѣ завязываютъ глаза платкомъ. Потомъ ее ведутъ къ костру дровъ, съ тѣмъ чтобы она вынула одно полѣно изъ средины костра.—Замѣчаютъ въ избѣ: если полѣно попадается гладкое—мужъ у дѣвушки будетъ чистый лицомъ, *красавчикъ*; ежели же суковатое и съ кривыми сердцевинами, лице будущаго мужа будетъ шадровитое или нечистое: угреватое, съ пятнами, съ веснушками, или будетъ онъ красивой, но косой.

14). *Замѣчаютъ въ святые вечера.* Отправляясь нарочно по дорогѣ, дѣвушка узнаетъ, что мужа ея (въ мечтахъ) будутъ также звать, какъ зовутъ перваго встрѣтившагося мужчину; такъ и у мужчинъ—жена будетъ съ такимъ именемъ, какое имѣетъ первая встрѣчная женщина.

Кромѣ такихъ гаданій *въ святки*, которыя имѣютъ цѣлью преимущественно узнать суженаго, или суженую,—бываютъ еще особыя на разныя случаи, которыхъ и называютъ примѣтами.

Вотъ еще потѣшный способъ отгадыванія. «Если, напримѣръ ты (такъ слушалъ я исторію фокуса) хоть, захочешь узнать счастье въ своемъ положеніи на умишкѣ намѣреньи, возьми не гляда (закрыть вѣками глаза), а пальцы у рукъ сожми въ кулакъ,—и оставь не сжатыми только средній палецъ у каждой руки, и руками верти вокругъ (безграничнаго круга) какъ можно шибче; потомъ сведи ихъ мгновенно вдругъ. Если угодишь такъ, что палецъ щелкнетъ о другой палецъ, то намѣреніе твое сбудется счастливо; а если пальцы проскочутъ мимо другъ дружки—то неудача будетъ.

Сверхъ всего вѣрятъ, особливо женщины:

1) въ сны и грезы, съ придачею имъ значенія;

2) изреченіямъ лже-народныхъ дураковъ и дуръ;

3) шарлатанственнымъ ясновидѣніямъ цыганъ, подобнымъ тому, какъ слѣдующая глупая отгадка: у кого природныя черты на ладоняхъ рукъ направлены промежъ пальцы,—тотъ никогда не будетъ богатъ и напротивъ—деньги *пройдутъ прахомъ*. У кого же онѣ идутъ въ самые пальцы,—тотъ узнаетъ расчетъ въ деньгахъ, у того будутъ копиться деньги, тотъ будетъ имѣть счастіе быть богатымъ;

и 4) ворожбѣ знахарей съ ихъ чудесничаніемъ, которое должно составлять отдѣльную категорію.

Льютъ слова, гадая о своей судьбѣ по той формѣ, какую принимаетъ слитокъ; такъ наприм. походитъ на телегу—гадалица представляетъ себѣ: будетъ путь,—кажется поѣздъ новозокъ—у гадалицы будетъ сватьба и т. п. Часто слитокъ принимаетъ неопредѣленную форму и тогда завязывается общій споръ о значеніи слитка.—Слитки сохраняютъ до другихъ святокъ.

—

Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ.

Мы знаемъ только, что въ понедѣльникъ:

1). Не отправляются въ дальный путь потому будтобы, что онъ будетъ несчастливый.

2). Не дѣлаютъ труднаго и не начинаютъ важнаго. Говорятъ, что если дѣлать въ понедѣльникъ что либо трудное и великое, придется всю слѣдующую недѣлю биться въ трудахъ съ неуспѣхомъ и несдѣлать начатаго.

3). Особенно не даютъ въ долгъ, а стараются какъ бы деньги получать, потому что, если давать въ долгъ въ понедѣльникъ, все раздашь, что имѣешь, и не получишь въ возвратъ, а ежели получать будешь деньги въ понедѣльникъ—онѣ прибывать будутъ.

4). Замѣчаютъ, что если въ этотъ день случится что нибудь, выходящее изъ круга скромной обыденной жизни, то тоже самое будетъ повторяться въ послѣдующіе за понедѣльникомъ дни.

5). По понятіямъ русскаго человѣка понедѣльникъ вообще почитается тяжелымъ днемъ, по преимуществу рабочимъ, трезвымъ днемъ.

Замѣтимъ, что обычай ничего не дѣлать въ понедѣльникъ, т. е. почти праздновать, происходитъ изъ Тюрингена, съ 16 столѣтія (Сѣверная Почта № 62. 1862 г., Истор. Очерки церковныхъ установленій въ Западной Европѣ. Статья Штакельберга).

Пятница считается вообще несчастнымъ днемъ; но если Благовѣщенье случится въ день пятницы, то совершенно не предпринимаютъ и не говорятъ важнаго. *).

—

Прибавляемъ двѣ прибаутки:

1-я Въ воскресенье—на веселье.
Въ понедѣльникъ—на похмѣлье.
Во вторникъ—на торгъ **).
Въ среду—на мѣру.
Въ четвертокъ—на посадъ ***).
Въ пятницу—на мельницу.
Въ субботу—на работу ****).

2-я Суббота—на бабъ работа, на дѣвокъ сухота, на ребятъ вертежъ, на старухъ пердежъ...

---

*) Въ другихъ краяхъ считаются несчастными 7 и 13 числа.

**) Въ г. Архангельскъ.

***) Въ уѣздныхъ городахъ Арх. губерніи базары бываютъ почти вездѣ по четвергамъ.

****) Въ субботніе дни не ходятъ въ гости.

Солнце, мѣсяцъ, паденіе звѣздъ, громъ, молнія, стрѣлы.

(*Отвѣты на программу миѳическихъ свѣдѣній*).

— Солнце далеко менѣе земли.

— Мѣсяцъ (луна), тоже что и солнце; она замѣняетъ солнце на ночь.

— Видимое паденіе звѣздъ признается за дѣйствительное; при видѣ падающихъ звѣздъ повторяютъ три раза *аминь* (истинно).

— *Сполохи* (сѣверное сіяніе) считаются ночными свѣтилами неба. Частая *игра* ихъ (постоянное и ужасное переливаніе яркихъ и исполненныхъ сильнаго блеска лучей сѣвернаго сіянія) признается предвѣстникомъ войны за отечество.

— Громъ гремитъ отъ того, что по небу ѣздитъ на огненныхъ коняхъ въ колесницѣ святой Илья Пророкъ.

— Чтобъ избавиться отъ удара грозы нужно имѣть при себѣ *громовую стрѣлу*; (это камушекъ, на подобіе стрѣлы и въ видѣ грифеля, употребляемаго учениками для письма на аспидныхъ доскахъ); ее находятъ болѣе въ камняхъ при берегахъ рѣкъ.

— Молнія—*Божья благодать*, (называютъ *молоньею*) и громовая стрѣла. Она, по повелѣнію Вышняго гоняется за дьяволами, такъ: она убивала праведниковъ потому, что около нихъ были дьяволы, искушавшіе угодниковъ Божіихъ въ святой ихъ жизни; она производитъ лѣсные пожары отъ одного дерева сосноваго или лиственнаго, о которое она ударяется и гдѣ прячется злой духъ; дерево это колетъ въ вершинѣ, отбиваетъ въ куски, превращаетъ въ щепки, сердцину сверлитъ нажогою и вылетаетъ опять къ верху; молнія проходитъ въ трубы и окна потому, что ищетъ убѣгающаго чорта; убиваетъ она людей и скотъ тоже потому, что видитъ въ нихъ бѣса.

Пятна на лунѣ, олицетворенiе временъ года,

На лунѣ обозначается картина злаго убійства Каиномъ брата Авеля, для указанія людямъ прегрѣшенія человѣка перваго рода.

О борьбѣ времени года, я не получалъ ни отъ кого свѣдѣній, но слышалъ только, что когда открывается весна—то значитъ, что *бурка идетъ на горку, а сивка бѣжитъ подъ горку*, а когда наступаетъ осень съ морозами,—то значитъ, что *сивко* (снѣгъ) *идетъ на горку* (нападаетъ сверху), *а бурко идетъ подъ горку* (земля поступаетъ подъ снѣгъ).

Времена года, затмѣнія, луна, звѣзды, пожаръ отъ молніи, дождь, земля.

Въ какихъ образахъ представляются у жителей Пинежскаго уѣзда времена года—я тоже не знаю. Слыхалъ лишь только, что говорятъ:—*весна красна лѣто красное*,—*зима бѣла*,—*осень черная*.

Какъ затмѣній небесныхъ свѣтилъ ожидаютъ *перемѣны свѣта*, т. е. втораго пришествія Іисуса Христа.

— Появляется не полная луна—*нарождается*.

— Съ явленіемъ луны наступаетъ холодъ.

— Въ новолуніе хорошо клюетъ на удочки рыба въ озерахъ.

— Изъ звѣздъ въ народѣ извѣстны: *Медвѣдица*, *Лось* (созвѣздіе Большой Медвѣдицы) и *Зорница*.

— Пожаръ, происшедшій отъ молніи нельзя затушить ничѣмъ, какъ только молокомъ.

— Дождь, падающій когда сіяетъ солнце,—благодѣтеленъ для произрастенія.

— Земля плоска.

— Стоитъ она (иные такъ толкуютъ) т. е. земной шаръ, на трехъ огромной величины китахъ; одинъ изъ нихъ уже умеръ.

Подземное царство, теплая сторона, востокъ, земля, вода, блуждающіе огни.

Подъ землей еще есть земля и на ней живутъ люди; землю нашу люди тѣ считаютъ небомъ.

— Теплая сторона та, гдѣ былъ земной рай и окрестности его нахожденія.

— Востокъ—пребываніе Бога на небѣ наиболѣе. По этому и церкви строятся фасадомъ къ Востоку, да и дома болѣе тудa *глазами*.

— *Мать—сыра земля Земля—матушка, кормилица наша*.

— Вода употребляется какъ лѣкарство: брыжжутъ отъ испуга и чародѣи *наговариваютъ* колдовства отъ болѣзней; а какъ очистительное средство: моются въ баняхъ, моются съ утра отъ сна, купаются въ рѣкахъ или окачиваются водою послѣ водоосвященія съ крестными ходами.

— Блуждающіе огоньки, къ которымъ боятся подходить, въ лѣсу, на кладбищахъ, въ заповѣдныхъ рощахъ, гдѣ были прежде поселенія, или разрушенныя строенія, вообще же на холмахъ—показываютъ *клады*, о которыхъ повѣрье сохранилось въ народныхъ преданіяхъ доселѣ.

КЛАДЫ.

Огни показываются сіяніемъ изъ подъ земли, или съ блескомъ золота; такъ, будто бы, горятъ на мѣстахъ кладовъ *воскуяровыя свѣчки*, стоятъ *золотые пѣтухи*, кажутся *золотыя карты* и т. п. неправдоподобщины, чарующія въ грезахъ суевернаго мужика, который принимаетъ тѣ явленія за сверхъестественыя, чудесныя. Когда покажется счастливцу кладъ, онъ долженъ проговорить: «*чуръ, чуръ, свято мѣсто*, — *чуръ Божье*,

да мое» и накинуть на мѣсто открытаго клада шапкою съ головы, что значитъ оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать о тайнѣ; потомъ проговорить: *аминь, аминь, аминь—разсыпься*. Говорятъ, что клады сохраняютъ золото и серебро, деньгами и вещами. Ихъ находятъ въ желѣзныхъ и мѣдныхъ котлахъ, въ глиняныхъ горшкахъ, въ берестянныхъ коробкахъ, въ деревахъ, и просто въ землѣ.

Начало кладовъ относятъ ко временамъ Чуди. Отыскиваютъ ихъ потому, что прежде Чудь бѣжала отъ Новгородцевъ въ лѣса; тамъ она скрывала свое имущество отъ непріятелей, тамъ же погребала своихъ покойниковъ, съ которыми зарывала и часть ихъ богатства; въ лѣсахъ же, люди изъ Чуди погребались живыми въ глубокихъ рвахъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Находятъ древности и въ глиняныхъ горшкахъ.

Далѣе слѣдуютъ отрывочныя замѣтки, также предназначенныя къ главѣ о суевѣріяхъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ расположены самимъ авторомъ.

— *Праведно:* такъ величается солнце.

— *Порогъ*—какъ бы стража. На немъ сидѣть или стоять нельзя. Подавать, брать или разговаривать чрезъ него тоже нельзя.

— На осинѣ—говорятъ—повѣсился Іуда, предавшій Спасителя. Листья на осиновомъ деревѣ трепещутся—означаютъ предательскую трусость Іуды; осенью они дѣлаются красными—означаютъ напрасно пролитую кровь Іисусомъ Христомъ.

— Родительское проклятіе—непремѣнно исполнимо.

— Спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся, потому что будешь подобенъ Іудѣ предателю.

— Медвѣдь былъ прежде человѣкомъ, но, по повелѣнію Господню, за убійство родителей, сдѣлался хищнымъ лѣснымъ звѣремъ.

— Лягушка была человѣкомъ; но, будучи—заклята угодниками Божіими, превратилась въ тварь. Къ ней, какъ къ несчастному существу, питаютъ жалость въ убійствѣ, какой не бываетъ къ другимъ пресмыкающимся.

— Рябчикъ былъ прежде огромная птица, но какимъ-то чудомъ по жалобѣ тетеревей, половина бѣлаго его мяса перешла къ тетерямъ. Оттого рябчикъ сталъ малъ, а тетери большіе и у послѣднихъ выходитъ разительное несходство мяса.

— Черные тараканы (въ родѣ жука) своимъ появленіемъ приносятъ въ домъ счастіе, и потому ихъ не убиваютъ какъ другихъ таракановъ.

— Горностая, появившагося на жительствѣ подъ домомъ, тоже не убиваютъ, вѣря, что при нахожденіи его въ домѣ увеличивается богатство хозяина.

— Голубь почитается священнымъ существомъ. Его не убиваютъ, а нарочно прикармливаютъ, чтобы водились въ домахъ, вѣря, что гдѣ водятся голуби, тамъ водится и счастіе отъ Божественной благодати.

— Во́роны—предвѣстники смерти.

— Воро́ны—предвѣстники дождя.

— Сороки—предвѣстники гостей.

— Повѣрья о миѳологическихъ или вымышленныхъ животныхъ поддерживаютъ въ народѣ лубочныя, нецензурованныя картины.

— Выпавшіе зубы дѣтей бросаютъ за печи съ приговоркою: «мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяной, дай коренной». Пожилые люди выпавшіе зубы сохраняютъ въ тряпкахъ.

— Стриженные или выпадающіе при прическѣ волосы собираютъ въ кучки и кладутъ въ небольшія печурки. Говорятъ, что нельзя выбрасывать волосъ на улицу; иначе, заболятъ головы.

— Утерять съ шеи крестъ—къ покойнику.

— Двойчатый орѣхъ (сросшіеся два орѣха)—счастливый. Его держатъ при себѣ въ карманахъ или у крестовъ.

— Также найдти луговую травинку, обыкновенно съ двумя круглыми листочками, на которой три листка: значитъ найдти счастье. (Луговой трилистникъ или клеверъ).

— Крестятъ ротъ для того, чтобы туда какъ нибудь не залетѣла нечистая сила.

— Число 13-ть—«*Чертова дюжина*». Этотъ предразсудокъ занесенъ изъ Петербурга.

— О лунѣ есть такое вѣрованіе, что мѣсяцъ изображаетъ вѣсы и на этихъ вѣсахъ вѣшаются Каинъ и Авель; Авель перетягиваетъ Каина.

Приметы у Пинежанъ.

1). Западъ (вѣтеръ) съ дождемъ, и лѣтникъ (югъ) съ напастью (болѣзнями).

2). Ежели на востокѣ небосклона покажутся на ночь *синевицы* (облака тускло-синяго цвѣта) и солнце станетъ *перекрывать* (скрывать облаками) будетъ на завтра: лѣтомъ дождь, а зимою мокрая погода (снѣгъ).

3) Если послѣ вѣтра слѣдуетъ иней, переходящій въ туманъ, то погода будетъ не хорошая, ненастная.

4). Вѣнцы или бѣловатые круги вокругъ солнца луны или звѣздъ—признаки дождя.

5). Если зимою мало снѣга, мало будетъ и дождей лѣтомъ.

6). *Ивановски дожди, лучше золотой горы.* Они бываютъ очень благопріятны росту хлѣбовъ.

7). Замѣчаютъ перемѣну погоды по вакушамъ (лягушкамъ): если у лягушки кожа сѣраго цвѣта—будетъ дождь, а ежели у *клоктуши* кожа желтая, передовое время будетъ *вёдро*.

8). Если ласточка летаетъ низко надъ землею—будетъ дождь.

9). Пляшіе (трескучіе) морозы, кромѣ Рождественскихъ, Предтеченскіе (послѣ 7-го января) и Аѳонасьевскіе (послѣ 18 января).

10). Зимнія *оттепели* замѣчаются днями: 28 октября и 8 ноября.

11). Ежели человѣку рожденіе было зимою и у него *закипитъ сыра* въ ушахъ, то: ежели въ правомъ ухѣ—послѣдуетъ перемѣна атмосферы съ тепла на холодъ, а если въ лѣвомъ—холодъ пройдетъ и наступитъ тепло. Если же человѣкъ былъ рожденъ лѣтомъ, то барометрическое предсказаніе у него бываетъ на оборотъ, т. е. вытеченіе сѣры въ правомъ ухѣ предсказываетъ впереди тепло, а въ лѣвомъ—холодъ.

12). Избныя двери скрипятъ къ теплу.

13). Самоваръ визгомъ пищитъ—къ холоду.

14). Чрезвычайно красное уголье въ печи—къ морозу.

15). Когда *надумывается* быть холодъ или ведро лѣтомъ—соль и табакъ, *махорка въ пампухахъ*, бываютъ очень сухи; отсырѣваютъ же къ теплу съ мокромъ.

16). Мухи жужжатъ въ радостяхъ къ теплу.

17). Крикъ гагары предвѣщаетъ ведріе, т. е. хорошую для уборки сѣна погоду.

18). Вороны ходятъ по дорогѣ—къ теплу.

19). Захожденіе солнца при обширномъ ярко-багровомъ заревѣ, т. е. при безоблачномъ горизонтѣ, въ отсутствіе вѣтра, предвѣщаетъ ведріе.

20). На Егорья (23 апрѣля, день св. Великомученика Георгія) *заря съ зарей сходятся*, т. е. солнце не успѣетъ закатиться за горизонтъ, показывается на востокѣ опять свое сіяніе.

21). Когда, по осени, *напьется каждая лунка*, т. е. когда земля та насыщена будетъ внутри и залита сверху дождевою водою, такъ, что она будетъ вся въ ледяной корѣ и вода та будетъ заморожена вдругъ сильнымъ морозомъ по осени—то слѣдующій годъ будетъ хорошій.

22). Если въ Богоявленіе Господне (6 января) на Іорданѣ ледяная прорубь наполнится водою чрезъ края—наступившій годъ будетъ хорошій; а ежели вода набѣжитъ только въ половину *проруби*—будетъ злосчастный годъ.

23). Курицы кудахтаютъ къ бурѣ.

24). Когда мухи сильнѣе кусаются обыкновеннаго и дѣлаются докучливѣе—будетъ гроза.

25). Ясный день, или пасмурный въ мясное заговѣнье, слѣдующее передъ Великимъ постомъ,—таковъ будетъ и въ Пасху.

26). Сельскій календарь:

5-е марта—Конона-грядаря.

9-е марта—40 мучениковъ, 40 утренниковъ.

25—Благовѣщенье,—въ иные годы бываетъ сильное тепло. Ярмарка въ г. Пинегѣ.

23 Апрѣля—Егорій съ водой,—прежде, около этого времени вскрывались рѣки отъ льда.

2-е мая—Аѳанасій засѣвальникъ. Въ хорошую весну начинаютъ сѣять ярицу.

8—Иванъ Богословъ. Начинъ вездѣ сѣва ячменя.

9—Никола вешной съ травой. Отсюда считается весна и скотъ выпускается на подножный кормъ.

18—Семи дѣвъ. Сѣвъ льна.

23 іюня Агрипина-купальница. } По обычаю купаютъ
25—Ивана-купала. } въ рѣкахъ лошадей.
Обгораживаютъ сѣнокосы.

29—Петра и Павла. Начинаютъ косить сѣно.

8 іюля—Горній праздникъ (въ Красногорскомъ монастырѣ). } Начинъ озимовыхъ посѣвовъ.

20—Ильинъ день. Послѣдніе сѣвы озими.

29—Калинники. День этотъ очень замѣчается потому, что въ это время, случаются чаще другаго времени, гибельные иней и морозы. Пословица: *Пронеси Богъ Калинники морокомъ.* (т. е. однимъ маревомъ).

30—Силы и Силуана (апостоловъ). Иногда бываютъ послѣдніе сѣвы ржи.

14 сентября—Воздвиженье. Отправляются за лѣсными промыслами.

1 октября—Покровъ. Загоняютъ съ выгоновъ сжоть въ хлѣвы.

14—Параскева-грязная. Въ нѣкоторые годы, въ продолжительную осень, бываютъ большіе отъ дождей грязи.

28—Митрій-теплый. Бываетъ оттепель отъ стужи.

8 ноября. Михаило-теплый. Тоже оттепель послѣ холодовъ.

6 декабря. Никола зимній. Ярмарка въ г. Пинегѣ.

27). Если холостой много спитъ—тотъ наспитъ себѣ жену кривоглазую.

28). Кто любитъ класть ноги на *скамейки* или на *стулья*, у того теща добро кормитъ зятя блинами.

29). Кого обметутъ вѣникомъ, которымъ *пашутъ* полъ, того не станутъ люди полюбливать.

30). Поднять вѣникъ—значитъ, накликать въ домъ раздоръ.

31). Кто будетъ ходить въ одномъ сапогѣ, или одномъ башмакѣ, почему нибудь, у того помретъ мать.

32). Въ *потемкахъ* (когда стемнится) нельзя держать на что бы ни было денегъ; иначе—онѣ все будутъ держаться, а никогда копиться.

33). Утромъ навеселѣ, вечеромъ—въ скукѣ и наоборотъ: если утромъ бываешь не навеселѣ, то веселый

духъ возвратится къ вечеру. Говорятъ: «утромъ смѣешься—вечеромъ досыта наплачешься».

34. Чтобы растолстѣть, надо покупать у нищихъ *христарадные куски* и ѣсть ихъ.

35. Читая изъ книги, ее нельзя оставлять не закрытою, потому что будетъ читать тогда дьяволъ и читатель все позабудетъ прочтеное.

36. Когда кошка предварительно смотритъ въ окно—значитъ поджидаетъ прибылаго.

37. Извѣстно, что *чихнуть* во время увѣреній или разговора, есть подтвержденіе, что говорящій высказываетъ правду. Но это подразумѣвается еще такъ,: если *чихъ* вышелъ вдоль пола въ комнатѣ—правда, а ежели поперекъ пола—кривда (ложь).

38. Рѣдкозубый человѣкъ—навѣрное враль.

39. Злой, хитрый и о себѣ думецъ тотъ человѣкъ, у котораго волосы на головѣ и въ бородѣ рѣдкіе.

40. Если кто въ чужой квартирѣ оставитъ что-нибудь изъ своей собственности и забудетъ о томъ, а воротится по уходѣ за порогъ—значитъ тотъ опять будетъ когда нибудь въ той самой квартирѣ, хотя бы объ этомъ тогда и не предполагалъ.

41. Несчастенъ тотъ человѣкъ, у котораго длиненъ первый (толстый) палецъ у ноги.

42. Кто очиститъ рѣпную кору, начиная отъ *борта до корешка* однимъ разомъ, вырѣзывая кору неправильно-образною лентою и лента эта не сорвется въ кору очистки, то тотъ жить будетъ долго; а у кого порвется и тѣмъ не менѣе еще не одинъ разъ, тотъ не можетъ долго зажиться.

43. Обрѣзанные или обритые волосы слѣдуетъ сожигать въ печи. Если вымести ихъ съ полу и вынести на улицу—будетъ постоянно болѣть голова, въ особенности весною, оттого что тогда птичка собираетъ *волосья* себѣ въ гнѣздушко.

44. Не доливать чашку чаемъ—значитъ имѣть жену толстогубу.

45. Если собаку будешь удерживать или другимъ образомъ держать за хвостъ, то она будетъ *накостить*.

46. У кого изъ человѣчества тѣло бываетъ обросшее густою шерстью—счастливецъ тотъ.

47. Кто прощается пожатіемъ руки чрезъ порогъ—съ тѣмъ случится бѣда.

48. На которомъ дому соберется на посидку множество галокъ или воронъ, то въ томъ домѣ будетъ свадьба.

49. У кого икается послѣ обѣда или ужина, тотъ скупой человѣкъ.

50. Имѣть Георгіевскій грошъ (старинную монету съ изображеніемъ Св. Великомуч. Георгія) хорошо для копленія денегъ.

51. Если за столомъ у кого-либо останется несъѣденный кусокъ хлѣба и тотъ, не замѣтя этого куска, будетъ рушать себѣ цѣлый ломоть отъ краюхи, то у того кто нибудь изъ родныхъ сидитъ голоднымъ.

52. Кто будетъ ходить ступая ногами на чужіе слѣды, тотъ не получитъ роста болѣе имѣющагося.

53. Тяжеловѣсный человѣкъ недолговѣченъ.

54. Крошить крошево или *крошанины* въ горячія щи надобно всякому, ибо у того, кто не будетъ крошить, убѣжитъ жена.

55. Стоитъ только потрясти скатертью на столѣ, скоро прибредетъ тотъ, кого ожидали къ обѣду, но который не пришелъ къ началу его.

56. Если вертѣть шапку на головѣ или на чемъ нибудь другомъ, то у хозяина шапки разболится голова.

57. Если болитъ голова, значитъ предстоитъ какая нибудь забота.

58. У кого каріе глаза—тотъ пьяница.

59. Если *клыкчится* не за столомъ, то значитъ кто нибудь ругаетъ.

60. Оставлять кусочки хлѣба отъ своего домтя послѣ ужина значитъ оставлять свое счастье.

61. Если какое-либо купанье будетъ пересолено, т. е. слишкомъ положено будетъ въ него соли, то стряпка въ кого нибудь влюбилась.

62. Если при игрѣ въ карты, карты у *тасовщика* выпадутъ изъ рукъ, то это значитъ будущую ссору.

63. Если при высѣченіи огня кремнемъ объ огниво, или фосфорною спичкою, долго не получаются искры, то у того, кто *добываетъ* огонь будетъ непослушная жена.

64. Непредвидимое потушеніе огня на свѣчѣ, когда идешь въ двери, означаетъ прибытіе гостя, а погашеніе свѣчи отъ *нагара* — извѣщаетъ о предстоящей *брани*.

65. Когда чешется подошва ноги—значитъ занадобится идти куда нибудь непредвидимо. При этомъ еще замѣчается: если чешется подошва у правой ноги—то дорога будетъ пріятная, а если у лѣвой—то худая.

66. Если нечаянно упадетъ на одежду самимъ плюнутая слюна, то будетъ въ народной молвѣ какая нибудь напраслина про-того.

67. Кто идетъ сзади человѣка и ступаетъ своими ногами на чужіе слѣды—тотъ скоро помретъ.

68. Если начнетъ кто какую либо работу—не долженъ спать послѣ обѣда, потому что иначе работа непойдетъ ладомъ.

69. У кого на головѣ много *перхотины* (сыни), у того накопилось много печали о важномъ дѣлѣ.

70. Появленіе мышей осенью болѣе обыкновеннаго предзнаменуетъ дорогонизну хлѣба.

71. Кто родится въ мать, т. е., образомъ схожъ и лицемъ и прочимъ всѣмъ съ матерью, тотъ бываетъ счастливъ.

72. Послѣ бани въ зеркалѣ нельзя смотрѣться; иначе будетъ жена коса.

73. Дымъ изъ трубы несетъ къ низу—тепло, а къ верху высоко—къ холоду.

74. (Къ сельскому календарю) 1) на Ѳедосью (29 мая) птица прилетаетъ. 2) Кузминка (1-го ноября) начались сходы на бесѣду.

75. Борисъ и Глѣбъ (2 мая)—добры люди сѣютъ хлѣбъ.

76. Курица или пѣтухъ прячутъ ноги въ крылья —къ холоду.

77. Кто спитъ и *харчитъ* или *храпитъ* (производитъ шипящіе звуки) тотъ недолго будетъ жить.

78. Утерять крестъ съ шеи—къ покойнику.

79. Три свѣчи зажженныя и поставленныя на столъ обозначаетъ, что въ домѣ будетъ покойникъ.

80. Если иконы, мебель и стѣны трещатъ, то тоже будетъ покойникъ; трескъ этотъ бываетъ также предъ выходомъ съ квартиры.

81. Собака, наклонившись къ землѣ, завоетъ всегда передъ покойнымъ.

82. У того, на кого ворона бросила свой пометъ, умретъ отецъ или мать, точно такъ же и у того, кто ходитъ въ одномъ сапогѣ или въ одномъ чулкѣ.

83. Если чешется переносье, то будетъ въ роднѣ покойникъ. Унеся нечаянно свѣчу съ панихиды, человѣкъ лишается кого нибудь изъ родныхъ.

84. Если кошка перебѣжитъ путь, то путешествіе кончится несчастливо, а если собака то напротивъ.

85. Соль разсыпать—передъ ссорой между домашними, гдѣ разсыпана соль.

86. Чтобъ иголку, булавку, ножъ и вообще острое орудіе подарить, то нужно предварительно уколоть палецъ тому, кому даришь—иначе разссоришься.

87. Признакомъ обновки есть то, что нечаянно плюнешь себѣ на платье; а также появленіе на ногтяхъ правой руки бѣлыхъ пятнышекъ.

88. Въ томъ домѣ будетъ свадьба, если четыре человѣка здороваясь или прощаясь подадутъ руки одинъ другому такъ, что образуютъ крестъ.

89. Холостой мущина, если сядетъ на порогъ, то не женится, потому предупреждаютъ сѣвшаго на порогъ словами: «не садись на порогъ невѣсты *ульдутъ;*» съ дѣвицей же будетъ то, что у ней женихи *ульдутъ,* если она сядетъ на порогъ.

90. Появленіе черныхъ таракановъ въ комнатѣ—знакъ наступающаго богатства и счастія,

91. Появленіе бѣлыхъ пятнышекъ на ногтяхъ лѣвой руки предсказываетъ *напрасліну* (наговоръ). Пятнышки эти называются напраслинными.

92. Встрѣчи съ священникомъ или покойникомъ нужно избѣгать, потому что послѣ этого будетъ несчастіе: или ногу переломишь или руку вывернешь, вообще пострадаешь физически.

93. Правый глазъ чешется значитъ приходится радоваться, лѣвый же наоборотъ.

94. Правая ладонь чешется передъ полученіемъ денегъ, а лѣвая—напротивъ.

95. Если усъ чешется, то признакъ того, что быть въ гостяхъ и пить вино или ѣсть гостинцы, смотря потому пьетъ ли тотъ, у кого чешется усъ, или нѣтъ.

96. Примѣты счастливаго человѣка бываютъ различны: родившійся въ *сорочкѣ,* покрытый по всему тѣлу шерстью, имѣющій близко сошедшіяся брови у основанія носа и, наконецъ, не умѣющій пѣть нисколько.

97. Ступивши съ кровати утромъ лѣвой ногой, проведетъ тотъ день въ дурномъ расположеніи духа.

98. Собак авоетъ, поднявъ рыло къ верху, передъ пожаромъ.

99. Воронъ возвѣщаетъ своимъ крикомъ несчастіе тому дому, надъ которымъ онъ прокричитъ.

100. Появленіе кометы возвѣщаетъ войну, голодъ, моръ и язву.

101. Предъ гостемъ вылетаетъ при топленіи печи уголь; кошка болѣе опредѣляетъ гостя: смотря потому съ которой стороны умываясь, водитъ по мордѣ лапкою, съ той и гость придетъ.

102. Волоса падаютъ на головѣ означаетъ, что произойдетъ какая нибудь перемѣна.

103. Жалующійся на то, что укололъ при шитьѣ палецъ, изобличаетъ себя въ любви.

104. Признаками плодороднаго года будутъ служить: если въ Филипповъ постъ проглянетъ солнце хотя на одинъ день, пушится верба къ Вербному Воскресенью и если осенью будутъ туманные дни и деревья покроются инеемъ.

105. Если наступишь нечаянно на ногу другому, то покумишься.

106. Гнусь (мышь) приноситъ несчастіе, если забѣгаетъ въ одежду людей: въ сапогъ, въ карманъ и т. под. Несчастіе состоитъ преимущественно въ потерѣ скота.

107. Берегитесь, дѣвушки, смотрѣть на молодыхъ людей чрезъ зажженную свѣчу.

108. Число кружковъ на макушкѣ головы, называемыхъ вихорками, опредѣляетъ число женидьбъ, напр. если мущина имѣетъ два такихъ кружка, то будетъ вдовцомъ и женится на другой женѣ.

109. Волосы на головѣ трещатъ, искрятся— признакъ страстной натуры.

110. Въ путешествіи водою мельницы не поминаютъ т. е. о мельницѣ не говорятъ, чтобы не накликать на себя бѣды, а бѣда эта есть буря, сильный вѣтеръ.

111. Если ворона будетъ вить гнѣздо на деревѣ высоко, то говорятъ, что разлитіе рѣки будетъ больше и наоборотъ.

112. Трещаніе кузнечика въ стѣнѣ означаетъ перемѣну квартиры, но если это трещаніе похоже на стукъ молотка, то означаетъ, что въ этомъ домѣ будетъ покойникъ.

113. Коровы, лежащія на землѣ, предвѣщаютъ теплую погоду; точно также и вороны предсказываютъ погоду своимъ купаньемъ въ лужахъ или снѣгу.

114. Ласточки летаютъ низко надъ землею всегда передъ дождемъ. Это по той причинѣ, что ласточки питаются мухами, а какъ начинаетъ небо заволакиваться тучами, то мухи спускаются ниже къ землѣ. Слѣдовательно примѣта эта очень естественна.

115. По числу кукованія кукушки человѣкъ узнаетъ сколько еще лѣтъ онъ проживетъ на свѣтѣ. Кукушку называютъ вѣщею.

116. Кошка, грѣясь на печкѣ, предсказываетъ холодъ.

117. Первую пойманную рыбу рыбакъ всегда съѣдаетъ самъ, чтобы рыба въ сѣти больше попадалась.

118. Если найдутъ трилистникъ о четырехъ листкахъ (что случается очень рѣдко), то это растеніе зашиваютъ въ тряпку и привязываютъ ко кресту на шеѣ, или кладутъ въ кошелекъ, потому что съ этою находкою весь годъ будешь счастливъ. Растеніе это называется въ простонародіи *счастьемъ*, которое ищутъ на Иванъ-день.

119. Примѣчаютъ, что если человѣкъ наканунѣ большихъ праздниковъ веселится и смѣется, то въ праздникъ будетъ плакать и скучать.

120. Страшно огорчаются старики и старухи, когда дѣти при вскрытіи рѣки отъ льда бросаютъ въ нее камешки. Они не позволяютъ имъ это дѣлать, на томъ основаніи, что рѣкѣ отъ этого бываетъ тяжело, трудно, точно такъ же, какъ родильница мучится при родахъ въ присутствіи хитраго, злаго человѣка. Хозяинъ скотины иногда самъ призываетъ посидѣть въ своей избѣ *простаю* человѣка, пока его скотинушка разрѣшится благополучно.

121. Чтобы узнать, любитъ ли *хозяинъ* лошадь, стоитъ только взглянуть на хвостъ и гриву, волосы которыхъ бываютъ такъ спутаны и перевязаны, что нисколько не уступятъ Гордіеву узлу.

122. Близость дороги въ лѣсу узнается по муравейнымъ кучамъ, которыя стоятъ всегда покатостію къ дорогѣ.

123. Въ понедѣльникъ денегъ не отдаютъ изъ опасенія, чтобы *съ легкаго денька понед тльника*, деньги не таяли, яко воскъ въ продолженіе всей недѣли.

124. Замѣчательна примѣта и та, что въ какомъ состояніи духа находится человѣкъ въ свои имянины, въ такомъ и будетъ находится въ продолженіе всего года.

125. Вихрь, образующійся отъ столкновенія двухъ и болѣе вѣтровъ, многіе называютъ чертовой свадьбой.

126. Ножъ, поставленный на обухъ, лезвіемъ къ верху и острымъ концомъ на человѣка, поссоритъ того, кто поставилъ такъ ножъ съ тѣмъ, на кого онъ поставленъ острымъ концомъ.

127. На новорожденнаго младенца заботливая мать не позволитъ посмотрѣть лукавому человѣку изъ опасенія, что малютка ея будетъ уродомъ. Очень жалѣетъ мать, когда ея ребенокъ — уродъ, и говоритъ: *сглазилъ* кто нибудь.

128. Если паука убить мизинцемъ правой руки, то отпускается сорокъ грѣховъ.

129. Если ѣвши, поперхнешься въ горлѣ, то это есть знакъ того, что кто то торопится.

130. Когда икнется, тообы мновенно говорятъ: «кто-то вспоминаетъ». Но если вспоминаютъ кого нибудь съ съ другой стороны—то примѣта этому такая, что начинаютъ щеки горѣть.

131. На Ильинской и Ивановской недѣлѣ не купаются, *боясь водянаго*, который преимущественно въ эти дни недѣль ловитъ купающихся, и когда вытащатъ утонувшаго, то всегда находятъ синія пятна, которыя образуются отъ того, что водяной, захватывая своими желѣзными руками, оставляетъ такіе знаки.

132. Залетѣвшая сова въ комнату знаменуетъ сватьбу въ томъ домѣ, куда она залетѣла. «Сижу я—такъ у окна, разсказывалъ мнѣ одинъ знакомый крестьянинъ, вдругъ въ окно влетаетъ совеножъ и прямо въ печь, думая, что тутъ дупло какое, да уноровилъ въ горшекъ, тутъ и изжарился. Предъ чѣмъ? думаю, а не много погодя, приходитъ сватья и говоритъ: отдай Стеху-то за нашего Федьку... А! думаю, вотъ передъ чѣмъ сова-то залетѣла, и отдалъ Стешку».

133. Снимая нагаръ со свѣчи, да потушишь ее, есть знакъ того, что кто нибудь придетъ (къ прибылому); точно также если уронишь вилку со стола, то тоже къ прибылому, — придетъ женщина, а если ножикъ — мущина.

134. Крикъ гагаръ предвѣщаетъ дождь.

135. Надъ пойманною мышью не *галятся* т. е. ее не мучатъ, а прямо убиваютъ или топятъ; иначе ихъ разведется въ домѣ очень много. Чтобы избавиться ихъ, пойманную мышь опалятъ и пустятъ.

136. Рыболовы попавшуюся маленькую рыбу сѣкутъ, приговаривая: пошли отца, пошли мать, пошли тетку и такъ далѣе и отпустятъ опять въ рѣку, думая, что уже такая мелочь не будетъ попадаться на удочки, а попадутъ болѣе крупныя рыбы.

137. Пастухъ, пася скотъ, не ѣстъ въ лѣсу ягодъ, опасаясь, чтобы медвѣдь не задралъ одну изъ скотинъ, отданныхъ ему подъ присмотръ.

138. Когда начинаетъ звонить въ которомъ нибудь ухѣ отъ накопившейся тамъ сѣры, то въ то время загадываютъ что нибудь, и сбудется ли то, о чемъ загадываютъ, спрашиваютъ у другаго: въ которомъ ухѣ звонитъ? Если отвѣтъ будетъ не такъ, то тому добродушно и повѣрятъ.

139. Въ Троицкомъ Ухр-островѣ есть старинный каменный крестъ, поставленный въ часовнѣ, который предсказываетъ больному смерть или здоровье: крестъ этотъ обмываютъ водою, и если на немъ будутъ водяные пузырьки, какъ потъ на тѣлѣ человѣка, то больной поправится, а напротивъ, если вода сбѣжитъ съ него досуха, то больной умретъ.

140. При вѣнчаніи жениха и невѣсты замѣчается, что если у кого изъ нихъ болѣе сгоритъ свѣчи, то тотъ прежде и умретъ.

141. Свѣчи вѣнчальныя уносятъ домой и зажигаютъ тогда, когда гремитъ громъ, чтобы *стрѣла* (молнія) не залетѣла въ комнату.

142. Волосы у дѣвушки раздвояются передъ замужествомъ, у холостаго мущины передъ женитьбою.

143. На пути встрѣтится трубочистъ — путь кончится благополучно.

144. Признакомъ того, что домовой любитъ скотину, служитъ то, что у скотины изъ шерсти сыпятся искры съ трескомъ.

145. Въ стаканѣ налитомъ чаемъ, если будетъ плавать пѣнка, то тотъ, кто пьетъ этотъ стаканъ чаю, получитъ *корысть* (прибыль).

146. Крестьяне никогда не ѣдятъ съ ножа изъ опасенія быть сердитымъ.

147. За обѣдомъ или ужиномъ не смѣются, потому что бѣсъ станетъ въ кушанье испражняться.

148. Начальника своего не поминаютъ часто изъ боязни, чтобы онъ не пришелъ сердитымъ.

149. Чтобъ выпросить у кого нибудь что нибудь, то должно того сперва обойти кругомъ три раза.

150. Еще признакомъ счастливаго человѣка служитъ его широкая ступня.

151. Если сахаръ, при кусаніи расколется не пожеланію, то это служитъ признакомъ того, что будетъ гость.

152. Кошку боятся держать близко себя, чтобы она не чихнула въ носъ и ротъ, отъ чего зародятся въ головѣ человѣка или лягушки, или маленькія змѣи.

153. Падающая звѣзда съ неба обозначаетъ кончину праведника на землѣ, почему и говорятъ въ то время до трехъ разъ «аминь» и крестятся.

154. Чтобы была въ любви удача всегда, то для этого находятъ самца на лягушкѣ самкѣ, кладутъ въ буракъ со множествомъ просверленныхъ на немъ дырочекъ и ставятъ на муравейную кучу. Муравьи заходятъ въ отверстія бурака и лягушекъ съѣдаютъ такъ, что останутся однѣ кости. Въ то время какъ муравьи ѣдятъ лягушекъ, сіи послѣднія производятъ страшный пискъ, такъ что положившій ихъ на муравейникъ, если не заткнетъ уши пальцами и не отойдетъ, не оборачиваясь назадъ, то оглохнетъ. Потомъ изъ оставшихся костей лягушекъ выбираютъ косточки, похожія по формѣ на крючекъ и петельку. Если задѣнешь этимъ крючкомъ понравившуюся дѣвушку или кого другаго, то непремѣнно эта дѣвушка полюбитъ, напротивъ, если надоѣстъ ея любовь, то стоитъ только задѣть петелькой.

155. Если слышишь въ первый разъ куканіе кукушки сзади себя, то умрешь.

156. При куканіи кукушки держать въ рукахъ деньги, чтобы онѣ не издерживались и размножались.

157. Для того же держатъ въ рукахъ серебряную монету и гладятъ ее при нарожденіи луны.

158. Чтобы была *повътеръ* (попутный вѣтеръ), то для этого насвистываютъ.

159. Тотъ гребень, которымъ причешутъ покойника, кладутъ или въ гробъ, или бросаютъ на улицу.

160. Замахнувшійся ножомъ лишается покровительства Ангела-хранителя на три года.

161. Число морщинъ между бровями надъ носомъ обозначаетъ число разъ овдовѣнія.

162. Съ кладбища ничего не уносятъ изъ боязни, чтобы покойникъ не пришелъ ночью за своею собственностію.

163. Большіе сосцы у мущинъ свидѣтельствуютъ о его счастіи.

164. Тотъ, кто боится щекотанія, ревнивый.

165. Туловище длинно, а ноги коротки—признакъ человѣка лѣниваго.

166. Чтобы перестать лѣниться, то стоитъ только, при конвульсивномъ потягиваніи сказать на человѣка: лѣнь—потягота, поди на Федота, съ Федота на Якова, съ Якова на всякаго.

167. Если въ домѣ умерло два человѣка въ одномъ году, то въ томъ же году нужно еще ожидать и третьяго покойника.

168. Если человѣкъ въ своей жизни три раза тонулъ, да не утонулъ, то хоть и случится еще тонуть—не утонетъ.

169. Тотъ недолго проживетъ на свѣтѣ, у кого, если онъ купается да выйдетъ, не образуется водяныхъ капель на тѣлѣ, а все тѣло всплошь мокро.

170. Чтобы сжить бородавки съ тѣла, то для этого берутъ нитку и навязываютъ на ней столько узелковъ, сколько бородавокъ, и потомъ эту нитку бросаютъ на

улицу, и кто черезъ нее перешагнетъ, къ тому и перейдутъ бородавки.

171. Для узнанія суженой—ряженой, или суженаго-ряженаго берутъ стаканъ съ чистой водой и ставятъ на столъ; въ стаканъ кладутъ кольцо, а подъ стаканъ монету. Такъ уставивъ смотрятъ въ кольцо до тѣхъ поръ, пока не покажется человѣческая фигура. Это гаданіе происходитъ о святкахъ, особенно вечеромъ на новый годъ.

172. О святкахъ же льютъ растопленный свинецъ, стеаринъ или воскъ въ воду. Вылитое въ воду принимаетъ весьма разнообразныя изображенія, такъ что тѣнь отъ вылитаго изображаетъ иногда лошадь, возокъ, гробъ и т. под. Такъ жгутъ бумагу, остатки которой тоже представляютъ своею тѣнью разныя формы, изъ которыхъ также выводятъ (какъ и изъ тѣни вылитаго въ воду воска, стеарина, свинца) заключенія.

173. Вечеромъ наканунѣ новаго года дѣвушки доятъ солому. Это производится такъ: берутъ небольшую связку соломы, кладутъ на столъ, а на солому ставятъ мѣдяникъ (мѣдный горшокъ) дномъ къ верху. Потомъ начинаютъ доить; солома издаетъ звуки, въ которыхъ дѣвушки стараются отличить имена. Если солома выговариваетъ имя Федоръ, то у той дѣвушки мужъ будетъ по имени Федоръ.

174. У котораго ребенка на рукахъ ясный, природою созданный *пережимъ* у кистей—тотъ *не живучъ*.

175. Если положить ножъ такъ, что остріе лезвія будетъ на верху—то случится что нибудь дурное.

176. Зима снѣжная—быть урожаю.

177. Съ поля снѣгъ сходитъ, а по дорогамъ *черепомъ* держится—къ неурожаю.

178. Вода весною идетъ въ гору, а не держится въ своемъ ложѣ—плохой будетъ годъ.

179. Малоснѣжная зима и ранняя весна служатъ предвѣстниками жаркой погоды лѣтомъ.

180. Вороны часто кричатъ—къ бурной погодѣ.

181. Если кошка лежитъ къ верху носомъ, (а иногда и лапами) будетъ на завтра *ведріе* (сухая погода).

182. Ломота въ поясницѣ (колики) и боль въ увѣчныхъ мѣстахъ тѣла у пожилыхъ людей—предвѣстники перемѣнъ погоды съ хорошей на худую.

183. Мѣсяцъ (луна) рожками книзу (когда она не полна бываетъ)—къ теплу.

184. Ласточки летаютъ низко—къ дождю.

185. Если дождь пошелъ (началъ выпадать) съ полудня, то будетъ продолжаться до полуночи.

186. Чтобъ узнать, какой завтра подуетъ вѣтеръ, нужно опустить въ воду (на улицѣ) указательный палецъ руки и поставить его къ верху такъ, чтобы онъ торчалъ. Съ которой стороны почувствуется по пальцу холодъ, съ той будетъ и вѣтеръ.

187. *Безпятый* (у котораго пяты у ногъ не выдаются назадъ, т. е. замѣтно) ребенокъ *неживучъ*.

188. Та худая будетъ корова, когда въ первый разъ отелясь принесетъ телку; хорошею же бываетъ та, которая сначала въ три раза родитъ три бычка.

189. Жители хотя имѣютъ понятіе о часахъ (впрочемъ не всѣ—другіе не знаютъ различать знаковъ циферблата), но опредѣляютъ мѣру дня иначе по теченію солнца, луны и по другимъ свѣтиламъ небеснымъ.

За симъ выписаны у г. Иванова на отдѣльныхъ лоскуткахъ еще кратчайшія замѣтки:

— *Сколотныя* дѣти бываютъ счастливы въ жизни.

— Крупный комаръ—къ доброму (урожайному) году.

— До Иванова—дня (24 іюня) убьешь комара—рѣшето прибудетъ, а послѣ Иванова дня—рѣшето убудетъ.

— Пришелъ Борисъ-Глѣбъ (24 іюля): поспѣлъ хлѣбъ (въ полѣ).

— На Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися: не начинай такъ рано употреблять новаго хлѣба, чтобъ потомъ не было недостатка.

— Горло ноетъ: либо къ питью (вина), либо къ битью.

— «Илья лѣто кончаетъ»....

— Если курица запоетъ пѣтухомъ—это предвѣщаетъ покойника или другое большое несчастіе.

— Споткнутся, зацѣпиться, значитъ встрѣтить задержку, быть остановлену какимъ либо препятствіемъ.

— Волковъ появится въ необыкновенномъ числѣ—война возникнетъ.

— Заяцъ, перебѣжавшій дорогу, предвѣщаетъ неудачу и несчастіе.

— Кошка умывается (облизывается и утирается лапкой)—къ гостямъ въ домѣ хозяина.

— На кого потянется собака (иные примѣчаютъ тоже и за кошкой)—тому придетъ корысть.

— Встрѣча съ собакою признается счастливою.

— Если собака роетъ яму на дворѣ, то непремѣнно къ покойнику: выратая ею яма намекаетъ на скорую необходимость въ могилѣ.

— Собака брасается, на пришедшаго въ избу человѣка—знакъ, что онъ пришелъ не съ добрымъ намѣреніемъ.

— Февралъ (мѣсяцъ) враль.

— Никому не слѣдуетъ подавать ничего остраго (ножа, ножницъ, вилки, иглы, булавки и пр.) острымъ концомъ, не то—поссоришься.

— Если въ ночь на Егорьевъ день пойдетъ заморозокъ, то будетъ еще сорокъ морозныхъ утренниковъ *).

*) Это испытали старики. Они набирали сорокъ щепокъ, клали ихъ въ корзинку и съ каждымъ утренникомъ выбрасывали по одной щепкѣ.

— Восточный вѣтеръ, по примѣтамъ Пинежанъ, есть здѣсь: и ледоколъ, и рѣкоставъ.

— Чтобъ не быть пьяницей, никогда не слѣдуетъ допивать остатковъ вина другой особы,—а должно выливать ихъ на полъ на *отмашь*.

— Чтобы узнать, дѣйствительно-ли былъ вредоносный морозъ, смотри на грибы: если почернѣли—былъ таковъ. а если нѣтъ—пустяки.

— Если по ночамъ въ стѣнахъ куютъ безпрестанно насѣкомыя, то тотъ, въ стѣнахъ коего куютъ эти кузнечики, или небудетъ жить въ томъ домѣ или умретъ.

— У кого въ день именининъ сломается чашка или рюмка, то именинникъ, въ тотъ годъ, будетъ жить хорошо, безбѣдно.

— Иканіе означаетъ, что кто нибудь вспоминаетъ отомъ, у кого это дѣлается. А что бы узнать, кто вспоминаетъ, помачиваютъ мизинецъ правой руки слюною и проводятъ имъ по правой брови загадавъ на передъ на кого либо: если на перстѣ окажется волосинка отъ брови, то признается, что поминалъ тотъ, на кого было загадано.

— Если въ церкви при бракосочетаніи, что нибудь случится, то есть упадетъ ли образъ, или свѣча и т. п. то обручающіеся будутъ жить не хорошо.

— Шерсть на тѣлѣ—признакъ богатаго житья на старости лѣтъ.

— Радуга зимою—къ морозу, либо къ снѣгу.

— Обыкновенные угли дѣлаются твердыми и звучными—къ холоду.

— День холодный и ясный въ Николу (6 Декабря) означаетъ будущій годъ хлѣбороднымъ.

— Если идущаго человѣка признаютъ по ошибкѣ за другаго, то ему будетъ какая нибудь прибыль.

— Говорятъ: «ѣшь горѣлый хлѣбъ, на водѣ не потонешь».

— *Бабье лѣто* (время страды)—также у Русиновъ въ Галичинѣ (Отечест. Зап., 1867 год. № 23,498).

— Соль просыпать—къ холоду; а чтобы отъ этого худаго не случилось, надо виновнаго ударить по спинѣ въ шутку.

— Уха сварится черная съ пригарью—къ теплой погодѣ, а чистою—къ холодной,—ясной.

— Если Митрій на конѣ, то Егорій въ лодкѣ. (Упоминаемые: Дмитрій Селунскій и Георгій Великомученникъ. Первому празднуется 26 октября, а второму 23 апрѣля. Оба почитаются побѣдителями и оба изображаются всадниками на коняхъ).

— Если опахать ноги другаго вѣникомъ, то у него будетъ неласковая теща.

— У кого много на тѣлѣ родимыхъ пятенъ,—тотъ счастливый человѣкъ.

— На Новый годъ дня прибываетъ на куричій шагъ.

— На Илью (20 іюля) до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.

— Пришелъ Ѳедоръ Студитъ (11 ноября) землю студитъ.

— У кого изъ мущинъ на рукахъ или ногахъ пальцы налегаютъ другъ на друга,—у того жена (будущая) будетъ большичать надъ нимъ.

— У кого голова (т. е. волосы) гладка, тотъ отцу не кормилецъ (нестарательный).

— Апрѣль—берегамъ прѣль.

— Зѣвать двумъ вдругъ—вмѣстѣ воду пивать.

— Съ Ильина дня первый *лучъ*, т. е. первый огонь съ лученіемъ рыбы, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ жилищахъ.

— Съ Ильина дня—*сива-коня въ полѣ не видно*.

— Если мужъ и жена будутъ ѣсть въ потемкахъ, то у нихъ ребенокъ родится съ пороками вора.

— Катать палками бѣлье на человѣка, примѣта: желать ему скорой смерти.

— Холостому мущинѣ негодится сидѣть на дверномъ порогѣ: не пойдетъ за него въ супруги никакая дѣвушка.

— Зашивать одежду, надѣтую на человѣкѣ, нельзя, такъ какъ съ заштопаньемъ дыры на платье зашивается и умственное развитіе хозяина его.

— Затмѣніе солнца или мѣсяца, а также всѣ кометы, предвѣщаютъ войну и моръ людей.

— Коли ягодно, то и хлѣбно *).

— Поймать вошь на ногѣ—узнать новость.

— Есть мушка (муха),—будетъ и мучка (хлѣбъ).

— Потѣется за обѣдомъ, значитъ, ѣда въ тукъ ему идетъ.

— Рыба не клюетъ въ рѣкѣ послѣ грома, на озерахъ ничего, клюетъ.

— Если залетитъ въ растворенное домовое окно птичка (только не ласточка), значитъ къ прибыли.

— 3-й Спасъ (16 августа). Съ этого дня начинаютъ всѣ ѣсть огородные овощи. Другіе же начинаютъ съ Преображенія (6 августа).

— Небесная радуга (свѣтовое явленіе) представляетъ благопріятный признакъ, обѣщающій хорошую погоду.

— Полагаютъ, что при возрастаніи луны увеличиваются и возрастаютъ растенія и вообще развивается жизнь въ природѣ.

*) Г. Носовичъ сообщивъ Бѣлорусскую пословицу: „Кто съ календаря сѣетъ, мало вѣетъ“, объяснилъ, что такъ говорятъ вопреки замѣчаніямъ экономовъ, держащихся календаря въ сѣяніи, имѣя въ виду собственные земледѣльческіе опыты. (Зап. Геогр. Общ., 1867 года, т. I, 459).

— Прыганье рыбы надъ водою считается признакомъ скораго дождя.

— По отцѣ (волосъ) на лицѣ, по матери—на тѣлѣ.

— *Алексѣй Теплый.* Такъ называютъ въ Малороссіи день св. Алексія, празднуемый 17 марта. По народному повѣрью Малороссовъ, въ этотъ день щука пробиваетъ ледъ. (Энцикл., стр. 1, 179).

— Съ Благовѣщенія огонь въ воду, т. е. нѣтъ надобности держать огня для освѣщенія, да и почитается грѣхомъ освѣщать съ того времени, утромъ и вечеромъ, огнемъ, съ опасностію дурныхъ послѣдствій.

— Филинъ кричитъ къ наступающему холоду.

— Катать бѣлье на столѣ въ сторону сидящаго за нимъ человѣка, значитъ, желать быть ему голымъ.

— Въ Пинегѣ полагаютъ, что если здѣсь появится чайца, то это появленіе означаетъ, что Двина уже распалилась. (Я такъ думаю, напротивъ: вѣроятно, чайца гнѣздится въ устьяхъ Двины, и съ оттепелью разлетается по сторонамъ).

— Можно подрости, если постоять подъ дождемъ съ открытой головой.

— Осень говоритъ: я поля хлѣбомъ урожу, а весна говоритъ: я еще погляжу.

— Петра и Павла—барашка въ лобъ.

— До *Ильина дня* сѣно сметать, все равно, что пудъ меду скласть.

— На *Петровъ день* колосъ, на Ильинъ—колобъ.

— Прошли *Сидоры* (14 мая), прошли и сиверы.

— Второй Спасъ (6 августа), бери рукавицы про запасъ.

— *Кузьма* (1 ноября) съ мостомъ, *Никола* (6 декабря) съ гвоздемъ, т. е. съ морозомъ.

— Пташки утромъ весело поютъ—передъ ведренной погодой.

— Съ выпускомъ на волю овцы высоко и весело прыгаютъ—къ хорошей погодѣ.

— Если луна рожками къ верху—къ морозу, а если внизъ—то къ холоду.

— Вдругъ двое зѣваютъ—«быть въ роднѣ».

— Всѣ наши жители болѣе, чѣмъ увѣрены въ томъ, что каждый високосный годъ ознаменовывается тѣмъ или другимъ сильнымъ бѣдствіемъ: неурожаемъ травъ или хлѣба, эпидеміями на людей, падежемъ на скотъ, наводненіемъ и пр. «Если бѣдствіе разразится не на народъ, говорятъ крестьяне, то на скотъ, а если не на скотъ, то на неодушевленный предметъ—лѣсъ, его выгоритъ множество». Не вдаваясь далеко, указываютъ на года 1864 и 1868-й: въ первый была безкормица и пало много скота, а въ послѣдній выгорѣли большія пространства лѣса.

— Сороки чаще показываются—къ снѣгу.

— Лопарь ѣздитъ въ своей землѣ по слѣдующимъ примѣтамъ: камень къ N бываетъ всегда *горой*, а къ Z на немъ болѣе мху; деревья къ N бываютъ глаже, а къ Z шероховатѣе. (Пошманъ. Губ. Вѣд. 1870 г. № 27) *).

— Примѣта: «о Егорьевѣ днѣ заморозь—будетъ еще 40 утренниковъ» имѣетъ большое значеніе въ глазахъ сельскаго хозяина. Хорошо, если всѣ 40 утренниковъ исполнятся, и дурно, если наоборотъ. Любопытные отыскиваютъ 40 суконныхъ или ситцевыхъ лоскутковъ, и если утренники идутъ послѣ 23 апрѣля, то выбрасываютъ за каждую изморозь по лоскутку. Такимъ образомъ усчитываютъ сколько дѣйствительно случилось утренниковъ. Замѣчаютъ, сколько останется лоскутковъ, столько ночныхъ морозовъ потомъ выпадетъ на недоспѣвшій хлѣбъ на поляхъ.

— Охотники замѣчаютъ, что если вынуть изъ застрѣленной птицы дробину или пулю, и опять впустить въ ружье, то никакая первая утка или гусь не уйдетъ отъ этого роковаго выстрѣла.

— Которые удачнѣе будутъ изъ хлѣбныхъ посѣвовъ, ранніе или поздніе, примѣчаютъ по *коровушкамъ птицъ* Если стоячее ребро самца все было пестрое—урожай будетъ превосходный, все красное — будетъ неурожай, красное съ передней части — ранніе посѣвы удачнѣе, красные сзади—удачнѣе послѣдніе.

— Тоже замѣчаютъ по молокамъ первой изловленной весною щуки.

— Сорокъ необыкновенно болѣе видать на улицахъ—къ снѣгу.

— Дурно счищать съ верху ногтей, хотя бы то была и грязь: счищать—значитъ счищать свое счастье.

— Високосный годъ — годъ тяжелый для здоровья людей.

— Окошки плачутъ (стекла дѣлаются мокрыми)—къ мокру (мокрой погодѣ).

— На Егорьевской недѣлѣ (въ концѣ апрѣля) птицы исполняютъ законъ природы. На Никольской недѣлѣ (въ началѣ мая) рыба идетъ бросать икру — плодъ любви.

— Акулина разсадница (4 мая).

— Домашняя кошка сидитъ на полу — къ теплу, а забралась на печь или на полати—къ стужѣ.

— Много весною рыбы *тхлицы* (задыхающей)—къ недоброму году.

— Въ Пинежскомъ краѣ всѣ удостовѣряютъ, что всегда, въ какой бы нибыло годъ, въ ночь на день

*) Н. Дергачевъ приводитъ Лопарскую примѣту, что „растенія съ южной стороны имѣютъ много вѣтвей, а на сѣверной только скудные отростки". Онъ же объясняетъ: „извѣстно, что скалы и камни съ южной стороны покрыты мхомъ, а сѣверная сторона остается голою. (Губ. Вѣд. 1869 г. № 74-й).

«Алексѣя-Ѳалелея» (20 мая мученика Ѳалелея и обрѣтеніе мощей св. Алексѣя митрополита) бываетъ сильный холодъ. Падетъ морозъ—бѣда, и такъ говорятъ здѣсь: «Тепло, хоть на колодѣ посѣй, такъ вырастетъ хлѣбъ».

— Сѣверуха (вечерняя бабочка) летаетъ въ комнатѣ—къ *сѣверу* (сѣверному вѣтру).

— Долго передъ утромъ спится — къ дождю днемъ.

— Ребенокъ, употребляющій въ игрѣ подобія церковныхъ обрядовъ и церемоній, умираетъ до совершеннолѣтія.

— Если имянинникъ въ день св. своего ангела получаетъ на руки деньги, а тѣмъ паче долгъ, то будетъ получать ихъ цѣлый годъ.

— Къ старой постройкѣ нельзя дѣлать пристроекъ, какъ нельзя и прорубать дверей; иначе умретъ хозяинъ скоро.

— Рѣдкіе крики чаекъ и видимый страхъ животныхъ (напр. овецъ, коровъ) предвѣщаютъ бурю.

— Если у дѣвушки руки не красивы по формѣ, то у ней будетъ мужъ—красавецъ.

— Когда облака густы и всѣ одного цвѣта, тогда скоро будетъ дождь.

— Когда же облака станутъ разсѣиваться, т. е. покажутся свѣтлыя мѣста, дождь вскорѣ прекратится.

— Дождь будетъ, если рыбы выскакиваютъ изъ воды и плаваютъ по поверхности ея.

— Тоже, когда мухи не даютъ покоя, кусаютъ и скрываются въ домы съ жужжаніемъ.

— Когда ласточки залетаютъ низко—жди дождя.

— Обильная утренняя роса—обѣщаетъ бездождіе.

— Не будетъ дождя, если облака *идутъ* съ одной стороны и противъ вѣтра.

— Когда покажется радуга двухъ цвѣтовъ: краснаго и желтаго—конецъ дождю.

— Пѣтухъ не въ обыкновенную пору поетъ — *къ ведрію*.

— Отрыгается—къ питью, либо къ битью.

— Чешетъ незамужняя женщина волосы вечеромъ—выйдетъ за пастуха.

— По субботамъ гостящихъ называютъ *«вшивыми гостями»*.

— Короткорукія бываютъ счастливы.

— Самоваръ нечаянно заглохнетъ или перестанетъ кипѣть, значитъ, дожидается кого нибудь приходящаго гостя, который и будетъ непремѣнно.

— Кто испечетъ луковицу прежде, чѣмъ убранъ весь лукъ съ грядъ, у того онъ весь засохнетъ.

— Кости болятъ и подколѣнки свербятъ—къ дурной погодѣ.

— Глазъ свербитъ—плакать.

— У кого горятъ уши, того гдѣ нибудь хулятъ или хвалятъ, т. е. придется ему услышать худой или хорошій о себѣ отзывъ.

— Губы чешутся—кушать гостинцы.

— Если чешется лобъ—кланяться съ пріѣзжимъ.

— Кто изъ молодой четы, женихъ или невѣста, вступитъ, во время вѣнчанія, прежде на разостланный на полу ситецъ, тотъ и будетъ властвовать въ домѣ.

— Остриженныхъ волосъ нельзя кидать зря, какъ попало; иначе послѣдуетъ головная боль (поэтому, волосы собираютъ, свертываютъ вмѣстѣ и затыкаютъ въ печурки).

— Чешется ладонь правой руки, значитъ получать деньги или имѣть прибыль; лѣвая ладонь чешется — отдавать (убытокъ).

— Отдавать деньги къ ночи—не хорошо: они не будутъ водиться въ запасѣ.

— Разбитіе зеркала—зловѣщая примѣта.

— Черный глазъ — опасный (Бойся чернаго да каряго глаза).

— Если дымъ стелется по землѣ, то смотри по времени, будетъ зимою оттепель, лѣтомъ—дождь.

— Частыя сѣверныя сіянія предвѣщаютъ крѣпкіе морозы.

— Кто играетъ своею шапкою, у того заболитъ голова.

— Замѣчаютъ, что тотъ сдѣлается богатъ, кто виданный не разъ, хотя бы однажды не узнанъ сразу.

— О хорошемъ или худомъ годѣ для хлѣбовъ узнаютъ по числу яицъ, кладущихся воронами въ гнѣздахъ весною (въ апрѣлѣ и началѣ мая). Когда въ одномъ гнѣздѣ находятъ одно или два яйца—къ худу, болѣе—къ добру. Въ нынѣшній (1869) годъ любопытные нашли по 5 яицъ въ гнѣздѣ, и поэтому заключаютъ, что годъ будетъ урожайный.

— Около котораго дома ребята бѣгаютъ въ запуски, подражая свадебному поѣзду, быть въ немъ свадьбѣ.

— Земледѣльцы боятся, если случится морозъ 20-го мая. Въ этотъ день въ 1869 году былъ холодъ ночью, до мороза, и потому заключили, что урожай будетъ не такъ хорошъ, если еще не будетъ неурожая.

— Филинъ *шукаетъ* передъ дурной погодой. При томъ онъ лишается аппетита.

— Родиться въ сорочкѣ—величайшее счастіе.

— Если звенитъ въ ухѣ—слышать неожиданныя новости и при томъ: если въ правомъ — хорошія, а если въ лѣвомъ—непріятныя.

— Если черезъ открытое окно влетитъ въ комнату птица и вылетитъ — предвѣщаетъ смерть кому нибудь въ томъ домѣ.

— Дарья (19 марта) прозывается «говнопрорубкой» потому, что въ проруби на рѣкахъ начинаетъ стекать всякая нечистота.

— Свойственные географическому положенію здѣшняго края вѣтры приносятъ: а) Сѣверный и Сѣверо-Западный —холодъ; б) Западный—влажность и дождь; в) Юго-Западный и Юго-Восточный—теплоту и немного влажности; и г) Восточный и Сѣверо-Восточный—сухость.

— Кто любитъ съѣсть накипѣвшую на молокѣ *пѣнку*, тотъ на видъ скоро состарѣется.

— Не будетъ града, а будутъ губны дожди, и ягодъ и грибовъ будетъ вдоволь.

— Къ сельскому календарю: Власьевскіе морозы (3—10 февраля).

— 12 декабря *Спиридонъ солнцеворотъ* (поворачивается солнце на лѣто, а зима на морозъ).

— *Бабье лѣто* — осень (доканчиваніе сѣнокосовъ, жатва хлѣба, сборъ грибовъ и ягодъ и заготовка вѣниковъ).

— Въ перемѣну погоды съ нарожденіемъ мѣсяца — сильно вѣрятъ.

Изъ примѣтъ, которымъ вѣрятъ жители Холмогорскаго уѣзда вообще, были записаны гг. смотрителемъ мѣстнаго уѣзднаго училища Базилевскимъ и учителемъ онаго Елизаровымъ слѣдующія:

Безвѣтріе во время святокъ и много инея на вѣтвяхъ деревъ—предвѣщаетъ добрый годъ. Если на снѣгу будетъ много звѣздочекъ, то годъ будетъ *ягодный*.

Каковъ день (ясный или пасмурный) въ мясное заговѣнье, т. е. Воскресенье передъ Сырной недѣлей, таковъ будетъ и въ Пасху.

Если первый день Великаго поста хорошъ, то весна будетъ прекрасная. По второму дню Великаго поста судятъ о состояніи лѣта, а по третьему—объ осени.

Если 1 марта вѣтеръ, то лѣто скоро наступитъ; но если 25 числа того же мѣсяца подуетъ сѣверный вѣтеръ, то весна протянется еще на долго.

Если на Срѣтеньевъ день будетъ вьюга и перенесетъ снѣгомъ дорогу, то цѣны на сѣно возвысятся, такъ что къ веснѣ сдѣлается оно очень дорого.

Сколько на Благовѣщеньевъ день останется снѣгу на крышахъ строеній, столько же въ Георгіевъ день (23 апрѣля) будетъ его на землѣ.

Ничего важнаго не должно предпринимать въ тотъ день, въ который былъ праздникъ Благовѣщенія. Напримѣръ: если этотъ праздникъ былъ въ субботу, то во всѣ субботы въ теченіе года до слѣдующаго Благовѣщеньяго дня ничего важнаго не должно предпринимать.

Если въ Георгіевъ день будетъ утренникъ, то послѣ него еще будетъ 40 утренниковъ; а если въ этотъ день по утру будетъ тепло, безъ приморози, то все время послѣдующее будетъ стоять теплое.

Если весною ручьи бѣгутъ шибко, шумно, то годъ будетъ добрый, хлѣбородный; и на оборотъ, если они бѣгутъ тихо спокойно.

Если рѣка вскроется, или пойдетъ ледъ, въ скоромный день, то коровы въ этотъ годъ молока будутъ доить, за то рыбы мало будетъ въ уловѣ; если же въ постный, то коровы недойны будутъ, а рыбы много будетъ въ уловѣ.

Если птицы рано прилетятъ съ Юга, то скоро настанетъ весна; если онѣ не прилетѣ, *не говорятъ*, т. е. не кричатъ или не поютъ, то продлится еще холодъ, или, какъ говорятъ, будетъ еще *засиверка*.

Если озимь не вездѣ взойдетъ, а останется на полосахъ много пустыхъ мѣстъ, то годъ этотъ будетъ *губный*.

Примѣчаніе. Подъ именемъ *губъ* здѣсь разумѣютъ грибы: рыжики, грузди, волнушки и проч., всѣ вмѣстѣ взятые. Отдѣльно же взятый родъ этихъ произведеній природы называютъ собственнымъ именемъ.

Дождь съ большими пузырями предвѣщаетъ, что во всю ту недѣлю онъ непрестанно будетъ идти.

Облака, являющіяся красными передъ восхожденіемъ солнца, предвѣщаютъ вѣтеръ; если онѣ красныя и черныя, то будетъ дождь. Облака же красныя передъ закатомъ солнца предвѣщаютъ ясную погоду.

Гуси, или утки, или вороны—моющіеся—предвѣщаютъ дождь.

Солнце, выходящее ясно и жарко—предвѣщаетъ ясный день; но если оно выходитъ блѣдное, то значитъ, что будетъ дождь.

Если собака на кого тянется, то она обѣщаетъ тому прибыль.

Если собака воетъ, поднявши вверхъ рыло, или роетъ яму, то предвѣщаетъ либо покойника, либо пожаръ.

Если малыя дѣти, играя, закрываются платкомъ, то они этимъ предвѣщаютъ, что будетъ свадьба въ той деревнѣ, или непремѣнно въ сосѣдней.

Дѣти, играющія на улицѣ солдатами — предвѣщаютъ войну.

Если кто намѣренъ идти куда нибудь, и нечаянно надѣнетъ на себя что-либо изъ платья на лѣвую сторону, то это значитъ, что онъ встрѣтитъ для себя что-нибудь непріятное.

Воронъ, сидящій на кровлѣ дома, въ которомъ есть больной, и кричащій—предзнаменуетъ больному смерть.

Сорока, сидящая близъ окна и кричащая, обѣщаетъ гостей, а если есть больной въ томъ домѣ, то — здоровье.

Если у кого чешется лобъ, то это знакъ, что будетъ онъ съ кѣмъ нибудь здороваться; а если затылокъ, то быть браниму.

Когда правая бровь чешется, то хвалятъ того; а лѣвая—хулятъ.

Если лѣвый глазъ чешется, то значитъ чему нибудь радоваться; а если правый—плакать.

Если у кого либо звенитъ въ правомъ ухѣ, то это знакъ слышать ёму хорошія вѣсти; а если въ лѣвомъ—непріятныя, дурныя. Также означаетъ хорошіе или худые о немъ разговоры.

Если кто родился осенью или зимой, и у того въ которомъ нибудь ухѣ закипитъ сѣра, то это знакъ, что будетъ холодъ. Напротивъ же, кто родился весною или лѣтомъ, и у него въ какое бы то нибыло время года закипитъ сѣра въ ухѣ, то это знакъ, что будетъ тепло *).

Ежели носъ у кого чешется по серединѣ, тому слышать о покойникѣ; а если у кого конецъ чешется, то это знакъ, что онъ скоро будетъ пить гдѣ-нибудь вино или водку.

Если у кого случится быть прыщику на языкѣ, то это знакъ, что его злословятъ.

Бѣлыя пятныпки на ногтяхъ той или другой руки, время отъ времени появляющіяся, означаютъ слѣдующее: на ногтѣ мизинца — счастіе, на ногтѣ втораго отъ мизинца—несчастіе, на ногтѣ средняго—радость, на ногтѣ указательнаго — печаль, на ногтѣ большаго пальца — обновку.

Если кто будетъ вытирать руки о скатерть, то непремѣнно пристанетъ заусеница.

Когда хозяинъ дома купленную имъ лошадь или корову приведетъ и поставитъ въ свой хлѣвъ или конюшню, тогда непремѣнно долженъ раскланяться во всѣ четыре угла, съ произношеніемъ слѣдующихъ словъ: хозяинушко! (такъ называютъ домоваго) вотъ тебѣ скотинка! люби ее да жалуй, пой, корми, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся *).

Заяцъ, повстрѣчавшійся съ кѣмъ нибудь на дорогѣ, и особенно перебѣжавшій оную, велитъ остерегаться чего нибудь худаго.

Иголкою, ножикомъ и булавкою не дарить, чтобы не поссориться. Въ отвращеніе ссоры надобно, чтобы принимающій ножикъ купилъ его какою нибудь монетою, а принимающій иголку или булавку позволилъ себя уколоть немного той или другой.

*) И такъ у иного сѣра кипитъ въ ухѣ къ теплу, а у другаго къ стужѣ, смотря потому, кто въ какое время родился.

*) По понятіямъ простолюдиновъ, домовой крадетъ кормъ у той скотины, которую не любитъ, подкладывая оный той, которая ему мила. Сія послѣдняя ежедневно жиреетъ, а у той на послѣдокъ останутся кожа да кости.

Кошка умывающаяся предвѣщаетъ гостей. Если она садится на шестокъ или въ печурокъ, то предзнаменуетъ стужу, а если бѣсится, бросаясь изъ угла въ уголъ, то брань и ссору.

Муха попавшая въ кушанье или питье означаетъ подарокъ. Тоже самое означаетъ, ёсли попадется и уголь.

Если пѣтухъ поетъ раньше полуночи, то значитъ, что онъ видитъ *нечистую силу*, т. е. дьявола, и пѣніемъ своимъ прогоняетъ его.

Если кто нибудь двое скажутъ одно и тоже слово вмѣстѣ, вдругъ, то значитъ, что будутъ гости, или по крайней мѣрѣ кто нибудь посторонній придетъ за чѣмъ нибудь.

Если нечаянно упадетъ съ лопаты или хлѣбъ, или пирогъ, или шаньга, или ватрушка, во время сажанія ихъ въ печь, то вѣрный знакъ, что будутъ гости.

Соль нечаянно просыпанная предзнаменуетъ ссору и брань. Въ отвращеніе сего должно велѣть себя выбранить или ударить по лбу щелчкомъ.

Когда женихъ и невѣста идутъ къ вѣнцу и встрѣтятъ на пути идущій возъ съ дровами, то нельзя ожидать въ жизни новобрачныхъ счастія.

Когда женихъ и невѣста пойдутъ къ налою, и когда кто нибудь изъ нихъ первый станетъ правой ногой на подножіе, то это знакъ, что тотъ во всю жизнь будетъ первенствовать надъ другимъ; но если ступитъ много или всею ногой, тотъ подверженъ будетъ вередамъ или чирьямъ.

У кого изъ бракосочетающихся во время вѣнчанія свѣча сгоритъ болѣе, чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ.

Когда новобрачные въ первый разъ двое останутся въ своей комнатѣ (наединѣ), то одинъ изъ нихъ вѣроятно начнетъ какой-нибудь разговоръ, и кто первый начнетъ говорить въ это время, тотъ непремѣнно будетъ во всю жизнь первый же и заговаривать съ своей половиной *).

Иканіе, или икота, означаетъ, что кто нибудь вспоминаетъ объ икающемъ.

Если начнутъ сѣять, косить или жать, или другую какую работу, то въ этотъ день не должны тѣ послѣ обѣда спать; иначе не будетъ никакой удачи, никакого успѣха въ томъ дѣлѣ, или работѣ.

Женщина, во время беременности, не должна злостно браниться, ибо новорожденное ею дитя будетъ или злое, или съ другими какими нибудь пороками.

*) Знатоки этого дѣла стараются одинъ другаго перемолчать, или прибѣгаютъ къ такимъ способамъ, по которымъ одинъ изъ нихъ непремѣнно заговоритъ первый.

Когда въ знакъ почтенія подносятъ кому нибудь хлѣбъ-соль, то, не смотря ни на какое лице подносящаго, не должно отказываться отъ принятія; ибо кто отказывается отъ хлѣба-соли, тотъ отвергаетъ отъ себя счастіе.

Кошка, умываясь, одну лапу выставляетъ вверхъ костылемъ и если, пощупавъ этотъ костыль, находятъ его холоднымъ, то замѣчаютъ шутя: «гость будетъ изъ дороги дальней»; а если костыль былъ тепелъ, то гость будетъ изъ своихъ кто либо.

Кошка сидитъ на столѣ или на окнѣ и смотритъ въ окно—къ прибылому.

Когда же кошка моется на срединѣ полу на противъ дверей, то къ нечаяннымъ и небывалымъ гостямъ.

Когда хлѣбы садятъ въ печку, то, въ это время, избѣгаютъ ходьбы дверьми, для сохраненія своего семейства, для этого же, во время обѣда неподметаютъ полу.

Во время печенія хлѣбовъ, не становятся спиною къ шестку печки, изъ опасенія, чтобъ не сдѣлаться горбатымъ.

Послѣ ужина всего стола не моютъ, а оставляютъ часть его сухою. Это дѣлается для того, чтобъ на морѣ не потонулъ кто-либо изъ своихъ.

Дѣвушка, имѣющая привычку ѣсть, сидя за прялкою, будетъ имѣть ворчотливую (брюзгливую) свекровь.

Если дѣвица, хлебая что либо, отъ неосторожности льетъ съ ложки на скатерть,—то у нея будетъ мужъ пьяница.

Когда дѣвушка пашетъ полъ и, неподметя его, отбѣгаетъ къ другому дѣлу не надолго, или по какой нибудь надобности, то у той дѣвушки мужъ будетъ буйнаго характера, т. е. жена будетъ терпѣть отъ него частые побои.

Если женщина оставляетъ вехоть въ помолхъ, или сбираетъ соръ въ подолъ послѣ подметанія пола, то у нея родятся своровливыя (нечистоплотныя) дѣти.

Женщина, имѣющая середній перстъ очень длинный, имѣетъ власть надъ мужемъ.

Если кто либо послѣ ужина чихнетъ, то замѣчаютъ, что счастливый чихаетъ къ прибылому въ домъ человѣку, а несчастливый человѣкъ чихаетъ къ убылому.

Глаза чешутся къ слезамъ, а переносье къ покойнику; конецъ же носа, пиковица къ вѣстямъ о рожденицѣ (родильницѣ).

У той дѣвушки, которая нечасто подметаетъ полъ, будущій мужъ будетъ имѣть много долговъ и будетъ въ бѣдной жизни.

Если осенью ночью дождь, а днемъ солнышко пекетъ (грѣетъ), то къ тяжелому болѣзненному году. Или если листы падаютъ осенью съ деревъ лѣвою стороною (нижнею) верхъ отъ земли, то также къ болѣзненному году.

Зимою въ избѣ на ночь для тепла открываютъ у печки заслонъ и на мѣсто его, посреди устья, ставятъ вертикально лучину, примѣчая отъ старыхъ людей, что печку недолжно оставлять открытою безъ приставки къ ней лучины, чтобъ домовой не пошутилъ.

Когда стряпаютъ, то на томъ столѣ недопускаютъ, чтобъ были рогатки (мутовки), опасаясь семейной ссоры.

Изобильный урожай рябины—къ мокрой осени и къ богатымъ сельдянымъ промысломъ.

Въ годовые праздники испортить или неосторожно поломать что нибудь изъ посуды, значитъ—къ несчастію которое постигнетъ кого либо изъ семейства.

Крыса упадетъ въ квашню, или во что либо изъ посуды—не къ добру.

Ключей не должно класть на столъ или ложекъ всѣхъ въ кучѣ полоскать, чтобъ не было въ семействѣ ссоры.

Мутовокъ послѣ киселя не облизываютъ женщины и дѣвицы для того, чтобы не ошибиться при вышивкѣ на полотенцахъ узоровъ; а дѣти чтобы не быть тупоумными при обученіи грамотѣ.

Малыя дѣти не спятъ долго ночью передъ вѣтренными людьми т. е. тѣми, которые пріѣдутъ изъ дороги.

Голикомъ (вѣникомъ) лавокъ не должно подметать—раздоръ отъ этого въ семьѣ живетъ (бываетъ).

Если подметаютъ полъ и кто нибудь не сойдетъ съ своего мѣста, а его обметутъ вокругъ, то послѣ, того человѣка будутъ обходить люди (т. е. чуждаться, презирать).

Лѣтомъ по закатѣ солнца не матаютъ нитокъ, чтобъ не продлилась дорога въ морскомъ пути—за противными вѣтрами.

Скотъ, пока пасется на поскотинѣ (пастбищѣ), не бьютъ для мяса. И если случится, что какая нибудь скотина пропадетъ, то съ нея и шкура не снимается, а зарывается въ мохъ. Это соблюдается въ предосторожность отъ того, чтобъ медвѣдь скота не обидѣлъ.

Послѣ отъѣзда кого либо не пашутъ полъ въ комнатахъ три дня, если же вымести, то тотъ, кто уѣхалъ, не воротится болѣе.

Если идешь и на встрѣчу попадется дѣвка, то путь, куда идешь, будетъ дуренъ, если же встрѣтится нищая съ корзиной, то хорошъ.

Миѳологія народа Тулгасскаго общества и прихода, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ.

Небо, свѣтила и небесныя явленія.

Тулгасскій народъ, находясь на той степени развитія и образованія, на какой онъ стоитъ въ настоящее время, имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть о мірахъ невидимомъ и видимомъ вѣрованія и убѣжденія, не согласныя съ законами—религіознымъ, нравственнымъ и естественнымъ.

Вѣрованія и убѣжденія его о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ вотъ какого рода:

Небо.

Небо, по понятію Тулгасскихъ обывателей, есть нѣчто матеріальное, состоящее не изъ металла какого либо, или стекла, но изъ чего то неопредѣленно-чистаго и свѣтлаго. На небѣ этомъ находятся свѣтила небесныя — солнце, луна и звѣзды и кружатся (обращаются) вокругъ плоской земли.

Солнце. Солнце — кругъ, наполненный отъ Бога огнемъ и отъ того огрѣвающій въ продолженіе дня землю и живущихъ на ней, а ночью уходящій подъ землю и отдающій свой свѣтъ лунѣ (по народному — мѣсяцу).

Луна. Луна — кругъ, находящійся поближе къ землѣ, чѣмъ солнце, и вращающійся тоже около земли.

Пятна на лунѣ. На лунѣ живутъ Каинъ и Авель съ того момента, въ который Каинъ убилъ Авеля, и смотрятъ на земныхъ, убивающихъ другъ друга, отъ этого и пятна на лунѣ. Перемѣны луны происходятъ отъ солнца и называются новолуніе — маленькая краюшечка, полнолуніе — цѣлый кругъ.

Затмѣнія свѣтилъ. Затмѣнія какъ луны, такъ и солнца, происходятъ отъ нечистой силы — діавола, который, летя на землю мимо этихъ свѣтилъ, затемняетъ собою ихъ и тѣмъ предвѣщаетъ живущимъ на землѣ какое либо несчастіе: — войну, или голодъ, или моръ людей и скота. О затмѣніяхъ луны есть вѣрованія другаго рода — затмѣнія мѣсяца, говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, дѣлаются отъ колдуновъ, которые, если затемнятъ мѣсяцъ, могутъ портить людей.

Фазы луны. При перемѣнахъ луны, народъ особеннаго ничего не наблюдаетъ, а замѣчаетъ только въ погодѣ, напр. въ лѣтнее время, какова погода при рожденіи луны, такова, убѣжденъ онъ, простоитъ всю половину мѣсяца, и потому боится косить траву, если при рожденіи была погода дождливая. Тоже самое замѣчастся и при полнолуніи.

Звѣзды. Звѣзды народъ считаетъ зажженными у Бога свѣчками.

Воздушные камни. Воздушные камни — есть наказаніе Божеское. Богъ, оскорбившись на людей за дѣланіе худаго, Ему противнаго, повелѣваетъ своимъ Ангеламъ бросать на землю камни, чтобы избить людей, творящихъ беззаконіе. На этомъ основаніи старухи — няньки говорятъ дѣтямъ, когда тѣ, ѣвши кусокъ хлѣба, бросятъ его: — «Богъ камнемъ убьетъ».

Столбы, круги и кресты. Столбы, круги и кресты, появляющіеся около солнца и луны суть предвѣстники того же, что предвѣщаютъ затмѣнія солнца или луны, именно: войну, или голодъ, или моръ, но только не отъ діавола, а по Божьему велѣнію. *Громъ и молнія; громовыя стрѣлы.* Громъ происходитъ отъ огненной колесницы св. пророка Иліи, катающагося въ ней по небу, а молнія — искры отъ подковъ коней Святаго Иліи. Молнія здѣсь называется *молонья*, ищется и находится въ землѣ, около расщипнутыхъ ею деревъ и столбовъ, въ видѣ каменнаго пирошка, который, если цѣлъ, при появленіи грозы снова улетаетъ на небо. — Бывало на вѣкахъ, разсказывала мнѣ одна старушка: двѣ женщины пришли на полосу жать и нашли стрѣлу. Одна изъ нихъ взяла да и положила стрѣлу въ рукавицу, а на это время поднялась тученька, стрѣла вмѣстѣ съ рукавицей и улетѣла на небо. — Стрѣлы гоняются за нечистой силой вообще и, желая поразить ее, онѣ не щадятъ даже изображенія Божія. Говорятъ: стрѣла, бывало, гонялась за діаволомъ; ему пришлось некуда дѣваться, такъ онъ за божницу, за образъ спрятался, — думалъ, что стрѣла больше не погонится за нимъ. «Образа Божія, сказала стрѣла, не пощажу, да діавола поражу», и поразила. На томъ основаніи, что стрѣла гоняется за діаволомъ, народъ во время грозы, чтобы бѣсъ не прятался за него, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе.

Пожаръ отъ молніи. Пожаръ, причиненный молніей, не иначе можно загасить, какъ молокомъ только.

Дождь снѣгъ, градъ, иней, туманъ и роса. Дождь, снѣгъ, градъ, иней, туманъ и роса посылаются на землю Богомъ. Въ дождь, падающій при солнцѣ бываетъ *раковъ пожаръ:* — раки, говоритъ народъ, горятъ въ это время. На этомъ основаніи, поймавшій рака, безъ клешни, говоритъ о немъ: былъ въ пожарѣ. — Какъ и отчего происходитъ раковъ пожаръ — народу неизвѣстно.

Какъ узнается пожаръ отъ поджога. Чѣмъ тушатъ пожаръ вообще. Онъ хорошо узнаетъ причину пожара, произшедшаго отъ поджога. Если пожаръ произошелъ отъ этой причины, то въ пламени горящаго вещества показывается человѣкъ, но какой именно — узнать невозможно, потому что фигура человѣческая представляется очень неясно; а если пожаръ произошелъ отъ зарона, то человѣкъ никогда не показывается. Сильно распространившійся отъ сихъ причинъ пожаръ хорошо и скоро гасится, если въ него будешь бросать сырыя куриныя яйца.

Кометы. Явленіе кометъ бываетъ непремѣнно предъ великой войной. По этому, говорятъ, предъ 12-мъ годомъ явился *голикъ-звѣзда*, предъ австро-итальянской войной явилась звѣзда съ хвостомъ. — Словомъ явленіе кометъ есть предвѣщаніе всеобщаго какого либо несчастія.

Земля, по понятію народа, какъ я выше замѣтилъ, имѣетъ видъ плоскій и конецъ ея находится далеко, далеко тамъ, — гдѣ съ земли люди ходятъ на небо. Вѣрованіе въ хожденіе людей на небо «тамъ гдѣ то да-

лено» поддерживается и распространяется чрезъ сказки, напр. чрезъ сказку Конекъ-горбунокъ, которая существуетъ въ народѣ съ разными, противъ печатнаго, измѣненіями. Земля, окруженная небомъ, держится на семи большихъ и шести маленькихъ китахъ, которые вѣкъ должны носить ее на себѣ, и когда пошевелятъ хвостомъ или хребтомъ, производятъ землетрясеніе. На восточной сторонѣ земли находится теплая сторона, въ которой, ближе къ намъ, живутъ православные христіане, за ними арабы, за тѣми маленькіе (карлики) и одноногіе люди, а на западной—холодная сторона такая же, какая на сѣверѣ, въ которой живетъ все нехристь: — нѣмцы, агличане, французы.

Востокъ и Западъ. Первый считается жилищемъ Бога, а послѣдній жилищемъ сатаны, —почему, говоритъ народъ, мы и не обращаемся съ молитвой на западъ, а на востокъ, и церкви наши устрояются алтаремъ на востокъ.

Уваженіе къ землѣ. Земля не олицетворяется, а матерью называется по той причинѣ, что первый человѣкъ Адамъ взятъ изъ земли. На этомъ же основаніи народъ питаетъ къ ней такое уваженіе, что если бы кто вздумалъ въ шалости стегать плетью землю, то тому старшіе непремѣнно бы замѣтили, чтобы онъ переставъ наказывать мать сыру землю. Изъ этой матери сырой земли берутся всѣ воды, текущія по рѣкамъ и ручьямъ въ моря, въ которыхъ есть ямы (пучины), величиною въ діаметрѣ 25-ть верстъ, и если какой корабль попадетъ въ эту яму, то ужъ никогда не воротится.

Вода. Вода какъ лѣкарство, употребляется въ обуроченіи, сглазеніи въ болѣзни лица. Въ послѣднемъ случаѣ вода преимущественно употребляется дѣвицами и при вскрытіи льда. Весною сего 1866 года мнѣ случилось видѣть, какъ только ледъ тронулся на Двинѣ, тотчасъ десятки дѣвицъ побѣжали на берегъ мыться.—Для чего, спросилъ я у одной попавшейся мнѣ старушки, дѣвицы ваши бѣжатъ такъ скоро къ Двинѣ—«Мыться, батюшка, отвѣчала она. Вѣдь эта-то вода лучшіе всякаго зелья, чтобы лицо сдѣлать бѣлымъ да красивымъ. Старые люди намъ бывало говаривали, что первая весенняя вода лучше всякаго зелья».

Подземныя царства. Въ нѣдрахъ земли или подъ землей находятся разныя царства,—золотыя, серебряныя и мѣдныя, которыми управляютъ—Вихорь, летучій Змѣй и Яга-баба. Въ царствахъ этихъ на вѣкахъ—когда-то бывали люди — Иванъ Царевичъ, Иванъ крестьянскій сынъ, Иванушка Медвѣжьи ушки и другъ. Вѣрованіе въ подземныя царства, ихъ управителей и бываніе въ нихъ людей поддерживается также старушками, бабками и нянъками и стариками-дѣдами посредствомъ сказокъ.

Огонь. Первый огонь данъ человѣку Богомъ, а живой огонь и огонь на болотахъ—кладь показывается.

Кладъ, большое количество денегъ, положенное въ разныя мѣста жившею нѣкогда чудью съ разными заговорами и условіями напр. такими: въ такомъ то мѣстѣ говорятъ старожилы, есть кладь и онъ достанется пятой головѣ т. е. четыре лица одинъ за другимъ, достающія кладъ, должны непремѣнно уже рыть тутъ же. Кладъ, чтобы достался и пятому лицу, долженъ быть очурканъ трижды: «чуръ мой кладъ съ Богомъ на пополамъ»....

Огоньки на кладбищахъ. Огоньки на кладбищахъ суть знаки, даваемые отъ Бога людямъ, что тѣ лица, на могилахъ которыхъ они видаются, скоро будутъ прославлены. Въ нашей мѣстности явленіе огоньковъ на кладбищахъ, особенно на раскольническомъ въ Кургоминскомъ приходѣ, заставляетъ раскольниковъ ожидать скораго явленія мощей своихъ собратовъ. Они если услышатъ, что такой то крестьянинъ видѣлъ огонь на кладбищѣ, то непремѣнно придутъ къ нему, подробно распросятъ о мѣстности, на которой показался огонекъ, и въ заключеніе всѣхъ своихъ сужденій выведутъ, что огонекъ показался на могилѣ такого-то старца—раскольника, всю свою жизнь не бывшаго въ еретической церкви т. е. нашей, и никогда не принимавшаго еретическаго причастія.

Вихрь-чертъ. Вихрь—есть нечистая сила, которая, увидѣвши, что поднимается гроза, бѣжитъ отъ нея дальше, чтобы не поразила стрѣла. Желающій видѣть нечистую силу — вихрь, какъ учатъ старики и старухи малыхъ дѣтей, должны, сними съ себя крестъ, смотрѣть въ наклонномъ положеніи межъ ногъ. Смотрящіе такимъ образомъ, будто бы, видѣли вихрь въ видѣ огромнѣйшаго человѣка, машущаго руками и бѣжащаго *какъ мога*....

Эхо—откликъ нечистой силы—въ лѣсу лѣшаго, около домовъ — домоваго, около банъ—банника или баннаго, мельницы—мельника, овиновъ—овинника.

Видѣнія. Блазнитъ и чудится — происходитъ также отъ нечистой силы и есть предсказаніе чего либо будущаго. Между ними различія почти не существуетъ въ народѣ. Преимущественно блазнитъ и чудится народу съ Николина дня (6 декабря) до Крещенія (6 января), такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени сатана повелѣваетъ своимъ слугамъ ходить по землѣ и предсказывать людямъ ихъ судьбу, чтобы больше и лучше любилъ ихъ народъ.

Еретики. Еретикомъ слыветъ въ настоящее время у насъ тотъ, кто совершенно не вѣруетъ въ Бога и отвергаетъ его законы, или кто еще не раскольникъ. Такое понятіе объ еретикѣ распространено и поддерживается въ народѣ раскольниками и раскольницами.—Бы-

вали же такіе люди, которые ходили ночами по деревнямъ, хватали людей и ѣли. Еретики—были люди не живые, а умершіе, почему, если они сильно надоѣдали людямъ, то народъ собирался днемъ къ могилѣ извѣстнаго въ жизни колдуна, раскапывалъ ее, доставалъ ницъ лежащаго еретика и жегъ на кострѣ, или же забивалъ ему въ спину осиновый колъ, не позволявшій еретику болѣе вставать и выходить изъ могилы. Одинъ и тотъ же человѣкъ — чудесникъ, знахарь и порчельникъ называется въ жизни колдуномъ, а по смерти, если бы онъ заходилъ по ночамъ и сталъ бы ѣсть людей,—что бывало на вѣкахъ,—еретикомъ.

Знахари и колдуны. Чудесники, знахари, порчельники уважаются народомъ, который въ случившихся несчастіяхъ — у кого что потеряется, или кого кто испортитъ, обращается съ просьбами о помощи необъяснимо рабски. Чары этихъ людей народу совершенно неизвѣстны по той причинѣ, что они всѣми мѣрами стараются скрыть обманъ свой отъ народа и при передачѣ секретовъ чародѣйства другому, не позволяется никому передавать одной іоты, въ противномъ случаѣ чары будутъ недѣйствительны. Секреты чародѣйства передаются передъ смертію и принимающій ихъ не иначе долженъ поступить при пріемѣ, какъ снять съ себя данный при крещеніи крестъ и положить его въ сапогъ подъ пяту.

Богатыри—люди очень рослые и обладающіе такой силой, что толпа обыкновенныхъ людей на одного изъ нихъ ничего незначитъ. Богатырь Никита (sic!) Поповичъ обладалъ, еще въ молодыхъ годахъ, такой силой, что кого изъ парней, однихъ съ нимъ лѣтъ, схватитъ за голову—голова прочь, за ногу—нога прочь. Еруланъ Лазаревичъ размахомъ метлы убивалъ цѣлыя тысячи войска. Вѣрованіе въ таковыхъ людей,—каковы Никита Поповичъ и Еруланъ Лазаревичъ, поддерживается и распространяется въ народѣ посредствомъ картинъ Суздальской работы, которыя можно найти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ подлѣ изображенія Святыхъ.

Случалось видать, во время хожденія по крестьянскимъ домамъ съ крестомъ и святою водою, что къ изображенію Еруслана Лазаревича, прибитаго близъ святыхъ иконъ, поставлена зажженная восковая свѣча.

Изба и ея принадлежности. Постройку первой избы и прорубку въ ней оконъ приписываютъ Богу—«Богъ, говорятъ, научилъ человѣка.» Тоже говорятъ о домашней утвари, сохѣ, боронѣ, телегѣ, саняхъ, ихъ употребленіи и объ одеждѣ; а объ украшеніяхъ — кольцахъ, серьгахъ, вѣнкахъ и друг. напротивъ, т. е. что носить ихъ научилъ человѣка самъ сатана.

Вѣрованіе Тулгасскихъ обывателей въ происхожденіе животныхъ и растеній, исключая табаку, рѣдьки и чесноку, болѣе согласно съ религіей; а вѣрованіе въ свойства и принадлежности животныхъ, впрочемъ не всѣхъ, и растенія хмѣля рѣшительно противно здравому смыслу. Табакъ произошелъ отъ сѣмени дѣвицы, блудодѣйствовавшей съ діаволомъ; рѣдька и чеснокъ сотворены сатаной; а одуряющее свойство хмѣля дано бѣсомъ, которой имъ искусилъ (когда-то?) Ноеву жену, и изъ котораго научилъ человѣка дѣлать хмѣльно-пьяное питіе на пагубу душъ христіанскихъ. Касательно происхожденія табака и одуряющаго въ хмѣлѣ свойства существуютъ въ народѣ, преимущественно между раскольниками, легенды, изъ которыхъ одну прилагаю при семъ (см. 2 вып.) Козелъ первоначально сотворенъ былъ безъ бороды, но за нарушеніе Ноя ѣсть виноградъ до опьяненія награжденъ сатаной бородою. Летучія мыши происходятъ изъ обыкновенныхъ мышей, къ которымъ за съѣденіе на престолѣ крошечки оставшейся отъ агнца, прирастаютъ крылья. Сороки, бывшія Кіевскія вѣдьмы, имѣющія свойство предсказывать своимъ щекотаньемъ прибытіе гостей.—Воронъ, сова, филинъ, кукушка и пѣтухъ со свойствами предвѣщать несчастія.... Воронъ, если сядетъ на церковь, то передъ покойникомъ; если сядетъ на тотъ домъ, гдѣ есть больной, то тотъ больной непремѣнно умретъ.—Сова и филинъ, если прилетятъ въ деревню и будутъ кричать, то предъ пожаромъ.—Крикъ кукушки, если кто услышитъ въ первый разъ,—въ лѣвое ухо, то тотъ оглохнетъ, въ правое—получитъ какую либо радость;—въ глаза—будетъ плакать,—въ затылокъ—умретъ. Пѣтухъ если рано сядетъ на сѣдало и запоетъ, непремѣнно будетъ покойникъ..... Осина еще по сіе время мучится за то; что удавился на ней Іуда предатель. Мученіе осины народъ находитъ въ дрожаніи листьевъ, при совершенно тихой погодѣ.....

Изъ чародѣйскихъ травъ въ устахъ народа существуетъ ломъ и цвѣтокъ невидимка. Первая и послѣдній находятся въ полночь на Ивановъ день (8 мая), въ которую первая выростаетъ, а послѣдній цвѣтетъ; чтобы достать ихъ, не слѣдуетъ въ означенную ночь спать, и сидѣть тамъ, гдѣ онѣ растутъ, чтобы никто незналъ. Растутъ эти травы, говорятъ старухи, на сухихъ высокихъ мѣстахъ и только въ означенную ночь. Завладѣвшій травою-ломъ можетъ пройти подъ всякій замокъ: стоитъ только приложить къ замку ломъ-траву, потому что она имѣетъ силу разрывать желѣзо; а завладѣвшій цвѣткомъ-невидимкой можетъ ходить по всѣмъ магазинамъ и лавкамъ среди бѣлаго дня и брать изъ товаровъ что и сколько ему вздумается потому, что цвѣтокъ невидимка скрываетъ человѣка.—

Изъ лѣкарственныхъ травъ собираются народомъ и употребляются въ болѣзняхъ: дикая трава, грыжа, ты-

сящелистникъ, листье репейника, поддорожника и другихъ.

Животныя народомъ нашей мѣстности не употребляются въ пищу тѣ же, которыхъ не позволяетъ употреблять и Моисей въ своемъ законѣ (Второзак. 14 глава) только съ небольшимъ исключеніемъ именно: Моисей не позволяетъ ѣсть удавленины, а у насъ она употребляется въ пищу, на пр. птицы. Законъ Моисеевъ о неупотребленіи въ пищу животныхъ, кромѣ сказаннаго исключенія, строго содержится преимущественно раскольниками, чрезъ которыхъ распространяется и на прочій народъ... Всѣ вообще животныя находятся подъ покровительствомъ Господа; въ частности рогатый домашній скотъ: быки, коровы и овцы находятся подъ особымъ покровительствомъ Святаго Священномученика Власія Епископа Севастійскаго (11 фев.) а лошади подъ покровительствомъ Флора и Лавра (18 августа). Перваго и послѣднихъ народъ называетъ богами домашняго скота, и въ случаѣ потери или болѣзни его обращаются къ этимъ святымъ угодникамъ. Вѣра въ покровительство животнымъ означенныхъ Св. Угодниковъ Божіихъ укоренилась въ народѣ чрезъ ихъ жизнеописаніе..... Изъ животныхъ—птицъ особенно любимы колдунами всѣ, такъ называемыя народомъ вѣщія птицы—сороки, совы, филины, кукушки и др.....

О духѣ нечистомъ народъ говоритъ то, что онъ, какъ діаволъ,—не красивый, черный, съ рогами, когтями и хвостомъ; ростомъ выше лѣсинъ, пугаетъ людей крикомъ и рукоплесканіемъ—это лѣшій; черный, съ длинными волосами, играетъ съ подобными себѣ въ карты, и, если проиграется, дерется съ обыгравшимъ его, засыпаетъ его жилище пескомъ, и беретъ скотъ—это чертъ. Нечистые духи, по мнѣнію народа, обитаютъ въ лѣсахъ, рѣкахъ, домахъ, баняхъ, овинахъ, поляхъ. и друг. мѣстахъ, отъ которыхъ они и носятъ свое названіе, на пр. нечистый духъ, живущій въ лѣсу, называется лѣшимъ и лѣшакомъ; въ водѣ—водянымъ и чертомъ; въ банѣ—банникомъ, въ овинѣ—овинникомъ. Всѣ эти нечистые духи видаются народомъ, что видно изъ разсказовъ не старухъ, или малыхъ дѣтей, но людей здравомыслящихъ. Слышалъ я разсказъ о видѣніи черта и его скота. Въ Тулгасскомъ приходѣ протекаетъ рѣчка Тулгасъ, отъ которой приходъ получилъ свое названіе. Выше отъ прихода по рѣкѣ Тулгасу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни годъ назадъ крестьянинъ села Кузьминскаго, теперь умершій, Алексѣй Скорняковъ видѣлъ цѣлое стадо бураго скота, пасомаго самимъ чертомъ—человѣкомъ толстымъ, съ длинными черными, какъ смола волосами. Только что чертъ замѣтилъ этого крестьянина, очень скоро началъ гонять скотъ въ воду. Чрезъ нѣсколько минутъ стадо бураго скота и чертъ скрылись въ водѣ.—Разница между чертомъ, бѣсомъ, сатаной, діаволомъ, лѣшимъ и другими та, что чертъ и лѣшій не искушаютъ людей; а бѣсъ или діаволъ, по приказанію начальника своего, сатаны, прилетаютъ въ міръ для искушенія рода человѣческаго и дѣланія ему разныхъ пакостей. Всѣ означенные нечистые духи прогнаны съ неба Архангеломъ Михаиломъ за возстаніе противъ Бога; они имѣютъ способность производить дѣтей, почему народъ вѣритъ, что у всѣхъ нечистыхъ духовъ есть жены, которыя называются — чертихой, лѣшухой, діаволицей; а дѣти—чертенки, лѣшенки, діаволенки и бѣсенки.

Къ категоріи нечистыхъ духовъ принадлежатъ—Яга-Баба, Полудница, или Ржица. Яга-баба—нечистая сила женскаго пола, не имѣющая мужа, ростомъ большая, собой столь корпусна, что, какъ говорится въ сказкахъ, сидитъ въ избѣ на печномъ столбѣ, ноги на лавкахъ, груди на полкахъ, голова на кожухѣ; ѣздитъ въ ступахъ и пожираетъ людей.—Полудница есть таже Ржица. Ржицею называется потому, что живетъ во ржи; а полуднцею—ходитъ во ржи въ полдень..... Рожъ и судьба одно имѣютъ значеніе у народа, а понятія объ нихъ народъ рѣшительно не имѣетъ никакого.....

Полканъ—великанъ и богатырь имѣющій верхнюю половину туловища человѣческую, а остальное все кониное. Этихъ чудовищъ теперь нѣтъ. Жили они въ теплой сторонѣ и очень давно и воевали съ богатырями—Еруслановъ Лазаревичемъ и разными царями. Кромѣ силы полканы обладали свойствомъ дѣлать по полуверстѣ прыжки. Вѣрованіе въ нихъ также, какъ и въ богатырей Еруслана Лазаревича и другихъ, поддерживается и распространяется въ народѣ посредствомъ картинъ суздальской работы.

Въ превращенія людей въ медвѣдей, сорокъ и другихъ животныхъ народъ вѣруетъ и вѣру свою подтверждаетъ бывалымъ на вѣкахъ. Такъ когда-то и чей-то купецъ, отправляясь на ярмарку съ большою суммою денегъ, побоялся ѣхать безъ товарищей; дорогой, чтобы не убили, превратился въ медвѣдя и побѣжалъ прямымъ путемъ чрезъ лѣса и болота, но дорогою напалъ на охотниковъ и былъ ими убитъ. Снявши шкуру, охотники увидѣли, что убитый ими медвѣдь, былъ обворотень человѣкъ, одѣтый въ жилетѣ и брюки и несшій съ собой нѣсколько тысячъ денегъ.—Въ сорокъ превращались и превращаются колдуны и колдуньи. Секреты превращенія людей въ животныхъ и наоборотъ—народу неизвѣстны.

Въ силу родительскаго проклятія, посыланія къ черту и лѣшему—народъ крѣпко вѣритъ и подтверждаетъ вѣру свою разнаго рода разсказами:—неблагодетельземъ того человѣка, который за что либо былъ проклятъ отцомъ или матерію; безвозвратною потерею то-

го, который отправляясь куда либо безъ согласія родителей, получилъ отъ нихъ напутственное слово—поѣси лѣшій, или иди къ черту.

Вотъ повѣрья, относящіяся къ людямъ и ихъ хозяйственнымъ работамъ.

Собственно о человѣкѣ повѣрій не существуетъ, а есть повѣрья о жидкостяхъ его, находящихся въ носу и ртѣ. Слизистыя носовыя жидкости и слюни даны человѣку по просьбѣ сатаны, собакой, которая въ вознагражденіе за то, получила на тѣло шерсть..... Младенцы, родившіеся глупыми, по мнѣнію народа, есть обмѣныши или обмѣненные нечистой силой, которая дѣлаетъ обмѣнъ тогда, когда младенцы бываютъ непросвѣщены святымъ крещеніемъ и оставляются матерью, во время ея отлучекъ по дому, безъ благословенія.—Рожденіе младенцевъ слѣпыми, хромыми, безрукими и другихъ родовъ уродами—приписывается Богу и есть отъ него наказаніе родителямъ родившагося урода.

Повѣрье объ огненныхъ змѣяхъ въ народѣ есть такого рода, что были они когда-то и жили не на землѣ, а надъ землей въ своихъ царствахъ. Повѣрье это вошло въ народъ и поддерживается въ настоящее время посредствомъ сказокъ, въ которыхъ огненные змѣи изображаются царями подземныхъ царствъ, выходящими на землю для хватанія только и пожиранія людей.

Въ сельско-хозяйственныхъ работахъ повѣрья есть: —при началѣ посѣвовъ, кошенія травы и жатвы народъ наблюдаетъ и у знающихъ людей справляется: не празднуетъ-ли церковь въ тотъ день, въ который онъ хочетъ начать свою работу Апостолу какому либо, Святому Іову многострадальному (6 мая), Преподобному, или Священномученнику, или не въ тотъ ли день было Благовѣщеніе (25 марта)? И если ему скажутъ, что въ тотъ день, въ который онъ хочетъ начать свою работу, празднуется Апостолу или Священномученику, то ни за что не начнетъ своей работы въ тотъ день. Впрочемъ не наблюдается это, когда работа хоть немного, но была начата раньше.... При концѣ посѣвовъ яровыхъ наблюдается, чтобы они кончены были до дня Дороѳея распрягальника (5 іюля), а озимыхъ, чтобы покончить ихъ до *третьяго Спаса* (16 августа). При ловлѣ рыбъ, птицъ и звѣрей тѣ лица, которыя занимаются этимъ, ни за что и никогда спрашивающему о вознагражденіи трудовъ не скажутъ правды, сколько они уловили. Если же сказать правду, то, по мнѣнію ихъ, больше ужъ ловиться такъ не станетъ.

Переходимъ къ примѣтамъ, извѣстнымъ Тулгасскимъ жителямъ.

Вечеромъ если небо будетъ багроваго цвѣта, то передъ ясной погодой.

Если солнце закатится не въ морокѣ, также передъ ясной погодой.

Туманъ если поднимется, а не падетъ на землю, то передъ дождемъ.

Если старые люди чувствуютъ вечеромъ ослабленіе въ тѣлѣ, то передъ дождемъ.

Если домашній рогатый скотъ сильно будетъ рычать, не смотря на то, что кормомъ доволенъ, то передъ пожаромъ.

Если гагара зареветъ, то передъ сѣвернымъ вѣтромъ и дождемъ, а если закричитъ, то передъ ведромъ.

Если воробьи будутъ летать стаей, то передъ сѣвернымъ же вѣтромъ.

Скотъ, спущенный осенью на волю, если будетъ рваться во дворъ, то передъ холодомъ или снѣгомъ.

Зажелтѣвшій лѣсъ предвѣщаетъ скорое паденіе снѣга.

Красныхъ ягодъ если въ лѣсу будетъ много, то передъ всеобщими слезами, на пр. передъ наборомъ.

Если черныхъ ягодъ будетъ много, то передъ тѣмъ, что синіе льны будутъ хороши.

Рябины много—передъ хорошимъ урожаемъ ржи; рябины мало—передъ худымъ.

Если льду много останется по берегамъ рѣкъ весной, то передъ тяжелымъ для людей годомъ, если же не останется, на оборотъ.

Чтобы не былъ лѣтомъ въ паствѣ звѣрь—медвѣдь, нужно сходить ночью на Георгіевъ день (23 апрѣля) въ паству и покричать какъ можно сильнѣе.

Если въ святки нехорошая погода, то рожь не выцвѣтетъ.

Мышь если во что либо изъ посуды упадетъ и найдена будетъ мертвою, то непремѣнно передъ бѣдой.

Въ Варваринъ день (4 декаб.) рѣшета въ руки не берутъ по той причинѣ, что будто бы Варвара Великомученица укрылась отъ отца подъ рѣшетомъ.

Въ Саввинъ день (5 декабря) не берутъ въ руки иголки и не шьютъ ничего, чтобы не зашить Саввы.

Ворона реветъ къ теплу и дождю.

Столъ въ комнатахъ долженъ стоять вдоль по полу, чтобы дольше прожить на одномъ мѣстѣ.

Много бѣлки и птицъ въ лѣсу означаетъ то, что война у лѣшаго съ другимъ лѣшимъ.

Чтобы выросъ хорошій и длинный ленъ, женщины должны скатиться съ горки на доскѣ въ чистый понедѣльникъ т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста.

Чтобы бѣлой ленъ въ слѣдующее лѣто былъ хорошъ, женщины должны въ чистый же понедѣльникъ очесать нѣсколько горстей льну, оставшагося отъ прошедшаго лѣта.

Сорока щекочетъ къ гостямъ, а углы домовъ конопатитъ своимъ клювомъ—къ холоду.

Въ новый годъ ничего не покупаютъ; въ противномъ случаѣ цѣлый годъ будешь покупать что либо.

Въ Крещенье, когда пойдутъ крестнымъ ходомъ на Іордань, понесетъ снѣгъ—передъ урожайнымъ годомъ.

Въ Срѣтеніе (2 февр.) если перемететъ дорогу—сѣна той весной будутъ дороги.

Въ Пасху не подаютъ скоту корма вилами, въ противномъ случаѣ Христа заколешь.

Не должно качать люльки безъ ребенка, въ противномъ случаѣ ребенокъ мало будетъ спать.

Не должно ребенка щупать за подошвы потому, что онъ въ полночь не будетъ спать.

Въ чистый понедѣльникъ въ амбаръ (житницу) не ходятъ; въ противномъ случаѣ не хватитъ на годъ хлѣба.

На новый годъ если звѣздочекъ на снѣгу будетъ много, то въ лѣсу ягодъ будетъ много.

Весной на озими если будетъ много плесени, то въ наступающее лѣто въ лѣсу много будетъ рыжиковъ.

Чтобы рождались ягнята бѣлые, нужно на великій четвергъ къ дверямъ поставить бѣлое полѣно, а чтобы—черные, то головню.

Если на Пасху будетъ лаять собака, то лѣтомъ много будетъ звѣрей въ лѣсу, на пр. медвѣдей, волковъ и другихъ хищныхъ.

А вотъ мѣстная легенда о созданіи кота: Когда родъ человѣческій долженъ былъ погибнуть отъ потопа, ему способствовалъ болѣе всего діаволъ, желая истребленія рода человѣческаго. Господь захотѣлъ сохранить породу человѣка и всѣхъ звѣрей, скота и птицъ. Для этого Богъ велѣлъ Ною построить ковчегъ и войти туда самому съ семействомъ и съ животными. Чортъ, видя, что Богъ хочетъ сохранить людей, рѣшился во что бы то ни стало погубить Ноя съ ковчегомъ и для этого придумалъ такую штуку. Не имѣя силы творить животныхъ чистыхъ, онъ создалъ *гнусовъ*, т. е. мышь, крысу и крота, давъ имъ возможность скрываться въ землѣ тайно и ночью взобраться въ ковчегъ. Гнусы должны были, когда ковчегъ будетъ плавать по водѣ, прогрызть и источить его дно дырами, и такимъ образомъ потопить. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ со всѣмъ живымъ, которое должно было сохраниться отъ потопа, тогда онъ замѣтилъ невиданныхъ имъ до того времени гнусовъ, зашедшихъ въ ковчегъ; онъ понялъ, чья это была продѣлка, но поймать и истребить гнусовъ не было возможности, такъ какъ они были очень малы и скрывались въ кучахъ корма, приготовленнаго для животныхъ и людей. Тогда одинъ изъ звѣрей, именно левъ, взявъ со всѣхъ звѣрей по клочку шерсти, а также и своей, и все это проглотилъ. Черезъ нѣсколько времени левъ вырыгнулъ кота, много подобнаго себѣ, только очень маленькаго и безъ гривы, но такого же свирѣпаго, легкаго и съ острыми когтями. Котъ этотъ, какъ только былъ готовъ, тотчасъ бросился на гнусовъ и истребилъ ихъ, а послѣ потопа онъ вмѣстѣ съ куною произвелъ разношерстную породу кошекъ. Вотъ почему у кота шерсть, какъ взятая отъ всѣхъ звѣрей, чиста; а какъ онъ ѣстъ гнусовъ, то внутренность его не чиста; за шерсть и услугу онъ допускается въ алтарь, а какъ питается гнусами, твореніемъ чорта, по этому считается не чистымъ и въ пищу не употребляется. Звѣрь левъ за выдумку свою поставленъ Ноемъ царемъ всѣхъ звѣрей вообще и скотовъ въ особенности.

Изъ гаданій приводимъ слѣдующее:

Желающій узнать свою судьбу отправляется съ разными препаратами въ какое либо мѣсто, раньше присмотренное или придуманное. Молодежь большею частію отправляется узнавать свою судьбу цѣлою толпою. Пришедши на мѣсто, узнаватели своей судьбы усаживаются другъ передъ другомъ, очуриваются, очерkиваются трижды столовымъ ножикомъ, кладутъ передъ собою укругъ хлѣба и покрываются скатертію.—Касательно узнаванія судьбы помѣщаю сюда разсказъ одного молодаго человѣка.—Въ одинъ изъ декабрьскихъ вечеровъ 1865 года зашелъ ко мнѣ въ квартиру одинъ молодой парень, которому я, между прочими разговорами, предложилъ вопросъ: чѣмъ молодежь занимается по вечерамъ?—Какъ чѣмъ, отвѣтилъ мнѣ молодой дѣтина.—Чѣмъ же именно?—Ѣздимъ по вечеринкамъ, ходимъ слушать..... гадаемъ (о гаданіяхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ).—Куда же вы ходите слушать и для чего?—Какъ куда?.... то на растани (перекрестки), то къ амбарамъ, то къ жилымъ домамъ, то въ бани, и овины..... и мало-ли кто куда вздумаетъ и гдѣ себѣ мѣсто приберетъ.

— Для чего?

— Чтобы узнать, не женится ли кто изъ партіи, не умретъ ли кто, въ солдаты не возьмутъ ли.....

— Какъ же вы узнаете все это?

— Какъ узнаете!.. Если кому почуются колокольчики, тотъ значитъ женатся въ этотъ годъ; если же почуется, что идетъ полкъ солдатъ,—въ солдаты возьмутъ; если—тешутъ доски,—умереть.

— А къ житничамъ зачѣмъ ходите?

— Чтобъ узнать, каковъ будетъ годъ—хлѣбородный или нѣтъ, и дорогъ ли будетъ хлѣбъ.

— Будто сбывается то, что вамъ представляется, или какъ по вашему *чудится*?

— Знамо дѣло, что сбывается..... Лонись (въ прошедшемъ году) Петрушѣ нашему (двоюродному брату)— почудилось—тешутъ доски—и умеръ въ четвертокъ предъ великимъ заговѣньемъ. *).

Гаданія преимущественно совершаются народомъ въ святки съ 25 декабря до 6 января. Гадаютъ вотъ какъ:

Бесѣдующій со мною въ одинъ изъ декабрьскихъ вечеровъ прошедшаго года молодой дѣтина, говорилъ на мой вопросъ: гадаете-ли вы? слѣдующее:

— Гадаемъ—льемъ изъ олова разныя фигурки, смотримъ въ зеркало, выносимъ на морозъ ложку съ масломъ или водой. Гадаемъ такъ для того, чтобы узнать каково будетъ жить въ этотъ годъ. Если изъ олова выльется фигурка хорошая, то передъ хорошимъ чѣмъ нибудь, а если некрасивая, на пр. яма, то передъ худомъ. Въ зеркало смотрятся для того, чтобы увидѣть свою *сужену* (будущую жену), или не умрешь ли въ тотъ годъ. При смотрѣніи въ зеркало нужно отворить не благословясь двери, ворота и трубу и не отвертываться безъ зачуранья въ случаѣ, если покажется что либо страшное на пр. смерть въ видѣ изсохшаго человѣка.—Въ холодное мѣсто выносятся налитыя ложки съ масломъ или водой съ тою цѣлію, чтобы узнать, не умретъ-ли кто изъ гадающихъ. Если въ той ложкѣ, кому она принадлежитъ, налитое масло или вода,—замерзнетъ съ ямкой на срединѣ, то тотъ умретъ, если безъ ямки, то напротивъ.

Переходимъ къ повѣрьямъ жителей Курейско-Сергіевскаго прихода, Холмогорскаго уѣзда.

Олицетворяя природу въ живыхъ образахъ, народъ во всемъ находитъ таинственное значеніе, у него все имѣетъ живой смыслъ. Такъ напр., народъ вѣритъ встрѣчѣ человѣка и животныхъ; вѣритъ въ полетъ птицъ, крикъ животныхъ, примѣчаетъ шумъ вѣтра, шелестъ древесныхъ листьевъ, журчаніе ручья, и проч. и проч.;—и все это свидѣтельствуетъ о какомъ нибудь духѣ, невидимомъ миѳическомъ существѣ въ образѣ дерева, птицы и такъ далѣе,—все это знаменуетъ что либо таинственное. Этихъ языческихъ суевѣрій въ народѣ многое множество, и многія изъ нихъ уже записаны въ «Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ».

Замѣчу лишь тѣ суевѣрія и воззрѣнія, которыя еще не описаны, а болѣе тѣ, которыми опутанъ нашъ народъ въ области религіозной жизни, и которыя надобно полагать, достались ему отъ язычествовавшихъ предковъ, а впослѣдствіи приправлены къ нимъ тенденціями нашей доморощенной, апокрифической и раскольнической литературой.

Такъ напр. вмѣсто языческаго Перуна—громовержца нашъ народъ чтитъ теперь громовержцемъ св. Пророка Илью; вмѣсто языческаго Велеса—скотья бога, чтитъ скотьимъ покровителемъ святаго священномученика Власія; покровителями лошадей—святыхъ Флора и Лавра; врачами—святаго Антипа, Сесинія и проч. Естественно, что при этомъ неизбѣжно должны были сохраниться, и сохранились въ простонародіи и нѣкоторые обряды изъ славяно-языческой религіозной практики. Такъ напр.:

Входитъ хозяинъ въ новый домъ и входитъ непремѣнно въ полнолуніе и въ полночь; несетъ святую икону и вмѣстѣ съ нею пѣтуха, котораго заставляетъ пѣть; молится Господу Богу «о сохраненіи отъ всякаго вреда невредимыми восхотѣвшихъ въ немъ жити,» и раскланивается во всѣ четыре угла хозяинушку, чтобъ онъ «господинъ, принялъ ихъ на богатый дворъ, на бытье, на житье, на богатство.»

Купилъ хозяинъ скотину и молится вмѣстѣ съ продавцомъ Господу Богу, и не возьметъ голыми руками вязки или узды; творитъ молитву Іисусову, а самъ три раза обводитъ вокругъ себя коня и кланяется хозяинушкѣ: «пой, корми, рукавичкой гладь.»

Носитъ на шеѣ святой крестъ, и вмѣстѣ съ нимъ на той же ленточкѣ узелокъ съ ртутью, травами и разными своедѣльными словами, записанными на бумагѣ, и этимъ узелкамъ приписываетъ силу, отклоняющую и прекращающую всякую болѣзнь и всякое другое бѣдствіе, безъ всякаго содѣйствія иныхъ средствъ.

Послѣ св. причастія, считаетъ непростительнымъ грѣхомъ плевать на землю въ продолженіе шести недѣль изъ опасенія «выплюнуть св. причастіе.»

Плевать считается у народа дѣломъ опаснымъ для нравственности и въ теченіе всего говѣнья, потому что по слюнѣ злой духъ узнаетъ сокровенныя помышленія человѣка, и въ такомъ случаѣ употребляетъ всѣ свои старанія, чтобъ навести на умъ человѣка грѣховные помыслы, а слюнамъ даютъ чудесную способность говорить за людей, оставляющихъ оныя.

Привыкнувъ смотрѣть на болѣзни и другія несчастія, какъ на слѣдствіе колдовства или очарованія, помощь противъ болѣзней и несчастій полагаютъ въ заговариваніяхъ, направляемыхъ на разочарованіе колдовства; и для сего берутъ воду, иногда святую, богоявленскую, и ножомъ творятъ въ ней крестъ, молятся за раба Божія (Ивана) Богу, призываютъ при этомъ и бѣса.

*) Великимъ заговѣньемъ—простой народъ называетъ послѣднее воскресеніе предъ Великимъ постомъ—недѣлю сыропустную.

Предъ самымъ исходомъ души, близъ головы умирающаго ставятъ въ чашкѣ воду, и это для того, чтобъ «душа, вылетая изъ тѣла, могла въ чашкѣ съ водой омыться отъ грѣховъ своихъ, а живымъ видѣть, какъ вода заколыхается въ чашкѣ, когда душенька, выходя изъ воды, обмывается.» И этимъ замѣняется нерѣдко предсмертное напутствованіе. Затоскуютъ и загорюютъ родные, что душа улетѣла, не омывшись отъ грѣховъ: —пропала! говорятъ, хотя бы умершій предъ смертію и исповѣдался, да не было воды близъ головы.

При ѣздѣ по водѣ, молятся святому Николаю, и вмѣстѣ съ симъ бросаютъ въ воду хлѣбъ на повѣтерь,—для того, чтобы подулъ попутный вѣтеръ.

При несогласіи мужа съ женой соединяются двѣ свѣчи и ставятъ ихъ святому.

Для отысканія потеряннаго или украденнаго ставятъ святому Іоанну свѣчу «вверхъ ногами» (свѣтильнею внизъ).

Тоже дѣлаютъ, чтобъ получить вѣсть объ отсутствующихъ родныхъ.

При встрѣчѣ со священникомъ—путь будетъ не хорошъ, и плюютъ въ сторону.

Вставая на молитву, обдуваютъ персты правой руки, для очищенія ихъ отъ всякой нечистоты.

Берутъ святую книгу (большею частію псалтирь), переворачиваютъ три раза на головѣ, разгибаютъ и читаютъ: изъ прочитанныхъ первыхъ строкъ узнаютъ свою судьбу—кручину.

Въ день Аграфены-купальницы народъ, на зарѣ Иванова дня, умывается росой, собираетъ травы для очищенія отъ недуговъ, порчи и вліянія злыхъ духовъ, связываетъ изъ листьевъ вѣникъ, парится въ банѣ, купается въ рѣкѣ, и бросаетъ вѣникъ въ воду, замѣчая: если утонетъ вѣникъ, то не жить болѣе бѣднягѣ на бѣломъ свѣтѣ.

Въ Великій четвергъ въ каждый домъ закупаютъ непремѣнно, хотя съ фунтъ, соли, и хранятъ ее въ теченіе цѣлаго года, назначая ее для скотины, въ случаѣ какой нибудь немочи на нее. Иногда пользуются этою солью и люди больные.

Спать нужно головою къ святымъ иконамъ; а если спать будешь къ порогу, а не къ образамъ, то, пожалуй, отправившься на тотъ свѣтъ.

Берутъ изъ подъ церкви (алтаря) земли, завязываютъ въ тряпку, и поятъ нездоровыхъ дѣтей, чтобы скорѣе померли.

Совѣтуютъ хранить извѣстныя 12 пятницъ въ году, и придаютъ имъ большое значеніе въ дѣлѣ душевнаго спасенія, напр. кто не вкушаетъ пищи въ пятницу предъ Благовѣщеніемъ, тотъ заслужитъ у Ангела Хранителя откровеніе дня своей кончины; а кто ѣстъ въ Великую пятницу скоромное, того считаютъ антихристомъ.

Въ какой день былъ праздникъ Благовѣщенія, въ тотъ день въ теченіе цѣлаго года не нужно начинать никакой работы, иначе не будетъ успѣха въ начатомъ дѣлѣ.

А на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы не начинаютъ никакого дѣла, потому что въ этотъ день птица гнѣзда не завиваетъ.

Въ именины тѣсто-неудача,—знакъ нехорошей жизни въ теченіе всего года.

Въ новопостроенномъ домѣ кто нибудь долженъ умереть (зн. обновить домъ), и съ безпокойствомъ живутъ на новосельѣ, пока не умретъ кто нибудь, или не падетъ животное.

Воронъ кричитъ на церкви или на дому,—къ покойнику.

По уносѣ умершаго въ церковь для отпѣва, тотчасъ же моютъ полъ въ избѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, чтобъ очистить домъ отъ смертности; изгнать смерть вонъ, и тѣмъ избавить отъ нея оставшееся семейство, а вмѣстѣ и заградить доступъ покойнику изъ могилы;—и метутъ на улицѣ соръ къ дому, чтобы жильцы не выводились изъ дома.

При зарытіи покойника, берутъ съ могилы земли, чтобы не тосковать по немъ.

Воротясь съ похоронъ, дома нужно ухватиться за печь, чтобы въ домѣ не было мертвеца.

Если у покойника открыты глаза или ротъ, то въ скоромъ времени кто нибудь изъ родныхъ его умретъ.

Выдергиваютъ изъ савана покойника нитки, и ими укрощаютъ жены неспокойныхъ своихъ мужей, зашивая эти нитки въ одежду ихъ.

Широко вырытая могила предвѣщаетъ другой гробъ родственнаго лица погребенному.

Хранятъ мыло, которымъ омывали покойника, и этимъ мыломъ моютъ дѣтей, чтобы они были спокойнѣе, и моются сами, чтобы казаться нездоровыми, напр. во время рекрутскаго набора.

Маленькимъ дѣтямъ на голову кладутъ соль, чтобы пришедшія съ улицы лица не оприкосили ихъ.

Болѣзнь лихорадку дѣлятъ на 12 родовъ или видовъ, представляя ихъ подъ образомъ 12 сестеръ «Иродовыхъ дочерей», и отъ этой боли въ большомъ ходу у народа разнаго рода заговоры и чудесныя симпатическія вещи, напр. обвязываютъ около больнаго—по брюху мертвую змѣю, кладутъ въ изголовье больнаго зубатку (рыбу), и читаютъ слѣдующій заговоръ: «во городѣ во Ставѣ, стоитъ дерево самолично; подъ тѣмъ деревомъ самолично стоитъ Сисиній Пр. Онъ пошолъ во путь во дорогу, на встрѣчу ему попалися 12 дѣвъ—12 сестеръ, косыя, кривыя, косоротыя, косоребрыя... Сисиній Пр. спросилъ ихъ: «что вы есть за люди?» Онѣ ему отвѣчали: «мы есть люди—Иродовы дочери». «Куда идете?» «Во святую Русь». «Зачѣмъ?» «Тѣло знобить, кости

ломать; во гробъ забивать». Сисиній Пр. на нихъ прогнѣвался,—пошелъ вырѣзалъ сто прутовъ, ударилъ ихъ по сту разовъ. Онѣ ему возмолились: «Сисиній Пр. не бей насъ: кто эту молитву будетъ знать и въ дому читать, не станемъ въ тотъ домъ ходить, тѣло знобить, кости ломать, во гробъ забивать».

При совершеніи таинствъ святой церкви народъ, при недостаткѣ умственнаго развитія, не обнимая и не возносясь мыслію къ освящающимъ и спасающимъ дѣйствіямъ ихъ, останавливаетъ свое вниманіе исключительно на одной внѣшней, символической сторонѣ, и здѣсь, въ этихъ символахъ ищетъ совсѣмъ не того смысла, какой даетъ святая церковь. Такъ, при совершеніи Таинства Крещенія примѣчаютъ: если младенецъ, когда воспріемникъ принимаетъ его отъ купѣли на ризки, громко плачетъ или чихнетъ, то значитъ жить новорожденному на свѣтѣ.

Слѣдятъ за воскомъ, въ который завертываютъ волосы и опускаютъ въ купель, и замѣчаютъ: если воскъ потонетъ, то младенецъ умретъ; а не потонетъ, будетъ жить. И не смотря на безчисленные опыты, что воскъ никогда не тонетъ, все продолжаютъ подмѣчать.

Воспріемники новорожденнаго тотчасъ послѣ крещенія не садятся, но ходятъ, чтобъ крестникъ ихъ скорѣе заходилъ; а если сядутъ, то крестникъ ихъ долго не заходитъ, и, пожалуй, будетъ сѣдунъ.

По выходѣ священника отъ больнаго послѣ напутствованія, домашніе гасятъ на божницѣ свѣчу, и если дымъ со свѣчи бросится на избу за священникомъ, больной помретъ.

При причащеніи больнаго Святыми Тайнами замѣчаютъ, если вложенная въ потиръ частица потонетъ на днѣ, больному суждено умереть, и напротивъ, когда больному предопредѣлено свыше выздоровѣть, тогда эта частица будетъ плавать на верху.

Если больной послѣ причащенія уснетъ, то это знакъ выздоровленія; а не будетъ сна—знакъ смерти.

Причастники непремѣнно должны блюсти себя отъ грѣха, покрайней мѣрѣ 6 недѣль; иначе принятіе сего Таинства дѣлается не только безполезнымъ, но и вреднымъ для спасенія души.

Новобрачные не могутъ причащаться, потому что не могутъ сохранить себя въ теченіе 6 недѣль отъ плотскихъ супружескихъ отношеній.

Если въ церкви при бракѣ что нибудь случится: образъ или свѣча упадетъ, то брачущіеся будутъ жить несчастливо.

Который изъ брачущихся прежде ступитъ на подножье во время брака, тотъ ранѣе и умретъ.

Если подъ вѣнцомъ невѣста уронитъ платокъ, а женихъ подниметъ, то самъ скоро помретъ.

Особорованный—все равно что отпѣтый (живой мертвецъ),—и кто бы онъ ни былъ, мужчина, или женщина, старый или молодой, если послѣ особорованія выздоровѣетъ, то ни въ какомъ случаѣ не долженъ никогда ходить въ баню, на браки, и долженъ навсегда разлучиться съ брачнымъ ложемъ, а жить мужу съ женой, какъ брату съ сестрой; дѣвица и молодецъ не должны вступать въ бракъ. И это нелѣпое вѣрованіе до того вкоренилось въ народѣ, что Таинство Елеосвященія у насъ почти не въ употребленіи.

О суевѣріяхъ и предразсудкахъ народа въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ, Холмог. уѣзда.

Трудно обозрѣть всѣ многоразличные виды суевѣрія и предразсудковъ у народа.—По понятію его, вся природа, всѣ стихіи и явленія ея олицетворяются въ живыхъ образахъ—существахъ, и имѣютъ непосредственное, роковое вліяніе на судьбу человѣка, въ рукахъ которыхъ находится счастіе и горе людей. Каждое изъ этихъ таинственныхъ существъ, называемыхъ духами, имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія и вліянія. А потому народъ вѣруетъ въ различныхъ духовъ, и куда бы ни пошелъ, въ поле, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру или на гору,—вездѣ воображенію его представляются эти невидимыя миѳическія существа, отъ которыхъ онъ не можетъ никуда уйдти. Вѣря въ могучую силу этихъ миѳическихъ существъ, и боясь гнѣва ихъ, суевѣрный народъ всегда старается не раздражать ихъ, угодить имъ, умилостивить ихъ, и чествуетъ ихъ поклонами и, пожалуй куреніемъ. Такъ, построилъ хозяинъ домъ, и при входѣ въ него накрываетъ столъ, и раскланивается во всѣ четыре угла съ произношеніемъ словъ: «хозяинушко господинъ, прими насъ на богатый дворъ, на бытье, на житье, на богачество». И когда нравятся хозяинушку жильцы дома,—все обстоитъ благополучно, хозяинушко смиренъ, его не видать, не слыхать; а когда жильцы не нравятся, тогда онъ застучитъ, загремитъ въ сѣняхъ, покояхъ, на чердакѣ (говорятъ: завязалась нежить—нечистая сила) и выживаетъ хозяевъ изъ дома. Быть скоро бѣдѣ въ домѣ,—хозяинушко зареветъ на подволокѣ, въ амбарѣ, въ хлѣву.

Купилъ хозяинъ скотину (коня, корову) и при вводѣ во дворъ приговариваетъ «мохнатой звѣрь на богатой дворъ; пой, корми хозяинушко, рукавичкой гладь». И смотритъ: если скотина тогда не гладка, то не ко двору,—хозяинушку не люба, и старается скорѣе, хотя бы за полцѣны, продать ее.

Моется хозяинъ въ банѣ: остерегается громко стучать и говорить, чтобы не оскорбить байнушка, и не навлечь на себя непріятностей и гнѣва его; вымывшись, оставляетъ ему вѣникъ и воду, чтобы онъ попарился и помылся. Но выходѣ же изъ бани благодаритъ: «спасибо тебѣ, байнушко, на парной баничкѣ».

Купается хозяинъ въ рѣкѣ: боится хозяинушка водъ (водянаго), котораго онъ видалъ въ рѣкѣ со всѣмъ его семействомъ играющимъ на водѣ, разчесывающимъ длинные волосы и проч.; въ Ивановскую и Ильинскую недѣли ни за что не будетъ купаться въ рѣкѣ, потому что тогда играетъ водяной и жаждетъ всяческой жертвы.

Зашелъ хозяинъ въ лѣсъ: въ чащѣ его видитъ жилище духа лѣсовъ (лѣшаго), остерегается громко смѣяться и особенно свистать, чтобы не раздразнить этого сильнаго-могучаго богатыря, который чрезъ рѣки и озера шагаетъ, и, въ гнѣвѣ, все, что попадается ему на дорогѣ, ломаетъ и уноситъ; при вихрѣ говорятъ: «лѣшій идетъ».

Идетъ хозяинъ изъ гостей и сбился съ пути-дороги, вмѣсто «Соломбалы» очутился у городской заставы, говоритъ: «лѣшій пошутилъ».

Собирается хозяинъ хлѣбъ молотить, скромно мететъ овинъ и куритъ въ немъ ладаномъ для умилостивленія хозяинушка гуменнаго.

И этихъ миѳическихъ духовъ, хозяинъ видитъ и во снѣ, и на яву, и всегда гадаетъ о милости или гнѣвѣ ихъ.

Сбились въ клокъ волосы въ бородѣ или головѣ; это дѣло хозяинушка,—знакъ любви его.

Улегся спать хозяинъ, и что-то душитъ его (чрезъ необычайное нажиманіе на грудь); этимъ способомъ хозяинушка извѣщаетъ о предстоящей ему (хозяину) радости или печали, и если домовой—теплый, то будетъ радость, если холодный—къ богатству, а голый—къ бѣдности.

Ночью при входѣ на повѣть (сѣнникъ), видитъ въ сарафанѣ своей жены хозяинушка, который кормитъ и холитъ его чернуху, и моритъ пеструху (корову), или по утру во дворѣ находитъ своего бурка (коня) всего мокраго въ пѣнѣ, и вѣритъ, что всю ночь хозяинушко мучилъ его.

Разскажетъ: «у такого-то хозяина бывало хозяинушко по ночамъ поилъ скотъ, и на себѣ возилъ воду, а однажды, въ гнѣвѣ на хозяина, передавилъ весь скотъ».

— «Въ банѣ съ бабы, которая бранила и посылала своихъ дѣтей къ чорту, байнушко сорвалъ кожу съ ногъ до головы».

— «Годовъ пятнадцать назадъ, водяной три дня поутру и повечеру гиликъ (игралъ) въ рѣкѣ предъ головою нашего Николы».

— «Одинъ лѣшій влюбился въ бабу, и отъ любви такъ измаялся, что не могъ дѣлать ничего, и женился на ней. Старуху Маланью онъ возилъ на себѣ бабить новорожденнаго у него сына, за труды бабкѣ раздѣлался честно».

— «Въ прошломъ году ходила я въ лѣсъ по ягоды. Настигъ меня мой муженекъ; собирали мы съ нимъ ягоды въ одно мѣсто, и пошли домой; вдругъ мужъ мой захохоталъ, да и прыгнулъ въ лѣсъ, а въ коробу очутились сосновыя шишки».

— «Дядя Андрей срубилъ жилье лѣснаго (вѣковую елку), и не радъ былъ; надъ нимъ долго гилилъ лѣшій и провожалъ его до деревни, а на другой годъ овинъ сжогъ у него».

Подобными этимъ анекдотами опутанъ въ своей жизни народъ, и долго, кажется, не освободится отъ нихъ. Почти всѣ несчастія въ домѣ, въ лѣсу, въ пути и проч. онъ приписываетъ шуткамъ или гнѣву одного изъ миѳическихъ существъ, или извѣстному классу людей, которыя, находясь въ сообществѣ съ злымъ духомъ, приобрѣли чрезъ то волшебную способность, или сверхъестественное искуство, при произнесеніи нѣкоторыхъ словъ и проч., разрушать по произволу имущество и всѣ пожитки человѣка, разстроивать здоровье его и т. п.; ихъ называетъ колдунами, знахарями, колдуньями и знахарками.

Далѣе слѣдуетъ сказать о примѣтахъ или случайныхъ предсказаніяхъ, которымъ вѣрятъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ едва-ли не всѣ жители.

Урожай—жизнь и счастіе для народа, неурожай—голодъ, бѣдствіе; а потому крестьяне наши съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за приближеніемъ весны, и подводятъ многіе дни ея, по характеру погоды, подъ какое нибудь миѳическое замѣчаніе на счетъ будущаго урожая или неурожая. Такъ для 1-го дня марта, для самаго начала весны, есть слѣдующая примѣта: если этотъ день хорошъ,—красный, то вся весна будетъ хороша, благопріятна для посѣвовъ.

Если въ чистый понедѣльникъ погода будетъ ясная, то весна будетъ сухая и теплая; вторникъ показываетъ лѣто; среда—осень.

Если 23 апрѣля, въ Георгіевъ день будетъ утренникъ (морозъ), то будетъ еще 40 утренниковъ.

Если на 29 іюня на засѣянныхъ поляхъ будетъ колосъ, то на 20 іюля—колобъ.

Темная на Пасху ночь и тихія рождественскія святки предвѣщаютъ хлѣбородный годъ.

Если во 2-е февраля, или чистый понедѣльникъ перенесетъ (погодою) дорогу, то весною будетъ сѣно дорого.

Если на 23 апрѣля сломается лёдъ, то 9-го мая будетъ для скота подножный кормъ. Говорятъ: «Георгій съ водой, Никола съ травой».

Если въ 26-е октября поѣдешь по рѣкѣ на конѣ, то въ 23-е апрѣля—въ лодкѣ. Говорятъ: «Дмитрій на конѣ, Георгій въ лодкѣ».

Если въ 4-е августа (Евдокіи—сѣногнойки) будетъ дождь, то страда будетъ мокрая - дождливая.

Сколько снѣгу на кровляхъ домовъ въ 25-е марта, столько будетъ его на землѣ въ 23-е апрѣля.

Если лѣтомъ задуетъ восточина (востокъ), то будетъ всячина (дождь и солнце).

Если кукушка застанетъ сѣмяна въ засѣкѣ (амбарѣ) т. е. до начала сѣва закукуетъ, то будетъ неурожай.

Громъ и молнія ростятъ на полѣ хлѣбъ.

Корова во время сна держитъ во рту соломенку (сѣна), кротъ роетъ по осени луга,—къ дорогому сѣну.

Ледъ несетъ (весною) изъ рѣки Курополки въ рѣку Курью; крупная икра въ весенней щукѣ—къ хлѣбородному году.

Гнусъ бьетъ въ зернѣ хлѣбъ; мало густеги (снѣгу) на лѣсу,—къ неурожайному году.

Паденіе густеги въ лѣсу, предвѣщаетъ близкую весну.

Ледяныя сосульки на крышахъ домовъ во время весенняго снѣготаянія обѣщаютъ продолжительную весну.

Сѣянъ (хлѣбъ) горстью и собирать нужно горстью; станешь косить, земля не станетъ родить.

Нужно оставлять въ амбарѣ зерно; иначе выведется (не будетъ) хлѣбъ.

Обильный урожай рябины предвѣщаетъ мокрую осень.

Если листъ долго не падаетъ по осени, то годъ будетъ болѣзненный.

Мужчины во время косьбы кладутъ за голень сапога траву, а женщины во время жнива—за спину колосъ, чтобы не устать на работѣ.

Если отъ жатья (хлѣба) распухнетъ рука, то стоитъ только перевязать ее ниткою, которую должна взять изъ своей косы женщина, родившая двойниковъ, и боль пройдетъ.

Замѣчаютъ по днямъ первой недѣли великаго поста: если первый день хорошъ, то весна хороша; второй день показываетъ лѣто, а третій—осень.

Если 1-е ч. марта бываетъ вѣтряно, то весна не продлится, скоро наступитъ лѣто. 25-е марта красный день обѣщаетъ прекрасную погоду весной; а горній вѣтеръ *) (одинъ изъ южныхъ), въ скоромъ времени теплое лѣто. Если же вѣтеръ дуетъ съ моря т. е. сѣверный, то весна будетъ продолжительна; тоже предзнаменуютъ большія ледяныя сосульки, по туземному выраженію, свѣчки, образовавшіяся при таяніи на кровляхъ домовъ снѣга.

Когда курицы, не говоря о старыхъ, долго не несутся весною, то не скоро будетъ теплое лѣто. Когда онѣ кырлы даютъ (стонутъ) и комшатся (чистятся въ перьѣ своемъ), то будетъ стужа. Если кошка приютится на печкѣ, то, значитъ, чуетъ (предчувствуетъ) холодъ.

Когда лѣтомъ осы вьютъ гнѣзда на деревѣ, то будетъ мокрая (дождливая) осень; а если на землѣ, то къ сухой осени.

Замѣчаютъ о скоромъ направленіи вѣтра съ той стороны, на которую ложатся спиною животныя, какъ-то: собаки, кошки, овцы и проч., или откуда облака на чистомъ небосклонѣ начинаютъ показываться. Игра морскихъ звѣрей, во время тишины на морѣ, служитъ вѣрною примѣтою близкой бури, и вѣтра на-встрѣчу игравшимъ морскимъ животнымъ. Вечерами замѣчаютъ весною, на которой сторонѣ небосклона болѣе облачно, оттуда на другой день будетъ вѣтеръ; а осенью—ждутъ на другой день вѣтра съ той стороны, гдѣ болѣе небо, на сумеркахъ, ясно.

Если 6-е января, во время освященія воды на Іорданѣ, послѣ тишины подуетъ горній вѣтеръ, то предзнаменуетъ хлѣбородный годъ, а если сѣверный,—то обильные морскіе промыслы.

Тихія святки (безъ вѣтровъ) и множество на деревьяхъ густеги (снѣгу),—къ хлѣбородному году.

Когда на св. Пасху ночью бываетъ видно много звѣздъ на небосклонѣ, то много будетъ морошки; если же темно, то къ хлѣбородному году; если же темнота или звѣзды не на всемъ горизонтѣ, а въ сторонѣ, ближе къ морской поверхности, то къ лучшимъ морскимъ промысламъ.

Крикъ воронъ, галокъ и блѣяніе овецъ—къ дождю.

Сорока прилетаетъ къ жилью и стрекочетъ—къ вѣстямъ.

Уголь выпрыгиваетъ изъ печки во время ея топленія—къ гостямъ.

Собака валяется въ снѣгу (катается по снѣгу)—къ снѣжной погодѣ, къ мятели.

Кошка блюетъ (рвота у кошки)—къ сырой погодѣ.

Воронъ кричитъ на церкви—къ покойнику.

Тоже предзнаменуетъ, если кошка спитъ вверхъ турбою (мордою), или пѣтухъ запоетъ ночью ранѣе обыкновеннаго, или когда курица во время сна отбрасываетъ крыло, или завоетъ собака.

Собачій вой и лай, во время освященія воды на Іорданѣ, признается зловѣщею примѣтою немалаго несчастія.

Самымъ удобнымъ временемъ для совершенія гаданій считаются у жителей Сумскаго посада Святки т. е. періодъ отъ 4 декабря до 6 января.

Чтобы лучше познакомить читателя, съ нѣкоторыми изъ нихъ, мы считаемъ удобнѣе раздѣлить ихъ: на вечернія, полуночныя и на сонъ грядущій.

Вечернія гаданія начинаются съ появленіемъ вечернихъ огней подслушиваніемъ и подсматриваніемъ.—Потомъ: зажмуривъ глаза, берутъ изъ костра (дровъ) полѣнья. Не гладкое полѣно знакъ богатаго жениха *).

Льютъ воскъ или олово въ снѣгъ или холодную воду, или выливаютъ яичный бѣлокъ въ стаканъ съ водою, и, по вылитымъ фигурамъ, разгадываютъ грядущее. Наливаютъ ложки водою и замораживаютъ: если вода

*) Дующій съ материка или суши, который въ Архангельской губерніи называется горой.

*) Въ Пинежскомъ уѣздѣ не гладкое полѣно—знакъ не краснваго-жениха.

замерзла на ложкѣ булдыремъ, то къ жизни, напротивъ углубленіемъ, къ смерти, а если горизонтальною ровною поверхностію, то къ неудачной жизни.

Дѣлаютъ изъ кудели кружки, въ видѣ колецъ, и въ срединѣ поджигаютъ. При горѣніи этого кольца замѣчаютъ, гдѣ прежде покажутся воротцы, (т. е. раздѣленіе)—въ той сторонѣ замужемъ быть.

Нѣсколько подругъ дѣвушекъ—дѣлаютъ изъ хлѣба по катышку, или насыпаютъ по кучкѣ жита (ячменя) и выпускаютъ къ нимъ пѣтуха. Чей катышекъ или кучку пѣтухъ начнетъ клевать прежде, той изъ подругъ раньше замужемъ быть.

Въ полночь три подруги отправляются на прорубь. Двѣ изъ нихъ погружаютъ въ воду лучины и потомъ обѣ вмѣстѣ лучины свои зажигаютъ у третьей подруги, принесшей огонь. У которой, послѣ купанья, прежде загорится лучина, той раньше замужемъ быть.

Нѣкоторыя болѣе смѣлыя гадальщицы, смотрятся въ зеркало, узнавая своего суженаго.

При этомъ гаданіи ворота и двери гадальщица растворяетъ и въ то же время запираетъ съ приговоромъ: «не благослови Господь», снимаетъ съ себя крестъ и поясъ, и садится за ранѣе накрытый ею столъ и смотрится пристально въ зеркало, предъ которымъ горятъ сальныя свѣчи,—до появленія ожидаемаго призрака.

Также поодиночкѣ смотрятся въ оловянную воду (такъ называется вода, въ которую раньше вечеромъ было лито олово), перевалившись чрезъ столъ и накрывшись скатертью—надъ котломъ съ водою, къ которому прилѣплена восковая свѣча.

Въ полночь же бѣгаютъ на прорубь въ чулкахъ мочить ноги и, прибѣжавъ домой, ложатся въ мокрыхъ чулкахъ спать, приговаривая: «кто суженой будетъ, тотъ и разуетъ». Или беруть наперстокъ воды, наперстокъ соли и наперстокъ муки, смѣшавъ все вмѣстѣ, берутъ въ ротъ съ приговоромъ: «кто суженой будетъ, тотъ и пить принеси». Или наматываютъ тридевять (27) лучинокъ, ложась спать, кладутъ ихъ себѣ подъ подушку и замѣчаютъ: какой домъ во снѣ покажется, въ такомъ домѣ и въ замужествѣ быть.

Почти всѣ жители Хаврогоръ не отрицаютъ бытія *лѣшихъ*, *домовыхъ*, *банныхъ*, *водяныхъ* и другихъ, съ назначеніемъ мѣсто-жительства всякому изъ нихъ въ своемъ, опредѣленномъ самой природою кругѣ. Въ преданіи особенно при собраніяхъ много разсказовъ передается отъ одного къ другому, и въ настоящее время есть очевидцы и испытатели дѣйствій надъ ними самого лѣшаго, который, какъ выражаются обыкновенно, въ такое-то время пошутилъ надо мною такимъ-то образомъ, и начинается разсказъ. Болѣе всего шутки лѣшаго осуществляются тогда, когда человѣкъ въ лѣсу бываетъ одинъ. Если случится ему ночевать въ лѣсу въ избушкѣ, *) и, войдя въ оную, онъ не спроситъ позволенія у хозяинушка, то непремѣнно долженъ встрѣтить пытку за дерзновенный входъ, каковая состоитъ изъ ворочанія крыши на избушкѣ, отверстія дымника, дверей и другихъ безпокойныхъ дѣйствій. Но не менѣе сего лѣшій выказываетъ свои шутки надъ человѣкомъ, встрѣчаясь съ нимъ въ видѣ знакомаго, водитъ по лѣсу, занимаясь тѣмъ же предметомъ съ нимъ, оставляетъ на незнакомомъ мѣстѣ, съ вихремъ и смѣхомъ удаляясь, такъ что весь лѣсъ затрещитъ. Такіе же и подобные разсказы есть и о другихъ духахъ; но домовому дается названіе *дѣдка*: замѣтится что либо въ домѣ надъ скотомъ, или въ домѣ произойдетъ безпорядокъ и нестроеніе, то говорятъ и увѣрены, что надъ всѣмъ этимъ *дѣдка шутитъ*, *или не любитъ*.

Понятія Хаврогорцевъ о небѣ и землѣ и вообще о природѣ таковы, какъ каждому изъ нихъ хочется о сихъ предметахъ мыслить и думать; но всѣ увѣрены въ величіи Творца, и что все Его творческою рукою создано и по Его волѣ происходитъ. Въ лѣтнее время, когда стоитъ засуха или ненастье въ страдное время, это считаютъ наказаніемъ для себя и прогнѣваніемъ на нихъ Божіимъ. Но нельзя же сказать, чтобъ не было также и суевѣрности; напр. громъ гремитъ, простаки и особенно женщины старыя скажутъ: «это кормилецъ Илія Пророкъ по небу катается на огненной колесницѣ».

По *птицамъ* и *рыбамъ* суевѣрія почти нѣтъ, а по нимъ любятъ предугадывать погоду, будущность лѣта, урожай хлѣба, ягодъ и проч., но довольно часто ошибаются; напримѣръ, при налетѣ въ весеннее время утокъ, гусей и проч., если они, налетѣвъ, много не кричатъ,—это считается добрымъ предзнаменованіемъ къ плодоносному лѣту, если же напротивъ, то въ малодушныхъ замѣтно уныніе и неупованіе на Бога, что Онъ печется о всѣхъ, и поговаривается такъ: «*и птица-то чуетъ, что холодъ будетъ*».

Но есть еще источникъ новыхъ суевѣрій,—это *открытіе пароходства* по Двинѣ, которое своимъ появленіемъ породило новое предреченіе къ приближенію свѣто преставленія; это суевѣріе впрочемъ не самими мѣстными жителями составилось, а заимствовано отъ раскольниковъ, по мнѣнію которыхъ, пароходы и подаваемые оными свистки суть «*огненные змьи*», а телеграфъ—связь всей земли желѣзными нитями.

*) Избушка въ лѣсу строится для промышленниковъ маленькая, безъ печки, вмѣсто оной каменка; вмѣстить въ себя для ночлега можетъ человѣкъ пять.

ГЛАВА VIII.

НАРОДНОЕ ВРАЧЕВАНІЕ.

Свѣдѣнія о народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи, сообщенныя врачемъ Липницкимъ: Архангельскіе знахари и знахарки, собираемыя ими травы, способы лѣченія, средства противъ разныхъ болѣзней; взглядъ народа на происхожденіе болѣзней, участіе колдовства въ лѣченіи ихъ, икота и икотницы.—Свѣдѣнія о простонародномъ врачеваніи въ Шенкурскомъ уѣздѣ, доставленныя фельдшеромъ Костылевымъ: болѣзни отъ духа, отъ порчи, отъ животныхъ, отъ самого себя.—Свѣдѣнія о народной медицинѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ, собранныя П. А. Ивановымъ: причины болѣзней, лѣчебныя средства, икота и икотницы.—О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ свящ. Глѣбовскаго. — Какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни молятся въ разныхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи.

Исцѣленіе тѣлесныхъ недуговъ, болѣзней, само по себѣ принадлежитъ къ медицинѣ; но по связи народнаго врачеванія съ вѣрованіями народа, и этотъ вопросъ можетъ быть отнесенъ къ этнографіи. Въ главѣ свѣдѣній о народныхъ способахъ лѣченія разныхъ болѣзней въ Архангельской губерніи мы ставимъ сообщеніе, принадлежащее перу врача Липницкаго.

Онъ говоритъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ знахарей въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ другихъ губерніяхъ, то есть людей, обладающихъ секретными, имъ однимъ доступными и принадлежащими знаніями цѣлебныхъ силъ природы, и которые поэтому слывутъ въ народѣ исключительными знатоками лѣченія болѣзней, составляя особенную и сказочную касту по своимъ знаніямъ и занятіямъ, передающимся по наслѣдству отъ одного лица къ другому. Правда, встрѣчаются старухи, занимающіяся собственно собираніемъ травъ, какъ промысломъ, но въ незначительномъ количествѣ; всего двѣ, три травы составляютъ весь ихъ гербарій. Польза въ различныхъ болѣзняхъ нѣкоторыхъ растеній, употребляемыхъ, кажется, по всей Россіи и въ медицинѣ (и растущихъ здѣсь въ изобиліи), имъ вовсе неизвѣстна. Между тѣмъ на лучшихъ пашняхъ растутъ тысячелистникъ (achillea millefolium), чернобыльникъ (artemisia vulgaris), трилистникъ горькій (trifolium febrinum), многолѣтникъ (polygala amara), мать и мачиха (tussilago farfara), дикая рябина (tanacetum vulgare), булдырьянъ, маунъ (valeriana officinale), и многія другія травы, знаніе свойствъ которыхъ составляетъ знахарство, благодѣтельное для больнаго. Исландскій мохъ, который разводится по всей Европѣ для медицинскаго употребленія, здѣсь идетъ на прокормленіе скота. Также неизвѣстна польза и употребленіе тресковаго жира. Нѣтъ также обыкновенія, распространеннаго въ Южной Россіи, настаивать водку на различныхъ извѣстныхъ цѣлебною силою травахъ; здѣсь предпочитаются кабацкія.

Изъ травъ, собираемыхъ знахарками, большую роль играетъ такъ называемая по мѣстному—грыжная трава,—венерины волосы (capilli veneris), она составляетъ предметъ промысла и торговли знающихъ мѣста ея произрастенія старухъ, потому что она растетъ не вездѣ, часто далеко отъ деревень на болотистой почвѣ. Потому не всѣ деревни могутъ имѣть, такъ сказать, собственную, а побольшей части покупаютъ у извѣстныхъ въ околодкѣ старухъ; цѣлебная сила ея до того считается полезною, что каждая хозяйка считаетъ долгомъ имѣть эту траву въ запасѣ; потому ей цѣна около рубля за фунтъ. Изъ этого можно видѣть, что употребленіе ея всѣмъ извѣстно, потому-то и сказано мною, что нѣтъ знахарства, такъ какъ и другія немногочисленныя средства и очень несложные способы леченія тоже распространены въ массѣ народа; они притомъ такъ просты, что и не заслуживаютъ названія способовъ лѣченія.

Грыжная трава употребляется вообще противъ болей, при различныхъ отправленіяхъ половыхъ органовъ у женщинъ, называемыхъ въ простонародіи (почему-то) грызями, откуда и названіе травы. Такимъ образомъ она употребляется при красныхъ и бѣлыхъ грызяхъ (при недостаточной и обильной менструаціи), то есть при растройствѣ менструаціи и при бѣляхъ (fluor albus), для усиленія потугъ при родахъ, для остановленія по-

слѣдняго кровотеченія и для отдѣленія послѣда. Съ подобною-же цѣлію употреблялась эта трава въ старой медицинѣ и отчасти въ новой, особенно Французами, въ видѣ прибавленія къ другимъ средствамъ.

Употребляется, вѣроятно по аналогіи, также и въ другихъ болѣхъ живота, называемыхъ тоже грызями, при которыхъ предполагается, образованіе грыжи внутренностей. Вообще понятіе объ этихъ грыжахъ такъ сбивчиво и неопредѣленно, что смѣшиваются различныя боли, исключая воспалительныхъ, въ различныхъ органахъ живота. При большой славѣ и распространеніи этой травы она входитъ также въ составъ сборовъ, о чемъ будетъ сказано ниже. При лѣченіи этихъ болей, какъ вспомогательное средство, употребляются различнаго рода растиранія и разминанія тѣла и живота руками, суконками, преимущественно совершаемыя въ банѣ; приставляютъ также грѣтые горшки, въ видѣ сухихъ банокъ, что совершается обыкновенно старухами, которыя и называются знахарками.

Лѣченіе болѣзней горячечныхъ, простудныхъ и сыпныхъ горячекъ, воспалительныхъ очень просто: главную роль играетъ баня, печь и теплое содержаніе. Совѣтъ горячечному больному лежать не на печкѣ, а въ болѣе прохладномъ мѣстѣ и не укрываться тепло, принимается недовѣрчиво, какъ несообразность.

Весь процессъ лѣченія такой: первоначально даютъ выпить рюмку водки, потомъ слѣдуетъ баня съ растираніемъ и разминаніемъ, послѣ бани вплоть до выздоровленія лежаніе на печи. Часто преніе въ банѣ повторяется чрезъ день, два. При боли и жарѣ въ головѣ прикладываютъ творогъ, глину, смоченную водой, угощаютъ больнаго чѣмъ ни попало, особенно кислымъ хлѣбнымъ квасомъ, замѣняющамъ у нихъ всѣ прохладительные напитки; часто въ горячкахъ, соединенныхъ съ болью подъ ложечкою отъ сочувственнаго страданія желудка, даютъ сокъ тертой рѣдьки, творогъ, вещи не только безполезныя, но вредныя. Слабительными служатъ масло или вода съ солью; возбудить рвоту не знаютъ чѣмъ, хотя часто сознаютъ полезное ея дѣйствіе. Другаго лѣченія въ сказанныхъ болѣзняхъ никакого нѣтъ; травъ и кореньевъ никакихъ не употребляютъ. Есть еще лѣченіе воспаленій органовъ, основанное на суевѣрномъ взглядѣ на происхожденіе болѣзни, о чемъ будетъ сказано ниже. Еще менѣе дѣятеленъ ихъ способъ лѣченія въ болѣзняхъ хроническихъ. Здѣсь полагается вообще вся надежда на время и Бога; въ случаяхъ, не уступающихъ времени, обращаются охотно къ врачу, если есть возможность; на лѣкарство смотрятъ съ суевѣрностію въ его непремѣнное, и при томъ немедленное дѣйствіе и помощь, и которыхъ ожидаютъ всегда немедленно.

Наружныя болѣзни лѣчатся очень просто: рожистое воспаленіе обкладываніемъ листьями растеній, особенно подорожника (plantago major), тѣстомъ и т. п. Язвы хроническія, ожоги и другія лѣчатъ ежедневнымъ обмываніемъ щелокомъ изъ золы и перевязкою изъ намасленныхъ тряпицъ, прикладываніемъ осиновой коры и т. п. Для размягченія нарыва прикладываютъ лепешки изъ меду и луку,—лѣченіе общеупотребительное по всей Россіи. Раны, ушибы и т. п. размываютъ и примачиваютъ мочею.

Есть (народное) спеціальное лѣченіе нѣкоторыхъ болѣзней, методическое, составляющее спеціальность знатоковъ-старухъ, преимущественно городскихъ, часто пользующихся огромною извѣстностію и практикой. Такъ есть между ними кобрировки, другія лѣчатъ однѣ язвы, воспаленіе ногтнаго сустава, повитухи и т. д. Вообще нарывы, по понятію народа, происходятъ отъ «волоси».

Интересно лѣченіе воспаленія ногтнаго состава (panaritium), называемаго въ народѣ *волосомъ*, причемъ предполагается, что все—воспаленіе, боль и опухоль—зависитъ отъ развитія червячка подъ кожей. Потому все лѣченіе направляется къ извлеченію предполагаемаго червячка, для чего всегда услышишь просьбу въ этомъ случаѣ произвести отверстіе въ кожѣ и дать мази, чтобъ проѣло. Въ народѣ славится въ этомъ случаѣ такъ называемая травка противъ волоса, которая держится подъ секретомъ и извѣстна только спеціалистамъ по этой части. Это землистый черный порошокъ, въ которомъ трудно и замѣтить растительныя части и ѣдкій до того, что приложенный на кожу, обыкновенно въ видѣ тѣста со сливками, производитъ пузырь и омертвѣніе тканей. Вѣроятно въ составъ этого порошка входитъ волчье лыко Daphne mezereum, а можетъ быть и сулема, которая употребляется съ подобною цѣлью въ этой болѣзни и сама по себѣ; достигнувъ упомянутымъ порошкомъ или сулемою червяка, его присыпаютъ сулемою или мазью изъ нея и умерщвленный такимъ образомъ червякъ выходитъ на перевязку изъ спуска въ видѣ зеленаго гноя.

Разбирая это лѣченіе, можно видѣть въ немъ своего рода раціонализмъ:—они стараются вскрыть нарывъ, но средства, которыми они достигаютъ этого, нераціональны и уступаютъ разрѣзу ножемъ, болѣзнь обыкновенно длится долго и образующіеся рубцы обезображиваютъ палецъ.

Таже травка употребляется и при язвахъ гнилыхъ, гангренозныхъ, при язвахъ съ затвердѣлыми краями (налезлыхъ), обыкновенно въ видѣ мази со сливками для оживленія язвы и разрушенія частей омертвѣлыхъ.

Есть спеціалисты, занимающіеся собственно лѣченіемъ язвъ, при томъ каждая изъ нихъ имѣетъ свой методъ. Такъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій способъ лѣченія. Дѣлается спускъ изъ слѣдующихъ частей: сосновой сѣры, воску, пластырю изъ шпанскихъ мушекъ, пластырю

изъ скотскаго жиру. Эта мазь употребляется для перевязокъ. Вообще при язвахъ круглой формы обсыпаютъ кромѣ того края ихъ жженными квасцами. Полагаютъ образованіе язвъ изъ общаго худосочія, потому всегда употребляется внутреннее лѣченіе декоктомъ изъ сбора травъ, числомъ до 12-ти, между которыми главныя — грыжная трава и сарсапариль, далѣе слѣдуетъ ромашка, бузинный цвѣтъ, трифоль, розовый цвѣтъ, мята, чистозванъ, романникъ, шалфей, полынь и тысячелистникъ. Этотъ сборъ признается полезнымъ во всевозможныхъ болѣзняхъ органовъ грудныхъ и брюшныхъ, при различныхъ худосочіяхъ. Поэтому травы эти продаются въ лавкахъ и покупаются старухами.

Но самымъ важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ въ народѣ считается кровопусканіе, или по народному метаніе руды, оно есть средство предохраняющее или предупреждающее вообще болѣзни. Обыкновенно говорятъ: кровь мучитъ, будетъ ли то ревматическое воспаленіе сочлененія съ жаромъ и лихорадкою или нарывы на тѣлѣ, воспаленіе грудныхъ или брюшныхъ органовъ, или параличъ нижнихъ конечностей, головная боль, хроническое разстройство пищеваренія или цынготное худосочіе — все подводится подъ одну категорію. Потому кровопусканіе распространено сильно. И рѣдко можно встрѣтить среднихъ и старыхъ лѣтъ мущинъ и женщинъ, бросавшихъ кровь 10 и 15 лѣтъ сряду ежегодно, все отъ увѣренности, что рабочему человѣку нельзя прожить безъ кровопусканія, иначе кровь замучитъ. Любятъ употреблять также кровососныя банки, но не вездѣ есть возможность пользоваться ими, обыкновенно банки эти состоятъ изъ концовъ воловьихъ роговъ; насѣчки дѣлаются бритвой или ланцетомъ, операцію производятъ всегда въ банѣ. Роль фельдшеровъ исполняютъ въ обоихъ случаяхъ по большой части Мезенскіе коновалы, которые образуютъ цѣлое сословіе ученыхъ этому искусству, расхаживаютъ по всѣмъ закоулкамъ и болѣе практикуютъ на людяхъ, нежели на скотѣ. Часто искусствомъ своимъ злоупотребляютъ. Потому, что искусство ихъ, собственно говоря, состоитъ только въ умѣньи производить эту операцію безъ всякаго понятія о показаніяхъ къ ней и о дѣйствіи кровопусканія. Ими руководитъ въ этомъ случаѣ только алчность и желаніе нажить нѣсколько копѣекъ. Мнѣ случилось однажды видѣть крестьянина среднихъ лѣтъ, хорошаго тѣлосложенія; на другой день послѣ метанія руды, онъ не могъ стоять, потому что его *обнесло*, т. е. у него кружилась голова отъ малокровія. Слѣдить за этимъ злоупотребленіемъ и предотвратить его не можетъ никакая полиція, потому что, зная законное запрещеніе, кровопусканіе производятъ тайно, и оно остается тайной между паціентомъ и операторомъ.

Эти же коновалы считаются отличными докторами болѣзней сифилитическихъ, хотя способы ихъ лѣченія извѣстны по всей Россіи въ народѣ: они даютъ растворъ сулемы (по народному бѣль) и обкуриваютъ киноварью. Но за ними остается практика по преимуществу, потому что они всегда имѣютъ эти средства, которыми и снабжаютъ всякаго желающаго.

Растворъ сулемы употребляется очень сильный (золотникъ на штофъ), по ложкамъ; безвредность пріема можно объяснить только поддѣлкою или нечистымъ приготовленіемъ препарата, неизбѣжнымъ при контрабандномъ его употребленіи. Въ этихъ же болѣзняхъ употребляется корень сарсапарили, настойка его на водкѣ, или крѣпкій отваръ, приготовляемый въ закупоренномъ сосудѣ. Впрочемъ не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о томъ, что повинчать подъ этими болѣзнями. Въ Пинежскомъ уѣздѣ эта болѣзнь въ первичной формѣ встрѣчается очень рѣдко. По большей части можно наблюдать застарѣлыя формы у людей, бывшихъ въ большихъ городахъ и столицахъ; между ними можно видѣть образцы страшнаго разрушенія организма. Потому народъ смотритъ на эту болѣзнь, какъ и вездѣ, съ ужасомъ и готовъ считать самый невинный прыщъ, ломоту и язву совершенно другихъ свойствъ за сифилисъ, если только больной имѣетъ какое нибудь столкновеніе съ сифилитикомъ. Этимъ объясняется обширная практика коноваловъ на этомъ поприщѣ, а также истребленіе въ огромномъ количествѣ сарсапарили, извѣстной подъ именемъ дорогой травы (фунтъ ея въ вольной продажѣ стоитъ около 2 руб.). Такимъ образомъ употребленіе сулемы и особенно дорогой травы стало народно. Сарсапариль стали употреблять при этомъ и въ другихъ болѣзняхъ: ломотѣ, язвахъ, параличѣ и даже при страданіи дыхательныхъ органовъ. О размѣрахъ употребленія ея можно судить изъ того, что двумя купцами въ Пинегѣ продавалось прежде около пяти пудовъ въ годъ. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не знали дорогой травы и не пили бы ея. Изъ аптечныхъ препаратовъ въ народѣ извѣстны: тягучій пластырь, мушка, александрійскій листъ и тому подобное; случается услышать просьбу дать маковыхъ головокъ для усыпленія неспокойнаго дитяти — этимъ и ограничиваются ихъ свѣдѣнія по части фармокологіи, и такимъ образомъ можно видѣть, что въ народѣ нѣтъ ни медицины, ни знахарскаго искусства: что достаютъ немногіе, то достается и извѣстно всѣмъ, исключеніе составляютъ городскія знахарки спеціалистки, какъ пользующія секретными средствами.

Вѣрованіе въ силу колдовства, наговоровъ и т. под., какъ сверхъестественное, составляетъ принадлежность народовъ всѣхъ временъ и поколѣній. Насколько оно распространено въ Пинежскомъ уѣздѣ и участвуетъ въ лѣченіи болѣзней, мнѣ неизвѣстно: мнѣ не случалось никогда видѣть при больныхъ ни знахарокъ, ни колдуновъ, никакихъ нашептываній, но они существуютъ. На-

родъ впрочемъ полагается больше на время и авось, что Богъ дастъ; въ случаяхъ, не уступающихъ времени, обращается какъ сказано охотно къ врачу, на лѣкарство смотритъ съ увѣренностію въ его непремѣнное дѣйствіе и помощь. Впрочемъ всегда отдаетъ предпочтеніе фельдшеру, какъ лицу нечиновному и болѣе, по понятіямъ народа, доступному.

Такимъ образомъ есть нѣсколько болѣзней, происхожденіе которыхъ приписывается колдовству; сюда относится такъ называемая икота, распространенная особенно въ Пинежскомъ уѣздѣ и извѣстная даже въ смежныхъ уѣздахъ; объ ней составилось опредѣленіе, употребляющееся какъ бранное слово: Пинежская икота. Колдовству же приписывается напущеніе *стрѣлъ*, наговоръ болячекъ или килы и другихъ язвъ, не говоря уже о порчѣ и болѣзняхъ съ *глазу*,—повѣрьи, общемъ для всего русскаго народа.

Икота—болѣзнь, приписываемая народомъ особенному существу, которое напускается или вгоняется въ тѣло больнаго колдуномъ. Колдунъ или колдунья остаются всегда неизвѣстными, обратиться съ просьбой къ нимъ о помилованіи нѣтъ возможности; а потому и икота остается въ тѣлѣ всегда на всю жизнь,—лѣченіе никакое не поможетъ. Вообще про такихъ колдуновъ говорятъ, но ни на одного не укажутъ, между тѣмъ увѣренность въ напускѣ этой болѣзни простирается до того, что народъ и слушать не хочетъ о другомъ происхожденіи болѣзни и ея лѣченіи. Сущность этой болѣзни и ея проявленія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что больной при видѣ непріятныхъ для него предметовъ, слыша непріятныя слова, когда не соглашаются окружающія съ его желаніями и мнѣніями и т. п., икаетъ, т. е. издаетъ по большой части отрывистые звуки непроизвольно, судорожно, похожіе на лай, то протяжно завываетъ,—при этомъ злится, чувствуетъ головокруженіе, тошноту, ощущеніе такъ называемаго истерическаго шара (globus hystericus) и т. под. и всегда послѣдующее утомленіе.

Припадки икоты проявляются, напримѣръ: слабость, при видѣ курящаго табакъ, при видѣ какихъ нибудь орудій, инструментовъ, что производитъ въ простомъ народѣ страхъ или отвращеніе. Иногда видъ самыхъ обыкновенныхъ вещей (напримѣръ случалось видѣть, что одно названіе сайды, рыбы общеупотребительной), производитъ долгія икотныя завыванія.

Припадки эти продолжаются минуту, двѣ и три, но очень легко вызываются и повторяются.

Этой болѣзнью одержимы почти единственно женщины, часто ихъ бываетъ по нѣскольку въ одномъ домѣ и всѣхъ возрастовъ; подобныхъ мущинъ мнѣ не встрѣчалось видѣть; но за то послѣдніе, разсказывая о болѣзни, напримѣръ: боли подъ ложечкою, о которой говорится *серче болитъ*, вообще о болѣзняхъ брюшныхъ органовъ непремѣнно предложатъ вопросъ: не икота ли это? такъ какъ мѣстомъ жительства этой послѣдней предполагается брюшная полость. Между дѣвушками эта болѣзнь тоже встрѣчается рѣдко—вѣроятно изъ боязни жениховъ потерять; но за то можно видѣть, что на первый и второй годъ замужества онѣ пріобрѣтаютъ ее.

Это объясняется тѣмъ вниманіемъ и ласковымъ обращеніемъ, которыми стараются окружить больную домашніе и всѣ знакомые: стараются не безпокоить непріятными словами, удалять предметы, которые могутъ вызвать припадокъ, предупреждать желанія, однимъ словомъ, не дразнить икоты, не желая мучить больной и боясь, чтобъ икота и самихъ не посѣтила. Развѣ иногда потѣшится молодой парень, поддразнивая старуху, любуясь ея кривляніями, криками и злостью. Это предупредительное обращеніе съ икотницами, я считаю причиной, что икота часто встрѣчается, т. е. я полагаю, что болѣзнь эта часто притворная. Я постараюсь объяснить это, разобравъ сущность и причины этой болѣзни нѣсколько научнымъ образомъ.

Разсматривая припадки этой болѣзни, и ничтожныя причины, ихъ вызывающія, я нахожу большое сходство ихъ съ истерическими припадками женщинъ высшаго круга. Это также увеличенная дѣятельность психической сферы (и преимущественно воображенія и чувствительности), соединенная съ явленіями отраженныхъ судорогъ и спазмовъ, происходящими, по теоріи Гассе очень вѣроятной, отъ одновременнаго разстройства питанія всей нервной системы. Въ обоихъ случаяхъ такой болѣзненности сильно поражаются чувствительность и воображеніе, что ведетъ за собою одинаковые судорожные припадки: кривлянья въ мускулахъ лица, спазмы въ грудобрюшной преградѣ и гортанной щели, отъ чего появляются судорожное дыханіе, икота, крикъ и вой, при истерикѣ судорожный смѣхъ, вой, лай, а въ мускулахъ живота и желудка рвота, въ пищеводѣ —чувство давленія, и проч. Не могу сказать, на сколько сходны спазмы въ мочевыхъ путяхъ, мнѣ не приходилось спрашивать больныхъ объ этомъ; но впрочемъ я полагаю, что и здѣсь существуетъ большое сходство — такъ какъ замѣчалъ, что больные послѣ припадка тотчасъ-же выходили изъ комнаты.

Обкновенно начало и причину истерики, такъ какъ она случается только у женщинъ и притомъ отъ времени развитія половой зрѣлости до прекращенія ея — полагаютъ въ разстройствѣ нервовъ половыхъ органовъ. Полагаю, что эти положенія примѣнимы во многихъ случаяхъ, и объясняю это такимъ образомъ: нерѣдко болѣзненныя состоянія съ пораженныхъ мѣстныхъ нервовъ сообщаются другимъ нервамъ и вліяютъ на центральные органы. Такимъ образомъ мѣсячное очищеніе у мно-

гихъ здоровыхъ женщинъ влечетъ за собою разныя легкія нервныя разстройства и особенное психическое настроеніе. Истерика при началѣ болѣзни отъ патологическаго состоянія половыхъ органовъ будетъ аналогична съ разстройствомъ во время менструаціи. Въ основаніи развитія истерики въ этомъ случаѣ могутъ лежать различныя патологическія состоянія «матки» и сосѣднихъ съ нею органовъ, язвы рыльца и всевозможныя раздраженія матки. Такимъ же образомъ наоборотъ, часто психическое вліяніе, при совершенно здоровомъ состояніи половой сферы, можетъ быть причиной истерики, — положимъ у непорочныхъ старыхъ дѣвъ, то есть, нервное разстройство здѣсь можетъ развиться отъ постоянныхъ волненій и сожалѣній, которыя испытываетъ женщина, видя неисполнимыми свои желанія и несбывшимся прямое назначеніе ея въ жизни. Всѣ остальные случаи можно подвести къ недостатку воли, вслѣдствіе изнѣженнаго, балованнаго воспитанія, вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, отъ жизни такъ сказать нервной въ ущербъ физической. При чемъ часто встрѣчается холерина или анемія, кромѣ того эти послѣднія состоянія крови, ведутъ за собою всегда разстройство нервовъ, и могутъ быть сами по себѣ причиною истерическихъ страданій.

Теперь возвратимся къ икотѣ. Прежде всего я долженъ сказать, что мои наблюденія здѣсь поверхностны, такъ какъ ни одна изъ икотницъ не была въ моемъ пользованіи и подъ долгимъ наблюденіемъ. Отдѣльные случаи, видѣнные мною, представляли женщины среднихъ лѣтъ съ изнуреніемъ отъ частыхъ родовъ, или тяжелой работы при скудной пищѣ, при неправильности отправленій, чаще же всего съ хроническими катарами желудка, болями подъ ложечкою и т. п. Не могу сказать, на сколько вѣрно въ этомъ случаѣ предположеніе доктора Гросса о томъ, не зависитъ ли икота отъ laenia solum, — мнѣ не представлялось наблюдать ни одного подобнаго случая.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ солитеръ встрѣчается и быть можетъ условливаетъ икоту, но мнѣ не приходилось слышать ни отъ одной больной о выхожденіи его.

Здѣсь обращаемъ еще вниманіе то, что икота поражаетъ почти всѣхъ старухъ — чѣмъ и отличается отъ истерики.

Нѣкоторыя старухи встрѣчались съ видомъ сильнаго изнуренія отъ разныхъ хроническихъ болѣзней. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на почвѣ этихъ разстройствъ можетъ еще развиться страданіе нервовъ. Но все таки остается много случаевъ здоровыхъ, молодыхъ, полныхъ женщинъ икотницъ, у которыхъ причины болѣзней будутъ загадкою, — и этихъ послѣднихъ я считаю притворщицами ради того вниманія, которымъ ихъ окружаютъ.

Но все это не объясняетъ еще вопроса, почему икота встрѣчается болѣе всего Пинежскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, и почему ея нѣтъ въ другихъ — какъ напримѣръ говорятъ въ Онежскомъ. Условія жизни кажется болѣе или менѣе одинаковы. Пища тотъ-же хлѣбъ, свѣжая и соленая рыба, молоко, — вода въ рѣкахъ Пинеги не имѣетъ ничего отличительнаго, — мѣстность селеній возвышена, берега рѣкъ глинистые и песчаные, кругомъ лѣсъ, съ множествомъ озеръ, болотъ и часто безконечной тундрой — однимъ словомъ картины, общія всей Архангельской губерніи. Гдѣ же скрывается тайна происхожденія этой болѣзни?

Уже не въ самомъ ли дѣлѣ это дѣло колдовства и икоты, какъ духа и существа невидимаго? Или же источникъ ея кроется въ самомъ духѣ народной жизни? Но такъ какъ леченія въ простомъ народѣ никакого нѣтъ, или же по русской пословицѣ «клинъ клиномъ выгоняютъ,» стало быть, излѣченіе икоты предполагается только возможнымъ для колдуновъ. Но ихъ никто не знаетъ, потому и икота у больныхъ остается на всю жизнь. Никакого лѣченія нѣтъ, кромѣ сказаннаго паліативнаго, то есть, что стараются не вызывать припадка.

Нѣкоторыя, уже болѣе частныя, свѣдѣнія о народной медицинѣ, и при томъ касающіяся только Шенкурскаго уѣзда, сообщилъ фельдшеръ Костылевъ, обратившій вниманіе и на суевѣрную сторону народнаго врачеванія.

Всѣ народныя преданія, говоритъ онъ, легенды и повѣрья доказываютъ, что древній сѣверный народъ много страдалъ отъ суроваго климата, отъ дремучихъ лѣсовъ отъ хищныхъ звѣрей и отъ разноплеменной междоусобицы. Находясь въ полудикомъ ростояніи, онъ страдалъ и незналъ, какъ пособить своимъ страданіямъ, потому что не зналъ физической природы и ея порядка. Правда его языческія вѣрованія и легендарныя преданія ему не позволяли наблюдать страданія просто, какъ они есть, и увлекали мысли его въ область духовнаго міросозерцанія; во всякомъ физическомъ явленіи онъ искалъ присутствія боговъ, во всякомъ физіологическомъ страданіи бѣдствіе отъ злаго духа. При такомъ воззрѣніи на болѣзни, для лѣченія ихъ онъ считалъ достаточнымъ или умилостивить и задобрить злой духъ, либо застращать и прогнать его посредствомъ баснословной силы разныхъ заговоровъ, заклятій, камней, корней, травъ, цвѣтовъ и т. п. Остатки такого повѣрія можно встрѣтить повсюду и въ настоящее время. И теперь еще простой народъ вѣритъ, что всѣ болѣзни происходятъ или отъ злаго духа (особыхъ миѳическихъ существъ), или отъ порчи лихого человѣка (отъ колдуновъ), либо отъ зарожденія животнаго въ тѣлѣ, или наконецъ отъ себя самого.

1. Болѣзни отъ духа.

Народное міросозерцаніе и легендарныя преданія создали особыя миѳическія существа, которыя производятъ болѣзни у человѣка, называемыя вѣдуницами

или вѣщицами. Эти вѣщицы въ народномъ понятіи суть нѣчто среднее между чертомъ и оборотнемъ и скорѣе подходятъ къ послѣднему, съ тѣмъ различіемъ, что оборотня можно видѣть всегда простымъ глазомъ въ видѣ животныхъ — волка или медвѣдя, а вѣщицу можно видѣть только изрѣдка въ видѣ женщины; тождество же обоихъ состоитъ въ томъ, что сначала они были людьми, и потомъ первые въ слѣдствіе колдовства, а послѣднія въ слѣдствіе проклятія превратились въ нечистыхъ духовъ. Вѣщицы— болѣзни представляются старыми, безобразными и злыми женщинами съ котомками за плечами, какъ странницы, и больные знаютъ, видѣвшіе ихъ лицомъ къ лицу во снѣ или въ горячечномъ бреду, увѣряютъ, что они, когда находятъ на человѣка, бываютъ привѣтливы и цѣлуются, а когда отходятъ, бываютъ сердиты, ругаются и часто сказываютъ больному, что имъ не по сердцу, чего они испугались и отъ чего уходятъ. Вѣщицы не имѣютъ осѣдлаго жительства во вселенной, а странствуютъ изъ государства въ государство, изъ края въ край, и горе тому народу, который онѣ полюбятъ! О происхожденіи вѣщицъ народное воображеніе составило легенду, состоящую въ томъ, что всѣ онѣ сначала были простые смертные люди, дочери нечестиваго царя Ирода, которыя, наслѣдуя родительское нечестіе, жили душепагубно, особенно злѣйшая изъ нихъ—дѣвка чернавка, которая еще будто во плоти на землѣ выпросила у отца своего главу Іоанна Предтечи; за это онѣ были прокляты Богомъ и людьми и, какъ проклятыя, не были приняты ни матерью сырою землею, ни кромѣшнымъ адомъ, и стали скитаться по бѣлому свѣту и мучить родъ человѣческій.

Главныхъ вѣщицъ 12-ть, изъ коихъ каждая имѣетъ по нѣсколько подручныхъ или подчиненныхъ, занимающихся отдѣльно всякая своею спеціальностію. Мнѣ случалось слыхать слѣдующія имена главныхъ вѣщицъ: Огнея или огневое, трясли или трясовицы, мимохода, лихорадки и дѣвки чернавки.

Огнея, или огнева, распаляетъ человѣка или, какъ говорятъ, человѣкъ въ огнѣ горитъ, хотя ушатъ воды выпей, не утушаетъ, при этомъ всякой суставъ распаляется и умъ затмѣвается. Сюда относятся горячки всѣхъ видовъ и внутреннія воспаленія.

Трясея, или трясовица, производитъ трясеніе въ тѣлѣ и его членахъ. Сюда относятся перемежающіяся лихорадки и всякія болѣзни съ конвульсіями.

Мимохода есть болѣзнь чистаго поля, которая поражаетъ человѣка какъ бы вѣтеркомъ въ мозги, отъ того дѣлается головокруженіе, затмѣніе разсудка и даже смерть. Сюда относятся: родимецъ, помѣшательство ума, апоплексической ударъ, параличъ и пр.

Подъ именемъ лихорадки разумѣются всѣ трудныя страданія съ труднымъ дыханіемъ, колотьемъ въ груди, кашлемъ и отхаркиваніемъ.

Говорятъ, когда лихорадка идетъ тогда ладно и когда найдетъ—не ладно, задавитъ.

Когда же трупъ начинаетъ разлагаться и отдѣлять сукровицу изъ рта, носа, ушей, тогда говорятъ—лихорадка выходитъ.

Болѣзнь дѣвки чернавки зѣло лютая: какъ только коснется до человѣка, онъ умираетъ.

Сюда относятся эпидемическія болѣзни съ большою смертностію.

Впрочемъ холера въ понятіяхъ народа болѣзнь спорная, и предметъ пока еще не рѣшенный: по мнѣнію однихъ она напущенная отъ порчи лихаго человѣка, а по мнѣнію другихъ отъ миѳическаго существа. Болѣзнь прикасается къ человѣку въ то время, когда онъ встанетъ не благословясь и пойдетъ не перекрестясь; когда же она вселился въ него, тогда, говорятъ, не выгонишь ее ни постомъ, ни крестомъ, только развѣ тѣмъ, чего она боится и отъ чего убѣгаетъ, на примѣръ: трасавица боится костей отъ головы зубатой рыбы или кобыльей, и для того эти вещи кладутся подъ постель больнаго, отвара, смолы, можжевельника, ременки, оси телѣжной и травы чертополоха. Впрочемъ этой послѣдней травы и всѣ болѣзни побаиваются, а потому вѣтку чертополаха можно видѣть подъ потолкомъ почти во всякой избѣ Шенкурскаго уѣзда. Подобно этому вѣщицы боятся извѣстнаго сна Богородицы.

Смолою намазанный крестъ надъ домовыми воротами дѣлается съ цѣлію не впускать болѣзни въ домъ.

Вотъ молитва отъ нечистаго духа, какъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби: Ангелъ мой, Сохранитель мой, сохрани душу мою, скрѣпи сердце мое, Маркъ да Лука, да Иванъ Богословъ, Никита мученикъ за Христа душу мучить, Крестомъ ограждаетъ, сатану проклинаетъ. Врагъ сатана, поди прочь отъ меня. Самъ Христосъ приступись ко мнѣ. Аминь.

2. Болѣзни отъ порчи.

Отдѣлъ этихъ болѣзней признается за произведеніе человѣческое.

Болѣзни передаются отъ лихого человѣка посредствомъ колдовства, заговоровъ и наметываній въ видѣ пищи, питья, и спускаются по вѣтру. Сюда принадлежатъ болѣзни: озевы, призоры, объурочимъ, сглазимъ, икота, напущена кила, привязана (абцессы, вереда, всякіе наросты, прыщи и часто сифилитическія язвы въ зѣвѣ), животъ отнятъ и стрѣлы пущены (ревматизмъ лихорадочный и летучій). Отдѣлъ этихъ болѣзней лѣчится противодѣйствующею сильнѣйшею силою заговоровъ и нашептываній. Знахари дѣлаютъ нашептыванья въ пищу, питье, соль, лѣкарство, обливанья, полосканья, и т. п. а одними лѣкарствами тутъ ничего не подѣлаешь, гдѣ надобно снять озевъ или призоръ заговорами. И на этотъ случай есть вѣрный талисманъ отъ всѣхъ колду-

новъ и ихъ заговоровъ и порчи: стоитъ только носить поясъ изъ сѣтки на головѣ тѣлѣ, и тогда не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча.

При накладываніи пояса говорятъ: Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ, и запру, и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ Окіянъ море, и взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебѣ раба Божія (имя рекъ) не отыскать, и кто ключи достанетъ тотъ и отомкнетъ. Аминь.

Заговоръ отъ призоровъ и прикосовъ:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь. Стану я рабъ Божій и благословясь и пойду перекрестясь, отцемъ своимъ прощенъ и матерью благословленъ, изъ избы дверьми, изъ двора воротьми въ домъ, въ чистое поле подъ восточную сторону; течетъ огненная рѣка и есть черезъ огненную рѣку мѣдянной мостъ, и ѣздитъ мѣдянной мужъ на своемъ мѣдянномъ конѣ съ мѣднымъ войскомъ и съ мѣдными стременами. И помолюсь я рабъ Божій (имя рекъ) Спасу и Пресвятой Богородицѣ и мѣдянному мужу: ой еси ты мѣдянной мужъ! полно тебѣ ѣздить черезъ огненную рѣку по мѣдянному мосту, и поѣжай ты мѣдянной мужъ ко мнѣ р. б. N на правое плечо, а съ праваго на лѣвое, и съ лѣваго подъ правую пазуху, подъ лѣвую пазуху, а изъ подъ лѣвыя въ мою сердечную утробу, и въ горячую кровь, и черную печень, и въ семдесятъ суставовъ, и въ семьдесятъ жилъ и подъ правое яйцо. И самъ ты мѣдянной мужъ вынимай изъ раба Божіяго N всякую скорбь и болѣзнь, и всякія притчи и призоры, и прикосы, и оговоры, и вѣтренны переломы, и вѣтренные пострѣлье и всякія грыжи, и самъ ты мѣдянной мужъ на конѣ выѣзжай, и конемъ своимъ выкарливай и очми своими высматривай. Да въ чистомъ полѣ ѣдетъ встрѣчь черемневый мужъ и несетъ булатный мечъ, и доидоша до черемнаго камня и разсѣкаетъ черемный мужъ булатнымъ мечемъ черемный камень на четыре части и раскинетъ на четыре стороны и развѣетъ буйными вѣтрами по чистому полю, по темному лѣсу, такожъ дабы отъ раба Божія N разсыпалась, всякая скорбь, оговоры, призоры, прикосы, вѣтренные переломы и всякіе пострѣлы по чистому полю, по темному лѣсу, всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

Указъ трижды на говорить на воду и эту воду отдать пить больному.

3. Болѣзни отъ животныхъ.

Народъ вѣритъ, что въ тѣлѣ человѣка могутъ зарождаться животныя, какъ то: змѣи, ящерицы, скокухи (лягушки), блисты (глисты, которые и есть дѣйствительно) ройки и волосъ (въ наукѣ волосатикъ) или само собою или искуственно, напримѣръ: зарожденіе змѣй и лягушекъ можетъ произойдти отъ питья стоячей воды, въ которой есть наливочныя животныя, либо отъ того, когда змѣю или лягушку высушатъ, превратятъ ее въ порошекъ и даютъ выпить съ живучимъ квасомъ, при этомъ если попадетъ змѣя самка, тогда навѣрное разведется гнѣздо въ брюхѣ.

Свищевые ходы, бываемые послѣ нарывовъ, означаютъ болѣзнь роекъ. Костоѣда съ выпаденіемъ косточекъ нарывается наркомъ, эти нарки бываютъ разной величины поодиночкѣ и гнѣздами. Всѣ хроническія язвы начинаются отъ зарожденія волоса въ тѣлѣ и лѣчатся щелочными ваннами въ томъ убѣжденіи, что волосъ выходитъ изъ тѣла въ щелочную воду. Подъ именемъ грыжи принимаются всѣ ненормальныя отдѣленія изъ проходовъ какъ то: кровавая моча, бѣли, маточныя и геморроидальныя кровотеченія и, смотря по цвѣту отдѣленій, называются грыжею бѣлою, красною, желтою и проч. всѣхъ грыжъ много, вотъ и заговоръ уничтожать грыжу.

Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святаго духа. Есть море Окіанъ, въ томъ морѣ Окіанѣ есть бѣлой камень латырь, высота его въ сажень, толщина его 60 сажень; поперекъ его 60 сажень, на томъ на камени латыри стоитъ хрустальный теремъ. въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на этомъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась залотымъ поясомъ, подперлась золотымъ поясомъ. Государыня ты красная дѣвица! дай ты мнѣ рабу Божію N грыжныхъ словъ добрыхъ. Грызетъ у меня раба Божія N вотчину золотная (маточная) грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, отрочная грыжа, родимая грыжа, привязаная грыжа, кила грыжа, троетечная грыжа, сердечная грыжа, десная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригнойная грыжа, суставная грыжа, путренная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа и ножная грыжа. Грызетъ та грыжа вѣтха мѣсяца, и въ молода мѣсяца, и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зарямъ и по вечернимъ зарямъ, и по всякой день и по всякой часъ и по всякое время.

И возговоритъ красная дѣвица: ой еси грыжа, вошла еси ты въ раба Божія N во вотчину щукою и ты выйди изъ него окунемъ, и пойди къ бѣлому камню, буди тамо до скончанія вѣка, да свѣй себѣ грыжа въ каменю гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня раба Божіяго ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая грыжа, у меня раба Божія N ни крови, ни тѣла и проч. грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять горъ головы, а не ѣшь ты у меня раба Божія N и проч.

грызи себѣ злая грыжа у тридевять древъ головы, а не ѣшь у меня и проч., грызи себѣ, злая грыжа горькое дерево осину, а не ѣшь у меня раба Божія N ни крови ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, отъ нынѣ и до вѣку, и до гробовой доски, въ день и въ нощь, по всякой часъ. Аминь. Указъ: говори трижды на сало ворвянное, или на кислыя щи, или на матерне млеко, или на щучьи зубы и мазать безъименнымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызетъ.

Этотъ отдѣлъ болѣзни лѣчится большею частію лекарствами, которыя имѣютъ силу замаривать живое.

Болѣзнь отъ самого себя—отъ думы.

Сюда относятся всякія раны порѣзанныя, порубленныя, колотыя и проч., ушибы, переломы и вывихи костей, ожоги, отмороженія, хмѣлевикъ, ночной опой (брюшная водянка) и дѣтская сухотка, иначе собачья старость, банья нечисть, (чесотка), глазной переломъ, пупъ сорванъ (колики живота и часто поносъ), натуга и худая болѣзнь (syphilis).

Отъ свѣдѣній о народномъ лѣченіи въ Архангельской губ., сообщенныхъ людьми, имѣющими право считаться болѣе или мевѣе спеціалистами въ теоретической или по крайней мѣрѣ въ практической медицинѣ, перейдемъ къ свѣдѣніямъ о томъ же предметѣ, доставленнымъ обыкновенными собирателями этнографическихъ матеріаловъ. Здѣсь опять таки прежде всего встрѣчаемся съ П. А. Ивановымъ, такъ подробно описавшимъ Пинежскій уѣздъ. Онъ говоритъ:

Къ болѣзнямъ эндемическимъ и спорадическимъ, обыкновеннымъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, должно отнести болѣзни ревматическаго и катарральнаго свойства, какъ-то лихорадки простудныя, ревматическія и гастрическія, ревматизмъ острый и хроническій, катарръ грудной, воспаленіе внутренности, цынгу и грыжу. — Что же касается въ частности до женскаго пола, то въ немъ замѣчаются страданія истерическими болѣзнями.

Эпидемическія болѣзни, а въ народѣ—повѣтрія, посѣщаютъ здѣшній людъ не часто. Изъ нихъ являются болѣе: натуральная оспа, горячки, корь и кровавый поносъ. Такъ въ 1852 г. существовала въ уѣздѣ перемежающаяся лихорадка. Ею заболѣло 762 человѣка, изъ нихъ умерло 42, а остальные выздоровѣли. (Арх. губ. Вѣд. № 6—1854 г.). Въ 1864 г. въ Михайловской и Никитенской волостяхъ существовала съ мая корь съ эпидемическимъ характеромъ, а въ Тимошинскомъ обществѣ натуральная оспа. (Рус. Вѣд. № 95—1864 г.). Того же года въ Никитенской волости заболѣло оспою 135 ч., изъ нихъ 24 умерло, а остальные выздоровѣли (Арх. Губ. Вѣд. № 31—1865 г.).

Въ Бирючевскомъ обществѣ появилась на людяхъ съ октября 1864 г. натуральная оспа (Рус. Вѣд. № 5—1865 г.). Въ 1865 г. заболѣло въ Никитинской волости горячкою 21 чел., умерло 8, а выздоровѣло 13. Въ Леуновскомъ обществѣ заболѣло горячкою же 53 чел., выздоровѣло 50 и умерло 3.

Жителя, съ раннихъ лѣтъ свыкаясь съ климатическими особенностями своего холоднаго края, не легко поддаются вреднымъ вліяніямъ климата.

Причины болѣзней заключаются въ мѣстныхъ условіяхъ климата, въ его непостоянствѣ и сырости, зависящей отъ множества озеръ, болотъ и топей, гдѣ все гніетъ, а также и отъ вѣтровъ, съ перемѣною коихъ быстро измѣняется температура воздуха. (Арх. Губ. Вѣд. № 6—1854 г.).

Широкіе разливы р. Пинеги заливаютъ при сухомъ лѣтѣ и тоже производятъ болѣзни.

Замѣчается, что болѣзни повальныя свирѣпствуютъ болѣе весною и осенью и отчасти по лѣту.

Сами крестьяне примѣчаютъ: а) что южный вѣтеръ наноситъ въ здѣшній край болѣзни изъ другихъ мѣстъ, особенно весною. Они очень опасаются когда S дуетъ продолжительно; б) что если послѣ весенняго водоразлитія остается на берегахъ рѣкъ ледъ — будутъ болѣзни; а чѣмъ болѣе останется льду, тѣмъ болѣе будетъ и смертность людей.

Съ общими атмосферическими явленіями, порождающими болѣзни, по нашему предположенію, наиболѣе могутъ быть пособниками здѣсь:

1. Скудная или худаго качества пища.

2. Тяжелый воздухъ.

3. Нечистота и неряшливость въ домахъ и несоблюденіе гигіеническихъ условій при постройкахъ.

Нечистота иногда доходитъ до того, что скотъ загоняется, пьетъ и ѣстъ и выдаивается въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ люди проводятъ день и спятъ ночь. Неряшливость обща простому народу.

Воздухъ въ комнатѣ стѣснителенъ и спертъ. Въ холодное время только печи однѣ служатъ единственнымъ средствомъ къ провѣриванію квартиръ; двери, окна не отворяются, форточекъ нѣтъ; съ утра отъ черныхъ печей дымъ ѣстъ глаза; избы грязны, вымываются рѣдко и наполнены зловоніемъ, но и за привычнымъ обоняніемъ—сырость и міазмы вредны для человѣческаго здоровья.

4. Нечистоплотность. Моются не часто и худо; бѣлье стирается небрежно и смѣняется рѣдко.

5. Несоблюденіе незнакомыхъ гигіеническихъ правилъ. Ѣдятъ сверхъ дѣйствительнаго аппетита; напиваются до пьяна; употребляютъ въ пищу недозрѣлые плоды: хлѣбъ, рѣпу и ягоды; пьютъ отъ жара холодную воду безъ опасеній, озерную и дождевую съ крышъ воду.

6. Небрежность о себѣ. Въ палящій морозъ малютки бѣгаютъ босикомъ по снѣгу, единственно въ одной рубашкѣ съ голою грудью. Также и взрослые беззаботно стоятъ нѣсколько часовъ на улицѣ въ трескучіе морозы, еще и со спеленанными младенцами въ одномъ легонькомъ кафтанѣ или сарафанѣ, а нѣтъ—и безъ нихъ, безъ шапокъ, безъ галстуховъ, въ сапогахъ и башмакахъ на босую ногу. — Весною, лѣтомъ и осенью, не смотря ни на холодъ, ни на вредность воздуха и вѣтровъ, ни на мокроть, ни на женскую стыдливость: мущины въ рубашкахъ и подштанникахъ, а женщины нерѣдко въ однѣхъ сорочкахъ ходятъ по обыкновенію по улицамъ босыя. — Кромѣ того мущины поднимаютъ чрезвычайныя тяжести, не соображаясь съ здоровьемъ и силой, а на промыслахъ борются со многими непріятностями; деревенскія же женщины вообще небережны своею беременностію. Только дня за два до разрѣшенія женщина перестаетъ дѣлать тяжелыя работы, — ходить же не перенося тяжестей, не перестаетъ до послѣдней крайности, а по прошествіи недѣли послѣ родовъ, рѣдкая баба не принимается за свое дѣло въ хозяйствѣ. Мнѣ извѣстны были случаи, что женщины рождали, уйдя изъ своего дома въ чужой, дорогою и на пожняхъ.

Собственныя лѣкарственныя средства.

Отъ головной боли. 1. Прикладываютъ ко лбу листья кислой капусты.

2. Пьютъ холодную воду.

3. Во время жаровъ и страдныхъ работъ окачиваются озерною, рѣчною и ключевою водою, или купаются въ ней. Холодныя купанья вообще составляютъ полезное средство для сохраненія здоровья, уничтожая чувствительность кожи къ перемѣнамъ температуры.

Отъ угара. 1. Даютъ угорѣвшему ѣсть мерзлыя ягоды: морошку, рябину, клюкву, или бруснику; ягоды такія запасаются въ каждомъ домѣ и замораживаются.

2. На голову льютъ холодную воду.

3. Угорѣвшаго укладываютъ въ постели и окутываютъ теплою одеждою плотнѣе, а въ уши кладутъ холодныя ягодки клюквы или брусники.

4. Но когда угаръ силенъ, больнаго вытаскиваютъ изъ избы на холодъ, окладываютъ повсюду снѣгомъ, поливаютъ водою и качаютъ, чтобы вырвало.

5. Даютъ угорѣвшему пить водку для той будто бы пользы, что угаръ скорѣе проходитъ, когда умъ съ разумомъ смѣшается.

Отъ безсонницы. Ѣдятъ выкапываемые изъ земли коренья; они иначе и не называются. Сладкое это коренье сушатъ на зиму; лѣтомъ же продаютъ ихъ ребята и дѣвочки цѣлыми корзинами за малую цѣну.

Отъ бѣльма на глазу. Бѣльмо сгоняется крѣпкимъ щелокомъ и нюхательнымъ табакомъ. Первымъ вымывается глазъ, а табакомъ присыпается.

Отъ засорѣнія глаза. 1. Вытираютъ въ засоренномъ глазу намоченнымъ слюною концемъ платка. 2. Сводятъ языкомъ, т. е. очищаютъ засоренія пускаемымъ въ глазъ языкомъ. На это средство бываютъ особенные знатоки.

Ячмень на глазу. Въ народѣ болѣзнь эта называется сучьимъ—сучкомъ. На сучекъ прикладывается теплый мякишъ только что испеченнаго ржанаго хлѣба.

Отъ золотухи. 1) золотушныя мѣста обмываютъ щелокомъ съ мыломъ, 2) золотушные выпариваются въ баняхъ.

Отъ сворoба и сыпи на головѣ. Употребляется ртуть, заморенная въ сметанѣ, т. е. ртутная мазь.

Отъ боли въ ушахъ. Свертываютъ въ длинный узкій тюрикъ писчую бумагу и кладутъ ее въ уши. Потомъ бумагу зажигаютъ, чтобъ вытянуло дурь.

Отъ жабы. Пьютъ горячій, не густой чай изъ шалфея.

Отъ зубной боли. 1. Жуютъ лиственную сѣру самотечку, особенно женщины.

2. Кладутъ на больные зубы чернильные орѣшки и корни лихорадки.—Есть и заговоры:—

1-й. «Взять три земляничныхъ корешка, пустить въ воду и сказать три раза: какъ земляника эта засыхаетъ и увядаетъ, такъ чтобы и у раба Божія (имя его) зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и пути занѣмѣли, по сей день, по сей часъ. И положить эти корешки на зубъ и послѣ пить эту воду.»

2-й. «Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Мѣсяцъ (въ какой бываетъ заговоръ). Спрашивалъ я, рабъ Божій (имя заговорщика) у Іоанна Богослова: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Іоаннъ Богословъ спрашивалъ у Самого Истиннаго Христа: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Рече ему Истинный Христосъ: не болятъ у мертвыхъ зубы до втораго Святаго пришествія Христова. Также не болѣли бы зубы у раба Божія (имя его) до втораго Святаго пришествія Христова.» Просить Антипу зубнаго исцѣлителя, ставить къ образу его свѣчу и молиться усердно. —

Отъ кашля (по крестьянски—кашлюха):

1. Ѣдятъ пучки (луговое зонтичное растеніе).

2. Пьютъ вмѣсто чая: душмянку (душицу), перечневую мяту, шалфей и сушеную малину.

3. Лежатъ и парятся на высокихъ полкахъ въ баняхъ.

4. Чтобъ избавиться отъ кашля закрываются множествомъ мѣховыхъ вещей, такъ чтобъ потъ на тѣлѣ лилъ ручьями.

5. Когда надобно ложиться спать, привязываютъ къ шеѣ шерстяной чулокъ, нагрѣтый отъ накаленной печи.

Отъ насморка. Насморкъ почти не считаютъ вреднымъ для здоровья и не стараются много объ освобожденіи отъ него.

1. Стоитъ только сходить въ баню погрѣться и крестьянинъ здоровъ; 2) на ночь намазываютъ переносецъ и косицы (виски) свѣчнымъ саломъ; 3) есть еще и симпатическое средство: «Кому нужно избавиться отъ насморка. Возьми, высморкай носъ и намажь скобу у дверей,—знай, что кто первый станетъ отворять дверь за ту скобку, у того будетъ насморкъ, а кто намаралъ скобу, у того какъ рукой сниметъ.»

Отъ простуды. Когда вспотѣетъ занемогшій, спину у него натираютъ сокомъ изъ истертой на теркѣ обыкновенной русской рѣдьки.

Отъ лихорадокъ. 1. Пьютъ отваръ вересовыхъ горячихъ (можжевеловыхъ) ягодъ; 2. Выпариваютъ еловую кору и даютъ пить больному этотъ отваръ; 3. Также—отваръ изъ осиновой коры; 4. Натираютъ тѣло больнаго сокомъ тертой рѣдьки; 5. Исполняютъ всѣ желанія и прихоти больнаго.—Есть и заговоръ: «На морѣ, на Окіянѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ камень алтырь. На томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями, идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете, грѣшныя, окаянныя, проклятые? Идемъ въ міръ, у людей кости ломать да силу вынимать.—Воротитесь, грѣшныя, проклятыя, окаянныя!—Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать, да по три раза въ годъ читать.» 12 сестеръ лихорадокъ называютъ по именамъ 12 Иродовыхъ дочерей, отъ которыхъ будтобы они произошли: 1)—трясея или трясся, 2—желтея, 3—розея, 4—знобея, 5, леденея, 6—огнея или огнева, 7—лящея, 8,—хрипуша, 9—лихоманка, 10—мокрота, 11—сухея, 12—довея. (Кеврола, ст. Постникова въ Арх. губ. Вѣд. 1865 г.).

Оспа.—Оспопрививаніе въ Россіи введено болѣе ста лѣтъ тому назадъ. По сочувствію къ расколу, народъ какъ то все еще не очень жалуетъ предохранительное оспопрививаніе скотскою оспою.—Мѣръ противъ натуральной оспы я не видалъ, кромѣ того что больному связываютъ руки.

Отъ кори. Средство одно то, что больной лежитъ до прохода болѣзни подъ теплымъ одѣяломъ.

Отъ рожи. На синюю сахарную бумагу нѣкоторые намазываютъ простое мыло, на него кладутъ паклю и сверхъ нее присыпаютъ скобленый мѣлъ съ камфорой и листъ бумаги прикладываютъ къ зараженному мѣсту.

Отъ наружныхъ болѣзненныхъ нечистотъ:

Отъ угрей. При сбляченіи въ банѣ вытираться заднею частію грязнаго бѣлья.

Отъ веснушекъ. Говорятъ, что онѣ сходятъ отъ земляничнаго сока, но очищающемуся отъ веснушекъ запрещается ѣсть землянику.

Отъ бородавокъ. 1. Раскаливаютъ желѣзную вещь и ее прикладываютъ къ бородавкамъ; 2. Срѣзываютъ въ баняхъ, когда бородавки сдѣлаются мягкими, или сдираютъ.—Есть и ложное средство: «Взять ленточку (должно быть ластную) и сколько больной имѣетъ бородавокъ, должно навязать столько же узелковъ, потомъ бросить на улицу, на произволяющаго; кто поднимете тесемку, тому перейдутъ бородавки.»

Отъ нагару. Загорѣвшее лицо вымываютъ сыворотной отъ кислаго молока (творога).

Отъ мозолей. 1) Ихъ намазываютъ свѣчнымъ саломъ; 2) срѣзываютъ въ баняхъ, гдѣ онѣ размягчаются, или сдираютъ.

Отъ ногтоѣды. 1) Вмазываютъ въ больные ногти свѣчное сало. (Вообще свѣчное сало служитъ во многомъ большимъ пособіемъ у простаго народа). 2) Къ разболѣвшимся пальцамъ привязываютъ сырой картофель.

Отъ чесотки. 1) Отъ зуда (зудится, чешется) у дѣтей употребляется ртутная мазь. 2) Соль, распущенная въ водѣ и водкѣ.

Отъ укушенія осы. 1) Опухнувшее мѣсто просто завязывается платкомъ. 2) Прикладываютъ къ нему сукно съ натертымъ на него мыломъ.

Отъ трескапія рукъ и ногъ. 1) Растрескапныя руки и ноги натираютъ свѣчнымъ саломъ; 2) болящія трещины на ногахъ дѣтей (вороньи саноги) вымываютъ теплою водою и потомъ человѣческою урипою.

Отъ обжога. 1) Крапивою — пострадавшія мѣста тѣла намазываютъ соплями; 2) кладутъ на обожженное мѣсто паутину; 3) прикладываютъ вату, напитанную постнымъ масломъ; 4) прикладываютъ теплый творогъ; 5) варятъ спускъ изъ сораз-мѣрныхъ частей: воска, еловой сѣры и деревяннаго масла. Пластырь (такъ называется еще спускъ), намазанный на ветошку, подогрѣвается у печи и прикладывается къ обжогу; 6) варятъ спускъ изъ оливковаго масла, въ равныхъ частяхъ съ воскомъ, и его прикладываютъ съ корпіею.

Отъ отмороженія и помороженія. 1) Не входятъ въ тепло и оттираютъ пострадавшіе отъ мороза члены снѣгомъ; 2) кладутъ такіе члены въ холодную воду или обмываютъ ихъ ею; 3) оттираютъ холоднымъ сукномъ или шерстяными рукавицами, принесенными съ холода; 4) не дотрогиваются до обмороженнаго здоровыми руками, чтобъ не вспузырилось; 5) больныя мѣста обмазываютъ мозгами изъ головы убитой сороки; 6) мажутъ обмороженныя мѣста гусинымъ саломъ.

Отъ укушенія собаки. Бѣшеную собаку схватываютъ и отрѣзаютъ нѣсколько ея шерсти. Шерсть эту прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ.—Другіе сожигаютъ собачью шерсть и прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ пепелъ (золу) отъ нея.

Отъ кровотеченія изъ носу. Когда идетъ изъ носа красуха (сукровица), въ ноздри пускаютъ теплую воду. Но кровотеченія изъ носа не останавливаютъ ничѣмъ: пройдетъ самоходка—лучше будетъ, говорятъ крестьяне.

Отъ кровотеченія. 1) Мѣсто, откуда течетъ кровь, завязываютъ тряпками; 2) укрощая кровотеченіе накладываютъ трута, употребляемаго для высѣканія огня; 3) накладываютъ также паутину и вату; 4) прибѣгаютъ къ заговору знахаря; 5) «летитъ воронъ черезъ Чермное море, несетъ нитку, шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись.» Слова эти говорятъ шопотомъ надъ мѣстомъ истеченія крови до трехъ разъ и послѣ каждаго раза дуютъ надъ порубомъ или порѣзомъ.

Отъ всякаго рода ранъ: 1) Чарьи и вереда завертываютъ въ сухія холщевыя тряпки. 2) Парѣзы завязываютъ намоченными въ водѣ тряпками. 3) Намазываютъ ушибы, вереда, раны и ссадины свѣчнымъ саломъ. 4) Накладываютъ паутину. 5) Прикладываютъ на вереда сапожный или кабацкій варъ. 6) Помазываютъ чарьи, вереда, раны и ссадины деревяннымъ масломъ иногда съ ватою. 7) По зановеннымъ рукамъ и ногамъ прикладываютъ кислое—молоко (творогъ). 8) Къ заводѣвшимъ съ воспаленіемъ мѣстамъ прикладываютъ листья поддорожниковъ — 9) Вмѣсто пластыря, берутъ кусокъ самой тонкой бересты, какъ чайная хлопчатая бумага, и прикладываютъ, какъ корпію къ вередамъ и чарьямъ. 10) На раны и разрѣзы прикладываютъ скобленый порошокъ изъ чертова пальца. Это каменье, находимый на берегу рѣкъ съ другими каменьями. Онъ пальцеваго формата, съ бѣлыми слоями и такъ мягокъ, что, при малѣйшемъ напряженіи и прикосновеніи къ нему, разсыпается иголочно и солью. 11) Къ увѣчьямъ прикладываютъ живучій (обыкновенный медицинскій) пластырь. 12) Къ нарывамъ прикладываютъ испеченныя и потомъ разрѣзанныя чесновки лука. 13) Къ зановамъ, вередамъ, нарывамъ, застарѣвшимъ ранамъ прикладываютъ разжеванную во рту еловую сѣру; ее дѣлаютъ лепешкою и прикладываютъ съ ветошкою. Сѣра эта имѣетъ у крестьянъ цѣлебное свойство во множествѣ случаевъ; особенно она похваляется въ легкомъ и скоромъ вытягиваніи гноя и дури (матеріи). Ее запасаютъ съ осени и хранятъ въ тряпкахъ или берестяныхъ коробкахъ. 14) Отъ этого исчезаетъ опухоль, отъ уразины, полученной чѣмъ и какъ нибудь въ лобъ, безъ причиненія ранъ, прикладываютъ къ ушибу немедленно что нибудь желѣзное, отъ этого изчезаетъ опухоль. 15) отъ сильныхъ порубовъ и ушибовъ, употребляется сало, вытапливаемое изъ шуровъ (навозныхъ червей, которые употребляются для наживки при ловлѣ рыбы). 16) При сильныхъ полученныхъ ушибахъ пускаютъ жильную кровь.

Отъ опьяненія. 1) Льютъ на голову и на затылокъ холодную воду; 2) Разщеляютъ зубы и впускаютъ въ ротъ человѣческую урину. 3) Вливаютъ въ ротъ также молоко; 4) Щекотятъ въ носу птичьими перышками чтобы вырвать чихъ; 5) Подносятъ къ носу возбудительные: рѣдьку, хрѣнъ, горчицу и др.

Отъ рвоты и тошноты. Пьютъ чай изъ перечневой мяты, богородской травы (тиміянъ полевой—Tymus vulgaris).

Вытры въ животъ. Весь животъ, отъ паховъ (отъ нижняго прохода) къ груди, разглаживаютъ на печи руками съ растертымъ коровьимъ масломъ. Также и въ дѣтской грыжѣ, съ выправленіемъ пупа. Дѣтей, еще вмѣсто бань, парятъ въ домовыхъ печахъ. Вообще постановленіемъ живота въ здоровое состояніе занимаются болѣе бабки—лѣкарки.

Понось и боль въ животъ. 1) Ѣдятъ хлѣбные ржаные сухари; 2) Пьютъ отваръ изъ тѣхъ сухарей; 3) Ѣдятъ тресковую уху съ перцемъ и вообще уху изъ соленой рыбы: трески, палтусины и проч. 4) Пьютъ вино съ стручковымъ перцемъ; 5) Пьютъ водку съ поваренною солью; 6) Ѣдятъ высушенныя ягоды черемухи; 7) Даютъ больному отдыхъ и онъ забирается подъ теплое покрывало.

Отъ глистовъ. 1) Ѣдятъ пищу съ чеснокомъ; 2) Въ пищѣ болѣе употребляютъ конопляное масло; 3) Пьютъ коровье масло; 4) употребляютъ медъ: съ горячею водою, съ чаемъ, съ хлѣбомъ, съ калачемъ, съ кисслемъ и въ сухомятку (безо всего).

Отъ водянки. Принимаютъ нѣсколько разъ въ день рѣдечный сокъ.

Отъ цынги. 1) Дѣлаютъ взваръ изъ еловыхъ шишекъ и пьютъ его; 2) прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ листья лопуха и рѣпейника, перемѣняя ихъ, сколь скоро высыхаютъ; 3) привертываютъ къ ногамъ балаболки (листья плауна).

Отъ ломоты и опухолей. 1) Парятся въ баняхъ и натираютъ тѣ мѣста, гдѣ ломитъ, тертымъ хрѣномъ или тертою рѣдькою. 2) Страждущія мѣста мажутъ дегтемъ и вороннымъ саломъ (изъ морскихъ звѣрей). 3) Прикладываютъ къ нимъ жгучую крапиву (малую крапивку) иногда ее заваривающъ кипяткомъ; 4) Пьютъ въ видѣ чая можжевеловыя ягоды; 5) прикладываютъ теплые человѣческіе экскременты или скотный калъ; 6) лѣчатся муравейникомъ. Муравьевъ съ яичками набираютъ въ туесъ (буракъ);

тутъ же ихъ раздавливаютъ. Потомъ ихъ пересыпаютъ въ лаханъ или ушатъ или наливаютъ на нихъ кипятку. Въ процѣженный теплый и настоенный отваръ, такъ что можетъ терпѣть здоровый членъ тѣла, опускаютъ больныя руки и ноги, и держатъ, пока не остынетъ эта ванна.—7) обкладываютъ руки и ноги мокрицею, собираемою послѣ росы.

Отъ вывиховъ. Какъ можно скорѣе вывихнутые суставы раздвигаютъ и устанавливаютъ въ нормальное положеніе. Потомъ, натираютъ ихъ виномъ и мыломъ и кладутъ въ полукруглыя доски. Доски накрѣпко сжимаютъ увязкою веревокъ. За тѣмъ больнаго относятъ въ постелю и онъ лежитъ запеленанный въ доскахъ недѣлю и болѣе.

Искусствомъ выправлять вывихи у крестьянъ славятся только рѣдкія, нѣкоторыя старухи.

Отъ сифилиса. Я слышалъ что отъ сифилиса вылѣчиваютъ нѣкоторые знатоки водкою, напитанною *бѣлью* (такимъ же ядовитымъ веществомъ какъ и *сулема*) въ такой части, какая не приноситъ внутренняго вреда. Говорятъ, что и *сулема* идетъ въ составъ средства отъ сифилиса.

Если остановится моча, то ѣдятъ и пьютъ конопляное масло и ягоды водяницы.

Больнаго въ родимцѣ придерживаютъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ какого либо поврежденія такъ какъ часто больной при сопровождающихъ припадокъ судорожныхъ движеніяхъ колотится головой о полъ, рветъ на себѣ волосы и т. п.

При отмороженіи какой либо части тѣла не согрѣваютъ ее разомъ, а трутъ снѣгомъ, пока не возвратятся чувствительность, движеніе и краснота, и не пройдетъ бѣлый ея цвѣтъ.

Отъ чесотки: кожа чесоточныхъ намазывается легкимъ слоемъ ртутнаго состава, но не втирается въ кожу, а только размазывается по ней.

Чтобы освободить глазъ отъ инородныхъ тѣлъ, отворачиваютъ нижнее вѣко и стараются извлечь тѣло это посредствомъ промываній холодною водою и лизаніемъ языкомъ.

Если попадаетъ въ ухо насѣкомое, то его задушаютъ помощію маслистой ваты, забиваемой туда.

На обожженное мѣсто прикладываютъ вату.

Пузырь отъ ожоги прокалываютъ, чтобъ выпустить воду.

Отъ обморока вспрыскиваютъ лице холодною водою. По приходѣ же въ себя человѣку даютъ напиться холодной воды.

Истрескавшіяся руки трутъ свѣжимъ саломъ.

Отъ зубной боли: а) приложеніе кусочковъ кипарисnаго дерева; б) помазываніе зубовъ настоемъ гвоздики на ватѣ.

Отъ простуды и глухоты пьютъ чай изъ корней пырея, выкапываемыхъ въ прибранныхъ поляхъ.

Еловую сѣру добываютъ такъ: на высотѣ груди снимаютъ съ дерева двѣ или три полосы коры съ заболонью; чрезъ эти обнаженныя мѣста выступаетъ самородная смола, которая сначала содержа эѳирное масло, бываетъ жидка, а потомъ густѣетъ, по мѣрѣ улетучиванія масличныхъ частей.

Въ горячкахъ, для прохлажденія, даютъ больнымъ воду, либо квасъ, когда больныхъ позываетъ на кислое.

При кашлѣ пьютъ отваръ сухой малины.

Летучій огонь засѣкаютъ искрами огня, высѣкаемыми огнивомъ о кремень.

Въ народѣ сильно распространено во многихъ случаяхъ употребленіе камфоры, разведенной въ водкѣ.

На вереда, чирья и стрѣлянья въ ушахъ или «верчу ушей», есть тоже особые заговоры.

Когда «вертитъ уши», или когда внезапно нападаетъ глухота во время купанья въ рѣкѣ, либо окачиваясь въ банѣ, натираютъ воскъ на бумагу и изъ нея свертываютъ подобіе восковой свѣчи. Затѣмъ, зажигаютъ ее съ одного конца, а другимъ приставляютъ къ больному уху или ушамъ.

Отъ простуды ногъ употребляется говяжье сало: ноги кладутъ въ тепло и потомъ натираютъ теплымъ саломъ.

Болѣзнь—недостатокъ столькоже физическій, сколько духовный, и потому побѣждается лишь свыше.

Когда заболѣваетъ глазъ, то пекутъ маленькій хлѣбецъ и горячій прикладываютъ къ больному глазу. Это значитъ попаритъ. Потомъ весь хлѣбецъ отдаютъ первой попавшейся на глаза собакѣ. собака съѣстъ и глазъ перестанетъ болѣть.

Если у кого либо «заложитъ ухо», то другой человѣкъ приставляетъ къ нему свой ротъ и тянетъ въ себя. Говорятъ, что это чудесное средство.

Говорятъ, что собачій языкъ (лизанье) имѣетъ большое цѣлебное свойство: онъ затягиваетъ раны, заживляетъ накожные нарывы, прыщи, коросты, также высасываетъ дурную матерію.

Кила—это мѣстная болѣзнь въ пахахъ или грыжа подъ бородкомъ, происходящая отъ нечистоты и условій климата.

Медикаменты не употребляютъ, сколько отъ невѣжества, а столько и потому, что они дороги для бѣдняка и притомъ крестьянинъ знаетъ, что такое «снадобья» (домашняго приготовленія), а что за лѣкарства даетъ докторъ,—онъ не знаетъ и, не испытавъ на себѣ ихъ пользы, (хотя конечно легкомысленно) осуждаетъ ихъ, бра-

нитъ..... Врачамъ своя шкура дороже чужой, а мнительность, при положеніи поселянина, очень не удивительна, а потому и отзывы его должны быть простительны, какъ безсознательные.

Икота, Въ Пинежскомъ уѣздѣ всего болѣе развита болѣзнь икота. Она встрѣчается повсемѣстно, почти въ каждой деревнѣ. (Губ, Вѣд. № 23 за 1865 г.). Ею страждутъ преимущественно женщины.

Икота еще въ началѣ XVIII столѣтія обратила на себя вниманіе Правительства и Духовенства. Такъ называемыя кликуши, обвиняющія кого либо въ порчѣ ихъ, или въ причиненіи имъ золъ посредствомъ колдовства или злыхъ духовъ, по закону подлежатъ заключенію въ смирительномъ домѣ. По этому предмету съ 1737 по 1845 годъ послѣдовало восемь указовъ Правительствующаго Сената, вошедшихъ въ Сводъ законовъ. (13 ст. XIV т., изд. 1857 г. Уст. о преступл. и проступк.).

Объ икотѣ и икотницахъ вышла въ свѣтъ обширная статья г. Евфименки. Лекарь Кенигсфельдъ помѣстилъ важную статью объ икотѣ въ медицинскомъ отношеніи (Арх. Губ. Вѣд. № 23—1865 г.). Г. Постниковъ выписалъ изъ источниковъ для книги: «Годъ на Сѣверѣ» В. Максимова судебный актъ объ икотѣ, по дѣлу, происходившему въ Пинежскомъ уѣздѣ (Арх. Губ. В. № 30—1865 г.). Въ актѣ этомъ заключаются объясненія знахаря, какъ онъ напущалъ икоту и какъ самъ пріобрѣлъ знаніе объ этомъ.

Всѣ употребленныя означенными лицами старанія довольно разъяснили свойства болѣзни икоты, такъ что намъ нечего и присовокупить. Развѣ то:

1) что истерическій припадокъ съ икотницами доходитъ въ безсознательности до такой степени, что несчастныя женщины иногда хватаются за ножъ или другое острое орудіе, чтобъ нанести себѣ ударъ.

2) что икотница во время припадка (когда икота сильная, или какъ говорятъ простолюдины: вся жена —одна икота) бываетъ такъ сильна, что не могутъ удержать ее отъ движеній двое здоровыхъ мущинъ.

3) что икотницы дѣйствительно прихотливы и неудовлетвореніе ихъ прихотей рождаетъ припадки. Онѣ отвращаются отъ иной пищи и непремѣнно желаютъ другой. Такъ, какъ я замѣчалъ, нѣкоторыя нерѣдкія любятъ пищу болѣе прокислую, но въ икотѣ отъ этого отвращаются. Я зналъ еще одну женщину, которая во множествѣ ѣла береговой песокъ.

4) что нѣкоторыхъ изъ икотныхъ раздражаетъ звукъ гармоники или гортанный свистъ.

5) что крики икоты женщины не издаютъ при видѣ начальственной особы, облеченной правительствомъ властію.

6) что если икотница хочетъ скрыть конвульсіи своего припадка, тогда задерживаетъ воздухъ зажатіемъ рта и ноздрей и достигаетъ своего старанія. Тогда припадокъ проходитъ однимъ позѣвомъ и больная засыпаетъ.

и 7) что люди другихъ уѣздовъ губерніи и даже другихъ губерній, называютъ Пинежанъ икотниками. Они опасаются ихъ, какъ колдуновъ, потому (будто бы), что напускаютъ разныя болѣзни, отъ которыхъ скоро не вылѣчиться.—

Я признаю однакожъ, что икота болѣзнь притворная, и могу прибавить только, что икотница ругается сперва медленно, потомъ все болѣе горячась; что иная икотница помнитъ каждое изъ словъ, произнесенныхъ ею въ припадкѣ; что припадки сказывающихся больными икотою бываютъ вообще однообразны; что физіономія икотницъ предъ припадкомъ, повидимому, показываетъ внутреннее возбужденіе; но случается, что икотница на затрогиваемое ея чувство отвѣчаетъ грустной миною. Наконецъ замѣчу, что икотницы просятъ удовлетворить ихъ прихоть такъ: черня заморить, словно пьяницы, когда просятъ опохмѣлиться.

Многіе изъ крестьянъ на болѣзни вообще смотрятъ какъ на Божеское наказаніе, какъ на кару, ниспосланную высшими силами и считаютъ ихъ недоступными для человѣческаго искусства.

Крестьяне въ болѣзняхъ уповаютъ слѣпо на авось, небось, да какъ нибудь,—или на милость Божію и задаютъ себѣ обѣты пилигримствовать по святымъ мѣстамъ для поклоненія чтимымъ угодникамъ.

Но, во многихъ случаяхъ, деревенскіе жители обращаются къ знахарямъ. Кромѣ того, по суевѣрію, прибѣгаютъ къ разнымъ симпатичнымъ и магичнымъ средствамъ. Такъ напримѣръ: скелетъ водянаго воробья держатъ въ домахъ отъ болѣзней людей, а трупъ горностая—отъ болѣзней лошадей.—

О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда имѣются немногія свѣдѣнія, доставленныя священникомъ Глѣбовскимъ.

Изъ болѣзней, существующихъ въ народѣ, говоритъ онъ, извѣстны мнѣ волосси, тресся, грыжа, стрѣлы, родимецъ, сучій сучекъ и утинъ. Лѣчатся онѣ первоначально знахарями и знахарками, которые если не помогутъ больному своими словами и травами, то позволяютъ призвать фельдшера. Волосси—волосы въ ногахъ или рукахъ, входящіе въ означенныя части тогда, когда человѣкъ бродитъ въ стоячей водѣ босикомъ, напр. въ луговыхъ озерахъ, въ которыхъ лѣтомъ бродятъ лошади и оставляютъ отъ хвостовъ своихъ волосины, на слѣдующее лѣто оживающія. Чтобы вышли изъ означенныхъ членовъ живые конные волосы, больной ими человѣкъ долженъ держать болящій членъ свой въ щелоку — въ водѣ, скипяченой съ золой.... Тресся — лихорадка, какъ она лечится, не знаю. Грыжа—болѣзнь, прогрызающая дыры въ паху. Лѣчится

она травой грыжей, которой не видалъ и потому не могу дать ей настоящаго названія. Болѣзнь *стрѣлы* напускается людьми, а вылѣчивается чрезъ глаженіе больнаго въ банѣ и будтобы вытираются изъ тѣла разныя колючія вещества—иголочки, стеклышки и песокъ. Родимецъ—падучая болѣзнь, появляющаяся въ человѣкѣ отъ испуга во время сна. Свойство ея то, что больной изъ совершенно здравоумнаго въ одно мгновеніе дѣлается рѣшительно безсознательнымъ, падаетъ какъ и гдѣ не попало и трясется нѣсколько минутъ, послѣ чего засыпаетъ, проспавши минутъ 15—20, встаетъ совершенно здоровымъ. Такіе припадки у больнаго родимцемъ повторяются въ сутки 6, 10 и 15 разъ. Лечится родимецъ словами и травами; названія послѣднихъ не знаю и по народному.—Сучій сучекъ—ячмень на рѣсницѣ глаза, появляющійся отъ посмотрѣнія на *сучью свадьбу* т. е. когда за сукой гоняется стая псовъ. Лѣчатъ эту болѣзнь прикладываніемъ теплаго хлѣба, который когда простынетъ бросается собакѣ.—Утинъ—спинная болѣзнь. Лѣчится утинъ преимущественно старухами слѣдующимъ образомъ: больной спиной долженъ лечь ницъ черезъ порогъ и когда онъ такъ ляжетъ, лѣкарка—старуха кладетъ на спину его листоватинъ вѣникъ и ударяетъ по нему остріемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ по вѣнику, больной долженъ спрашивать: что сѣчешь? Утинъ сѣку, отвѣчаетъ лѣкарка. Сѣки крѣпче, говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больнаго утиномъ, долженъ быть выпесенъ имъ на улицу и брошенъ «на отмашку».

Наконецъ изъ разныхъ мѣстностей Архангельской губерніи были доставлены свѣдѣнія о томъ, какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни обыкновенно молятся въ народѣ. Вотъ общій сводъ этихъ свѣдѣній:

О прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ молитесь Пресвятей Богородицы Казанской іюля 8. О исцѣленіи болѣзни очныя святому мученику Минѣ египетянину ноября 11 дня, о томъ же святому мученику Лаврентію архидіакону, августа 10 дня, о томъ же святому мученику Логину сотнику октября 16 дня, о исцѣленіи отъ главныя болѣзни святому пророку Іоанну Предтечѣ августа 29 дня.

О исцѣленіи зубныя болѣзни священномученику Антипѣ, апрѣля 11 дня.

О исцѣленіи отъ трясовичной болѣзни преподобному Марону, февраля 14 дня, о томъ же мученицѣ Фотиніѣ Самаринянѣ, марта 20 дня.

О томъ же преподобному Василію новому, марта 26 дня; о исцѣленіи грыжной болѣзни великому Артемію, октября 20 дня.

О разрѣшеніи неплодства и безчадія преподобному Роману чудотворцу, ноября 27; о томъ же преподобному Ипатію, марта 31 дня.

Освобожденія отъ труднаго рожденія женѣ просятъ у Пресвятой Богородицы Федоровской, августа 16 дня, тоже у великомученицы Екатерины, ноября 24.

Аще возненавидитъ мужъ свою жену неповинно—святымъ мученикамъ Гурію, Самону и Авиву ноября 15 д.

О сохраненіи здравія младенецъ—Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26 дня; о томъ же праведному Симеону Богопріимцу, февраля 3 дня.

О избавленіи младенца отъ родимца—святому мученику Никитѣ, сентября 15.

О изцѣленіи младенца отъ оспы—святому мученику Конону Саврійскому, марта 5 дня.

О просвѣщеніи разума къ ученію грамотѣ—святымъ безсребреникамъ Козмѣ и Даміану, ноября 1 дня.

О изученіи иконнаго писанія—святому апостолу Іоанну Богослову, сентября 26 дня.

О сохраненіи отъ внезапной безъ покаянія смерти священномученику Сидору, октября 19 дня; о томъ же великомученицѣ Варварѣ, декабря 4 дня—о томъ же священномученику Харлампію, февраля 10 дня; о томъ же преподобному Онуфрію великому, іюня 12 дня.

О избавленіи отъ муки умершихъ безъ покаянія преподобному Паисію великому, іюня 19 дня.

О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣка и скотовъ—преподобному Нифонту декабря 23 дня, о томъ же Маруфѣ, февраля 16 дня.

О избавленіи отъ блудныя страсти—преподобному Мартиніану, февраля 13 дня, о томъ же преподобному Іоанну многострадальному, іюля 18 дня; о томъ же преподобному Моисею Угрину, іюля 25 дня; о томъ же святой мученицѣ Фомаидѣ, апрѣля 13 дня.

О избавленіи отъ виннаго запойства—мученику Вонифатію, декабря 19; о томъ же—преподобному Моисею Мурину, августа 28 дня.

О сохраненіи отъ пожара и молніи—Пресвятой Богородицѣ—неопалимой купинѣ, сентября 4 дня; о томъ же святителю Никитѣ новгородскому, января 31 дня.

О бездождіи и о ведрѣ святому пророку Иліи, іюля 20 д.

О избавленіи отъ потопленія на водѣ, либо печали—святителю Николаю чудотворцу, декабря 6 дня.

О избавленіи скотскаго паденія, святителю Модесту—декабря 18 дня; о томъ же священномученику Власію февраля 3 дня.

О избавленіи падежа конскаго—мученикамъ Фролу и Лавру, августа 18.

О сохраненіи скота отъ съѣденія звѣрей—святому великомученику Егорью, апрѣля 23 дня.

О обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ—мученику Ѳеодору Тирону, февраля 17 дня; о томъ же—мученику Іоанну Воину, іюля 30 дня.

О сохраненіи отъ злаго чарованія—священномученику Кипріяну и мученицѣ Устиніи, октября 2 дня.

ГЛАВА IX.

РАСКОЛЪ СРЕДИ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Свѣдѣнія, сообщенныя П. А. Ивановымъ, о раскольникахъ Пинежскаго уѣзда: причины успѣховъ раскола, мѣста его наибольшаго распространенія, число въ 1841—1865 годахъ, ихъ книги, иконы, перстосложеніе, обряды во время молитвословія, богослуженіе, пѣніе, посты, заѣзжіе жепастыри, отходъ въ расколъ, браки, погребеніе, отношеніе къ православнымъ, брадобритіе, пища и питье, табакъ, посуда, стряпня, одежда, занятія, ожиданіе антихриста и скончанія міра.— Свѣдѣнія, доставленныя священникомъ Вахрамѣевымъ, о раскольникахъ Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда: число ихъ, совлеченіе православныхъ въ расколъ, отношеніе къ православной церкви.—Слободскій раскольническій скитъ.—Расколъ въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ г. Шешенина.—Свѣдѣнія о раскольникахъ въ Лисестровскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, сообщенныя свящ. Ѳедоровымъ.— Свѣдѣнія свящ. Макарова о раскольникахъ въ Тулгаскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда.

Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ этой главѣ, касаются той части русскаго населенія Архангельской губерніи, которая, не отличаясь отъ массы въ племенномъ (этнологическомъ) отношеніи, отдѣляется отъ нея религіозными особенностями, повліявшими и на самый ея бытъ. Въ своей жизни раскольникъ во многомъ чуждается православнаго, и потому настоящая глава является необходимымъ дополненіемъ къ предшествовавшимъ. По обычаю и здѣсь начинаемъ съ Пинежскаго уѣзда.

Расколъ развился въ Пинежскомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Архангельской губерніи, несмотря на то, что историческихъ причинъ къ тому доискаться трудно. Къ расколу расположены почти всѣ жители Пинежскаго уѣзда. Одни открыто принадлежатъ къ нему, другіе находятся только подъ сильнымъ вліяніемъ раскола, третьи живутъ убѣжденіями раскольниковъ, а четвертые — пребываютъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ послѣдователямъ раскола. Расколомъ заражаются люди обоего пола и не только изъ крестьянъ, но и изъ мѣщанъ, кущевъ и чиновниковъ, предавшихся въ отставкѣ размышленіямъ *о сущѣ міра сего*. При постоянномъ рвеніи къ внушеніямъ и толкованіямъ со стороны устарѣлыхъ людей и вслѣдствіе вліянія зажиточныхъ людей, отстаивающихъ прежнія охранительныя начала, не удивительно, что жители поддались вліянію проповѣдниковъ издавна, такъ сказать, зачерствѣли въ содержаніи старообрядческаго ученія, распространяя расколъ не только въ своихъ семействахъ, но и между посторонними, идущими по примѣру предковъ. Затѣмъ пропаганда, пагубное дѣло въ духовномъ отношеніи, насадила цвѣты на хорошей почвѣ, разрослась и окрѣпла. Отдаленность жилищъ отъ храмовъ Божіихъ, рѣдкое посѣщеніе даже донынѣ церковныхъ богослуженій и слѣдовательно малыя христіанскія понятія были причинами и благопріятствовали введенію раскольническихъ заблужденій на слабой почвѣ, находившейся въ зависимости отъ силы.

Въ ближнихъ отъ города деревняхъ, кажется, какъ будто нѣтъ раскола; за 175 же верстъ отъ города Пинеги вверхъ поражаетъ картина приверженности жителей къ расколо-ученію, и отъ Верхольскаго монастыря до самой границы уѣзда подошло народонаселеніе, насквозь проникнутое жалкимъ духомъ старообрядства.

Раскольниковъ прежде было и теперь находится болѣе всего изъ жителей церковныхъ приходовъ: Сояльскаго, Вонгскаго, Валдоскурскаго, Перемскаго, Ивардоменскаго, Неюхченскаго и еще того болѣе—Лавельскаго, Веркольскаго и Сурскаго.

Скитовъ, раскольническихъ молелень и раскольническихъ вожаковъ въ здѣшней мѣстности нѣтъ. Одноко-жъ въ 1865 году становой приставъ открылъ молельну въ деревнѣ Заозерской, въ домѣ крестьянина Небритова. Говорятъ, что здѣсь были прежде скиты и молельни, но разрушены, а раскольники разогнаны преслѣдовавшими ихъ властями. Не имѣя притоновъ для общинъ, къ которымъ такъ склонна братія-раскольники, они отправляются въ скиты Архангельскаго уѣзда: Бѣлозерскій и Ануфріевскій. На содержаніе скитчиковъ, туземные жители даютъ вспомоществованія, а скитчики сверхъ того посылаютъ своихъ членовъ объѣзжать за подаяніями.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, число раскольниковъ въ Пинежскомъ уѣздѣ было: въ 1841 г. 1347 *); въ 1851 году: пріемлющихъ священство 35 мужскаго, 70 женскаго, и безпоповщинской секты 306 мужчинъ, 271 ж. =794 **), въ 1852 г. 325—432=757 ***), въ 1853 году: терпимыхъ сектъ 793 *), въ 1863 году: 157—245=452 ***) въ 1865 г. 173—301=474 *).—Разумѣется мы не завѣряемъ этихъ свѣдѣній, но беремъ только для приблизительныхъ статистическихъ данныхъ. Невѣрность цифръ сама собой показываетъ, что писалось не всегда вѣрно. Однако-жъ и изъ того уже можно заключить, что расколъ преобладаетъ надъ женщинами, воображеніе которыхъ беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

Здѣсь раскольники (по всѣмъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ)—*принадлежатъ къ сектѣ безпоповщины, Филипповскаго согласія* (толка), по ученію котораго не принимаются священники и всѣ совершаемыя ими таинства, кромѣ крещенія и брака.

Къ православнымъ священникамъ раскольники на *духъ не ходятъ*, къ себѣ ихъ не принимаютъ и вообще питаютъ неуваженіе къ духовенству.

Чтобы раскольники не сознавали пользы отъ грамотности, нельзя сказать. Они очень старательно обучаютъ другъ друга, между собою, или въ какомъ либо скиту, читать печатному и письменному, на славянскомъ (церковномъ) языкѣ. И потому, чуть не всѣ раскольники умѣютъ читать церковныя книги; пишутъ же они своеобразно-искусно, на манеръ печатно-книжнаго шрифта. У нихъ, въ бумагахъ, письмахъ и вообще всякихъ письменахъ, почти всегда въ началѣ и концѣ бываютъ написаны молитвы, напримѣръ: 1) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Любезному моему благопріятелю N N, первымъ долгомъ считаю пожелать тѣлеснаго здравія, душевнаго спасенія, благопоспѣшенія, благоденствія, земныхъ и небесныхъ благъ, всякаго благополучія, нижайше кланяюсь и молюсь о здравіи вашемъ и сродниковъ вашихъ... Доброжелатель N N». 2) «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, Аминь. Сожительницѣ моей N N, желаю добраго здравія, душевнаго спасенія и прочее. Теперь живъ и здоровъ, а впредь уповаю на Бога и на святыя ваши молитвы. N N».

И говорятъ раскольники болѣе серьезно и книжнымъ слогомъ. Разговоръ ихъ сходитъ болѣе на тему о смерти и душевномъ спасеніи. Въ частности же раскольники не словоохотливы.

Изъ книгъ у раскольниковъ чаще обрѣтаются: святцы, часовники (часословы великіе и малые), псалтыри простыя, требники, каноники, акафистники, молитвословы, четьи-минеи, минеи общія, служебныя и праздничныя, цвѣтники, обиходы, евангелія, пологи, кормчая книга, уставы, апостолы, ирмосы пѣвчіе, ирмосы старинные, житія и чудеса святыхъ отецъ: Ефрема Сирина, Николая Чудотворца, Иозосимы (Зосимы) и Савватія Соловецкихъ, также сунодикъ, тріодь постная, тріодь цвѣтная. Кромѣ того держатся сочиненія о житіи и страданіи раскольническихъ вожаковъ: Аввакума, Лазаря, Никифора, Епифанія, Трифилія и Церфилія, которые раскольниками причислены къ лику святыхъ *), а также о ереси (отступничествѣ отъ раскола, напримѣръ: «о Никонѣ зломъ патріархѣ и его сподвижникахъ), Стоглавникъ и прочія книги, которыя раскольники держатъ при себѣ и называютъ богодухновеніями книгами.—Какъ святыни хранятся книги церковныя старинныя, писанныя (будто бы только, хотя попадаются фальшивыя) до Никона. И потому съ благоговѣніемъ чтутся книги по заглавію съ индуктомъ «въ благополучное царствованіе Благовѣрнаго Государя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича Всея Великія и Малыя Россіи». За такой антикъ платятъ отъ 10-ти до 100 рублей.—Кто не имѣетъ книгъ настоящихъ, (т. е. дѣйствительно писанныхъ до исправленій Никона), тотъ имѣетъ древніе списки съ нихъ. Я самъ тому бывалъ свидѣтелемъ, какъ эти отпадшіе отъ единой церкви, промышляютъ чрезъ своихъ коммисіонеровъ, не продаются ли гдѣ старинныя книги или иконы. И всѣ старанія употребляютъ для того только, чтобы святыни сіи не попали въ нечестивыя руки и не были поруганы неправовѣрующими, по тому увѣренію, что они будутъ отвѣчать за небреженіе на страшномъ судѣ. Другія же, пользуясь расположеніемъ прочихъ, подъ видомъ усердія, ведутъ въ такихъ случаяхъ отличныя спекуляціи; корыстолюбіе же особенно свойственно раскольникамъ. И это ничего, не грѣхъ!

Читать «книги Никоновскаго исправленія», составляетъ для раскольника великій грѣхъ.

Иконъ на божницахъ въ домахъ раскольниковъ бываетъ болѣе, чѣмъ у православныхъ, и украшаются онѣ лучше.—Иконы деревянныя, преимущественно, старинной лико-живописи. Раскольники говорятъ, что иконы новаго Суздальскаго письма черезъ-чуръ нарядны, соблазнительны и написаны табачниками. Изъ любимыхъ иконъ стараго письма, раскольники избираютъ себѣ въ покровители тѣ, которыя отличаются рѣзкимъ очертаніемъ или суровымъ и грознымъ выраженіемъ изображаемыхъ святыхъ лицъ. За мнимо-древніе образа, безъ щепотей и съ словомъ Іисусъ Христосъ (вмѣсто Іисусъ Христосъ), платятъ также баснословно дорого, какъ и за старыя книги. Кромѣ

*) По свидѣтельству Окружнаго Управленія.

**) Губ. Вѣдом. 1854 г. № 3.

***) Памятной книги 1864 года.

*) Я имѣлъ случай видѣть тропарь имъ и молитвоприношеніе простое, списанное на бумагѣ

деревянныхъ иконъ, у раскольниковъ бываютъ и литыя мѣдныя иконы, называемыя створцами, которыя по большей части изображаютъ скаймленные образы годовыхъ великихъ Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ, но бываютъ и отдѣльные, изображающіе одинъ или нѣсколько главныхъ праздниковъ; распятіе изображающее Іисуса Христа по срединѣ, а по сторонамъ Богородицу и Іоанна Крестителя. Воздвизательные же и осѣнительные кресты обыкновенно мѣдные. Православный осьмиконечный крестъ именуютъ «Честнымъ крестомъ»; крестъ же католическій, четвероконечный — «латинскимъ крыжемъ». Ѳеопластика, то есть изображеніе Божества, или представленіе Бога на картинахъ, не принято раскольниками, и они тѣмъ похваляются говоря, что картины, въ строгомъ смыслѣ, искажаютъ лико-писаніе. Однако-жъ, нерѣдко можно увидѣть и у раскольниковъ картины «страшнаго суда», «рая», легендарной «райской птицы», сирены и прочихъ.

Кромѣ крестовъ мѣдныхъ и створцевъ, въ домахъ старовѣровъ можно видѣть: деревянныя распятія (рѣдко), образа: Вседержителя, Воскресенія Господня, Сошествія Спасителя во адъ по Воскресеніи, Богоявленія Господня, Спасителя, Нерукотворенный образъ Спаса, Богоматери, Пресвятой Богородицы по чуднымъ явленіямъ иконъ ея: Владимірской, Иверской, Казанской, Смоленской, Тихвинской, Архистратига Михаила, Николая Чудотворца, Великомученика Георгія, Зосимы и Савватія, Іоанна Предтечи и другихъ; бываютъ и Ангела-хранителя, по именамъ, носимымъ хозяевами. Но иконы Митрофанія Воронежскаго Чудотворца нѣтъ у раскольниковъ...

Иконы большею частію раскольниками держатся въ кіотахъ за стеклами, чтобы отъ поклоненія имъ православныхъ они не лишились благости Божіей, если бы не были за стеклами. Равно, и книги мало держатся на виду, они хранятся въ крѣпкихъ сундукахъ за замкомъ.

У иконъ вѣшаются мѣдныя или стеклянныя лампадки, втыкаются кадильницы, висятъ лѣстовки-четки, сшитыя изъ черной кожи и становятся восковыя свѣчи. Свѣчи къ иконамъ ставятъ куленныя у частныхъ липъ, потворствующихъ расколу, или просто заботящихся о своей выгодѣ. Свѣчъ же церковныхъ они никогда не зажигаютъ у себя, и почитаютъ ихъ нечистыми. Также не стоятъ на божницахъ въ ихъ домахъ ни вербы, ни просфоры.

Раскольники ограждаютъ себя большимъ истовымъ крестомъ, почитая его старинным (дониконовскимъ) изображеніемъ креста, на которомъ распятъ Спаситель міра. Въ изображеніе знаменія креста, персты сжимаются двойнымъ сложеніемъ (можно видѣть по иконамъ). Крестъ же въ троеперстномъ сложеніи, признаваемый православною церковью, называютъ «щепотью», съ ироническимъ прибавленіемъ, что щепотью нюхаютъ табакъ, и щепотью же молятся Богу. Вотъ какъ они говорятъ диктаторскимъ тономъ: «а кто щепотью знаменуетъ лице свое, той отвержется Христа Іисуса и предается сатанѣ, занеже та есть антихристова печать».

Молитвословіе старообрядцы приносятъ поособь отъ мірскихъ. И потому комната (изба), ради богослуженія раскольниковъ, раздѣляется на двѣ половины завѣсою или деревянною перегородкою. Для богомолья избираютъ даже чердаки, чтобы не было въ то время никого изъ постороннихъ. Они придерживаются пословицы: «что люди не видятъ — то Богу въ честь»...

Прежде всякихъ разговоровъ, по входѣ въ жилище, старообрядецъ снимаетъ шапку и моетъ руки; — молитва, приносимая не совершенно чистыми руками, по ихъ мнѣнію, не чиста. Затѣмъ, беретъ въ лѣвую руку лѣстовку и обращается къ молитвѣ предъ иконами, крещеніемъ правой руки съ земнымъ поклономъ, который кладется въ *подручникъ* (небольшой ковричъ или мягкая подстилка, иной разъ какъ бы подушка, подосланная на полъ предъ собою, на которую преклоняетъ колѣна, опирается руками и прикасается головою молящійся), и даже въ *коробейку* (лубочный ящикъ, который обыкновенно стоитъ вблизи подъ иконами, наполненный священными книгами). Но когда уставомъ не положено земныхъ поклоновъ, тогда старообрядецъ склоняетъ голову на подручникъ, положенный уже на коробейку, — а не на полъ. Если же придется молиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни подручника, ни коробейки, съ земными поклонами преклоняются на подолѣ своего платья, или же подручникъ замѣняютъ рукавицы молельщика.

Вмѣсто аналоя предъ иконами, у раскольниковъ употребителенъ небольшой столикъ.

Во время молитвы, старовѣры всегда стоятъ чинно; при томъ нога возлѣ ноги, которыя бываютъ ровно прижатыя одна къ другой.

Во время бдѣнія также не допускается никогда не только шуму, но и разговоровъ. Если же бываетъ что либо необходимо нужно сдѣлать или сказать, то раскольникъ, оставляя на время молитву, отходитъ отъ иконъ, дѣлаетъ что нужно, и потомъ опять приходитъ для продолженія пріостановленнаго моленія.

Какъ дѣлается знаменіе, уже извѣстно изъ прежде-сказаннаго. Осѣненіе же крестомъ такъ: сперва *персты* полагаютъ на лобъ, возлѣ самаго пробора волосъ, на пупъ и потомъ первоначально на правое, а далѣе — на лѣвое плечо; при томъ какъ можно дальше затягиваютъ правую руку. Осѣненіе дѣлается не круто, какъ многіе изъ христіанъ дѣлаютъ, а тихо, съ разстановкою на каждомъ изъ четырехъ мѣстъ каждаго положенія креста. Когда же молитва творится про себя (мысленно), руки слагаются на груди: лѣвая подъ низъ, а правая наверхъ. Послѣ этого обряда и бываетъ колѣнопреклоненіе съ опущеніемъ рукъ на *земь*.

Во время молитвы у старообрядцевъ соблюдается правило—обращаться другъ къ другу и падать взаимно въ ноги, съ произношеніемъ словъ: прости Христа-ради меня грѣшнаго,—грѣшную;—Богъ тебя проститъ. Затѣмъ опять молятся.

Богослуженіе (невседневное) при собраніи въ воскресные и праздничные дни нѣсколькихъ старообрядцевъ бываетъ въ домахъ, гдѣ болѣе иконъ и книгъ *).

Особенно долго продолжающееся моленіе у раскольниковъ происходитъ съ кануна—дня передъ мяснымъ заговѣньемъ къ Великому посту.

Богослуженіе у раскольниковъ совершается не въ одно время съ православною церковію, а всегда ранѣе, будто бы по *небесному* и потому, что «молитва въ одно время съ мірскими непріятна Богу». У нихъ даже твердо убѣжденіе, что на томъ (въ будущемъ) *свѣтѣ* они будутъ по правую, а *ковлища* (мы, православные)—ошую (лѣвую руку).

Въ богослуженіи у нихъ полагается признавать правильнымъ семь просфоръ, вмѣсто пяти, какъ установлено священными обрядами православной церкви.

Аллилуія у раскольниковъ повторяется только дважды, а не троекратно. Въ протестѣ ихъ на этотъ счетъ было сказано: *«не трегубите аллилуія. сія нѣтъ православныхъ преданія, но латынская вѣра;—не славятъ бо Троицу, но четверятъ»*. Вмѣсто «Господи помилуй», въ молитвѣ произносятъ «О, Господи помилуй»... Есть и другія несогласія въ формулахъ; но пускаться въ объясненія по этому предмету, значитъ коснуться богословія, что намъ неудобно...

Хожденіе у раскольниковъ *посолонь;* православное же хожденіе противъ солнца признается ими ересью. Такъ: когда молятся предъ иконами и обращаются къ другимъ кланяться то поворачиваются съ лѣва на право, также отмолившись, поворотъ дѣлаютъ по *солнцу*, а не на лѣвый бокъ.

Старовѣры очень сердятся, если названіе дневнаго свѣтила небеснаго произносится солнце, а не по ихнему—*солнице* (напр. въ Рождественской пѣснѣ: тебѣ кланяемся солнцу, а не солницу праведному).

У раскольниковъ новогодіе считается не по Юліанскому лѣтосчисленію, то есть начинается Новый годъ не съ 1-го числа января мѣсяца, а по какой-то старой эрѣ, съ дня Семена-Столпника, то есть съ 1 числа сентября мѣсяца.

Пѣніе во время Богослуженія собравшихся старовѣровъ происходитъ внутри избраннаго зданія; но неявное—а тихое, протяжное, унывное, носовое, непріятное для слуха. Для большей способности къ строю такого страннаго пѣнія, многіе натягиваютъ на носы старинныя очки съ огромными стеклянными кругами, не исключая и женщинъ-старухъ, которыя поютъ по книгамъ. Разумѣется, которые не умѣютъ читать, тѣ безъ очковъ.

Постъ раскольниками соблюдается строже, воздержанія отъ излишествъ «тѣлесной плоти» у нихъ болѣе, чѣмъ у православныхъ и таинно они ничѣмъ не нарушаютъ этой заповѣди; соблюдая же по такимъ правиламъ, (непонятнымъ для нихъ вполнѣ), нѣкоторую часть гигіены, раскольники доживаютъ до глубокой старости... Когда раскольникъ начинаетъ поститься, то предварительно побываетъ у всѣхъ своихъ единовѣрцевъ для прощенія во грѣхахъ.

Хотя и считаютъ всѣхъ здѣшнихъ раскольниковъ, принадлежащими къ терпимой безпоповщинской сектѣ, но мнѣ удалось самому видѣть, что въ здѣшній уѣздъ пріѣзжаютъ изъ Олонецкой и Вологодской губерній коноводы сектаторовъ, заѣзжіе ихъ попы, извѣстные у нихъ подъ словомъ *большаки*. Эти исправляютъ требы, собираютъ отъ раскольниковъ приношенія и переходятъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Раскольники всячески стараются скрыть присутствіе ихъ у себя и избѣгаютъ вообще полицейскаго надзора, а потому не удивительно, что ни духовенство, ни мѣстныя власти не доносятъ о расколоучителяхъ и причинахъ распространенія раскола.... Ляже-пастыри эти одѣваются одинаково съ мірянами, оказываютъ гдѣ нужно подобострастіе и умѣютъ быть знахарями (лѣкарями). Архи-мошенники эти, своими тремя ремеслами, отлично наживаются насчетъ своихъ адептовъ: они много увозятъ восвояси хлѣба и денегъ, и тамъ живутъ припѣваючи.

Кромѣ такихъ таинственныхъ пастырей, здѣшніе сектанты имѣютъ изъ своей братіи уставниковъ. Уставникъ исправляетъ первые обряды до прибытія попа. Всѣ уставники пользуются патріархальнымъ уваженіемъ, потому что они бываютъ старожилы, начитанные грамотники, имѣющіе у себя много старовѣрскихъ книгъ и иконъ, и ведущіе очень строгую жизнь.

Раскольники учатъ, что причастившійся Тѣла и Крови Христовой не долженъ плевать слюны 40 дней, а предъ совершеніемъ Святыхъ Таинъ, по крайней мѣрѣ, сутки не ѣсть и не пить ничего, особливо съ отпущенія грѣховъ.

Раскольники здѣшніе на молитвахъ молятся за спасеніе Государя; но у нихъ онъ титулуется не Императоромъ, а Царемъ.

Отходъ въ расколъ бываетъ наиболѣе съ 50 лѣтъ, то есть послѣ «мірскихъ похожденій». Малолѣтніе, къ счастію, остаются не тронутыми ересью, до достиженія

*) Разумѣется у богатаго раскольника или раскольницы, начетника,—начетницы. Владѣтель такого драгоцѣннаго достоянія раскольниковъ чтится у нихъ правовѣрующимъ и правоправящимъ

возмужалости, но и это только исключенія. Совращеніе въ расколъ легко бываетъ тамъ, гдѣ главы семейства раскольники; они, умирая, на смертномъ одрѣ завѣщаютъ дѣтямъ идти въ старую вѣру, и дѣти, чтя особу отца священною, исполняютъ завѣщаніе родителей, суевѣрно боясь дурныхъ послѣдствій, въ противномъ случаѣ. Также: а) когда старой дѣвѣ стукнетъ за 30 лѣтъ, или овдовѣетъ женщина, и годъ, два сватовъ не показывается, онѣ «идутъ по вѣрѣ», и б) во время болѣзней, больные, по убѣжденію сродниковъ, даютъ обѣты идти «по вѣрѣ» предковъ. Ученики всегда подражаютъ учителю во всѣхъ мелочахъ, а влеченіе къ сектѣ конечно влечетъ за собою принятіе всѣхъ ел привычекъ.

Поступленіе въ старую вѣру состоитъ въ перекрещеніи ими на свой ладъ, или (по аргументаціи раскольниковъ) переправленіи. Оно происходитъ не торжественно, а втихомолку, ночью, въ какомъ либо ручьѣ или рѣчкѣ (текущей водѣ); обливанія же водою не допускается.

У раскольниковъ здѣшнихъ бракъ мужчины старовѣра съ дѣвицею мірскою не считается предосудительнымъ. Они въ этомъ отношеніи не совсѣмъ упорные формалисты точнаго соблюденія старообрядства, по тому ученію, что «не въ томъ замыкается сила тайны брака, чтобы чрезъ попа оную отправить...

Если парню приходится жениться, а онъ переправленъ въ старовѣры, то, очень просто, отлучается отъ раскольниковъ недѣль на шесть, то есть дѣлается на время православнымъ: ходитъ въ церковь, живетъ по мірскому, гоститъ и женится. Но, послѣ всего этого, на обручившагося старцами (начетниками) налагается шести-недѣльный постъ, и ни молодой, ни молодая не раздѣляютъ общаго стола ни вмѣстѣ, ни съ другими семейными нѣсколько времени. По исполненіи же такой эпитиміи, женившійся, безъ расторженія брака, снова обращается въ расколъ, и съ этихъ поръ перекрещенецъ дѣлается окончательно *настоящій «по вѣрѣ»*. Бываетъ болѣе и то, что мужчина, вступивъ въ бракъ съ православною, *вовымѣетъ супружеское сожитіе*, и, чрезъ нѣкоторое послѣ сего время, перекрещивается въ старую вѣру... Здѣсь нѣтъ того, чтобы вѣнчались безъ священнодѣйствія по обрядамъ церкви, или крестили безъ священниковъ дѣтей; а это на много уменьшаетъ мнѣніе о вредности раскольнической секты!

Но иные раскольники отвергаютъ вовсе бракъ, т. е. воспрещаютъ вступать въ законное бракосочетаніе, а не находятъ предосудительнымъ сходиться между собою ради любви не платонической, и за ней—чадородіе. У такихъ фанатиковъ, дурное поведеніе женскаго пола (то есть не проституція, а любовная связь) не имѣетъ нравственнаго порока, какъ и блудодѣяніе мужчинъ; смѣшно сказать, что, въ оправданіе своей безнравственности, эти люди выдумали эпитетъ: «свальный грѣхъ».

Раскольники не хотятъ быть на одномъ кладбищѣ съ православными. Для погребенія тѣлъ умершихъ, состоявшихъ въ расколѣ, отводятся или особые погосты, или отдѣльныя мѣста при общихъ кладбищахъ. Здѣсь не бываетъ яснаго совершенія раскольническихъ обрядовъ при погребеніи тѣлъ умершихъ, какъ-то въ мантіяхъ, клобукахъ и иныхъ раскольническихъ особыхъ одѣяніяхъ; но что раскольническіе обряды по духовному погребенію всегда исполняются—не секретъ.

Православіе люди съ старыми понятіями явно не ругаютъ; но въ отличіе отъ своего вѣроученія православну́ю вѣру называютъ «мірскою», а исповѣдующихъ таковую—«мірскими» людьми.

Свое вѣроученіе они называютъ истинною, православною, спасимою, отцовскою вѣрою,—а себя: избранными, истыми христіанами, старовѣрцами и старовѣрами, или, просто, «по вѣрѣ».

Если старообрядцу сказать спроста въ глаза: «ты раскольникъ», онъ осердится, а подъ горячій часъ сдѣлаетъ еще что нибудь хуже. Но раскольники не считаютъ православныхъ врагами, а чуждаются ихъ въ нѣкоторой степени изъ предосторожности. По этому самому они и уклоняются отъ ихъ сообщества и не словоохотливы.

Не уважающаго старообрядства бранятъ «антихристовымъ ученикомъ», или слугой антихриста, либо нехристемъ и поганымъ (язычникомъ). Впрочемъ, такое мнѣніе о вѣрѣ произносится только въ крайнихъ вынужденіяхъ и смотря по личности, на которую сыплется ругань,—когда раскольника задѣли за самое чувствительное, живое, когда попирается его авторитетъ и прочее.

Раскольники судятся судомъ формальнымъ, по своему желанію, очень рѣдко; это потому, что они не хотятъ имѣть «дѣлъ съ антихристами».

Гражданская печать—(книгопечатаніе), «печать антихриста», «душегубная печать», «сугу́бо грѣховное дѣло».

Раскольники не противорѣчатъ установленнымъ властямъ, но уклоняются лишь отъ надзора полиціи и отъ тѣхъ распоряженій начальства, которыя могутъ нарушить чистоту ихъ вѣры. Въ такихъ случаяхъ они отзываются, что «все сдѣлаемъ, а вѣры не промѣняемъ ни за что». По мнѣнію раскольниковъ «перейдти изъ старой вѣры въ новую»—погибнуть навѣчно, поступить въ муку вѣчную, въ адъ кромѣшній»...

Волосы у раскольниковъ обстригаются въ скобку, у лба и въ кружекъ, какъ у сконцовъ, по образцу Римскаго царя Тита *). Нѣкоторые еще выстригаютъ на головѣ

*) Полное собраніе иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Изданіе Печаткина, С.-Петерб. 1861 г. Смотри: Титова голова

макушку; но пробора на волосахъ не дѣлаютъ.—Кто носитъ волосы на головѣ съ косымъ проборомъ, тотъ, во мнѣніи раскольниковъ, *«маймистъ»* *) жалкій грѣшникъ, а кто въ добавокъ носитъ длинные волосы, на его счетъ прибавляютъ названіе «маркитантъ».

Брадобритіе — грѣховное дѣло **). Брадобривецъ, по ихнему, «богоотступникъ», «армянинъ ***) отпавшій отъ чадъ Божіихъ» — «священныя правила православнымъ христіаномъ всѣмъ возбраняютъ не брити честныхъ брадъ и усовъ не постригати; таковая нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія». Раскольники въ стриженіи брады и усовъ еще видятъ искаженіе образа Божія въ человѣкѣ... Отъ того-то раскольники побаиваются рекрутской повинности. Въ этомъ случаѣ они дружно выкупаютъ погибающаго своего собрата, попадающагося въ руки «усо-брадо-власо-брейдевъ» и которому не можетъ быть свободно исповѣданіе вѣрованія среди православныхъ.

Вообще, раскольники не жалѣютъ ни слезъ, ни денегъ, почти рѣшительно ничего, если дѣло идетъ по ихъ дудкѣ. Но и надо сказать, что раскольники живутъ почти всѣ богаче и зажиточнѣе мірянъ. У нихъ можно найти хорошее гостепріимство, страннопріимство, наслушаться разныхъ *словесовъ*. Но и въ жизни своей наврядъ ли не пуще всего стараются, какъ бы только побольше нажить денегъ и имущества, хотя бы «неправымъ путемъ».

Отъ лѣкарствъ многіе изъ раскольниковъ отвращаются и считаютъ ихъ антихристовымъ ядомъ.

Картофеля многіе раскольники не употребляютъ въ пятницу, ибо ими найдено, что «овощь сія стоитъ въ святомъ писаніи на одной строкѣ съ табакомъ». Картофель они называютъ «чертовыми яйцами».

Чай и кофе, тоже не въ употребленіи между раскольниками потому, что «чай—заморское зеліе, замариваемое змѣинымъ саломъ» и потому, что «чай проклятъ на 7-ми Вселенскихъ Соборѣхъ, а кофей—на 12 Соборѣхъ». Вмѣсто чая, раскольники пьютъ съ медомъ отваръ изъ «Богородичной-травки». Между тѣмъ, скорѣе у раскольниковъ, чѣмъ у православныхъ можно найдти самоваръ или кофейникъ...

Сахаръ нѣкоторые изъ нихъ не употребляютъ потому, что въ составѣ его есть часть мясныхъ костей; а какъ жизнь они ведутъ подобно монахамъ, то и «не подобаетъ имъ вкушати сего лакомства»....

*) Въ переводномъ значеніи слова—маймистъ: Финнъ, Чухонецъ, долговолосый.

**) Въ иностранномъ произношеніи брадобритіе — поганотомія.

***) Армянинъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Много есть раскольниковъ, пристрастныхъ къ «любовному напитку» (водкѣ). Если гдѣ приходится выпить «зелена вина», у нихъ въ карманахъ имѣются запасные шкальчики; вообще-же, раскольники, даже во время поголовнаго пьянства, пьютъ изъ своей рюмки. Но разумѣется, это соблюдается до извѣстнаго градуса опьяненія, когда уже пьютъ наравнѣ съ мірскими и изъ одной посуды съ ними.....

Омірщиться въ безсознаніи своего проступка не считается большимъ грѣхомъ, ибо «содѣлалъ согрѣшилъ-бо пьяный, самъ не свой»..... У нихъ «постъ и молитва очищаютъ все».... Пить много хотя и считается у раскольниковъ за «душепагубное», немалымъ грѣхомъ; но раскольники зачастую напиваются пьянѣе православнаго. Пьяный-же раскольникъ имѣетъ охоту пѣть, спорить, либо драться... Тутъ уже беретъ верхъ природа, а не привычки секты.—Та только особенность у раскольниковъ, что они не «опохмѣляются».

Табакъ рѣшительно не терпимъ у раскольниковъ. Гнушаются имъ потому, что табакъ «есть богомерзкое, бѣсовское зелье, проклятое святыми отцами». Про тѣхъ, кто куритъ или нюхаетъ табакъ, у нихъ есть поговорка, обратившаяся въ аксіому: «табачники—аду прикащики». Исторію рожденія табака всѣ раскольники разсказываютъ въ родѣ слѣдующаго очерка. Въ первое время человѣчества дѣвка двѣнадцати лѣтъ сотворила грѣховный блудъ, чрезъ что родилась у ней дочь; дочь эта тоже сдѣлала блудодѣяніе двѣнадцати лѣтъ и принесла дочь; опять и сія дѣвка тоже не побоялась — попустилась въ грѣхъ и сродила дочь-же. Вотъ, какъ эта то сблудовала двѣнадцати лѣтъ, отъ испражненія ея на землѣ разцвѣлъ цвѣтъ, «веліе поганый»...

Инструментальная музыка, говорятъ раскольники, есть «дьявольское потѣшеніе», а всѣ театральныя представленія ни что иное какъ «бѣсовскія навожденія», отъ того что «ахтеры знаются (будто-бы) съ дьяволами»; маски-же—«дьявольскія личины и хари» (превращенія образа Божія въ образину дьявола). Телескопы, пароходы, телеграфъ и тому подобное, таже «хитрая выдумка дьявола». Такъ обо всемъ отзываются раскольники, кажущіеся святошами.

По духу нетерпимости, Великоруссъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ, нежели Южно-руссъ. Такъ и раскольники здѣшніе, мрачные и грубые по характеру, непоколебимо упримы въ своемъ. Воспитанные съ сосцевъ матери въ духѣ консерватизма и ненависти ко всему новому въ свѣтѣ, раскольники не ослабѣваютъ въ своихъ вѣрованіяхъ и понынѣ держатся погрѣшимостей и заблужденій изъ одной привязанности къ старинѣ, и отъ души презираютъ тѣхъ, кто не держитъ завѣтнаго самаго пустаго обычая. Однакожъ есть и исключенія, какъ и вездѣ во всемъ. Изъ рас-

кольниковъ не мало и такихъ, которые не могутъ дать себѣ даже отчета, изъ-зачего они раскольничаютъ и поступаютъ въ расколъ, (кромѣ случаевъ, приведенныхъ ранѣе) только потому, что де вѣра старообрядцевъ «старая-правая» (или истинная) и исполняется уважительнѣе,—не такъ какъ православными.

У отъявленныхъ раскольниковъ употребляется посуда больше деревянная и изъ красной горшечной глины, ибо они пренебрегаютъ другою. Посуда обмывается только снаружи по очистительной силѣ воды отъ «скверности,» съ внутри же она обмывается только въ такихъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ ней была такая пища, которая можетъ присохнуть къ чашкѣ или блюду. Въ этомъ отношеніи раскольники негодные невѣжды.—На деревянныхъ ложкахъ иногда надписываются молитвы..... Прикасаться православному губами къ посудѣ раскольниковъ нельзя; а иначе-значитъ «осквернѣніе» и посуда или неупотребляется послѣ, или обмывается какъ можно чище разными способами.—Изъ опасенія «опоганенія», раскольники не держатъ кошекъ и собакъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ жилищахъ, какъ «погань». Вся та посуда, до которой лишь только дотронется кошка или собака—или разбивается, или выкидывается какъ негодная къ дальнѣйшему употребленію.

Состряпанное, или что-либо сдѣланное руками послѣдователей антихриста (православными), покупаемое христіанами (раскольниками), берется и употребляется безпрепятственно, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, и оно очищается куплею» (то есть мздоимствомъ антихриста,) и устною «Іисусовою молитвой» благочестивыхъ старовѣрцевъ.

Извѣстно, что раскольники пьютъ и ѣдятъ особо отъ мірскихъ и изъ особой посуды; нѣкоторые православные изъ крестьянъ такъ деликатны къ раскольникамъ, что запасаютъ особую посуду (не мірскую) на случай, если бы привелось угощать раскольниковъ, которую и не употребляютъ для себя. Но еще раскольники, какъ молятся тайно, такъ и питаются безъ присутвія постороннихъ людей, почему и говорятъ: «Богъ напиталъ, — а никто не видалъ!»... Православные ѣдятъ, какъ извѣстно, три и четыре раза въ день; а раскольники только — дважды. При этомъ люди «по вѣрѣ» пищу употребляютъ болѣе суровую (хотя можетъ быть ѣдятъ болѣе количествомъ питательности) и вообще избѣгаютъ «сластолюбія» (но не сладострастія только)....

Нѣкоторые изъ раскольниковъ не моются въ одной банѣ съ православными, вѣроятно отъ болѣзни прилипчивости «мірскаго» и «осквернѣнія».

Цвѣтистость платья—символъ грѣшнаго удовольствія; устарѣвшій же покрой платья считается неразлучнымъ съ набожностію.

Одѣяніе раскольники носятъ хотя не совсѣмъ монашеское, но мало отличающееся отъ него. Одежда всегда покроя, какой былъ еще при царѣ Горохѣ,—скромная, темнаго цвѣта, не свѣтящаго; черное или черно-крапчатое любимый рисунокъ старовѣровъ. Носимое платье они называютъ «честнымъ».... «Краснымъ-бо неподобаетъ украшать тѣло истинкаго христіанина, надлежитъ только прикрыть члены,—а цвѣтныя украшенія суть-бо временныя прелести бренной жизни,» говорятъ раскольники.

Странно, почему раскольники носятъ шапки безъ козырьковъ? Также странно, что шапки раскольники снимаютъ для отданія чести предъ большимъ лицомъ, облеченнымъ властію.

Изъ презрѣнія-ли, страха-ли къ нарядамъ и украшеніямъ (мидокостіи), или изъ ненависти къ иноземному, старовѣры на счетъ новомоднаго и для поддержанія стариннаго выдумали преградою наказаніе Божіе, что «несчастія стали посѣщать болѣе, какъ стали заводиться въ простомъ народѣ заморски заведенья, заморски сюртуки, модные картузы, на высокихъ каблукахъ сапоги, да красно-платенное»... Впрочемъ, многіе въ преобразованіи одежды видятъ «иноземныя измѣны и нѣмецкій обычай—путь нечестія».

Кто застегиваетъ нижнее и верхнее платье лѣвою полою или стороною на верхъ правой или на правую, тотъ, какъ они полагаютъ, лишенъ благости Божіей....

У раскольниковъ есть обычай, или подраженіе «скитничкамъ,»—дарить «добрыхъ начальниковъ» и особенно слугъ ихъ поясками и сѣточками, вѣроятно, съ вытканными или вывязанными молитвами....

Занимаются раскольники тѣмъ-же, чѣмъ занимаются православные; но упервыхъ болѣе духа промышленности и предпріимчивости. А какъ они живутъ зажиточнѣе православныхъ, то въ рукахъ ихъ забрана вся торговля. Торгуютъ они и тѣмъ, что осуждаютъ правила ихъ; но хорошій барышъ въ виду склоняетъ на давно замѣченное въ Пинежскомъ народѣ корыстолюбіе *). странно-же: съ одной стороны раскольники ждутъ скораго «скончанія міра,» а съ другой—не упускаютъ выгоды настоящей жизни!

Вообще, раскольники всячески стараются имѣть большой вѣсъ въ обществѣ примѣрною жизнію, (смиреніемъ и скромностью) строгими правилами, ложною философіей и мудростію, ссудою денегъ и хлѣба и вообще всѣмъ тѣмъ, что по ихъ расчету можетъ служить къ

*) Отзывъ А. Пошмана въ его описаніи Арх. губер.

исполненію слова Евангелія: «просящему дай, нагаго обуй, больнаго посѣти» и т. д. и къ чему не такъ усердствуетъ православный; но въ тоже время раскольники не любятъ служить на пользу общества въ службѣ по выборамъ и вообще въ государственныхъ интересахъ общества. И къ счастію ихъ и общества, состояніе въ раскольѣ освобождаетъ раскольниковъ отъ присяги и служебныхъ правъ по выборамъ, которыми такъ дорожатъ люди образованные....

Имѣя постоянное вліяніе на народъ и всегдашнее расположеніе его къ себѣ, ловкіе вожаки раскольниковъ и дѣйствительно не стараются убѣждать другихъ въ правотѣ своихъ дѣйствій. При этихъ средствахъ раскольники имѣютъ еще ловкость изрѣдка похаживать къ тебѣ, дѣлая видъ, что посѣщенія тѣ дѣлаются съ цѣлію благотворительности, а между тѣмъ толкуютъ «о томъ, о семъ и прочемъ», читаютъ въ праздничные дни священныя книги «въ потѣ лица Твоего Господи», воскуриваютъ ѳиміамъ (лесть), стараются какъ бы такъ поскорѣе покончить..... и въ концѣ концовъ постараются-же сбить тебя съ толку—и дѣлаютъ тебя своимъ единомышленникомъ..... За тѣмъ и польется у старцевъ медовыя рѣчи объ антихристѣ, съ приложеніемъ на дѣйствительную жизнь человѣка.

По преданію старообрядцевъ, «въ нынѣшнюю восьмую тысячу (годовъ) народился антихристъ:—духъ богомерскаго отступленія отъ истинной вѣры», что теперь уже многое стало антихристово: начальство «неблагочестиво», устройство «по дьявольскому наущенью», книгопечатаніе, кокарды, печати на паспортахъ, лѣкарства, орлы на монетахъ, гербы на бумагѣ, — все—«ядъ и печать антихриста»; что дать присягу—значитъ «присягнуть антихристу», что записываніе въ списокъ, въ ревизскую сказку, въ показаніе —«подпаденіе подъ власть антихриста», а подписаться «подпись подъ антихристову печать»; что «во всѣхъ (по нашему мнимыхъ) отступникахъ отъ старой вѣры воцарился антихристъ»; что теперь антихристъ закабалилъ много душъ и наложилъ на нихъ подушный окладъ; что «Папа Римскій—предтеча антихриста»....

Это явленіе не удивительно въ наше время. Еще тысячу лѣтъ спустя отъ Рождества Христова, «на которыя связанъ былъ сатана», страшная мысль объ антихристѣ перепугала всю Европу!...

Раскольники очень исполнены мыслями о душеспасеніи и о загробной жизни и лелѣютъ мысль, что «второе пришествіе Господне» будетъ тогда, когда «Сійски пески» *) обратятся въ кровь и потекутъ рѣками, что подкрѣпляютъ тѣмъ, будто одинъ изъ трехъ китовъ, на которыхъ держится земля, уже умеръ; что въ послѣднее время «скончанія вѣка» на землѣ явится всякаго рода зло и будетъ увеличиваться до «свѣта-преставленія къ всемірному страшному суду Божію» (воскресенію), «сему бо царству расшириться, а злодѣйству умножитися. Охъ, увы!».....

Переходимъ къ свѣдѣніямъ о раскольникахъ, живущихъ въ Кѣхотскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, доставленнымъ священникомъ Вахрамѣевымъ.

Между жителями Кѣхотскаго прихода, по духовной росписи, значится раскольниковъ мужескаго 7-мь, женскаго 44 человѣка и вновь отпадшихъ, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ и не бывшихъ подъ судомъ за отпаденіе отъ православныя вѣры, мужескаго 7-мь, женскаго 40 человѣкъ. Всѣ раскольники безпоповщинскаго толка Ѳедосѣевской секты. У нихъ, какъ и у другихъ безпоповщинскихъ сектъ, только два таинства: крещеніе и покаяніе. Православное крещеніе, по ихъ мнѣнію, не есть крещеніе, а паче скверненіе, и потому необходимо нужно перекрещиваться, и послѣ перекрещиванья простятся всѣ грѣхи, какъ содѣланные, такъ и будущіе; безъ ихъ крещенія никому нельзя спастись. Но кто у нихъ креститъ, не сказываютъ,—даже и православные не проговариваются? Сами раскольники говорятъ, разумѣется, предъ священникомъ, что они не крестятся и не кому крестить перешедшихъ къ нимъ, или же сказываютъ, что крещены въ младенчествѣ, или такимъ лицемъ, котораго нѣтъ въ живыхъ. Есть правда въ Чевакинской деревнѣ раскольникъ крестьянинъ Илья Сидоровъ, который занимается требоисправленіемъ въ своей деревнѣ и въ Княжестровскомъ приходѣ, а въ Кѣхтѣ ему не совсѣмъ довѣряютъ;—развѣ въ крайности,—и то правда, что безъ крайней нужды мало и крестятся,—а всегда въ болѣзни сильной или послѣ болѣзни. Въ теченіе 13-ти лѣтъ, я замѣчалъ, что всѣ раскольники, отпадшіе въ это время, отпадали послѣ болѣзни, особенно мущины, и послѣ исповѣди православному священнику, и пріобщенія Святыхъ Таинъ, какъ бы сознавая необходимость этихъ важнѣйшихъ таинствъ святой церкви, или—въ болѣзни болѣе дѣйствуютъ раскольники. Извѣстно, что они стараются особенно увлечь зажиточныхъ; и, если видятъ, что тотъ не *поддается имъ* то выжидаютъ его болѣзни и не отстаютъ отъ него до самой смерти, если не прямо сами то черезъ родныхъ и рѣшаются крестить тогда, когда человѣкъ теряетъ сознаніе. *) Крестятъ же старухи рас-

*) Песчанное пространство на трактѣ отъ Селецкой станціи въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

*) Одинъ крестьянинъ, умершій въ 1857 году, былъ исповѣданъ мною и пріобщенъ Святыхъ таинъ за недѣлю до смерти, и увѣщанъ сохранить Святую Вѣру до конца жизни, зная,—что ему будетъ сильное искушеніе отъ раскольниковъ. По смерти

кольницы.—Думаю, что рѣшаются и на это—по своей смѣлой дерзости, если не мущины то женщины. Что касается до исповѣди, то завѣрное выдаю, что старухи раскольницы исповѣдываютъ за явные грѣхи,—особенно за *смѣшеніе*, то есть когда раскольникъ или раскольница соединяются съ православными, *въ пищѣ и питіи*, или участвуютъ и благословляютъ дѣтей при бракахъ,—да кажется за этотъ одинъ только грѣхъ и полагается явная эпитимія при собраніяхъ; а до того съ таковыми не ѣдятъ и не молятся вмѣстѣ. Бракъ православной церкви признаютъ законнымъ,—и предъ бракомъ, если священникъ потребуетъ, чтобы лице неправославное было исповѣдано и пріобщено Святыхъ Таинъ, то не отказываются отъ исполненія этого; а кто не желаетъ соединиться съ православною церковію, тотъ и остается *безбрачнымъ*. Впрочемъ раскольниковъ, вступающихъ въ бракъ, очень мало;—уклоняются въ расколъ болѣе въ годахъ пожилыхъ; а до тѣхъ поръ ходятъ въ православную церковь, даже исповѣдываются и пріобщаются Святыхъ Таинъ хоть изрѣдка.

Раскольники называютъ себя *христіанами старовѣрами* и *по вѣрѣ*—такъ называютъ ихъ и другіе; а случается въ насмѣшку величаютъ ихъ и *купанцами*. Впрочемъ они вообще пользуются уваженіемъ;—для этого-то уваженія нѣкоторые и уклоняются въ расколъ;—а бѣдные уклоняются для того, чтобы болѣе получать пособія въ жизни и пользоваться подаяніемъ по смерти богатыхъ раскольниковъ.

Слободскій раскольническій скитъ.

Къ Кѣхотскому приходу относится слободскій раскольническій скитъ. Онъ основанъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ,—отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ. Озеро это въ длину до 7—верстъ, а въ ширину 1 верста и болѣе;—изъ него вытекаетъ рѣчка Кѣхта,—очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыболовъ; къ нему поселился бѣглый солдатъ; къ нимъ то двоимъ и начали селиться и другіе—какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ поселился къ нему одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣпняковъ изъ Петербургскихъ артельщиковъ; онъ много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольникомъ Зеленковымъ, который для этой цѣли послалъ ему заразъ будтобы 40 тысячъ рублей. Теперь *послѣ строгаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 жилыхъ келій, въ которыхъ живетъ старыхъ изданна поселившихся 14 старцевъ*; старики всѣ вымерли, впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человѣкъ, мущинъ было не много, не болѣе 5 человѣкъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мущинъ и 4 женщины. *)

Среди скита находится отдѣльная деревянная молельня; она построена въ 1788 году; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины—мужскую и женскую;—иконостасъ составленъ большею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора; иконы занимаютъ мѣста, не по изображенію на нихъ и не по достоинству письма,—а по древности письма *и по принадлежности*, предъ ними большею частію возжигается масло, а также и восковыя свѣчи, которыя есть и въ продажѣ. Въ молельню собираются всѣ каждодневно, по три раза—къ утрени, часамъ и вечернѣ, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псаломовъ и молитвъ, и поченій изъ сборниковъ и пролога. — Поютъ панихиды и молебны, читаютъ псалтирь по умершимъ и о здравіи живыхъ;—читаютъ всѣ посмѣнно и грамотные, и неграмотные, — неграмотные исполняютъ свои часы вмѣсто чтенія поклонами. Вѣрованіе въ скитѣ то же, — что и въ приходѣ, то есть, *Ѳедосѣевское согласіе*, и потому одни другихъ поддерживаютъ и матеріально и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольницы изъ деревень уѣзжаютъ въ скитъ на нѣсколько недѣль, — особенно въ великій постъ; а на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху пріѣзжаетъ много раскольниковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольники сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаяніемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ—Петербурга и Архангельска.

его слухъ разнесся, что его окрестили. Но какъ окрестили?... Такъ же послѣ напутствія одного старичка, тоже уже умершаго, желая узнать его твердость вѣры, я спрѣсилъ: —а что А. М. вѣдь и ты крестишься?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—развѣ окрестятъ такъ, какъ окрестили Л. М.; и по просьбѣ моей за тайность разсказалъ мнѣ,—что онъ хотя самъ и не видѣлъ, а слышалъ за вѣрное отъ своего зятя,—сосѣда покойнаго Л. М. и бывшаго при крещеніи его,—что его вытащили изъ тони мертвымъ,—значитъ крестили насильно,—безъ его воли и едвали не мертваго?

*) Не знаю, есть ли какое основаніе,—вновь селиться въ скиты? А Кѣхотское Волостное Правленіе, вмѣсто того, чтобы стараться объ уничтоженіи, населяло оный—выдавая вновь населяющимся въ оный на жительство виды, которые вѣдомо было сельскимъ управленіемъ выдать въ доказательство принадлежности раскольниковъ къ волости, и для отличія ихъ отъ всѣхъ посторонникъ и другихъ сословій; такъ въ 1853 году высланы были изъ скита Архангельскій мѣщанинъ съ женою и дочерью, —отставной солдатъ и солдатская дочь.

По зимѣ старухи прядутъ, а помоложе ткутъ полотна, старымъ пособляютъ ткать родственницы изъ прихода; по лѣту садятъ по немногу картофель, рѣдьку, лукъ, морковь, брюкву и сѣютъ рѣпу; — ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами и собираютъ довольно морошки, которую и продаютъ.

Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, — но только по лѣту и по осени; пока не промерзнутъ болота и ручьи, пѣшеходное.

Расколъ въ Сумскомъ посадѣ болѣе распространенъ между женщинами, чѣмъ въ мужскомъ населеніи. Сумляне почти всѣ заражены расколомъ. Онѣ называютъ себя христіанами старовѣрами; а православныхъ мірскими, Никоновцами и щепотниками.

Сумскіе раскольники Филипповскаго толка; они помѣшаны на убѣжденіи, что «которая вѣра гонима, та и права.» Удержаніе ихъ правительствомъ отъ совращенія въ расколъ они признаютъ за гоненіе. Главныя различія съ православными у Сумлянъ заключаются въ слѣдующемъ: а) Они признаютъ двухъ-перстный старообрядческій крестъ, называя его истовымъ. Въ немъ нѣкоторые изъ раскольниковъ понимаютъ соединеніе въ числѣ Божества и человѣчества; другіе же, ничего не зная, думаютъ только, что такъ лучше и потому этому двуперстному сложенію отдаютъ святость, говоря: «такъ святые отцы молились и спаслись.» Трехперстнымъ же сложеніемъ, какъ они выражаются, можно только нюхать табакъ, а отнюдь не молиться. б) Они убѣждены, что хожденіе вокругъ купѣли, при совершеніи крещенія, дѣлается не съ той стороны. в) Они вѣрятъ, что многія слова въ молитвахъ умышленно измѣнены какъ напримѣръ: въ молитвѣ «Богородице Дѣво радуйся» вмѣсто «благодатная» употребляютъ «обрадованная» Матерь Марія, «въ седьмомъ членѣ символа Вѣры «Его же Царствію не будетъ конца» удерживаютъ «нѣсть конца», оспариваютъ, что Іисусъ неправильно произносится и пишется; «правильно «Исусъ», Іисусъ же есть сынъ Іосифовъ.» г) Проскомидію слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, совершать на семи просфорахъ, и д) не ѣдятъ изъ одной посуды съ православными и поклоняются особымъ иконамъ, для чего каждая баба-раскольница имѣетъ за печкою свой особенный образъ. При моленіи употребляютъ лѣстовки и подстилаютъ передъ собою на полъ платокъ; или сшитую подстилку, дѣлая на нее земные поклоны. При этомъ раскольники держатся страннаго предразсудка, по которому, молясь Богу, должно имѣть на себѣ поясъ ниже пупа.

На патріарха Никона, существуетъ между ними, наслѣдственная злоба и много, страшныхъ на него наговоровъ, напримѣръ, говорятъ, въ исправленіи книгъ Никону помогалъ нѣкто Арсенко, по воображенію раскольниковъ, нѣчто въ родѣ злаго духа.

Не позволяютъ себѣ изъ прихотей курить или нюхать табакъ и пить кофе. Пьютъ чай и не чужды вина, но очень воздержны въ послѣднемъ.

Расколъ въ Сумѣ получилъ свое начало въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія отъ родственной связи одного Сумскаго семейства съ раскольничьимъ семействомъ деревни Сороки.

Почти въ одно и тоже время въ деревушку Пертозеро за 15-ть верстъ отъ Сумы поселилась закоренѣлая раскольница, вдова прапорщика Анна Карташева съ сыномъ и дочерью. Карташева въ короткое время успѣла собрать около себя приверженцевъ раскола и образовала скитъ. Зимою она выѣзжала въ Суму и проповѣдывала гонимую вѣру, за что и получила названіе матушки-наставницы о душевномъ спасеніи.

Карташева по отзывамъ образованныхъ людей, не говоря уже о раскольникахъ, была женщина умная, много начитанная, въ догматахъ вѣры столь убѣдительная, что возражать ей на нихъ нужно человѣку, спеціально знакомому съ богословскими науками. Къ тому же она, говорятъ, имѣла необыкновенно осмысленныя и правильныя черты лица. По всему этому она отлично могла дѣйствовать не только на довѣрчивыхъ женщинъ, но и на мущинъ. Умирая на Пертозерѣ, Карташева завѣщала продолжать начатое ею дѣло дочери своей, которая вполнѣ исполняла волю матери.

При Холмовской церкви Лисестровскаго прихода, въ Мало-Лахонскомъ скитѣ, или выселкѣ, есть раскольники — Даниловскаго толку. Въ сей мѣстности они завелись издавна и поселились при рѣкѣ Илоссѣ, и по западную сторону Холмовскаго озера. Какъ и откуда пришли сюда первые поселенцы, за давностію времени и понесмѣнію вѣрныхъ объ нихъ свѣдѣній, неизвѣстно. Въ семъ выселкѣ находится молельня, въ которой они прежде отправляли по старопечатнымъ книгамъ заутреню, часы и вечерню. Но нынѣ, по отобраніи сихъ старинныхъ книгъ и обрядныхъ принадлежностей мѣстнымъ исправникомъ въ 1853 году, службы въ сей молельнѣ не отправляются. Наставникомъ у нихъ прежде былъ изъ ихъ среды крестьянинъ. Заблужденія въ вѣрѣ состояли, въ непризнаніи за истинныхъ пастырей правильно поставленныхъ священниковъ, и служащихъ не по старопечатнымъ книгамъ; а также въ непризнаніи брака, совершеннаго священникомъ, за истинный. Между тѣмъ какъ самъ наставникъ ихъ живетъ съ дѣвкою, не вѣнчанною съ нимъ православнымъ священникомъ, и другихъ влечетъ къ тому же заблужденію. Впрочемъ дѣтей незаконно прижитыхъ подвергаетъ крещенію православнаго священника, и уклоняетъ, когда они придутъ въ возрастъ, отъ исповѣди и Святаго Причастія въ православной церкви. Имѣетъ ли сношенія наставникъ ихъ

съ раскольниками другихъ мѣстъ—неизвѣстно. Инородцевъ здѣсь также неимѣется.

Раскольники, которыхъ въ Тулгасскомъ приходѣ насчитывается до 60 лицъ обоего пола, принадлежатъ къ двумъ главнымъ сектамъ, къ Ѳеодосіевщино-Филиповщинѣ и Авроновщинѣ, которыя въ свою очередь подраздѣлены на толки, носящіе названіе отъ своихъ расколоучителей, такъ напримѣръ: Никифоровщина, Дерягиновщина, Киржавщина и другіе. Всѣ они называютъ себя православными христіанами древняго благочестія,—древле-Восточной церкви; а православные называютъ ихъ старовѣрами и раскольниками. Они появились въ этомъ приходѣ лѣтъ не больше ста назадъ чрезъ совращеніе Кургоминскими и Топецкими расколоучителями; а въ настоящее время поддерживаются ими же и разными изъ поморья проповѣдниками и посланіями. Заблужденія этихъ раскольниковъ состоятъ въ слѣдующемъ: въ православной церкви царствуетъ теперь антихристъ чувственно; второе пришествіе Христово будетъ черезъ годъ, а много черезъ два; православные храмы построены на седмиглавомъ звѣ и суть обиталище антихриста, потому лучше ходить въ кабакъ, или еще хуже куда, чѣмъ въ нихъ. Священники слуги антихристовы, потому ихъ слушать не слѣдуетъ, что бы они ни говорили. Чиновники, особенно пристава, суть приставники антихристовы. Солдаты и всѣ военные чины—воинство антихристово. Уважаютъ и молятся преимущественно мѣднымъ иконкамъ; любятъ иконы старинной живописи, по этому, проходя мимо церквей:—церкви святаго Климента, молятся, такъ какъ въ ней иконостасъ старинной живописи, а церкви святаго Власія не молятся—иконостасъ новый. Всѣ седмь церковныхъ таинствъ называютъ еретическими, антихристовыми, на томъ основаніи, что они совершаются печатію антихристовою, а не истиннымъ крестомъ (ихъ сложеніемъ перстовъ для крестнаго знамени), а потому ихъ и принимать не слѣдуетъ, напримѣръ, лучше жить блудно, чѣмъ ходить въ церковь вѣнчаться. Перекрещивать въ настоящее время можетъ всякій—старикъ, муцина пожилыхъ лѣтъ, старуха, женщина и дѣвка, и перекрещиваніе имѣетъ силу снимать всѣ грѣхи, какъ чешую.

Съ православными вмѣстѣ не молятся и не ѣдятъ. Ѣдятъ и пьютъ на своемъ столѣ и изъ своей посуды, изъ которой лучше дать поѣсть и напиться собакѣ или кошкѣ, чѣмъ человѣку не ихъ вѣры. Молятся, не дотрогиваясь земли, для чего у каждаго раскольника есть такъ называемый подручникъ (маленькая подушечка). Каждый толкъ раздѣляется на три категоріи—чашки большую, среднюю и малую. Принадлежащіе къ первой чашкѣ называются прочими святыми и уважаются не только своей братіей, а даже православными, и потому живутъ въ особыхъ домикахъ, не молятся вмѣстѣ съ принадлежащими къ остальнымъ двумъ чашкамъ и не ѣдятъ съ ними изъ одной посуды и за однимъ столомъ. Ложе ихъ голый полъ или каменья.

Большечашники считаютъ за большой грѣхъ встрѣтиться со священникомъ, а съ православнымъ при встрѣчѣ здороваться. Строго содержатъ вообще всѣ посты въ пищѣ, а не въ употребленіи. Подобно золоту хранятъ, читаютъ и слушаютъ старопечатныя книги и разныя бредни расколоучителей. Новыхъ книгъ, особенно журналовъ и газетъ, совсѣмъ не слушаютъ. Не почитаютъ четыреконечнаго креста и изображенія Распятаго на немъ.

Сношеніе Тулгаскіе раскольники имѣютъ съ Кургаминскими, Топецкими и Заостровскими, а чрезъ нихъ съ Поморскими, но дѣла, касающіяся вѣры или избранія попа, рѣшаются на сходбищахъ, которыя бываютъ преимущественно въ Топсѣ. Къ Кургаминскимъ расколоучителямъ обращаются раскольники изъ нижняго конца Тулгова, къ Топецкимъ изъ верхняго, къ Заостровскимъ изъ одного дома Большаго Коневаловскаго села по той причинѣ, что раскольники того же дома Авроновцы съ первыми немолящіеся и невкушающіе, потому что допускаютъ бракъ. Раскольниковъ Нижняго конца наставникъ Кургоминскій крестьянинъ Никифоръ (фамиліи не знаю), который на недавнемъ сходбищѣ едва ли не отставленъ; Верхняго Топецкаго—Дерягинъ.

Вотъ все, что я знаю касательно раскольниковъ Тулгасскаго прихода, замѣчаетъ г. Макаровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Глава I. Общія свѣдѣнія о населеніи: Изъ какихъ мѣстъ получены свѣдѣнія?—Тулгасскій приходъ.—Село Усть-Пуй.—Курейско-Сергіевскій приходъ.—Хаврогорскій приходъ.—Челмохотскій приходъ.—Кѣхотскій приходъ.—Лисестровскія селенія.—Поселки на Зимнемъ Берегу.—Сумскій посадъ. Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ.—Пинежскій уѣздъ.—Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи . . . . . I—13

Глава II. Внѣшняя обстановка: Программа для собиранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.—Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищахъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, оклады избъ, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, солныша, палати, окна, украшеніи, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственныя службы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для спанья, для стирки бѣлья; домашняя утварь и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ дворовъ и усадебъ, представленные А. Шадринымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пуѣ, доставленныя свящ. Ст. Меѳодіевымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія свящ. П Павлова о постройкахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія свящ. А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингишахъ.—Свѣдѣнія свящ. В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же свящ. І. Гдѣбовскаго въ Челмохотскомъ приходѣ.—Такія же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленныя г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія свящ. Ѳедорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія свящ. Владимірца Розанова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотицѣ . . . . . 14—48

Глава III. Одежда и обувь: Свѣдѣнія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и вседневной, о головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обувѣ.—Одѣянія: въ Усть-Пуѣ,—въ Тулгасскомъ,—Хаврогорскомъ и Челмохотскомъ приходахъ,—въ с. Пингишахъ,—въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ,—въ Зимней Золотицѣ,—въ Кѣхотскомъ приходѣ,—въ Сумскомъ посадѣ . . . . . 49—66

Глава IV. Пища и питье: Крестьянская ѣда въ Пинежскомъ уѣздѣ: время ѣды, пища постная и скоромная, повседневная и праздничная, напитки, лакомства.—Употребленіе табаку. Пища и питье въ Усть-Пуѣ, въ Тулгасскомъ, Челмохотскомъ приходахъ, въ селѣ Пингишахъ, въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ, въ Сумскомъ посадѣ . . . . . 67—73

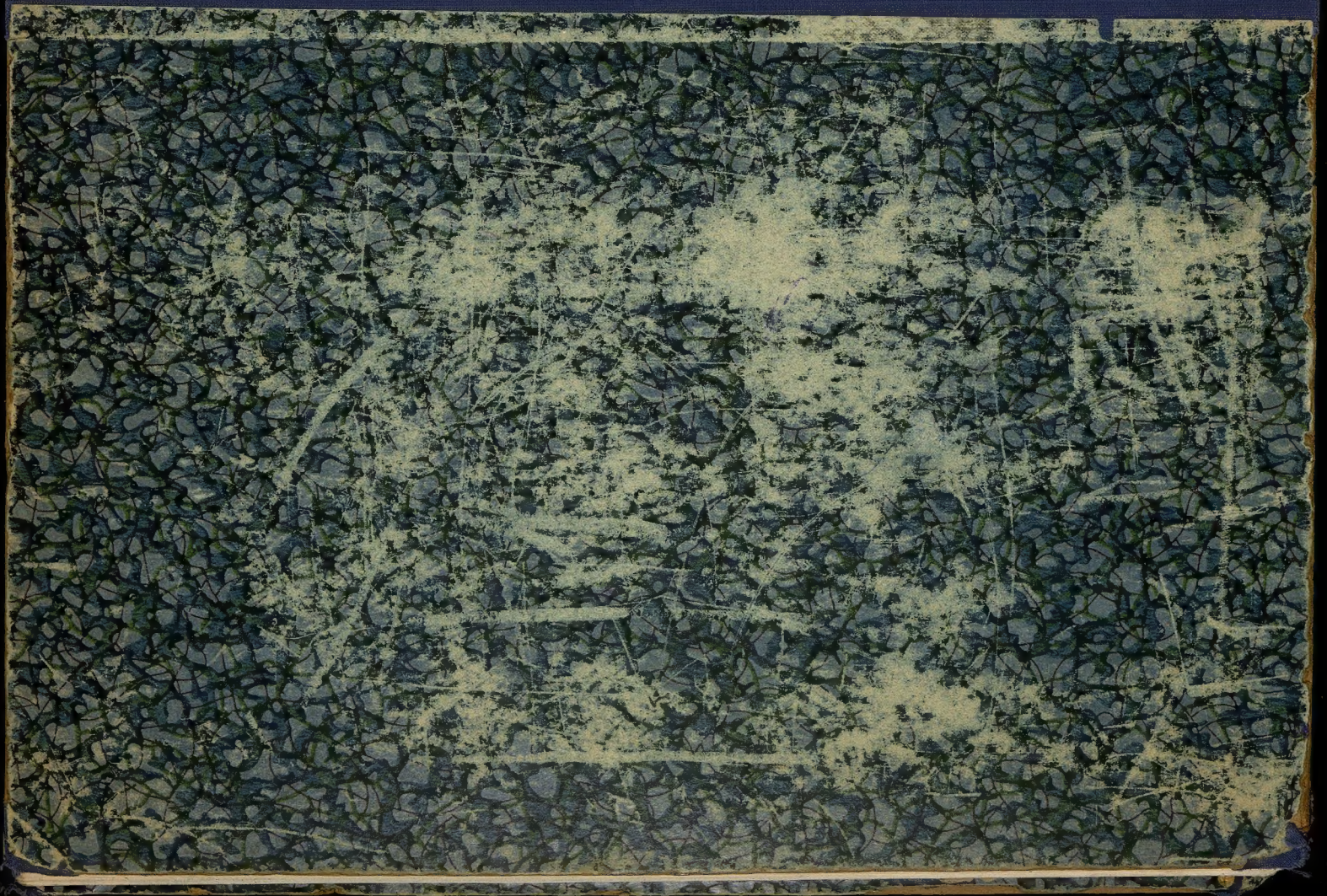
Глава V. Свадебные обряды: Общее описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, составленное П. А. Ивановымъ.—Свадьба въ селѣ Сурѣ, Бирючевской волости, того же уѣзда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.—Три свадебныя причитанія: два изъ Пинежскаго уѣзда и одно изъ Шенкурскаго.—Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ, сообщенное К. Шабунинымъ.—Свадьба въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Дохтуровымъ.—Свадьба въ селѣ Кургоминскомъ, Шенкурскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Сысоевымъ.—Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, сообщенные свящ. Алексѣевымъ.—Свадьба въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, описанная свящ. Колчинымъ.—Свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго и Шенкурскаго приходовъ.—Свадьба на Зимнемъ Берегу Архангельскаго уѣзда, описанная свящ. В. Розановымъ.—Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.—Свадьба въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда.—Свадебные обряды мѣщанъ г. Онеги, записанныя со словъ одной мѣщанки въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе.—Свадьба мѣщанъ г. Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ . . . 74—132

Глава VI. Обряды и игры въ теченіе года: Обычаи, соблюдаемые въ Пинежскомъ уѣздѣ: при полевыхъ работахъ,—при родинахъ, крестинахъ и именинахъ.—Таковые же обычаи въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Пинежскіе обычаи при новосельи, при смерти и похоронахъ.—Похоронные обряды въ Тулгасскомъ, Хаврогорскомъ и Курейско-Сергіевскомъ приходахъ.—Годовыя празднества въ Пинежскомъ уѣздѣ и пріуроченные къ нимъ обычаи: Святки, Крещенье, маслянница, вербница, Свѣтлая недѣля, радуница, весеннія игры и сборища, Егорьевъ день, Троицынъ день, Аграфена-купальница, Иванъ-купала, Петрово заговѣнье и богомолье, круги и хороводы, борода; игры: въ столбы, въ пары;—кануны, братчины, конный праздникъ, Ильинъ день, Спасовъ день, Рождество и Покровъ Богородицы, вечеринки и игры на онныхъ, бесѣды, день Пятницы-Параскевы, Филипповки, посидки и супрядки съ ихъ играми; Никола зимній, день Рождества Христова и Новый годъ, славленье, виноградіе.—Повседневныя игры и забавы: скопки, золото, въ имки, въ шопотки, хохлы, качели, скаканье, въ мячъ, изъ-за сухой

Стран.

тески, въ Самоѣды, кружалами, въ жернова, катанье, въ бабки, въ орлянку, изъ-за попа, въ рюхи, въ бѣлые, въ прятки.—Обрядъ „бороды“ въ Усть Пуѣ.—Народныя игры въ Тулгасскомъ приходѣ.—Народныя увеселенія въ Сумскомъ посадѣ.—Святочные обряды тамъ же.—Праздники въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Обряды при закладкѣ дома и при входѣ въ него на житье тамъ же.—Нѣкоторые обряды въ Хаврогорскомъ приходѣ . . . . 133—159

Глава VII. Нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты: Общая характеристика нравственной природы Архангельскаго населенія вообще и Пинежскаго въ особенности.—Вліяніе суровой природы и скудной обстановки на нравы жителей.—Замкнутость и молчаливость сѣвернаго человѣка.—Формы обращенія къ другимъ людямъ.—Положеніе женщины.—Воспитаніе дѣтей.—Ученіе.—Чтеніе грамотѣевъ.—Вѣрованія Пинежанъ.—Нечистая сила и жертва для борьбы съ ней.—Лѣшій и разсказы о немъ.—Домовой и дворовый хозяйнушко.—Нѣжить.—Байнушко.—Водяной.—Баба-яга.—Знахари, колдуны.—Ворожба.—Гаданія и разные виды ихъ.—Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ. Народныя представленія о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, молніи, дождѣ, землѣ, водѣ.—Клады.—Повѣрья о животныхъ.—Суевѣрныя примѣты.—Вѣрованія жителей Тулгасскаго прихода.—Представленія ихъ о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ,—о землѣ и подземныхъ царствахъ, знахаряхъ, богатыряхъ, о животныхъ и растеніяхъ, о нечистой силѣ, о человѣкѣ.—Сельскохозяйственныя и другія примѣты, суевѣрія и гаданія.—Повѣрья, гаданія и примѣты жителей Курейско-Сергіевскаго прихода.—Повѣрья жителей Зимняго Берега.—Гаданія жителей Сумскаго посада.—Повѣрья жителей Хаврогорскаго прихода . . . . 160—196

Глава VIII. Народное врачеваніе: Свѣдѣнія о народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи, сообщенныя врачемъ Липницкимъ: Архангельскіе знахари и знахарки, собираемыя ими травы, способы лѣченія, средства противъ разныхъ болѣзней; взглядъ народа на происхожденіе болѣзней, участіе колдовства въ лѣченіи ихъ, икота и икотницы.—Свѣдѣнія о простонародномъ врачеваніи въ Шенкурскомъ уѣздѣ, доставленныя фельдшеромъ Костылевымъ; болѣзни отъ духа, отъ порчи, отъ животныхъ, отъ самого себя.—Свѣдѣнія о народной медицинѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ, собранныя П. А. Ивановымъ: причины болѣзней, лѣчебныя средства, икота и икотницы.—О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ священника Гагѣбовскаго.—Какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни молятся въ разныхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи . 197—210

Глава IX. Расколъ среди сельскаго населенія: Свѣдѣнія, сообщенныя П. А. Ивановымъ, о раскольникахъ Пинежскаго уѣзда: причины успѣховъ раскола, мѣста его наибольшаго распространенія, число раскольниковъ въ 1841—1865 годахъ, ихъ книги, иконы, перстосложеніе, обряды во время молитвословія, богослуженіе, пѣніе, посты, заѣзжіе лжепастыри, отходъ въ расколъ, браки, погребеніе, отношенія къ православнымъ, брадобритіе, пища и питье, табакъ, посуда, стряпня, одежда, занятія, ожиданіе антихриста и скончанія міра.—Свѣдѣнія, доставленныя свящ. Вахрамѣевымъ, о раскольникахъ Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда: число ихъ, совлеченіе православныхъ въ расколъ, отношеніе къ православной церкви.—Слободскій раскольническій скитъ.—Расколъ въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ г. Шешенина.—Свѣдѣнія о раскольникахъ въ Лисестровскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, сообщенныя свящ. Ѳедоровымъ.—Свѣдѣнія свящ. Макарова о раскольникахъ въ Тулгасскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда . . . . 211—221